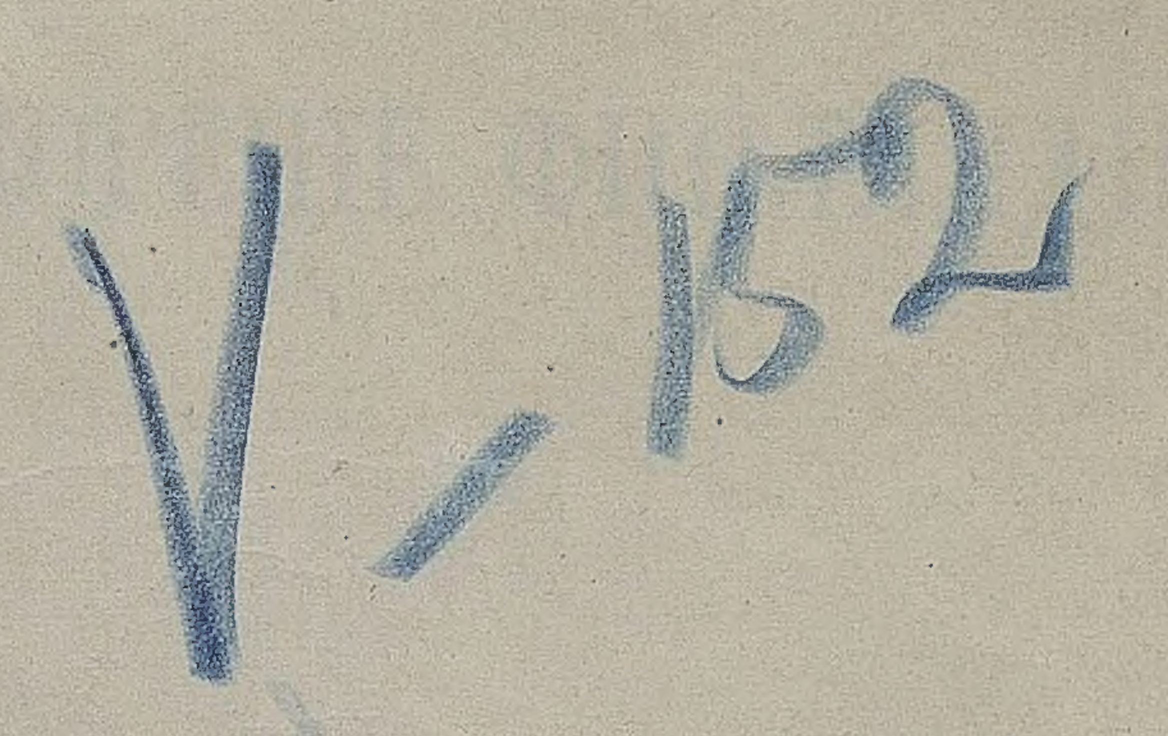

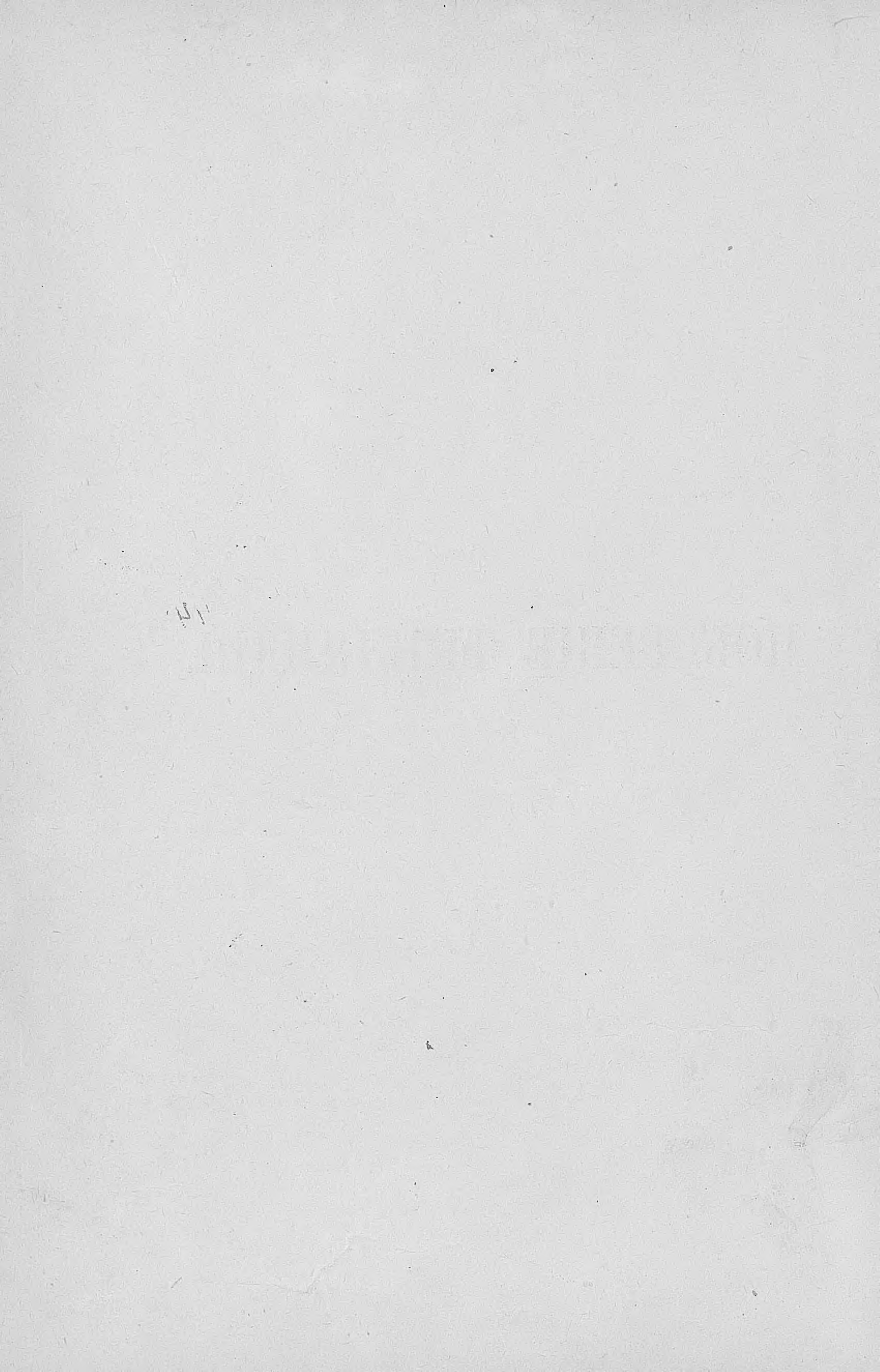
DK
330 Финл.
O-65
Ордин К.
Покорение
Финляндии.
т. 1., 1889

211

1331

V - 152

ПОКОРЕНІЕ ФИНЛЯНДІИ.

ПОКОРЕНІЕ ФИНЛЯНДІИ.

ОПЫТЪ ОПИСАНІЯ ПО НЕИЗДАННЫМЪ ИСТОЧНИКАМЪ.

К. ОРДИНА.

Императорскою Академіею Наукъ удостоено преміи Митрополита Макарія.

«La Finlande était nécessaire à la Russie. C'était le projet de Pierre I, qui sans cela n'aurait pas placé la capitale là, où elle est».

Изъ отвѣта посла графа Шувалова Наполеону I. (Т. II, стр. 5).

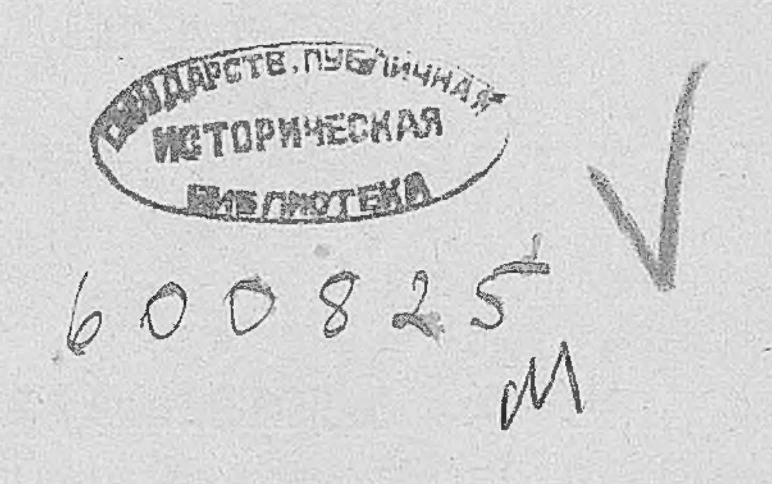
«Надѣяться могутъ вспоможенія во всемъ согласно съ пользою нашей Имперіи».

Слова Императрицы Екатерины II финляндскому депутату Егергорну. (Т. I, стр. 168).

ТОМЪ I

съ картою Финляндіи.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, д. 39).
1889.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ТОМА I.

Глава III. Шведская война при Екатеринѣ Великой.

Глава IV. Кампанія 1788 г.

Глава V. Аньяльская конфедерація.

Глава VI. Аньяльская конфедерація (окончаніе).

Стр. 220—248.

Глава VII. Шведская война 1788—1790 гг.

Стр. 249—285.

Глава VIII. Верельскій миръ.

Глава IX. Баронъ Спренгтпортенъ.

Глава X. Шведская кампанія 1808 г.

Глава XI. Кампанія 1809 г.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Политическія отношенія Россіи и Финляндіи безспорно принадлежатъ къ числу тѣхъ предметовъ, о которыхъ мы, Русскіе, имѣемъ весьма неопредѣленное представленіе.

Причина такого рода неопредѣленности лежитъ прежде всего въ томъ, что не только вопросъ объ отношеніяхъ Финляндіи и Россіи, но и сама исходная ихъ точка, само первоначальное событіе— покореніе Финляндіи—вовсе не изслѣдовано русской наукой, и матеріалы для того остаются подъ спудомъ. Между тѣмъ съ другой стороны, съ финской, образовалась уже по этому предмету на шведскомъ и другихъ иностранныхъ языкахъ цѣлая литература, которая съ примѣрнымъ единодушіемъ проводитъ понятія ею вырабатываемыя и укореняетъ ихъ въ общемъ сознаніи не только у себя дома, но и за границей, и даже у насъ.

Уже болѣе 15-ти лѣтъ назадъ профессоръ гельсингфорскаго университета *Ю. Коскиненъ*, нынѣ членъ финляндскаго сената, написалъ «Исторію Финляндіи», переведенную на нѣмецкій языкъ и изданную въ 1874 г. въ Лейпцигѣ фирмою Duncker & Humblot. Въ этой книгѣ весь послѣдній отдѣлъ наименованъ: «Финляндія какъ государство въ уніи съ Россіей—Finland als Staat in Verband mit Russland». На 60-ти страницахъ развивается эта теорія, какъ выводъ изъ событій сопровождавшихъ покореніе Финляндіи при Александрѣ I и въ особенности изъ боргоскаго сейма 1809 г. Учебникъ исторіи профессора Коскинена по постановленію одного изъ недавнихъ сеймовъ, пріобрѣтенъ въ національную финляндскую собственность и принятъ для народныхъ школъ. Легко видѣть по этому его значеніе.

Поощренный успѣхомъ, г. Коскиненъ въ 1882 г. издалъ въ Гельсингфорсѣ, на финскомъ и французскомъ языкахъ, средствами мѣстнаго Историческаго общества, переписку перваго русскаго генералъ-губернатора Финляндіи Спренгтпортена. Предисловіе къ книгѣ, на французскомъ языкѣ, начинается словами: «Ничего нѣтъ отраднѣе для патріотическаго чувства, какъ начало организаціи Финляндіи въ качествѣ *особаго государства* (état séparé)». Спренгтпортенъ восхваляется здѣсь какъ политическій дѣятель, «который съумѣлъ отвратить отъ отечества (Финляндіи) опасности владычества основаннаго на побѣдахъ». Еще далѣе г. Коскиненъ называетъ Спренгтпортена первымъ генералъ-губернаторомъ «независимой Финляндіи (de la Finlande indépendante)». Напечатанныя въ этой книгѣ бумаги относятся къ небольшому періоду времени въ концѣ 1808 и въ первой половинѣ 1809 г., т. е. также ко времени боргоскаго сейма и предшествовавшей ей финляндской депутаціи вызванной въ Петербургъ.

Вмѣстѣ съ г. Коскиненомъ слѣдовала цѣлая плеяда шведофинскихъ писателей. *Р. Кастрéнъ*, въ своихъ «Очеркахъ новѣйшей исторіи Финляндіи»—по-шведски; *Бергъ*, въ послѣдовательныхъ выпускахъ изданія «Наше управленіе»—также по-шведски; *М. Монгоммери*, другой членъ гельсингфорсскаго сената, въ «Замѣткахъ о законодательныхъ работахъ финляндскаго сейма»—по-французски; *Л. Мехелинъ*, также членъ сената, въ предисловіи къ изданію «Основныхъ законовъ Финляндіи»—по-шведски, а въ послѣднее время въ «Основахъ публичнаго права Финляндіи»—по-французски; профессоръ гельсингфорсскаго университета *Даніэльсонъ* въ разныхъ статьяхъ, и многіе другіе, также какъ и мѣстныя шведскія газеты,—всѣ болѣе или менѣе подробно развиваютъ и упрочиваютъ въ обществѣ теорію г. Коскинена. Къ нимъ присоединяются въ послѣднее время и изданія для низшихъ классовъ населенія. Газета на финскомъ языкѣ *Päiven Uutiset* (новости дня), основанная въ 1887 г., въ программѣ своей объявляетъ: «по нашему убѣжденію будущность нашего народа зависитъ отъ того, чтобы всѣ слои его *научились* живо сознавать, какое особенное значеніе для будущаго Финляндіи, *какъ самостоятельнаго государства*, *существующаго на ряду съ Россіей*, имѣетъ поддержка и

развитіе въ ней представительнаго устройства». Наконецъ новѣйшая книжка *Эдв. Берга*, подъ заглавіемъ: «Развитіе государственнаго права Финляндіи съ 1808 г.» (на шведскомъ языкѣ), по сознанію самого автора, имѣетъ прямою цѣлью воздѣйствіе въ указанномъ направленіи на учащуюся молодежь.

Отличительная черта всѣхъ упомянутыхъ изслѣдованій заключается въ томъ, что они почти вовсе устраняютъ русскіе государственные акты и ставятъ въ основу своихъ теорій собственное описаніе и толкованіе событій 1808—9 гг., т. е. той именно эпохи, которая русскими изслѣдователями вовсе еще не тронута.

Настоящій трудъ представляетъ собою попытку изложить эти событія главнымъ образомъ по русскимъ источникамъ. Благодаря сочувственному и благосклонному отношенію къ такой задачѣ со стороны нѣкоторыхъ высшихъ правительственныхъ лицъ, авторъ могъ воспользоваться неизданными матеріалами государственнаго и другихъ архивовъ, какъ въ Петербургѣ, такъ и въ Москвѣ. Главнѣйшее вниманіе привлекаютъ конечно упомянутыя событія послѣдней шведской войны; имъ и посвящены двѣ главы I тома и весь II томъ. Но составитель призналъ нелишнимъ расширить рамки своего труда. Люди, игравшіе видную роль въ ту пору, были дѣятелями и во время шведской войны при Екатеринѣ II, особенно же въ заговорѣ 1788 г., имѣвшемъ цѣлію отдѣленіе Финляндіи отъ Швеціи. Ихъ послѣдующія дѣйствія были отголосками тогдашнихъ мыслей и плановъ. Поэтому казалось полезнымъ отступить въ глубину исторіи и съ нѣкоторою подробностію остановиться на Екатерининской войнѣ, особенно же на упомянутомъ заговорѣ, извѣстномъ подъ именемъ Аньяльской конфедераціи: московскіе архивы министерства иностранныхъ дѣлъ дали для того, равно и для описанія Верельскаго мира, заключившаго войну, много неизвѣстнаго еще въ печати матеріала. А для полноты общаго представленія объ отношеніяхъ Россіи и Финляндіи изложены кратко и предшествовавшія войны и событія временъ Императрицы Елизаветы и Петра I, также какъ и древнѣйшій періодъ нашей исторіи, коимъ посвящены первыя двѣ главы очерка. Авторъ нашелъ кромѣ того нелишнимъ удѣлить особую главу упомянутому выше барону Спренгтпортену, какъ лицу имѣвшему

несомнѣнное и большое вліяніе на русско-финляндскія дѣла и при Екатеринѣ II и при Александрѣ I. Описаніе завершается переговорами, которые привели къ заключенію въ 1809 г. мирнаго трактата съ Швеціей, отдавшаго Финляндію окончательно въ собственность Россіи. И здѣсь государственные архивы дали не мало новаго, интереснаго матеріала.

Предлагаемый историческій очеркъ Покоренія Финляндіи представляетъ первую самостоятельную попытку по сему вопросу; онъ несвободенъ поэтому отъ многихъ недостатковъ. Къ числу ихъ можно отнести нѣкоторыя полемическія соображенія; авторъ желалъ бы отчасти оправдаться въ нихъ тѣмъ, что противорѣчіе толкованій иныхъ писателей съ историческими фактами дѣлало такія соображенія неизбѣжными; самые эти факты, оставаясь до нынѣ въ сыромъ, необработанномъ видѣ, невсегда представляются очевидными.—Тѣмъ не менѣе новый матеріалъ, какъ въ самомъ текстѣ и въ выноскахъ, такъ и въ Приложеніяхъ, быть можетъ удостоится вниманія читателей. За этотъ вкладъ въ русскую науку составитель особенно обязанъ глубочайшею признательностію: г. директору московскаго главнаго архива, дѣйств. тайн. сов. барону Ѳ. А. Бюлеру, г. директору Императорской публичной библіотеки дѣйств. тайн. сов. А. Ѳ. Бычкову, помощнику его, тайн. сов. Л. Н. Майкову, а также старшему дѣлопроизводителю архива министерства иностр. дѣлъ, дѣйст. ст. сов. Н. А. Гюббенету. Ихъ просвѣщенная любовь къ отечественной исторіи дала автору возможность углубиться въ научныя сокровища имъ ввѣренныя. Равнымъ образомъ нельзя не высказать теплаго слова благодарности за полное сочувствіе и предупредительность гг. библіотекарямъ Императорской публичной библіотеки: И. А. Бычкову, В. П. Ламбину, П. А. Соколовскому и К. Ф. Феттерлейну. Безъ ихъ добраго содѣйствія многое осталось бы составителю недоступнымъ и неизвѣстнымъ.

Но чѣмъ сочувственнѣе была помощь со стороны названныхъ учрежденій и лицъ, тѣмъ съ большимъ сожалѣніемъ приходится отмѣтить здѣсь, что одинъ изъ весьма важныхъ въ настоящемъ случаѣ источниковъ—архивъ Статсъ-секретаріата великаго княжества Финляндскаго остался для автора закрытымъ. На просьбу

о доступѣ въ него покойный статсъ-секретарь Брунъ сперва подалъ нѣкоторую надежду, но потомъ отвѣтилъ отказомъ, мотивируя его тѣмъ, что за тѣснотою помѣщенія архивъ статсъ-секретаріата увезенъ въ Гельсингфорсъ. Отъ предложенія же барона Бруна истребовать оттуда нѣкоторыя дѣла по особой вѣдомости составленной въ статсъ-секретаріатѣ, самъ составитель вынужденъ былъ уклониться, тѣмъ болѣе что покойный баронъ свидѣтельствовалъ, что эти дѣла не имѣютъ интереса. За симъ пришлось ограничиться тѣми документами статсъ-секретаріата, которые, находясь нѣкогда въ бумагахъ знаменитаго Сперанскаго, имѣлись у автора въ копіяхъ еще съ прежняго времени. Остается питать надежду, что прочія бумаги этого русскаго государственнаго человѣка, увезенныя изъ Петербурга очевидно по какому-то недоразумѣнію, возвратятся въ цѣлости въ русское государственное хранилище, и сдѣлаются доступными послѣдующимъ, болѣе счастливымъ русскимъ изслѣдователямъ.

Перкіярви, мыза Коккола.
Сентябрь 1889 г.

ГЛАВА I.

Россія и Финляндія до Петра I.

I.

Во времена князей.

Наступленіе христіанской эры застало родоначальниковъ финскихъ племенъ, нынѣ населяющихъ Финляндію, по всей вѣроятности въ Заволжьи, въ той мѣстности гдѣ рѣка дѣлаетъ крутой поворотъ къ югу. Языкъ Мордвы и въ настоящее время имѣетъ значительное сходство съ языкомъ финскимъ. Мордва, по изслѣдованіямъ нѣкоторыхъ историковъ, занимала мѣсто къ юго-востоку; къ сѣверо-востоку—Зыряне и другіе пермскіе народцы. На сѣверо-западъ, вплоть до Скандинавіи, гдѣ ранѣе обитали мифическіе Іотуны, Ятулы, Хіідетъ, Квены и т. п., кочевала та вѣтвь чудскаго племени, которая и донынѣ уцѣлѣла на крайнемъ сѣверѣ подъ именемъ Лопи, Лопарей или Лапландцевъ. Лопь нѣкогда занимала по всей вѣроятности и всю Финляндію, не исключая и южной ея части, такъ какъ тамъ сохранились названія мѣстностей, прямо о томъ свидѣтельствующія [1]). Они

---

[1]) Ближе къ Ботническому заливу есть приходъ *Лаппо*, по-фински lapin pitäjä; на востокъ отъ города Раумо, въ Абоской губерніи, другой приходъ *Лаппо* (lapua) противъ средней части залива, на востокъ отъ Вазы или Николайштата; есть *Лаппфьордъ* недалеко отъ Кристиненштада; *Лапптрескъ*, ближе къ Финскому заливу, на сѣверъ отъ Ловизы; *Лапвеси* приходъ при Саймскомъ озерѣ, близъ Вильманстранда, и пр.

носили и имя Сааме, что говоритъ объ ихъ племенномъ родствѣ съ Финнами, именующими себя Суоми, суомаляйненъ—финляндецъ.

Подъ общимъ именемъ Суоми (Сумь) были извѣстны и Финны, занимавшіе берега Волги. Здѣсь они дѣлились на двѣ главныя вѣтви: Корелы—болѣе на сѣверъ, и Таваcты—южнѣе. Первые такъ именуются и у нашихъ лѣтописцевъ; послѣдніе, по родству съ Эстами, донынѣ существующими на южномъ берегу Финскаго залива, назывались и у шведовъ Тав-эстами, а по-фински *Häme*, откуда у лѣтописцевъ явилась Ямь или Емь [1]).

Вѣроятно движеніе народовъ въ центральной Азіи во второмъ столѣтіи нашей эры коснулось приволжскихъ Финновъ, и они поднялись съ насиженныхъ мѣстъ. Корела двинулась сѣвернѣе, по р. Югу, на берега Сухоны и Двины, а затѣмъ распространилась къ Онежскому, а позднѣе къ Ладожскому озерамъ и далѣе. Таваcты, или Емь, пошли по Волгѣ къ ея верховьямъ и осѣли по южнымъ берегамъ названныхъ озеръ, гдѣ были частію извѣстны подъ именемъ Воти или Чуди [2]). Здѣсь они раздробились на болѣе мелкія племена, причемъ собственно Финны водворились болѣе на западъ, достигнувъ Балтійскаго моря [3]). Собственно Таваcты занимали среднее

---

[1]) Страна близъ нынѣшняго Тавастгуса носитъ и теперь финское названіе Hämeenmaa, т. е. земля Еми или Ями, по-шведски Тавастландъ (Tavastland).

[2]) Имя Чудь служило въ литературѣ предметомъ многихъ споровъ, ибо не извѣстно народа, который самъ называлъ бы себя Чудью. Во всякомъ случаѣ это имя относится съ одной стороны къ финскимъ племенамъ, жившимъ по южную сторону Финскаго залива (Чудское озеро—Пейпусъ), съ другой къ тѣмъ, кои населяли отдаленную Финляндію, какъ видно изъ лѣтописей ниже цитированныхъ, и наконецъ къ сѣверному придвинскому краю.

[3]) Во II вѣкѣ по Р. Х. о Финнахъ на р. Вислѣ упоминаетъ Птоломей, Geographia, III, 5; Тацитъ въ своей Germania, 46, говоритъ о Финнахъ какъ о племени крайне свирѣпомъ, отвратительно бѣдномъ, живущемъ звѣроловствомъ, неимѣющемъ жилищъ, питающемся травой, прикрывающемся шкурами и пр.

положеніе; восточнѣе между Онегою и Бѣлоозеромъ, на обширномъ пространствѣ части нынѣшнихъ новгородской, тверской и ярославской губерній, была Весь (Вепсы). Такъ, предполагается, были распредѣлены занимающія насъ племена въ половинѣ IV вѣка.

Послѣ того, въ теченіи нѣсколькихъ столѣтій, объ этихъ племенахъ нѣтъ нигдѣ никакого упоминанія. Но послѣдующее распредѣленіе народовъ побуждаетъ заключить, что Тавасты постепенно, отчасти можетъ быть подъ вліяніемъ образованія южнѣе новыхъ царствъ, напримѣръ Великой Болгаріи, на мѣстѣ осѣдлости Финновъ, тѣснимые къ сѣверу появляющимися на сценѣ исторіи Литвою и Славянами, естественно подались частію на западъ, частію на сѣверъ въ нынѣшнюю Финляндію, отогнавъ еще далѣе къ сѣверу болѣе слабую Лопь.

Часть Корелы въ верховьяхъ и на берегахъ Двины слилась съ мѣстными пермскими племенами и образовала въ Заволочьи Пермское царство (Біармію), которое достигло значительнаго благосостоянія, ведя торговлю съ югомъ по системамъ рѣкъ волжскаго и двинскаго бассейновъ. Богатства его служили приманкой для сѣверозападныхъ народовъ Европы, которые отчасти Ледовитымъ океаномъ — наприм. Норвежцы временъ Гаральда Гальфагара [1]), — отчасти же Невою и Ладожскимъ озеромъ (Варяги), установили сношенія какъ для грабежа, такъ и для вымѣна пушнаго товара, взимавшагося съ лопарей и другихъ финскихъ племенъ въ дань, на произведенія благодатнаго юга. Остальная Корела равнымъ образомъ подвинулась съ Ладожскаго озера на западъ и заняла не только нынѣшніе финскіе берега этого озера, но и пошла внутрь страны. Здѣсь Корелія доходила до р. Кюмени на югѣ, занимая всю нынышнюю выборгскую губернію, и части с. михельской и куопіоской [2]),

---

[1]) См. Путешествіе Оттара и Ульфстейна въ Antiquités Russes d'après les monuments historiques des Islandais et des anciens Scandinaves, éditées par la Société royale des antiquaires du Nord. Copenhague, 1852, т. II, стр. 458.

[2]) Бутковъ. Журн. М. Внутр. Дѣлъ, 1837 г. ч. 23.

по водамъ большаго озера Пайяны и далѣе на сѣверъ къ Каянѣ и Ледовитому океану. На югѣ отъ Ижорской земли или Ингріи, и Вотовъ или Води, сидѣвшихъ по Ладогѣ у устьевъ Волхова, Корелу отдѣляли Финскій заливъ, Нева и Ладожское озеро.

Съ началомъ Руси и усиленіемъ Новгорода вліяніе ея на Финляндію и ближайшимъ образомъ на Корелу начинаетъ принимать болѣе опредѣленную и рѣшительную форму. Иначе и не могло быть. Спускаясь по Волхову въ Ладожское озеро, Новгородцы распространяли свое вліяніе какъ на сѣверъ и востокъ, такъ и на западъ. Постоянныя сношенія въ первыхъ двухъ направленіяхъ привели постепенно къ овладѣнію всѣмъ придвинскимъ краемъ. На сліяніи Юга и Сухоны заложенъ былъ городъ Устюгъ, который вскорѣ, благодаря выгодамъ своего положенія, достигъ значительнаго богатства. Въ дальнѣйшемъ новгородцы проникли на Вятку и покорили Вотяковъ. Подчинивъ себѣ мѣстныхъ Корелъ на сѣверѣ и востокѣ, Новгородъ въ то же время естественно распространялъ сферу своего дѣйствія и на западъ отъ Ладожскаго озера, постоянно налагая руку какъ на финскія племена по южному берегу Финскаго залива, такъ и на Корелу, занимавшую приладожское побережье Финляндіи.

При набѣгахъ и кровавыхъ расправахъ съ мѣстными племенами Новгородцы не могли не подаваться все болѣе и болѣе впередъ. Кромѣ грабежа, играли въ этомъ случаѣ извѣстную роль и торговыя сношенія, которыя позднѣе, при участіи Ганзы, получили такое блестящее развитіе. Русь быстро росла, а вмѣстѣ съ тѣмъ должны были рости и ея извѣстность и значеніе. Уже сынъ Владиміра святаго, Ярославъ мудрый, былъ женатъ на дочери норвежскаго короля Олафа Трюггесона, Ингегердѣ. Сестра Ярослава, Марія, была выдана за польскаго короля Казиміра; дочери его были въ не менѣе блестящемъ замужествѣ: Анастасія—за венгерскимъ королемъ Андреемъ I, Елизавета—за норвежскимъ Гаральдомъ IV, Анна — за французскимъ королемъ Генрихомъ I. Сношенія съ норвежцами были особенно близки: Владиміра съ Олафомъ Трюггесономъ, который даже провелъ

отроческіе годы свои въ Новгородѣ [1]), а Ярослава съ своякомъ (братомъ жены) Олафомъ Толстымъ II и съ зятемъ Гаральдомъ [2]). Ревность послѣдняго Олафа, признаннаго святымъ, къ распространенію христіанства возбудила противъ него много враговъ; онъ принужденъ былъ бѣжать изъ отечества, и нашелъ себѣ пріютъ у Ярослава. Здѣсь былъ воспитанъ сынъ его, Магнусъ Добрый. Прибывшій съ Ингегердой (въ крещеніи Анной) родственникъ ея Ярлъ Рогнвальдъ, также какъ и два его сына, ярли Ульфъ и Ейлифъ, были на службѣ новгородской; третій сынъ его Стенкиль (Стеркеръ) былъ королемъ шведскимъ, но сынъ его Инге также провелъ часть молодости на Руси, у дяди Ейлифа [3]). При брачныхъ союзахъ и болѣе частомъ общеніи не могло не усиливаться движеніе новгородцевъ въ сѣверо-западномъ и западномъ направленіи. Сообщенія съ Норвегіей, помимо кружнаго пути моремъ, шли по двумъ направленіямъ: одно отъ Ладожскаго озера, вѣроятно у города Корелы (Кексгольмъ) на Каянію и къ сѣверной части Ботническаго залива; другое—отъ того же города на западъ чрезъ центральную Финляндію на нынѣшній Тавастгусъ. Это были обычные пути всѣхъ дальнѣйшихъ новгородскихъ походовъ, и конечно ратные люди шли уже по наторенным дорогамъ. Къ самому Ладожскому озеру велъ удобный водный путь по Волхову; оттуда была дорога во всѣ стороны. По Невѣ и Финскому заливу открыты были оба его берега. Поэтому распространеніе новгородскаго вліянія, а затѣмъ и подчиненіе ему попутныхъ болѣе слабыхъ народностей, представляется не только естественнымъ, но и неизбѣжнымъ. Еще въ X вѣкѣ южные берега Ладожскаго озера и Невы, а равно и Финскаго залива, населенные народцами также финскаго племени, Вотами, Ижорою, вообще Чудью, были уже подчинены Руси. Въ 1030 году Ярославомъ положено основаніе городу Юрьеву (Дерпту). Около

---

[1]) 978—983 гг.

[2]) *Бутковъ.* Журналъ М. Вн. Дѣлъ, 1837 г., ч. 23. Три древніе договора, стр. 336.

[3]) *Соловьевъ,* Исторія Россіи, изд. 6-е, т. I, стр. 188, 189.

того же времени упоминается основанный еще прежде городъ Ладога, который вмѣстѣ съ уѣздомъ данъ былъ Ярославомъ женѣ его Ингегердѣ. При такихъ условіяхъ подчиненіе Новгороду Корелы, занимавшей берега Ладожскаго озера, не могло не послѣдовать на первыхъ же порахъ усиленія Руси. Если не подлежитъ сомнѣнію такое подчиненіе на сѣверномъ и восточномъ берегахъ, то равнымъ образомъ оно не могло не быть на западномъ, т. е. финляндскомъ, на которомъ главный городъ Корела находился всего въ 300 верстахъ отъ самаго Новгорода [1]) и чрезъ него лежалъ путь въ Норвегію.

По поводу подчиненія Корелы Новгороду финскій историкъ Коскиненъ утверждаетъ, что финляндская Корела была не въ подданствѣ новгородскомъ, а лишь въ дружбѣ съ могущественнымъ сосѣдомъ [2]). Но такое утвержденіе едва-ли имѣетъ прочное основаніе; по крайней мѣрѣ историкъ ничѣмъ его не подтверждаетъ. Не говоря о взглядахъ и нравахъ того времени, когда сила была безусловнымъ вершителемъ всѣхъ дѣлъ, нельзя упускать изъ виду, что если вся прочая, притомъ наибольшая сѣверо-восточная часть Кореліи была покорена Новгородомъ, то пребываніе внѣ этой зависимости остальной части, бывшей къ тому же такъ сказать подъ рукой и на пути оживленнаго движенія, не согласовалось бы со всѣмъ ходомъ дѣлъ. Новгородская Лѣтопись (подъ 1142 г.) говоритъ о Корелахъ какъ о части Новгородской волости: «совокупися вся волость Новгородская, Пльсковичи, Ладожане, Корела». Подъ 1270 г. исчисляются жители областей, собравшихся противъ Ярослава Ярославовича: «и совокупися въ Новгородъ вся волость Новгородская: Пльсковичи, Ладожане, Корѣла, Ижора, Вожане, и идоша въ Голино отъ мала и до велика» и пр. Подъ 1316 г. повторяется почти дословно то же самое [3]).

---

[1]) По Изгоннымъ книгамъ. *Неволинъ*, О пятинахъ и погостахъ Новгородскихъ.—Записки Имп. Русск. Геогр. Общ. 1853 г., кн. VIII, стр. 134.

[2]) Koskinen, Finnische Geschichte, Leipzig, 1874 г., стр. 10.

[3]) По шведскимъ источникамъ, короля Олафа Трюггесона, тестя Ярославова, царствовавшаго съ 1024 г. не только въ Норвегіи, но и

За Корелой вѣроятно испытывало новгородскую силу и сосѣднее, болѣе въ глубину Финляндіи водворившееся, племя Тавастовъ или Еми. Лѣтописецъ говоритъ о Еми, какъ о данникахъ новгородскихъ: «у Еми скора», т. е. дань взималась шкурами. Нужно полагать, что часть обитателей Финляндіи платила дань Руси, часть Норвегіи [1]).—О столкновеніяхъ собственно съ Емью болѣе опредѣленныя свѣдѣнія встрѣчаются у лѣтописцевъ въ XI вѣкѣ. Первое упоминаніе находимъ подъ 1042 годомъ, когда сынъ Ярослава, Владиміръ, ходилъ на Емь и побѣдилъ ихъ [2]). Упомянутый финскій историкъ Коскиненъ полагаетъ, что въ это время Емь была еще на южномъ берегу Ладоги, и что лишь въ слѣдующемъ столѣтіи она ушла въ Финляндію. Такое соображеніе однако едва-ли основательно, ибо, какъ сейчасъ сказано, значеніе Новгорода на столько было велико еще при Ярославѣ, что онъ сталъ твердою ногой уже и

въ Швеціи, упрекали въ томъ, что онъ потерялъ завоеванія упсальскаго короля Эрика между прочимъ въ Финляндіи и Кореліи. Эти свѣдѣнія находятся безъ сомнѣнія въ связи съ тѣмъ, что Новгородъ сталъ уже въ это время твердо на сѣверномъ и западномъ берегу Ладожскаго озера. — Слич. *Соловьевъ*, Ист. Росс., т. I, стр. 198. *Geier*, Geschichte Schwedens, I, стр. 124—126.

[1]) Неизвѣстно, въ какомъ размѣрѣ платилась дань Новгородцамъ Емью даже и въ позднѣйшее время, когда дани другихъ подчиненныхъ областей были уже точно опредѣлены. Шёгренъ объясняетъ это позднѣйшимъ подчиненіемъ Еми, говоря впрочемъ о Еми восточной, т. е. въ Заволочьи. -*Sjögren*, Gesammelte Shcriften ueber die älteren Wohnsitze der Yemen. T. I, стр. 463—513.—Въ древней русской грамотѣ о границахъ между Норвегіей и Русью говорилось, что приморскіе сѣверные Финны платили въ дань не больше пяти бѣличьихъ мѣховъ съ лука. *Бутковъ*, стр. 326. — Въ путешествіи Оттара говорится, что дань сѣверныхъ Финновъ Норвежцамъ состояла изъ звѣриныхъ шкуръ, птичьихъ перьевъ, китовыхъ костей и изъ канатовъ, сдѣланныхъ изъ китовыхъ и тюленьихъ кожъ (...e tributo quod Finni iis soluant, quod tributum consistit in pellibus ferinis, in avium plumis, in ossibus balaenarum et in funibus e balaenarum et phocarum coriis confectis). Antiquités Russes, т. II, стр. 463.

[2]) «Въ лѣто 6550 Иде Володимиръ, сынъ Ярославль, на Ямь и побѣди я».—П. С. Р. Л., т. I, Ник. Лѣт., стр. 66.

въ Эстляндскомъ краѣ, основавъ Дерптъ; тѣмъ болѣе онъ былъ господиномъ въ странѣ, прилегающей къ Волхову, на которомъ стоялъ самъ Новгородъ и гдѣ былъ уже городъ Ладога.

Другой изслѣдователь [1]), сопоставляя лѣтописныя показанія и основываясь главнымъ образомъ на изученіи финскихъ нарѣчій, уцѣлѣвшихъ до нашего времени въ чисто русскихъ сѣверныхъ губерніяхъ, приходитъ къ заключенію, что Емь была въ это время въ Заонежьи. Шёгренъ не отрицаетъ однако того, что нынѣшнее населеніе центральной Финляндіи, *Häme*, Hämelainen, и мѣсто ими занимаемое, вполнѣ соотвѣтствуютъ лѣтописнымъ Ями, или Еми, и Ямлянамъ. Равнымъ образомъ онъ ничѣмъ не доказываетъ, что финляндской Еми въ это время тамъ не было и что къ ней не могло относиться событіе 1042 г. [2]).

---

[1]) *Sjögren*, см. выше.

[2]) Заключеніе Шёгрена о мѣстѣ нахожденія въ эту эпоху Еми въ Заонежьи отчасти раздѣляется («можно думать») и Соловьевымъ. Однако едва-ли ему можно приписать полную убѣдительность. Исходнымъ пунктомъ Шёгрену служитъ то, что въ 1032 г. нѣкій Улѣбъ (по мнѣнію Соловьева можетъ быть упомянутый выше Ульфъ, сынъ Рогнвальда) ходилъ изъ Новгорода на «Желѣзныя Ворота», но походъ былъ неудаченъ. Онъ относитъ этотъ походъ къ мѣстности въ 80 верстахъ къ югу отъ Устьсысольска, и нынѣ называемой Желѣзными Воротами. Приводя въ связь съ этимъ и походъ 1042 г., Шёгренъ дѣлаетъ свои заключенія, опираясь притомъ на лингвистическія изслѣдованія. По симъ послѣднимъ отъ Бѣлозерска по той сторонѣ Онежскаго озера узкой полосой проживаетъ племя, именуемое Чудскимъ, и въ немъ довольно много фамильныхъ прозвищъ Гамовыхъ, Емовыхъ и пр., находится селеніе Гамское и т. п. Эти признаки приводятъ Шёгрена къ тому мнѣнію, что это населеніе суть потомки Еми 1042 и даже 1137 г. Онъ обосновывается еще и на походѣ Глѣба Святославича, о которомъ лѣтописи коротко говорятъ, что онъ былъ побитъ Заволочскою Чудью; но Татищевъ (Истор. Росс. I, 132, подъ 1078 г.), основываясь на бывшихъ въ его рукахъ неизвѣстныхъ рукописяхъ, разсказываетъ, что Глѣбъ въ Заволочьи былъ побитъ Ямлянами, или Емью. — Но и за всѣми такими соображеніями вопросъ о Еми едва-ли не остается въ прежнемъ неопредѣленномъ положеніи. Если есть Гамовская волость или деревня на Вычегдѣ или у Сольвычегодска, то былъ несомнѣнно Гамовъ городъ и Гамская земля въ Финляндіи—нынѣшній Тавастгусъ

Самыя подробности похода 1042 г., на сколько о нихъ можно судить по краткому лѣтописному разсказу, склоняютъ, можетъ быть, болѣе въ пользу прежняго мнѣнія нашихъ историковъ, что Владиміръ ходилъ на финляндскую Емь. Несмотря на побѣду, Новгородцы лишились всей своей конницы, такъ какъ страна была каменистая и безплодная [1]). Конечно, изъ

(Sjögren, II, стр. 479, прим. 62). Если была Емь или Чудь въ Заонежьи или въ Заволочьи, то была Емь или Чудь и въ Ливоніи и Эстоніи, гдѣ есть и до сихъ поръ городъ Ямъ (Ямбургъ) и Чудское озеро, также какъ и на Сѣверной Двинѣ есть не одинъ чудской городокъ, и двинянъ, жителей по берегамъ этой рѣки, называли также Заволочскою Чудью, и вообще Чудь смѣшивали и съ Емью, и съ Корелой. Была наконецъ у лѣтописцевъ Чудь и въ Финляндіи, какъ видно ниже. Шёгренъ видитъ подтвержденіе своихъ заключеній и въ послѣдующихъ событіяхъ, о которыхъ говорятъ лѣтописцы. Подъ 1105 г. значится походъ «въ Ладогу на войну» (I Новг., П. С. Л., т. III, стр. 3), а въ 1111—«на Очелу» (стр. 4), т. е. въ Эстонію; послѣднее прямо, а первое весьма возможно говорятъ о движеніи на западъ; но Шёгренъ останавливается на походѣ Мстислава въ 1113 г., т. е. два года только спустя, на Чудь, и находитъ, что эта Чудь была не эстляндская, а опять заонежская, такъ какъ три года спустя, а по другимъ даже одинъ только годъ (въ 1114 г.) посадникъ ладожскій обнесъ городъ Ладогу каменными стѣнами (Карамзинъ, Ист. Гос. Росс., II, 166, прим. 238), какъ послѣдствіе будто бы похода на заонежскую Ямь. Но отчего же не допустить, что эта крѣпость заложена противъ западныхъ и въ томъ числѣ финляндскихъ нападеній, которыя, судя и по скандинавскимъ и по русскимъ свидѣтельствамъ, были часты. Ямь финляндская была ближе къ Ладогѣ, нежели заонежская, и могла угрожать Новгородской области двумя путями, съ береговъ Ладоги и съ Невы. Увлекаемый своими соображеніями, Шёгренъ не даетъ въ этомъ случаѣ никакого значенія тому обстоятельству, что въ 1116 г. Мстиславъ ходилъ на Чудь и взялъ Медвѣжью голову (т. е. Оденпя), а слѣдовательно несомнѣнно на Чудь эстляндскую. Отчего не предположить, что въ такой значительный промежутокъ времени съ 1030 и по 1137 г., т. е. въ теченіе болѣе 100 лѣтъ, Новгородцы предпринимали движеніе и на западъ, и на востокъ отъ центральнаго Ладожскаго озера?

[1]) и помроша кони у вой Володимировыхъ и яко еще дышущимъ конемъ, содираху кожу съ нихъ; толикъ бѣ моръ въ конихъ?—Карам-

двухъ предположеній, гдѣ находилась эта угрюмая страна, съ большею вѣроятностію можно остановиться на Финляндіи, которая даже и въ настоящее время страдаетъ бѣдностію фуража, чего нельзя сказать про мѣстность предполагаемаго южнаго Заволочья.

Одинъ строго вѣрный выводъ можно сдѣлать изъ всѣхъ имѣющихся показаній, именно: Емь не была въ числѣ подвластныхъ Новгороду областей; она была лишь въ числѣ данниковъ, для покоренія которыхъ, а можетъ быть лишь для полученія дани, и предпринимались разновременно походы.

Къ началу XII вѣка относится новое предпріятіе противъ Еми. Нападенію князя Всеволода Мстиславовича противостояли всякія трудности, начиная съ дурнаго зимняго пути—походъ былъ предпринятъ къ веснѣ, «въ великое говѣніе»,—и кончая недостаткомъ продовольствія, угрожавшимъ голодною смертью. За хлѣбъ платили по ногатѣ [1]). Шёгренъ относитъ и этотъ походъ къ Еми заволочской, хотя вскорѣ были нападенія, вѣроятно въ отмщеніе, именно со стороны финновъ, которые грабили Вотскую волость, т. е. южное побережье Ладожскаго озера и Невы [2]).

Такія нападенія не только со стороны финновъ, но и съ разныхъ сторонъ, были особенно вѣроятны именно въ разсматриваемую эпоху. Въ концѣ царствованія Владиміра Мономаха Новгородъ посѣтили разныя бѣды: сперва страшныя бури, разнесшія жилища и погубившія много скота, потомъ наводненія, жестокіе и ранніе морозы уничтожившіе посѣвы и т. п. Наступившая затѣмъ дороговизна побудила многихъ новгородцевъ выселиться, многіе другіе умерли, и Новгородъ опустѣлъ. Безъ сомнѣнія, въ виду такихъ нападеній уже въ 1130 г. князь Все-

---

зинъ, т. II, стр. 29, прим. 35. Здѣсь онъ говоритъ о Еми какъ о Финляндцахъ. П. С. Р. Л. (Лавр. Л.), т. I, стр. 66.

[1]) ...«но лютъ бѣ путь, оже купляху по ногатѣ хлѣбъ». I Новг. л., 380.

[2]) Ю. Коскиненъ (стр. 16) говоритъ именно, что нападенія производили Тавасты, т. е. финляндская Емь.

володъ ходилъ съ новгородцами на Чудь, разбилъ ихъ и многія деревни выжегъ, а женъ и дѣтей привелъ съ собой [1]). Чрезъ 2 года былъ новый походъ Всеволода на Чудь; но въ этотъ разъ онъ потерпѣлъ сильное пораженіе. Къ какой Чуди относился походъ 1130 г.—сказать трудно; что же касается похода 1132 года, то пораженіе Всеволода произошло по всей вѣроятности въ Эстляндіи или Лифляндіи недалеко отъ Дерпта [2]). Послѣдствіемъ было отмщеніе Чуди въ 1134 г., когда Дерптъ былъ вновь взятъ Новгородцами.

Что дѣлали въ это время собственно Финляндцы—неизвѣстно; но 8 лѣтъ спустя, въ 1142 г., они явились у Ладоги въ числѣ до 1.000 ч.—и всѣ были положены на мѣстѣ: «не упустиша ни мужъ» — лаконически поясняетъ лѣтописецъ [3]). Въ этомъ побоищѣ принимали участіе, какъ было сказано и Псковичи, и Корела.

До сего времени Русь имѣла на сѣверѣ дѣло лишь съ окружавшими ее племенами. Но съ XII вѣка столкновенія эти пріобрѣтаютъ болѣе широкій характеръ: въ борьбѣ начинаютъ принимать участіе и Шведы, въ качествѣ противниковъ Руси. Послѣдняя поставила уже довольно твердо ногу въ корельской, восточной части Финляндіи. Теперь, на другой части сцены, на западныхъ берегахъ этого края, являются другія

---

[1]) Полн. Собр. Р. Л., т. VI, I Новг., стр. 6.

[2]) Ibid. «Втомже лѣтѣ (6639) на зиму иде Всеволодъ на Чюдь и сотворися пакость велика, и много добрыхъ мужъ избиша Новгородцевъ въ Клинѣ генваря кг всуб.»—Шегренъ названіе Клина относитъ къ эстонскому округу близъ Дерпта, который носилъ мѣстное названіе Вагія или Вайга (Wagia или Waiga), значащее въ русскомъ переводѣ *клинъ*. Здѣсь онъ видитъ тотъ же пріемъ перевода, какъ упомянутая выше *Медвѣжья голова* вмѣсто Оденпя, или *городъ Воробьинъ* вмѣсто Варбала или Варбале (Warbala). Sjögren, Ueber die älteren Wohnsitze der Yemen, стр. 501.

[3]) Карамзинъ, т. II, стр. 265, прим. 355. П. С. Р. Л., Новг. л., I. стр. 9.

дѣйствующія лица, тоже заморскіе сосѣди — Скандинавы. Но здѣсь, кромѣ обычныхъ побужденій народной и военной предпріимчивости того времени, т. е. жажды добычи, явился еще стимулъ высшаго порядка: желаніе просвѣтить Финляндію христіанской вѣрой.

Естественно возникаетъ вопросъ: обязана ли Финляндія свѣтомъ христіанства однимъ только шведамъ, какъ вообще считаютъ, или же въ томъ приняла свою долю участія и православная Русь?

Въ краѣ, и главнымъ образомъ въ восточной его части, и донынѣ числится 40.000 православныхъ жителей. Они составляютъ 24 церковныхъ общины [1]), изъ коихъ въ выборгской и куопіоской губерніяхъ 14 находятся въ деревняхъ и лишь 10 въ городахъ, что свидѣтельствуетъ, что православіе держится болѣе въ коренномъ деревенскомъ, нежели въ пришломъ городскомъ населеніи. Къ сожалѣнію за времена давно прошедшія, т. е. въ началѣ утвержденія христіанства въ мѣстномъ финскомъ населеніи, не имѣется никакихъ почти прямыхъ данныхъ. Нахожденіе впослѣдствіи всей Финляндіи въ шведскихъ лютеранскихъ рукахъ быть можетъ тому способствовало [2]). Поэтому остается руководствоваться лишь болѣе или менѣе обоснованными общими соображеніями.

Новгородъ, какъ выше было указано, быстро придя въ силу, при удобныхъ сообщеніяхъ столь же быстро распространилъ

---

[1]) По Statistisk årsbok för Finland, 1888, числится въ Финляндія 23 православные прихода и 24 православныхъ общинъ. Большинство ихъ находится въ бывшей Корельской области: 17 въ выборгской губ. (16 приходовъ), 3 въ куопіоской, т. е. приладожской, и по одному въ 5-ти изъ прочихъ губерній, исключая тавастгусской и улеаборгской, гдѣ православныхъ приходовъ вовсе нѣтъ. Въ 1886 г. числилось въ Финляндіи грекороссійскаго исповѣданія 41.032 обывателя обоего пола.

[2]) Извѣстно, что шведское правительство систематически скрывало документы, на коихъ могли утверждаться права Россіи на сопредѣльныя области. См. ниже объ Орѣховскомъ договорѣ. Возможно, что эта система примѣнялась и къ исповѣднымъ документамъ.

свою власть и вліяніе на сосѣднія племена и области. Если и можно признать, что Новгородцы не проявляли при этомъ такой же энергіи въ распространеніи христіанства, какъ Шведы или Нѣмцы, проповѣдывавшіе его огнемъ и мечемъ, а относились къ этому дѣлу съ извѣстною мягкостью или вялостію, едва-ли впрочемъ строго доказанною [1]), то нельзя во всякомъ случаѣ отрицать, что правительственная власть далеко не оставалась къ этому дѣлу равнодушною. Новгородскіе князья, сами лишь недавно принявшіе христіанство, были вполнѣ преданы какъ утвержденію его у себя, такъ и распространенію кругомъ. Раздѣленіе св. Владиміромъ Руси на удѣлы было, по замѣчанію нѣкоторыхъ писателей, мѣрою христіанскаго благоразумія [2]).

Отправляя дѣтей своихъ въ разныя области государства, Владиміръ завѣщевалъ каждому изъ нихъ заботиться объ искорененіи тамъ язычества и объ утвержденіи христіанства [3]). Историческія преданія дѣйствительно подтверждаютъ, что св. князь Борисъ способствовалъ укорененію православія въ Ростовѣ, Судиславъ во Псковѣ; св. Глѣбъ пытался просвѣтить Муромцевъ. Лѣтописцы удостовѣряютъ, что св. Владиміръ повелѣлъ приводить на крещеніе людей по всѣмъ градамъ и селамъ [4]), и что первосвятитель Михаилъ распространилъ проповѣдь христіанскую по всей землѣ русской. Посылая проповѣдывать къ Болгарамъ волжскимъ, кн. Владиміръ старался насадить христіанство даже на сѣверѣ, въ Бі-

---

[1]) А. Никитскій. Очеркъ внутренней исторіи церкви въ Великомъ Новгородѣ, стр. 10—12. Script. rerum Livoniar. I, 166, подъ 1212 г. Est enim consuetudo regum Ruthenorum, quamcunque gentem expugnaverint, non fidei Christianae subjicere, sed ad sol-vendum sibi tributum et pecuniam subjugare. «Странникъ», 1888, стр. 666 и послѣд.

[2]) Исторія Русской Церкви, митрополита Макарія, т. I, стр. 20.

[3]) «Посла съ ними и священники, заповѣдая сыномъ своимъ, да коꙁждо по области своей повелѣваетъ учити и крестити людей, и церкви ставити, еже и бысть».—Полн. Собр. Русск. Лѣт., II, 259.

[4]) «И нача ставити по градомъ церкви и попы и люди на крещенье приводити по всѣмъ градомъ и селомъ. Полн. Собр. Русск. Лѣт., т. I, 51.

арміи, на берегахъ Двины. Изъ того, что иностранцы и въ позднѣйшее время находили въ разныхъ областяхъ язычниковъ, еще не слѣдуетъ, по справедливому замѣчанію митрополита Макарія, что всѣ жители были тогда язычниками. Дерево еще не разрослось, но сѣмена были насаждены. Въ Россіи повторилось то же, что въ большемъ размѣрѣ было въ Римской имперіи, когда Константинъ Великій объявилъ христіанскую вѣру господствующею. Язычество еще оставалось въ разныхъ мѣстахъ даже въ VI вѣкѣ. Религіозныя вѣрованія и сердечныя убѣжденія искореняются не вдругъ. Но фактъ законнаго признанія перемѣны не устраняется.

Религіозное просвѣщеніе распространялось горячо и усердно. Самъ Владиміръ «любилъ словеса книжная», а сынъ его, Ярославъ, до того былъ преданъ просвѣщенію, что читалъ книги часто и днемъ и ночью. Ставя вездѣ священнослужителей, онъ опредѣлялъ имъ изъ имѣнія своего жалованье, чтобы они чаще собирали народъ и ревностнѣе преподавали ему ученіе вѣры. Онъ составилъ вокругъ себя цѣлое общество людей по тогдашнему времени образованныхъ, которые переводили многія, конечно церковныя книги съ греческаго, а другія, прежде переведенныя, списывали [1]).

Центръ христіанскаго просвѣщенія Руси былъ безспорно въ Кіевѣ, но удѣльная система дала возможность, особенно крупнымъ отдѣльнымъ центрамъ, какъ напримѣръ Новгороду, явить также большую интенсивность въ дѣлѣ проповѣди. Ярославъ Мудрый, посѣтивъ въ 1030 г. Новгородъ, самъ завелъ тамъ большое училище, въ которомъ обучались 300 дѣтей старостъ и священниковъ. Кромѣ того были и частныя, хотя и не большія училища [2]). Относительно какъ этихъ, такъ и большаго Ярославова училища научныя изслѣдованія несогласны,

---

[1]) Полн. Собр. Р. Л., т. I, стр. 54, 65, 66.—Поставляя попы и дая имъ отъ имѣнія своего урокъ, веля имъ учити люди... и приходити часто къ церквамъ... И собраше писцы многи и прекладаше отъ Грекъ... любимъ бѣ книгамъ, многы написавъ.

[2]) Полн. Собр. Р. Л., V, 136, 1030 г. Митропол. Макарій, Истор. Русск. церкви, т. I, стр. 114.

и если одни писатели признають въ нихъ дѣйствительныя школы, то другіе съ большой доказательностію опровергаютъ такое толкованіе [1]). Но остается несомнѣннымъ, что были приняты мѣры къ тому, чтобы въ томъ или другомъ видѣ образовались священники, которые должны были утверждать и распространять христіанство. Церкви строились вездѣ, и это конечно только способствовало скорѣйшему водворенію новой вѣры. Именно ко времени Ярослава, слѣдовательно къ первой половинѣ XI вѣка, относится постройка большаго числа церквей въ разныхъ мѣстахъ Руси.

Еще съ конца X вѣка Новгородъ имѣлъ своихъ епископовъ, а въ 1030 г. облеченъ былъ святительскимъ саномъ извѣстный Лука Жидята, первый и замѣчательный изъ природныхъ русскихъ епископовъ. Его «Поученіе къ братіи», также какъ и личныя его качества, не могли не способствовать распространенію православія во всей новгородской епископіи, въ границы которой входила и Корелія. Дѣлу вѣры много служило и учрежденіе монастырей; Новгородъ особенно выдавался ихъ многочисленностію. Еще при первомъ епископѣ Іоакимѣ (конецъ X и начало XI в.) былъ учрежденъ Десятинный монастырь, и преданіе говоритъ еще о двухъ другихъ монастыряхъ. Позднѣе, въ половинѣ XII и въ XIII столѣтіи насчитывалось уже въ новгородской епархіи 20 монастырей. Самъ Новгородъ считался городомъ богоспасаемымъ и благочестивымъ [2]); изъ него христіанское ученіе естественно распространялось по всѣмъ направленіямъ. Еще въ 1147 г. преподобный Герасимъ основалъ Троицкій монастырь близъ Вологды. Вскорѣ новгородскіе поселенцы перенесли христіанство и въ Вятскую область, гдѣ стро-

---

[1]) Никитскій. Очеркъ внутренней исторіи церкви въ Новгородѣ, стр. 203.

[2]) Въ житіи препод. Авраамія Ростовскаго, подробной редакціи (Макарій, т. I, прил. 2, стр. 270) говорится: «Итако обшедъ и соглядавъ мѣста довольна, пріиде въ пресловущій Новъ-градъ, и тамо соглядавъ вся спасенная и чюдотворная мѣста, многонародна суща и по Бозѣ живуща».

или города и села съ церквами [1]). Въ XII вѣкѣ были уже монастыри во Псковѣ, въ Старой Русѣ, въ Ладогѣ и близь Тихвина [2]) Изъ Пскова къ началу XIII вѣка христіанство было насаждено и на западѣ въ Ливоніи [3]).

При такомъ рвеніи къ дѣламъ вѣры не только нѣтъ ничего невозможнаго чтобы христіанство было принесено новгородцами и въ финляндскую Корелію, но по близости ея отъ Ладоги и Тихвина едва-ли и могло быть иначе. Усилія монастырей, наприм. Соловецкаго, не подлежатъ спору [4]). Монастырь Валаамскій, на одномъ изъ островоръ сѣверо-западной части Ладожскаго озера, по всей вѣроятности, уже существовалъ и распространялъ христіанскую проповѣдь; этого не отрицаетъ и финскій историкъ Коскиненъ [5]). Платонъ, митрополитъ московскій, относитъ начало Валаамской обители ко временамъ св. Владиміра, въ связи съ желаніемъ распространить христіанство въ подчиненной Руси Кореліи. Здѣсь подвизались преподобные Сергій и Германъ, которыхъ съ большою вѣроятностію, если не достовѣрностію, относятъ къ числу сподвижниковъ Владиміровыхъ. Существованіе Валаамской обители въ концѣ X-го, или въ самомъ началѣ XI вѣка, русскіе церковные писатели подтверждаютъ разными свидѣтельствами, между прочимъ указаніемъ въ житіи преподобнаго Авраамія Ростовскаго на то, что онъ принялъ постриженіе именно въ этой обители отъ игумена Ѳеогноста при св. Владимірѣ, и что въ 1163 г. уже обрѣтены были мощи св. Сергія и Германа [6]). Валаамская обитель не могла не помогать распространенію христіанства кругомъ, по берегамъ Ладожскаго озера и тѣмъ болѣе въ Кореліи, отъ которой отстояла всего на 35 верстъ. Нужно даже полагать, что дѣятельность обители на-

---

[1]) Карамзинъ, И. Г. Р., т. III, 34.

[2]) Макарій. Истор. русск. церкви, т. III, стр. 77, 78.

[3]) Script. Rerum Livon., I, 118, подъ 1208 г.: Nam Ruthani (de Plescekowi) eorum tempore venerunt baptizantes Lettigallos suos de Tholova, sibi semper tributarios.

[4]) Никитскій. Очеркъ внутр. ист. церкви Великаго Новгор., стр. 12.

[5]) Finnische Geschichte, стр. 119.

[6]) Макарій, Исторія Р. церкви, т. I, стр. 204, также 269 и послѣд-

правлялась главнымъ образомъ въ Корелію, ибо по свидѣтельству пр. Коскинена Валаамскому монастырю принадлежало въ позднѣйшее время множество имѣній во всѣхъ погостахъ именно Кореліи. Тотъ же писатель удостовѣряетъ, что въ Кореліи было столько же русскихъ православныхъ монастырей, сколько католическихъ въ остальной, значительно большей части Финляндіи [1]).

Со всѣмъ изложеннымъ вполнѣ согласно показаніе лѣтописи, что въ 1227 г. Корелы приняли христіанство отъ русскихъ духовныхъ [2]). Это показаніе, конечно, не отвергаетъ того, что и прежде могли креститься отдѣльныя лица; въ упомянутомъ же году православіе признано, такъ сказать, узаконеннымъ для всей Кореліи. Новокрещенные весьма естественно могли отпадать отъ новой вѣры; но то же было и со шведской католической пропагандой. Не будемъ входить здѣсь въ поводы, приведшіе въ 1227 г. къ поголовному почти крещенію Корелы; безразлично, было ли это по собственному религіозному побужденію Ярослава, или же имѣлось въ виду устранить вліяніе на Корелію шведской католической пропаганды, что могло повлечь отпаденіе ея отъ русской власти [3]), или же, накопецъ, здѣсь сказалось вліяніе монастырей. Налицо остается непререкаемый фактъ: финляндская Корела обращена въ христіанство новгородцами, притомъ не позже 1227 г.

Одновременно съ русскимъ движеніемъ отъ Ладожскаго озера на сѣверъ и западъ по обѣ стороны Невы, шло такое же движеніе, но въ противоположномъ направленіи, отъ Швеціи на востокъ, на встрѣчу Руси. Оно руководилось, или по крайней мѣрѣ сопровождалось, цѣлями религіозными. Нашествія шведовъ на Финляндію были своего рода крестовыми походами,

[1]) Стр. 109.

[2]) Новгородскій князь Ярославъ Всеволодовичъ, пославъ русскихъ священниковъ, «крести множество Корелъ, мало не всѣ люди». Полн. Собр. Р. Л., I, 191.—Макарій, т. III, 38.

[3]) Никитскій, стр. 12, 13.

и въ конечномъ результатѣ приводили къ послѣдовательному овладѣнію этой страной. Динарій св. Петра требовалъ все новыхъ и новыхъ данниковъ; ихъ искали теперь и на дальнемъ сѣверѣ.

Распространеніе христіанства въ самой Швеціи послѣдовало едва ли не позднѣе чѣмъ на Руси. Правда, французскій монахъ Ансгарій впервые явился съ христіанскою проповѣдью въ Данію и Швецію еще въ 829 году; однако прошло послѣ того болѣе двухъ столѣтій пока ученіе Одина покорилось христіанству. Еще въ концѣ XI вѣка па Скандинавскомъ полуостровѣ шла упорная борьба между обоими вѣроученіями. Вестготландія, гдѣ христіанство стало довольно твердо, образовала отдѣльное государство обособясь отъ Свеоніи, гдѣ вѣрованія языческія еще господствовали. Но въ XII вѣкѣ ревность англо-саксонскихъ миссіонеровъ взяла, наконецъ, верхъ, и язычество въ Скандинавіи было побѣждено. Тому помогло вѣроятно и политическое событіе: король Сверкеръ I сдѣлался государемъ обѣихъ половинъ. Хотя потомъ разладъ опять возобновился, и шведы вновь выбрали себѣ отдѣльнаго короля Эрика IX, однако, по смерти Сверкера, Эрикъ сталъ во главѣ обѣихъ частей государства, и христіанство можно было считать окончательно упроченнымъ. Это совершилось въ половинѣ XII столѣтія [1]). Эрикъ причисленъ католическою церковью къ лику святыхъ.

Подъ вліяніемъ папскаго легата, кардинала Николая Албано — вскорѣ папы, подъ именемъ Адріана IV,—Эрикъ уже на слѣдующій годъ по соединеніи въ своихъ рукахъ власти, т. е. въ 1157 году, предпринялъ первый крестовый походъ противъ Финляндіи. Высадившись вѣроятно, въ устьѣ р. Аура, извѣстной по прежнимъ торговымъ сношеніямъ съ близлежащимъ Або [2]), крестоносцы встрѣтили сопротивленіе и приступили къ обычнымъ средствамъ—къ мечу и огню. Финны терпѣли пораженіе

---

[1]) Сверкеръ умеръ въ 1156 г.

[2]) По фински Або называется turkku—безъ сомнѣнія, отъ русскаго *торгъ*. Это слово перешло и въ шведскій языкъ для обозначенія торговой площади, torg.

за пораженіемъ и наконецъ принуждены были принять крещеніе, которое состоялось при ключѣ Купитца (Kupitsa), по близости Або.

Тогда же Шведы стали твердой ногой въ югозападномъ углу Финляндіи, учредивъ тамъ свою колонію, названную Нюландіей (Nyland), т. е. новой землей, въ мѣстности, носящей и нынѣ это названіе. Изъ сопоставленія хронологическихъ цифръ видно такимъ образомъ, что почти одновременно Шведы воевали на югозападѣ Финляндіи, а Новгородцы въ восточной ея половинѣ. Епископъ Генрихъ успѣлъ распространить свою проповѣдь вдоль по Ботническому заливу до рѣки Кумо, однако никакихъ серьезныхъ результатовъ достичь не могъ, такъ какъ уже въ слѣдующемъ году былъ убитъ однимъ Финномъ.

Новообращенные Финны явили немного твердости въ вѣрѣ: какъ только удалялась сила—и они отпадали отъ новаго ученія. О семъ впервые упоминается въ папской буллѣ 1171 г. Въ присланной римскому престолу жалобѣ именно говорилось, что Финны при нападеніи враговъ обращались къ помощи Шведовъ, обѣщая быть твердыми въ вѣрѣ и прося о присылкѣ учителей, а лишь только враги удалялись, они отступались отъ своихъ обѣщаній и выгоняли проповѣдниковъ [1]).

Кто были эти враги? Безъ сомнѣнія Новгородцы съ подвластными имъ Корелами и другими племенами. Между Финнами, занимавшими югъ Финляндіи, Емью—въ средней ея части, и Корелами, на востокѣ, были постоянныя столкновенія. За первыми двумя теперь стояли Шведы, за послѣдними Русскіе. Столкновенія и между цивилизаторами не замедлили начаться. Въ 1164 г. Шведы и Финны на 55 судахъ поднялись по Невѣ къ устью Волхова, но были отбиты. Посадникъ Нѣжата съ

---

[1]) Булла папы Александра III къ архіепископу упсальскому Стефану и пр. отъ 9 сент. 1171 (1172). Sverges Traktater, т. I. Gravis admodum et difficilis est ad apostolicam sedem querela perlata, quod Phinni semper, imminente sibi exercitu inimicorum, fidem servare christianam promittunt et praedicatores et eruditores christianae legis desideranter requirunt, et recedente exercitu fidem abnegant, praedicatores contemnunt et graviter persequuntur.

*

княземъ Святославомъ напали на Шведовъ, разбили ихъ и взяли множество плѣнныхъ. Изъ 55 судовъ спаслись только 12 [1]). Въ 1178 г. Корелы проникли къ Финнамъ, вѣроятно въ Нюландію, захватили шведскаго епископа Родульфа, и уведя къ себѣ умертвили.—Въ 1186 г. Новгородцы въ значительныхъ силахъ ходили на Емь, вѣроятно въ видахъ предупрежденія Шведовъ, которые изъ Нюландіи распространяли свои завоеванія. А въ слѣдующемъ 1187 г. Корелы съ помощью Новгорода предприняли нападеніе на самую Швецію. На множествѣ лодокъ они проникли даже въ озеро Меларъ, разрушили городъ Сигтуна, стоявшій на мѣстѣ нынѣшняго Стокгольма, убили епископа и увезли громадную добычу. Вскорѣ, именно въ 1191 г., Новгородцы вмѣстѣ съ Корелами предприняли нашествіе на центральную Емь. Объ этомъ походѣ въ лѣтописяхъ говорится, что князь Мстиславъ Давидовичъ воевалъ Финновъ, жегъ селенія, истреблялъ скотъ и привелъ много плѣнныхъ, а въ 1198 г. проникъ даже до крайняго предѣла Нюландіи и сжегъ Або, причемъ, предполагаютъ, убитъ и мѣстный глава католической общины Фольквинусъ.

При такомъ положеніи дѣлъ насажденное со стороны Швеціи христіанство дѣйствительно не могло укорениться. Съ этимъ согласны и мѣстные историки; они находятъ, что въ этотъ періодъ времени свѣтъ вѣры христіанской въ Финляндіи почти совсѣмъ погасъ. Къ тому же въ самой Швеціи потомки Сверкера и Эрика продолжали постоянно воевать между собою и, конечно, имъ было не до высшихъ задачъ въ дикомъ краѣ. Не забывали о нихъ лишь римскіе папы. Иннокентій III видя такое печальное положеніе дѣлъ, предписалъ епископу лундскому (1209 г.) позаботиться о назначеніи въ Финляндію [2]) епископа изъ мѣстныхъ уроженцевъ, хотя бы и родившагося въ язычествѣ. Западныхъ епископовъ, желающихъ нести проповѣдь

[1]) Карамзинъ, т. II, стр. 303 и прим. 409.

[2]) Слѣдуетъ помнить, что въ это время названіе Финляндіи относится собственно къ одной только югозападной ея оконечности или Нюландіи.

Христовой вѣры въ отдаленную страну, какъ по трудности и опасности борьбы, такъ и по суровости климата, не оказывалось. О томъ же папа писалъ позднѣе самому королю Эрику [1]), но и на этотъ разъ воля его осталась неисполненною. Преемникъ Эрика, Іоаннъ, сынъ Сверкера занятый походами въ Эстонію, гдѣ ему пришлось бороться съ Датчанами, о Финляндіи вовсе не думалъ. Наконецъ папа назначилъ епископомъ Ѳому, доминиканскаго монаха, британца родомъ. Ко времени этого епископа относятся наибольшія усилія къ водворенію въ Финляндіи римскаго католицизма. Параллельно съ тѣмъ и тому же времени принадлежитъ и упроченіе грекороссійской вѣры на восточной ея сторонѣ, въ Кореліи.

Въ 1221 г. папа Гонорій III далъ повелѣніе, которымъ, въ видахъ огражденія юной христіанской общины въ Финляндіи отъ сосѣдственныхъ варваровъ, ей постоянно угрожавшихъ, воспрещалось западнымъ народамъ имѣть съ ними какія бы ни было торговыя сношенія. Ослушникамъ грозили проклятіемъ [2]). Предполагаютъ, что Емь выражала наклонность принять миссіонеровъ епископа Ѳомы. Но Новгородцы, опасаясь распространенія папской власти близь ихъ предѣловъ, нашли нужнымъ энергически воспротивиться ей. Въ это именно время, въ 1227 году, произошло всеобщее крещеніе Корелъ, о которомъ выше сказано. Но кромѣ того была съ Финскаго залива предпринята морская экспедиція противъ Еми, причемъ захвачено много плѣнныхъ и богатой добычи. Въ отвѣтъ Емь, въ слѣдующемъ 1228 году, напали въ числѣ 2.000 человѣкъ на берега Ладожскаго озера и разорили ихъ, но были прогнаны. Новгородцы же, съ своей стороны, съ княземъ Ярославомъ Всеволодовичемъ во главѣ, пошли въ глубину Финляндіи грандіознымъ походомъ. Лѣтописецъ говоритъ, что князь ходилъ въ

---

[1]) 1216, апрѣля 4; Sverges Traktater, т. I, стр. 131.

[2]) Ibid. стр. 137. Honorius papa tertius episcopo Fi(n)landiae. 1221, января 13.—Булла Григорія IX къ епископу линкöпингскому 1229, янв. 27, прямо направлена противъ Русскихъ, притомъ близкихъ: Ruteni, qui propinqui sunt eis... (стр. 144).

такія отдаленныя мѣста, гдѣ до того ни одинъ изъ русскихъ князей не бывалъ, и покорилъ всю ту мѣстность [1]). Плѣнныхъ было взято столь много, что не могли всѣхъ увести; поэтому нѣкоторыхъ убивали, другихъ отпускали домой. Финны, конечно, мстили Новгородцамъ; бросились разорять селенія на восточной сторонѣ Ладожскаго озера, близъ Олонца, но Ижоряне и Корела истребили ихъ всѣхъ до единаго.

Не подлежитъ сомнѣнію, что если католичество дѣлало извѣстные успѣхи между Финнами собственно, въ южной Финляндіи, то центральная часть, Емь, рѣшительно ему не поддавалась. Крещенныхъ дѣтей они приносили въ жертву идоламъ, взрослыхъ людей въ видѣ также жертвоприношенія гоняли на-смерть вокругъ ихъ священныхъ деревъ, христіанское духовенство ослѣпляли и всячески увѣчили. Это засвидѣтельствовано посланіемъ папы Григорія IX, 1237 года [2]). Онъ требовалъ поэтому отъ Шведовъ рѣшительныхъ мѣръ противъ этихъ отступниковъ, обѣщая въ награду полное отпущеніе грѣховъ. Подъ такими вліяніями Шведы и ихъ сосѣди предприняли усиленный походъ. Языческая Емь, впрочемъ, была оставлена пока въ сторонѣ, и вражеская сила направилась прямо на самую новгородскую область.

Время было выбрано удобное и полный успѣхъ казался обезпеченнымъ. На Русь нашла уже страшная гроза съ востока. Трехсоттысячная орда Батыя разлилась по Русской землѣ. Сѣ-

---

[1]) Ярославъ ходи изъ Новгорода за море на Емь, идѣже ни единъ князь Рускыхъ не возможе бывати и всю землю ихъ плѣнилъ. Карамзинъ, т. III прим. 314, стр. 246, 47.

[2]) Булла архіепископу упсальскому отъ 9 декабря 1237. Sverges Traktater, т. I, 180. ...illorum qui Tauesti dicuntur... diabole adiuuante, subuuertunt, paruulos, quibus in baptismo Christi lumen illuxit, violenter de hac luce subtractos interimunt, quosdam adultos, subtractis ab eis primo visceribus, demonibus immolant, et alios usque ad amissionem spiritus arbores circuire compellunt, sacerdotes vero quosdam excoculant, et quibusdam eorum manibus et ceteris membris crudeliter mutilatis, reliquos in combustionem et cibum ignis paleis inuolutos exponunt и пр.

верныя части не избѣгли бѣдствія: Владиміръ, Москва были разорены татарами; они подходили уже и къ Новгороду, были отъ него всего въ ста верстахъ, и лишь весенняя распутица и разливы рѣкъ спасли Великій Новгородъ; орды поворотили къ югу. Пользуясь такими тяжкими для Руси обстоятельствами, западные ея сосѣди Литва и ливонскіе рыцари примкнули къ Шведамъ.

Но въ Новгородѣ княжилъ юный Александръ Ярославичъ; ему предстояло совершить тотъ подвигъ, который на всегда возвеличилъ его и далъ ему наименованіе Невскаго. Когда въ 1240 году сила Шведовъ подъ предводительствомъ Биргера, сына Магнусова, съ епископами и духовенствомъ прибыла въ Неву, къ устью Ижоры, Александръ съ небольшой своей дружиной быстро приспѣлъ противъ врага. 15-го іюля онъ нанесъ Биргеру полное пораженіе, не смотря на свою малочисленность. Внезапность и рѣшительность удара обратили непріятеля въ бѣгство, а молодаго князя покрыли навѣки славою. Этотъ подвигъ описанъ у лѣтописца наиболѣе подробно, какъ одна изъ драгоцѣннѣйшихъ страницъ русской исторіи. Князь Александръ Невскій причисленъ православною церковью къ лику святыхъ. Дальнѣйшими его подвигами противъ другихъ, союзныхъ Шведамъ враговъ, Нѣмцевъ и Литовцевъ, слава Александра возрасла еще болѣе. Первые потерпѣли отъ него пораженіе наголову въ знаменитомъ «ледовомъ побоищѣ» на льду Чудскаго озера, 5-го апрѣля 1241 г. Затѣмъ были разбиты и прогнаны Александромъ и Литовцы.

Потерпѣвъ неудачу противъ Новгорода, Биргеръ—теперь уже зять короля, по женитьбѣ на сестрѣ Эрика XI,—вступилъ въ управленіе государствомъ и не замедлилъ проявить свою энергію, направивъ ее непосредственно противъ Еми финляндской. Съ сильнымъ флотомъ присталъ онъ по осени 1249 г. къ южному берегу Финляндіи и, преслѣдуя Тавастовъ въ глубь страны, догналъ ихъ до озера Ваная. Здѣсь онъ построилъ крѣпость Еменлинна (Тавастборгъ), какъ для подавленія мѣстнаго населенія, такъ и для опоры въ борьбѣ противъ Новгородцевъ и Корелы. Какими средствами намѣревался Биргеръ воздѣйствовать на

населеніе, видно изъ того, что по нѣкоторымъ разсказамъ на каменной стѣнѣ, окружавшей городъ, была высѣчена фигура воина съ бичемъ въ рукѣ и съ орудіями пытки вокругъ.

Новая крѣпость дѣлалась исходнымъ пунктомъ дальнѣйшихъ успѣховъ. Конечно, рѣшительный Александръ Невскій не могъ оставить такихъ крупныхъ шаговъ безъ противодѣйствія. Поэтому, независимо отъ сопротивленія въ Ингріи, гдѣ Шведы дѣйствовали въ согласіи съ нѣмецкими рыцарями, онъ пошелъ походомъ на Финляндію и на самую Швецію. Нападали чрезъ сѣверную, можетъ быть даже полярную часть Финляндіи. Александръ ходилъ на Чудь чрезъ такія мѣста, гдѣ вѣчная тьма царствуетъ [1]), а по Воскрес. Лѣт. [2])—«проидоша горы непроходимыя и воева поморіе все». Такимъ образомъ борьба шла не только па югѣ, но и на сѣверной окраинѣ.

Тамъ искони были у Новгородцевъ дѣла съ Норвежцами. Теперь шли переговоры объ улаженіи мирнымъ путемъ недоразумѣній, возникшихъ изъ за-неопредѣленности границъ. Александръ, зимою 1251 г., посылалъ къ норвежскому Гакону II въ Дронтгеймъ особое посольство съ протестомъ противъ того, что чиновники Гаконовы пытались распространить взиманіе дани даже до Финмаркена, облагая ею Корелу, подчиненную Новгороду [3]). Гаконъ отпустилъ пословъ слѣдующей весной, назначивъ для сопровожденія ихъ въ Новгородъ своихъ повѣренныхъ, которые тамъ, договоромъ, заключеннымъ въ теченіи лѣта 1252 г., привели порубежныя области къ нѣкоторому успокоенію. Вѣроятно этотъ договоръ дѣйствительно имѣлъ на время силу. Но уже подъ 1271 и 1279 гг. отмѣчены у шведскихъ историковъ новыя нападенія Корелъ на Норвегію (на Галугаландъ), причемъ былъ захваченъ даже и мѣстный управитель норвежскій.

Шведы съ своей стороны ходили въ 1283 и 1284 гг. въ Ладожское озеро, намѣреваясь отсюда обложить Корелъ данью,

---

[1]) Карамзинъ, т. IV, стр. 74, прим. 93.

[2]) П. С. Р. Л., т. I, стр. 203; т. VII, стр. 161.

[3]) *Бутковъ*, стр. 337 и посл., прим. 3.—*Коскиненъ*, стр. 40.

т. е. подчинить ихъ себѣ. Походы эти были неудачны. Въ послѣдующіе годы, однако, борьба разгорѣлась сильнѣе и дала Шведамъ возможность распространить свое владычество къ востоку еще дальше. Въ 1292 г. войска новгородскія вновь ходили въ центральную Финляндію, на Емь, а Шведы опять разоряли Ингрію и Корелію. Въ слѣдующемъ 1293 г. предводительствовалъ самъ Торкель Кнутсонъ, правитель Швеціи. Имѣлось въ виду крестить Корелъ въ католичество, для чего прибылъ и епископъ; главнѣе же всего, конечно, желали укрѣпиться въ новгородской Кореліи. Отряды, съ наступленіемъ весны, пришли въ восточную часть Финскаго залива и, не встрѣтивъ сопротивленія, заложили здѣсь крѣпость Выборгъ. Новгородцы, узнавъ о такомъ захватѣ, собрали войско и на слѣдующій годъ ранней весной явились передъ новой крѣпостью. Силы ихъ были, однако, не довольно велики и пришлось отступить съ большимъ урономъ.

Ставъ такимъ образомъ въ Выборгѣ, т. е. въ центрѣ финляндской Кореліи, довольно прочно, Шведы намѣревались сразу покорить себѣ всю эту область вплоть до Ладожскаго озера. Гарнизонъ выборгскій бросился съ этою цѣлью къ городу Корелѣ (Кексгольму), захватилъ его и дѣйствительно распространилъ было власть на всю страну. Однако успѣхъ его былъ мимолетенъ. Въ 1295 г. новгородская рать, вмѣстѣ съ Корелами, уничтожила враговъ и возвратила Новгороду его достояніе. Кексгольмъ остался въ русскихъ рукахъ со всею областію до самаго почти Выборга [1]).

Но прочное спокойствіе не возстановилось. Около 1300 г. Торкель вновь собралъ значительную морскую силу, замышляя преградить путь торговлѣ Новгорода съ западомъ по Финскому заливу. Придя въ Неву, онъ заложилъ при устьѣ рѣки

---

[1]) *Koskinen*, 43. Далинъ утверждалъ, что Шведы построили Кексгольмъ еще въ 1279 г., но это очевидно невѣрно, такъ какъ даже выборгская часть Кореліи занята ими лишь въ 1293 г., а Кексгольмъ постоянно оставался русскимъ городомъ до самаго 1611 г.—Противъ Далина говорятъ другіе шведскіе писатели. См. *Бутковъ*, стр. 352.

Сварты, т. е. черной, нынѣ монастырской, близъ Александро-Невской лавры, крѣпость названную имъ Ландскроной [1]). Отсюда отрядъ въ 800 ч. поплылъ далѣе вверхъ по Невѣ въ Ладожское озеро, но бурею былъ прибитъ къ берегу, гдѣ, начавъ грабить, подвергся преслѣдованію и уничтоженію. Въ Новгородѣ сознавали всю опасность. Спѣшно собрано было войско въ 31.000 человѣкъ, часть ихъ пошла сухимъ путемъ, другая водою къ Заячьему острову, гдѣ расположились Шведы. Принятыя мѣры нападенія, въ родѣ пущенныхъ по водѣ горящихъ плотовъ, не удались. Равнымъ образомъ была отбита и осенняя осада Ландскроны. Лишь на слѣдующій годъ, когда явилось новое новгородское войско подъ начальствомъ князя Андрея, сына Александра Невскаго, крѣпость взята приступомъ и совершенно уничтожена. Теченіе Невы опять было въ русскихъ рукахъ.

Такъ какъ упорное стремленіе Шведовъ овладѣть всей Кореліей до самаго Ладожскаго озера было очевидно, то Новгородцы воспользовались издавна продолжавшеюся въ Швеціи внутренней неурядицей и приняли нѣкоторыя свои мѣры къ охранѣ приладожскаго края. Въ 1310 году, при князѣ Михаилѣ Ярославичѣ, вмѣсто стараго города Корела, выстроена новая крѣпость, нынѣшній Кексгольмъ, недалеко отъ берега [2]). Въ томъ же году они предприняли и наступательныя дѣйствія. Финскимъ заливомъ они прошли къ юго-западной оконечности Финляндіи, къ Нюландіи, до р. Кумо или черной, разорили множество селеній, сожгли городъ Ванай и осаждали Шведовъ «въ замкѣ на скалѣ неприступной» [3]). Трудно сказать съ точностью, гдѣ находились эти мѣстности, но полагать должно,

---

[1]) Коскиненъ, вѣроятно слѣдуя Далину, опредѣляетъ мѣсто Ландскроны на берегу р. Охты. Другіе смѣшивали Ландскрону съ Нотеборгомъ и Ніеншанцемъ. *Бутковъ* опровергаетъ ихъ тѣмъ, что Ландскрона была на лѣвомъ, а не на правомъ берегу Невы. Ж. М. Вн. Дѣлъ, 1837 г., ч. 23, стр. 352.

[2]) Карамзинъ, т. IV, прим. 214.

[3]) Ibid, стр. 173. Коскиненъ говоритъ о «торговой» рѣкѣ и выражаетъ на счетъ ея недоразумѣніе.

что Новгородцы хозяйничали такимъ образомъ въ западной Финляндіи, а также на Ботническомъ заливѣ. «Черныхъ» рѣкъ и рѣчекъ есть довольно въ разныхъ мѣстахъ Финляндіи; но названіе рѣки *Кумо* вѣроятно указываетъ на Ботническій заливъ, а городъ *Ваная* на центральную Тавастландію, ибо Тавастборгъ, или Таваступсъ, именно построенъ при озерѣ Ванай. Самая осада Шведовъ, засѣвшихъ «на скалѣ неприступной» можетъ относиться къ Тавастборгскому замку [1]).

Въ 1313 и 1317 гг. Финны и Шведы опять нападали по Невѣ на берега Ладоги, причемъ побито много обонежскихъ купцовъ. Въ отместку Новгородцы въ 1318 году вторгнулись въ самое сердце Финляндіи; въ большихъ силахъ достигли они «Полной рѣки» (Aurajoki) и самой столицы Нюландіи Або [2]), и сожгли ее. Взятъ былъ не только самый городъ, но и епископъ, и финляндскій князь. Шведскіе историки, впрочемъ, объ этомъ не говорятъ. Съ другой стороны, по свидѣтельству сихъ послѣднихъ, Корелы, недовольные княземъ Борисомъ Владиміровичемъ, которому Корелія была дана въ вотчину, возмутились, захватили крѣпость, перебили русскихъ и обратились за помощью къ Шведамъ въ Выборгъ. Однако часть Корелъ осталась вѣрна Новгороду, и власть его не только возстановилась, но и еще болѣе упрочилась, когда выборгскіе Шведы, поощренные можетъ быть этимъ мѣстнымъ волненіемъ, пытались въ 1322 г. вновь овладѣть Кексгольмомъ, но должны были отступить съ урономъ. Тѣмъ не менѣе повторяющіяся съ запада по Невѣ нападенія не только Финновъ и Шведовъ, но и прочихъ Нѣмцевъ побудили, наконецъ, Русскихъ запереть входъ въ Ладожское озеро. Въ этихъ видахъ, при князѣ Юріи Даниловичѣ, они заложили при истокѣ Невы, на островѣ *Орѣховомъ,* крѣпость Орѣховскую или Орѣшекъ—нынѣшній Шлиссельбургъ (по-шведски Нотеборгъ).

[1]) Названіе р. Кумо принадлежитъ собственно истоку западной водной системы въ озеро Раумо, на берегу Ботническаго залива. Не далеко находится и мѣстность имени Кумо,—нынѣ приходъ южнѣе Бьернеборга.

[2]) Людеровъ городъ—по имени шведскаго начальника Людера.

Длившіяся цѣлые 30 лѣтъ почти непрерывныя кровавыя столкновенія склонили, однако, обѣ стороны къ миру. Именемъ малолѣтняго короля Магнуса присланы были князю Юрію, при участіи нѣмецкихъ купцовъ, дружественныя предложенія. Въ послѣдствіе ихъ заключенъ 12-го августа 1323 г. въ только-что выстроенномъ городѣ Орѣховѣ договоръ о вѣчномъ мирѣ съ Швеціей. Съ русской стороны были при переговорахъ посадникъ Алфоромѣй (Варфоломей) и тысяцкій Авраамъ; со стороны Магнуса—Эрикъ-Турессонъ, Геммингъ Одисласонъ, Петръ Іоансонъ—выборгскій начальникъ—и патеръ Вемундеръ; кромѣ того готландскіе купцы Людовикъ и Федоръ. Договоромъ, кромѣ границъ, о которыхъ будетъ сказано вслѣдъ за симъ, опредѣлялись размѣры общихъ рыбныхъ ловель внѣ предѣловъ новгородскихъ, въ отошедшихъ къ Швеціи округахъ, а равно права нѣмецкихъ купцовъ ходить водой и землей къ Новгороду, а новгородскихъ гостей за море. Шведы обязывались за себя и за Выборгъ не покупать корельской земли, не ставить крѣпостей со стороны Кореліи, выдавать должниковъ, холоповъ, поручителей и пр. [1]).

Орѣховскій договоръ имѣетъ въ исторіи отношеній Россіи къ Финляндіи первостепенную важность. То былъ первый письменный актъ, который опредѣлялъ границы русскихъ владѣній въ этомъ краѣ въ древнія времена. Быть можетъ онъ прискорбенъ для русскаго чувства, такъ какъ послѣ одержанныхъ побѣдъ или по крайней мѣрѣ отраженныхъ нападеній, русскіе переговорщики уступили предъ шведско-нѣмецкими представителями Магнуса и отдали имъ немаловажную часть территоріи; но самое опредѣленіе этой территоріи даетъ неоспоримое доказательство историческихъ правъ Россіи на восточную часть Финляндіи.

Кромѣ упомянутыхъ пунктовъ Орѣховскаго договора, въ немъ первенствующее и болѣе всѣхъ ихъ важное мѣсто занимаетъ пунктъ объ уступкѣ Швеціи части русской Кореліи. Ближайшіе къ Выборгу округа ея: по берегу Финскаго залива

[1]) См. Приложеніе, № 2.

между Сестрой-рѣкой и этимъ городомъ, и далѣе въ глубь страны къ сѣверу, именуемые Эйрепя, Яскисъ и Саволаксъ, дѣлались теперь шведскимъ достояніемъ. За русскими осталась, кромѣ всей Ингерманландіи, приладожская часть Кореліи отъ Невы по западному и сѣверному берегамъ Ладожскаго озера. И та и другая вошли въ составъ Вотской пятины. Теперь западная граница русскихъ владѣній пошла по южному берегу Финскаго залива отъ р. Наровы на востокъ до того мѣста, противъ котораго лежитъ островъ Котлинъ (Кронштадтъ). Островъ дѣлился пополамъ, западная часть шведская, восточная—русская. Граница шла далѣе на устье р. Сестры и на гору Руметe, раздѣляющую верховья рѣкъ Сестры и Саи; оттуда по Саѣ, впадающей въ Вуоксу при нынѣшней почтовой станціи Кивиніеми, на пересѣченіи дороги изъ Кексгольма къ Выборгу съ петербургской дорогой; еще далѣе въ сѣверо-западномъ направленіи по разнымъ водамъ и перешейкамъ до окрестностей Нейшлота; оттуда къ сѣверо-востоку по озерамъ Пуруреси и Ориреси; отъ сѣверной вершины послѣдняго опять въ сѣверо-восточномъ направленіи къ озеру Рикавеси, а отъ него почти прямо на сѣверъ чрезъ гору Писавуори въ приходѣ Нильсія, верстахъ въ 60-ти къ сѣверо-востоку отъ города Куопіо [1]). Вообще въ этой мѣстности пограничная черта шла по линіи, отдѣляющей нынѣ всѣ 5 корельскихъ уѣздовъ отъ яскискаго округа выборгской губерніи и куопіоскаго Саволакса, а въ дальнѣйшемъ по хребту Мансельну и по озеру Енаре до Ледовитаго океана у Варангера и Неогдема [2]).

Орѣховскій договоръ, уступая Шведамъ три упомянутые округа, свидѣтельствуетъ о давности и значительности бывшихъ до того русскихъ владѣній въ восточной и сѣверной частяхъ Финляндіи. Но и оставшіяся за Новгородомъ области, не смотря на ихъ ограниченіе, составляли немалую долю нынѣшнихъ выборгской, куопіоской и отчасти санктмихельской

---

[1]) Неволинъ, Новгородск. пятины, стр. 138. См. тотъ же самый договоръ въ изданіяхъ ниже поименованныхъ и въ Прил. № 2.

[2]) Неизданная записка П. Г. Буткова о старой Финляндіи.

и улеаборгской губерній. Постановленія его служили основаніемъ всѣхъ послѣдующихъ договоровъ; въ 1338, 1339 и 1350 гг. онъ былъ подтвержденъ; на него ссылались въ сношеніяхъ Русскихъ со Шведами въ 1510, 1537, 1557 и 1563 годахъ [1]).

Орѣховскій договоръ былъ до послѣдняго времени извѣстенъ по латинскому тексту, хранящемуся въ стокгольмскомъ королевскомъ архивѣ. Профессоръ абоской академіи (гельсингфорскаго университета) Портанъ издалъ его съ своими примѣчаніями по тремъ сличеннымъ между собою спискамъ. Его изданіемъ руководствовался между прочимъ Карамзинъ. Но лишь въ 70-хъ годахъ этого столѣтія былъ открытъ въ Стокгольмѣ и русскій текстъ Орѣховскаго трактата, шведскимъ ученымъ Рюдбергомъ. Съ замѣчательнымъ безпристрастіемъ онъ посвятилъ ему обстоятельное изслѣдованіе, изъ котораго оказывается, что подлинный договоръ хранился въ прежнія времена въ Выборгѣ, и затерянъ. Но изъ находящихся въ стокгольмскомъ архивѣ отмѣтокъ видно, что подлинникъ былъ писанъ по-русски и по-латыни. Въ 1537 г. Шведы объявили Русскимъ, что Юрьева грамота о мирѣ пропала; однако же, оказывается, что это увѣреніе было только предлогомъ для того, чтобы не признавать границъ 1323 г. Интересно указаніе Рюдберга, что первоначальный договоръ принадлежалъ къ серіи документовъ, носившихъ отмѣтку: «старая порубежная грамота, которой не должно показывать» (gamla Rågänz bref, som intet skole frambäras [2]).

---

[1]) Неволинъ. Пятины, стр. 37.

[2]) Упомянутый русскій текстъ какъ Рюдбергомъ, такъ и уважаемымъ нашимъ академикомъ Я. К. Гротомъ, признается за истинный. Изслѣдованіе Рюдберга помѣщено въ стокгольмскомъ изданіи Sverges Traktater, 1877 г., и занимаетъ болѣе 70 страницъ убористаго шрифта. Статья Я. К. Грота—въ Запискахъ II отд. И. А. Н. 1877 г. № 4; при ней точный снимокъ со славянскаго текста. Изданіе Портана въ Syllogon monumentorum, ad illustrandam historiam Fennicam pertinentium. Abo, 1803. У Карамзина, т. IV, стр. 199, прим. 255, со ссылкою на Лерберга (Lehrberg's Untersuhungen zur Erleuterung der älteren Geschichte Russlands, S.-Pbrg. 1816, 4). Бутковъ, въ статьѣ

Орѣховскій миръ, заключенный съ Швеціей, не устранилъ, однако, недоразумѣній съ Норвежцами, граница съ которыми на дальнемъ сѣверѣ оставалась очень неопредѣленною. Въ самый годъ заключенія договора (1323) Новгородцы вмѣстѣ съ Корелами направили свои нападенія на Галугаландъ, Біаркею (Біяркъ-зундъ) и другія собственно норвежскія мѣстности. Самый дворецъ правителя Норвегіи, Эрлинга Видкунсона, былъ сожженъ. Раздраженный и, за малолѣтствомъ короля Магнуса, всевластный Эрлингъ принялся за организацію противъ Новгородцевъ цѣлаго крестоваго похода. Съ помощью своего агента при папскомъ престолѣ онъ получилъ отъ папы Іоанна XXII обѣщаніе пособія на этотъ случай въ размѣрѣ половины сборовъ, предложенныхъ духовенствомъ на освобожденіе Св. Земли. Тѣмъ не менѣе планъ похода остался невыполненнымъ; норвержская казна была истощена, а богатое духовенство выразило очень мало желанія содѣйствовать предпріятію. Самое посланіе папы была получено очень поздно. Поэтому обѣ стороны склонились къ мирному разрѣшенію спора, для чего въ Новгородъ и былъ отправленъ нѣкій Гаквинъ. Онъ съ тѣмъ же воеводой Алфоромеемъ, съ епископомъ Моисѣемъ и тысяцкимъ Астафіемъ «и со всѣми Новгородцами вообще и порознь» заключилъ 11-го іюня 1326 г. миръ «какъ бывало прежде между предшественниками нашими» срокомъ на 10 лѣтъ. Договоромъ возстановленъ *древній рубежъ* и опредѣлены выдачи вознагражденій и наложеніе взысканій за нарушеніе границъ. Миръ заключенъ и отъ имени Саклена (предполагается Заволочья) [1]. Замѣчательно, что договоръ этотъ подписанъ и утвержденъ безъ участія новгородскаго князя. Объясняется это тѣмъ, что князь Юрій Даниловичъ былъ убитъ въ 1325 г. и въ 1326 г. еще не было въ Новгородѣ новаго князя [2].

Три древніе договора перепечаталъ по Портану. Antiquités Russes, т. II, стр. 473.

[1]) См. Приложеніе № 3.

[2]) Карамзинъ, IV, 234, прим. 310; Бутковъ, Ж. М. Вн. Дѣлъ, 1837 г., ч. 23, стр. 337 и посл.; Antiquités Russes, II, стр. 477 и посл.

Что касается границъ, т. е. возстановленнаго древняго рубежа, то по имѣющимся даннымъ онъ представляется довольно неопредѣленнымъ. Не подлежитъ однако сомнѣнію, что владѣнія Руси доходили въ сѣверо-западной части Норвегіи до самаго моря подъ 69 и 70° широты и 38—39° долготы. По древней рунной грамотѣ [1]) и по кодексу арнеманьенскому [2]) русскій князь собиралъ дань по берегу у Линкестуфута (Люнгенфьердъ нынѣшній) и оттуда по прямому направленію въ горы до рѣки *Мэли* и до большаго села *Майяйякилля*, принимаемаго за Маарзундъ. На западъ же у Дріадима (Тромзе-э) и у Сантвика (Санд-э) были норвежскія владѣнія [3]).

Вѣчный миръ, договоренный въ Орѣховѣ, подвергся однако испытанію при томъ же Магнусѣ Смекѣ, отъ имени котораго онъ былъ заключенъ. Придя въ возрастъ онъ думалъ вмѣшаться въ дѣла Новгородцевъ съ подвластною имъ Кореліей. Новгородъ, ища сближенія съ литовскимъ Гедиминомъ, далъ сыну его Наримонту въ «отчину и дѣдину» не только Ладогу, половину Копорья, Орѣшекъ, но и всю Корелію съ Кексгольмомъ. Норимонтъ послалъ туда въ правители сына своего Александра, которымъ, по сказаніямъ Шведовъ, населеніе было недовольно, возстало противъ русско-литовскихъ властей и многихъ умертвило. Въ то же время оно обратилось за помощью въ Выборгъ къ Шведамъ. Это было въ 1337 г.. Шведы дѣйствительно двинулись къ Ладогѣ; Александръ бѣжалъ въ Литву, а Новгородцамъ пришлось самимъ отстаивать свои владѣнія. Они исполнили это не только съ успѣхомъ, но и вторгнувшись въ выборгскую страну, опустошили ее и потребовали подтвержденія прежняго мира. Возстановленіе его дѣйствительно состоялось въ 1339 г., тѣмъ болѣе что сильная чумная эпидемія—

---

[1]) Изслѣдованіе Эрика Бьернера, цитируемое Бутковымъ, Cogitationes critico-philologicae de orthographia linguae sueo-gothicae tam runica quam vulgari и пр. Стокгольмъ 1740.

[2]) Antiquités Russes, II, 493—4.

[3]) См. Приложеніе № 1.

черная смерть—разлившись по Европѣ, удерживала и Шведовъ отъ воинственныхъ приключеній.

Но чрезъ нѣсколько лѣтъ, не стѣсняясь мирными условіями, Магнусъ пошелъ на Русь новымъ походомъ съ тѣми же, какъ и въ прежнія времена, цѣлями пропаганды католицизма. При этомъ онъ предложилъ даже религіозное состязаніе, съ тѣмъ чтобы то исповѣданіе, которое окажется лучшимъ, было принято обѣими сторонами. Новгородцы уклонились однако отъ этого состязанія, ловко указавъ обратиться къ константинопольскому патріарху. Тогда Магнусъ собралъ значительное войско и лѣтомъ 1348 года пришелъ въ Неву. Здѣсь онъ осадилъ Орѣшекъ и взялъ его, а духовные начали крестить жителей въ латинство. Шведы надѣялись стать и здѣсь твердой ногой. Къ большему еще затрудненію Новгородцевъ Псковичи, согласившіеся было дать Шведамъ общій отпоръ, ушли восвояси. Великое княженіе, находившееся теперь въ Москвѣ, было далеко и не могло оказать помощи. Новгородцы, однако, сами справились со Шведами, разбили ихъ и выгнали изъ Орѣхова. 800 челов. было убито и взято въ плѣнъ. Продолжая преслѣдованіе, они разбили непріятеля и подъ Выборгомъ. А чтобы озаботить Магнуса еще болѣе, сдѣлали диверсію предпринявъ съ Двины кружный походъ въ Норвегію. Война была для Шведовъ вполнѣ несчастна. Тѣмъ не менѣе заключенный въ Дерптѣ въ 1351 году миръ не предоставилъ Новгороду никакихъ преимуществъ, и занятыя русскими мѣстности возвращены Шведамъ [1]).

---

[1]) Дерптскій миръ далъ поводъ Далину, а за нимъ и другимъ шведскимъ писателямъ, равно и нашему Карамзину, впасть въ крупную погрѣшность утверждая, что по этому договору возвращены Россіи тѣ три округа (Эйрепяскій, Яскискій и Саволакскій), которые были уступлены по Орѣховскому миру. Погрѣшность объясняется дурнымъ шведскимъ переводомъ сего послѣдняго трактата, принятымъ въ руководство, и тѣмъ обстоятельствомъ, что его относили не къ 1323 году, какъ дѣйствительно было, а къ 1351. Новѣйшія изслѣдованія, а также открытіе Рюдбергомъ русскаго текста, о коихъ предъ симъ сказано, вполнѣ разъяснили истину и опровергли возвратъ Россіи означенныхъ округовъ по Дерптскому миру.

Тѣмъ временемъ внутреннія неустройства въ Швеціи настолько разрослись, что ей некогда было помышлять о новыхъ походахъ на Новгородцевъ и Корелію. Слабый Магнусъ, послѣ неудачныхъ своихъ крестовыхъ походовъ, не угодилъ и папѣ: онъ замедлилъ высылкою динарія Св. Петра и подвергся за то изъ Авиньона проклятію. Вмѣстѣ съ тѣмъ, хотя и соединились въ рукахъ Магнуса Швеція и Норвегія, но удержать ихъ онъ не могъ. Недовольство Норвежцевъ привело къ тому, что Магнусъ передалъ ихъ страну младшему сыну Гакону, а старшій Эрикъ остался наслѣдникомъ лишь шведскаго престола. Но шведская аристократія поднялась противъ короля открытою силой и принудила его передать большую часть королевства, въ томъ числѣ и Финляндію, наслѣднику Эрику. Сей послѣдній однако вскорѣ умеръ (1359 г.). Но счастіе и затѣмъ не улыбнулось Швеціи. Датскій король Вольдемаръ отнялъ у нея южныя провинціи; шведское дворянство подняло новый бунтъ, заключило короля Магнуса въ Кальмарскій замокъ и передало корону Гакону (1362 г.). Не прошло, впрочемъ, и года, какъ дворянство, недовольное тѣмъ что Гаконъ женился на принцессѣ Маргаритѣ датской безъ его согласія, равно какъ и доброжелательствомъ къ заключенному отцу, вызвало на шведскій престолъ племянника Магнусова, сына регента мекленбургскаго, Альбрехта. Сторонники Магнуса и Гакона поднялись въ свою очередь, и междуусобица затянулась на многіе годы. Но недовольное и Альбрехтомъ населеніе поднялось и противъ него и потребовало передачи власти въ руки особаго совѣта изъ 12-ти членовъ, что и состоялось въ 1371 г.. Самоуправству и произволу открылся теперь широкій просторъ. Всякій, кто имѣлъ средства и силы, захватывалъ себѣ безнаказанно замки и поселенія, причемъ разбои, грабежи и убійства стали дѣломъ обыкновеннымъ. Правители, уже и въ это время постоянно нуждавшіеся въ деньгахъ, закладывали замки и имущества нѣмцамъ, и тѣмъ лишь увеличивали взаимную ненависть и смятеніе. Областные начальники самостоятельно затѣвали войны съ ближайшими ганзейскими городами, а герцогъ мекленбургскій организовалъ даже систематическій морской разбой.—

Вражда между епископами упсальскимъ и абоскимъ изъ-за границъ епархій прибавляла свою долю въ общую неурядицу. Ганзейскіе города съ своей стороны, опираясь на преобладаніе нѣмцевъ въ Стокгольмѣ, вмѣшивались въ дѣла Швеціи въ такой мѣрѣ, что передали столицу женѣ Альбрехта Маргаритѣ. Этотъ совершенно произвольный поступокъ иностранцевъ привелъ, однако, къ благополучнымъ для Шведовъ послѣдствіямъ: Маргаритѣ удалось положить нѣкоторый предѣлъ неустройству Скандинавіи. Твердой рукой она обуздала мятежное рыцарство; ея энергіей созваны были высшіе представители трехъ государствъ: Швеціи, Норвегіи и Даніи, и въ 1399 году состоялась Кальмарская унія. Еще предъ тѣмъ въ короли былъ избранъ Эрикъ Померанскій, племянникъ Маргариты; впрочемъ, до самой ея смерти (1412) власть оставалась въ ея рукахъ.—Шведская часть Финляндіи никакого въ состоявшемся соглашеніи участія не принимала и подчинилась ему лишь въ качествѣ шведской провинціи.

Но возстановленный Маргаритой порядокъ длился недолго. Мятежному духу, властолюбію и корыстолюбію дворянства и епископовъ, пастырскіе жезлы которыхъ въ эту пору были едва-ли чѣмъ слабѣе скипетровъ,—соединеніе трехъ государствъ придало только больше жизни. Каждая партія въ каждомъ государствѣ стремилась захватить власть не только въ своей странѣ, но и въ двухъ другихъ. Короли смѣняли одинъ другого; одновременно бывало по два короля; порой не признавался никто, и во главѣ оказывались болѣе смѣлые и ловкіе изъ подданныхъ. Входить въ подробности по всѣмъ этимъ предметамъ нѣтъ, въ цѣляхъ нашей задачи, никакой нужды. Королевская власть была унижена до послѣдней степени. При такихъ условіяхъ иногда, въ пылу раздоровъ, партіи думали даже о призывѣ на помощь Русскихъ [1]). Главнѣе же всего то, что занятые внутренней борьбой, Шведы лишь очень рѣдко затѣвали военныя предпріятія, и то болѣе мелкія, въ пограничныхъ мѣстностяхъ, по внушеніямъ рыцарей нѣмецкихъ и ли-

[1]) Koskinen, 75.

*

вонскихъ. Русь также была озабочена съ другихъ сторонъ и ничего серьезнаго на сѣверѣ не предпринимала. Къ тому же самъ Великій Новгородъ клонился къ упадку, постепенно уступая передъ Москвой, хотя и сохраняя еще обликъ внѣшняго значенія.

Лишь для хронологической послѣдовательности упомянемъ здѣсь о болѣе крупныхъ военныхъ предпріятіяхъ, касавшихся Финляндіи и Руси въ теченіи XV вѣка. Въ 1411 г. Шведы грабили новгородскую область, за что Новгородцы позднѣе отомстили походомъ въ выборгскую страну, причемъ разорили и сожгли самый городъ. Года четыре спустя, Русскіе опустошили финскій край въ сѣверной части Ботническаго залива.—Въ 1468 году соединенныя силы Шведовъ и рыцарей воевали съ Новгородцами на Наровѣ. Въ то-же время чрезъ Лапландію ходили первыя моремъ въ крестовый походъ противъ язычниковъ (contra paganos) новгородскихъ и союзниковъ ихъ Москвитянъ, Волоховъ и Татаръ. Двиняне, близъ Неноксы, разбили Шведовъ безъ посторонней помощи. Въ огражденіе себя на границѣ Саволакса, Шведы построили тамъ въ 1475—77 гг. новую крѣпость Олафсборгъ (Нейшлотъ), а Выборгъ укрѣпили каменными стѣнами. Тѣмъ не менѣе отношенія между сосѣдями можно было вообще считать мирными, а въ 1482 г. и формально возобновленъ прежній миръ.

II.

Во времена царей.

Между тѣмъ явился собиратель русской земли Іоаннъ III; отдѣльныя области, Новгородъ, Псковъ, пришли въ упадокъ. Владѣнія московскаго царя доходили теперь до предѣловъ шведской Финляндіи. Датскій король Гансъ, претендовавшій на общій согласно уніи престолъ трехъ скандинавскихъ государствъ, въ Швеціи не признавался, и правитель ея Стенъ-Стуръ былъ всемогущъ. Въ такихъ обстоятельствахъ между

Иваномъ III и Гансомъ состоялся въ 1493 году договоръ въ видахъ общаго дѣйствія противъ Шведовъ. Впрочемъ враждебныя столкновенія начались еще съ 1490 г., когда русскіе предприняли опустошительное нападеніе въ сѣверной части Ботническаго залива. Поводомъ послужилъ споръ Іоанна о неточномъ примѣненіи Орѣховскаго договора къ береговой полосѣ Ботническаго залива, а также по вопросу о рыбныхъ ловляхъ на озерѣ Улео: тамъ были перебиты русскіе рыбаки [1]). Загорѣлась новая и жестокая война съ Швеціей.

Напряженіе силъ было настолько велико, что псковитяне обязались выставить вооруженнаго всадника съ каждыхъ десяти сохъ. Русское войско, въ числѣ 60.000 ч., подъ предводительствомъ князя Данилы Щеня, перешло по осени 1495 г. границу, имѣя съ собою громадную артиллерію (орудія длиною въ $3^1/_2$ сажени). Приступили къ Выборгу, держали его въ осадѣ съ сентября до Рождества, но взять не могли. По шведскимъ источникамъ, дѣло окончилось знаменитымъ «Выборгскимъ взрывомъ», который шведскій начальникъ Кнутъ Поссе произвелъ въ то именно время, когда Русскіе взошли уже на укрѣпленія. Разсказываютъ, что при этомъ было небесное явленіе въ видѣ андреевскаго креста, осѣнявшаго Шведовъ. Но, покинувъ Выборгъ, Русскіе разлились по всей Финляндіи. Той же зимой, въ началѣ 1496 г., они мечемъ и огнемъ проникли отъ Нейшлота, забравъ тамошній гарнизонъ, въ центральную и западную Финляндію и остановились лишь въ двухъ дняхъ пути отъ Або. Шведы укрѣпились было на р. Кюмени, но Русскіе обошли препятствія. Высланный навстрѣчу шведскій отрядъ въ 7.000 ч. былъ разбитъ. Главнокомандующій Свантъ-Стуръ сидѣлъ въ Або съ 40-тысячнымъ войскомъ и не рѣшился ока-

[1]) О рыбныхъ ловляхъ въ этомъ договорѣ сказано.... «а что нашихъ погостовъ Новгородскихъ воды и землѣ и ловиш у Ловожи половина во всѣмъ Ковкоу кали половина Ватикиви половина Саумовиси половина Уксипя половина Урбала половина, Кедевя шестая часть, Бобровъ Коуноустани шестая часть за рубежемъ, а то все къ Новугороду».

зать сопротивленія, давъ Русскимъ уйти съ большой добычей и плѣнными.

Іоаннъ, не ограничась этимъ, велѣлъ собрать значительныя силы въ разныхъ областяхъ сѣвернаго края и послалъ ихъ въ Каянію, или на десять рѣкъ, т. е. въ сѣверозападную часть Финляндіи къ Ботническому заливу. Воеводы двинулись глубокой зимой (1496—7 гг.). Одни отряды прошли сухимъ путемъ, другіе съ Двины, «моремъ Акіяномъ да черезъ Мурманскій носъ». Они не только разорили всю землю отъ Кореліи до Лапландіи, но и присоединили къ русскимъ владѣніямъ берега Лименги. «Извоевали Полну рѣку, да Торнову, да Снѣжну; добра поимали много, а полону безчисленно»[1]). Архивн. лѣтоп. перечисляетъ подробнѣе рѣки, при которыхъ были завоеванныя мѣстности: Кемь, Торна (Торнео), Колокопъ, Овлуй[2]), Сиговая, Снѣжна[3]), Гавка, Путошъ. Покорилась такимъ образомъ вся нынѣшняя улеаборгская губернія, отъ Торнео до Калаіоки. Когда русскія войска пошли по осени обратно въ Москву, жители послали съ ними посольство, которое отдало страну ихъ подъ покровительство Россіи[4]).

Свантъ-Стуръ, видя такіе блестящіе успѣхи московскаго оружія, сдѣлалъ было диверсію, придя изъ Стокгольма на судахъ въ р. Нарову, и взялъ Иванъ-городъ; но, не надѣясь въ немъ удержаться, ушелъ обратно, захвативъ плѣнныхъ. Вскорѣ наступило однако время отдыха: въ томъ же 1497 г. въ Новгородѣ заключено было перемиріе на 6 лѣтъ. На шведскій престолъ взошелъ король Гансъ (датскій), другъ Іоанновъ, доро-

---

[1]) Лѣтописецъ Архангелогородскій.

[2]) Очевидно Улеа, при ней городъ Улеаборгъ, впадаетъ въ сѣверную часть Ботническаго залива. Улеаборгъ по-фински Оулу, отсюда Овлуй.

[3]) Сиговая—вѣроятно Сиккаіоки, Снѣжна — по-фински Луміоки, lumi—снѣгъ. Р. Торнео составляетъ теперь сѣверную границу Финляндіи и Россіи отъ Швеціи. Кеми—ближайшая къ Торнео большая рѣка, впадающая также съ сѣвера въ Ботническій заливъ по восточную сторону р. Торнео.

[4]) *Карамзинъ*, т. VI (3 изд.), стр. 340.

жившій его дружбою. Впрочемъ вопросъ о поземельныхъ владѣніяхъ пріобрѣтенныхъ, какъ полагаютъ, послѣдними успѣхами русскаго оружія и соглашеніями обѣихъ сторонъ [1]), остается невыясненнымъ. Въ 1501 г. отъ царя было въ Стокгольмѣ посольство, предъявлявшее требованіе на корельскіе округа, уступленные по Орѣховскому договору и положенные будто бы въ основу дружественныхъ соглашеній съ Гансомъ, но дѣло это неизвѣстно чѣмъ кончилось. Тѣмъ временемъ возникла между правителемъ Стенъ-Стуромъ и главнокомандующимъ Свантъ-Стуромъ новая междуусобица, причемъ королева Христина была даже осаждена первымъ въ Стокгольмѣ, принуждена, наконецъ, сдаться и оставалась полтора года въ плѣну. Іоаннъ не хотѣлъ вести переговоровъ съ мятежнымъ правительствомъ. Король Гансъ, опираясь на Данію, оружіемъ отстаивалъ свои права. Наконецъ, въ 1504 г. войнѣ положенъ былъ предѣлъ перемиріемъ на 20 лѣтъ, продолженнымъ позднѣе еще на 60 лѣтъ. Не видно, чтобы Россія пріобрѣла при этомъ какія нибудь выгоды.

Между тѣмъ умеръ Іоаннъ III. Могущество Россіи, еще за сто лѣтъ назадъ начавшей крѣпнуть и совершенно освободившейся теперь отъ татарскаго гнета, не переставало возрастать. Западные сосѣди съ безпокойствомъ и завистью слѣдили за этимъ ростомъ и принимали свои мѣры, чтобы ему препятствовать. Изъ нихъ Швеція, послѣ цѣлаго вѣка внутреннихъ и внѣшнихъ затрудненій раздѣлавшись съ Кальмарской уніей, начала проявлять свое значеніе въ сильной рукѣ Густава Вазы. Москва, конечно, была однимъ изъ предметовъ первѣйшихъ его заботъ. Стремясь ее ослабить, онъ тайно сносился съ королемъ польскимъ, съ Ливоніей и съ прусскимъ герцогомъ, старался поднять и Данію противъ Россіи, склонялъ къ прекращенію съ ней англійской торговли. Споръ о неясныхъ границахъ давалъ постоянные поводы къ недоразумѣніямъ, а слѣдовательно и къ столкновеніямъ. Шведы, а вѣроятно и Русскіе, переходили границу, пахали чужую землю, косили на ней сѣно, ловили въ водахъ рыбу. Особенно въ половинѣ XVI вѣка отношенія вновь

---

[1]) См. *Карамзинъ*, т. VI, стр. 337 и 340.

очень обострились. Часть Финляндіи, примыкавшая къ сѣверо-восточнымъ берегамъ Ботническаго залива, куда вела дорога отъ Ладожскаго озера, была и прежде, какъ выше упомянуто, постояннымъ яблокомъ раздора. Въ этой мѣстности, въ то время еще пустынной, гдѣ и сами обыватели вели между собою кровавыя распри изъ-за предѣловъ ихъ владѣній, русскіе считали себя хозяевами, ибо не разъ покоряли ее. Но и на югъ, или точнѣе на юговостокъ оттуда, условія были не лучше, такъ какъ граница, проходя по странѣ весьма пересѣченной озерами, рѣками и болотами, не имѣла строго опредѣленныхъ и точныхъ пограничныхъ знаковъ и урочищъ. Такое неудобство пограничной линіи и сопряженныя съ нимъ недоразумѣнія продолжались до самаго завоеванія всей Финляндіи при Александрѣ I, что и признано было въ его манифестѣ по случаю этого событія. Посему, особенно въ разсматриваемое время, за всякое нарушеніе границы, вольное или невольное, возобновлялись репрессаліи. Шведы свирѣпствовали не менѣе Русскихъ: «почали села жечь—повѣствуетъ Никоновская лѣтопись—и дѣтей боярскихъ убивать, и гостей у себя задержали, и сына боярскаго на колъ горломъ посадили». Посланный къ Густаву Вазѣ въ Стокгольмъ отъ Іоанна IV чиновникъ Никита Кузьминъ былъ задержанъ. Тогда Новгородцы заняли нѣкоторыя мѣста Финляндіи вооруженною рукой, но Шведы побили ихъ на голову. Адмиралъ Багге въ 1555 г. осадилъ Орѣшекъ, жегъ и разорялъ окружныя селенія; однако, никакихъ серьезныхъ результатовъ не достигъ и возвратился въ Финляндію.

Русскіе въ свою очередь вступили въ слѣдующемъ 1556 г. въ Финляндію, подъ Выборгомъ обошли позиціи Шведовъ и побѣдили, забравъ въ плѣнъ ихъ родовитыхъ людей. Верстахъ во ста за Выборгомъ они встрѣтили войска, шедшія изъ Стокгольма, и разбили ихъ. Опустошивъ затѣмъ берега Вуоксы и разоривъ Нейшлотъ Русскіе вывели такое множество плѣнныхъ, что продавали мужчинъ по гривнѣ, а дѣвокъ по пяти алтынъ. Шведы увидѣли себя въ необходимости искать мира. Престарѣлый уже Густавъ Ваза прислалъ Канута въ Москву, для переговоровъ, а затѣмъ явилось тамъ съ подарками и формальное посольство изъ по-

четныхъ лицъ, въ числѣ коихъ были и два епископа, упсальскій и абоскій. Переговоры, долго тянувшіеся изъ-за разныхъ формальностей и между прочимъ изъ-за требованія, чтобы король шведскій сносился не прямо съ царемъ, а съ новгородскимъ намѣстникомъ, кончились, однако, безъ всякихъ для Россіи выгодъ: границы остались прежнія. Въ 1557 г. заключено перемиріе на 40 лѣтъ. Выговорено лишь, что русскіе купцы могутъ ѣздить въ западныя страны чрезъ Швецію, взамѣнъ чего Шведамъ предоставлено право свободнаго проѣзда чрезъ Россію въ Индію и Китай.

Не лишне будетъ отмѣтить, что къ описываемой здѣсь эпохѣ относится попытка отдѣленія Финляндіи въ самостоятельное княжество или герцогство. До того времени она безусловно и безмолвно слѣдовала за судьбами Швеціи въ качествѣ ея провинціи. Еще при жизни Густава Вазы второй сынъ его Іоаннъ получилъ титулъ герцога финляндскаго. Титулъ этотъ употреблялся и ранѣе, но не предоставлялъ собою никакихъ владѣтельныхъ правъ. Такъ въ 1285 г. братъ короля Магнуса Бенгтъ, или Бенедиктъ, епископъ Линкöпингскій, именовался герцогомъ финляндскимъ [1]. Это герцогство и при Іоаннѣ составляло лишь весьма малую часть нынѣшней Финляндіи, именно: Аландскіе острова и западная часть нюландской и абоской губерній [2]. Короли шведскіе и члены ихъ семействъ цѣлыми столѣтіями не показывались въ Финляндіи; но принцъ Іоаннъ поселился въ Або, завелъ неизвѣстные тамъ до того времени придворные обычаи и роскошь. Охоты и турниры, музыка, карты и разныя другія увеселенія поражали полудикихъ финновъ. Собственное его честолюбіе, а также вліяніе окружающихъ, въ числѣ коихъ были два финляндца (Флемингъ и Горнъ), сперва возбудили, а потомъ поддерживали его въ стремленіи сдѣлаться самостоятельнымъ государемъ. При всякомъ случаѣ онъ сталъ объявлять свои отношенія къ Швеціи

---

[1]) Finnische Geschichte, Коскинена, стр. 40.

[2]) Ibidem, стр. 136.

только вассальными. Въ намѣреніи упрочить свое положеніе онъ задумалъ увеличить Финляндію на счетъ земель, лежащихъ по южному берегу Финскаго залива и искалъ сближенія съ Польшей. Герцогъ Іоаннъ домогался и достигъ того, что женился на сестрѣ Сигизмунда-Августа, Екатеринѣ, игравшей вскорѣ совершенно особенную роль въ планахъ или желаніяхъ Ивана Грознаго, приведшихъ къ разрыву съ Швеціей и къ ослабленію России со стороны Финляндіи.

Между тѣмъ, вскорѣ по заключеніи 40-лѣтняго перемирія съ Россіей, умеръ Густавъ Ваза (1560 г.), и вступившій на шведскій престолъ сынъ его Эрикъ XIV принялъ всѣ мѣры къ тому, чтобы въ корнѣ уничтожить сепаратистскіе планы своего брата и его совѣтниковъ, и замыслы послѣднихъ рушились. Но для обезпеченія своего успѣха король пошелъ войной на брата. Большое войско обложило Або съ моря и съ суши. Знатнѣйшіе финляндцы перешли на сторону короля; ему же содѣйствовали противъ герцога и правители внутренней Финляндіи, Тавастгуса и Выборга, грабившіе вооруженной рукой владѣнія Іоанна. Польскій король, къ которому послѣдній обратился за содѣйствіемъ, отказалъ въ немъ подъ предлогомъ неимѣнія флота для перевозки войскъ. Въ августѣ 1563 г. герцогъ Іоаннъ сдался и былъ перевезенъ въ Швецію, гдѣ и заключенъ вмѣстѣ съ супругой Екатериной въ замокъ Грипсгольмъ. Екатеринѣ предложена была свобода, но она не пожелала покинуть мужа.

Въ это время Русскіе и Шведы воевали вмѣстѣ противъ Поляковъ, и Эрикъ дорожилъ содѣйствіемъ Грознаго тѣмъ болѣе, что ему приходилось воевать и съ Даніей и съ Норвегіей. Царь Иванъ поставилъ цѣною помощи присылку ему въ Москву жены заключеннаго герцога, Екатерины. Какъ ни нелѣпо было такое условіе, особенно при жизни мужа, однако Эрикъ не отклонилъ его положительно и даже далъ царю надежду, но исполненіемъ медлилъ и писалъ уклончивые отвѣты. Въ 1568 г. посланники Іоанна Грознаго возобновили въ Стокгольмѣ его требованія на счетъ Екатерины. Но обстоятельства въ самой Швеціи перемѣнились. Эрикъ былъ свергнутъ съ престола, и его мѣсто занялъ заключенный въ Грипсгольмѣ Іоаннъ. Послы

Грознаго были свидѣтелями переворота и рисковали жизнію вслѣдствіе народной къ нимъ непріязни. Однако со шведской стороны желали мира, и въ Россію послано было въ 1569 г. новое торжественное посольство. Въ Новгородѣ оно было принято съ почестями; но затѣмъ возобновились пререканія о томъ, что послы королевскіе должны были ограничиться переговорами съ намѣстникомъ новгородскимъ, такъ какъ Грозный продолжалъ не признавать шведскаго короля себѣ равнымъ. Посольство было задержано и затѣмъ сослано въ Муромъ. Отпущено оно лишь въ 1572 г. и привезло въ Швецію разныя, ни на чемъ неоснованныя требованія царя Ивана, между прочимъ передачу Россіи серебряныхъ рудниковъ въ Финляндіи, наименованіе русскаго царя Властелиномъ Швеціи и т. п.

Но еще до того загорѣлась уже война по обѣимъ сторонамъ Финскаго залива. На югѣ дѣйствовалъ союзникъ Ивана IV датскій принцъ Магнусъ, женихъ племянницы царской, дочери князя Владиміра Андреевича; въ Финляндіи Русскіе обошли Выборгъ и огнемъ и мечемъ опустошили страну вплоть до Гельсингфорса. Шведы съ своей стороны дѣлали то же самое въ кексгольмской области и въ Ингерманландіи. Кровопролитіе кончилось перемиріемъ на два года (1575—77), заключеннымъ на Сестрѣ-рѣкѣ, при чемъ Русскіе добились того, что для переговоровъ шведскій уполномоченный прибылъ на русскую сторону рѣки.

По истеченіи перемирія, въ январѣ, многочисленное войско Грознаго съ сильной артиллеріей обложило Ревель, и вмѣстѣ съ тѣмъ послало отряды татарской конницы чрезъ заливъ, въ Финляндію, гдѣ они опустошили всю береговую полосу отъ Борго до Ингö. Финны съ своей стороны по прежнему разоряли ладожскую область и подъ командою Де-ла-Гарди обложили Кексгольмъ. Дѣйствуя изъ орудій калеными ядрами, они зажгли деревянныя укрѣпленія и затѣмъ завладѣли этимъ главнымъ пунктомъ русской Кореліи, распространивъ грабежи и на олонецкую область. На югѣ Финскаго залива дѣйствія Шведовъ сопровождались неменьшимъ успѣхомъ. Назначенные туда значительные русскіе отряды должны были получить дру-

гое направленіе: на польскій престолъ вступилъ Стефанъ Баторій, задавшійся цѣлію возвратить Литвѣ области, завоеванныя русскими государями. Дѣйствія его сопровождались блестящимъ успѣхомъ, онъ бралъ городъ за городомъ, и 1581 г. осадилъ сильнѣйшую изъ русскихъ крѣпостей Псковъ. Де-ла-Гарди съ своей стороны овладѣлъ всей Эстляндіей, а равно и городами Ингерманландіи, Ивангородомъ, Ямомъ и Копорьемъ. Шведскій король счелъ даже себя въ правѣ пополнить свой титулъ именемъ великаго князя Шелонской пятины [1]). Въ 1583 г. Шведы надѣялись рѣшительными дѣйствіями противъ Орѣхова захватить наконецъ въ свои руки и все теченіе Невы, о чемъ они мечтали болѣе трехъ столѣтій, однако это предпріятіе имъ не удалось, и штурмъ ихъ былъ отбитъ; Иванъ IV прекратилъ войну съ Баторіемъ и могъ рѣшительнѣе противостоять Шведамъ. Однако затѣмъ, при устьѣ рѣчки Плюссы, заключено перемиріе на 3 года, продолженное затѣмъ еще на четырехлѣтній срокъ. Россія утратила всѣ захваченные Шведами города.

Въ царствованіе Θеодора Іоанновича непріязненныя отношенія къ Швеціи не прекращались, и оба правительства не переставали обмѣниваться укоризнами въ сущности все по тѣмъ же поводамъ: Русскіе жаловались на разбои и грабежи Шведовъ въ области заонежской, олонецкой, на Ладогѣ и Двинѣ. Въ 1589 г. они приходили изъ Каяніи, опустошили волости монастырей соловецкаго и печерскаго и другія отдаленныя мѣстности, и взяли казну въ полмилліона рублей. Нападенія на монастырскія земли привели къ новому формальному разрыву, и зимою 1590 г., въ жестокую стужу, Θеодоръ и Годуновъ двинулись съ главными силами по южному берегу Финскаго залива, пославъ другіе полки въ Финляндію. Эстонія была опустошена до Ревеля, Финляндія до Або. Это привело къ заключенію перемирія на условіи отдачи московскому го-

[1]) Шелонская пятина по южному берегу Финскаго залива граничила на западѣ р. Наровой; на востокѣ, за р. Лугой, начиналась Вотская пятина. См. Неволина, 137, 153.

сударю Яма, Ивангорода и Копорья; но король Іоаннъ не утвердилъ условій. Шведскій генералъ Бойе осадилъ Ивангородъ; но Русскіе, подъ предводительствомъ воеводы Сабурова, сдѣлали вылазку и разбили Шведовъ наголову. Результатомъ была уступка Россіи не только названныхъ городовъ, но и возвратъ Корельской области. Однако война этимъ не кончилась, такъ какъ король Іоаннъ не хотѣлъ слышать о мирѣ на подобныхъ условіяхъ. Войска его сожгли множество селеній вокругъ Яма и Копорья, вторгнулись въ новгородскую область и были уже въ 50-ти верстахъ отъ Новгорода. Но значительныя русскія силы здѣсь собранныя побудили ихъ уйти обратно. Тѣмъ временемъ Русскимъ грозила бѣда съ другой стороны: Ханъ крымскій шелъ къ Москвѣ. Шведы воспользовались затрудненіями Русскихъ, явились близъ Гдова и разбили ихъ. Другіе ихъ отряды изъ Каяніи проникли даже до Сумскаго острога на Бѣломъ морѣ и предались звѣрствамъ. Въ самый день праздника Рождества Христова они убили въ Кольской обители 50 иноковъ и 65 слугъ монастырскихъ. Но русскій воевода, князь Григорій Волконскій, разбилъ и истребилъ Шведовъ, а въ наказаніе опустошилъ Каянію и взялъ громадную добычу. Зимою слѣдующаго 1592 года нападеніе на Финляндію возобновилось въ значительныхъ размѣрахъ. Отряды подъ начальствомъ знатнѣйшихъ воеводъ были посланы въ глубину Финляндіи и покрыли страну пепломъ и развалинами отъ Або до Выборга, гдѣ заперлись шведскія войска. Непріятель не рѣшился выступить въ открытое поле, и Русскіе взяли нѣсколько тысячъ плѣнныхъ.

Всѣ эти ужасы вскорѣ однако окончились. Сперва было заключено перемиріе, а потомъ, въ концѣ 1594 г., начались и переговоры о мирѣ. Въ Тявзинъ, близь Иванъ-города по русскую сторону Наровы, съѣхались шведскіе послы Стенъ Банеръ, Горнъ, Бойе, съ московскими княземъ Туренинымъ и Пушкинымъ. Шведы требовали недавно взятыхъ Ѳеодоромъ городовъ; Русскіе домогались сперва Наровы и Кореліи, но потомъ ограничились послѣднею. Шведы возражали тѣмъ, что въ Кореліи ими сдѣланы значительныя затраты на большія укрѣпленія,

на что русскіе отвѣчали ссылками на то, что не слѣдовало брать и тѣмъ болѣе укрѣплять чужого. Шведы просили за Корелію денегъ, «и многія жестокія разговорныя слова о Корелѣ съ обѣихъ сторонъ были». Наконецъ они отдали ее безъ денегъ. Другія условія касались и дани съ Лопарей: королю брать ее на восточной сторонѣ (Остерботніи) къ Варангѣ, а царю— къ двинской и корельской землѣ и къ Колѣ-городу [1]. На этихъ условіяхъ въ 1595 г., 18-го мая, тамъ же у Тявзина, подписанъ договоръ о вѣчномъ мирѣ между Шведами и Русскими.

Послѣдніе получили слѣдовательно обратно восточную часть Финляндіи. Царь Ѳеодоръ поспѣшилъ отправить въ Кексгольмъ святителя, дабы очистить тамъ православіе отъ слѣдовъ иновѣрія. Онъ устроилъ Корельскую епископію въ качествѣ новгородскаго викаріата, а епископъ Сильвестръ получилъ наименованіе епископа корельскаго и орѣшскаго. Что касается прочаго внутренняго устройства края, то еще отъ прежняго времени остались слѣды русскаго владѣнія на столько глубокіе, что ихъ не изгладило и шведское владычество. По свѣдѣніямъ финскихъ историковъ [2]), Корелія при основаніи Выборга дѣлилась на 14 судебныхъ округовъ. Позднѣе, когда новгородская земля была раздѣлена на пятины, Корелія относилась къ Вотской пятинѣ и составляла ея корельскую половину. Въ ней подъ 1396 г. упоминались грекороссійскіе церковные погосты: Курьевскій — Богородицкій, Кирьяжскій—нынѣ Куркиіоки, Кирвусъ или Кроноборгъ, Кюлюласкій или Михайловскій-Сакульскій, теперь Саккола. Въ 1550 г. существовалъ тамъ погостъ Васильевскій - Равдужскій (нынѣ кирхшпиль Раутузъ). По писцовымъ книгамъ 1573 и 1582 гг. и по изгоннымъ новгородскимъ книгамъ XVI в. извѣстны кромѣ того принадлежавшіе къ г. Корелѣ погосты: Воскресенскій-Городенскій, Никольскій - Сердовальскій (Сердоболь), Воскре-

---

[1]) *Соловьевъ*. Ист. Росс. (изд. 4), т. VII, 3, стр. 285.

[2]) *Koskinen*, 42.

сенскій-Саломанскій—нынѣ Сальмисъ, Ильинскій-Иломанскій (Ломаисъ, въ куопіоской губ.) [1]).

Въ Кореліи сохранялся древній порядокъ дѣленія земель и оброковъ по новгородской системѣ на *сохи* и *обжи* [2]), ему весьма близко соотвѣтствуетъ и позднѣйшій финляндскій камеральный порядокъ. Соха сходствовала съ адеромъ и шведскимъ манталомъ, а обжа съ арвіо-рублемъ или съ гейматомъ. Соха содержала 30 обжъ, обжа—10 четвертей въ полѣ. Съ сохи брали въ казну ежегодно 10 руб., а съ обжи—33½ коп., кромѣ другихъ повинностей [3]). Это древне-русское оброченіе было на столько укоренено въ Кореліи, что потомъ, когда ею владѣла опять Швеція (1611—1714 г.), оно сохранилось неизмѣнно. Оно сохранилось и до настоящаго времени, не смотря на всѣ мѣры, которыя съ 1811 г. финляндское управленіе принимало къ тому, чтобы искоренить всѣ русскіе слѣды. Такъ называемый рублевый оброкъ существуетъ и понынѣ и лишь подвергается измѣненію размѣра. Высочайшимъ постановленіемъ 16-го іюля 1886 г. этотъ оброкъ опредѣленъ въ составѣ извѣстнаго количества зерноваго хлѣба, ржи, овса и наличныхъ денегъ. А другимъ постановленіемъ о введеніи новыхъ оброковъ собственно въ Выборгской губерніи, т. е. бывшей Кореліи, размѣръ оброка увеличенъ, и одинъ манталь (древняя соха) будетъ соотвѣтствовать 20-ти оброчнымъ рублямъ, т. е. прежнимъ обжамъ, не касаясь самой цѣнности рубля [4]).

---

[1]) *Неволинъ*. Новг. Пятины, стр. 133, 134, 137; прил. I, стр. 48, прил. II, стр. 60 и пр.

[2]) *Соха* предполагаетъ пространство пашни, требующее для обработки поля человѣка съ тремя лошадьми, или самъ третей. *Никитскій*, стр. 49.—«...а въ соху два коня да третье припряжь». *Неволинъ*, 10.

[3]) Въ позднѣйшее время. — Записка *Буткова*. Впрочемъ по описанію нѣкоторыхъ финскихъ статистиковъ отношеніе обжи къ сохѣ было въ разныхъ частяхъ Кореліи различное и казенный оброкъ измѣнялся, смотря по качеству поля, составляя вообще около одной трети дохода.

[4]) *Сборникъ* постановл. Велик. Кн. Финляндск. за 1886 г., № 22, стр. 5.

Земли были даваемы въ вотчину русскому дворянству. Въ 1550 г. упоминаются помѣщиками въ корельскихъ погостахъ князья Путятины, въ 1571 они же, и князья Мещерскіе, Пушкины, Нелединскіе, Головкины, Обольяниновы и много другихъ фамилій чисто русскихъ. Частію, рядомъ съ ними, владѣли и нѣмцы [1]). Крестьяне не допускались къ владѣнію землей на томъ основаніи, что они «черные мужики», а не вотчинники. Посему у тѣхъ крестьянъ, которые во время войны захватили себѣ нѣкоторые участки, они были отобраны. Земледѣльцы назывались волостными людьми и крестьянами. Однако послѣдніе пользовались личною свободою, переходили съ мѣста на мѣсто, отъ владѣльца къ владѣльцу, съ условіемъ обработывать часть для себя и часть для господина, или же платить оброкъ. Крестьяне заключали договоры съ помѣщиками въ Юрьевъ день (26-го ноября), какъ было и на Руси до Бориса Годунова, и какъ до послѣдняго времени заключались контракты и въ Финляндіи, во фрельсовыхъ имѣніяхъ [2]).—Корелія управлялась по одинаковымъ правиламъ съ прочими, чисто русскими частями Вотской пятины. Были свои губные старосты, губные цѣловальники и по нѣскольку сотскихъ, пятидесятскихъ и десятскихъ. Цѣловальники собирали государевы подати.

Древняя собственность Руси къ ней возвратилась, но не надолго. Вскорѣ наступили годы тяжкихъ испытаній и бѣдствій. Воцареніе Бориса Годунова и смерть его, царствованіе перваго Лжедимитрія, избраніе царя Василія Ивановича Шуйскаго, смуты и борьба съ тушинскимъ самозванцемъ, нашествіе Поляковъ и водвореніе ихъ въ Москвѣ, удаленіе Василія и провозглашеніе царемъ Владислава польскаго, разнобоярщина,—всѣ эти ужасныя страницы русской исторіи доста-

[1]) Записка *Буткова; Неволинъ*, стр. 61, 62.

[2]) Нынѣ этимъ срокомъ считается въ Выборгской губерніи 1-го ноября (нов. ст.), такъ называемый Пюхамисти, праздникъ всѣхъ святыхъ.

точно извѣстны. Но въ отношеніи къ Финляндіи значеніе ихъ было преимущественно велико. Бѣдствовавшее государство обратилось къ помощи своего недавняго еще врага, а теперь друга въ борьбѣ съ поляками, — къ Швеціи, и заплатило ей дорогою цѣной.—28-го февраля 1609 г. подписанъ въ Выборгѣ союзный договоръ, главнѣйшія условія коего заключались въ слѣдующемъ. Хотя договоръ 1595 г. возобновлялся на вѣки вѣковъ, но Россія обязывалась не вступаться въ Ливонію; Карлъ же IX давалъ царю Василію 2 тыс. конныхъ и 3 тыс. пѣшихъ ратниковъ, за что царь обязывался уплачивать, на ихъ жалованье, по 100.000 ефимковъ въ мѣсяцъ; эти войска поступали въ полное распоряженіе русскаго главнокомандующаго. Но главное, царь, въ знакъ признательности, уступалъ Швеціи въ вѣчное владѣніе, впрочемъ до времени *тайно*,—такъ какъ уступка эта могла произвести сильное неудовольствіе между русскими,—городъ Кексгольмъ.

Въ мартѣ союзныя войска уже вступали въ русскія владѣнія подъ командою 27-ми лѣтняго Якова Делагарди. Войска эти состояли кромѣ Шведовъ и Финновъ изъ всякаго наемнаго сброда: Нѣмцевъ, Французовъ, Англичанъ, Шотландцевъ и Голландцевъ. Судьбы Россіи ввѣрялись охранѣ этихъ людей, подъ общимъ начальствомъ 23-хъ-лѣтняго князя Михаила Скопина-Шуйскаго. Дѣйствія послѣдняго привели скоро къ блестящимъ результатамъ: области новгородская, псковская и тверская были очищены отъ сообщниковъ самозванца и молодой главнокомандующій со славою вступилъ въ Москву. Но непродолжительно было его торжество. Вскорѣ послѣ пира у Воротынскаго,—князя Михаила Скопина-Шуйскаго не стало. Съ его смертью вновь ослабѣла сила русскаго оружія подъ начальствомъ нелюбимаго и подозрѣваемаго въ отравленіи племянника, князя Дмитрія Шуйскаго, брата царева. Въ битвѣ подъ Клушинымъ наемныя иностранныя войска покинули русскихъ, и польскій гетманъ Жолкевскій одержалъ надъ послѣдними рѣшительную побѣду. Бѣдствія увеличились до послѣдней степени. Въ то время, когда поляки хозяйничали въ Москвѣ, а въ странѣ разбойничали приверженцы Тушинскаго вора и

казаки, власти не было никакой, и между начальствующими шли раздоры,—войско Делагарди предалось также грабежу и отошло къ границамъ Финляндіи, дѣйствуя уже какъ непріятель. Взявъ Ладогу, Делагарди осадилъ Кексгольмъ. Новгородцы, помня старину, поднялись было на этихъ вчерашнихъ друзей и вытѣснили ихъ изъ Ладоги, но потомъ Делагарди не только оправился, но и взялъ Новгородъ, хотя и измѣною. Въ 1611 г. временно прекратилась борьба; но условія были крайне унизительны. Безъ царя, Новгородъ самъ, впрочемъ «съ вѣдома бояръ и народа Московскаго», заключилъ 17-го іюля съ Карломъ IX договоръ о вѣчномъ мирѣ. Отвергая короля Сигизмунда и наслѣдниковъ его, Литву и Ляховъ, Новгородцы признавали своимъ защитникомъ и покровителемъ короля шведскаго, съ тѣмъ, что и Русскіе и Шведы будутъ общими силами противиться Сигизмунду, врагу и тѣхъ и другихъ. Въ цари и великіе князья московскіе и владимірскіе Новгородцы просили одного изъ сыновей Карла IX-го, Густава-Адольфа или Филиппа. Кексгольмъ, тѣмъ временемъ взятый Шведами, уступался имъ окончательно. Впрочемъ бояре тянули переговоры со Шведами, желая выгадать время.

Но исходъ изъ этихъ бѣдствій наконецъ наступилъ. Народное чувство и любовь къ отечеству взяли верхъ надъ личными своекорыстными побужденіями. По призыву Минина и подъ предводительствомъ князя Пожарскаго поднялся весь русскій народъ и сперва раздѣлался съ московскими поляками, а потомъ единодушно избралъ въ 1613 г. въ цари Михаила Ѳеодоровича Романова.

Такое народное рѣшеніе обмануло ожиданія обоихъ претендентовъ на царскій скипетръ, и польскаго и шведскаго. Поэтому военныя дѣйствія не могли прекратиться, не смотря на водвореніе законной власти. Войска Сигизмунда занимали Смоленскъ, котораго не могли взять русскіе воеводы; Шведы съ своей стороны требовали присяги всего царства герцогу Карлу-Филиппу, нехотѣвшему быть государемъ одного Новгорода. Между тѣмъ Карлъ IX умеръ и его заступилъ старшій сынъ его Густавъ-Адольфъ. Онъ отправилъ брата Карла-Филиппа

въ Выборгъ, куда должны были явиться русскіе уполномоченные для рѣшенія дѣла объ избраніи послѣдняго въ цари. Уполномоченные не явились; тогда Густавъ-Адольфъ потребовалъ, чтобы Новгородцы присягнули лично ему, чего тѣ также не исполняли, имѣя въ виду уже избраннаго новаго московскаго государя. Послѣдствіемъ было наступленіе Шведовъ на новгородскую область. Делагарди оттѣснилъ Русскихъ, а Густавъ-Адольфъ лично взялъ Гдовъ и осадилъ Псковъ, но овладѣть имъ не могъ. Однако обѣ стороны желали мира; Шведы опасались Датчанъ и Поляковъ и нуждались кромѣ того въ деньгахъ. Въ Москвѣ также сильно желали мира послѣ всѣхъ пережитыхъ смутъ и крайняго разоренія; кромѣ того, былъ неусмиренный еще опасный врагъ польскій. Въ 1616 г. представители обѣихъ сторонъ съѣхались въ сельцѣ Дедеринѣ, но ничѣмъ кончить не могли и вторично собрались въ селѣ Столбовѣ между Ладогой и Тихвиномъ. Наконецъ, послѣ переговоровъ длившихся цѣлый годъ, заключенъ въ 1617 г. новый договоръ о вѣчномъ мирѣ: царь Михаилъ получилъ обратно Новгородъ, Ладогу, Гдовъ, Руссу, Порховъ; Шведамъ же предоставлены взятые ими города на южномъ побережьѣ Финскаго залива: Ивангородъ, Ямъ, Копорье и вся часть Финляндіи, бывшая прежде въ русскомъ владѣніи. Не только Кексгольмъ, но и Орѣшекъ, а съ нимъ и входъ въ Ладожское озеро остались въ рукахъ Шведовъ. Имъ уплачено кромѣ того 20.000 р. деньгами. Всѣ столь дорого стоившія русскому народу пріобрѣтенія цѣлыхъ столѣтій оказались утраченными. Іоаннъ Грозный началъ такое отступательное движеніе отъ Балтійскаго моря, Ѳеодоръ и Годуновъ исправили отчасти ошибки предшественника, но смутное время подвергло опасности даже самую колыбель сѣверной Руси. Столбовскимъ договоромъ Россія со стороны Финляндіи была отодвинута ко временамъ такъ сказать доисторическимъ.

Столбовскій миръ подтвердилъ сдѣланную въ 1611 году уступку Шведамъ города Кексгольма и всей Кореліи «во всемъ потому, какъ Россійскіе государи оную землю за собой имѣли, держали и владѣли». Пребывавшимъ тамъ дворянамъ и дѣ-

тямъ боярскимъ, монашеству и посадскимъ людямъ предоставлено въ 2 недѣли или остаться за Шведами или перейти съ имуществомъ въ Россію; священникамъ повелѣно остаться на своихъ мѣстахъ и жить подъ шведскимъ владычествомъ.

Тогда значительная часть Корелъ переселилась въ сѣверную часть губерній новгородской и тверской, изъ тамошнихъ же русскихъ ни одинъ въ Кореліи не остался. Главное усиліе Шведовъ было направлено теперь на искорененіе какъ въ этой области, такъ и въ Ингерманландіи, православія и на водвореніе лютеранства. Корельская православная кафедра уже при второмъ епископѣ Павлѣ была закрыта. Хотя православнымъ и предоставлено было сноситься съ новгородскими епископами, но другія мѣры шведскаго правительства были направлены противъ православія. Густавъ-Адольфъ въ 1625 г. повелѣлъ завести въ Стокгольмѣ славянскую типографію, въ которой дважды напечатанъ былъ русскій переводъ Лютерова катехизиса; онъ же славянскими буквами изданъ на финскомъ языкѣ. Король щедро награждалъ и православныхъ прихожанъ, кои выучатъ этотъ катехизисъ, и пасторовъ, тому содѣйствовавшихъ. Позднѣе обѣщана была особенная королевская милость тѣмъ, кто пожелаетъ принять лютеранство, а отклонившіеся отъ православія освобождались отъ податей. А потомъ всѣхъ говорившихъ по фински уже прямо записывали въ число лютеранъ. Этимъ способомъ, при усердномъ стараніи финляндскаго главнаго тогда правителя графа Петра Браге, появились лютеранскіе приходы и въ Ингерманландіи, и въ Кореліи. Такія мѣры, въ связи съ выселеніемъ, привели къ тому что изъ 159.882 жителей оставалось только 21.061, принадлежавшихъ къ православной церкви [1]).

Поступивъ подъ шведское владычество, Корелія образовала особый ленъ (губернію) подъ названіемъ Кексгольмскаго; прежде уступленные округа составили Выборгскій или «Замковый»

---

[1]) Записка Буткова.—Gamla Finland, af Knorring. Або, 1833, стр. 46, 47.

ленъ, простиравшійся до р. Кюмени [1]). Въ Ингерманландіи учреждены лены Нöтеборгскій или Орѣшковскій, Копорскій, Ивангородскій и Ямбургскій. Корельскій ленъ не былъ присоединенъ къ финляндскимъ, а подчинялся генералъ-губернатору, жившему въ Нарвѣ [2]). Кореліи не предоставлены политическія права прочихъ частей, бывшихъ прежде подъ шведскимъ владычествомъ. Когда, 30 лѣтъ спустя послѣ Столбовскаго договора, въ 1647 г. собрались на съѣздъ въ Выборгѣ представители леновъ выборгскаго, нейшлотскаго и кюменегордскаго, то корельскихъ депутатовъ тамъ не было. По основному закону, изданному въ Швеціи позднѣе, 3-го ноября 1660 г., не дано никакого участія въ сеймахъ и съѣздахъ обывателямъ всѣхъ вновь завоеванныхъ областей, т. е. Кореліи, Ингерманландіи, Эстляндіи и Лифляндіи, и когда въ 1687 г. выборгскій епископъ обнародовалъ въ Кексгольмѣ созывъ на сеймъ, то получилъ отъ короля строгій выговоръ [3]).

Для управленія вновь уступленными землями были назначены шведскіе фохты. Но въ отношеніи внутренней организаціи, особенно въ Кореліи, не было сдѣлано существенныхъ реформъ, и порядки, бывшіе въ Швеціи или въ прочихъ частяхъ Финляндіи, въ ней не введены. Крестьяне не были прикрѣплены къ землѣ, но и не имѣли никакого права на обработываемые участки и не могли пріобрѣтать ихъ въ собственность (скаттъ). Земли по-прежнему дѣлились на обжи и арвіо-рубли, и, либо отдавались въ аренду, либо по произволенію королей жалуемы были разнымъ лицамъ, которыя вносили въ казну нѣкоторую опредѣленную часть оброковъ. Поземельныя книги также велись по совершенно инымъ формамъ, нежели шведскія и финляндскія. Лишь для разсмотрѣнія и рѣшенія тяжебныхъ и уголовныхъ дѣлъ введены были въ Кореліи шведскіе законы, безъ сомнѣнія или потому, что русскіе

---

[1]) Замковый (Slotts-län) отъ Выборгскаго замка, гдѣ жилъ губернаторъ.

[2]) Gamla Finland, стр. 3.

[3]) Записка Буткова.

не были извѣстны Шведамъ, или потому, что они опасались по политическимъ соображеніямъ довѣрить судебное разбирательство людямъ хотя бы и знающимъ, но принадлежащимъ къ мѣстному корельско-русскому населенію.

Въ продолженіе остальныхъ лѣтъ царствованія Михаила Ѳеодоровича столкновенія со Шведами не возобновлялись; напротивъ, дружба между нимъ и Густавомъ-Адольфомъ приняла размѣры до того небывалые. Увѣренія въ ней со стороны послѣдняго привели къ тому, что Шведамъ предоставлена въ Россіи по многимъ статьямъ безпошлинная торговля, а въ 1631 году ко двору московскому былъ даже назначенъ постоянный дипломатическій представитель Швеціи.

Такія добрыя отношенія продолжались и въ первые годы царствованія Алексѣя Михайловича, находя опору въ общей ихъ борьбѣ съ Польшей. Успѣхи Русскихъ противъ нея были значительны, сдался Смоленскъ, взяты Вильно, Ковно и Гродно. Шведы, у которыхъ послѣ Густава-Адольфа и Христины на престолъ вступилъ уже Карлъ X Густавъ, изумляли міръ своими блестящими побѣдами. Въ теченіи полугода въ ихъ рукахъ оказались Познань, Варшава и Краковъ. Но это привело къ столкновенію и между Алексѣемъ Михайловичемъ и Карломъ X. Нужно было серьезно опасаться, что крайнее усиленіе Швеціи будетъ вредно для Россіи, тѣмъ болѣе что еще издавна всѣ выдающіеся государственные люди послѣдней имѣли въ виду невозможность полнаго развитія Московскаго царства безъ открытія доступа къ морю, именно Балтійскому, какъ ближайшему. Совѣтники царя Алексѣя, патріархъ Никонъ и Ординъ-Нащокинъ, не могли имѣть иныхъ взглядовъ. Могущественная Швеція надолго, если не навсегда, удалила бы Россію отъ завѣтной цѣли. Кромѣ того, условія Столбовскаго договора были тяжкою раной, нанесенною русской народной гордости и не могли не вызывать желанія отъ нихъ освободиться. Время было благопріятное, такъ какъ Шведамъ грозила Голландія. Захвативъ въ Америкѣ Новую Швецію, она

готовилась и въ Европѣ противъ самой метрополіи. Поляки также начинали приходить въ себя послѣ перваго страха и надѣялись противостоять при содѣйствіи крымскихъ татаръ, которыхъ звали на помощь.

При такихъ побужденіяхъ въ 1656 году Алексѣй Михайловичъ лично двинулся въ походъ на Ливонію. Первыя дѣйствія были удачны, и въ русскихъ рукахъ оказались Динабургъ, Дерптъ и нѣкоторыя другія мѣста; обложили Ригу. Въ Финляндіи, въ Сердоболѣ, захватили много непріятельскихъ судовъ, осадили Орѣшекъ и Кексгольмъ. Православное населеніе встрѣчало русскихъ какъ избавителей. Но и тамъ и здѣсь успѣхи ихъ были непродолжительны. Подъ Ригой осажденные нанесли царскому войску такое пораженіе, что оно принуждено было снять осаду. Финляндія оказывала упорное сопротивленіе, и многія части ея, вмѣсто потребованнаго шведскимъ правительствомъ на пополненіе войскъ десятаго человѣка, поставили восьмаго [1]). Въ Неву пришелъ флотъ изъ Стокгольма. Изъ Каяніи вооруженныя толпы предприняли нападеніе на Соловецкій монастырь; впрочемъ, высланные стрѣлецкіе полки разогнали ихъ.

Съ русской стороны были сдѣланы мирныя предложенія: вынужденный возобновить войну съ Польшей, Алексѣй Михайловичъ спѣшилъ окончаніемъ шведской войны. Карлъ X съ своей стороны, при дурномъ ходѣ дѣлъ въ Польшѣ и при необходимости воевать и съ Даніей, также искалъ возможности помириться. Задержаннымъ въ Москвѣ шведскимъ посламъ дано было приказаніе въ этомъ смыслѣ, а въ апрѣлѣ 1658 г. пріѣхалъ особый шведскій комиссаръ Конрадъ фонъ-Барнеръ, къ которому присоединились еще другія лица. Русскими для переговоровъ назначены: бояринъ князь Прозоровскій и думный дворянинъ, намѣстникъ надъ городами Лифляндской земли воевода Ординъ-Нащокинъ; преобладающая роль принадлежала послѣднему. При послахъ были стольникъ Прончищевъ и дьяки Дохтуровъ и Юрьевъ. Долго шли соглашенія о мѣстѣ

[1]) Koskinen, 257.

переговоровъ: Ординъ-Нащокинъ настаивалъ на мѣстности близъ Риги, въ виду того что его пребываніе было въ Царевичъ-Дмитріевѣ городѣ (Кокенгаузенъ), и оттуда было удобнѣе руководить всѣми распоряженіями. Но такъ какъ въ Москвѣ разсуждали въ его отсутствіе, то и перевѣсило тамъ рѣшеніе, противное его мнѣнію и согласное съ шведскимъ желаніемъ, именно вести переговоры въ мѣстности близъ Нарвы, въ Веліасари. Затѣмъ пошли недоразумѣнія между послами и главнокомандующимъ, воеводою княземъ Хованскимъ. Ординъ-Нащокинъ требовалъ войскъ, дабы присутствіемъ ихъ поддержать русскія предложенія, а Хованскій ему въ томъ отказывалъ и жаловался царю. Алексѣй Михайловичъ мирилъ ихъ. Шведы съ своей стороны, желая отдѣлаться отъ энергическаго русскаго посла, начали интриговать противъ Ордина-Нащокина. Царь остался однако твердъ; но въ пререканіяхъ и примиреніяхъ прошелъ почти цѣлый годъ, и послы съѣхались въ первый разъ лишь въ половинѣ ноября.

Московскіе послы требовали ливонскихъ городовъ, Корельской Финляндіи и Ингерманландіи [1]); Шведы объявили, что могутъ заключить миръ только на условіяхъ Столбовскаго договора. Обѣ стороны держались упорно; но на время дѣло уладилось заключеніемъ 20-го декабря трехлѣтняго перемирія. Русскіе удержали все, что было завоевано. Для окончательнаго завершенія дѣла былъ назначенъ великимъ посломъ тотъ же Ординъ-Нащокинъ, съ повелѣніемъ не откладывая заключить вѣч-

---

[1]) ..... «Промышляй всякими мѣрами—писалъ Царь Ордину-Нащокину—чтобы у шведовъ выговорить въ нашу сторону въ Канцахъ (Ніеншанцъ) и подъ Ругодивомъ (Нарвою) корабельныя пристани и отъ тѣхъ пристаней для проѣзду къ Корелѣ на рѣкѣ Невѣ городъ Орѣшекъ; да на рѣкѣ Двинѣ городъ Кукейносъ (Кокенгаузенъ, Царевичъ-Дмитріевъ городъ) и иныя мѣста, которыя пристойны; а шведскимъ комиссарамъ или генераламъ и инымъ, кому доведется, сули отъ одного себя ефимками или соболями на десять, пятнадцать или двадцать тысячъ рублей; объ уступкѣ городовъ за эту дачу промышляй по своему разсмотрѣнію одинъ, смотря по тамошнему дѣлу, какъ тебя Богъ наставитъ!»—*Соловьевъ*, т. XI, 82.

ный миръ: имѣлось въ виду всемѣрно спѣшить окончаніемъ всего до исхода переговоровъ, которые велись у Шведовъ съ Поляками въ Пруссіи. Намѣревались поэтому уже въ мартѣ 1660 г. приступить къ рѣшительнымъ соглашеніямъ съ Бентгорномъ. Но въ это время русскаго посла поразилъ неожиданный и страшный ударъ. Сынъ его, Воинъ Афанасьевичъ, давно извѣстный какъ умный и распорядительный молодой человѣкъ помогавшій отцу на воеводствѣ въ Царевичъ-Дмитріевѣ, бывъ отправленъ къ нему съ повелѣніями изъ Москвы, не явился къ послу, а уѣхалъ за границу. Увлеченный европейской цивилизаціей, предъ которой онъ преклонялся, наученный воспитателями изъ плѣнныхъ поляковъ, сынъ измѣнилъ долгу и косвенно быть можетъ повліялъ на исходъ историческаго событія. Ординъ-Нащокинъ отецъ, ставившій свою честную службу выше всего и удрученный горемъ, просилъ объ увольненіи отъ посольской обязанности. Но когда на то со стороны Алексѣя Михайловича согласія не послѣдовало, то Ординъ возобновилъ въ апрѣлѣ переговоры, которые однако вновь должны были пріостановиться. Умеръ Карлъ X, и пришлось долго ожидать шведскихъ пословъ съ новыми вѣрительными грамотами. Между тѣмъ Шведы еще въ маѣ заключили миръ съ Поляками, что совершенно измѣнило положеніе Россіи, противъ которой были теперь соединенные враги. Къ тому же дѣла ея въ Бѣлоруссіи и Малороссіи шли все хуже и хуже. Поэтому Алексѣй Михайловичъ настоятельно требовалъ отъ своего представителя что бы онъ шелъ на всякія уступки изъ завоеваннаго, сохранивъ за собой лишь одинъ или два города. Ординъ-Нащокинъ съ своей стороны настаивалъ на заключеніи сперва мира со Польшей, справедливо ссылаясь на то, что срокъ перемирія съ Шведами еще не истекъ, а уступить города всегда можно успѣть. При такихъ обстоятельствахъ, и такъ какъ интрига противъ посла, усиленная теперь прискорбнымъ случаемъ съ сыномъ его, продолжала дѣйствовать въ Москвѣ,—то Нащокинъ возобновилъ свою просьбу объ увольненіи отъ посольства, и она была наконецъ исполнена.

Въ началѣ 1661 г. посломъ поѣхалъ прежній товарищъ Ор-

дина-Нащокина, уступчивый князь Прозоровскій, съ товарищемъ стольникомъ княземъ Борятинскимъ. Прочій составъ былъ тотъ же. Въ мартѣ начались съѣзды въ Кардиссѣ, между Дерптомъ и Ревелемъ, и 21-го іюня подписанъ мирный договоръ, которымъ всѣ занятыя русскими мѣстности, не смотря на послѣднія завоеванія, уступлены опять Швеціи, и границы вновь опредѣлены по тяжелому для русскаго чувства Столбовскому договору.

Предпріятія Алексѣя Михайловича не достигли цѣли, и обладаніе Ливоніей, или вообще берегами Балтійскаго моря, вновь отсрочивалось на неизвѣстное время. Исполнить этотъ завѣтъ всей русской исторіи прежняго времени предстояло сыну Алексѣя Михайловича, великому Петру. Какъ на южномъ берегу Финскаго залива, такъ и въ Финляндіи онъ съ лихвой возвратилъ Россіи то, что ей принадлежало еще въ самыя отдаленныя времена новгородскихъ князей.

ГЛАВА II.

Покореніе Выборгской губерніи.

I.

Великая Сѣверная война.

Царствованіе Θеодора Алексѣевича и правленіе царевны Софіи не имѣли никакого вліянія на наши дѣла въ Швеціи и Финляндіи. Равнымъ образомъ и первые годы самостоятельна́го правленія Петра не ознаменованы никакими въ этомъ отношеніи дѣйствіями. Занятый борьбою съ Софіей, усмиреніемъ стрѣльцовъ, раскольниковъ и казаковъ, а также устройствомъ военной и морской силы и наконецъ путешествіемъ въ Европу и турецкой войной, Петръ только косвенно приготовлялся къ достиженію великой цѣли своихъ предшественниковъ—добиться открытаго выхода въ европейское море. Возвратясь изъ своего путешествія, и еще болѣе укрѣпленный въ сознаніи необходимости завоеванія приморскихъ областей, бывшихъ нѣкогда въ рукахъ Новгорода а теперь состоявшихъ въ шведскомъ владѣніи, Петръ спѣшилъ примиреніемъ съ Турціей, съ тѣмъ чтобы немедленно объявить войну Швеціи. Дѣйствительно въ іюлѣ 1700 г. посолъ Петра, Украинцевъ, заключилъ въ Константинополѣ выгодный миръ на 30 лѣтъ, по которому Азовъ съ прочими занятыми городами достался Россіи. Получивъ о семъ извѣстіе 18-го августа, Петръ на другой же день издалъ манифестъ о войнѣ со Швеціей. Противъ нея образовался, при содѣйствіи шведскаго бѣглеца Паткуля, союзъ изъ Даніи, Польши

и Россіи. Первая имѣла въ виду овладѣніе Гольштейнъ-Готторпомъ, Польша желала получить Лифляндію, Россіи предоставлялись союзниками прежнія ея владѣнія въ Ингерманландіи и Финляндіи.

Петръ не замедлилъ, по объявленіи войны, двинуть свои войска къ Нарвѣ. Однако событія предупредили его, и союзъ трехъ государствъ оказался далеко не столь прочнымъ, какъ можно было предполагать. Датчане съ весны 1700 г. пытались овладѣть Голштиніей; но Карлъ XII смѣлымъ движеніемъ въ маѣ явился подъ самымъ Копенгагеномъ, и король датскій, чтобы спасти столицу, не замедлилъ заключить въ Травендалѣ мирный договоръ, по которому отказывался отъ Гольштиніи и отъ союза съ Россіей и Польшей. Все совершилось такъ быстро, что договоръ подписанъ 18-го августа, т. е. въ то самое время, какъ Петръ издавалъ свой манифестъ о войнѣ со Швеціей. Поляки съ своей стороны осадили Ригу; но Карлъ XII уже шелъ ей на помощь, и король Августъ поспѣшилъ снять осаду. Карлъ, съ 8.000 войска, бросился на Русскихъ, стоявшихъ подъ Нарвой. У герцога Де-Кроа, командовавшаго русскими войсками, было до 40.000. Плохо еще обученные по новому образцу, притомъ командуемые иностранцами, Русскіе растянулись полосой на весьма большомъ разстояніи. При неожиданномъ нападеніи Карла линія была легко прорвана, части разъединены, а затѣмъ и разбиты одна за другою непріятелемъ впятеро слабѣйшимъ. Уронъ Русскихъ исчисляли въ 6.000 чел.

Считая нарвское пораженіе рѣшительнымъ для Русскихъ и не зная энергіи Петра, Карлъ XII обратился на Августа. Онъ желалъ уничтожить его въ самой Польшѣ; для противодѣйствія же разбитымъ Русскимъ оставилъ въ Ливоніи Шлиппенбаха съ незначительными силами. Съ обѣихъ сторонъ происходили лишь небольшія сшибки, пока въ 1701 г. при Эрестфорѣ, а въ 1702 г. при Гумельсгофѣ, Шереметевъ не нанесъ Шведамъ двухъ сильныхъ пораженій.

Между тѣмъ Петръ обратился къ защитѣ Архангельска, которому по слухамъ угрожало шведское нападеніе. Опасенія эти не оправдались, и на обратномъ пути Петръ предпринялъ рѣ-

шительный шагъ для возвращенія русской державѣ ея старинныхъ финляндскихъ и прибалтійскихъ владѣній. Осадивъ Нотебургъ, т. е. нѣкогда новгородскій Орѣшекъ, онъ взялъ его, и по наклонности своей давать всему нѣмецкія названія, переименовалъ въ Шлиссельбургъ, т. е. ключъ-городъ. Идя далѣе слѣдующей весной внизъ по Невѣ, онъ взялъ защищавшую входъ въ нее изъ Финскаго залива крѣпостцу Ніеншанцъ (въ мѣстности нынѣйшней Охты) и положилъ 16-го мая 1703 г. основаніе Петербургу. Для защиты новой столицы съ моря заложенъ Кронштадтъ на островѣ Котлинѣ. Послѣ этого историческаго событія успѣхъ не покидалъ русскаго оружія, и у Шведовъ послѣдовательно отобраны Копорье и Ямъ, названный Петромъ Ямбургомъ, а затѣмъ Нарва и Дерптъ.

Карлъ XII тѣмъ временемъ продолжалъ воевать въ Польшѣ добиваясь уничтоженія силъ Августа, съ тѣмъ чтобы не опасаясь за свой тылъ, опрокинуться всѣми силами на Петра. Но проходили годы, а Шведы не могли двинуться на Россію. Въ 1705 г. уже самъ Петръ пошелъ противъ Карла на помощь своему союзнику Августу, котораго, подъ вліяніемъ шведскаго короля, сеймъ свергнулъ съ престола и замѣнилъ Станиславомъ Лещинскимъ. Перейдя въ 1705 г. Западную Двину, Петръ овладѣлъ Курляндіей, занялъ Вильно и остановился въ Гродно, имѣя около 35.000 войска. Здѣсь, однако, счастье какъ будто собиралось измѣнить царю. Озабоченный возстаніемъ въ Астрахани онъ отправилъ туда съ частію войскъ своего фельдмаршала Шереметева, который и потушилъ мятежъ. Но Карлъ зимою обошелъ русскую армію и перерѣзалъ ей пути сообщенія съ продовольственными запасами. Петръ вынужденъ былъ отступить къ Кіеву. Шведскій король, въ виду пинскихъ болотъ, оставилъ Русскихъ, которые удалились почти безъ потерь, и пошелъ искать Августа для рѣшительнаго его пораженія уже въ собственныхъ его саксонскихъ владѣніяхъ. Цѣль была достигнута и Августъ, тайно отъ Петра, заключилъ съ Карломъ миръ, выдавъ на казнь первоначальнаго виновника войны Паткуля, состоявшаго при польскомъ дворѣ посланникомъ Россіи.

Безопасный теперь со стороны Петровыхъ союзниковъ,

Карлъ XII обратился всѣми своими силами на царя, перешелъ въ концѣ 1707 г. Вислу, и занялъ Гродно. Петръ готовъ былъ на миръ, если врагъ предоставитъ ему хотя одну гавань на Балтійскомъ морѣ; но упорный Шведъ былъ согласенъ мириться только занявъ Москву. Русскіе изъ Литвы отступали въ свои предѣлы, опустошая проходимыя мѣстности, дабы лишить непріятеля продовольствія. Петръ, съ своей стороны, хотя и былъ крайне озабоченъ вспыхнувшимъ тѣмъ временемъ на Дону новымъ, такъ называемымъ Булавинскимъ бунтомъ, а кромѣ того отрядъ его войскъ потерпѣлъ пораженіе при Головчинѣ, — не терялъ однако присутствія духа. Съ казаками сдѣлана была жестокая расправа; десятый человѣкъ повѣшенъ, и трупы висѣльниковъ на плотахъ пущены плыть внизъ по Дону. Въ Литвѣ же, воспользовавшись тѣмъ что Карлъ нуждался въ провіантѣ и ушелъ въ Малороссію не выждавъ шедшаго къ нему изъ Лифляндіи Левенгаупта, Петръ устремился на послѣдняго и въ сраженіи на рѣкѣ Сожѣ, при деревнѣ Лѣсной, разбилъ его наголову. Шведы потеряли 10.000 человѣкъ, всю артиллерію и огромные запасы, съ которыми шелъ Левенгауптъ.

Между тѣмъ Карлъ XII, войдя въ предѣлы Украйны, нашелъ себѣ тамъ союзника въ лицѣ гетмана Мазепы. Этотъ послѣдній, пользовавшійся довѣріемъ Петра, теперь явно соединился съ Карломъ, предоставивъ въ его распоряженіе и отрядъ свой, впрочемъ незначительный. Петръ велѣлъ разорить главный городъ гетманства Батуринъ, а къ населенію Малороссіи обратился съ воззваніемъ, въ которомъ вразумлялъ народъ объ опасности, угрожавшей православной вѣрѣ отъ измѣнническаго соединенія Мазепы съ польскимъ и шведскимъ королями. При вѣковой ненависти къ Ляхамъ, на Украйнѣ закипѣла противъ врага народная война. Жестокая зима 1708—9 гг. усилила затрудненія Карла. Бѣдственная стужа, погубившая французскую армію въ 1812 г., помогла Русскимъ и за сто лѣтъ передъ тѣмъ противъ Шведовъ. Весной 1709 г. у Карла насчитывалось не болѣе 30.000 войска. Онъ осадилъ Полтаву и простоялъ передъ ней болѣе мѣсяца. Въ началѣ іюня Петръ перешелъ рѣку Вор-

склу и пошелъ на Шведовъ; встрѣча произошла 27-го іюня, въ 4 часа,—

И грянулъ бой, Полтавскій бой!

Въ 11 часовъ Карлъ уже былъ окончательно разбитъ и едва спасся отъ плѣна съ Мазепою и небольшимъ отрядомъ. Перейдя черезъ границу въ Бессарабію, онъ отдался подъ покровительство Турціи. Шведская армія, подъ начальствомъ Левенгаупта, сдалась Меншикову. Полтавская битва сокрушила могущество Швеціи, игравшей въ Европѣ со временъ тридцатилѣтней войны выдающуюся роль. Не только Кексгольмъ и южное побережье Финскаго залива возвратились къ Россіи, но и Рига и Выборгъ взяты ею. Станиславъ Лещинскій не могъ безъ помощи Карла удержаться на польскомъ престолѣ и долженъ былъ его оставить, вновь уступивъ мѣсто Августу.

Но Карлъ, проживая въ Турціи, при содѣйствіи французскаго вліянія достигъ столкновенія между нею и Россіей. Повода не пришлось долго ждать. Раздраженный заключеніемъ русскаго посланника въ Семибашенный замокъ, и довѣряя надеждамъ на помощь единовѣрныхъ племенъ, а также короля Августа, Петръ пошелъ въ 1711 г. на Турцію чрезъ Молдавію. Господарь ея Кантеміръ однако оказался не въ силахъ помочь Русскимъ, которые много страдали отъ лѣтняго зноя въ степяхъ, а валахскій господарь Бранкованъ и прямо принялъ сторону Турокъ. Послѣдніе между тѣмъ перешли Дунай, и Русскіе, въ числѣ не болѣе 38 т. человѣкъ, оказались отрѣзанными отъ продовольствія и воды и окруженными двухсоттысячной турецкой арміей. Помощь Поляковъ, Сербовъ и другихъ оказалась только на словахъ. Послѣдствіемъ былъ извѣстный Прутскій договоръ, по которому Азовъ и другіе города взятые у Турціи, ей возвращены. Карлу XII предоставленъ свободный проѣздъ въ Швецію.—Между тѣмъ Русскіе дѣйствовали не безъ успѣха противъ Шведовъ въ Помераніи, тѣсня ихъ при содѣйствіи Поляковъ и Саксонцевъ. На сѣверѣ же, изготовленный въ Петербургѣ галерный флотъ въ числѣ до 200 судовъ, подъ командою Апраксина и съ участіемъ самого Петра въ чинѣ контръ-адмирала, двинулся въ маѣ 1713 г. въ финскія шхеры, взялъ Гельсинг-

форсъ, а затѣмъ и Або, не разъ уже видавшій русскихъ въ минувшіе вѣка. Шведы и Финны отступали внутрь страны къ Таваступсу, средоточію финляндскихъ дорогъ, но Апраксинъ и Голицынъ преслѣдовали ихъ неотступно. Послѣ пораженія, нанесеннаго имъ въ 1714 г. подъ Таммерфорсомъ, занятія въ 1715 году Нейшлота, и разбитія въ томъ же году подъ начальствомъ самого Петра шведскаго флота при Гангеуддѣ, вся Финляндія до Вазы, и въ томъ числѣ Аландскіе острова, была во власти Россіи. Русскіе, находясь въ 35—40 верстахъ отъ шведскаго берега, и въ 100 верстахъ отъ Стокгольма, грозили самой шведской столицѣ.

Такое положеніе дѣлъ, вмѣстѣ съ интригами и послѣдствіемъ ихъ—разладомъ между союзниками Петра, привело къ возбужденію переговоровъ о мирѣ, которые и открылись весною 1717 г на островѣ Лофӧ, принадлежащемъ къ Аландской группѣ. Соглашено было на томъ, между прочимъ, что Россія удержитъ Лифляндію, Эстляндію, Ингерманландію и часть Кореліи. Съ своей стороны она окажетъ содѣйствіе шведскому королю въ обратномъ завоеваніи имъ прежнихъ владѣній при Балтійскомъ морѣ, а также и Норвегіи. Переговоры эти однако не привели ни къ чему: Карлъ XII, воевавшій тогда противъ Норвегіи, при осадѣ крѣпости Фредрикстена былъ убитъ непріятельскимъ ядромъ. Это событіе опрокинуло всѣ расчеты: шведская армія отступила въ свои границы несчастнѣйшимъ образомъ. Въ сильную стужу, при перевалѣ чрезъ горы въ самый день новаго 1719 года, она была застигнута снѣжнымъ ураганомъ и сбилась съ пути; на безпріютныхъ скалахъ норвежскаго хребта легло до 3.000 чел. замороженныхъ и умершихъ отъ голода преимущественно финскихъ солдатъ и много офицеровъ. Такія бѣдствія однако не ускорили заключенія мира. Въ Швеціи разгорѣлась борьба партій изъ-за назначенія преемника Карлу XII, умершему бездѣтнымъ. Ближайшія права на престолъ имѣлъ Карлъ-Фридрихъ, герцогъ Гольштинскій, въ пользу котораго дѣйствовалъ Гёрцъ, ведшій съ Россіей со стороны Карла XII мирные переговоры. Карлъ - Фридрихъ былъ сынъ старшей сестры Карла. Но по смерти послѣдняго взяла верхъ другая

партія, проводившая на престолъ младшую сестру умершаго короля, Ульрику-Элеонору, бывшую замужемъ за наслѣднымъ принцемъ Гессенскимъ, Фридрихомъ. Поэтому полноправный наслѣдникъ былъ устраненъ, преданный ему и Россіи Гёрцъ схваченъ, быстро осужденъ и казненъ, а на шведскій престолъ вступила энергическая и честолюбивая Ульрика-Элеонора. Однако немедленно же возникли между нею и ея совѣтниками разногласія, на столько крупныя, что она отказалась отъ королевской власти, и въ 1720 году избранъ былъ въ шведскіе короли мужъ ея Фридрихъ I.

Въ теченіи этого времени Швеція помирилась съ другими своими врагами: Англіей, Ганноверомъ и Пруссіей. Заключеніе мира съ Петромъ оттягивалось въ надеждѣ на помощь новыхъ друзей, которая могла бы привести къ болѣе благопріятнымъ мирнымъ условіямъ, чѣмъ установленныя на Аландскихъ островахъ. Эта помощь не явилась; но Петръ, послѣ тщетнаго ожиданія мира, призналъ за лучшее идти предписать его въ самой Швеціи. Въ 1719 г., лѣтомъ, галерный флотъ Апраксина явился у береговъ Остготландіи, а русскія войска производили опустошенія по близости самой шведской столицы. Слѣдующимъ лѣтомъ обращенъ въ пепелъ и развалины городъ Умео, знаменитый позднѣе занятіемъ его въ 1809 г. войсками Барклая-де-Толли, перешедшаго Ботническій заливъ по льду; въ 1721 г. Русскіе занявъ Гефле, пошли къ сѣверу. При такихъ условіяхъ, когда успѣхи ихъ не подлежали сомнѣнію и все болѣе и болѣе удаляли возможность заключенія благопріятнѣйшаго для Швеціи мира, — стокгольмское правительство отправило наконецъ своихъ уполномоченныхъ, графа Іогана Лиліенстедта и барона Отто Рейнгольдъ Стрёмфельта въ Ништадтъ, гдѣ и возобновились переговоры. Съ русской стороны были тѣ же фельдцейгмейстеръ графъ Яковъ Брюсъ и канцеляріи совѣтникъ Генрихъ Іоганъ Фридрихъ Остерманъ, кои договаривались съ Гёрцомъ въ 1718 году. Лиліенстедтъ, самъ финляндецъ, долго упорствовалъ на счетъ уступки Россіи Выборга; но Остерманъ, видѣвшій положеніе Швеціи, энергически на ней настаивалъ. Наконецъ, 30-го августа 1721 года, заключенъ былъ Ништадтскій

мирный трактатъ, еще менѣе для Швеціи выгодный, нежели отвергнутыя ея правительствомъ Лофъ-öскія прелиминаріи.

Ништадтскій договоръ [1]) содержалъ въ себѣ 24 пункта и кромѣ того еще «сепаратный артикулъ».

Король шведскій уступалъ за себя, наслѣдниковъ и за шведское королевство Его Царскому Величеству и Его потомкамъ и наслѣдникамъ Россійскаго государства «въ совершенное, непрекословное, вѣчное владѣніе и собственность въ сей войнѣ чрезъ Его Царскаго Величества оружіе отъ короны Свейской завоеванныя провинціи»: Лифляндію, Эстляндію, Ингерманландію и часть Кореліи и Выборгской губерніи (п. 4 и 8).

Пограничная линія начиналась на берегу Финскаго залива у Верелакса и предоставляя Россіи береговую полосу въ полмили, шла далѣе на пересѣченіе дороги изъ Выборга въ Лапстрандъ въ трехъ миляхъ отъ Выборга, а затѣмъ продолжалась въ томъ же трехмильномъ отъ него разстояніи на сѣверъ до старинной границы между Россіей и Швеціей, и наконецъ прямою линіею чрезъ Кексгольмскій округъ до озера Пороярви встрѣчалась съ послѣдне-бывшею границею, такъ что все на западъ и на сѣверъ отъ нея, оставлялось шведскому королевству, а на востокъ и югъ — Россіи. Въ отношеніи къ разграниченію на самомъ крайнемъ сѣверѣ, въ Лапландіи, оставлены условія бывшія до войны. Такимъ образомъ Петръ не возвратилъ Россіи сполна всего древняго новгородскаго владѣнія, что впрочемъ признавалось и въ самомъ трактатѣ и составляло какъ бы смягченіе суровыхъ условій, по которымъ отъ Швеціи отнимались такія крупныя части какъ Лифляндія и Эстляндія. За Россіей остались крѣпости: Рига, Дюнамюнде, Пернава, Ревель, Дерптъ, Нарва и въ Финляндіи Выборгъ и Кексгольмъ, со всѣми принадлежащими къ округамъ названныхъ крѣпостей городами и поселеніями. На водахъ заливовъ поступили въ русское владѣніе острова Эзель, Даго, Менъ, а также всѣ другіе лежащіе по берегамъ лифляндскимъ, эстляндскимъ и ингерманландскимъ,

---

[1]) См. Приложеніе № 4.

къ востоку отъ курляндской границы, и отъ линіи фарватера изъ Ревеля на Выборгъ къ востоку и югу. Для точнаго опредѣленія пограничной черты на мѣстѣ обѣ стороны обязались тотчасъ по ратификаціи договора назначить особыхъ коммисаровъ. Тѣмъ не менѣе финляндская граница служила и впослѣдствіи предметомъ постоянныхъ недоразумѣній.

За такимъ пріобрѣтеніемъ, Петръ I возвращалъ Швеціи прочія взятыя имъ мѣстности, т. е. большую часть Финляндіи; это составляло предметъ 5-й статьи трактата. Трудно съ точностію объяснить причины такого великодушія, тѣмъ болѣе, что Петръ хорошо понималъ значеніе морскихъ береговъ вообще и для новой своей столицы въ особенности. Весьма вѣроятно, что при самомъ завоеваніи всей Финляндіи онъ не имѣлъ въ виду удержать ее за собою, а лишь желалъ принудить шведское правительство быть болѣе уступчивымъ и побудить къ скорѣйшему миру. Все южное побережье Финскаго и большая часть Рижскаго залива составляли сами по себѣ такое цѣнное пріобрѣтеніе, о которомъ не мечтали ни Іоаннъ Грозный, ни Алексѣй Михайловичъ. И Петръ Великій могъ считать себя и потребности Россіи удовлетворенными сразу, получивъ и Выборгъ, и Петербургъ, и Ревель, и Ригу. Съ другой стороны еще большее усиленіе Россіи на счетъ совершенно ослабленной Швеціи вызвало бы и еще большую зависть въ западныхъ государствахъ, которыя и безъ того уже очень косо смотрѣли на быстрый ростъ восточнаго царства. Нельзя также не допустить, что Петръ, которому наступилъ уже 50-й годъ, послѣ столькихъ лѣтъ напряженной энергіи и бурной жизни, могъ желать нѣкотораго успокоенія, особенно отъ войны, длившейся 21 годъ и насытившей его славою. Требованіе сохранить всѣ завоеванія сдѣлало бы миръ не только непрочнымъ, но и прямо невозможнымъ. Наконецъ, Петра занимали уже мысли, обращенныя къ другой, противоположной части свѣта: открывъ своему государству выходъ въ европейское море, онъ желалъ завершить другое великое дѣло, къ которому стремились мудрѣйшіе изъ его предшественниковъ и самъ онъ,—сдѣлать Россію торговою дорогою между Европой и Азіей. Дѣйствительно съ этою цѣ-

*

лію, вскорѣ по окончаніи шведской войны, Петръ отправился по Волгѣ, а затѣмъ предпринялъ и войну съ Персіей, окончившуюся пріобрѣтеніемъ значительной части западнаго побережья Каспійскаго моря.

Но Петръ не только возвратилъ Фридриху шведскому большую часть занятыхъ его оружіемъ областей, но и обязался въ п. 8 трактата выплатить Швеціи («хощетъ обязанъ быть и обѣщаетъ заплатить») 2 милліона ефимковъ. Эта денежная выдача очевидно не имѣла, да и не могла имѣть характера какой нибудь контрибуціи или вознагражденія за военныя издержки; это было простое великодушное пособіе врагу, который издавна уже нуждался въ деньгахъ, и котораго разсроченными уплатами можно было удержать на извѣстное время въ покоѣ. Можно полагать также, что Петръ желалъ отчасти вознаградить тѣхъ землевладѣльцевъ, имѣнія коихъ были розданы вельможамъ вслѣдъ за покореніемъ страны (см. отд. III этой главы). Сепаратный артикулъ, о которомъ выше упомянуто, имѣлъ предметомъ порядокъ уплаты. Взносъ 2-хъ милліоновъ обѣщанъ въ 4 срока: въ началѣ февраля и въ началѣ декабря слѣдующаго 1822 года, въ октябрѣ 1723 и въ началѣ сентября 1724 года,— каждый разъ по равной части, т. е. по полумилліону ефимковъ. Качество денегъ опредѣлено «полновѣсными монетами, именуемыми цвейдриттельштиръ»; три такія монеты составляли въ Берлинѣ, Лейпцигѣ и Брауншвейгѣ два ефимка. Если бы нельзя было собрать въ назначенные сроки достаточно такихъ цвейдриттельштировъ, то Петръ обѣщалъ заплатить другою «доброю» въ мѣстахъ платежа ходячею монетою, кромѣ впрочемъ дробной.

Упомянутые 4, 5 и 8 пп. Ништадтскаго трактата составляли сущность его. Всѣ прочіе касались предметовъ второстепенныхъ или имѣли формальный характеръ. Но изъ сихъ последнихъ заслуживаетъ вниманія п. 7 о невмѣшательствѣ во внутреннія дѣла Швеціи; онъ привелъ къ результатамъ діаметрально противоположнымъ тому, чего Шведы домогались отъ Петра. — «Его Царское Величество — гласитъ п. 7 — обѣщаетъ такожде наисильнѣйшимъ образомъ, что онъ въ домашнія дѣла королевства Свейскаго, якоже въ позволенную едино-

гласно и отъ чиновъ королевства подъ присягою учиненную форму правительства и образъ наслѣдства не мѣшатися никому, ктобъ ни былъ, въ томъ ни прямымъ, ни постороннимъ и никакимъ образомъ вспомогать не будетъ: но паче къ показанію истинно сосѣдской дружбы, все что противъ того вознамѣрено будетъ и Его Царскому Величеству извѣстно учинится, всякимъ образомъ мѣшать и предупреждать искать изволитъ». — Шведскіе представители на переговорахъ выказали въ этомъ пунктѣ полную свою непредусмотрительность, если не допустить другихъ побужденій. Желая устранить интриги, явившіяся непосредственнымъ и неизбѣжнымъ послѣдствіемъ правильныхъ дипломатическихъ сношеній, шведскіе уполномоченные дали русскому правительству легальную возможность наблюдать за Швеціей во всѣхъ возможныхъ дѣлахъ, дабы «предупреждать и мѣшать» другимъ постороннимъ вмѣшательствамъ, что составляло уже само по себѣ очевидное и законное вмѣшательство. Оно усиливалось еще тѣмъ, что русскій государь обязывался «искать всякимъ образомъ» оградить шведское правительство и форму его правленія отъ внѣшнихъ потрясеній и козней. Такое условіе подчиняло стокгольмскую власть, хотя и косвенной, но ежечасной опекѣ русскаго правительства, этого отнынѣ стража ея неприкосновенности. Русскій царь дѣлался какъ бы охраною и самой шведской конституціи, ограничивавшей королевскую власть участіемъ въ управленіи чиновъ королевства, «яко позволенной единогласно и отъ чиновъ королевства подъ присягою учиненной формы правительства». Являясь оберегателемъ правъ и этихъ чиновъ, русскій царь, въ случаѣ если бы король предпринялъ или даже намѣревался только предпринять что-либо вопреки конституціи безъ согласія чиновъ, не только могъ, но и обязывался тотчасъ же поднять свой вѣскій голосъ. Русскій дипломатическій представитель въ Швеціи долженъ былъ сдѣлаться своего рода прокурорскимъ окомъ, безъ котораго въ жизни этой страны не могло произойти ни одного болѣе или менѣе крупнаго политическаго явленія. А такъ какъ съ другой стороны охрана такого рода не могла обойтись безъ дѣятельныхъ сношеній на

мѣстѣ въ самомъ Стокгольмѣ и вообще въ Швеціи, то неизбѣжно должны были у русскихъ резидентовъ завязаться самыя близкія отношенія и съ членами сейма, въ особенности же съ членами оппозиціи, отъ которыхъ они всегда могли знать все, что имъ было нужно. При неустойчивости политическихъ и нравственныхъ правилъ многихъ сеймовыхъ депутатовъ, и даже просто при ихъ продажности, русскимъ представителямъ легко было сдѣлаться прямыми хозяевами положенія Швеціи.— Послѣдующіе 50 лѣтъ подтвердили это съ очевидностію, недопускающею сомнѣнія, и доказали, на сколько установленный п. 7-мъ порядокъ вещей былъ вреденъ для Швеціи. Сеймъ деморализовался до конца, королевская власть доведена до ничтожества, и монархія Густава Вазы и Густава-Адольфа, простиравшая нѣкогда свою силу до береговъ Рейна, Новгорода и Карпатовъ, оказалась уничтоженною, обезсиленною и запертою при Ботническимъ заливѣ.

Изъ прочихъ пунктовъ и статей трактата, въ 9-мъ Петръ «обѣщалъ что постоянно и непоколебимо содержаны и защищены будутъ привиллегіи, обыкновенія, права и справедливости всѣхъ жителей, какъ шляхетныхъ такъ и нешляхетныхъ, равно городовъ, магистратовъ, цеховъ и цунфтовъ». Въ п. 10-мъ оговаривалось сохраненіе евангелическаго исповѣданія и свободы совѣсти, съ тѣмъ, что «и вѣра греческаго исповѣданія впредь также свободно и безъ всякаго помѣшательства отправлена быть можетъ и имѣетъ». 16-й пунктъ обязывалъ обѣ стороны къ составленію особаго торговаго трактата, съ предоставленіемъ обоюдно «такихъ привиллегій и пользъ, какія дружебнѣйшимъ народамъ позволены». Прочіе пункты касались отпуска изъ Россіи ржи на 50.000 р. въ годъ, частныхъ торговыхъ домовъ, амнистіи, сохраненія правъ на возвратъ поземельныхъ имуществъ и вообще обезпеченія законнаго владѣнія; вознагражденія за аваріи, порядка разсмотрѣнія споровъ и выдачи преступниковъ. Пунктомъ 19-мъ установлены правила салютовъ на морѣ и у крѣпостей, на тѣхъ же основаніяхъ, какія между Даніей и Швеціей существовали. Введеніе этого пункта въ трактатъ мотивировано желаніемъ, «дабы всякіе случаи на

морѣ, которые къ какому несогласію между обѣими высокими договаривающимися сторонами поводъ подать могутъ, сколько возможно отвращены и предупреждены быть могли». Едва ли, впрочемъ, эта мотивировка имѣла серьезное значеніе: позднѣе въ 1788 г. герцогъ Зюдерманландскій искалъ столкновенія съ Россіей именно по поводу салютовъ. Вѣрнѣе, Петръ хотѣлъ закрѣпить за молодымъ своимъ флотомъ значеніе дѣйствительной военной силы и требовалъ оказанія Россіи тѣхъ же знаковъ почести на морѣ, какіе оказываются кореннымъ морскимъ державамъ. Пунктомъ 3-мъ установленъ для прекращенія непріязненныхъ дѣйствій 14-ти-дневный срокъ по размѣнѣ ратификацій, на который назначено три недѣли, а статьями 13-й и 14-й договоренъ самый порядокъ очищенія возвращенной части Финляндіи и размѣна плѣнныхъ. Наконецъ пунктами 15-мъ и 21-мъ къ заключенному трактату присоединялись: со стороны Россіи—Польша безусловно, «яко Его Царскаго Величества союзникъ», а со стороны Швеціи Великобританія, съ тою существенною оговоркою, что если «въ чемъ либо Его Царское Величество отъ Его Королевскаго Величества Великобританскаго себя отягчена находитъ», то объ этомъ прямо между обѣими сими державами «добродѣтельно трактовано и соглашено быть имѣетъ». Допускалось присоединеніе къ трактату и другихъ державъ въ трехмѣсячный срокъ, впрочемъ не иначе какъ съ общаго обѣихъ договаривающихся сторонъ согласія.

По заключеніи Ништадтскаго мира, Петербургскій сенатъ поднесъ Петру Императорскій титулъ и назвалъ отцомъ отечества. Если бы государственная дѣятельность этого монарха ограничилась одними лишь результатами, достигнутыми великой сѣверной войной, то и тогда заслуга его предъ Россіей была бы одною изъ величайшихъ, какія представляетъ ея исторія. Опаснѣйшій изъ сосѣдей былъ приведенъ въ ничтожество, и русское могущество при условіяхъ времени сразу явилось преобладающимъ на тѣхъ самыхъ берегахъ Балтики, къ которымъ цѣлыми столѣтіями упорно, но тщетно стремились великіе князья и московскіе цари. Въ Ништадтѣ съ большими процентами вознаграждено потерянное въ Выборгѣ и Столбовѣ.

II.

Война 1741—1743 гг.

Для большаго скрѣпленія отношеній, еще при Петрѣ, въ 1724 г., заключенъ былъ между Швеціей и Россіей особый союзный трактатъ на 12 лѣтъ, съ тѣмъ что если онъ окажется для обѣихъ сторонъ выгоднымъ, то о возобновленіи его должно было договориться за полгода до истеченія срока.

Но уже вслѣдъ за кончиною Петра, когда Екатерина I начала выражать наклонность къ поддержанію правъ зятя, гольштинскаго принца, претендовавшаго, какъ извѣстно, на шведскій престолъ, то оффиціальныя отношенія Швеціи и Россіи начали охлаждаться. Поэтому, когда черезъ 7 лѣтъ русскіе посланники, сперва графъ Головкинъ, а потомъ Бестужевъ, обращались съ предложеніями о возобновленіи союзнаго договора, то успѣха не имѣли. Стокгольмское правительство отложило соглашеніе до истеченія срока. Въ сущности теперь договаривались уже не съ королемъ, а съ сеймомъ, который при слабомъ Фридрихѣ забралъ всю власть въ свои руки.

Въ сеймѣ же продажность партій сдѣлалась почти открытою, и перевѣшивала та держава, которая меньше скупилась. Въ этомъ отношеніи у Россіи былъ очень опасный конкурентъ: Франція, чтобы имѣть Швецію на своей сторонѣ, не жалѣла денегъ, а послѣдняя въ нихъ очень нуждалась. Вскорѣ Европа раздѣлилась на два лагеря по случаю смерти короля польскаго Августа II. Россія и Австрія поддерживали права на польскій престолъ сына его Августа III; Франція же была за бывшаго короля Станислава Лещинскаго, проживавшаго во Франціи и выдавшаго дочь свою Марію за Людовика XV. Шведы воспользовались положеніемъ, и хотя мечтали о возвратѣ при семъ случаѣ, при содѣйствіи Французовъ, завоеванныхъ Россіей провинцій, однако предпочли поживиться на счетъ обѣихъ сторонъ. Въ 1735 г. дѣйствительно состоялось возобновленіе союзнаго трактата съ Россіей, оставшагося безъ перемѣны, но съ однимъ существеннымъ пополненіемъ. Русское правительство взяло на

себя уплату части долга въ 750.000 червонцевъ, сдѣланнаго Карломъ XII у голландскихъ банкировъ еще въ 1702 г. Долгъ этотъ обезпечивался сборами рижской таможни. По Ништадтскому миру Рига перешла къ Россіи; но о погашеніи долга не было рѣчи, такъ какъ по упомянутому выше 8-му пункту трактата Россія уплатила Швеціи круглую цыфру 2 мил. рикста-леровъ. Теперь Императрица Анна Іоанновна предоставила послѣдней новую денежную выгоду, впрочемъ не за активное содѣйствіе, а лишь за нейтралитетъ, такъ какъ другимъ дополнительнымъ пунктомъ именно установлялось, что Швеція не обязывается принимать участія въ тогдашнихъ военныхъ дѣйствіяхъ Россіи и въ ихъ послѣдствіяхъ. Вслѣдъ засимъ въ томъ же 1735 г. Шведы заключили и съ французскими представителями трактатъ о субсидіяхъ, по которому первые обязывались не давать своихъ войскъ въ помощь или въ наемъ противъ Франціи, равно не заключать договоровъ противныхъ ея интересамъ; а Франція за такое, тоже пассивное содѣйствіе, принимала на себя уплату Швеціи 300.000 гамбургскихъ банковыхъ рейхсталеровъ. Французское правительство однако увидѣло въ только что возобновленномъ съ Россіею шведскомъ союзномъ договорѣ нарушеніе своихъ интересовъ и не ратификовало трактата о субсидіяхъ. Въ сущности же оно видѣло, что дѣло Лещинскаго было совсѣмъ проиграно; русскія войска подъ предводительствомъ Миниха заняли Данцигъ, а затѣмъ явились на Рейнѣ; Станиславъ съ трудомъ могъ убраться восвояси. Лишь въ 1738 г. утвержденъ шведскій договоръ съ Франціей, когда восторжествовала на сеймѣ враждебная Россіи партія шляпъ [1]).

Между тѣмъ Россія въ союзѣ съ Австріей воевала противъ Турціи, и русскія войска подъ начальствомъ Миниха покрывали себя славою: въ 1736 взяли Перекопъ, въ 1737 Очаковъ, въ 1739 Хотинъ и перешли Прутъ. Въ то же время союзники-австрійцы терпѣли постоянныя неудачи и желали мира. Ми-

---

[1]) Къ этому времени относится возникновеніе названія партій «шляпъ» и «шапокъ» или «колпаковъ».

нистры ихъ, подъ вліяніемъ французскихъ интригъ и золота, внушали Императору Карлу VI недовѣріе къ союзникамъ Рускимъ, побѣды которыхъ при единовѣріи съ мѣстнымъ населеніемъ могли быть опаснѣе турецкихъ пораженій. Императрица Анна, войска которой для достиженія славы терпѣли страшныя трудности и лишились до 100.000 чел., также начала желать мира, лишь бы уничтожено было самое воспоминаніе о Прутскомъ договорѣ. Подъ вліяніемъ всѣхъ этихъ условій 18-го сентября 1739 г. заключенъ Бѣлградскій миръ, по которому Россія за всѣ свои жертвы не пріобрѣла почти ничего.

Но еще до заключенія мира шведское правительство подъ вліяніемъ торжествующей партіи повело переговоры съ Турціей и Франціей, въ видахъ активнаго противъ Россіи вмѣшательства. Побужденія Шведовъ были ясны: ландмаршалъ сейма, графъ Тессинъ въ рѣчи, принятой съ восторгомъ, категорически мотивировалъ занятое его единомышленниками положеніе: государственные чины всегда готовы предпочесть постыдному миру, т. е. Ништадтскому, войну, хотя бы и жестокую. Отъ словъ немедленно перешли къ дѣлу, и секретнымъ постановленіемъ сейма въ концѣ 1738 г. рѣшено немедленно послать въ Финляндію два полка. Общественное мнѣніе вмѣстѣ съ тѣмъ всѣми мѣрами возбуждалось противъ Россіи. На помощь подстрекателямъ явилось и одно несчастное обстоятельство: шведскій маіоръ Синклеръ, посланный въ Константинополь для переговоровъ, на обратномъ пути былъ убитъ въ Силезіи, бывшія при немъ депеши распечатаны и отправлены въ гамбургскій почтамтъ. Убійство шведскимъ правительствомъ, въ оффиціальныхъ публикаціяхъ, приписано Россіи, не смотря на представленныя со стороны послѣдней опроверженія. Русскіе представители въ Стокгольмѣ подвергались оскорбленіямъ, а въ домѣ посольства были даже выбиты стекла. «Шляпы» усиливали флотъ и намѣревались послать въ Финляндію новыя подкрѣпленія, надѣясь добиться уступокъ угрозами. Однако обстоятельства не оказывались имъ особенно благопріятными: Россія помирилась въ Бѣлградѣ съ Турціей, а Франція не спѣшила активнымъ своимъ содѣйствіемъ.

Но вскорѣ воинственные Шведы дождались наконецъ благопріятныхъ обстоятельствъ. Въ октябрѣ 1740 года послѣдовали двѣ смерти, которыя произвели существенныя перемѣны въ общемъ положеніи значительной части Европы. Умерли Анна Іоанновна и австрійскій Императоръ Карлъ VI. Престолъ Петра Великаго занялъ младенецъ Иванъ Антоновичъ съ правительницей Анной Леопольдовной; всѣмъ извѣстны послѣдовавшія за симъ событія. На престолѣ Габсбурговъ возсѣла молодая Марія-Терезія, и загорѣлась война за австрійское наслѣдство. На прусскомъ престолѣ былъ Фридрихъ Великій.

Австрія воевала съ половиной Европы. Обѣщанное Бирономъ Австріи содѣйствіе обратилось во вражду лишь только умерла Императрица Анна и возвысился Минихъ, немогшій простить австрійцамъ Бѣлградскаго мира. Но по низверженіи Миниха, особенно въ виду успѣховъ Фридриха, русское правительство вновь склонилось къ содѣйствію Маріи-Терезіи. Заботы французскаго двора, равно какъ и прусскаго короля, направились теперь на то, чтобы воздѣйствуя на Россію устранить ее отъ поддержки Австріи, и для сего обратились къ помощи Швеціи. Увѣренность въ слабости петербургскихъ правящихъ сферъ родившаяся еще во времена Анны Іоанновны, которая всячески уклонялась отъ разрыва съ Швеціей и даже дѣлала, какъ выше видно, денежныя уступки,—давала расчетамъ воинственной партіи полную основательность, а французское золото, которое почти открыто сыпалось въ карманы членовъ сейма, принадлежавшихъ къ преобладающей партіи шляпъ, довершало остальное. Дѣйствительно, легкомысліе Анны Леопольдовны вмѣстѣ съ борьбою вліяній при дворѣ ея: графа Линара, молодого и ловкаго саксонскаго резидента, и извѣстнаго французскаго дипломата Шетарди, при участіи шведскаго посланника Нолькена, дѣлали русское правительство крайне неустойчивымъ. Шведы, кромѣ того, всѣми мѣрами поддерживали Елизавету Петровну въ качествѣ будущей замѣстительницы престола. Сила русскаго посланника въ Стокгольмѣ Бестужева, который опирался на устраненную теперь партію шапокъ, была ничтожна, и онъ не могъ уравновѣшивать враждебныхъ вліяній.

Непріязнь къ Россіи, всегда бывшая и особенно разгорѣвшаяся съ Ништадтскаго мира, приняла послѣ смерти Синклера размѣры ненависти, которая все болѣе и болѣе крѣпла. Безсильный король Фридрихъ, безъ санкціи котораго все-таки не могла еще объявлена быть война, уступилъ сейму, заручившись отъ него обѣщаніемъ признать двоихъ его незаконныхъ дѣтей [1]).

Въ февралѣ 1741 г. главнокомандующій въ Финляндіи Будденброкъ получилъ предписаніе двинуть войска къ русской границѣ. Финляндія въ это именно время была въ самомъ затруднительномъ положеніи, такъ какъ не оправясь еще вполнѣ отъ послѣдствій двадцатилѣтней войны, она сняла въ 1740 г. весьма плохую жатву, и странѣ угрожалъ голодъ. Крестьяне поэтому попробовали протестовать противъ движенія войскъ; къ нимъ присоединились и нѣкоторые изъ финляндцевъ другихъ сословій, но голоса ихъ пропали въ общемъ возбужденіи противъ Россіи. Партія мира окончательно замолчала, когда однажды ночью захваченъ былъ выходившій отъ Бестужева молодой чиновникъ государственной канцеляріи, близкій родственникъ сенатора Горна, главы партіи. Возбуждено было слѣдствіе, и въ результатѣ нѣкоторыя лица подверглись тяжкому тюремному заключенію. Руки «шляпъ» были вполнѣ развязаны.

28-го іюля 1741 г. послѣдовало объявленіе въ Стокгольмѣ войны Россіи. Графъ Карлъ-Эмиль Левенгауптъ глава торжествующей партіи, какъ искусный полководецъ, поставленъ и во главѣ арміи.

Это былъ человѣкъ въ высшей степени честолюбивый, достигшій, въ бытность ландмаршаломъ сейма въ 1734 г., значительнаго расширенія правъ государственныхъ чиновъ, къ ущербу на столько же королевской власти, за что и была въ

[1]) Эти графы Гессенштейны прижиты Фридрихомъ въ своеобразномъ бракѣ его съ нѣкоею Таубе, при жизни и полной силѣ законной жены его Ульрики Элеоноры. Фридрихъ обвѣнчался съ дѣвицей Таубе *лѣвою рукой;* бракъ этотъ, хотя и признанный епископомъ, былъ ненавистенъ Шведамъ.

честь его выбита особая медаль. Завистники говорили что онъ, подъ предлогомъ войны въ Финляндіи, желалъ захватить ее, и образовавъ отдѣльное герцогство, надѣть на себя герцогскую корону. Послѣдующія событія какъ будто подверждали эти указанія. Во всякомъ случаѣ при началѣ войны Левенгауптъ былъ популярнѣйшимъ человѣкомъ въ Швеціи. И тѣмъ не менѣе чрезъ годъ съ небольшимъ голова его пала на плахѣ!..

Помощникомъ Левенгаупта былъ генералъ Будденброкъ.

Въ Петербургѣ манифестъ о войнѣ со Швеціей былъ объявленъ 13-го августа. Главное начальство надъ войсками поручено фельдмаршалу графу Ласси; ближайшимъ помощникомъ его былъ генералъ Кейтъ.

Съ именемъ фельдмаршала Ласси связано воспоминаніе о весьма многихъ блестящихъ подвигахъ, покрывшихъ славою русское оружіе въ первой половинѣ XVIII столѣтія. Потомокъ древней ирландской фамиліи, Ласси, молодымъ еще 22-хъ-лѣтнимъ человѣкомъ, но пріобрѣтя уже опытность во французской и австрійской службѣ, гдѣ сражался противъ турокъ, предложилъ въ 1700 г. свои услуги Петру Великому и уже въ 1705 году отличался противъ Шведовъ, а въ Полтавскомъ сраженіи былъ тяжело раненъ. Онъ первый вступилъ въ Ригу, былъ съ Петромъ на Прутѣ, воевалъ въ Помераніи и Гольштиніи, при чемъ участвовалъ въ пораженіи и плѣненіи при Теннингѣ шведскаго полководца графа Стенбока. По странному стеченію обстоятельствъ, вмѣстѣ съ Стенбокомъ былъ взятъ тогда въ плѣнъ и служившій при немъ Левенгауптъ—нынѣшній шведскій главнокомандующій и противникъ Ласси. Въ 1719 году Ласси опустошилъ берега Швеціи, чѣмъ и принудилъ къ миру. При Петрѣ II, уже въ чинѣ генералъ-аншефа, занялъ Курляндію; въ 1733—35 годахъ разбилъ приверженцевъ Станислава Лещинскаго и дошелъ до Рейна. Послѣ этой войны онъ былъ украшенъ званіемъ фельдмаршала. Уже въ слѣдующемъ году онъ взялъ Азовъ, едва избѣжавъ плѣна у татаръ. Знаменитые Крымскіе походы 1737—38 гг., въ которыхъ онъ обходными движеніями чрезъ Арбатскую косу и Сивашъ разбилъ крымскаго хана и турецкія войска, и уничтожилъ укрѣпленія, дали ему титулъ графа.

Слѣдуетъ прибавить, что при всѣхъ заслугахъ, оказанныхъ Россіи и при высокомъ своемъ положеніи, Ласси не былъ интриганомъ и никогда не принималъ никакого участія въ политическихъ переворотахъ, коими столь богато было его время.

Генералъ Кейтъ, шотландскій уроженецъ, бѣжавшій изъ отечества послѣ возстанія 1719 г., былъ въ русской службѣ съ 1728 года и отличился въ войнѣ съ Турціей; но вскорѣ по окончаніи шведской войны перешелъ въ прусскую службу и убитъ при Гохкирхенѣ. Изъ русскихъ генераловъ, подъ начальствомъ Ласси были Шиповъ, Бахметьевъ; прочіе генералы были изъ нѣмцевъ: Штоффельнъ, Ливенъ, Ферморъ, Альбрехтъ.

Русскія войска стали стягиваться къ Выборгу въ началѣ іюля (1741). Война должна была имѣть характеръ оборонительный, почему, и для обезпеченія пути къ Петербургу, приняты были усиленныя мѣры укрѣпленія Выборга, находившагося въ то время всего въ трехъ миляхъ отъ границы русской Финляндіи съ Швеціей. Однако вскорѣ признано было лучшимъ, не ожидая нападенія Шведовъ, перенести театръ войны въ шведскую Финляндію. Поэтому уже 15-го августа наши войска миновали Выборгъ, а 17-го остановились лагеремъ въ 8-ми верстахъ отъ границы. 20-го прибылъ Ласси, и принялъ начальство.

Между тѣмъ непріятель стоялъ двумя отрядами: одинъ въ 5.000 ч., подъ начальствомъ Будденброка, близъ Фридрихсгама, другой—въ 3.000 ч., подъ командою Врангеля за Вильманстрандомъ, такъ что разстояніе между обоими отрядами не превышало 40 верстъ.

Со свойственною Ласси энергіею, рѣшившись уничтожить Шведовъ раньше, чѣмъ они успѣютъ соединиться, онъ съ отрядомъ въ 9.000 чел. 21-го покинулъ лагерь налегкѣ, безъ всякаго обоза. Врангель въ тотъ же день поспѣшилъ извѣстить Будденброка, прося подкрѣпленій, но, не дождавшись отвѣта, двинулся навстрѣчу Русскимъ къ Вильманстранду. На другой день выступилъ къ этому городу и Будденброкъ, но ему предстояло пройти до 80 верстъ.

И Русскіе и Шведы подошли къ Вильманстранду почти

одновременно, 22-го августа. На завтра съ утра не было со стороны Русскихъ замѣтно никакого движенія, и Шведы думали уже что день пройдетъ спокойно; посему Будденброку послано было приглашеніе идти старою дорогою, восточнѣе Вильманстранда, и ударить Русскимъ въ тылъ.

Но Ласси въ 2 часа пополудни началъ наступленіе. Часть отряда его сперва было подалась предъ огнемъ шведскихъ батарей, но вскорѣ Русскіе оправились, вытѣснили Шведовъ и опрокинули сперва лѣвое, а потомъ и правое ихъ крыло. Особенно правое, въ составъ котораго входили финскіе полки, оказало наименѣе стойкости: солдаты бѣжали столь стремительно, что сбили съ ногъ большинство своихъ офицеровъ, и многихъ передавили. Врангель былъ раненъ, и остатки шведскихъ силъ бѣжали въ Вильманстрандъ, преслѣдуемые по пятамъ Русскими. Въ 7-мъ часу вечера городъ былъ взятъ. При этомъ произошелъ эпизодъ, который имѣлъ самыя печальныя послѣдствія. Комендантъ крѣпости увидѣлъ себя вынужденнымъ просить капитуляціи и выставилъ бѣлое знамя; но онъ не распорядился прекращеніемъ пальбы на всѣхъ пунктахъ. Поэтому были убиты не только посланный при русскомъ парламентерѣ барабанщикъ, но и генералъ Икскуль и полковникъ Леманъ, желавшіе остановить кровопролитіе въ виду бѣлаго знамени, и обратившіеся для того съ вразумленіями къ шведскимъ войскамъ. Послѣдствія были ужасны: ожесточенные предполагаемою измѣною солдаты ворвались въ крѣпость, и здѣсь произошла безпощадная рѣзня, городъ подвергся полному разграбленію и уничтоженію, а на другой день былъ и вовсе сожженъ.

Помимо этого прискорбнаго эпизода, дѣло было блестяще выиграно Русскими; самъ начальникъ отряда баронъ Врангель, 5 штабъ-офицеровъ, 12 капитановъ и много другихъ офицеровъ и нижнихъ чиновъ взяты въ плѣнъ. Взяты и нѣсколько знаменъ, пушки и другой военный матеріалъ въ значительномъ количествѣ.

Потеря Русскихъ также была на столько велика, что послѣ выиграннаго сраженія Ласси не обратился на Будденброка для уничтоженія и его, что онъ имѣлъ первоначально въ виду, —

но отступилъ къ Выборгу. Вильманстрандъ остался въ положеніи по истинѣ ужасномъ: сожженный и разоренный, онъ былъ наполненъ и окруженъ тысячами труповъ, которыхъ ни Шведы въ своемъ бѣгствѣ, ни Русскіе при отступленіи не предали землѣ. Множество раненыхъ, оставшихся на полѣ сраженія, погибли безъ всякой помощи. Въ такомъ положеніи, заражая воздухъ далеко вокругъ, оставался Вильманстрандъ цѣлыя двѣ недѣли.

Между тѣмъ Будденброкъ, узнавъ о пораженіи и плѣненіи Врангеля, возвратился въ свой лагерь у Кварнбю, куда прибылъ наконецъ и главнокомандующій графъ Левенгауптъ. Съ тѣмъ вмѣстѣ стали прибывать изъ Швеціи и изъ разныхъ мѣстностей Финляндіи свѣжіе полки. Левенгауптъ имѣлъ въ виду наступленіе въ русскую Финляндію, для чего и напечаталъ прокламаціи къ русскому народу. Одна изъ нихъ удостовѣряла «всѣ сословія славной русской націи», что шведская армія пришла въ предѣлы Россіи съ тою лишь цѣлію, чтобы доставить шведской коронѣ удовлетвореніе за всѣ обиды и несправедливости, нанесенныя ей министрами-иностранцами, которые управляли Россіей. Левенгауптъ расчитывалъ на выражавшуюся въ народѣ и войскѣ все большую и большую неріязнь къ иностранцамъ, которая даже въ арміи самого Ласси дала поводъ къ волненіямъ. Однако въ теченіе двухъ мѣсяцевъ Левенгауптомъ не было ничего предпринято. Все ограничивалось небольшими стычками, если не считать фуражировки Левенгаупта въ самую глухую осень. Съ отрядомъ въ 6.000 слишкомъ человѣкъ онъ вторгнулся въ русскіе предѣлы съ цѣлью захватить значительную партію сѣна. Вѣроятнѣе, впрочемъ, что прямая цѣль заключалась въ распространеніи означенныхъ прокламацій. Никакихъ однако послѣдствій отъ этого движенія не было, кромѣ крайняго утомленія и разстройства отряда, изъ котораго по случаю холода и дождей половина заболѣла. Зима наступила въ 1741 г. очень рано, и этимъ кончились военныя дѣйствія. Продолжались лишь набѣги для добычи фуража и провіанта и для истребленія деревень.

Между тѣмъ въ Петербургѣ, въ ночь съ 25-го на 26-е ноября, произошли извѣстныя событія: на русскомъ престолѣ воцарилась Елизавета Петровна. Шведская кампанія быть можетъ не осталась безъ нѣкотораго вліянія на этотъ переворотъ. По крайней мѣрѣ явившіеся къ Елизаветѣ ночью преображенскіе гренадеры выставили поводомъ своихъ просьбъ о принятіи ею правленія именно то, что они на завтра должны выступить въ походъ противъ Шведовъ, и что она останется беззащитною среди враговъ. Переворотъ какъ бы согласовался съ видами шведскаго правительства, ибо въ манифестѣ о войнѣ оно въ числѣ поводовъ къ ней выставляло также устраненіе Елизаветы Петровны отъ престола. Въ Стокгольмѣ питали надежду, что новая петербургская революція повлечетъ за собою уступку Швеціи мѣстностей, завоеванныхъ Петромъ Великимъ.

Уже чрезъ два дня Левенгауптъ получилъ извѣстіе о петербургскихъ событіяхъ, а вскорѣ по желанію Императрицы, дѣйствительно заключено со Шведами перемиріе до марта мѣсяца слѣдующаго 1742 года, и начались переговоры о мирѣ. Впрочемъ они не привели ни къ чему. Въ Швеціи не вѣрили искренности мирныхъ намѣреній Россіи и совѣтовали Левенгаупту продолжать движеніе чрезъ Выборгъ на Петербургъ.

Но это не такъ легко было исполнить. Если русскія войска значительно страдали отъ болѣзней, то шведскія можно сказать уничтожались ими. Они были помѣщены осенью близъ Фридрихсгама въ самыхъ дурныхъ гигіеническихъ условіяхъ; лагерь находился на низменномъ морскомъ берегу, въ непосредственной близости отъ обширнаго кладбища матросовъ, дурно къ тому же похороненныхъ, и задыхался отъ зловонія. Это матросское кладбище говорило также объ одномъ изъ бѣдствій Шведовъ въ томъ году. Многочисленный шведскій флотъ, высланный противъ русскаго,—который по неудовлетворительности своей вовсе и не показывался въ морѣ,—простоялъ на якорѣ близъ Аспэ, и здѣсь люди умирали какъ мухи: изъ сухопутныхъ войскъ взято было на корабли 1.000 чел., чтобы хотя отчасти пополнить многочисленную убыль умершихъ. Жилыя землянки стали обращать въ могилы, трупы кидали нагими; по-

томъ по многочисленности ихъ прекратили не только отдачу умершимъ воинскихъ почестей, но даже и исполненіе церковныхъ обрядовъ.

Такое положеніе арміи, послѣ понесеннаго пораженія, вызывало въ войскахъ ропотъ и неудовольствіе, которые тѣмъ больше росли, чѣмъ дальше уходило время гибельнаго и бездѣйственнаго стоянія ихъ. Шведскіе правители расчитывали на помощь Франціи, но дѣлали очень мало для подкрѣпленія силъ Левенгаупта. За все отвѣчала Финляндія. Толпы мужиковъ вооруженныхъ чѣмъ попало, посылались для пополненія рядовъ, таявшихъ какъ весенній снѣгъ. Разореніе страны не поддавалось описанію. На десятки миль кругомъ не оставалось вовсе рабочаго скота; подъ тяжести впрягали мужиковъ и казенныхъ служителей.

При такихъ обстоятельствахъ въ Петербургѣ возъимѣли надежду достигнуть мира обращеніемъ непосредственно къ населенію Финляндіи, съ указаніемъ на возможность мирнаго для нея существованія въ видѣ отдѣльнаго отъ Швеціи герцогства. Можетъ быть именно съ цѣлью вызвать желаемое движеніе въ народѣ, въ концѣ февраля въ Петербургѣ рѣшено было прекратить перемиріе и немедленно возобновить военныя дѣйствія.

Извѣстіе о семъ застало Левенгаупта врасплохъ, особенно потому, что обильная снѣгомъ зима дѣлала движенія большихъ массъ почти невозможными. Въ Фридрихсгамѣ распространилось сильное волненіе. Крѣпость, расположенная въ лощинѣ, не представляла удобнаго для защиты пункта; поэтому собранный Левенгауптомъ военный совѣтъ рѣшилъ, уничтоживъ укрѣпленія, отступить къ болѣе выгодной позиціи. Предположеніе это, противъ котораго былъ между прочимъ и генералъ Будденброкъ, отправлено къ королю на разрѣшеніе. Однако шведскія войска, не смотря на снѣгъ глубиною въ человѣческій ростъ, стягивались къ Фридрихсгаму со всею поспѣшностію. Здѣсь заболѣваемость и смертность достигали такихъ размѣровъ, что гарнизонъ приходилось смѣнять каждыя двѣ недѣли. Люди обременялись еще и усиленными работами по возведенію укрѣпленій.

Но русскія войска не показывались, а вмѣсто нихъ распространился манифестъ Императрицы Елизаветы Петровны, данный въ Москвѣ 18-го марта 1742 г. и обращенный къ Герцогству Финляндскому [1]). Онъ надѣлалъ много шума, хотя и не достигъ своей цѣли. Напечатанный на трехъ языкахъ, нѣмецкомъ, шведскомъ и финскомъ, онъ въ пространномъ изложеніи указывалъ на неправильность враждебныхъ отношеній Швеціи къ Россіи и на миролюбивыя желанія сей послѣдней; упоминалъ о томъ, что война начата не по единодушному рѣшенію государственныхъ шведскихъ чиновъ, а лишь въ себялюбивыхъ видахъ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ лицъ; что къ числу людей, нежелавшихъ войны, принадлежатъ жители Княжества Финляндскаго, наиболѣе отъ нея страдающіе, и что Императрица вовсе не желаетъ распространять свою власть и дѣлать завоеванія. Въ дальнѣйшемъ предлагалось чинамъ и жителямъ княжества не противодѣйствовать ничѣмъ русскимъ войскамъ, а также не помогать шведской арміи. Въ вознагражденіе указывалась возможность содѣйствія со стороны Россіи, въ случаѣ если бы Финляндія пожелала отдѣлиться отъ Швеціи и сдѣлаться ни отъ кого независимымъ государствомъ подъ собственнымъ правленіемъ; обѣщалось также для защиты жителей, если понадобится, посылать русскія войска и исполнять другія просьбы. «Но если, сказано было въ заключеніи манифеста, вопреки всѣмъ ожиданіямъ, наше благое намѣреніе это не будетъ охотно принято Княжествомъ Финляндскимъ и жители онаго будутъ дѣйствовать враждебно противъ насъ и нашихъ войскъ, и помогать чѣмъ бы ни было шведскимъ войскамъ, то мы, хотя и вопреки нашему желанію, будемъ вынуждены приказать разорить эту страну мечемъ и огнемъ.»

Манифестъ этотъ вызвалъ контръ-манифестъ короля шведскаго, въ которомъ онъ разбиралъ и опровергалъ по пунктамъ объясненія Императрицы Елисаветы и заключалъ увѣренностію, что финляндцы будутъ единодушны въ продолженіи войны, и помогутъ ему установить такія границы, которыя могли бы служить твердымъ для Швеціи оплотомъ.

---

[1]) Приложеніе № 5.

Въ конечномъ результатѣ манифестъ Елисаветы остался безъ всякихъ послѣдствій въ то время и въ тѣхъ условіяхъ, при какихъ онъ былъ объявленъ. Но имъ не пренебрегали иногда пользоваться люди, преслѣдовавшіе свои цѣли, хотя всякое значеніе его какъ обязательства утратилось вполнѣ, въ силу хотя бы того что на дѣлѣ пришлось прибѣгать къ огню и мечу. Манифестъ имѣлъ всѣ качества легкомысленной попытки, не болѣе зрѣлой, какъ и прокламаціи шведскаго короля, распространенныя въ Россіи прежде даже нежели войска его вошли въ ея предѣлы. Война не только продолжалась, но недостатокъ энергіи въ шведскомъ начальствѣ вызывалъ ропотъ въ его войскахъ, требовавшихъ сраженій.

Фельдмаршалъ Ласси, въ соображеніяхъ своихъ о планѣ предстоявшей въ 1742 г. кампаніи, имѣлъ намѣреніе воспользоваться жестокостью зимы и овладѣть Фридрихсгамомъ съ той стороны, съ которой Шведы ожидали всего менѣе. Предполагалось, двинувъ одну часть войскъ по выборгской дорогѣ, отправить другую отъ Нарвы поперегъ Финскаго залива по льду и аттаковать крѣпость съ моря. Всѣ распоряженія были уже подготовлены, но быстро наступившая сильная оттепель разрушила весь остроумнозадуманный планъ. Въ видахъ рѣшительныхъ дѣйствій русскія силы собирались въ большомъ числѣ. Къ Выборгу сдвигались войска изъ Пскова, Новгорода и съ южнаго побережья Финскаго залива, такъ-что вскорѣ должна была образоваться армія въ 70.000 чел. регулярныхъ войскъ, не считая 12.000 иррегулярныхъ и многочисленной артиллеріи. Такъ по крайней мѣрѣ опредѣлялись русскія силы въ объявленіяхъ С.-Петербургскихъ Вѣдомостей 8-го апрѣля 1742 г. Въ Кронштадтѣ снаряжался значительный корабельный флотъ, на который назначалось посадить до 5.000 пѣхоты; на гребной флотъ, состоявшій изъ 70 галеръ, предположено взять 15.000. Морскія силы имѣли приказаніе выступить какъ только ледъ позволитъ.

На новую кампанію, подъ главнымъ начальствомъ Ласси, кромѣ прежнихъ были еще: генералъ-аншефъ Левендаль, гене-

ралъ-лейтенантъ князь Рѣпнинъ, графъ Салтыковъ и принцъ фонъ-Гольштейнъ-Бекъ, генералъ-маіоры фонъ-Ливенъ, графъ Лесси, баронъ Ведель, графъ Брюсъ, фонъ-Браунъ, Лопухинъ и Киндерманъ. Начальство надъ артиллеріею поручено генералъ-маіору Томилову; надъ флотомъ корабельнымъ — вице-адмиралу Мишукову, а гребнымъ генералъ-аншефу Левашову, съ генералами де-Брилли, фонъ-Брадке и Карауловымъ. Впрочемъ, флотъ и въ 1742 г. не заявилъ себя никакими подвигами, вѣроятно потому, что при составѣ экипажа большею частію изъ молодыхъ матросовъ, начальство боялось предпринять на морѣ что-либо рѣшительное.

Дѣйствія начались съ двухъ сторонъ: отъ Выборга, и отъ Кексгольма и Олонца, гдѣ отдѣльныя партіи дѣлали набѣги на непріятельскія поселенія и небольшіе отряды. Всѣ донесенія о нихъ являютъ однообразную и съ современной точки зрѣнія весьма печальную лѣтопись грабежей, пожаровъ и разореній. Существенно лишь то, что всѣ эти сотни и тысячи отдѣльныхъ дворовъ, даже цѣлые уѣзды, снесенные такъ сказать съ лица земли, хотя и были неизбѣжнымъ послѣдствіемъ войны того времени, тѣмъ не менѣе, во-1-хъ, приводили къ нулю манифестъ Елизаветы Петровны, а во-2-хъ, жителямъ уже разореннымъ или ожидавшимъ разоренія, никакой любви и пріязни къ Русскимъ внушить не могли, а вселяли только отчаяніе и ненависть. Правильныя военныя дѣйствія возобновились лишь въ концѣ мая. Но Ласси, по показаніямъ Манштейна, имѣлъ подъ Выборгомъ не 70.000, а лишь около половины этого числа. Левенгауптъ получилъ изъ Швеціи до 15.000 свѣжаго войска.

Въ ожиданіи движенія русской арміи, Шведы задолго еще до открытія кампаніи занялись укрѣпленіемъ Мендолакскаго дефиле, находящагося въ небольшомъ разстояніи отъ Фридрихсгама въ сторону Выборга. Естественныя условія мѣстности были таковы, что оборона ея представлялась весьма удобною, и, по отзыву свѣдущихъ людей, съ 2.000 отрядомъ можно было съ успѣхомъ выдержать нападеніе русскихъ силъ, а съ 7.000 сдѣлать ее вполнѣ неприступною. Съ запада, т. е. со шведской

стороны, эта узкая долина прикрыта горами, круто поднимающимися къ востоку и недоступными для Русскихъ; на нихъ поставлена была артиллерія, дѣйствовавшая по долинѣ черезъ головы своихъ. Поперекъ долины идетъ рѣчка съ узкимъ мостомъ на почтовой дорогѣ; передъ мостомъ мѣстность была укрѣплена громадными засѣками, непроходимыми особенно подъ сильнымъ артиллерійскимъ огнемъ съ горъ. Къ югу долина примыкала къ Финскому заливу, на которомъ находилось болѣе 20 вооруженныхъ галеръ и 2 прама (плавучія батареи); къ сѣверу рѣчка была запружена и представляла непроходимыя трясины и болота. Безспорно Мендолаксъ оказывался одною изъ самыхъ недоступныхъ мѣстностей Финляндіи.

Вскорѣ однако между шведскими войсками разнеслась вѣсть, что плотина у Мендолакса прорвана и что засимъ мѣстность эта утрачиваетъ съ сѣвера значеніе оплота. Это свѣдѣніе, вмѣстѣ со сдѣланною къ сторонѣ русской арміи большою рекогносцировкою, подѣйствовало на командовавшаго мендолакскою позиціею столь устрашающимъ образомъ, что онъ рѣшился, не ожидая разрѣшенія Левенгаупта, самовольно покинуть ее и отступить съ своимъ 2.000 отрядомъ къ Фридрихсгаму. Русскій отрядъ подъ начальствомъ Левашева, предпринявъ въ ту же ночь на 25-е іюня движеніе по боковой дорогѣ къ засѣкѣ, для ея уничтоженія и затѣмъ скрытнаго нападенія на укрѣпленіе, никого уже на позиціи не нашелъ. Мендолаксъ былъ занятъ русскими войсками безъ выстрѣла.

На слѣдующій день Ласси подошелъ къ Фридрихсгаму и приступилъ къ осадѣ крѣпости. Были назначены мѣста для батарей; самый огонь еще не открытъ. Но вскорѣ оказалось, что Фридрихсгамъ очищенъ Шведами безъ боя и зажженъ ими. Армія Левенгаупта снялась изъ лагеря и быстро отступила къ р. Кюмени. Въ ней сталъ усиливаться ропотъ, особенно въ финскихъ полкахъ, которые съ потерею Фридрихсгама увидѣли, что надежды ихъ на перенесеніе войны за границу исчезли и что родинѣ ихъ предстоятъ всѣ ужасы, столь памятные отъ недавней еще великой Сѣверной войны. Солдаты дезертировали среди бѣла дня, на глазахъ всѣхъ, находя что если армія бѣ-

житъ, то и они бѣжать могутъ. Положеніе шведской арміи ухудшалось еще тѣмъ, что съ потерею Фридрихсгама она лишалась главнаго магазина, при арміи же провіанта было всего на десять дней.

Перейдя Кюмень, Шведы остановились у Кюменегорда; но, опасаясь, что Русскіе перейдутъ рѣку выше у Аньялы и отрѣжутъ имъ путь отступленія, военный совѣтъ призналъ нужнымъ отступить и съ этой позиціи. Генералъ Будденброкъ былъ въ меньшинствѣ, требуя сраженія уже потому, что финскіе полки ропщутъ на беззащитное предоставленіе ихъ родины непріятелю и навѣрное разбѣгутся, если армія будетъ отступать еще далѣе. Мнѣніе большинства шло въ разрѣзъ съ повелѣніями изъ Стокгольма, откуда постоянно требовалось противостоять Русскимъ и идти впередъ. Вѣроятно въ виду сего Левенгауптъ колебался исполнить рѣшеніе военнаго совѣта и только когда получилъ извѣстіе, что отрядъ, посланный оберегать проходъ у Аньялы и дорогу на Таваотгусъ, отступилъ при первомъ появленіи казаковъ, перешелъ къ Абборфорсу, на р. Кюмени, гдѣ и простоялъ спокойно 6 дней, нетревожимый Русскими. Это отступленіе объяснялось и тѣмъ еще немаловажнымъ обстоятельствомъ, что по полученнымъ Левенгауптомъ свѣдѣніямъ крестьяне намѣревались сжечь мостъ въ тылу его, дабы принудить дать сраженіе въ защиту страны. Случай этотъ характеризуетъ то настроеніе, которое господствовало въ населеніи.

Отступленіе Левенгаупта обусловливалось и неудовлетворительными дѣйствіями шведскаго флота. Простоявъ въ Аспэ до начала іюля, шведскій адмиралъ ушелъ изъ этого нездороваго мѣста къ Гангеудду, и тѣмъ лишилъ армію надлежащаго прикрытія съ моря. Нельзя не замѣтить здѣсь, что дисциплина отсутствовала не только во флотѣ, но и въ арміи. Войска страдали отъ недостатка продовольствія, нижніе чины бѣжали, а начальники не оказывали главнокомандующему должнаго уваженія и повиновенія и самовольно уѣзжали въ Стокгольмъ.

Остановка Русскихъ въ преслѣдованіи уходящей шведской арміи объяснялась особыми причинами. 2-го іюля Ласси получилъ изъ Петербурга повелѣніе: коль скоро Шведы уйдутъ за

р. Кюмень,—окончить кампанію, считать эту рѣку границей, построить вдоль ея укрѣпленія и стоять близь Фридрихсгама лагеремъ до наступленія зимы. Приказъ засталъ русскія войска уже за рѣкою, т. е. сдѣлано было болѣе того, что требовалось. Созванный военный совѣтъ нашелъ, что если бы правительство знало настоящее положеніе войскъ уже за указанною чертою, и что непріятелемъ уступленъ столь важный пунктъ безъ борьбы, то никогда не дало бы этого приказанія. Посему рѣшено продолжать преслѣдовать непріятеля до Гельсингфорса, гдѣ и окончить кампанію. Ослушаніе это, оправданное послѣдующими успѣхами, достигло результатовъ далеко превзошедшихъ ожиданія Императрицы.

Слѣдуя такимъ образомъ, Ласси 11-го іюля былъ уже за послѣднимъ изъ трехъ рукавовъ р. Кюмени. Движеніе его нѣсколько замедлилось тѣмъ, что непріятель отступая вездѣ уничтожалъ мосты, которые приходилось дѣлать вновь. Параллельно съ главными силами дѣйствовалъ отъ Аньялы кавалерійскій отрядъ бригадира Краснощекова, который постоянно безпокоилъ непріятеля со стороны тавастгусской дороги. Дабы не дать отступавшему непріятелю отдыха, Ласси безотлагательно пошелъ на Абборфорсъ, гдѣ однако нашелъ лишь небольшія арріергардныя партіи. Главныя шведскія силы, не смотря на крѣпкую и здѣсь позицію, ушли далѣе по направленію къ Борго. Между тѣмъ Ласси готовился, съ одной стороны, завладѣть Нейшлотомъ, съ другой сблизилъ галерный флотъ, который долженъ былъ двигаться параллельно съ войсками, прикрытый въ свою очередь корабельнымъ флотомъ. Краснощековъ былъ направленъ къ Борго.

29-го іюля шведская армія покинула Борго и стала отступать къ Гельсингмальму, гдѣ была также очень крѣпкая позиція, примыкавшая флангомъ къ морю, по близости галернаго флота; съ фронта защищали ее большія болота съ очень узкою дорогою. Но для Левенгаупта, котораго вся забота состояла въ сохраненіи арміи, не было въ эту войну крѣпкихъ позицій; онъ старался найти нѣчто еще болѣе безопасное. Въ такихъ поискахъ онъ остановился на другой позиціи нѣсколько болѣе на западъ,

при Стаффансбю, гдѣ и перешелъ за рѣку. Современники находили выборъ этой мѣстности безуміемъ. Дѣйствительно, шведская армія оказалась въ лощинѣ, окружавшія же ее вершины были вполнѣ доступны Русскимъ. Насколько это было справедливо, видно изъ разсказа бывшаго при гвардіи пастора Тибурціуса, который, читая предъ войскомъ вечернюю молитву, замѣтилъ что стоявшіе на колѣняхъ офицеры постоянно посматривали на гору, находившуюся въ 2 или 3 стахъ шагахъ по ту сторону рѣки. Когда онъ окончилъ молитву и оглянулся, то къ немалому удивленію и ужасу увидѣлъ русскихъ генераловъ (какъ извѣстно, большею частію нѣмцевъ), которые обнаживъ головы, молились вмѣстѣ со Шведами... Позиція была такова, что Русскіе подошли къ ней совершенно незамѣченными. На разсвѣтѣ Шведы двинулись на Гаммельштадтъ; густой туманъ защитилъ ихъ отъ русскихъ орудій, поставленныхъ на окружающихъ высотахъ [1]). Дойдя до Гаммельштадта, Шведы уже безъ помѣхи пришли затѣмъ къ Гельсингфорсу, сожгли мостъ и расположились на мѣстѣ нынѣшнихъ православнаго и лютеранскаго кладбищъ.

Между тѣмъ 7-го августа сдалась на капитуляцію крѣпость Нейшлотъ, а 21-го числа, по предложенію гарнизона Тавастгусской крѣпости, пожелавшаго вступить въ подданство Императрицы Елизаветы, занятъ безъ боя и Тавастгусъ. Вскорѣ съ этой стороны русскія партіи начали уже показываться близъ Або, угрожая такимъ образомъ обходомъ арміи Левенгаупта, стоявшей въ Гельсингфорсѣ. Положеніе этой послѣдней было удовлетворительно въ томъ отношеніи, что она могла по-

[1]) Отступленіе Шведовъ было столь стремительно, что дало мѣсто слѣдующему характерному случаю. Спасаясь отъ русскихъ ядеръ, отрядъ кавалеріи скакалъ по склону горы при Дамарсбю, прямо на шедшую у подошвы ея по дорогѣ пѣшую гвардію, рискуя ее затоптать, и не остановился по требованію командовавшаго послѣднею офицера. Тогда этотъ послѣдній велѣлъ своимъ гвардейцамъ взять ружья на руку, угрожая кавалеріи залпомъ. Испуганный начальникъ ея, заботясь лишь о спасеніи и ничего не соображая, повернулъ свой отрядъ прямо въ болото, гдѣ и утопилъ 80 человѣкъ.

лучать провіантъ изъ Швеціи моремъ, пока продолжалось судоходство. Но на сухомъ пути, притомъ что Тавастгусъ, средоточіе всѣхъ дорогъ пересѣкающихъ центральную Финляндію, былъ уже занятъ Русскими, гельсингфорская позиція не имѣла никакого значенія. Весьма вѣроятно, что Левенгауптъ имѣлъ въ виду продолжить свое отступленіе еще далѣе къ Або. Но на другой же день по прибытіи шведской арміи на позицію, казаки и гусары появились при Эсбо, т. е. по ту сторону между Гельсингфорсомъ и Або. Происшедшая здѣсь стычка кончилась смертью командовавшаго казаками бригадира Краснощекова, отличавшагося беззавѣтною храбростью и энергіею, не смотря на свои 70 лѣтъ. При этомъ начальникъ шведскаго отряда маіоръ Шауманъ явилъ примѣръ звѣрской жестокости: получившаго уже три раны Краснощекова, онъ загналъ въ болото и тамъ приказалъ застрѣлить его. Въ виду гельсингфорскаго лагеря показывались русскіе генералы, производившіе рекогносцировки, и армія Левенгаупта готовилась встрѣтить непріятеля въ боевомъ порядкѣ, предполагая вѣроятно, что онъ подойдетъ береговой дорогой по которой до того времени слѣдовалъ. Но ожиданія эти привели къ гибельному разочарованію.

Въ тотъ самый вечеръ, 11-го августа, когда русскія войска подошли къ Гельсингфорсу, сдѣлалось извѣстнымъ, что при Петрѣ Великомъ проложена была лѣсомъ особая дорога выводившая прямо на Абоскій трактъ, минуя Гельсингфорсъ. За 30 лѣтъ она поросла молодыми деревьями и кустарникомъ; но очищеніе ея отъ мелколѣсья не представляло большихъ затрудненій. Посланные на мѣсто отряды войскъ очистили дорогу въ одну ночь и на утро заняли уже абоско-гельсингфорскій путь въ тылу непріятеля. Рано утромъ присоединились къ нимъ и прочія силы Ласси.

Такимъ образомъ сообщенія Шведовъ сухимъ путемъ были окончательно пресѣчены, а чрезъ нѣсколько дней когда подошли русскіе корабли, прекратились сообщенія и моремъ. Въ то время Свеаборга еще не было, и доступъ къ городу былъ не затрудненъ. Могъ задержать лишь шведскій флотъ; но бывъ ослабленъ сильною болѣзненностію экипажа въ теченіи всего

лѣта, онъ не рискнулъ сопротивляться и скрылся въ Карлскрону. Шведская армія оказалась запертою, и дѣло ея было проиграно. Простоявъ такъ двѣ недѣли и получивъ отъ Ласси извѣстіе о сдачѣ Нейшлота, Левенгауптъ вступилъ въ переговоры. Русскій фельдмаршалъ предлагалъ ему свободное отплытіе съ своей арміей въ Швецію. Предложенія эти были разсматриваемы въ шведской главной квартирѣ, и послѣ долгихъ сужденій и переговоровъ рѣшено было представить ихъ на усмотрѣніе короля. Положеніе шведской арміи было крайне тяжкое: въ то время, какъ при русскомъ войскѣ были даже походныя лавочки, гдѣ можно было достать очень многое сверхъ предметовъ первой потребности, Шведы терпѣли недостатокъ даже въ необходимомъ. Люди совершенно обносились, а наступленіе осени уже давало себя чувствовать; болѣзненность еще болѣе усилилась; въ топливѣ былъ настолько недостатокъ, что на дрова разбирали постройки; отъ недостатка фуража пала большая часть обозныхъ лошадей; кавалерія какъ бы не существовала.

Наконецъ 24-го августа подписана капитуляція. Но въ этомъ прискорбномъ актѣ ни Левенгауптъ, ни помощникъ его Будденброкъ уже не участвовали: за пять дней передъ тѣмъ привезено отъ короля повелѣніе обоимъ этимъ генераламъ немедленно явиться въ Стокгольмъ, для представленія государственнымъ чинамъ отчета въ ихъ дѣйствіяхъ во время войны. 20-го они уѣхали изъ Гельсингфорса,—съ тѣмъ чтобы вскорѣ окончить жизнь свою подъ топоромъ палача. Въ приговорѣ ихъ къ смертной казни сказалась вся ненависть, накипѣвшая въ сердцахъ Шведовъ въ продолженіе этой позорной для нихъ кампаніи. Какъ всегда, передъ жаждой мщенія молчалъ голосъ справедливости. Если Левенгауптъ былъ виновенъ въ постыдномъ бѣгствѣ арміи передъ Русскими, то нельзя было въ томъ же винить Будденброка, который при всѣхъ случаяхъ рѣшеній военнаго совѣта въ пользу дальнѣйшаго отступленія, всегда оставался въ меньшинствѣ, требуя сопротивленія. Но здѣсь кипѣли страсти—и Будденброку пришлось заплатить имъ дань жизнью и честью. Друзья Левенгаупта устроили было

ему способы спастись бѣгствомъ, для чего и былъ нанятъ корабль, который долженъ былъ увезти его за границу. Но объявленная отъ правительства значительная премія за его голову соблазнила капитана судна,—и онъ выдалъ бѣглеца. Документы не даютъ матеріала для сужденія о томъ, что было причиною быстрой и непонятной метаморфозы этого столь недавняго героя и любимца. Чѣмъ можно объяснить его непрерывное отступленіе, похожее на позорное бѣгство? Первоначально блескъ герцогской короны не затуманилъ-ли умъ этого честолюбца, ожидавшаго, быть можетъ, содѣйствія и отъ Императрицы Елизаветы? Потомъ онъ увидѣлъ уже, что дѣло было проиграно; малодушіе овладѣло имъ, и вѣроятно онъ искалъ честной смерти на полѣ битвы. Въ дѣлѣ при Стафансбю по крайней мѣрѣ, въ своемъ бѣломъ плащѣ, онъ невозмутимо стоялъ въ самомъ опасномъ мѣстѣ подъ страшнымъ артиллерійскимъ огнемъ. Во всякомъ случаѣ борьба Левенгаупта съ Ласси имѣла въ себѣ нѣчто роковое: подъ Теннингеномъ, 30 лѣтъ назадъ, послѣдній участвовалъ въ его плѣненіи; а теперь онъ же, Ласси, хотя и невольно, привелъ его къ эшафоту.

По капитуляціи Шведамъ договорено отбыть въ отечество: пѣхотѣ — на шведскихъ галерахъ, кавалеріи — кругомъ чрезъ Торнео, подъ конвоемъ Русскихъ; Финнамъ предоставлено или слѣдовать за ними, или сдать знамена и оружіе Русскимъ начальникамъ и разойтись по домамъ. Вся финская конница и половина пѣхоты немедленно избрала это послѣднее рѣшеніе и присягнула на вѣрность русской Императрицѣ. На другой день къ нимъ присоединились и остальные, за нѣкоторыми лишь изъятіями между офицерами. Всего сдалось на капитуляцію до 17.000 чел., изъ коихъ впрочемъ не менѣе четвертой части больныхъ. Собственно Финновъ считалось до 3.300 человѣкъ. Русскій корпусъ, предъ которымъ капитулировали эти войска, лишь немного превышалъ ихъ численностію, считаясь въ 18.000.

Русскіе вступили во всѣ права владѣнія вновь завоеванной страной вплоть до Улеаборга. Немедленно во всѣ части Финляндіи, какъ восточныя такъ и западныя, разосланы чиновники

и пасторы для приведенія населенія къ присягѣ Императрицѣ. Присягали Елизаветѣ Петровнѣ, и только что объявленному наслѣднику престола, Гольштинскому принцу Петру Феодоровичу. Присягали всѣ, не исключая и несовершеннолѣтнихъ. Главное управленіе сосредоточилось въ Гельсингфорсѣ, гдѣ, по отъѣздѣ Ласси въ Петербургъ, принялъ высшее начальство генералъ Александръ Румянцевъ. По бѣдности страны Русскія войска были главнымъ образомъ размѣщены въ прежнихъ русскихъ владѣніяхъ, и лишь западныя провинціи, которымъ могло угрожать шведское нападеніе, снабжены болѣе значительными военными силами. Управленіе сосредоточивалось сперва въ рукахъ военныхъ начальниковъ. Но уже указомъ 26-го сентября учреждена для вновь покоренной Финляндіи должность генералъ-губернатора, которая и поручена генералъ-лейтенанту фонъ-Кампенгаузену, служившему въ молодости при шведскомъ дворѣ, а послѣ Ништадтскаго мира проживавшаго въ своихъ имѣніяхъ близъ Риги. Ему предоставлено главное начальство какъ въ административныхъ, такъ и судебныхъ, а равно и въ церковныхъ дѣлахъ. А въ январѣ слѣдующаго 1743 г. Кампенгаузенъ принялъ въ Або и военную часть отъ Кейта, который замѣстилъ Румянцева, назначеннаго для веденія мирныхъ переговоровъ. Многіе гражданскіе чиновники, особенно старшіе, также какъ члены абоскаго гофгерихта, ушли въ Швецію. Они были замѣщены частію эстляндскими и лифляндскими чиновниками, частію же мѣстными жителями. При лагманахъ были назначены особые оберъ-коммисары. Мѣстная высшая судебная инстанція, абоскій гофгерихтъ, получилъ наименованіе «Императорскаго». Трудно было возстановить абоскій университетъ, члены котораго по большей части равнымъ образомъ перешли въ Швецію. Профессорскій составъ былъ сформированъ, при помощи нѣкоторыхъ изъ оставшихся преподавателей, по крайней мѣрѣ на столько, чтобы не оставить край безъ необходимаго духовенства. Немало было затрудненій и съ церковнымъ управленіемъ вообще, такъ какъ оба епископа, абоскій и боргоскій, вмѣстѣ съ ихъ консисторіями, послѣдовали за шведскими войсками. Принимались разныя мѣры къ

возможно скорѣйшему возстановленію благосостоянія страны вообще: исправлялись мосты, возобновлялись зданія, нуждающееся населеніе снабжалось хлѣбомъ изъ военныхъ запасовъ. Все дѣлалось въ видахъ пріобрѣтенія добраго расположенія населенія, и изъ всего слѣдовало заключить, что Россія вовсе не намѣрена возвращать занятой страны.

Однако не прекращались и военныя приготовленія на случай новыхъ затрудненій со стороны Швеціи. Обращено вниманіе на флотъ, совершенно заброшенный послѣ Петра Великаго и непредставлявшій теперь никакой почти силы. Онъ приводился въ порядокъ въ Кронштадтѣ; но и въ самой Финляндіи строились галеры извѣстными мастерами своего дѣла Остроботнійцами, которыхъ принуждали къ тому иногда даже силою. При этомъ многіе изъ нихъ оказывали сопротивленіе и бѣжали къ Шведамъ. Тѣмъ не менѣе къ веснѣ 1743 г. сформирована эскадра, достаточная для поддержки русскихъ сухопутныхъ силъ. Ихъ сосредоточивали также наиболѣе въ западной Финляндіи, дабы имѣть подъ рукой.

Въ Стокгольмѣ зимою 1742—43 гг. собрался сеймъ, и партіи по-прежнему продолжали являть свою непримиримую вражду, не смотря на бѣдственное положеніе въ которомъ находилась страна. Послѣ плѣненія ея арміи слѣдовало ожидать нашествія русскихъ войскъ въ самое сердце ихъ отечества, какъ было въ 1719—20 гг., а съ нимъ и новыхъ ужасовъ. Шляпы потеряли голову и преимущественное положеніе стало переходить къ шапкамъ. Впрочемъ, вскорѣ они оправились и нашли выходъ въ вопросѣ о наслѣдникѣ шведскаго престола, такъ какъ послѣдовавшая незадолго предъ тѣмъ смерть королевы Ульрики-Элеоноры ставила его на очередь. Зная желаніе Императрицы Елизаветы видѣть на шведскомъ престолѣ племянника своего, гольштинскаго принца, сеймъ выбралъ депутацію изъ трехъ лицъ, которую и отправилъ въ Петербургъ съ соотвѣтственными предложеніями. Но именно тѣмъ временемъ кандидатъ ихъ принялъ православіе и былъ провозглашенъ наслѣдникомъ всероссійскимъ, подъ именемъ Петра Феодоровича, впослѣдствіи Петра III. Естественно, что ни самъ онъ, ни Импе-

ратрица не изъявили наклонности изъ побѣдителя обратиться въ побѣжденнаго. Но Елизавета выразила готовность ограничить свои требованія при заключеніи мира, если наслѣдникомъ шведскимъ будетъ избранъ другой гольштинскій принцъ, дядя Петра Феодоровича, Адольфъ-Фридрихъ, епископъ любскій [1]). Такое измѣненное предложеніе не могло уже легко пройти на сеймѣ, тѣмъ болѣе что явились другіе соискатели. Шляпы и Франція поддерживали молодаго пфальцграфа цвейбриккенскаго; шапки и въ особенности крестьянство желали датскаго принца. Для поддержки послѣдняго Данія даже была готова двинуть свои войска. Среди Финновъ высказывалось болѣе склонности принять сторону русской партіи. Датское правительство обвинялось въ крутомъ деспотизмѣ; отъ русскаго, судя по управленію только-что завоеванною частію Финляндіи, ожидали болѣе мягкости. «Мы, Финны, говорилъ представитель ихъ на сеймѣ, Генрихъ Вреде, — какъ свободный народъ, лучше подчинимся Русской Имперіи, чѣмъ датскому игу.»

Тѣмъ временемъ уже шли между Россіей и Швеціей мирные переговоры, начавшіеся 7-го февраля. На конгрессъ въ Або собрались: съ русской стороны Александръ Румянцевъ, генералъ-аншефъ временно командовавшій войсками въ Финляндіи, и генералъ-аншефъ баронъ Люберасъ; со шведской — государственный совѣтникъ баронъ фонъ-Цедеркрейцъ, и фонъ-Нолькенъ, бывшій шведскій посланникъ въ Петербургѣ. Опредѣленно было извѣстно одно русское условіе, именно то, что Императрица требовала признанія герцога Адольфа-Фридриха наслѣдникомъ шведскаго престола. Въ случаѣ принятія этого требованія, русскіе уполномоченные допускали возможность возврата части Финляндіи, приблизительно по линіи отъ мыса Гангэ на сѣверъ, такъ что Або-Бьернеборгская и Остроботнійская провинціи остались бы за Швеціей. Въ противномъ слу-

[1]) Братъ принца Карла-Августа, жениха Елизаветы, умершаго въ 1727 г. въ Петербургѣ, и родной дядя Екатерины Великой. См. Прил. № 7.

чаѣ рѣчь шла о полномъ присоединеніи Финляндіи къ Россіи. На минуту промелькнула теперь вновь мысль, принадлежавшая или по крайней мѣрѣ выраженная Бестужевымъ, бывшимъ посланникомъ въ Стокгольмѣ,—о образованіи изъ Финляндіи особаго герцогства подъ покровительствомъ Россіи, съ Адольфомъ-Фридрихомъ во главѣ. Мотивировалось это предложеніе отчасти тѣмъ, что Европа косо посмотрѣла бы на полное включеніе Финляндіи въ составъ Россіи, отчасти же тѣмъ, что полунезависимая страна служила бы преградою, буферомъ, какъ говорятъ теперь, между Швеціей и Россіей. Однако планъ этотъ, который не могъ понравиться и представителямъ Швеціи на конгрессѣ, ибо признавалъ рѣшеннымъ отдѣленіе отъ нея всей Финляндіи, недолго оставался на сценѣ и вскорѣ былъ совершенно покинутъ. Затѣмъ переговоры тянулись главнымъ образомъ на тему: какая часть Финляндіи должна была остаться за Россіей? Не знавшее за что приняться шведское правительство попробовало было, съ наступленіемъ весны, ворваться въ Улеаборгскую губернію, другой отрядъ напалъ на Аландъ и захватилъ русскую казну. Однако попытка эта не привела ни къ чему, и Шведы были прогнаны изъ Финляндіи. Произошло столкновеніе и на морѣ въ Аландскихъ шхерахъ, но и здѣсь импровизованныя русскія галеры заставили Шведовъ отступить, и они ушли въ Карлскрону.

Ласси съ своей стороны, напутствуемый благословеніями Императрицы, вышелъ изъ Кронштадта и въ Ревелѣ готовился угрожать берегамъ самой Швеціи, знакомымъ ему еще со временъ Петра. Но корабельный флотъ, подъ командою адмирала Головина, упорствовалъ въ своемъ бездѣйствіи. Въ началѣ іюня онъ пошелъ было на встрѣчу Шведамъ; но оба флота обмѣнялись лишь нѣсколькими выстрѣлами, а затѣмъ Головинъ отошелъ къ Гохланду, а Шведы ушли въ Карлскрону. Нѣкоторые объясняли недѣятельность адмирала его симпатіями къ Швеціи, вынесенными изъ пребыванія въ Стокгольмѣ въ качествѣ посланника, и едва-ли еще не болѣе зависѣвшими отъ вліянія жены, шведки по рожденію. Елизавета выражала недовольство, и хотя готова была на болѣе умѣренныя требованія на счетъ

границъ, но желала поддержать ихъ энергическими военными мѣрами. Вступленіе въ самую Швецію назначено было на 29-е іюня. Стокгольмскіе чины съ своей стороны склонялись на принятіе кандидатуры Адольфа-Фридриха, если мирныя условія будутъ окончательно договорены къ 4-му іюля; при несоблюденіи этого условія и «шляпы» присоединялись къ избранію датскаго принца. Шведскіе представители на конгрессѣ желали мира, русскіе тоже, и дѣло пришло наконецъ къ соглашенію на томъ, что Россія возвратитъ Швеціи значительно большую часть Финляндіи, нежели предполагалось прежде, именно отступится и отъ Нюландской и Тавастгусской провинцій, и сохранитъ за собой изъ вновь завоеваннаго только Кюменегордскую провинцію и Нейшлотъ съ округомъ. Граница переносилась отъ Выборга на рѣку Кюмень.

Окончаніемъ переговоровъ такъ спѣшили, что не выжидая заключительной редакціи мирнаго трактата, составили 16-го іюня отдѣльный «увѣрительный актъ постановляемаго между Россіей и шведскою короною вѣчнаго мира» [1]. Онъ заключалъ въ себѣ всего четыре пункта, и безъ обычныхъ формальностей, не переименовавъ даже съ полными титулами договаривающіяся стороны и уполномоченныхъ, трактовалъ «о главныхъ слѣдующихъ артикулахъ»: 1) о вѣчномъ мирѣ и дружбѣ и о немедленномъ прекращеніи военныхъ дѣйствій; 2) о возможно скорѣйшемъ вслѣдъ за полученіемъ этого акта въ Стокгольмѣ, избраніи и объявленіи шведскими чинами принца Адольфа-Фридриха гольштинскаго наслѣдникомъ шведскаго престола. Новый наслѣдникъ русскаго престола, Великій Князь Петръ Феодоровичъ, отступался отъ претензій которыя онъ и домъ Гольштинскій имѣли на Швецію. При этомъ оговаривалось, что если бы паче чаянія Швеція встрѣтила затрудненія къ избранію Адольфа-Фридриха, тогда съ россійской стороны обще со Швеціей пристойныя мѣры возьмутся то̀ отвратить». Предусматривалось-ли здѣсь сопротивленіе партій, или же военное воздѣйствіе Даніи? Вѣроятно и то, и другое. Событія не замедлили потребовать

[1]) Приложеніе № 6.

примѣненія на дѣлѣ этой оговорки. 3) Присоединеніе къ Россіи, какъ сказано, Кюменегордской провинціи со всѣми рукавами и устьями р. Кюмени и крѣпости Нейшлота, и возвращеніе Швеціи всѣхъ прочихъ взятыхъ въ эту войну провинцій. Впрочемъ объ обратной уступкѣ части Кореліи и Саволакса говорилось не вполнѣ еще окончательно (sub spe rati). 4) Наконецъ послѣднимъ, четвертымъ, пунктомъ оговаривалось немедленное по утвержденіи увѣрительнаго акта составленіе мирнаго трактата на основаніяхъ Ништадтскаго договора съ соотвѣтственными измѣненіями, согласно приведеннымъ статьямъ акта и обстоятельствамъ времени.

Посланный немедленно по подписаніи въ Стокгольмъ, документъ этотъ достигъ мѣста назначенія съ большими затрудненіями. Везшій его полковникъ Лингенъ встрѣтилъ на Аландѣ, чрезъ который ѣхалъ, совершенную пустыню. Пришлось, по нѣкоторымъ разсказамъ, идти нѣсколько миль пѣшкомъ, а чрезъ Аландгафъ переправляться въ ветхой лодчонкѣ, экипажъ которой составлялъ всего одинъ старикъ-крестьянинъ; воду, постоянно наполнявшую лодку, отливали шляпами. Прибывъ наконецъ въ Стокгольмъ, Лингенъ нашелъ его среди мятежа: толпы Далекарлійцевъ хозяйничали въ столицѣ и требовали избранія датскаго принца. Однако правительство, имѣя уже въ рукахъ удостовѣрительный актъ, поступило рѣшительно. 22-го іюня вооруженною рукой скопище было разбито, многіе легли на мѣстѣ или переранены, другіе захвачены. На слѣдующій же день состоялось избраніе Адольфа-Фридриха въ наслѣдники шведскаго престола, а за нимъ послѣдовала ратификація мирныхъ условій. Россія отступилась и отъ той части Кореліи и Саволакса, о которой не было рѣшено окончательно въ актѣ. Все территоріальное пріобрѣтеніе ея ограничивалось лишь 226 квад. географич. милями. Главнѣйшее его значеніе заключалось въ томъ, что Петербургъ болѣе удалялся отъ границы и менѣе подвергался опасности непосредственнаго нападенія непріятеля.

7-го августа 1743 г. состоялось подписаніе въ Або и окончательнаго мирнаго трактата. 19-го онъ ратификованъ въ Петербургѣ, а 27-го послѣдовалъ размѣнъ ратификацій въ Або

же. Трактатъ содержалъ 21 пунктъ. О принцѣ Адольфѣ-Фридрихѣ, въ виду совершившагося факта, вовсе не упоминалось. Повторялись въ сущности всѣ пункты Ништадтскаго договора съ соотвѣтственными перемѣнами. Исключены пункты, касавшіеся мира съ Польшею и присоединенія къ договору другихъ державъ. Статьею четвертою подтверждалась сила 4-го пункта Ништадтскаго трактата объ отошедшихъ къ Россіи въ 1721 г. земляхъ, причемъ король «вновь наиобязательнѣйшимъ образомъ, какъ то учиниться можетъ», отказывался за себя и за преемниковъ отъ всякихъ на нихъ правъ и притязаній. Также и Императрица Елизавета подтверждала обязательство Петра объ оставленіи во власти Швеціи той нѣкогда русской части Кореліи и Кексгольмскаго округа, которая сохранена за Швеціей по Ништадтскому трактату. Описанію границъ посвященъ 7-й пунктъ, причемъ онѣ опредѣлены съ большою подробностью; кромѣ того, какъ и по договору 1721 г., назначено командированіе немедленно по ратификаціи особыхъ коммисаровъ для установленія пограничной черты на мѣстѣ. Статьи Ништадтскаго трактата о 2-хъ-милліонной субсидіи и невмѣшательствѣ въ дѣла Швеціи теперь не повторены. Но въ первомъ пунктѣ, о вѣчномъ мирѣ, включены взаимныя обязательства: «одинъ другаго честь, пользу и безопасность вѣрно охранять и поспѣшествовать убытокъ и вредъ елико имъ возможно по крайней силѣ остерегать и отвращать хотятъ». Такимъ образомъ, при желаніи, возможность вмѣшательства въ дѣла, правда, съ соблюденіемъ обоюдности, продолжала существовать. Эта возможность была на столько велика и на столько проявлялась въ дѣйствительности, что 47 лѣтъ позднѣе, при заключеніи Верельскаго мира, о ней были вновь вполнѣ опредѣленныя оффиціальныя соглашенія. Прочіе пункты имѣли предметомъ порядокъ очищенія возвращаемыхъ мѣстностей и передачи военноплѣнныхъ, о правахъ новыхъ подданныхъ [1]) и о вѣроисповѣданіи, о послахъ, салютахъ, отпускѣ ржи, о торговыхъ домахъ и т. п. Если не вполнѣ дословно повторялись пункты Ништадтскаго договора, то сущность ихъ была та же.

---

[1]) См. ниже, стр. 104—106.

Миръ въ Або, заключившій вторую Финляндскую войну XVIII столѣтія, показалъ Швеціи все ея безсиліе возвратить взятыя отъ нея Россіей провинціи, о чемъ партіи съ такимъ легкомысліемъ мечтали, ожидая иноземной поддержки. Но этой поддержки на дѣлѣ не оказалось, и Швеція покрыла себя безславіемъ, истощивъ на войну послѣднія силы. Миръ съ Россіей былъ обезпеченъ надолго. Мало того, вчерашній врагъ обратился въ друга и защитника. Продолжавшіяся волненія въ нѣкоторыхъ провинціяхъ Швеціи усилились неповиновеніемъ войскъ, неполучавшихъ жалованья. Датскій король придвинулъ къ шведскимъ границамъ свои отряды, грозя силою поддержать претензіи своего сына на шведскій престолъ. Пришлось обратиться къ помощи Россіи,—и генералъ Кейтъ, поздно осенью, отправленъ былъ съ значительными силами. Въ концѣ октября русскіе охранители явились въ Стокгольмѣ и были расквартированы въ окрестныхъ городахъ. Движеніе Русскихъ произвело свое дѣйствіе на Датчанъ, и они отвели войска обратно. Стихли и внутренніе безпорядки, и Кейтъ могъ возвратиться въ Россію, впрочемъ не ранѣе августа 1744 г., когда въ Швеціи возстановилось полное спокойствіе.

Празднованіе Абоскаго мира, отложенное до окончанія экспедиціи генерала Кейта, съ большимъ великолѣпіемъ состоялось въ Москвѣ, для чего Императрица прибыла туда со всѣмъ дворомъ. Къ этому же времени прибыла и невѣста наслѣдника престола, принцесса Цербтская,—которой черезъ 45 лѣтъ, уже въ полномъ блескѣ славы Екатерины II, предстояло вести съ Швеціей новую, третью Финляндскую войну.

Главные дѣятели окончившейся войны были щедро награждены чинами, орденами, деревнями, брилліантовымъ оружіемъ. Ласси получилъ наименѣе: брилліантовую шпагу, табакерку съ брилліантами и 3.000 руб. прибавочнаго жалованья. Кейтъ украшенъ былъ Андреевской лентой еще въ 1742 г., по сдачѣ шведской арміи; теперь ему пожалована брилліантовая шпага и 2.000 руб. прибавки. Румянцеву — дѣятелю по заключенію мира—дано графское достоинство.

III.

Внутреннее устройство Выборгской губерніи.

Къ изложенному нелишне прибавить нѣсколько словъ о новыхъ порядкахъ въ управленіи Выборгскою губерніею, установленныхъ послѣ ея покоренія. Чтобы не возвращаться къ этому предмету впослѣдствіи, здѣсь предлагается краткій обзоръ главнѣйшихъ правительственныхъ мѣръ не только при Петрѣ I, но и за послѣдующее время до окончательнаго покоренія всей Финляндіи при Императорѣ Александрѣ. Этимъ хотя и предупреждается ходъ политическихъ событій, къ нему приведшихъ или ему предшествовавшихъ, но совокупный взглядъ на мѣры правительства поможетъ нѣсколько уясненію послѣдующихъ, мало извѣстныхъ явленій.

Слѣдуетъ припомнить, что въ Кореліи, входившей въ составъ Выборгской губерніи, сохранилось и подъ шведскимъ владычествомъ старинное русское устройство и мѣстное управленіе. Оброченіе было на сохи и обжи, были арвіо-рубли и арвіоголовы и многое другое, чего не было въ собственной Финляндіи. Корелія не знала и шведскаго военнаго устройства, не было въ ней ротъ, рустгольдовъ и аугментныхъ усадебъ [1]), жалованныхъ дворянству имѣній на правѣ сетерей. Вмѣсто воинской повинности, на ней лежала почтовая гоньба и барщина на крѣпостныхъ работахъ.

Оброченіе не измѣнилось и при Петрѣ; но общая для Россіи перемѣна въ государственномъ управленіи, которую онъ началъ вводить съ 1718 года, распространилась и на Выборгскую провинцію. Инструкціи, данныя Петромъ на счетъ этихъ перемѣнъ, повелѣвали составить для всѣхъ коллегій правила на

---

[1]) Rota—имѣнія или гейматы, владѣльцы коихъ обязаны были выставлять и содержать пѣхотинца или матроса; rusthåll, рустгольтъ—имѣніе, съ коего содержался конный солдатъ, драгунъ; augmentshemman — прибавочный гейматъ, земледѣльческій дворъ, приписанный къ другому имѣнію, рустгольту, въ помощь для отбыванія повинности.

основанiи шведскаго уложенiя, слово въ слово; въ тѣхъ же случаяхъ, гдѣ шведскiе регламенты не были пригодны или не соотвѣтствовали положенiю государства, надлежало руководиться дѣйствительнымъ опытомъ [1]). Затѣмъ послѣдовали высочайшiя резолюцiи объ устройствѣ судебной части, и указъ о губернскихъ должностяхъ, а съ начала 1719 г. введено новое финансовое устройство: все «по шведскому манеру» [2]). Шведскiе законы уже были переведены на русскiй языкъ; издававшiяся новыя постановленiя переводились съ русскаго на нѣмецкiй.

По первому росписанiю Россiи на губернiи, Выборгъ и Кексгольмъ съ ихъ округами образовали отдѣльную провинцiю, которая доходила на югъ до рѣки Невы. Для полицейскихъ и хозяйственныхъ дѣлъ учреждена въ Выборгѣ особая канцелярiя подъ президентствомъ выборгскаго оберъ-коменданта. Послѣ же абоскаго мира, по присоединенiи къ Россiи финляндскихъ земель вплоть до рѣки Кюмени, онѣ приписаны къ выборгскому дистрикту, изъ котораго образована особая губернiя съ отдѣльнымъ губернаторомъ. Въ помощь ему опредѣленъ гувернементсъ-ратъ (губернскiй совѣтникъ); оба лица составляли губернскую канцелярiю, зависѣвшую по исполнительной части отъ Правительствующаго Сената, а по хозяйственной—отъ государственной камеръ-конторы лифляндскихъ, эстляндскихъ и финляндскихъ дѣлъ. Губернiя подраздѣлялась на двѣ провинцiи: прiобрѣтенiя Петра составили Выборгско-Кексгольмскую провинцiю, съ провинцiальной канцелярiей въ Выборгѣ; Фридрихсгамъ, Вильманстрандъ и Нейшлотъ съ уѣздами вошли въ составъ Кюменегордской провинцiи; ея канцелярiя была въ Фридрихсгамѣ. Обѣ канцелярiи подчинялись губернской канцелярiи и состояли подъ ея апелляцiей. Каждая изъ провинцiальныхъ канцелярiй, кромѣ предсѣдателя—штатгальтера, въ рангѣ полковника, имѣла земскихъ ландссекретаря, ландскамерира и канцелярскихъ служителей. Вѣдѣнiю ихъ принадле-

---

[1]) Именной указъ 28 апрѣля 1718 г., Полн. Собр. Зак. Росс. Имп. № 3197.

[2]) См. Полн. Собр. Зак. Росс. Имп.: 9 мая, 26 ноября и 10 декабря 1718 г., №№ 3202, 3244 и 3254.

жали: земская полиція, исполнительныя дѣла, сборъ податей, денежные отпуски, надзоръ надъ казенными селеніями, лѣсами и другими коронными имуществами. Имъ же принадлежало и рѣшеніе споровъ о земляхъ и границахъ коронныхъ имѣній. Провинціальнымъ канцеляріямъ подчинялись по уѣздамъ земскіе комиссары (шведскіе герадсфохты) и при нихъ земскіе подьячіе, уѣздные бухгалтеры или сборные писаря, а по приходамъ ленсманы или волостные управители (кирхшпиль-фохты) ягдъфохты (наблюдатели за истребленіемъ хищныхъ звѣрей), мостовщики и пр.

Судебное разбирательство производилось по шведскому уложенію въ пяти уѣздныхъ или *герадскихъ* судахъ; каждый изъ нихъ составляли: одинъ земскій судья (герадсгевдингъ) и нѣсколько сельскихъ засѣдателей (немдеманы). Второю инстанціей былъ одинъ на всю губернію *лагманскій* (высшій земскій) судъ, бывшій впрочемъ апелляціонной инстанціей лишь для гражданскихъ и тяжебныхъ дѣлъ; дѣла уголовныя изъ герадскихъ судовъ переносились непосредственно въ Петербургъ, въ Юстицъколлегію лифляндскихъ, эстляндскихъ и финляндскихъ дѣлъ. На лагманскій судъ жалобы приносились также въ эту Юстицъколлегію, пока при Императрицѣ Екатеринѣ, въ 1780 г. его не подчинили непосредственно Правительствующему Сенату. Въ городахъ судоустройство было иное: въ Выборгѣ состояли магистратъ и имперскій судъ, въ Фридрихсгамѣ одинъ магистратъ, а въ Вильманстрандѣ—кемненскій судъ, подъ апелляціей фридрихсгамскаго магистрата. Магистраты вносили свои дѣла въ Юстицъ-коллегію лифляндскихъ и проч. дѣлъ. Сердоболь, Кексгольмъ и Нейшлотъ не имѣли своихъ городскихъ судебныхъ мѣстъ, и судъ чинился въ герадскихъ судахъ. Выдающаяся особенность выборгскаго судоустройства заключалась въ томъ, что тяжебныя дѣла русскихъ людей производились на четырехъ языкахъ: проситель давалъ объясненія порусски, протоколы составлялись по-нѣмецки, законы, хотя и переведенные на русскій языкъ, выписывались по шведски, немдеманы—засѣдатели изъ сельскихъ обывателей — понимали и объяснялись только на своемъ финскомъ или корельскомъ языкѣ.

Въ церковномъ отношеніи православные были подчинены новгородскому архіепископу. Въ древне-православной сѣверной Кореліи было всего 5 церковныхъ приходовъ. Отдѣльная каѳедра, въ качествѣ викаріата новгородскаго, съ наименованіемъ епископовъ корельскими и ладожскими была возстановлена гораздо позже, при Екатеринѣ, въ 1780 г. Но вообще, какъ прежде, такъ и послѣ, духовная связь православныхъ Выборгской губерніи съ ихъ высшимъ духовенствомъ едва-ли не ограничивалась исключительно формальной стороной. Архіепископы новгородскіе были далеко и финскаго языка не знали; таковы же были потомъ и викаріи, епископы корельскіе: они жили въ новгородскихъ монастыряхъ, Финляндіей почти вовсе не занимались, какъ страной чуждой; также чужды были они и своей финской паствѣ. Правда, нѣкоторые русскіе монастыри въ Кореліи, разрушенные Шведами при Іоаннѣ Грозномъ, были возстановлены при Петрѣ, нѣкоторымъ предоставлены доходныя имѣнія, но общее положеніе православія въ краѣ немного выиграло.

Что касается до примѣненія законовъ и пользованія гражданскими правами, то въ этомъ отношеніи постепенно водворилась значительная неурядица. Одна изъ главнѣйшихъ причинъ лежала въ томъ, что оба мирные договора заключенные послѣ шведскихъ войнъ Петра и Елизаветы, при всемъ повидимому сходствѣ своихъ условій, имѣли однако незамѣтную на первый взглядъ, но весьма существенную разницу.

Ништадтскій договоръ, передавая Россіи права на Лифляндію, Эстляндію, Ингерманландію и часть Кореліи съ дистриктомъ Выборгской губерніи, выразилъ со стороны русскаго государя обѣщаніе, что всѣ жители *первыхъ двухъ* провинцій и острова Эзеля «непоколебимо содержаны и защищены будутъ въ ихъ привиллегіяхъ, обыкновеніяхъ, правахъ и справедливостяхъ». Ингерманландіи же и отошедшимъ частямъ Финляндіи такого обѣщанія не дано [1]). Подобное различіе было въ связи съ тѣмъ постановленіемъ того же Ништадтскаго трактата (п. XI),

---

[1]) За исключеніемъ собственно городовъ Выборга и Нарвы, о которыхъ оговорено въ ст. XII Ништадтскаго договора.

коимъ взятыя, отписанныя и конфискованныя во время войны имѣнія назначено возвратить законнымъ ихъ владѣльцамъ. А какъ въ Ингерманландіи устроилась уже 18 лѣтъ предъ тѣмъ русская столица и царская резиденція, и многія земли розданы Русскимъ и населены русскими же людьми «съ великимъ иждивеніемъ», то Ингерманландія и обойдена въ сохраненіи правъ и привиллегій. То же случилось и съ Выборгской провинціей очевидно потому же поводу, т. е. и тамъ, въ странѣ ближайшей къ новой столицѣ, часть земель также была роздана Русскимъ [1]). Многіе изъ нихъ, какъ напр. кн. Долгоруковъ, Апраксинъ, гр. Мусинъ-Пушкинъ, Нарышкинъ, гр. Матвѣевъ, занимали видныя положенія, и отобраніе отъ нихъ пожалованныхъ имѣній не представлялось, конечно, удобнымъ и желательнымъ. Въ связи съ такимъ изъятіемъ для Ингерманландіи и Финляндіи можетъ быть объясненъ и сепаратный артикулъ, предоставлявшій шведской коронѣ право на полученіе отъ Россіи 2 милл. ефимковъ: они могли идти на вознагражденіе шведскихъ помѣщиковъ, лишившихся своихъ имѣній.

Такимъ образомъ присоединенная при Петрѣ часть Финляндіи оказалась подъ безусловнымъ дѣйствіемъ русскихъ законовъ и порядковъ. Впрочемъ, помимо обязательствъ трактата, правительство само сдѣлало то изъятіе, что оставило мѣстнымъ крестьянамъ личную свободу. Но когда, послѣ Елизаветинской

---

[1]) Отъ взятія Выборга, 1710 г., до мира 1721, въ его дистриктѣ роздано не менѣе 32 имѣній. Часть была роздана «до указу», и 1720 г., января 20, повелѣно изъ таковыхъ въ Выборгскомъ и Нейшлотскомъ уѣздахъ оставить за владѣльцами тѣ, «которые между моря и Ладожского озера и отъ выборской лѣтней дороги къ Кексгольму отъ Выбарха ѣдучи на правой сторонѣ до реки Невы. А которые по левую сторону той дороги, также въ Нешлоцкомъ и въ протчихъ мѣстахъ, тѣ всѣ взять у оныхъ и сбирать съ нихъ хлѣбъ. деньги и протчѣе въ Выбархъ». По донесенію Сената 16-го марта 1726 г. въ Выборгской провинціи за помѣщиками было 769 дворовъ, въ томъ числѣ по именнымъ указамъ 551 дворъ, по указамъ изъ бывшей губернской канцеляріи 117 и по приговору Юстицъ-коллегіи 101 дворъ.—Сборн. Имп. Истор. Общ., т. 55, стр. 192. См. также Прилож. № 8.

войны, присоединена къ Россіи еще небольшая часть финляндской территоріи, составившая Кюменегордскую провинцію, то сочинители Абоскаго договора впали въ крупный недосмотръ: они не приняли во вниманіе сдѣланнаго въ Ништадтскомъ трактатѣ изъятія для Выборгской провинціи. Въ IX ст. договора 1743 г. оказалось безусловное предоставленіе вновь присоединенной части страны всѣхъ тѣхъ правъ и преимуществъ, которыми воспользовались по IX же статьѣ трактата 1721 г. только Лифляндія, Эстляндія и Эзель. Мало того: X-ая абоская статья дала право на примѣненіе къ Кюменегордской провинціи XI и XII статей Ништадтскаго договора, т. е. на возвратъ конфискованныхъ и взятыхъ имѣній ихъ прежнимъ владѣльцамъ.

Въ результатѣ такого несогласованія обоихъ трактатовъ вышло, что Выборгская губернія съ самаго ея поступленія подъ власть Россіи заключала въ себѣ элементы крупныхъ недоразумѣній: одна часть должна была безусловно руководствоваться русскими узаконеніями, другая сохраняла всѣ свои привиллегіи. Двадцать два года разстоянія между трактатами усугубили запутанность. Въ Выборгской провинціи сохранились, хотя и видоизмѣненныя русскимъ правительствомъ, прежнее шведское уложеніе 1442 г. и вышедшія до 1710 г. шведскія постановленія по разнымъ предметамъ. Но тѣмъ временемъ въ самой Швеціи послѣ Ништадтскаго мира послѣдовала перемѣна законовъ: въ 1734 году принято было новое уложеніе, которое и перенесено вмѣстѣ съ Кюменегордской провинціей въ Выборгскую губернію. То же случилось и съ другими послѣдне-изданными узаконеніями: привиллегіями дворянства и духовенства, утвержденными въ 1723, ландсгевдинскою инструкціей, уставомъ о гастгеберствахъ 1734 г. и пр.. Дѣйствіе этихъ постановленій, проникая въ предѣлахъ той же Выборгской губерніи изъ одной провинціи въ другую, привели мѣстное положеніе въ состояніе хаотическое. Путаница росла еще больше отъ указовъ и распоряженій, коими правительство поясняло одни и отмѣняло другіе прежніе законы, или же примѣняло къ губерніи собственно русскія узаконенія. Когда же съ теченіемъ времени въ ней начало возрастать помѣстное населе-

ніе, и нѣкоторые изъ дворянъ переселили на свои финляндскія земли крѣпостныхъ своихъ крестьянъ изъ внутреннихъ губерній, то неустройство достигло своего апогея [1]).

Тѣмъ не менѣе мѣры правительства были направлены къ благоустройству края и къ облегченію въ особенности крестьянскаго населенія, наиболѣе пострадавшаго во время продолжительной Сѣверной войны. Въ опустошенномъ краѣ было мало жителей. Даже въ 1724 г., три года послѣ замиренія, насчитывалось всего 2.504 двора. Платежи крестьянскихъ оброковъ, исчисленныхъ главнымъ образомъ на сельскія произведенія и вносимыхъ деньгами по опредѣленнымъ цѣнамъ, не были очень велики [2]); но на крестьянахъ же лежала еще подводная, почтовая и другія земскія повинности, а также нѣкоторые другіе мелкіе сборы, на судей, школы и т. п..

Для регулированія податей и повинностей, въ 1727 и 1728 гг. произведена повѣрка и описаніе поземельной собственности въ Выборгской и Кексгольмской провинціяхъ, и на ихъ основаніи составлена новая оброчная книга. Учрежденная для того коммисія подъ предсѣдательствомъ ассесора камеръ-коллегіи Антона фонъ-Зальца исполнила свое дѣло съ такою подробностію и тщательностію, что ея поземельная книга до послѣдняго времени служитъ, а по удостовѣренію одного финляндскаго изслѣдователя и долго будетъ служить, матеріаломъ для справокъ

---

[1]) Въ грамотѣ Императрицы Елизаветы отъ 18-го ноября 1743 года о пожалованіи поручику лейбъ-компаніи, дѣйствительному камергеру Михайлѣ Ларіоновичу Воронцову собственныхъ Ея Императорскаго Величества имѣній въ Кексгольмскомъ округѣ, говорилось о пожалованіи ихъ съ людьми, крестьянами и скотомъ (samt Leuten, Bauern und Vieh) и проч. Между тѣмъ крестьянамъ Выборгской губ. оставлена послѣ покоренія личная свобода.

[2]) Деньгами по 2 руб., ржи по 2 бочки (бочка=$6^3/_8$ четверика), крупъ по четверику со двора, масла коровьяго по 3 ф. со двора, за быка съ 20 дворовъ и за барана съ 4 дворовъ. По переписнымъ книгамъ 1715 г. съ 1.807 дворовъ взималось 2 рублевыхъ денегъ и по 30 к. со двора за масло, быковъ и барановъ, всего 4.152 р. $48^1/_2$ к.; ржи 3.614 бочекъ и крупъ 301 бочка 1 четв.—Сб. Ист. Общ. т. 55, стр. 191.

и разрѣшенія споровъ и свойствъ поземельной собственности въ обслѣдованномъ краѣ [1]). Новая оброчная книга составлена по шведскому образцу и на основаніи свѣдѣній заимствованныхъ изъ ближайшихъ мѣстностей шведской Финляндіи. Въ руководство составителямъ дано повелѣніе наблюдать, чтобы на народъ не было налагаемо болѣе того, что онъ платилъ при шведскомъ правительствѣ. Послѣдствіемъ составленія новой книги было, съ одной стороны, возвращеніе въ казну нѣкоторыхъ частей изъ имѣній, розданныхъ съ 1710 г. въ частныя руки, съ другой—болѣе точное опредѣленіе повинностей по мѣрѣ доходности имѣній и крестьянскихъ усадебъ. На каждый оброчный припасъ назначены въ то же время цѣны: на бочку ржи и ячменя 96 коп., на бочку овса—половина, или 48 коп. Цѣны эти впослѣдствіи, къ выгодѣ плательщиковъ, долго оставались безъ перемѣны, не смотря на возвышеніе цѣнъ въ торговлѣ. Это было въ казенныхъ имѣніяхъ. Что касается до крестьянскихъ повинностей на земляхъ помѣщиковъ, то еще въ 1726 году было предписано, по опредѣленію Верховнаго Совѣта, сохранить въ этомъ отношеніи прежніе шведскіе порядки и вообще сообразоваться съ тѣмъ, что дѣлается во владѣльческихъ имѣніяхъ по близости, по ту сторону границы [2]). По изданіи же книги 1728 года, обязанности крестьянъ и къ помѣщику, и къ коронѣ опредѣлены съ ясностію. Составленіе этой книги было едва-ли не самою полезною мѣрою, принятою въ новоприсоединенной области въ эту эпоху.

Общее положеніе Выборгской губерніи оставалось въ томъ же видѣ до воцаренія Императрицы Екатерины II. Но при ней начался рядъ мѣръ къ объединенію этой окраины съ остальными частями государства. Воля Императрицы ясно и опредѣ-

---

[1]) Matth. Akiander, Om Donationerna i Wiborgs Län, 1864, Helsingfors. Въ Приложеніи № 10 приведенъ въ извлеченіи и въ переводѣ со шведскаго докладъ о ревизіи отъ 7-го іюля 1729 г., заключающій многія свѣдѣнія о повинностяхъ по Выб. губ. за прежнее время.

[2]) Протоколъ Верховнаго тайнаго совѣта 1-го апрѣля 1726 г. п. 7. Протоколы, журналы и указы Верховнаго тайнаго совѣта, изд. подъ редакціей Н. Ф. Дубровина, т. I, стр. 181.

ленно видна изъ ея секретнаго наставленія князю Вяземскому при назначеніи его на должность генералъ-прокурора:

«Малая Россія, Лифляндія и Финляндія,—писала Екатерина,—суть провинціи, которыя правятся конфирмованными имъ привиллегіями, и нарушить оныя отрѣшеніемъ всѣхъ вдругъ весьма непристойно бы было; однакожъ и называть ихъ чужестранными и обходиться съ ними на такомъ же основаніи есть больше нежели ошибка, а можно назвать съ достовѣрностію глупость. Сіи провинціи, также и Смоленскую, надлежитъ легчайшими способами привести къ тому, чтобы они перестали глядѣть какъ волки къ лѣсу» [1]).

Конечно въ связи съ такой программой, по высочайше конфирмованному 2-го октября 1763 г. докладу Правительствующаго Сената, повелѣно уголовныя и криминальныя дѣла рѣшать на общемъ основаніи, потому что финляндскіе обитатели мѣстъ, пріобрѣтенныхъ къ Россіи въ 1721 и 1743 гг., «яко живущіе въ одной странѣ, одного закона и одного языка люди, а равно подданные Императорскаго Величества должны быть вообще на равныхъ правахъ безъ всякаго однихъ предъ другими преимущества». По изданіи же учрежденія о губерніяхъ, ему подчинена и Выборгская губернія, безъ стѣсненія особенностями, оговоренными въ абоскомъ трактатѣ для Кюменегордской провинціи. По открытіи въ 1784 г. намѣстничества, были упразднены губернская и провинціальныя канцеляріи, коронные фохты, лагманскій и герадскіе суды; сохранены лишь духовныя консисторіи, а изъ полицейскихъ должностей ленсманы съ низшими должностями, ягдъ-фохтами, мостовщиками и т. п. Вмѣсто упраздненныхъ мѣстъ и должностныхъ лицъ явились: намѣстническое правленіе, палаты уголовная, гражданская, казенная, приказъ общественнаго призрѣнія, суды уѣздные, совѣстные, верхніе и нижніе земскіе. Явились магистраты: губернскій и городовые въ Выборгѣ и Фридрихсгамѣ; въ меньшихъ городахъ Вильманстрандѣ, Нейшлотѣ, Кексгольмѣ и Сердоболѣ городо-

---

[1]) Секретнѣйшее наставленіе кн. Александру Вяземскому, п. 10. Чтен. Моск. Общ. Ист. и Др. Росс. 1858 г. кн. I, Смѣсь.

выя ратуши. Дворянство получило своихъ предводителей. Установлены и разные уѣздные чиновники, казначеи, землемѣры и т. п.. Во всемъ, что не согласовалось съ новыми положеніями, шведскіе законы и постановленія отмѣнены.

Въ ту пору это преобразованіе имѣло большое значеніе вообще, для Выборгской же губерніи оно было неоцѣненно, такъ какъ въ корнѣ подкашивало ея неумѣстную обособленность. И дѣйствительно, не смотря на послѣдовавшія при Императорѣ Павлѣ новыя перемѣны, русское управленіе стало твердой ногой, а русскій языкъ, хотя и параллельно съ нѣмецкимъ, получилъ настолько права гражданства, что архивныя дѣла сохранили обстоятельные рапорты нѣкоторыхъ финляндскихъ бургомистровъ, писанные ими собственноручно по-русски [1]). Даже въ позднѣйшее время съ русскимъ языкомъ можно было свободно пускаться въ путь до самаго пограничнаго Абборфорса на р. Кюмени.

Изъ всѣхъ присутственныхъ мѣстъ учрежденныхъ Екатериною Великой наименѣе успѣшно дѣйствовала казенная палата. Сборъ податей, предписанный новыми постановленіями, рѣзко отличался отъ прежняго, искони утвердившагося порядка. Ни въ какой отрасли администраціи не возникаетъ столько разныхъ споровъ о прежнихъ привиллегіяхъ, какъ въ вопросѣ о повинностяхъ. Особенно они увеличились послѣ 4-й по государству ревизіи, когда опредѣленіе состава и размѣра имѣній началось не по числу гейматовъ и манталей, т. е. не по платежной силѣ ихъ и количеству усадебъ и дворовъ, а по числу ревизскихъ душъ. Лютеранское духовенство съ своей стороны требовало оброковъ съ прихожанъ, что было совершенно чуждо русскимъ понятіямъ.

Послѣдствіемъ всѣхъ недоразумѣній, на которыя было обращено вниманіе Императрицы Екатерины съ первыхъ же лѣтъ ея царствованія, явилось сперва повелѣніе объ учрежденіи ревизіонной коммисіи изъ землемѣровъ и камерировъ для новаго

---

[1]) Спб. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ. Affaires finlandaises 1802 — 1808 гг..

оброкоположенія во всей губерніи [1]), а въ слѣдующемъ 1766 г. производилось слѣдствіе и о оброкахъ на духовенство. Первая существовала въ теченіе 37 лѣтъ, но составила описаніе лишь нѣсколькихъ приходовъ; послѣднее кончилось тѣмъ, что сборъ пасторскихъ оброковъ остался на прежнемъ основаніи.

Въ 1781 г. повелѣно было произвести четвертую по Имперіи ревизію. Сообразно съ этимъ по собраніи и въ Выборгской губерніи ревизскихъ сказокъ, изданъ манифестъ [2]) о введеніи, какъ сказано, подушной подати вмѣсто платежей по расчету гейматовъ и манталей. Опредѣлено взимать съ крестьянъ казенныхъ и помѣщичьихъ по 70 к. съ ревизской души мужскаго пола, съ мѣщанъ по 1 р. 20 к., съ купцовъ по одному проценту съ объявленнаго капитала. Кромѣ того на крестьянахъ лежали натуральныя земскія повинности: содержаніе дорогъ и почтъ, отводъ пастбищъ для лошадей проходящихъ командъ, а также, вмѣстѣ съ горожанами, отопленіе и освѣщеніе воинскихъ помѣщеній. Казенные сборы съ помѣщичьихъ имѣній оставлены на прежнемъ основаніи.

Послѣ ревизіи цѣна на оброчный хлѣбъ возвышена, именно вмѣсто прежнихъ 96 коп. за шведскую бочку ржи и ячменя опредѣлено взимать, уже на русскую мѣру, за четверть ржи по 2 р. и ячменя по 1 р. 85 к., и вмѣсто 48 коп. за бочку овса, по 1 р. 10 к. за четверть. При Императорѣ Павлѣ эти цѣны повышены еще на 25%. Сѣнную подать, бывшую съ 1765 г. въ цѣнѣ 5 коп. за пудъ, установлено взимать или натурою, въ пользу провіантскаго вѣдомства, или же деньгами по ежегоднымъ справочнымъ цѣнамъ, за вычетомъ однако прежнихъ 5 коп. и по расчету—съ казенныхъ гейматовъ въ 50½ пуд. съ каждаго мантала, а съ помѣщичьихъ по 47 фунтовъ съ каждой ревизской души.

---

[1]) Именной указъ Сенату 1-го августа 1765 г.. Полн. Собр. З. № 12445. Прежде, кромѣ ревизіи 1728 г., были еще ревизіи: въ 1743 г. по Кюменегордской провинціи и въ 1753 и 1765 гг. въ сѣверной части Кексгольмской.

[2]) Именной указъ Сенату 3-го мая 1783 г. № 15724. Онъ относился къ нѣсколькимъ губерніямъ, въ томъ числѣ и къ Выборгской.

Первымъ дѣломъ Императора Павла по его воцареніи было упраздненіе многихъ правительственныхъ мѣстъ и должностныхъ лицъ, введенныхъ его матерью обще съ остальной Россіей. Повелѣніемъ 12-го декабря 1796 г. возстановлены многія изъ прежнихъ шведскихъ учрежденій, существовавшихъ до 1784 г.: вновь явились провинціальныя канцеляріи, герадскіе суды, судъ лагманскій. Содержаніе послѣдняго возложено на обязанность дворянства, на которое и легъ новый расходъ до 5 тыс. рублей въ годъ. Впрочемъ нѣкоторыя присутственныя мѣста сохранены: губернское правленіе, казенная палата, приказъ, также и предводители дворянства. Возстановлено опять примѣненіе шведскихъ законовъ и постановленій.

Но одновременно Выборгская губернія привлечена къ участію въ рекрутскихъ наборахъ. То была одна изъ важнѣйшихъ мѣръ, которыя, вмѣстѣ съ ревизіями и подушною податью, повели за собой фактическое прикрѣпленіе крестьянъ къ землѣ. По бѣдности края, по національному характеру финскаго населенія, въ особенности же по малолюдству, введеніе рекрутства было вмѣстѣ съ тѣмъ и мѣрою наиболѣе отяготительною. Въ 11 наборовъ взято 5.733 чел. [1]).

Неопредѣленность какъ правъ на владѣніе и пользованіе землею, такъ и сопряженныхъ съ ними обязанностей, сказались при этомъ весьма сильно. По шведскому, довольно сложному положенію, было два главныхъ вида земель: коронныя и дворянскія, т. е. пожалованныя и именуемыя фрельзовыми, сетереями, аллодіальными. Вторая категорія, въ силу дворянскихъ привилегій, была свободна отъ многихъ повинностей. Часть коронныхъ земель и хозяйствъ (гейматы) отдавалась въ аренду съ торга, другія были въ постоянномъ пользованіи офицеровъ и чиновниковъ взамѣнъ жалованья [2]), или же поселенныхъ на нихъ крестьянъ изъ платежа повинностей вышеуказанныхъ [3]). Послѣднее примѣнялось и къ фрельзовымъ имѣніямъ на основаніи отдѣльныхъ контрактовъ. Поселенцы могли на извѣстныхъ

[1]) Записка Буткова.
[2]) Въ Кореліи такихъ имѣній, именуемыхъ бостелями, не было.
[3]) См. Прилож. № 10, п. 3.

условіяхъ выкупать свои земли, и это именовалось скаттовымъ (въ нѣкоторыхъ случаяхъ бёрдовымъ) правомъ.

Послѣ покоренія Выборгской губерніи, по незнанію-ли прежнихъ, какъ сказано, сложныхъ порядковъ или же по недѣятельности чиновниковъ, отдача свободныхъ казенныхъ имуществъ за высшую предложенную цѣну прекратилась. Прежніе поселенцы, съ своей стороны, уплачивая повинности, но не пріобрѣтя ни скаттоваго ни бёрдоваго права на свои участки, стали постепенно считать себя владѣльцами тамъ, гдѣ прежде были только держателями, или даже работниками. Правда, правительство иногда вспоминало о томъ, что эти имѣнія принадлежатъ казнѣ: въ указѣ 1-го августа 1765 г. говорилось, что нерадивые владѣльцы казенныхъ имѣній подлежатъ штрафу, а гейматы ихъ передачѣ другимъ надежнѣйшимъ хозяевамъ; но такая мѣра почти вовсе не соблюдалась. Съ теченіемъ же времени такіе держатели казенныхъ имѣній начали гейматы свои передавать, продавать, промѣнивать, закладывать и даже дробить безъ соблюденія установленныхъ правилъ. Такіе обороты дѣлались однако съ разрѣшенія присутственныхъ мѣстъ.

Все это нарушало обязательную по шведскимъ постановленіямъ неизмѣнность натуры имѣній коронныхъ и помѣщичьихъ. Въ томъ не было бы еще большой бѣды, если бы новая система, примѣненная къ общерусскимъ порядкамъ, была выдержана и затѣмъ постепенно регулировалась бы. Но возвращеніе при Павлѣ къ прежнимъ шведскимъ правиламъ все это опрокинуло. Пожалованіе имѣній внесло свою долю запутанности. Указомъ Правительствующаго Сената 17-го августа 1776 г. всѣ пожалованныя имѣнія признаны за фрельзовыя, наслѣдственныя. Исходя изъ этого, и руководясь шведскими привиллегіями, помѣщики перестали считать для себя обязательными повинности по оброчной книгѣ 1728 года, и начали требовать отъ крестьянъ заключенія фрельземанскихъ контрактовъ, притомъ на условіи повинностей помѣщику значительно возвышенныхъ. Пошли пререканія, и Сенатъ, ставъ на точку зрѣнія помѣщиковъ, указомъ 1785 г. разъяснилъ, что если крестьяне по упрямству или другимъ причинамъ не согласятся въ контрактѣ съ помѣщикомъ

8

то обязаны оставить землю его и перейти къ другому землевладѣльцу. Такимъ образомъ подъ русскимъ правленіемъ распространялась англійская система фермерства. Съ другой стороны новые владѣльцы, а также чиновники, пріобрѣтая покупкою отъ крестьянъ ихъ казенные гейматы, заявляли права на примѣненіе и къ нимъ дворянскихъ привиллегій и на освобожденіе отъ податей, кои съ этими гейматами по свойству ихъ были связаны.

Между тѣмъ за изданіемъ Павлова распоряженія о рекрутствѣ послѣдовали другія постановленія, обязывавшія помѣщиковъ отвѣчать за то число крестьянъ, поселенныхъ на ихъ земляхъ, которое записано по ревизскимъ сказкамъ. Чтобы согласить это обязательство съ постановленіями о фрельземанскихъ контрактахъ между помѣщиками и ихъ крестьянами, состоялся конфирмованный Императоромъ Павломъ 15-го февраля 1798 г. докладъ Сената, гдѣ говорилось: «законъ шведскій, что крестьяне, не согласясь въ податяхъ съ фрельзовымъ помѣщикомъ, долженствуютъ оставить его землю и гейматы, вовсе невмѣстенъ, потому что они положены въ подушный окладъ и на нихъ возложены иныя государственныя повинности; почему должны быть на своемъ мѣстѣ для вѣрнаго оныхъ полученія». И далѣе: «помѣщикамъ имѣній, пожалованныхъ въ вѣчнопотомственное владѣніе, получать доходы по договорамъ съ гейматными обывателями, а въ случаѣ споровъ, чрезъ посредство надлежащихъ судебныхъ мѣстъ до будущаго оброкообложенія». Этимъ же указомъ разъяснено, что ревизіонная книга 1728 г. не можетъ болѣе служить правиломъ при сборѣ податей съ помѣщиковъ. Прикрѣпленіе къ землѣ, по крайней мѣрѣ до слѣдующей ревизіи, являлось неизбѣжнымъ послѣдствіемъ этого указа. Слѣдуетъ присемъ не упускать изъ виду, что землевладѣлецъ имѣлъ право подвергать поселенныхъ на его землѣ крестьянъ, Финновъ и Корелъ, въ случаѣ неисполненія ими обязанностей, непослушанія и упорства, легкимъ тѣлеснымъ наказаніямъ палками или плетью отъ 5-ти до 40 ударовъ.

Нѣкоторые помѣщики воспользовались этими узаконеніями и увеличили крестьянскія повинности на основаніи судебныхъ постановленій; но вообще справедливость требуетъ сказать, что

крестьянскія работы на помѣщика были умѣренны, а оброки не достигали 3 рублей съ души [1]).

Всѣ упомянутыя постановленія Павла I не только нашли полное подтвержденіе въ началѣ царствованія Императора Александра, но по указу Сената 22-го апр. 1804 г. предписано крестьянъ, кои будутъ просить о перемѣнѣ поселенія и помѣщика, считать противящимися приведенному постановленію 1798 г. и судить уголовнымъ судомъ.

Положеніе дѣлъ въ Выборгской губерніи оставалось такимъ образомъ запутаннымъ и никого не удовлетворяло. Постоянныя сношенія и связи съ сосѣдней страной за р. Кюменью, гдѣ поддерживались вражда къ Россіи и жажда возмездія, конечно оказывали свою долю вліянія. Другую вносило своекорыстіе чиновниковъ, въ немалой мѣрѣ изъ жителей края, которые, пользуясь неустройствомъ, захватывали разными путями имѣнія. Землевладѣніе было на столько непрочно обосновано на документахъ, что государственныя кредитныя учрежденія не принимали финляндскихъ деревень въ залогъ, по невѣрности обезпеченія и по недоказанности помѣщичьихъ правъ. Съ другой стороны крестьяне были въ крайней бѣдности, своего хлѣба имъ хватало лишь на малую часть года, и нерѣдко они примѣшивали въ муку мякину и древесную кору; вообще же лишь десятая часть могла пропитываться своимъ хлѣбомъ; безземельныхъ бобылей считалось до шестой части населенія. Такое положеніе было унаслѣдовано отъ прежняго шведскаго времени.

Всѣ эти и подобныя имъ обстоятельства побудили Императора Александра, вѣроятно подъ вліяніемъ новаго министра внутреннихъ дѣлъ гр. Кочубея, учредить особую «коммисію разсмотрѣнія Финляндскихъ дѣлъ» [2]). Указъ, ей данный въ

[1]) По свидѣтельству П. Г. Буткова.—Пріостановка дѣйствія указовъ 15-го февр. 1798 г. и 22-го апр. 1804 послѣдовала не ранѣе 10-го апрѣля 1811 г. и то для тѣхъ лишь имѣній, гдѣ они еще не введены были въ дѣйствіе.

[2]) Полн. Собр. Зак. Именные указы 19-го мая 1802 г.: № 20274—Сенату, № 20275—коммисіи, № 20272—государственному казначею. Указъ коммисіи—см. Приложеніе № 9.

*

руководство и обрисовывающій тогдашнее положеніе Выборгской губерніи и взгляды въ ту пору Александра Павловича, читатель найдетъ въ приложеніи № 9. Въ коммисіи, подъ предсѣдательствомъ сенатора Тейльса, состояли членами: генералъ-маіоръ Копьевъ, оберъ-прокуроръ 1-го департамента сената Рѣзановъ и статскіе совѣтники Эминъ, изъ выборгскихъ финляндцевъ, и Болгарскій [1]). Вскорѣ однако между членами возникли несогласія, преимущественно между Копьевымъ и Эминымъ. Первый болѣе старался о поддержаніи русскихъ правъ, вооружался противъ захвата чиновниками казенныхъ земель и т. п., послѣдній былъ на сторонѣ прежнихъ преимуществъ. Столкновенія на столько увеличились, что были доводимы гр. Кочубеемъ даже до Государя [2]). Копьеву предоставлено изложить свои предположенія особо, для чего и повелѣно доставлять ему по требованію всѣ акты и свѣдѣнія коммисіи. Дѣло затянулось; Тейльсъ въ 1807 г. былъ командированъ для принятія въ подданство Бѣлостокской области. Тѣмъ не менѣе коммисія составила полный проектъ преобразованія Финляндской губерніи и внесла его на утвержденіе. Но шведская война, о которой будетъ разсказано въ своемъ мѣстѣ, остановила дальнѣйшее движеніе проекта, а событія за войною послѣдовавшія и вовсе его устранили.

---

[1]) Г.-м. Копьеву, небывшему при должности, присвоено жалованье по чину; кромѣ того, на время существованія коммисіи даны столовыя деньги: сенатору Тейльсу по 500 р. въ мѣсяцъ, Копьеву и Рѣзанову по 200 р. каждому, Болгарскому и Эмину по 150 р.—На путевыя издержки, въ томъ числѣ и на прогоны, выдано единовременно: Тейльсу 3.000 р., изъ членовъ первымъ двумъ по 1.500 р., а послѣднимъ по 1.000 р.

[2]) Письмо гр. Кочубея къ Игн. Ант. Тейльсу 20-го февр. 1803 г. № 759.

ГЛАВА III.

Шведская война при Екатеринѣ Великой.

I.

Поводы къ войнѣ.

Послѣ Абоскаго мира добрыя, по внѣшности по крайней мѣрѣ, отношенія между Россіей и Швеціей не нарушались въ теченіе 45 лѣтъ. Но политическое значеніе послѣдней приходило все болѣе и болѣе въ упадокъ. Корень зла лежалъ въ установленномъ въ 1720 году образѣ правленія, которымъ значеніе короля низведено было до ничтожныхъ размѣровъ, и власть перешла почти цѣликомъ въ руки сейма. Дворянство стояло по вліянію своему на первомъ планѣ, такъ какъ каждое дворянское семейство имѣло на сеймѣ своего представителя. Благородное сословіе не гнушалось подачекъ, которыя сыпались членамъ его отъ разныхъ правительствъ, желавшихъ заручиться нужнымъ содѣйствіемъ въ своихъ видахъ. На сколько продажность эта была велика, видно напр. изъ того, что въ сессію сейма 1765—6 гг. однимъ французскимъ посланникомъ истрачено болѣе милліона 300 тыс. ливровъ для поддержанія партіи, склонной къ видамъ его правительства. Другія сословія слѣдовали въ этомъ отношеніи за передовымъ своимъ собратомъ. Къ продажности присоединились и цѣли личнаго честолюбія и властолюбія, которыя такъ много питалъ образъ правленія. Съ годами олигархія все болѣе и болѣе захватывала прерогативы верховной власти, причемъ разумѣется не благо

государства имѣлось въ виду. Дѣло дошло наконецъ до того, что король лишенъ былъ права, безъ участія сеймоваго комитета изъ дворянъ, нанимать по своему усмотрѣнію даже нѣкоторыхъ изъ своихъ ближайшихъ служителей.

Такъ продолжалось до 1771 г., когда на престолъ Густава Вазы вступилъ Густавъ III. Правда, еще мать его, Луиза Ульрика [1]), пыталась свергнуть иго, подъ которымъ находилась королевская власть, но этотъ замыселъ былъ вскорѣ обнаруженъ и разрѣшился казнію главнѣйшихъ ея единомышленниковъ. Густавъ всосалъ поэтому ненависть къ существовавшему порядку вещей съ молокомъ матери. Бывъ кронпринцемъ, онъ могъ близко видѣть все безобразное положеніе страны, которою ему предстояло управлять. Честолюбивый и пылкій, обладая личными чертами характера способными расположить въ его пользу массы населенія, онъ задался цѣлью возвратить Швеціи утраченное ею значеніе, и прежде всего освободиться отъ ненавистной опеки сейма. Примѣръ дяди Густава, Фридриха Великаго, который изъ слабаго Бранденбурга умѣлъ сдѣлать сильную Пруссію, тѣмъ болѣе побуждалъ его къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ, что могущество сосѣдней Россіи давало себя все болѣе и болѣе чувствовать подъ рукой его двоюродной сестры—великой Екатерины [2]). Обстоятельства помогали Густаву. По вступленіи его на престолъ, демократическія стремленія, выразителемъ коихъ была партія «шапокъ», взяли верхъ и преобладали на сеймѣ надъ партіей «шляпъ», къ которой въ большинствѣ примыкало дворянство. Для многихъ изъ сего послѣдняго, такого перевѣса враждебной партіи было достаточно для того, чтобы идти на ниспроверженіе существовавшаго порядка. Но къ недовольству партійному присоединилось и народное недовольство: неурожаи и даже голодъ, а за ними дороговизна, постоянно возрастали; со стороны же сейма не принималось никакихъ дѣйствительныхъ мѣръ къ облегченію бѣдствій. Въ такихъ условіяхъ завѣтному желанію Густава было

---

[1]) Сестра Фридриха Великаго, короля прусскаго.

[2]) См. Приложеніе № 7.

удобно осуществиться, тѣмъ болѣе, что дворянство не замедлило представить изъ среды себя ревностныхъ исполнителей: заговоры и интриги были сферой, въ которой въ тѣ времена благородному сословію дышалось всего привольнѣе. Финляндскій фрейгеръ Яковъ Магнусъ Спренгтпортенъ явился душой заговора; младшій сводный братъ Якова, Георгъ Магнусъ, былъ его правой рукой [1]). Для приготовленій онъ заблаговременно отправился въ Финляндію, гдѣ предполагалось дѣйствовать сообразно съ тѣмъ, что будетъ дѣлаться въ южной шведской провинціи Сканіи (Шоніи). «Шапки» однако провѣдали о затѣяхъ старшаго Спренгтпортена и постарались удалить его изъ Стокгольма. Онъ былъ отправленъ къ своему мѣсту службы, въ Финляндію, что, разумѣется, не шло въ разрѣзъ съ его планами. Съ горстью драгунъ пробрался онъ на лодкахъ къ Свеаборгу, арестовалъ коменданта, привелъ гарнизонъ къ присягѣ на вѣрность королю и принялъ мѣры къ обезпеченію заговору успѣха въ Финляндіи. Между тѣмъ предположенная въ Сканіи однородная попытка не удалась. Планъ, по которому назначалось подойти къ столицѣ съ двухъ сторонъ и произвести переворотъ, не осуществился. Эта неудача побудила Густава взять лично на себя руководство предпріятіемъ. Подъ видомъ обыкновеннаго смотра, онъ собралъ войска и сперва отъ офицеровъ, а потомъ и отъ солдатъ потребовалъ присяги на вѣрность, которую они и не замедлили принести. Собранному затѣмъ сейму объявлено о возстановленіи порядка управленія, бывшаго при Густавѣ-Адольфѣ, и предоставлено заниматься главнымъ образомъ финансовыми дѣлами. Впрочемъ за сеймомъ оставлено по-прежнему право объявленія наступательной войны [2]). Эту на первый взглядъ непонятную уступку Гу-

---

[1]) Баронъ Георгъ Магнусъ Спренгтпортенъ, при Императорѣ Александрѣ генералъ отъ инфантеріи русской службы и графъ, игралъ какъ при Екатеринѣ II, такъ и при Александрѣ I на столько выдающуюся роль въ нашихъ финляндскихъ дѣлахъ, что составитель призналъ неизлишнимъ въ настоящемъ изложеніи посвятить ему отдѣльную главу (IX).

[2]) Къ этому времени относится изданіе закона, извѣстнаго подъ именемъ Образа правленія (Regerings-Form) 21-го августа 1772 г.,

ставъ сдѣлалъ въ виду того, что по договору, заключенному въ 1769 г. между Даніей, Пруссіей и Швеціей, въ случаѣ существенныхъ перемѣнъ въ образѣ правленія, установленномъ для Швеціи въ 1720 году, державы эти приступили бы къ раздѣлу ея. Но войну оборонительную король могъ вести по своему усмотрѣнію. Эта подробность требуетъ особаго упоминанія, такъ какъ ею обусловлены были нѣкоторые странные и на первый взглядъ непонятные по своей мелочности шаги Густава.

Спренгтпортены прибыли въ Стокгольмъ уже по совершеніи переворота. Но такъ какъ Густавъ считалъ себя въ этомъ случаѣ, послѣ Бога, наиболѣе обязаннымъ старшему Спренгтпортену, то онъ и его драгуны были одарены королевскими милостями. Младшій братъ, на котораго также было обращено вниманіе, 30-ти-лѣтній еще человѣкъ, получилъ вскорѣ въ командованіе бригаду въ Саволакской провинціи Финляндіи, гдѣ и не замедлилъ пріобрѣсти значительное вліяніе.

Дворянство, однако, привыкшее къ своеволію, вскорѣ увидѣло чего оно лишилось съ переворотомъ 1772 г.; сами вожаки его не могли ужиться съ новымъ порядкомъ и разладили съ королемъ. Не далѣе какъ черезъ два года честолюбивый Яковъ Спренгтпортенъ оставилъ службу и удалился въ частную жизнь. Поселившись недалеко отъ Стокгольма, онъ въ теченіи двѣнадцати лѣтъ не переставалъ бомбардировать Густава письмами, полными горькихъ укоризнъ и порицаній, пока наконецъ умственное разстройство не свело его въ могилу. Георгъ Спренгтпортенъ также не особенно долго ладилъ съ королемъ. Здѣсь главнымъ стимуломъ было ненасытное корыстолюбіе Георга. Король оказывалъ ему разныя пособія, не разъ платилъ его долги, устраивалъ, наконецъ, денежныя его дѣла за границей. Когда же щедрость Густава стала уменьшаться, бывшій его пособникъ не только сталъ въ оппозицію, но и началъ составлять проекты

который вмѣстѣ съ такъ называемымъ Актомъ Соединенія и Безопасности (Förening och Säkerhets-Akt) 21-го февраля и 3-го апрѣля 1789 г. составляетъ шведскую конституцію, подъ дѣйствіемъ коей была Финляндія, въ качествѣ шведской провинціи при окончательномъ ея покореніи.

отдѣленія Финляндіи отъ Швеціи, предлагая самостоятельную для нея великогерцогскую корону то одному, то другому брату короля, то даже сочиняя финляндскую республику. На сколько понятіе о республикѣ мирилось съ олигархическими стремленіями дворянства и съ глубочайшимъ презрѣніемъ автора проекта къ низшимъ сословіямъ, ясно безъ дальнѣйшихъ объясненій. Но всѣ эти проекты говорили о политической распущенности, жертвою которой была Швеція, и о той слабости, которой Густавъ не могъ побороть, не смотря на всю свою энергію и властолюбіе. Несомнѣнно, что замыслы Спренгтпортена были извѣстны королю, и тѣмъ не менѣе онъ ограничивался сперва командировкою его за границу, а затѣмъ предоставленіемъ вступить въ иностранныя войска, пока наконецъ этотъ искатель приключеній, въ 1786 г., не перешелъ окончательно на службу Императрицы Екатерины.

Мысль объ отдѣленіи Финляндіи отъ Швеціи не была новостью. Манифестъ Императрицы Елизаветы, какъ выше было изложено, имѣлъ въ виду такое отдѣленіе. Вскорѣ по заключеніи Абоскаго мира составился заговоръ объ избраніи въ короли Финляндіи великаго князя Петра Феодоровича, съ тѣмъ чтобы новое королевство состояло подъ покровительствомъ Россіи. Одинъ изъ составителей проекта, Викманъ, былъ схваченъ и казненъ. Впрочемъ число лицъ, сочувствовавшихъ этой идеѣ, было очень ограничено. Безъ сомнѣнія Густавъ не могъ не вспоминать объ этихъ эпизодахъ еще до того, какъ Спренгтпортенъ чуть не гласно началъ сочинять свои проекты на ту же тему. Могущество Россіи рядомъ съ обезсиленной Швеціей легко могло лишить послѣднюю этой ея провинціи, тѣмъ болѣе, что граница между русской и шведской Финляндіями была опредѣлена договорами, но на дѣлѣ не представлялась законченною, и какъ бы вызывала на перенесеніе ея до естественной черты, опредѣленной Ботническимъ заливомъ. Постоянныя сношенія русскихъ представителей въ Стокгольмѣ, Маркова, Симолина, Разумовскаго, съ представителями оппозиціи, не могли не усиливать опасеній. Поэтому Густавъ старался вызвать къ себѣ прежде всего расположеніе Финляндцевъ. Уже въ 1775 г.

онъ предпринялъ первую свою поѣздку по Финляндіи, и хотя изъ мѣстнаго финскаго языка зналъ лишь нѣсколько словъ, но личными своими качествами вызвалъ общую тамъ къ себѣ любовь и преданность. Послѣдствіемъ этой поѣздки были благодѣтельныя для Финляндіи мѣры. Заложены новые города Таммерфорсъ и Каскö, приступлено къ устройству новыхъ дорогъ и каналовъ, учреждены новые суды; повелѣно новое размежеваніе, дававшее возможность новыхъ поселеній, въ которыхъ страна очень нуждалась. Приняты были мѣры и къ защитѣ Финляндіи со стороны Россіи: крѣпости Свартгольмъ и Свеаборгъ дѣятельно укрѣплялись, «шхерный» армейскій флотъ значительно усиленъ. Позднѣе, вслѣдствіе войны Англичанъ съ Американскими штатами, торговля шведскихъ, а съ ними и финскихъ портовъ значительно развилась. Всѣ данныя были въ пользу наилучшихъ отношеній между Густавомъ и народомъ, въ чемъ онъ не переставалъ получать удостовѣренія. Въ 1778 году, по случаю рожденія у него сына, между многоразличными изъявленіями преданныхъ чувствъ отъ разныхъ сословій и частей королевства, Финляндцы въ особенности благодарили за то, что король «опять и навѣки возвысилъ финскій народъ».

Преданность массы населенія была внѣ сомнѣнія. Но это не мѣшало высшимъ оппозиціоннымъ элементамъ поддерживать постоянное броженіе. Революціонные инстинкты нѣкоторыхъ партій, особенно дворянства, продолжали усиливаться. Дороговизна жизни и все новые и новые налоги на усиленныя вооруженія, въ связи съ паденіемъ курса бумажныхъ денегъ, задѣвали самые близкіе интересы многихъ; свобода вѣроисповѣданій давала пищу недовольству и между духовными. Военное сословіе имѣло свои претензіи: офицерство лишено было права участія въ сеймахъ; въ особенности же оно считало себя задѣтымъ ограниченіемъ права продажи чиновъ и должностей, узаконенной въ прежнее время. Самъ Густавъ лично давалъ поводы къ неудовольствіямъ: съ годами ему стала надоѣдать скромная и однообразная жизнь его шведскихъ резиденцій, и онъ все чаще и чаще искалъ развлеченій въ заграничныхъ поѣздкахъ, тратя на нихъ громадныя суммы изъ тощихъ кассъ

шведской казны. Иногда, какъ во время пребыванія Густава въ Италіи, король не видѣлъ своей страны цѣлыми годами. Въ эту именно эпоху, т. е. въ 1785 году, Швецію и Финляндію посѣтилъ неурожай столь сильный, что всей странѣ угрожали бѣдствія голода, еслибы не своевременная помощь со стороны Россіи, открывшей сосѣдямъ свои хлѣбные магазины. Но самую форму, въ которой пособіе это было предложено, Шведы находили для себя оскорбительною, и оппозиція видѣла въ ней лишній поводъ къ нападкамъ [1]).

Всѣмъ этимъ пользовались люди, желавшіе возвращенія прежнихъ порядковъ до 1772 года, и засѣданія шведскихъ сеймовъ представляли рядъ самыхъ бурныхъ и разнузданныхъ сценъ. Внѣ сеймовъ недовольство разжигали еще молодые дворяне, имѣвшіе обыкновеніе искать счастія и денегъ во французской службѣ; оттуда вывозили они достаточный запасъ революціонныхъ идей, бывшихъ на мѣстѣ въ эту пору уже въ полномъ расцвѣтѣ. Собственно въ отношеніи Финляндіи сепаратистскія стремленія нѣкоторыхъ авантюристовъ были особенно рельефны въ эту же эпоху, т. е. въ 80-хъ годахъ. Финляндская корона была предлагаема и младшему брату короля Фридриху, любимцу матери, королевы Луизы Ульрики, и другому его брату, Карлу, герцогу Зюдерманландскому. Проектъ финляндской республики Спренгтпортенъ передавалъ Колычеву, русскому посланнику въ Гагѣ. Агитаторы, и во главѣ ихъ тотъ же Спренгтпортенъ, чтобы сбить съ толку населеніе Финляндіи, разсѣвали въ немъ самые нелѣпые слухи о настроеніи въ отношеніи къ нему шведскаго правительства, которое желало, будто бы, не только окончательнаго разоренія этой провинціи, но и уступки ея Россіи, если она не помѣшаетъ Густаву завладѣть Норвегіей.

На руку агитаторамъ была и дѣятельность тогдашняго масонства, которое, по примѣру западной Европы, было довольно

---

[1]) On a été obligé de s'adresser à la Russie, qui tout en ouvrant ses magasins aux suédois, en a traité le roi avec fierté et hauteur. Изъ письма гр. Борха 9-го мая 1786 г.—Имп. Публ. Библ., мемуары Спренгтпортена.

распространено и въ Финляндіи. Особеннымъ значеніемъ и вліяніемъ пользовался орденъ «Валгалла» въ Свеаборгѣ, имѣвшій свои отдѣленія по всей странѣ. Въ средѣ его планы обособленной Финляндіи пользовались болѣе чѣмъ гдѣ популярностью: къ нимъ примыкали агенты Спренгтпортена, родственные или близкіе ему люди [1]). Эти планы заключались въ самыхъ общихъ, неразработанныхъ идеяхъ; способъ исполненія и дальнѣйшія цѣли и дѣйствія были очень темны и для самихъ руководителей, въ чемъ признавался впослѣдствіи и самъ Спренгтпортенъ [2]). Все дѣло не выходило изъ области властолюбивыхъ и праздныхъ мечтаній. Такіе признаки броженія въ шведскомъ обществѣ не имѣли угрожающаго характера каждый въ частности. Наиболѣе повидимому опасные проекты отдѣленія Финляндіи, или предоставленія ей независимости, вовсе не находили сочувствія; напротивъ, трезвая часть населенія, т. е. большинство, видѣло въ нихъ величайшее для Финляндіи бѣдствіе. Русское владычество не представлялось иначе, какъ въ видѣ рабства. Не лучшаго ожидали и отъ независимости, ибо въ такомъ случаѣ Финляндія сдѣлалась бы лакомымъ кускомъ, который Русскіе проглотятъ когда только имъ захочется [3]).

Однако въ общей сложности всѣ эти болѣзненные симптомы не могли не имѣть для Густава серьезнаго значенія. Одаренный натурою воспріимчивою и порывистою, властолюбивый и страстный, къ тому же запутанный въ денежныхъ дѣлахъ, онъ

---

[1]) Въ числѣ ихъ были: оберъ-адъютантъ маіоръ Іоганъ-Андрей Егергорнъ, племянникъ Спренгтпортена; оберъ-адъютантъ маіоръ Карлъ Генрихъ Кликъ, ученикъ его; капитанъ Ларсъ Рейнгольдъ Глапзеншерна, своякъ Спренгтпортена (братъ жены); отставной маіоръ Тандефельдъ, маіоръ Рамзай, Эссенъ, Ладау, еще очень молодой человѣкъ, и др. Упоминаемъ этихъ лицъ, въ виду того что всѣ они болѣе или менѣе участвовали въ событіяхъ, предшествовавшихъ присоединенію Финляндіи къ Россіи, или его сопровождавшихъ.

[2]) Письмо къ гр. Мусину-Пушкину 14-го авг. 1788 г. Моск. Арх. М. Ин. Дѣлъ, Camp. Suéd., X, св. 3.

[3]) Я. К. Гротъ: Спренгтпортенъ, Журн. М. Н. Просв. 1885 г., январь, стр. 19.

постепенно убѣждался, что однѣми мѣрами внутреннихъ распорядковъ онъ не достигнетъ упорядоченія страны и собственнаго своего прославленія. Пріобрѣтеніе Швеціи ея прежняго политическаго значенія на сценѣ Европы, а для того военные успѣхи и возстановленіе прежнихъ границъ, являлись средствомъ наиболѣе соотвѣтственнымъ, если не единственнымъ. Только возвеличенная и расширенная въ своихъ предѣлахъ, Швеція могла заставить молчать враговъ внутреннихъ; только при условіи возстановленія силъ могъ возрасти и вѣсъ ея въ международныхъ дѣлахъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ и вѣсъ золота тѣхъ иностранныхъ субсидій, которыми шведскіе короли издавна привыкли оцѣнивать свое въ нихъ дѣйствіе или воздержаніе.

Такіе планы могли быть осуществлены только на счетъ Россіи. Соприкасаясь съ нею бокъ-о-бокъ, не имѣя даже на финляндской территоріи точно опредѣленной границы, Густавъ естественно мечталъ о возвратѣ преждеутраченнаго и объ уничтоженіи унизительныхъ ништадтскаго и абоскаго договоровъ, ярмо которыхъ не переставало давить, не смотря на энергію переворота 1772 г. Съ другой стороны, личныя отношенія между монархами обоихъ государствъ, не смотря на родство ихъ связывавшее, не были изъ тѣхъ, которыя могутъ упрочить миръ. Двукратныя свиданія въ Петербургѣ и въ Фридрихсгамѣ (въ 1777 и въ 1783 гг.) только на время и лишь по внѣшности сгладили взаимныя отношенія между Густавомъ и Екатериной, въ основаніи которыхъ, кромѣ политическихъ причинъ, лежала упорная личная непріязнь. Едва-ли не рельефнѣе и ярче проявлялась эта послѣдняя съ русской стороны: по особенностямъ женской натуры, Императрица не сдерживалась въ выраженіи своихъ недобрыхъ чувствъ, и градъ насмѣшекъ сыпался на Густава изъ-подъ пера коронованной писательницы, посвящавшей нелюбимому герою цѣлыя комедіи [1]. Но, предаваясь этимъ изліяніямъ личной непріязни, близкой къ ненависти, Екатерина воздерживалась отъ увлеченій ею въ дѣлахъ политическихъ и шла даже въ разрѣзъ съ мнѣніями своего главнаго совѣтника

[1]) Фуфлыга-Богатырь и пр. — Дневн. Храповицкаго.

Потемкина. Еще въ 1784 году, т. е. вскорѣ послѣ свиданія въ Фридрихсгамѣ, онъ признавалъ необходимыми наступательныя противъ Швеціи дѣйствія, какъ только она дастъ малѣйшій къ тому поводъ, увѣряя, что тогда Финляндія безъ труда достанется въ русскія руки [1]). Но Екатерина не поддавалась этимъ внушеніямъ и дѣйствовала мудро, зная, что наступательная съ ея стороны война развязала бы руки Густаву, который для обороны страны могъ требовать всѣхъ средствъ, не ожидая рѣшенія сейма.

Въ концѣ 1787 года, когда отношенія между обѣими сторонами достигли крайняго напряженія, явился съ своими совѣтами Спренгтпортенъ, бывшій съ прошлаго года на русской службѣ. Онъ убѣждалъ Императрицу въ томъ, что Финляндцы охотно примутъ покровительство Россіи [2]). Посылка небольшаго отряда для поддержанія собственно финскихъ войскъ и созванія мѣстнаго финляндскаго сейма, по его мнѣнію, рѣшили бы судьбу Финляндіи безповоротно. Однако и эти доводы не имѣли большаго успѣха. Всѣ заботы Екатерины были направлены на югъ, гдѣ въ концѣ 1787 года загорѣлась давно ожидавшаяся война съ Турціей, и дѣла шли вначалѣ не особенно хорошо. Политическое положеніе было также гораздо благопріятнѣе для Густава, нежели для нея. Отношенія Екатерины съ Пруссіей и Англіей были ненадежны: первая готовилась воздѣйствовать на Польшу и въ виду затрудненія Россіи захватить Данцигъ и Торнъ; Англія же обязалась выплачивать Густаву ежегодно по 100.000 фунт. стерлинговъ, а въ случаѣ нападенія на него дать 7 линейныхъ кораблей. Турція съ своей стороны прислала ему въ субсидію 2, а по другимъ свѣдѣніямъ 3 милліона піастровъ. Эта подачка назначена была Густаву въ уплату за то, чтобъ онъ удержалъ русскія суда отъ выхода изъ Балтійскаго моря [3]). Тѣмъ временемъ Густавъ старался

---

[1]) Н. И. Григоровичъ: Канцлеръ кн. Безбородко, т. II, стр. 516.
[2]) Моск. Арх. М. Ин. Дѣлъ, Camp. Suéd., 1788. См., ниже гл. IX.
[3]) Григоровичъ, Канцлеръ кн. Безбородко, т. II, стр. 25—26.

подготовить благопріятныя условія для войны, которой онъ такъ горячо желалъ. Приведенныя обстоятельства уже обезпечивали ему многое, но онъ желалъ заручиться еще большими шансами. Надѣясь лишить Россію союзника въ лицѣ Даніи, онъ лично дѣйствовалъ въ Копенгагенѣ въ этомъ смыслѣ. Однако старанія его были тщетны: Данія осталась вѣрна своему старинному союзнику, хотя Императрица Екатерина не возлагала на нее большихъ надеждъ [1]). Гораздо успѣшнѣе была попытка Густава обезпечить себя со стороны самой Финляндіи. Съ этою цѣлью въ 1787 году предпринялъ онъ вторичную поѣздку въ эту провинцію, неизбалованную прежде королевскими посѣщеніями. Чтобы еще больше расположить сердца, онъ взялъ съ собой наслѣдника престола, восьмилѣтняго Густава-Адольфа, которому суждено было, достигнувъ престола, навсегда лишиться этой части королевства. Въ видѣ уступки желанію Финновъ, молодой принцъ былъ уже нѣсколько наученъ финскому языку. Расчеты короля оправдались вполнѣ. Личное впечатлѣніе имъ произведенное было изъ самыхъ благопріятныхъ: народъ, непринимавшій никакого участія въ проектахъ Спренгтпортена и К°, проявлялъ королю при всѣхъ случаяхъ несомнѣнную и горячую преданность и любовь. Ободренный такимъ результатомъ поѣздки, Густавъ уже съ осени 1787 года принялъ разныя подготовительныя мѣры для открытія весною кампаніи противъ Россіи, а въ началѣ мая 1788 г. разослалъ собственноручныя приказанія о приготовленіи войскъ въ смежныхъ съ русской тогда Выборгской губерніей провинціяхъ, Саволаксѣ и Кореліи. Начальствовавшему тамъ войсками барону Гастферу предписано при первомъ случаѣ занять русскую крѣпость Нейшлотъ.

Но, какъ сказано, Густаву необходимо было, чтобы военныя дѣйствія открылись съ русской стороны, или чтобы съ этой послѣдней былъ сдѣланъ вызовъ, дабы придать войнѣ не наступательный, а оборонительный характеръ. Такихъ поводовъ однако долго не представлялось. Россія держала себя съ величайшею осторожностью и повидимому не ожидала войны: въ

---

[1]) Дневникъ Храповицкаго.

русской Финляндіи было очень мало войскъ—всего до 13.000; лучшая часть флота была въ Средиземномъ морѣ. Съ открытіемъ навигаціи обычнымъ порядкомъ посланы были въ море учебные корабли Ярославъ и Гекторъ для практическихъ занятій морскихъ кадетъ. Эскадра вице-адмирала Фонъ-Дезина, изъ трехъ линейныхъ кораблей, назначена была къ отправленію изъ Балтійскаго въ Средиземное море съ транспортами для тамошняго флота. Именно съ этой послѣдней прежде всего постарались Шведы затѣять недоразумѣнія, которыя легко было бы истолковать потомъ въ желаемомъ смыслѣ. Герцогъ Карлъ Зюдерманландскій, братъ короля, командовавшій шведскимъ флотомъ въ Балтикѣ, встрѣтилъ въ началѣ іюня эскадру Фонъ-Дезина, шедшую къ Зунду, и потребовалъ, въ видѣ прямаго вызова, отданія себѣ салюта. Фонъ-Дезинъ, ссылаясь на абоскій трактатъ [1]), уклонился отъ исполненія требованія. На это Карлъ повторилъ свои настоянія; тогда Фонъ-Дезинъ изъявилъ готовность салютовать ему, какъ брату короля, и продолжалъ путь. Но герцогъ настаивалъ на отданіи ему почести какъ шведскому главнокомандующему, и въ видѣ угрозы выстроилъ свои корабли въ боевой порядокъ. Предъ значительною силою русскій адмиралъ уступилъ, и салютовалъ Карлу 15-ю выстрѣлами, на которые тотъ отвѣтилъ 8-ю. Этимъ кончился инцидентъ, и къ неудовольствію герцога былъ потерянъ удобный повидимому поводъ къ разрыву. Впрочемъ и Екатерина была не совсѣмъ довольна уступчивостью Фонъ-Дезина [2]).

Но вскорѣ Густавъ нашелъ другой, теперь дипломатическій

---

[1]) П. 17-мъ постановлено изданіе особой конвенціи о салютахъ кораблей; а между тѣмъ, для предупрежденія всякихъ непорядковъ симъ соглашалось, что до того времени въ вышепомянутыхъ случаяхъ отъ военныхъ обѣихъ странъ кораблей салютація чинима быть не можетъ.

[2]) ...Со всѣмъ тѣмъ мы готовились вамъ примѣтить—писала Императрица Фонъ-Дезину въ рескриптѣ отъ 27-го іюня—колико не вмѣстно было тутъ ваше снисхожденіе и уваженіе, оказанное герцогу Сюдерманландскому, ибо въ дѣлѣ между флаговъ двухъ коронъ не долженствуетъ входить разборъ особъ начальствующихъ.—Московскій Арх. М. Ин. Дѣлъ, Шведск. войн. 1788. X.

предлогъ къ объявленію себя обиженнымъ. Въ виду очевидныхъ приготовленій Швеціи къ войнѣ, русскій посланникъ при дворѣ Густава, гр. Разумовскій, передалъ 18-го іюня графу Оксеншерну записку слѣдующаго содержанія.

«Ея И. Величество все свое царствованіе сохраняла съ королемъ и націей шведскою доброе согласіе и миръ, постановленный въ Абовѣ, не подавая никакого подозрѣнія къ нарушенію, и теперь желаетъ продолженія онаго, тѣмъ болѣе что занята весьма важною войною съ Портою. Въ засвидѣтельствованіе того, Ея И. Величество сообщила всѣмъ дружественнымъ державамъ, а равномѣрно и его шведскому величеству о предметѣ посылки въ Средиземное море россійскаго флота. Въ разсужденіе же разнесеннаго по поводу сего слуха о производимыхъ въ Швеціи вооруженіяхъ, съ россійской стороны не для вызову, но изъ единой предосторожности отряжено было въ Финляндію весьма посредственное число войскъ, и въ Балтійское море отправлена, по ежегодному обыкновенію, эскадра для обученія мореходцевъ, къ чему Швеція никогда не показывала никакого подозрѣнія ниже малѣйшаго вниманія, да и Ея И. Величество взирала спокойно на великія вооруженія, производимыя въ Швеціи и наблюдала совершенное молчаніе, пока движенія заключались внутри королевства; но какъ гр. Оксенштіернъ королевскимъ именемъ объявилъ что сіи вооруженія обращены противъ Россіи, подъ предлогомъ, будто она намѣрена наступательно дѣйствовать противъ Швеціи,—(объявилъ) министру двора состоящаго въ тѣснѣйшемъ съ Россіею союзѣ, и который конечно не могъ того скрыть отъ него, графа Разумовскаго, то Ея Имп. Величество не можетъ болѣе отлагать объявленія своимъ Императорскимъ словомъ его величеству королю *и всѣмъ изъ шведской націи участвующимъ въ правленіи* о несправедливости сихъ его подозрѣній и увѣряетъ о миролюбивыхъ своихъ расположеніяхъ къ нимъ всѣмъ. Но если таковое торжественное увѣреніе сочтется недовольнымъ, то Ея И. Величество рѣшилась ожидать всякаго происшествія съ тою надежностью, какову внушаетъ какъ непорочность ея предпріятій, такъ и довольство ея средствъ предоставленныхъ ей Богомъ, и кото-

рыя всегда обращала она къ славѣ своей Имперіи и къ благоденствію своихъ подданныхъ» [1]).

Легко видѣть изъ приведеннаго текста этой ноты, что она была довольно безобидна. Но для этого нужно беспристрастіе. Не такъ глядѣлъ Густавъ: въ подчеркнутыхъ словахъ, гдѣ торжественное объявленіе отъ лица Императрицы дѣлалось не только ему, королю, но и «всѣмъ изъ шведской націи, участвующимъ въ правленіи», т. е. государственнымъ чинамъ,—онъ увидѣлъ явное оскорбленіе своей королевской власти и достоинства. Такое обращеніе имѣло однако законную почву въ шведской конституціи, гарантированной русскимъ правительствомъ по ништадтскому договору; такъ именно глядѣла на него и Императрица Екатерина. Послѣдствіемъ записки Разумовскаго былъ дипломатическій разрывъ: отъ Густава объявлено ему требованіе оставить Стокгольмъ не далѣе восьми дней [2]). Тѣмъ же отвѣчено въ Петербургѣ шведскому посланнику Нолькену.

Однако Густаву недостаточно было и этого предлога: онъ, очевидно, не былъ бы уваженъ государственными чинами, не только не задѣтыми, но напротивъ польщенными въ нотѣ Разумовскаго какъ дѣйствительная государственная сила. Пришлось искать чего нибудь рѣшительнаго и несомнѣннаго, и Густавъ не затруднился прибѣгнуть къ своего рода coup de théâtre. Случай не замедлилъ представиться. Нѣсколько русскихъ солдатъ, оказалось, перешли границу въ Саволаксѣ, близъ Вуоденсальми, при Пумала. Партія сдѣлала нѣсколько выстрѣловъ, разорила одну или двѣ избы и ушла обратно. При неопредѣленности границы, случаи нарушеній ея не были рѣдкостью и не служили прежде поводомъ къ вооруженному столкновенію. Но здѣсь, оказывается, и этого не было. Историческими до-

[1]) Канцл. кн. Безбородко, т. II, стр. 18—19.

[2]) Въ томъ же рескриптѣ Фонъ-Дезину: «но въ тоже время получили мы извѣстіе, что король шведскій, ища всякихъ средствъ къ разрыву, самымъ дружественнымъ изъясненіямъ въ нотѣ нашего министра далъ видъ, будто бы оныя противъ него направлены были и вслѣдствіе того объявилъ ему, дабы онъ въ восемь дней выѣхалъ изъ Стокгольма.»

кументами доказано нынѣ, что люди, перешедшіе будто бы въ шведскую Финляндію, были вовсе не русскіе, а финскіе солдаты, лишь переодѣтые въ русское платье [1]). Какъ ни мелоченъ и недостоинъ былъ этотъ невѣроятный фарсъ, однако его оказалось уже совершенно достаточно для Густава, и онъ оффиціально объявилъ себя въ положеніи самозащиты.

Только теперь принялись въ Петербургѣ серьезнѣе обсуждать мѣры, необходимыя въ виду новой войны, столь внезапно увеличившей затрудненія Россіи. До того времени все ограничивалось небольшими передвиженіями войскъ, которымъ сама Императрица не давала особаго значенія. Въ концѣ мая, именно 27-го числа, послѣдовалъ на имя адмирала Грейга секретный указъ о посылкѣ трехъ судовъ для наблюденія: одного за Свеаборгомъ и прибрежными мѣстами Финляндіи, одного за Карлскроною и одного по Ботническому заливу. Другимъ указомъ, того же числа, торопили адмирала, съ тѣмъ чтобы онъ свои корабли и фрегаты, по мѣрѣ ихъ вооруженія, выводилъ на рейдъ и старался быть готовымъ по первому повелѣнію пуститься въ плаваніе [2]). Въ маѣ представлялъ и Спренгтпортенъ свои записки о воздѣйствіи на Финляндцевъ въ смыслѣ возбужденія ихъ противъ Густава [3]), но онѣ остались тогда безъ видимыхъ послѣдствій, если не считать поѣздки его, уже 14-го іюня, на русско-финскую границу. Поѣздка эта продолжалась впрочемъ не болѣе одного дня и имѣла самый поверхностный характеръ, также какъ и отчетъ о ней, представленный Спренгтпортеномъ Императрицѣ [4]). Общій планъ дѣйствій обсуждался въ Государственномъ Совѣтѣ, и постановленіе его состоялось не ранѣе

---

[1]) А. Г. Брикнеръ. Война Россіи съ Швеціей 1788—90 гг. Журн. М. Н. Пр. 1868 г. Въ этомъ сочиненіи рядомъ документовъ вполнѣ доказанъ шведскій подлогъ.

[2]) Моск. Главн. Арх. Camp. Suéd. 1788 г. X св. 1. Greigh, лист. 39 и 41.

[3]) См. Приложеніе № 39.

[4]) Моск. Главн. Арх., Sprengtporten. Rélation de mon voyage sur les frontières de Finlande ce 14 juin 1788. Прилож. № 11.

*

20-го іюня [1]). Въ виду того, что русскія сухопутныя силы на берегахъ Финскаго залива, составляя всего до 13.000 чел., а въ походѣ и того менѣе, не могутъ довольно обезпечить русскія границы, Совѣтъ возлагалъ главную надежду на флотъ. Если бы этотъ послѣдній успѣшно аттаковалъ флотъ непріятельскій и высадилъ дессантъ на берега Швеціи, то онъ принудилъ бы Густава вывести войска свои въ мѣсто высадокъ, и тѣмъ облегчилъ бы защиту русскихъ владѣній со стороны Финляндіи [2]). Съ этою цѣлью поручалось адмиралу Грейгу, соединившись съ эскадрою Чичагова, идти изъ Ревеля искать непріятеля, аттаковать его, стараться уничтожить, и при успѣхѣ идти на Карлскрону и истребить всѣ ея сооруженія и запасы; равнымъ образомъ дѣлать поиски и въ другихъ мѣстахъ. Для охраны эстляндскихъ береговъ отдѣлить небольшую эскадру. Адмиралу Фонъ-Дезину, съ тремя 100-пушечными кораблями, (о встрѣчѣ коихъ съ принцемъ Карломъ сказано выше), соединиться съ эскадрою датскою, и пользуясь имѣющимся на нихъ дессантомъ, быстро напасть на Готенбургъ, а если можно, то и на Марштрандъ и всѣми мѣрами истреблять купеческія суда. Архангельская эскадра адмирала Повалишина равнымъ образомъ должна была истреблять шведскія суда и стараться соединиться съ эскадрами Фонъ-Дезина и датскою, и производя поиски идти въ Балтійское море. Разрѣшалось каперство съ должною впрочемъ

[1]) Н. И. Григоровичъ. Канцлеръ кн. Безбородко, т. II, стр. 517—590, прилож.

[2]) По свѣдѣніямъ, получавшимся въ Петербургѣ изъ Карлскроны и Копенгагена, у Шведовъ флотъ состоялъ изъ 12 кораблей и 4 фрегатовъ, да армейскій изъ 10 новыхъ судовъ и 22 галеръ. Но за исключеніемъ 5 или 6 кораблей вновь построенныхъ, прочіе ветхи, и снасти на нихъ стары, а сухопутныя войска на галерахъ не въ лучшемъ порядкѣ. (Григ., стр. 18 и 22). Русскій флотъ, какъ видно изъ письма гр. Безбородки къ Потемкину отъ 22-го іюня, состоялъ изъ 17 линейныхъ кораблей, 11 фрегатовъ, 4 бомбардирскихъ судовъ и 2 катеровъ, кромѣ вооруженныхъ транспортовъ. Въ это число входила и эскадра Фонъ-Дезина. Въ августѣ ожидалось прибытіе эскадры адмирала Повалишина изъ Архангельска, въ составѣ 5 кораблей и 2 фрегатовъ.—Изъ дѣлъ о Шведск. камп. 1788 г. Моск. Арх. М. Ин. Д.

осторожностью въ выдачѣ патентовъ арматорамъ. Это средство признавалось особенно сильнымъ по многочисленности шведскаго и по незначительности русскаго торговаго мореходства. Изложенный планъ дѣйствій Совѣтъ находилъ нужнымъ сообщить копенгагенскому двору и настаивать, какъ на скорѣйшемъ вооруженіи и умноженіи датскаго флота, такъ и на томъ, чтобы норвежскія войска немедленно по разрывѣ были введены въ Швецію. При успѣшности дѣйствій флота и содѣйствіи Даніи, сухопутныя силы назначены были на оборону русской Финляндіи, а при дальнѣйшихъ успѣхахъ предполагалось перенести оружіе и на непріятельскую землю. Рѣшено было, наконецъ, опубликовать манифесты, одинъ въ Россіи, а другой къ жителямъ Швеціи и Финляндіи. Въ нихъ должны были не только быть изложены всѣ мѣры, принятыя къ отвращенію войны и сохраненію мира и дружбы, «а также противныя тому и собственной шведской вольности поступки короля», но и приложено стараніе отдѣлить отъ него націю, обѣщать намѣреніе не присвоить себѣ ни пяди земли, не требовать никакого удовлетворенія, если жители Швеціи и Финляндіи удалятся отъ участія въ войнѣ и, «собравшись въ сеймъ вольный подъ охраненіемъ Ея Имп. Величества, возстановятъ свободу и форму правленія тому сообразную, чѣмъ и отдалятъ на вѣки причины къ ссорѣ и разрыву; напротивъ, пріемлющимъ оружіе и отъ сего миролюбиваго приглашенія удаляющимся надлежало грозить огнемъ и мечемъ». Кромѣ того указывалось поддерживать сношенія и связи въ Швеціи съ лицами, расположенными къ Россіи. «предоставляя имъ способы къ составленію партіи какъ въ Швеціи, такъ и въ Финляндіи, для чего потребуются и денежныя издержки».

Такимъ образомъ замыслы Совѣта были направлены съ одной стороны на перенесеніе помощію флота военныхъ дѣйствій на берега Скандинавскаго полуострова, съ другой—на расположеніе умовъ въ непріятельской странѣ во вредъ королю Густаву. Вліяніе здѣсь Спренгтпортена не подлежитъ сомнѣнію. Увлеченный сепаратистскими идеями, и не видя далѣе кружка своихъ единомышленниковъ, онъ считалъ отторженіе Финляндіи

дѣломъ естественнымъ и легкимъ. Послѣдствія покажутъ, насколько его расчеты были основательны. Но и въ дѣйствіяхъ флота онъ шелъ дальше указаній Совѣта. Этотъ вчера еще шведскій офицеръ настаивалъ у Императрицы на необходимости не ограничиться нападеніями на Готенбургъ и Марштрандъ или Карлскрону, а идти къ стѣнамъ самого Стокгольма. И Екатерина поддалась этимъ соблазнительнымъ перспективамъ. Двѣ горячія головы понимали одна другую, какъ признавалась и сама Императрица [1]). Поэтому вслѣдъ за совѣтскимъ постановленіемъ и очевидно въ его развитіе, гр. Безбородко писалъ адмиралу Грейгу [2]), командовавшему Балтійскимъ флотомъ:

«Г. генералъ-маіоръ бар. Спренгтпортенъ, по высочайшему соизволенію Ея Имп. Величества, отправляется къ вашему превосходительству съ тѣмъ, дабы вамъ сообщить его идеи относительно поисковъ на Швецію. Ея Величество весьма желала бы, чтобы мысль его сдѣлать таковой поискъ на Стокгольмъ, когда главнѣйшія силы короля приведены въ Финляндію, произведена была въ дѣйствіе, и для того указала ему поѣхать къ вамъ и съ вашимъ превосходительствомъ о всемъ положить на мѣрѣ. Ея Величество полагаетъ, что дать ему до 2.500 войска изъ имѣющихся въ командѣ вашей подъ надежнымъ прикрытіемъ, по усмотрѣнію вашему, и потомъ, отдавъ войска, самъ поспѣшитъ, гдѣ будетъ надобенъ.»

Спренгтпортенъ былъ аттестованъ при этомъ въ самыхъ лучшихъ выраженіяхъ: «человѣкъ сей, по его преданности къ Ея И. Величеству, по благонамѣренности и по усердію возстановить свободу отечества, удостоенъ отличнаго монаршаго уваженія, и я его въ вашу милость поручаю» [3]). Спренгтпортенъ мечталъ пуститься въ это предпріятіе съ легкими судами, разсчитывая на то что по его свѣдѣніямъ въ Стокгольмѣ должно было остаться всего полтора полка. Однако событія шли своимъ чередомъ, далеко уклоняясь отъ человѣческихъ соображеній, и «идея» Спренгт-

[1]) Дневникъ Храповицкаго, подъ 8 августа 1788, стр. 126.

[2]) 22-го іюня. Постановленіе было 20-го іюня.

[3]) Канцлеръ кн. Безбородко, т. II, стр. 23.

портена, которой нельзя отказать въ смѣлости, такъ и осталась идеей.

23-го іюня данъ былъ указъ вице-президенту военной коллегіи, гр. В. П. Мусину-Пушкину, о порученіи ему предводительства арміей въ Финляндіи, «на случай разрыва съ шведскимъ королемъ». Назначеніе было такъ спѣшно, что новый главнокомандующій не былъ даже снабженъ надлежащими наставленіями, которыя обѣщаны впослѣдствіи. Ему сообщено лишь примѣрное росписаніе войскъ, сдѣланное сообразно предположеніямъ 1784 г., и предложено распорядиться усиленіемъ ихъ въ Финляндіи. Цѣль эта вскорѣ была достигнута, и чрезъ мѣсяцъ у него было уже до 19½ тыс. [1]). Подъ начальство Мусина-Пушкина поступили: генералъ-поручики: Михельсонъ, Волковъ, гр. Дмитріевъ-Мамоновъ, генералъ-маіоры: Левашовъ, бар. Шульцъ, Кноррингъ и Селиверстовъ. Спренгтпортенъ въ спискѣ не значился и поступилъ въ распоряженіе главнокомандующаго позднѣе, въ августѣ, и не для военныхъ, а для политическихъ дѣйствій. Вмѣстѣ съ Мусинымъ-Пушкинымъ отправился къ арміи и великій князь Павелъ Петровичъ. Проводы его не обошлись безъ большаго волненія и даже слезъ, какъ для супруги его, Маріи Θеодоровны, такъ и для самой Императрицы [2]).

Но, при затруднительномъ положеніи Россіи, и не смотря на предписанныя военныя мѣры, петербургскій кабинетъ не прочь былъ принять нѣкоторое посредничество Пруссіи, о коемъ хлопотала Данія [3]). Съ русской стороны не допускались лишь «предосудительныя» кондиціи, именно «если король шведскій будетъ настаивать, чтобы мы признали законною форму правленія имъ установленную, или утверждать, что великій князь не имѣетъ права перенести владѣнія Гольштинскаго на млад-

[1]) Моск. Арх. М. Ин. Дѣлъ. Рапортъ гр. Мус.-Пушкина отъ 22 го іюля. Въ Выборгѣ—8.220 ч., въ корпусѣ Михельсона—7.238, у Левашова въ Фридрихсгамѣ—2.539, у бар. Шульца въ Кексгольмѣ—1.281, въ Нейшлотѣ—230. Всего 19.508, изъ нихъ здоровыхъ 17.869 и больныхъ 1.639 челов.

[2]) Дневникъ Храповицкаго, подъ 25 и 30 іюня 1788.

[3]) Графъ Безбородко извѣщалъ о томъ кн. Потемкина 24-го іюня.

шую линію сего дома, и ежели въ замѣну тому требовать будутъ для герцога Зюдерманландскаго уступки герцогства Курляндскаго»... «Впрочемъ—писалъ гр. Безбородко— у насъ конечно не сдѣлаютъ затрудненія, чтобы все въ прежнемъ, какъ до сего было, осталось состояніи».

Нѣкоторые, незначительные впрочемъ, дипломатическіе шаги сдѣланы были и другими европейскими кабинетами для устраненія новой войны. Франція отклонила просьбу Густава о пособіи, и отправила своего посла въ Финляндію вразумлять короля. Лордъ Кармантенъ указалъ, что не имѣетъ основанія желать войны, нарушающей торговые интересы; но далѣе этого не пошелъ. Берлинскій кабинетъ выражалъ Императрицѣ дружественныя чувства, но на дѣлѣ не склонялся ни на ту, ни на другую сторону. Одинъ датскій дворъ готовился дѣйствовать обще съ Россіей, о чемъ онъ и извѣстилъ другіе дворы, объяснивъ что не можетъ не исполнить своихъ въ отношеніи къ ней обязательствъ [1]).

Шаги западныхъ державъ, также какъ и медіація Даніи, не привели и не могли привести ни къ чему. Отношенія между обѣими сторонами стали на такую точку, на которой не могло быть примиренія. Густавъ, фактически уже начавъ войну приведенною выше сценою съ переодѣваніемъ, старался поставить Россію въ безвыходное положеніе и такъ сказать заставить воевать. Отъ 25-го іюня (6-го іюля) послалъ онъ въ Петербургъ къ своему посланнику бар. Нолькену при особомъ письмѣ пространный ультиматумъ, полный упрековъ по адресу Императрицы и заключавшій перечисленіе условій, на которыхъ онъ допускалъ примиреніе. Эти условія состояли въ слѣдующемъ: 1) чтобы графъ Разумовскій былъ примѣрно наказанъ за его происки въ Швеціи, на страхъ другимъ желающимъ вмѣшиваться во внутреннія дѣла «независимой имперіи»; 2) чтобы въ возмѣщеніе убытковъ, понесенныхъ королемъ на вооруженія, Императрица уступила ему на вѣчныя времена всю часть Финляндіи и Кореліи, съ губерніей и городомъ Кексгольмомъ, т. е.

---

[1]) Григоровичъ, канцлеръ кн. Безбородко, т. II, стр. 27—29.

все, что перешло къ Россіи по мирнымъ договорамъ ништадтскому и абоскому; затѣмъ установить границу по Систербекъ; 3) чтобы Императрица приняла посредничество короля шведскаго къ доставленію Россіи мира съ Портою, и уполномочила его, короля, предложить Портѣ полную уступку Россіею Крыма и возстановленіе границъ по договору 1774 года; въ случаѣ же несогласія Порты на эти условія, предоставить ей границы какъ онѣ были до войны 1768 года; наконецъ чтобы въ обезпеченіе этихъ жертвъ Императрица предварительно обезоружила свой флотъ, возвратила корабли, вышедшіе въ Балтійское море, вывела войска свои изъ новыхъ границъ и согласилась, чтобы шведскій король остался вооруженнымъ до заключенія мира между Россіей и Портой [1]).

Написавъ эти условія,—которыя могъ бы предложить развѣ торжествующій побѣдитель послѣ ряда выигранныхъ генеральныхъ сраженій,—Густавъ пояснялъ своему посланнику въ упомянутомъ письмѣ: «изъ этихъ предложеній я не могу уступить ни единаго слова. Мое желаніе, мое безусловное повелѣніе, заключается въ слѣдующемъ: вы должны объявить, что отвѣтъ требуемый вами долженъ быть просто *да* или *нѣтъ*, что это мое послѣднее слово, что въ случаѣ отрицательнаго отвѣта я буду его считать объявленіемъ войны...» Въ концѣ письма Густавъ повторялъ: «я запрещаю вамъ подавать поводъ къ мнѣнію, что я готовъ согласиться на какое-либо смягченіе или измѣненіе моихъ требованій».

Такія неслыханныя и дерзкія претензіи имѣли очевидною цѣлью довести Императрицу до высшей степени раздраженія, вывести ее изъ себя и толкнуть на рѣшительный шагъ, который Густавъ могъ бы истолковать предъ своимъ королевствомъ какъ вызовъ со стороны Россіи. Въ письмѣ къ Нолькену онъ самъ признавалъ, что оскорбляетъ Императрицу. Однако и въ этотъ разъ онъ обманулся. Вмѣсто потребованнаго имъ категорическаго отвѣта *да* или *нѣтъ*,—послѣдовало объявленіе пере-

---

[1]) А. Г. Брикнеръ: Война Россіи съ Швеціей въ 1788—90 г. Журн. М. Н. Пр. 1869, февраль, стр. 341.

давшему эту «сумасшедшую» ноту секретарю шведскаго посольства Шлафу, «чтобы онъ, не откладывая, выѣхалъ не только изъ столицы, но и вообще изъ предѣловъ Имперіи [1]).

II.

Начало кампании 1788 г.

Тѣмъ временемъ война уже началась съ шведской стороны. Отъ 23-го іюня, т. е. въ день назначенія русскаго главнокомандующаго къ финляндской арміи «на случай разрыва съ шведскимъ королемъ», выборгскій губернаторъ генералъ-поручикъ фонъ Гюнцель доносилъ, что 21-го числа Густавъ III прибылъ на галерахъ въ Гельсингфорсъ, что привезено до 100 пушекъ и что со всѣхъ сторонъ стягиваются войска, направляемыя затѣмъ двумя дорогами къ русской границѣ. Сообщенія по обѣ стороны рѣки Кюмени обставлены были крайними мѣрами осмотрительности; письма для отсылки въ шведскую Финляндію отбирались и передавались по назначенію чрезъ драгунъ. Жители ближайшихъ мѣстностей стали стремительно покидать свои дома и бѣжать толпами въ глубь страны. Чрезъ нѣсколько дней ожидали прибытія короля въ Ловизу, т. е. въ непосредственное сосѣдство съ границею. Такъ какъ оффиціальнаго разрыва еще не было, то Гюнцель, руководясь прежнимъ обыкновеніемъ, отчасти же вѣроятно и для того, чтобы узнать поближе о дѣйствительномъ положеніи вещей, послалъ къ находившемуся въ Ловизѣ оберъ-камеръ-юнкеру короля Армфельту освѣдомиться: можетъ-ли онъ, Гюнцель, пріѣхать привѣтствовать его королевское величество? Но Армфельтъ нашелъ нужнымъ предварительно знать: по собственному побужденію, или по волѣ Императрицы губернаторъ желаетъ представиться королю? Екате-

---

[1]) Нолькенъ выѣхалъ еще ранѣе изъ Петербурга. У Храповицкаго, подъ 23 іюля записаны слова Императрицы по поводу ноты Шлафа и его высылки: «Хорошъ получилъ отвѣтъ: выгнапъ вонъ».

рина однако, увидѣвъ изъ донесенія Гюнцеля сдѣланный имъ шагъ, дала ему знать, что «при бывшихъ тогда обстоятельствахъ считаетъ за неприличное, чтобы губернаторъ къ королю ѣздилъ» [1]).

Въ тотъ самый день 21-го іюня, когда Густавъ прибылъ въ Гельсингфорсъ, начальникъ шведскихъ войскъ въ Кореліи и Саволаксѣ, бригадиръ бар. Гастферъ, исполняя упомянутое выше распоряженіе короля, перешелъ границу, къ ночи подступилъ къ Нейшлоту и занялъ предмѣстья. Посланный на другой день изъ крѣпости для объясненій о такихъ враждебныхъ дѣйствіяхъ офицеръ получилъ въ отвѣтъ извѣщеніе о королевскомъ повелѣніи взять крѣпость, и коменданту дано полчаса времени на размышленіе о сдачѣ. Въ 3-мъ часу комендантъ, храбрый секундъ-маіоръ Кузьминъ, по приглашенію парламентера, отправился для объясненій внѣ крѣпости съ шведскимъ подполковникомъ, причемъ услышалъ повтореніе того же предложенія о сдачѣ. Назначенъ 2-хъ-часовой срокъ, послѣ котораго должна была начаться аттака. Кузьминъ предложенія не принялъ и позаботился усилить по возможности оборону, чѣмъ занимался и послѣдующіе пять дней до 26-го іюня, такъ какъ непріятель, вопреки угрозѣ, не предпринималъ никакихъ активныхъ мѣръ. Только 23-го числа сопровождавшіе транспортъ съ дровами двое рядовыхъ и офицеръ были убиты шведскими солдатами.

Такимъ образомъ военныя дѣйствія слѣдовало считать открытыми. Граница съ шведской Финляндіей представляла нѣкоторыя удобства для обороны: она огибала русскую Финляндію, въ которой къ разнымъ пунктамъ были пути сообщенія изъ Петербурга, какъ отъ центра по радіусамъ, что облегчало доставку подкрѣпленій. Но Шведы имѣли свои преимущества нападенія съ разныхъ сторонъ: проникнувъ гдѣ нибудь у Пумала за Саймскимъ озеромъ, или взявъ Нейшлотъ, Шведы были разомъ въ центрѣ русскихъ сообщеній и могли угрожать прямо Петербургу и тылу дѣйствующей у границы арміи. Поэтому шведскія дѣла сильно озабочивали Императрицу. Противовѣсъ имъ былъ въ дѣлахъ турецкихъ, которыя къ этому времени

---

[1]) Моск. Арх. М. Ин. Д. Camp. Suéd. 1788 г., переписка Гюнцеля.

значительно поправились и были даже блестящи: нѣсколько разъ одержаны побѣды при Лиманѣ, а 17-го іюня у Капитанъ-Паши сожжено шесть и взято два корабля. Но эти успѣхи не уменьшали опасности отъ близкаго и къ тому же «сумасброднаго» непріятеля, который могъ рѣшиться на всякую неожиданность. Общее безпокойство усиливали еще легкомысленные отзывы Спренгтпортена, котораго, какъ знатока финляндскихъ дѣлъ, выслушивали со вниманіемъ. Онъ спеціально увѣрялъ, что Финляндія и Лифляндія не требуютъ серьезныхъ заботъ; но что главнѣйшей опасности подвергается флотъ, и потому необходимо задержать его выходъ въ море.

«Если Швеція отниметъ теперь у насъ преобладаніе въ Балтикѣ—писалъ онъ Императрицѣ—то все измѣнится, и уже тогда не въ Лифляндіи и не въ Финляндіи Густавъ будетъ искать своей славы,—онъ пойдетъ прямо на Кронштадтъ» [1]). Мнѣніе это, хотя и совпадало съ хвастливыми бравадами Густава, приглашавшаго шведскихъ дамъ танцовать въ Ораніенбаумѣ, было однако въ высшей степени гадательно, что и подтвердили всѣ послѣдующія событія. Тѣмъ не менѣе оно произвело на Екатерину сильное впечатлѣніе.—«Во всю ночь—записаны у Храповицкаго слова ея 18-го іюня—не выходило изъ головы, что шведскій король можетъ вздумать аттаковать Кронштадтъ.» Въ населеніи столицы было вѣроятно также большое безпокойство, такъ какъ Императрица нашла нужнымъ изъ Царскаго Села переѣхать въ Петербургъ «для ободренія жителей». Въ интимныхъ объясненіяхъ она высказывала даже сѣтованія по поводу нахожденія столицы на окраинѣ: «правду сказать, Петръ I близко сдѣлалъ столицу» (28-го іюня). Въ случаѣ надобности Императрица предполагала выйдти съ гвардіей въ

---

[1]) Въ упомянутомъ выше донесеніи о поѣздкѣ на Финляндскую границу, отъ 14-го іюня. «Si la Suéde peut parvenir en ce moment à nous ôter la supériorité de la Baltique, la scène pourra alors changer de face. Tout sera également exposé, mais ce ne sera ni par la Livonie, ni par la Finlande, qu'elle poussera ses avantages: mon avis est, que le roi poussera droit à Cronstadt.—Дѣла Моск. Арх. М. Ин. Д.

лагерь къ Осиновой Рощѣ [1]), т. е. ближе къ Финляндіи. Въ Петербургъ и Петербургскую губернію назначенъ для лучшей защиты отдѣльный главнокомандующій графъ Брюсъ, которому повелѣвалось управлять подъ собственнымъ вѣдѣніемъ Екатерины.

Между тѣмъ 1-го іюля (стар. ст.) Шведы въ значительныхъ силахъ двинулись отъ Ловизы и перешли границу, т. е. рѣку Кюмень, и направились къ Фридрихсгаму. Главное начальство принялъ на себя самъ король. По неопытности его однако въ военномъ дѣлѣ, въ дѣйствіяхъ отрядовъ не было ни энергіи, ни системы. Русскіе аванпосты отступали предъ ними, и все ограничивалось незначительной перестрѣлкой передовыхъ отрядовъ. То же было и подъ Нейшлотомъ. 27-го іюня Шведы попытались было начать перевозку на судахъ орудій, но крѣпостная артиллерія остановила ихъ и разогнала форпосты. Происходила съ обѣихъ сторонъ лишь ружейная перестрѣлка, ненаносившая почти никакого вреда. Все шло неумѣло и вяло.

Въ Петербургѣ предположены были первоначально чисто оборонительныя дѣйствія. Но вскорѣ, именно 3-го іюля, Спренгтпортенъ предложилъ Императрицѣ планъ перейти въ наступленіе тамъ, гдѣ менѣе всего ожидали, на шведскую Корелію изъ Олонецкой губерніи. Такой диверсіей онъ надѣялся не только привлечь на русскую сторону Корелъ, но и побудить Шведовъ отступить отъ Нейшлота, покинуть Саволаксъ и даже очистить всю западную часть Финляндіи вдоль по Ботническому заливу. Онъ предлагалъ дѣйствовать какъ можно скорѣе. Для начала онъ просилъ 3 баталіона и нѣсколько сотъ егерей, легкой кавалеріи и казаковъ. Обычный этому генералу пріемъ интриги и подкупа былъ предложенъ и здѣсь: онъ особенно находилъ нужнымъ склонять жителей деньгами и съ этою цѣлью широко сыпать ими [2]). 5-го іюля предположенія Спренгтпортена были

[1]) Нынѣшняя станція «Левашево» по Финляндской желѣзн. дорогѣ, въ 18—20 верстахъ отъ Петербурга.

[2]) Il est surtout nécessaire ici d'être bien servi en éspion(s) et d'avoir une intelligence sûre avec les habitants du pays. On rependra l'argent qu'il faut pour les captiver. Отъ 3-го іюля 1788. Моск. Главн. Арх. М. Ин. Д. Camp. Suéd. Св. 1. Corresp. Besborodko.

уже одобрены Императрицей; она давала значеніе этой диверсіи. Позднѣе, 17-го іюля, Екатерина писала Потемкину: «Есть еще маленькая штучка, которую изготовляю на сѣверѣ королю шведскому, о которой еще говорить не смѣю, но быть можетъ она дѣйствительнѣе будетъ многаго иного» [1]).

Объ экспедиціи немедленно былъ поставленъ въ извѣстность намѣстникъ Олонецкой и Архангельской губерній, генералъ-поручикъ Тутолминъ, для безотлагательнаго формированія отряда. Это было очень нелегкое дѣло: находившійся въ Петрозаводскѣ вещевой складъ былъ недостаточенъ для снабженія и вооруженія отправляемыхъ частей; пришлось обращаться въ Петербургъ. Въ людяхъ былъ вообще большой недостатокъ. Повелѣно было брать въ войска заштатныхъ церковниковъ и разнаго званія людей, преимущественно для пополненія гвардіи [2]). Въ гусары старались набирать цыганъ [3]). Имератрица оповѣстила государственныхъ крестьянъ, чтобы они выслали рекрутъ въ числѣ по опредѣленію самихъ деревень. Послѣдствія этой мѣры превзошли ожиданія: въ нихъ вполнѣ высказалась преданность населенія государю и родинѣ. Екатерина была этимъ очень довольна и съ нѣкоторою гордостью писала о патріотизмѣ своего народа иностранцамъ [4]). Стрѣлковъ набирали изъ охотниковъ, обѣщая имъ 20-ти-лѣтнюю льготу отъ рекрутства [5]); съ воли же брали людей и для другихъ частей и родовъ оружія, особенно въ артиллерійскую прислугу и въ легкую кавалерію. Людей этихъ наскоро пріучали къ воинскимъ упражненіямъ, и часть ихъ въ концѣ мѣсяца была уже на границѣ [6]). Въ военной силѣ вообще на столько чувствовался недостатокъ

---

[1]) Я. К. Гротъ. Спренгтпортенъ, стр. 11.

[2]) Указъ гр. Брюсу 3-го іюля 1788. Журн. именн. высоч. пов. № 599.

[3]) Указъ 21-го іюля, № 757.

[4]) Письмо къ принцу де-Линь, въ началѣ февраля 1789 г. Сборн. Им. Ист. Общ. т. XLII, стр. 3.

[5]) Указъ генералъ-поруч. Тутолмину 3-го іюля 1788, № 601.— Указъ Врангелю 24-го августа, № 859.

[6]) Къ 31-му іюля вольныхъ людей поступило уже болѣе 800 ч., а къ половинѣ августа было въ распоряженіи 1870 ч.

на нашемъ сѣверѣ, что не пренебрегали для ея формированія содѣйствіемъ частныхъ лицъ. Олонецкій купецъ Мѣхкелевъ предложилъ Императрицѣ набрать довольное число людей изъ православныхъ погостовъ выборгской губерніи для защиты границы, и съ этою цѣлью присланъ былъ къ Тутолмину [1]). Такъ какъ отрядъ Спренгтпортена въ это время не былъ еще сформированъ, то намѣстникъ принялъ Мѣхкелевское предложеніе и, снабдивъ деньгами, отправилъ его самого на мѣсто [2]). Спренгтпортенъ, пріѣхавшій въ Петрозаводскъ въ половинѣ іюля, торопилъ отправкою отряда.

Тѣмъ временемъ на морѣ произошло крупное дѣло, опрокинувшее на эту кампанію гордый замыселъ Густава изгнать Русскихъ изъ Финскаго залива. Шведскій флотъ вышелъ въ Балтійское море 9-го іюня подъ начальствомъ принца Карла Зюдерманландскаго. Онъ повстрѣчался съ эскадрою адмирала Фонъ-Дезина, который успѣлъ однако уйти послѣ упомянутой выше уступки въ салютѣ. Менѣе удачна была встрѣча учебныхъ кораблей «Гектора» и «Ярослава»: они не могли противустоять превосходной силѣ и взяты Шведами въ плѣнъ, хотя формально войны еще не было объявлено. Къ счастію для Русскихъ, въ Петербургѣ не дали значенія мнѣнію Спренгтпортена о томъ, что флотъ долженъ стараться не покидать Кронштадта. Напротивъ, при первой возможности онъ не только вышелъ въ море [3]) но и долженъ былъ, согласно съ совѣтскимъ постановленіемъ, искать непріятеля, аттаковать его и стараться разбить, а затѣмъ устремиться къ шведскимъ берегамъ. Эти дѣйствія предписаны были даже и въ томъ случаѣ, если бы со стороны Даніи не было оказано содѣйствія [4]).

---

[1]) Указъ Имп. Екатерины 12-го іюля.

[2]) Впрочемъ, коммисія Мѣхкелева кончилась ничѣмъ, такъ какъ на мѣстѣ онъ встрѣтился съ объявленіемъ о созывѣ народа на защиту границъ и городовъ, опубликованнымъ уже выборгскимъ губернаторомъ. Мѣхкелевъ былъ отправленъ Тутолминымъ обратно въ Петербургъ. Донесеніе Тутолмина 17-го августа 1788 г. Моск. Арх. М. Ин. Дѣлъ.

[3]) 23-го іюня. Григоровичъ, Канцлеръ кн. Безбородко, стр. 27, т. II.

[4]) Указъ Фонъ-Дезину 27-го іюня, № 62.

Флотъ Грейга, не найдя Шведовъ въ Финскомъ заливѣ, встрѣтился съ главными ихъ силами въ нѣсколькихъ миляхъ къ западу отъ острова Готланда, при Кальбо-да-грундѣ. Принцъ Карлъ ожидалъ здѣсь встрѣчи уже два дня. Эскадра его состояла изъ 15-ти линейныхъ кораблей, 8 фрегатовъ, въ томъ числѣ захваченные русскіе «Ярославъ» и «Гекторъ», и 8 другихъ судовъ; всего 1.200 пушекъ. Грейгъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи немногимъ больше: 17 линейныхъ кораблей, также 8 фрегатовъ и нѣсколько мелкихъ судовъ, пушекъ 1.400 [1]). Столкновеніе произошло 5-го іюля и началось со стороны Русскихъ, при благопріятномъ для нихъ, хотя и слабомъ восточномъ вѣтрѣ. Бой продолжался до вечера; обѣ стороны весьма сильно пострадали, но Русскіе сохранили мѣсто битвы, и побѣду должно было считать за ними. Съ наступленіемъ ночи Шведы спустились по вѣтру и ушли на значительное разстояніе. Во время боя шведскій адміральскій корабль, на которомъ находился принцъ Карлъ, былъ на столько сильно аттакованъ, что готовился даже взорвать себя, и только благодаря находчивости адмирала Врангеля, могъ быть уведенъ за линію. Но другой корабль, «Густавъ», послѣ сильнаго единоборства съ русскимъ адмиральскимъ кораблемъ «Ростиславомъ», потерявъ болѣе 200 человѣкъ экипажа, взятъ въ плѣнъ. Съ нимъ въ руки Русскихъ попалъ и вице-адмиралъ графъ Вахтмейстеръ.

Однако, не смотря на удаленіе Шведовъ съ мѣста сраженія, они нашли возможность приписать себѣ побѣду, и это мнѣніе сохранилось у ихъ историковъ и въ послѣдующія времена. Причина тому лежала въ слѣдующемъ прискорбномъ для Русскихъ обстоятельствѣ. Изъ-за густаго дыма, который при маломъ вѣтрѣ закрывалъ сплошной пеленой все мѣсто дѣйствія, Грейгъ не могъ видѣть, что одинъ изъ его кораблей, «Владиславъ», уже послѣ сраженія, отбившись отъ линіи вблизи шведскаго флота, находился въ отчаянномъ положеніи: на немъ выбыло множество людей, повреждены всѣ паруса и такелажъ, руль не дѣйствовалъ. Вѣтеръ между тѣмъ спалъ совершенно, и корабль не могъ

---

[1]) Брикнеръ, Война Россіи съ Швеціей 1788—90 гг.

отойти отъ непріятеля. Грейгъ получилъ объ этомъ свѣдѣніе только ночью, и хотя сдѣланы были распоряженія къ спасенію «Владислава», но было уже поздно: онъ попалъ въ руки непріятеля послѣ сраженія [1]). Битва при Кальбо-да-грундѣ, или при Готландѣ, принадлежала къ числу самыхъ жаркихъ дѣлъ, причемъ съ обѣихъ сторонъ выказана рѣдкая стойкость. Потеря Русскихъ по донесенію Грейга, состояла изъ 329 убитыхъ, 696 раненыхъ нижнихъ чиновъ и 8 убитыхъ и 13 раненыхъ офицеровъ, не считая потери на взятомъ Владиславѣ. О потерѣ Шведовъ имѣются разнорѣчивыя свѣдѣнія: Грейгъ полагалъ что она должна быть болѣе потери Русскихъ. Шведы, напротивъ, утверждали, что послѣдняя была значительнѣе, и что вообще русскіе корабли пострадали больше. Кромѣ потери убитыми и ранеными, взято въ плѣнъ Русскихъ 785, Шведовъ 600. Эти

[1]) Виновными въ этомъ несчастіи оказались капитаны ближайшихъ судовъ, неподавшіе «Владиславу» своевременной помощи; они были преданы суду и отставлены отъ службы. Грейгъ былъ на столько огорченъ этимъ несчастнымъ случаемъ, что когда Императрица за битву при Готландѣ пожаловала ему орденъ св. Андрея Первозваннаго, онъ не желалъ возлагать его на себя до тѣхъ поръ, пока не заслужитъ новымъ подвигомъ. Въ дневникѣ Храповицкаго, вопреки его обычной краткости, печальный эпизодъ этотъ описанъ довольно подробно подъ 18 іюля... «Чѣмъ далѣе входишь въ дѣло трехъ виноватыхъ капитановъ, тѣмъ болѣе вины ихъ увеличиваются; думали, что коснется и до контръ адмирала Фонъ-Дезина: il n'a pas fait aucun signal pour les faire retourner à leur devoir, quoiqu'il s'est assez bien battu avec son propre vaisseau. Бергъ (капитанъ взятаго корабля) присылалъ къ нему шлюбку, но ни самъ онъ не подалъ помощи, ни далъ сигналъ другимъ qui sont restés les tranquils spectateurs de son malheur. Непріятель болѣе часа или часъ съ половиною не выстрѣлилъ ни разу ни по нихъ, ни по Бергѣ прежде спущенія имъ флага. Онъ вѣрно былъ въ унынія непостижимомъ. Aprés qu'il eut baissé le pavillon, le capit. lieutenant l'a arboré derechef, et derechef il l'a fait baisser; enfin l'ennemi étant dejà en déroute, un petit paquetbot s'est approché et a amené notre vaisseau de 74 canons en triomphe à la flotte suédoise, sous les yeux et sous les canons de toute notre arrière-garde. J'enrage de penser. Они всѣ достойны висѣлицы. Безъ такой случайности нечѣмъ бы было непріятелю похвастать. Все сіе—Грейговы слова.»

цифры приблизительно должны быть вѣрны, ибо потерянный «Владиславъ» былъ корабль большаго ранга, нежели взятый «Густавъ».

Шведскія суда на другое утро ушли къ Свеаборгу, гдѣ и встали на якорь. Русскіе корабли не могли ихъ преслѣдовать, такъ какъ сами получили сильныя поврежденія, и должны были уйти въ Кронштадтъ для починокъ. Онѣ продолжались впрочемъ менѣе двухъ недѣль, и 20-го іюля Грейгъ вышелъ уже вновь изъ Кронштадта. По слухамъ шведская эскадра держалась между Свеаборгомъ и Ревелемъ. Часть кораблей принца Карла, дѣйствительно, при сильномъ туманѣ наткнулась 26-го іюля на русскій флотъ, причемъ корабль «Густавъ Адольфъ», попавъ на мель, сдался Русскимъ съ экипажемъ болѣе 530 чел. Прочіе ушли въ Свеаборгъ, гдѣ съ остальными шведскими судами простояли до осени, блокируемые Грейгомъ.

Но взятый Шведами «Владиславъ» далъ Густаву вполнѣ удовлетворительный поводъ приписать побѣду при Готландѣ себѣ. Въ Гельсингфорсѣ и Стокгольмѣ по случаю ея совершали благодарственныя молебствія; флагъ и вымпелы со взятаго корабля носились въ торжественныхъ процессіяхъ. Вообще принимались всѣ мѣры къ тому, чтобы раздуть этотъ эпизодъ и убѣдить населеніе въ блестящемъ пораженіи Русскихъ, что, для оправданія предъ нимъ неправильно начатой войны, было особенно нужно. Тѣмъ не менѣе планъ Густава—разбивъ русскій флотъ, направиться къ Кронштадту, высадить 15—20 тыс. войска у Ораніенбаума и оттуда идти къ Петербургу—оказался пустой мечтой.

Пока происходили эти событія на морѣ, военныя дѣйствія на сушѣ продолжались со стороны Шведовъ крайне медленно и неопредѣленно. Подъ Нейшлотомъ, въ день Готландскаго боя, осаждающіе съ новыми угрозами возобновляли свои предложенія о сдачѣ, но они были отвергнуты [1]). Затѣмъ продолжалась

---

[1]) Комендантъ Кузьминъ отвѣчалъ: «Вы пишете, что шпага должна рѣшить дѣло наше. Это и мои мысли. Вы не получите отъ меня ни-

перестрѣлка: Шведы предпринимали иногда движенія на судахъ по окружающимъ крѣпость водамъ, но были по большей части останавливаемы огнемъ крѣпостной артиллеріи. Въ занятомъ предмѣстьи только къ 26-му іюля приготовили осадныя батареи и начали метать въ крѣпость бомбы.

Русская диверсія въ Корелію также не могла быть быстро исполнена по причинамъ выше указаннымъ. Въ теченіе всего іюля снаряжали отрядъ; бѣлозерскій полкъ, входившій въ его составъ, выступилъ къ Сердоболю только 31-го числа. Вмѣстѣ съ нимъ двинулся и Спренгтпортенъ, снабженный отъ Тутолмина, кромѣ денегъ на содержаніе отряда, еще 4-мя тысячами серебряныхъ рублей «на извѣстное ему употребленіе». Въ Олонцѣ онъ былъ 2-го августа, и присоединивъ къ своему отряду драгунъ, остановился на нѣсколько дней. Съ свойственной ему самонадѣянностію, Спренгтпортенъ поддерживалъ въ Императрицѣ увѣренность въ своемъ торжествѣ, утверждая что если Нейшлотъ продержится до 20-го августа, то онъ освободитъ его. «Если же постигнетъ такое несчастіе, что Нейшлотъ будетъ взятъ—продолжалъ онъ—то возьму его обратно. Это единственная дорога въ Саволаксъ. Изъ этого Ваше Величество видите, насколько необходимо сохранить Нейшлотъ» [1]). Спренгтпортенъ очевидно не зналъ о событіяхъ совершенно особаго рода, происходившихъ подъ Нейшлотомъ и при главной арміи и измѣнившихъ въ существѣ весь ходъ дѣлъ; о нихъ будетъ изложено вслѣдъ за симъ.

При арміи гр. Мусина-Пушкина, который впрочемъ продолжалъ оставаться въ Выборгѣ и только гораздо позже, именно во второй половинѣ августа, перенесъ свою главную квартиру ближе къ мѣсту дѣйствій, въ Фридрихсгамъ,—также не пред-

какого другого отвѣта. Для чего? Я и мой гарнизонъ будемъ защищаться до послѣдней капли крови». 5-го іюля 1788.—Моск. Арх. М. Ин. Д. Шведск. войн. Св. 3.

[1]) Si le malheur veut que Nyschlott soit pris, je le reprendrai. C'est le seul chemin pour pénétrer au Savolax. Votre Majesté voit par là l'importance de conserver Nyschlott. Моск. Гл. Арх. Camp. Suéd., X.

*

принималось ничего. Вообще всѣ распоряженія этого главнокомандующаго отличались крайней пассивностью и ничтожностью. Злые языки утверждали даже, что онъ не предпринималъ никакихъ движеній, не пославъ предварительно за совѣтомъ къ женѣ въ Петербургъ [1]). Справедливость требуетъ впрочемъ сказать, что при весьма маломъ вначалѣ числѣ войскъ и невозможно было предпринять что-либо. Приходилось бороться не только съ врагомъ, но и съ мѣстнымъ населеніемъ. Крестьяне финны изъ Выборгской губерніи не стѣснялись сообщать своимъ соплеменникамъ по ту сторону границы о всѣхъ дѣйствіяхъ русскихъ войскъ, а тѣ передавали о нихъ шведскимъ начальникамъ. Недостатокъ въ казакахъ лишалъ возможности прекратить это зло [2]). Здѣсь, перейдя границу у Абборфорса, Шведы медленно подвигались къ Фридрихсгаму, который могъ противоставить имъ лишь до 2.300 человѣкъ. Сперва они расположились лагеремъ въ 23 верстахъ отъ него [3]). Одновременно къ Фридрихсгамской гавани стали подходить непріятельскія суда изъ такъ называемаго армейскаго, т. е. галернаго флота. Число ихъ трудно было опредѣлить, такъ какъ одни приходили, другія уходили; притомъ паруса были вычернены. Въ ночь на 8-е число четыре судна напали на брантвахту и послѣ часовой пальбы изъ пушекъ взяли ее и увели; люди успѣли скрыться.

Никакихъ серьезныхъ предпріятій ни съ той, ни съ другой стороны не было, но вообще происходившія стычки были благопріятнѣе для Русскихъ. Таковы были небольшія дѣла 8-го и 12-го іюля: первое на рѣкѣ Сальмисъ, причемъ взятъ былъ въ плѣнъ племянникъ шведскаго главнокомандующаго, бар. Армфельтъ; второе на рѣкѣ Пардакоски, гдѣ русскій отрядъ перешелъ рѣку вплавь, взялъ редутъ, 2 пушки и нѣсколько плѣн-

---

[1]) Я. Гротъ. Спренгтпортенъ. Журн. М. Н. Пр. 1885 г. май, стр. 10.

[2]) Донесеніе гр. Мусина-Пушкина 9-го іюля. Моск. Арх. М. Ин. Дѣлъ. Шведск. войн., связк. 2.

[3]) Эти и послѣдующія свѣдѣнія взяты изъ подлинныхъ донесеній гр. Мусина-Пушкина Императрицѣ, имѣющихся въ Московск. Главн. Арх. М. Иностр. Дѣлъ, а также выборгскаго губернатора генерала бар. Гюнцеля графу Брюсу.

ныхъ. Въ ночь на то же 12-е іюля непріятель подошелъ ближе къ Фридрихсгаму. Рѣка, протекающая въ полуторыхъ верстахъ, отдѣляла его отъ крѣпости, и потому съ этой стороны опасность была не особенно велика. Болѣе угрожало нападеніе со стороны моря, гдѣ, какъ сказано, шведскія суда ходили безпрепятственно и перехватывали провіантъ. Въ Петербургѣ сдѣлано было распоряженіе о посылкѣ туда также галерной эскадры, но исполненіе замедлилось, и она явилась на мѣсто гораздо позднѣе. Опасенія оправдались. Вскорѣ шведскій генералъ Сигерортъ прибылъ къ Фридрихсгаму на гребныхъ судахъ и высадился съ отрядомъ въ 4 тысячи человѣкъ. Онъ долженъ былъ дѣйствовать противъ крѣпости одновременно съ бывшимъ уже въ лагерѣ съ другой стороны корпусомъ. Для оказанія поддержки высадкѣ, въ ночь на 22-е іюля отъ послѣдняго посланъ былъ конный отрядъ въ обходъ Фридрихсгама чрезъ болота. Хотя русскимъ егерямъ удалось на время помѣшать этому движенію, причемъ захваченъ былъ у Шведовъ штандартъ и два офицера, тѣмъ не менѣе Фридрихсгамъ былъ отрѣзанъ отъ Выборга вмѣстѣ съ бывшимъ въ немъ подъ командою Левашева гарнизономъ. Этотъ генералъ, видя свое критическое положеніе съ малыми силами, хотѣлъ было отступить, но за это получилъ отъ Императрицы названіе труса, и вмѣсто него велѣно послать выборгскаго губернатора Гюнцеля [1]). Для дѣйствія противъ непріятеля авангардъ Михельсонова корпуса, бывшій въ Кайпіайсѣ [2]), выступилъ 27-го іюля къ Уттису. Здѣсь онъ подвергся нападенію Шведовъ, но, опрокинувъ ихъ, преслѣдовалъ за рѣку, причемъ многіе изъ бѣжавшихъ при переправѣ утонули.

Между тѣмъ въ шведской арміи возникли такія для Русскихъ неожиданныя обстоятельства, которыя привели къ не менѣе неожиданнымъ послѣдствіямъ.

---

[1]) Дневникъ Храповицкаго подъ 15-е іюля.

[2]) Нынѣ станція Петербурго-Гельсингфорской ж. д. на половинѣ пути; Уттисъ ближайшая за Кайпіайсомъ станція къ сторонѣ Гельсингфорса.

ГЛАВА IV.

Кампанія 1788.

I.

Измѣна Густаву финскихъ офицеровъ.

Отсутствіе военныхъ дарованій въ Густавѣ, принявшемъ на себя званіе главнокомандующаго, не подлежало сомнѣнію. Болѣе мѣсяца шведскія войска двигались въ разныхъ направленіяхъ безъ всякаго строго опредѣленнаго плана и не достигли другого результата кромѣ потери времени. Таковы приведенныя операціи близъ Фридрихсгама, хотя положеніе крѣпости, какъ выше указано, было совершенно критическое. Гигіеническія условія шведскаго войска были очень дурны, и оно гибло безъ всякаго сравненія болѣе отъ болѣзней нежели отъ столкновенія съ Русскими. Недостатокъ въ боевыхъ припасахъ останавливалъ дѣйствія какъ подъ Фридрихсгамомъ, такъ и подъ Нейшлотомъ, а бѣдность въ провіантѣ и деньгахъ плодила недовольство въ арміи. По удостовѣренію немногихъ русскихъ плѣнныхъ, возвращенныхъ впослѣдствіи, пища ихъ была въ плѣну самая скудная: на день выдавалось немного хлѣба и очень рѣдко немного мяса. Недостатокъ въ деньгахъ побудилъ Шведовъ чеканить русскіе пятаки для расплаты съ крестьянами.

Съ другой стороны политическая распущенность явно выражалась при всякомъ случаѣ. Въ офицерскомъ корпусѣ утратились самыя элементарныя понятія о воинской дисциплинѣ и о сознаніи долга предъ королемъ и отечествомъ. Многіе офицеры

вышли въ отставку при самомъ началѣ войны, ссылаясь на то, что она начата не въ законномъ порядкѣ, т. е. безъ согласія государственныхъ чиновъ. Старались поколебать вѣрность и въ солдатахъ, выставляя на видъ недостатокъ продовольствія и боевыхъ припасовъ, а также стращая преувеличенными размѣрами русскихъ силъ. Въ войскахъ распространяли революціонные памфлеты, въ которыхъ развивались соображенія о томъ, что государство основано на договорѣ между народомъ и королемъ, и объ обязанностяхъ послѣдняго, истекающихъ изъ такого договора.

Русскіе начальники старались воспользоваться этой неурядицей и завели переписку съ непріятельскими офицерами, сперва замаскированную, а потомъ и открытую. Прежде всего выборгскій губернаторъ Гюнцель нашелъ возможнымъ чрезъ одного купца, отправившагося къ Шведамъ подъ предлогомъ розыска пропавшаго судна, передать письмо бывшему при Густавѣ другу и оберъ-камеръ-юнкеру Армфельту, финляндцу по рожденію, родственнику и пріятелю захваченнаго предъ тѣмъ въ плѣнъ офицера бар. Армфельта [1]). Гюнцель отъ лица нѣкоего финляндца указывалъ на угрожающія Финляндіи несчастныя послѣдствія отъ начатой войны. Армфельтъ не замедлилъ отвѣтомъ, который и былъ переданъ, впрочемъ неподписанный, тѣмъ же купцомъ. Выражая и съ своей стороны несочувствіе войнѣ, Армфельтъ находилъ однако, что по приведеніи арміи въ порядокъ военныя дѣйствія будутъ продолжаться съ большимъ успѣхомъ. Впрочемъ, онъ предлагалъ себя къ возстановленію мира и находилъ, что предлогомъ для того можетъ послужить вымѣнъ плѣнныхъ, въ числѣ которыхъ есть близкіе ему люди. Армфельтъ выражалъ надежду, что если ему удастся удалить отъ короля одно лицо (вѣроятно графа Вреде, бывшаго за войну), то можно будетъ достигнуть прочнаго мира [2]).

---

[1]) Этотъ оберъ-камеръ-юнкеръ Армфельтъ былъ извѣстный впослѣдствіи, при Императорѣ Александрѣ I, членъ Государственнаго совѣта, генералъ-адъютантъ, графъ Густавъ-Морицъ Армфельтъ.

[2]) Вотъ письмо Армфельта въ современномъ переводѣ: «Писавшій ко мнѣ добромыслящій финляндецъ въ томъ не ошибся, что я финлян-

Какъ прямое послѣдствіе этой переписки явилось вскорѣ затѣмъ письмо Армфельта къ командовавшему Псковскимъ полкомъ бригадиру кн. Лобанову-Ростовскому отъ 27-го іюля. Оно было уже по королевскому повелѣнію, и рѣчь шла о размѣнѣ плѣнныхъ. Армфельтъ прибавлялъ: «что касается до меня, князь, то я былъ бы безконечно счастливъ, еслибы, избранный моимъ государемъ сказать первое слово соглашенія, я могъ считать съ сего дня возстановленіе союза и гармоніи, всегда составлявшихъ предметъ моихъ желаній и которые съ такимъ сожалѣніемъ видѣлъ я расторгнутыми, можетъ быть болѣе по недоразумѣніямъ и вслѣдствіе дурныхъ вліяній, нежели по волѣ двухъ госуда-

---

децъ, имѣю въ Финляндіи деревню, добрый сынъ отечества, другъ короля и противился войнѣ, которая не могла принести отечеству пользы, но въ случаѣ несчастія нанесла бы вредъ. Ненавидимый и проклинаемый всѣмъ народомъ измѣнникъ (безъ сомнѣнія Спренгтпортенъ—прим. авт.) возмутилъ нынѣшнія обстоятельства. Наглость, неосторожность и прочее россійскаго министра гр. Разумовскаго уничтожили все предпріемлемое къ успокоенію и утишенію вспыльчивыхъ, безпокойныхъ и тѣни боящихся нравовъ. Война открылась. Будучи начальникомъ,—сдѣлался я жертвой. Рѣшиться было не въ моей уже волѣ—умереть или побѣдить. Король прибылъ въ Гусала въ намѣреніи впереди арміи своей штурмовать Фридрихсгамъ. Къ предупрежденію столь опаснаго предпріятія, также по причинѣ продовольствія войскъ отступили мы сюда, можно сказать, по неволѣ, дабы по учрежденіи въ нужныхъ мѣстахъ магазейновъ, что весьма скоро въ порядокъ приведено будетъ, продолжать съ лучшимъ успѣхомъ военныя дѣйствія.— Таково теперешнее положеніе. Есть ли Россія хочетъ меня употребить къ пріобрѣтенію мира, то должно сіе учинить немедленно. Средства къ тому должны быть скрытны но сильны. Наприм. негоціація о вымѣнѣ плѣнныхъ, къ которой съ обѣихъ сторонъ особъ назначить должно. Есть ли удастся мнѣ единую особу удалить отъ короля, то уже не будетъ мнѣ препятствія въ достиженіи мира. Буде знатныя особы со мною словесно переговорить желаютъ, то сіе можно обыкновенной и прямой дорогой учинить, не нанося сумнѣнія, понеже родственники и друзья мои въ плѣну находятся. Ревность моя къ общему благу не требуетъ иного поощренія, какъ собственную мою совѣсть и честь. Моск. Арх. М. Ин. Дѣлъ, прилож. къ рапорту гр. Мусина-Пушкина 29-го іюня 1788 г., X связк. 3, л. 52.

рей, соединенныхъ узами родства и какъ бы созданныхъ для взаимной любви» [1]).

Гр. Мусинъ-Пушкинъ поспѣшилъ представить это письмо Императрицѣ, которая со своей стороны передала неожиданныя предложенія гр. Безбородкѣ для обсужденія съ вице-канцлеромъ Остерманомъ. Она выразила при этомъ, что находитъ неудобнымъ входить въ переговоры съ «вѣроломнымъ» королемъ, опасаясь вмѣстѣ съ тѣмъ остановить какъ дѣйствія Датчанъ противъ Шведовъ, такъ можетъ быть и внутреннія въ Швеціи замѣшательства, которыхъ русское правительство ожидало. Подлежитъ впрочемъ сомнѣнію: дѣйствительно-ли по желанію короля начинались эти переговоры, или это было на самомъ дѣлѣ только его «вѣроломство», т. е. хитрость, намѣреніе выиграть время, усыпить вниманіе Русскихъ. Всѣ дѣйствія Густава не только не показывали наклонности къ миру, но, напротивъ, направлены были къ продолженію и усиленію враждебныхъ дѣйствій.

Но прежде еще полученія письма Армфельта, изъ допроса захваченнаго въ плѣнъ капитана Тигерстедта обнаружилось, что финскими офицерами шведской арміи предъявлено къ своему начальству требованіе прекращенія войны, и даже оказано явное неповиновеніе самому королю. Показаніе это подтвердилось и другими свѣдѣніями. Выяснилось, что 23-го іюля, въ воскресенье, бывшіе подъ Фридрихсгамомъ полковые командиры фонъ-Оттеръ и Хестеско донесли королю, что нижніе чины абоскаго и бьернеборгскаго полковъ самовольно разобрали палатки и требуютъ обратнаго перехода въ шведскую Финляндію. Названные офицеры принадлежали прежде къ партіи Спренгтпортена. Они

---

[1]) Pour moi, mon prince, je serais infiniment heureux, si choisi par mon Maître de porter le premier les paroles de conciliation, je puisse dater de ce jour le rétablissement d'une union et d'une harmonie, qui a fait de tout temps l'objet de mes voeux, et que j'ai vu avec tant de regret rompu plus peut être par des malentendus et des mauvais esprits, que par la volonté des deux Souverains, unis par le lien du sang et si faits tous les deux pour s'aimer.—Храповицкій, подъ 29-мъ іюля. Рапортъ гр. Мусина-Пушкина отъ 28-го того же іюля.

представляли съ своей стороны, что при недостаткахъ арміи никакъ нельзя разсчитывать на успѣхъ дальнѣйшихъ дѣйствій; относительно же настроенія умовъ въ войскѣ предлагали справиться у солдатъ. Странны такія понятія о дисциплинѣ съ новѣйшей точки зрѣнія, требующей отъ воинскихъ чиновъ безусловнаго повиновенія и исполнительности. Но Густавъ дѣйствительно обратился къ солдатамъ съ вопросомъ: желаютъ ли они продолженія войны? Объясненіе происходило черезъ переводчика, такъ какъ король по-фински не говорилъ; однако обращеніе къ солдатамъ не только не подтвердило ссылки на нихъ офицеровъ, но и вызвало съ ихъ стороны горячія увѣренія въ полной готовности слѣдовать за своимъ королемъ и жертвовать за него жизнью. Слова свои они подтвердили клятвою. Этотъ великодушный порывъ побудилъ Густава дѣятельно приступить къ осадѣ Фридрихсгама. Но тогда нѣкоторые офицеры съ полковникомъ Хестеско во главѣ, рѣшительно заявили о невозможности исполнить это намѣреніе. Командовавшій генералъ Армфельтъ (дядя Армфельта, переписывавшагося съ русскими властями) по преклонности лѣтъ и слабости характера поддался вліянію революціонеровъ и въ тотъ же день, 23-го іюля, началъ отступленіе отъ Фридрихсгама. Около 100 офицеровъ подали въ отставку и готовились отправиться въ Швецію, называя войну незаконною. Гюнцель 24-го іюля доносилъ, что Шведы изъ всѣхъ мѣстъ поспѣшно ушли къ своимъ границамъ по оказанному неповиновенію отъ финскаго войска. Близкіе къ королю и преданные ему люди, въ томъ числѣ и племянникъ Армфельтъ, доказывали однако возможность возстановить дисциплину и взять крѣпость, но Густавъ упалъ духомъ и не питалъ надежды на успѣхъ при такомъ настроеніи офицеровъ. 26-го іюля [1]) онъ также снялся съ позиціи и отошелъ къ Гёгфорсу и Кюменегорду, въ юго-западномъ углу русской Финляндіи при границѣ, подъ прикрытіе своего галернаго флота. Но и здѣсь было не лучше: начальникъ флота Анкарсвердъ также заявилъ о необходимости заключить миръ. Прибывшее на судахъ изъ Свеаборга вспомо-

---

[1]) Рапортъ гр. Мусина-Пушкина Императрицѣ № 523.

гательное войско было отправлено обратно [1]). Къ русскимъ начальникамъ стали поступать отъ шведскихъ командировъ разныя мирныя предложенія.

Между тѣмъ въ одномъ изъ отрядовъ отступившихъ къ границѣ, и находившемся въ мѣстечкѣ Ликкала, началось совершенно особенное броженіе. Отрядъ состоялъ изъ 2.000 исключительно финскихъ войскъ, а среди офицеровъ было нѣсколько приверженцевъ Спренгтпортеновской идеи отдѣленія Финляндіи отъ Швеціи. Эти послѣдніе рѣшили, очертя голову, на свой рискъ и страхъ, повести переговоры о заключеніи мира исключительно отъ имени финской арміи, притомъ непосредственно съ Императрицей. Дѣло шло вмѣстѣ съ тѣмъ и объ отдѣленіи Финляндіи. Упомянутый уже старикъ Армфельтъ, командовавшій войсками, сперва не соглашался на предложенія заговорщиковъ. Но увольненіе его въ началѣ августа отъ командованія, согласно впрочемъ его прежней просьбѣ, и настоятельныя убѣжденія зятя его, маіора Клика,—одного изъ ревностнѣйшихъ въ свое время приверженцевъ Спренгтпортена,—склонили и его примкнуть къ заговору. Онъ былъ увѣренъ впрочемъ, что идетъ на патріотическое и даже пріятное королю дѣло.

Заговорщики не медлили, и Кликъ редактировалъ на шведскомъ языкѣ письменное предложеніе Императрицѣ Екатеринѣ, названное въ переводѣ сдѣланномъ при главной квартирѣ, «всеподданнѣйшимъ меморіаломъ». Въ другомъ случаѣ, въ объясненіи королю, Армфельтъ называлъ эту бумагу «нотою». Подписана она 29 іюня (9 августа) въ лагерѣ при деревнѣ Ликкала семью офицерами: Карломъ Густавомъ Армфельтомъ, командующимъ генералъ-маіоромъ; полковниками Севастіаномъ фонъ-Оттеромъ и І. К. Хестеско; подполковникомъ Отто Клингспоромъ; Г. фонъ-Котеномъ, шефомъ «здѣшней» конницы; Петромъ Энегіельмомъ, шефомъ баталіона пѣхоты, и Карломъ І. Кликомъ, оберъ-адъютантомъ. Восьмой участникъ, маіоръ Егергорнъ не подписалъ предложенія, но имѣлъ порученіе лично доставить его и дать нуж-

---

[1]) Тотъ же рапортъ гр. Мусина-Пушкина.

ныя объясненія. Приводимъ этотъ документъ въ переводѣ, сдѣланномъ при главной квартирѣ и представленномъ Императрицѣ Мусинымъ-Пушкинымъ при рапортѣ отъ 30-го іюля.

«Нижеподписавшіеся генералы и шефы здѣшнихъ финскихъ полковъ и корпусовъ, собравшихся по воинскому порядку и по повелѣнію для защищенія границы отъ намѣреннаго нападенія, а потомъ уже и для перехода оной и къ занятію оставленныхъ войсками Вашего Имп. Величества мѣстъ, удостовѣряютъ симъ, что все сіе учинено безо всякаго о прямомъ предметѣ свѣдѣнія; но приближась уже къ стѣнамъ Фридрихсгамскимъ узнали, что предпринятое совсѣмъ противно правости народной, которую мы, какъ сограждане, столько же сколько и воинскій долгъ наблюсти обязаны. По симъ обстоятельствамъ находились мы въ такомъ положеніи, что не знаемъ, какія принять средства къ исполненію патріотическаго долга нашего, такъ чтобы притомъ не нарушить и воинской должности. Однако же уповаемъ, что обѣ сіи обязанности исполняемъ, когда предъ Вашимъ И. Величествомъ всеподданнѣйше открываемъ и изъясняемъ искреннее желаніе всей націи, особенно финской, о возстановленіи мира и союза между обоими государствами, коковаго лишаемся нынѣ по причиненнымъ отъ нѣкоторыхъ безпокойныхъ особъ возмущеніямъ, затѣяннымъ, подъ видомъ общаго блага, къ достиженію одной только посторонней пользы. Симъ особамъ весьма легко было возбудить восхищеніе въ мысляхъ о прямомъ благѣ отечества несвѣдущихъ, дабы, пользуясь случаемъ, получить удовлетвореніе въ отнятомъ въ послѣднюю съ Россіею войну. И для того всемилостивѣйшему Вашего Имп. Величества благоразсмотрѣнію во всеглубочайшей преданности представить осмѣливаемся: не довольно-ли, къ возстановленію вѣчнаго мира для обоихъ государствъ столь полезнаго, ежели утвердится послѣдне бывшая между оными граница? Симъ бы можно прекратить способъ возмутителямъ къ дальнему нарушенію покоя, и ежели Вашему Имп. Величеству благоугодно будетъ удостоить народъ знàкомъ щедрости своея и прошедшее предать забвенію, то всеподданѣйше уповаемъ, что умножится та преданность, каковою наполнены сердца благодарныхъ сосѣдовъ. А дабы получить

удостовѣреніе о благопринятіи предлагаемаго нами именемъ націи, то отправили оберъ-адъютанта маіора Егергорна съ полною нашею довѣренностію, котораго съ нетерпѣливостью ожидаемъ обратно: въ каковомъ случаѣ и отзывъ Вашего Имп. Величества рѣшить долженъ, оставить ли намъ оружіе и возвратиться въ тишину, составляющую благо отечества, или же употребить оное образомъ приличнымъ и честнымъ, составляющимъ предметъ вѣрныхъ Шведовъ, презирающихъ всякую опасность и смерть въ оборонѣ своего отечества. А между тѣмъ дабы доказать склонность нашу къ миру, возвращаемся мы за границу и оставляемъ все занятое. Въ лагерѣ при деревнѣ Ликкала, августа 9 (іюля 29) дня 1788 г.» Затѣмъ слѣдовали вышеприведенныя семь подписей.

Такимъ образомъ семь или восемь офицеровъ, самозванныхъ представителей «финской націи», но они же впрочемъ въ текстѣ ноты называли себя и Шведами, требовали отъ русской Императрицы, хотя и въ почтительной формѣ, ни болѣе ни менѣе какъ обратной уступки всего того, что покорено было успѣхами русскаго оружія въ войну, окончившуюся абоскимъ миромъ. И это послѣ нѣсколькихъ небольшихъ сухопутныхъ стычекъ, вообще удачныхъ для Русскихъ, и послѣ дѣла при Готландѣ, окончившагося удаленіемъ шведскаго флота и взятіемъ, за два дня до подписанія меморіала, шведскаго корабля «Густавъ Адольфъ». Мысль объ отдѣленіи отъ Швеціи и объ установленіи самостоятельной Финляндіи въ посланіи прямо не выражалась, изъ опасенія встрѣтить въ русскомъ правительствѣ прямой отказъ, отчасти же можетъ быть и для того, чтобы не дать шведскому правительству повода, въ случаѣ огласки, найти въ поступкѣ заговорщиковъ противогосударственную цѣль. Но посланному съ бумагой Егергорну поручено было словесно выяснить виды на этотъ счетъ негоціаторовъ.

Чтобы скрыть отъ войскъ свою поѣздку въ Петербургъ, Егергорнъ, вмѣстѣ съ Клингспоромъ, до разсвѣта выѣхалъ изъ лагеря подъ предлогомъ осмотра постовъ. Чрезъ нѣсколько времени раздались выстрѣлы и Клингспоръ возвратился одинъ, объясняя, что онъ и Егергорнъ подверглись нападенію Рус-

скихъ и что онъ успѣлъ ускакать, а тотъ взятъ въ плѣнъ. Затѣмъ Егергорнъ въ тотъ же день 30-го іюля при рапортѣ Гюнцеля доставленъ къ главнокомандующему, а имъ немедленно, въ сопровожденіи фридрихсгамскаго капитанъ-исправника Клейгильса, отправленъ въ Петербургъ. Съ тѣмъ вмѣстѣ посланъ Императрицѣ и приведенный предъ симъ переводъ шведскаго меморіала.

Одновременно, по «наиубѣдительнѣйшимъ увѣреніямъ сего маіора», гр. Мусинъ-Пушкинъ позволилъ финскимъ войскамъ удалиться въ свои границы безъ преслѣдованія. Рѣчь шла безъ сомнѣнія о тѣхъ отрядахъ, которые 26-го іюля отрѣзали сообщенія Левашова. Что касается короля, то онъ оставался въ Кюменегордѣ всего съ шестью тысячами; поэтому Михельсону поручено было, приблизясь къ Фридрихсгаму, стараться вытѣснить и Густава изъ русскихъ предѣловъ.

Отправивъ Егергорна въ Петербургъ, заговорщики впали въ сомнѣніе, а можетъ быть поддались и страху отвѣтственности за сдѣланный ими шагъ, тѣмъ болѣе, что король извѣстился не только объ этой посылкѣ Егергорна, но и о перепискѣ между выборгскимъ губернаторомъ и шведскими офицерами. Къ числу ихъ принадлежалъ теперь и бар. Гастферъ, осаждавшій Нейшлотъ. Отвѣчая на вопросъ Густава, генералъ Армфельтъ представилъ ему 12 (1) августа, т. е. не далѣе трехъ дней по отъѣздѣ Егергорна, объяснительную записку. Въ ней, ссылаясь на человѣколюбіе короля, который не могъ равнодушно смотрѣть на несчастія отечества и тѣмъ болѣе быть ихъ причиною, онъ удостовѣрялъ, что единомышленники его имѣли будто бы намѣреніе довести до свѣдѣнія короля о всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ по полученіи отвѣта Императрицы. По его объясненію, все дѣло сводилось къ тому чтобы облегчить способы заключить непостыдный миръ, если Россія не желаетъ войны. Причиною такого исканія мира онъ выставлялъ то, что не только они, офицеры, но и солдаты «въ тишинѣ воздыхающіе и недовольно возженные любовью» къ королю и отечеству, желаютъ мира. Въ случаѣ же, если бы Россія показала себя дѣйствительно врагомъ, «мы всѣ—писалъ онъ—готовы сражаться

и умереть за васъ и отечество, въ границахъ ли, или внѣ оныхъ». Въ вящшее удостовѣреніе благонамѣренности своей и товарищей, онъ приложилъ копію съ документа, служившаго предметомъ обвиненія. Всѣ эти оправданія и увѣренія едва ли однако, произвели на короля успокоительное дѣйствіе. Напротивъ, воспріимчивый Густавъ совсѣмъ упалъ духомъ и незналъ за что приняться. Другъ его, упомянутый Густавъ Армфельтъ, записалъ въ своемъ дневникѣ, что бѣдный король внушалъ жалость. Онъ говорилъ объ отреченіи и думалъ только о томъ, какъ бы это исполнить [1]).

Дѣйствительно утвержденіе о «тихомъ воздыханіи солдатъ»— какъ сказано въ современномъ переводѣ записки Армфельта—и о недостаточной ихъ любви къ королю и отечеству—странно расходилось съ приведеннымъ выше энергическимъ удостовѣреніемъ въ преданности, явленнымъ подъ Фридрихсгамомъ солдатами полковъ, оклеветанныхъ начальниками ихъ Хестеско и фонъ-Оттеромъ. Объ отдѣленіи Финляндіи отъ Швеціи, о чемъ Егергорнъ долженъ былъ вести устные переговоры, въ объясненіи не было, разумѣется, и помина. Слѣдуетъ впрочемъ не упускать изъ виду, что Армфельтъ, бывшій на бумагѣ во главѣ всего дѣла и дававшій теперь объясненія, никогда не былъ наклоненъ ни къ какимъ враждебнымъ противъ короля дѣйствіямъ; напротивъ, онъ былъ искренно ему преданъ. Впослѣдствіи, по поводу имени его въ числѣ другихъ на меморіалѣ къ Императрицѣ, онъ писалъ своему брату: «если я сдѣлалъ этотъ шагъ, то исключительно по глупой довѣрчивости къ одному лицу (Клингспору), имѣвшему связи при дворѣ и столь же—какъ я полагалъ—преданному королю, какъ и я. Онъ убѣдилъ меня, что этотъ шагъ дастъ королю возможность начать переговоры о мирѣ». Съ другой стороны Армфельтъ былъ напуганъ угрозами отвѣтственности предъ государственными чинами за участіе въ незаконно начатой войнѣ; эти угрозы, по его словамъ, были во всѣхъ письмахъ его друзей. Не смотря однако на оправдательныя предъ Густавомъ объясненія Армфельта, заговорщики, подписавшіе вмѣстѣ съ нимъ «ноту» къ Импе-

---

[1]) Elof Tegnèr. Gustaf Mauritz Armfelt. T. I, стр. 244.

ратрицѣ, не только не прекращали своей агитаторской дѣятельности, но и вели ее еще съ большею энергіей дальше. Если въ Ликкала нашлось всего 8 человѣкъ, то въ мѣстечкѣ Аньяла вскорѣ оказалось уже до 100 офицеровъ, готовыхъ идти противъ воли короля и дѣйствовать самостоятельно. Они образовали конфедерацію, которая и получила свое имя по мѣстечку, гдѣ сформировалась. Возбужденіе, вызванное посылкою Ликкалаской ноты, достигло наивысшей степени. Конфедераты, на другой же день по отсылкѣ Армфельтомъ королю своего объясненія отъ 12-го числа, составили нѣчто въ родѣ договора о союзѣ между ними. Этотъ договоръ современный переводчикъ называлъ «условіемъ финской арміи». Въ немъ съ одной стороны выяснялась затруднительность положенія войска, съ другой поддерживались и оправдывались поведенные съ Петербургомъ самостоятельные переговоры о мирѣ. Впрочемъ конфедераты и здѣсь даже клятвенно удостовѣряли въ готовности умереть за отечество, если отъ Императрицы не послѣдуетъ согласія на миръ. Люди вопіющимъ образомъ нарушали свой долгъ и въ то же время искренно были увѣрены, что исполняютъ его со всею преданностью добрыхъ слугъ отечества и своего короля. Вотъ этотъ небезъинтересный для характеристики Аньяльской конфедераціи договоръ отъ 13 (2) августа, къ которому слабый Армфельтъ также не поколебался приложить свою руку [1].

«Когда собравшіяся для защищенія границъ, угрожаемыхъ, какъ думали вообще, непріятельскимъ нападеніемъ, войска во исполненіе королевскихъ повелѣній подступили къ Фридрихсгамскимъ стѣнамъ, то учинено было сіе въ силу новой формы правленія, предписывающей, что король арміею своею повелѣвать властенъ, по воинскому же уставу не дозволялось изслѣдовать, какъ далеко должно повиноваться или нѣтъ; но поелику во время похода нашего въ непріятельской области и

[1]) Документъ этотъ приводится также съ современнаго перевода, представленнаго Императрицѣ Екатеринѣ Спренгтпортеномъ. Какъ этотъ, такъ и другіе приведенные здѣсь переводы сдѣланы состоявшимъ при Спренгтпортенѣ надворнымъ совѣтникомъ Евграфомъ Сысоевымъ. Моск. Главн. Арх. Camp. Suéd. 1788. Sprengtporten, связк. 1, лист. 32, № 2.

подъ стѣнами Фридрихсгама не усмотрѣно со стороны россійскихъ военноначальниковъ кромѣ оборонительныхъ дѣйствій, то мы тогда и увѣрились совершенно, что не отъ Россіянъ, но отъ насъ самихъ учинено нападеніе.

«Яко сограждане, соблюдая святость формы правленія нами присягаемой и подающей народу право судить о надобности войны оборонительной, а какъ воины должны были повиноваться высокому нашему начальнику; приведены чрезъ сіе, яко истинные отечества сыны, въ самое труднѣйшее положеніе и чтобы удовлетворить симъ одна другой противящимся должностямъ нѣкоторые изъ насъ Его Королевскому Величеству всеподданѣйше о семъ представляли; но къ общему сожалѣнію нашему нужды наши на тотъ разъ оставлены были безъ вниманія.

«Съ тѣхъ поръ по неудачной экспедиціи, происшедшей отъ худыхъ распоряженій, отступя мы отъ Фридрихсгама перестали помышлять воевать и умирать со славою свойственною воину, увидя, что отечество чрезъ то не выиграетъ ничего; напротивъ того находилось въ такихъ уже обстоятельствахъ, что требовалось весьма благоразумныхъ и ревностныхъ начальниковъ, чтобы оное спасти отъ всеобщей гибели. Несчастныя сіи обстоятельства суть слѣдующія, а именно:

«Находящіяся въ нашихъ повелѣніяхъ войска, не бывшія никогда атакованы прежде, пока не учинили сами они нападенія, удостовѣрены, что непріязненность начата со стороны нашей и крайнѣ недовольны такою войною, которой сильные наши непріятели всячески стараются избѣгнуть.

«Они никакой не усматриваютъ въ томъ пользы для народа и увѣреніе въ семъ причиною, что въ націи, рожденной впрочемъ къ воинственности, исчезла вся храбрость; почему и воздыхаютъ они бѣдные теперь о тишинѣ ими оставленной, не промѣнивая оную на славу, а притомъ и не хотятъ вести войну съ такимъ народомъ, о коемъ думаютъ они, что желаетъ хранить съ ними союзъ. Сверхъ того обношенные мундиры въ здѣшней арміи, всеобщій недостатокъ въ припасахъ, трудность доставать провіантъ, доказывающаяся тѣмъ, что оный въ срокъ не полу-

чается, и скудость въ амуниціи усугубили еще болѣе неудовольствіе и унылость въ солдатахъ.

«Прикрываемая войсками нашими граница кажется охранена довольно и въ случаѣ нападенія готовы мы оную защищать до послѣдней капли крови; но какъ получено было изъ разныхъ мѣстъ печальное извѣстіе, что Россійскій флотъ, гораздо превосходнѣйшей силы нашему крейсеруетъ предъ Свеаборгомъ, оный взялъ и сжегъ одинъ изъ нашихъ линейныхъ кораблей, въ виду нашего флота и арміи, такъ что сіе несчастіе можно было видѣть съ валу наилучшей крѣпости въ Государствѣ, то и принуждены мы думать теперь, что всѣ шеры (шхеры) открыты для убійствъ и сожженія, представляя себѣ съ отчаянія, что должны мы благодарить не себя и оружіе наше, но человѣколюбіе Россіянъ, если въ отечествѣ нашемъ подобныхъ еще не было злоключеній; притомъ мы еще не знаемъ, какимъ образомъ полковникъ баронъ Гастферъ станетъ защищать отъ непріятельскаго нашествія Саволаксъ и въ случаѣ устрашенъ будетъ превосходствомъ силъ, то весь тотъ край будетъ открытъ, и въ то время спасеніе наше зависѣть будетъ точію отъ великодушія побѣдителя.

«Разсматривая страшную сію, но справедливую картину, вознамѣрились мы такъ, какъ прилагаемое при семъ прошеніе явствуетъ, прибѣгнутъ къ Ея Имп. Величеству и обнадежить Ее, какимъ образомъ нація мыслитъ. Кромѣ любви къ отечеству и попеченія о его благѣ, яко первѣйшія должности согражданина, обязываетъ насъ также вѣрность и присяга, коею мы клялись нашему королю, на сіе поступить; а особливо, когда увидѣли мы Его неустрашима, а окружающихъ особу Его, объятыхъ ужасомъ; тогда сочли мы за достойнѣйшее шведскаго мужа дѣло, подать средство между двумя коронованными Главами къ открытію негоціаціи, которая, сохраняя честь Государства, надѣемся, подѣйствуетъ больше нежели какая либо изъ чужестранныхъ державъ, могущая имѣть совсѣмъ посторонніе для Государства виды. Мы же напротивъ того въ семъ случаѣ слѣдуемъ одной любви къ отечеству и вѣрности къ нашему королю съ пожертвованіемъ даже собственныхъ своихъ выгодъ.

«Все сіе уваживъ и предъ всемогущимъ Богомъ видящимъ невинность нашихъ намѣреній мы нижеподписавшіеся святымъ именемъ его и нашею честію клянемся, что мы при пожертвованіи живота, крови и нашего имѣнія, будемъ стараться отвращать угрожающія отечеству нашему несчастія, а потому силою такой же между нами клятвы вступили въ союзъ и братство съ тѣмъ, чтобы во всемъ имѣющемъ какъ къ общимъ, такъ и частнымъ дѣламъ и ихъ безопасности отношеніе, совѣтовать и споспѣшествовать одинъ другому и въ случаѣ, если Ея Имп. Величество не благоволитъ согласиться на честный для націи миръ, то съ той самой минуты должны мы себя почитать обиженными лично и обязуемся потому живыми въ руки непріятеля не отдаваться, доколѣ отечеству не доставимъ миръ, спокойствіе и безопасность. С. А.»

Этотъ документъ, въ сущности однохарактерный съ первымъ объясненіемъ Армфельта, и въ извѣстномъ смыслѣ невинный, былъ также представленъ Густаву. Кромѣ того распространено было особое объявленіе, обращенное къ населенію какъ Финляндіи, такъ и Швеціи, въ которомъ оправдывались первоначальныя дѣйствія конфедератовъ. Сущность его была та же: предоставленіе королю возможности, не поступаясь своимъ достоинствомъ, заключить миръ; въ случаѣ же отказа со стороны Россіи, сражаться не щадя крови и жизни за короля и отечество [1]).

Густавъ не могъ однако удовлетвориться приведенными ему объясненіями и послалъ къ конфедератамъ своего генералъ-адъютанта бар. Лантингаузена для вразумленія. Этотъ послѣдній требовалъ именемъ короля письменнаго удостовѣренія, что заговорщики отступаютъ отъ всего ими сдѣланнаго и просятъ милости. Въ отвѣтъ на такую волю тотъ же Армфельтъ представилъ новое объясненіе, въ которомъ неоднократно увѣрялъ въ преданности, вѣрности и любви финскихъ войскъ къ королю, повторяя прежніе мотивы на разные лады. Особаго въ этомъ объясненіи было лишь то, что по словамъ Армфельта,

---

[1]) Тѣ же бумаги, № 7.

финская армія сочла бы себя покрытою безчестіемъ, если бы она перемѣнила мысли, «и ваше величество отдали бы государство преемнику своему не въ цѣлости». Дальше пояснялось, что такой образъ мыслей господствуетъ во всей финляндской арміи. Эти строки даютъ понять, что если не по бумагамъ, то по слухамъ Густаву сдѣлались извѣстны сепаратистскія затѣи нѣкоторыхъ конфедератовъ [1]).

[1]) Моск. Арх. М. Ин. Д. Camp. Suèd. 1788. Corresp. Sprengtporten, св. 1, лист. 36.—Вотъ объясненіе Армфельта, въ переводѣ № 4.—(Надпись краснымъ карандашомъ, рукою вѣроятно гр. Безбородко: NB о Финцовъ. Всѣ далѣе разрядкою отмѣченныя выраженія подчеркнуты тѣмъ же краснымъ карандашомъ).

Къ Его Королевскому Величеству, по случаю, когда баронъ Лантингаузенъ, именемъ его величества требовалъ письменнаго свидѣтельства, что они отступаются отъ всего того, что ими было сдѣлано и просятъ милости.

«Находящаяся здѣсь Финлянская армія поставляя себѣ за счастіе имѣть приверженность къ Особѣ В. Кор. Величества и отечеству, съ радостію пріемлетъ всѣ тѣ случаи гдѣ можетъ она изъявить оныя наиторжественнѣйшимъ образомъ.

«Бывъ увѣрены, что истинный согражданинъ долженъ всѣмъ жертвовать для возстановленія тишины въ любезномъ и отъ разныхъ сторонъ угрожаемомъ опасностію отечествѣ, старались изобрѣсть средство къ доставленію для В. К. В-ва случая начать мирные переговоры не оскорбляя ни мало чрезъ то высокаго В. В-ва достоянія. Такое попеченіе были бы мы крайне ревностны уступить кому либо другому, потому что никто не можетъ превзойти насъ въ усердіи, вѣрности и любви къ Вамъ, Всемилостивѣйшій Король и отечеству. Есть-ли негоціація будетъ намъ неудачна, то мы по меньшей мѣрѣ оставимъ Вашему Величеству воиновъ кои при увѣреніи о необходимости войны, достойны быть предводительствованы королемъ вольнаго народа; въ обоихъ сихъ случаяхъ надѣемся исполнить какъ для В. В-ва такъ и отечеству дѣйствительное служеніе.

«Затѣмъ соединились мы защищать до послѣдней капли государственныя границы и объявили безчестіе тому, кто сему намѣренію нашему не послѣдуетъ столько, поколику крайность силъ его то можетъ позволить сочли бы себя покрытыми безчестіемъ еслибы мы перемѣнили мысли и В. В-во нашимъ упуще-

Но, не смотря на горячія увѣренія Армфельта, заговорщики не могли удовлетвориться тѣмъ, что ими было уже сдѣлано: они находились на наклонной плоскости и неизбѣжно стремились все дальше и дальше отъ мнѣній къ требованіямъ. Дѣйствительно, по свидѣтельству шведскихъ историковъ, кромѣ приведеннаго взаимнаго обязательства, конфедераты составили другое заявленіе королю же, гдѣ излагалась въ нѣкоторомъ родѣ программа конфедераціи. Принимая во вниманіе общее будто бы неудовольствіе и опасное положеніе государства, они предлагали: заключить миръ съ Россіей, а до того тотчасъ же перемиріе; созвать общій сеймъ; точнѣе опредѣлить на сеймѣ форму правленія; возвратить войска въ обыкновенныя мѣста пребыванія; изъявить готовность удовлетворить законныя требованія гражданъ, возстановить права ихъ и пр. [1]).

Но вскорѣ оказалось и этого мало. Конфедераты нашли нужнымъ обратиться къ войску съ особымъ окружнымъ посланіемъ. Въ немъ программа изложена была съ большимъ еще развитіемъ подробностей. Указывались требованія участія въ сеймѣ, кромѣ представителей отъ четырехъ сословій, также и депутатовъ отъ войска и отъ чиновниковъ-землевладѣльцевъ; требовалось упраздненіе министерства финансовъ и возвращеніе къ прежнему порядку опредѣленія налоговъ, устраненіе казны отъ уплаты долговъ короля и назначеніе ему опредѣленнаго

ніемъ отдали бы государство воспріемнику своему не въ цѣлости. Мы бы тогда перенесть не могли взглядовъ оставшихся въ домахъ нашихъ соотчичей, боясь читать въ оныхъ къ себѣ презрѣніе.

«Таковой образъ мыслей владычествуетъ во всей Финляндской арміи, готовой для В. К. В. пожертвовать животомъ и кровію токмо чтобы былъ случай учинить то съ достоинствомъ ея состоянію приличнымъ. Она посвятила себя сражаться за отечество и за Васъ, Всемилостивѣйшій Король, коего честь почитаетъ она нераздѣльною отъ Государственной и отъ правъ каждаго согражданина, поставляя за счастіе защищать оныя, охраняя собственныя свои.—С. А(ремфельтъ—приписано краснымъ карандашомъ).

[1]) Брикнеръ, Аньяльская конфедерація, стр. 700; Koskinen, Finnische Geschichte, стр. 501.

дохода и т. п. Предъявлялось наконецъ требованіе о наказаніи виновниковъ настоящей войны [1]). Требованія, какъ легко видѣть, все росли и росли, и конфедерація, задавшаяся сперва примиреніемъ враждующихъ государствъ и протестомъ по поводу неправильно начатой войны, въ теченіе нѣсколькихъ дней пришла къ открытой революціи. Вмѣстѣ съ тѣмъ агенты конфедераціи расширяли районъ ея дѣйствій. Они явились и въ саволакскомъ полку, и этотъ послѣдній далъ съ своей стороны обязательство, въ которомъ признавалъ дѣло конфедераціи, равно какъ и созваніе государственнаго сейма, «который одинъ имѣетъ право продолжать и кончить войну», дѣломъ «самонужнѣйшимъ». Въ этомъ обязательствѣ саволакскій полкъ хотя и упоминалъ о томъ, что государственные чины сдѣлаютъ свои постановленія по означеннымъ предметамъ «съ согласія милостиваго нашего короля», однако кончилъ тѣмъ, что готовъ жертвовать кровью, жизнью и имѣніемъ уже не за короля и отечество, какъ писали первоначально аньяльцы, а на защиту до послѣдней крайности высказанныхъ конфедератами желаній [2]). Нѣтъ затѣмъ ничего необычайнаго въ томъ, что вскорѣ и самая личность короля не была уже въ безопасности: по нѣкоторымъ показаніямъ, между конфедератами шла рѣчь о задержаніи Густава, исполненіе чего и было поручено извѣстному уже пол-

---

[1]) Брикнеръ, тамъ же.

[2]) № 11 въ упомянутыхъ выше переводныхъ бумагахъ (лист. 44—45) «Саволакскаго полку обязательство. Дѣло истинныхъ сыновъ отечества, явленное командированными собратіями нашими въ Аньялѣ, по случаю желанія ихъ дабы какъ наискорѣе заключенъ былъ миръ, и чрезъ то несчастливо начавшаяся война была окончена, признаемъ за самонужнѣйшее, равно какъ и что созывъ государственныхъ чиновъ есть необходимъ, потому что одни только они, съ согласія милостиваго нашего короля имѣютъ право продолжать и кончить войну, припявъ такія распоряженія и мѣры, кои для возстановленія желаемаго спокойствія наиудобнѣе могутъ согласоваться съ честію и вольностію націи. Сіи только законныя и на любви къ отечеству основанныя пожеланія обязываютъ насъ оныя защищать по крайности силъ животомъ нашимъ, кровію и имѣніемъ.»

ковнику Хестеско, человѣку крайней рѣшимости и необузданности. Утверждаютъ даже, что не была устранена изъ соображеній нѣкоторыхъ членовъ конфедераціи и мысль о лишеніи короля жизни. Только поспѣшный отъѣздъ въ Швецію спасъ его. Но помимо даже такихъ крайнихъ рѣшеній, дѣло шло во всякомъ случаѣ объ уничтоженіи порядка, явившагося послѣдствіемъ переворота 1772 года, и оказавшагося возможнымъ только при сильномъ содѣйствіи Спренгтпортена и его товарищей, т. е. тѣхъ самыхъ людей, которые теперь съ такимъ увлеченіемъ ниспровергали его послѣдствія.

Въ составленіи всѣхъ этихъ программъ и бумагъ принималъ самое дѣятельное участіе упомянутый выше Кликъ, зять Армфельта. Совѣщанія происходили въ палаткѣ барона Маннергейма; онъ, вмѣстѣ съ Троилемъ, ѣздилъ по отрядамъ вербовать новыхъ адептовъ конфедераціи. Шла переписка и съ нѣкоторыми представителями оппозиціи въ Стокгольмѣ, къ числу коихъ принадлежали Штакельбергъ и де-Гееръ. Имена эти вновь встрѣтятся при разсмотрѣніи событій, сопровождавшихъ окончательное завоеваніе Финляндіи Россіею въ 1808 году.

Во всѣхъ однако этихъ протестахъ, обязательствахъ и программахъ конфедераты ни однимъ словомъ не обмолвились объ отдѣленіи или обособленіи Финляндіи въ какой бы ни было формѣ. Изо ста слишкомъ участниковъ, только очень немногіе мечтали о сепаратизмѣ, но и они, подъ вліяніемъ среды вовсе тому не сочувствовавшей, не смѣли облечь свои мечты въ болѣе конкретную форму письменнаго изложенія. Гласный же представитель ихъ Армфельтъ, какъ упомянуто, рѣшительно возмущался даже самою мыслію о такомъ ущербѣ королевству.

Между тѣмъ подписанное 29-го іюля (9-го августа) посланіе семи офицеровъ, бывшее въ Выборгѣ 30-го іюля, привезено Егергорномъ въ сопровожденіи капитанъ-исправника Клейгильса въ Петербургъ 31-го числа. Въ тотъ же день было послано за знатокомъ финляндскихъ дѣлъ Спренгтпортеномъ, который былъ на пути изъ Петрозаводска въ Сердоболь. Читать посланіе до того, какъ оно будетъ разсмотрѣно въ Государственномъ Со-

вѣтѣ, Екатерина не пожелала, хотя была довольна полученнымъ о немъ извѣстіемъ. Вице-канцлеръ Остерманъ и Безбородко подготовлялись къ отвѣту. Императрица сперва отложила личный пріемъ Егергорна до пріѣзда Спренгтпортена, но потомъ, когда возвращеніе послѣдняго замедлилось — только 5-го получилъ онъ отъ Тутолмина, уже въ Олонцѣ, приказаніе Екатерины — она нашла нужнымъ не откладывать далѣе свиданія съ финскимъ депутатомъ. Таковое состоялось 4-го августа. Егергорнъ былъ представленъ Мамоновымъ, который еще прежде видѣлся съ нимъ. Выслушавъ Егергорна, Императрица отвѣчала ему «что *надѣяться могутъ вспоможенія, во всемъ согласно съ пользою нашей Имперіи»* и велѣла ему явиться къ вице-канцлеру [1]).

О томъ, что говорилъ Егергорнъ при словесныхъ объясненіяхъ, имѣется при дѣлахъ краткая записка [2]). Егергорнъ далъ показаніе, отчасти повторяющее содержаніе приведенныхъ документовъ, т. е. о незаконности войны и о нежеланіи воевать съ Россіей. Онъ объяснялъ что объ этомъ объявляли и королю, когда пришли къ Фридрихсгаму. Они и ранѣе имѣли намѣреніе не воевать съ Россіей, но были введены королемъ въ русскіе предѣлы хитростью, такъ какъ онъ посылалъ туда войска малыми частями, а дабы не пожертвовать ими должны были идти и прочіе, собственно для подкрѣпленія ихъ. Егергорнъ говорилъ отъ лица финскихъ войскъ, но увѣрялъ что и шведскія войска всѣ такъ же расположены. Онъ пояснялъ, что если Императрица предложитъ Финляндіи быть независимою, то эта послѣдняя «тотчасъ на то согласится, а король принужденъ будетъ выйти, да и войска его, и національныя (финскія) его оставятъ; а буде бы онъ выйти началъ упорствовать, то въ таковомъ случаѣ употребятъ они посредства къ тому строжайшія». На вопросъ: извѣстно ли Армфельту (племяннику подписавшагося и другу короля) о намѣреніяхъ заговорщиковъ,

---

[1]) Дневникъ Храповицкаго подъ 4-мъ августа. Въ ковычкахъ собственныя слова Императрицы. Указъ гр. Мусину-Пушкину 4-го авг. 1788 г. См. Приложеніе № 12.

[2]) Моск. Главн. Арх. Camp. Suéd. 1788, X св. 3. Корр. Мусина-Пушкина, лист. 57.

Егергорнъ отозвался незнаніемъ; но пояснилъ, что при началѣ войны тотъ былъ противъ нея, а склоняли короля къ войнѣ фаворитъ его, маіоръ Вреде и генералъ-маіоръ Толь. Въ заключеніе объясненія Егергорнъ выразилъ сильное желаніе видѣть Спренгтпортена и прибавилъ, что финны имѣютъ къ нему большое довѣріе и потому предполагаютъ назначить его начальникомъ своихъ войскъ.

Спренгтпортенъ пріѣхалъ въ Петербургъ 8-го (19) августа и по свиданіи съ племянникомъ [1]) имѣлъ въ тотъ же день объясненіе съ Императрицей. Объ отдѣленіи Финляндіи, какъ видно изъ изложеннаго, Егергорнъ не хотѣлъ, или не умѣлъ выразиться опредѣленно; извѣстно впрочемъ, что заговорщики сами не довольно уяснили себѣ даже общія цѣли своихъ желаній. Поэтому Екатерина заподозрила Егергорна въ двоедушіи [2]). Въ сужденіяхъ же ея съ Спренгтпортеномъ, безъ сомнѣнія, рѣчь шла объ отторженіи Финляндіи отъ Швеціи, ибо всѣ его помышленія, также какъ и разные мемуары имъ поданные Екатеринѣ, прямо клонились къ этой цѣли. Способный болѣе къ увлеченіямъ нежели къ трезвому мышленію, онъ представилъ вѣроятно въ яркихъ краскахъ ожидаемыя отъ того, и пользы Россіи, и вредъ общему ихъ врагу Густаву. Какъ женщина, Екатерина поддалась этому увлеченію. По крайней мѣрѣ, какъ видно изъ Дневника Храповицкаго, Спренгтпортенъ былъ этотъ разъ у Императрицы довольно долго, а по выходѣ его она сказала: «Deux têtes chaudes s'entendent: dans un quart d'heure nous avons beaucoup fait [3]). Затѣмъ онъ былъ отправленъ въ Финляндію «для содѣйствія въ предполагаемомъ намѣреніи.»

Привезенное Егергорномъ посланіе было разсмотрѣно въ Государственномъ Совѣтѣ, и, по нелѣпости изложенной въ немъ просьбы отдать финляндцамъ завоеванную при Елизаветѣ Пет-

---

[1]) Спренгтпортенъ, какъ выше объяснено, приходился Егергорну дядей.

[2]) Я. К. Гротъ. Спренгтпортенъ. Журн. М. Нар. Пр. 1885 г., № 1 и 5.

[3]) Двѣ горячія головы понимаютъ одна другую: въ четверть часа мы много сдѣлали.

ровнѣ, а можетъ быть и Петромъ, часть Финляндіи, было разумѣется оставлено безъ вниманія. Составленный Остерманомъ отвѣтъ, на французскомъ языкѣ, былъ одобренъ Императрицею въ тотъ же день, а на другой, 9 (20) августа, окончательно переписанъ и отданъ Егергорну. Вотъ его полный текстъ [1].

«Les intentions pacifiques de l'Imperatrice à l'égard de la Suède ne peuvent être méconnues, ni ignorées d'aucun Suédois éclairé et impartial; la Finlande surtout, comme la voisine la plus immédiate de la Russie, a éprouvé les effets de ses dispositions favorables, lorsqu'en 1785 dans le besoin de la disette, Sa M. I. lui fit ouvrir les magazins préparés pour la subsistance de ses propres sujets. A présent même que la guerre la plus injuste et la plus destituée de son fondement légitime fut suscitée par le roi de Suède, l'Impératrice a parfaitement sçu distinguer les mouvements du Prince d'avec ceux de ses sujets. Elle est bien loin de les confondre dans le ressentiment que ce procédé doit naturellement exciter dans son âme.

«Elle n'a pu donc apprendre qu'avec satisfaction ces sentiments qui animent l'armée finnoise et la résolution qu'elle vient de prendre et d'exécuter de se soustraire à la séduction qu'on a employée pour l'entrainer à une invasion dans les frontières de la Russie; mais quelque conforme que soit ce pas aux principes d'humanité et de générosité qui guident Sa M. I., lui reste à désirer que les voeux de la nation finnoise pour le rétablissement de l'ancien bon voisinage et de l'ancienne bonne harmonie soient manifestés par la réunion d'un plus grand nombre de citoyens et revêtus de la forme représentative qui puisse leur donner une sanction loyale et authentique. Pour cet effet et en considérant la délicatesse de la position actuelle des affaires, tous ceux qui participent aux intentions salutaires énoncées dans le mémoire présenté à Sa M. I. par le major de Jägerhorn, ne doivent pas différer de se conserter ensemble et de se former en un corps représentant qui puisse traiter légitimement des interêts de la patrie et les régler définitivement de la manière la plus analogue à son bien-être présent et à venir.

---

[1]) Онъ взятъ съ имѣющейся при дѣлахъ Моск. Главн. Арх. копіи.

«Le Général Comte de Moussin-Pouschkin commendant en chef les troupes de l'Impératrice en Finlande sera autorisé non seulemant de prolonger cette mesure traitable, mais lorsqu'elle sera une fois exécutée, d'écouter les députés finnois qui lui seront envoyés de la part de ce corps et d'administrer tous les secours nécessaires pour conduire à une bonne fin cette entreprise patriotique; ce n'est qu'a cette époque que S. M. l'Impératrice pourra faire éclater avec plus d'étendue tous les sentimens magnanimes et bienveillants dont Elle est animée envers la nation finnoise.

«Mais avant tout les troupes finnoises proprement dites doivent évacuer les frontières de la Russie. Il n'est plus à espérer que le Roi de Suède à la tête des siennes détermine de bon gré au même parti. Dans ce cas la dignité de Sa M. I. ainsi que le bien-être de ses sujets exigent, qu'elles en soyent non seulement delogées de vive force, mais même poursuivies dans leur retraite, et alors l'entrée des troupes russes pourrait devenir nécessaire; mais après les sentimens que quelques-uns des chefs et des officiers de l'armée finnoise viennent de témoigner et lorsque ces mêmes sentimens se seront communiqués aux autres citoyens du Grand Duché de Finlande, l'entrée des troupes russes et leur séjour dans ce pays, bien loin de servir à l'oppression et au préjudice des habitans, concourront au contraire à établir et à consolider parmi eux une existance politique et civile telle que tous les bons patriotes et les bons esprits désirent ou doivent désirer, pour parvenir à un bien-être réel et imperturbable. S-t Pétersbourg, le 9 d'août 1788 [1]).

---

[1]) Мирныя намѣренія Императрицы въ отношеніи къ Швеціи не могутъ не быть извѣстны просвѣщеннымъ и безпристрастнымъ Шведамъ; Финляндія особенно, въ качествѣ непосредственной сосѣдки Россіи, испытала проявленіе этого благорасположенія въ 1785 году, когда при бывшемъ голодѣ, Ея И. В-во повелѣла открыть для Финляндіи магазины, приготовленные для продовольствія собственныхъ подданныхъ. Даже и теперь, когда самая несправедливая и беззаконная въ своихъ основаніяхъ война начата шведскимъ королемъ, Императрица вполнѣ признавала различіе между побужденіями государя и его подданныхъ. Она очень далека отъ того, чтобы не различить ихъ, не смотря на негодованіе, которое поступокъ этотъ естественно возбуждаетъ въ душѣ Ея. Поэтому съ чувствомъ удовлетворенія приняла Она выраженіе

Отвѣтъ этотъ не былъ никѣмъ подписанъ и въ такомъ видѣ переданъ Егергорну, который тщетно домогался хотя бы под-

---

воодушевляющаго финскую армію настроенія и извѣстіе о принятомъ и исполненномъ ею рѣшеніи устраниться отъ соблазна, который увлекъ ихъ въ русскіе предѣлы. Но сколько бы ни былъ шагъ этотъ согласенъ съ принципами человѣколюбія и великодушія, руководящими Ея И. В-вомъ, Ей всетаки остается желать, чтобы стремленія финскаго народа къ возстановленію стариннаго добраго сосѣдства и согласія были выражены собраніемъ бо̀льшаго числа гражданъ и облечены въ представительную форму, которая дала бы имъ законное и достовѣрное утвержденіе. Съ этою цѣлью, и во вниманіе къ щекотливости настоящаго положенія вещей, всѣ тѣ, кто раздѣляетъ спасительныя намѣренія изложенныя въ мемуарѣ представленномъ Ея И. В-ву маіоромъ Егергорномъ, должны немедля согласиться между собою и составить представительное собраніе, которое могло бы войти въ законныя сношенія о пользахъ своего отечества и окончательно установить порядокъ, наиболѣе соотвѣтственный настоящему и будущему ихъ благосостоянію.—Генералъ гр. Мусинъ-Пушкинъ, главнокомандующій войсками Императрицы въ Финляндіи, будетъ уполномоченъ не только продлить нынѣ обсуждаемое мѣропріятіе, но и выслушать финскихъ депутатовъ кои къ нему присланы будутъ отъ этого собранія, и распорядиться всѣми необходимыми пособіями, чтобы привести это патріотическое дѣло къ благополучному окончанію. Только тогда Ея И. В-во можетъ явить въ большей мѣрѣ великодушныя и благосклонныя чувства, одушевляющія Её въ отношеніи финскаго народа.—Но прежде всего финскія собственно войска должны очистить границы Россіи. Нельзя надѣяться, чтобы шведскій король во главѣ своихъ войскъ рѣшился на это по доброй волѣ. Въ такомъ случаѣ достоинство Ея И. В-ва и благо Ея подданныхъ требуютъ, чтобы войска эти не только были вытѣснены силою, но и преслѣдуемы, и тогда вступленіе русскихъ войскъ (въ шведскую Финляндію) сдѣлается необходимымъ. Но за выраженными со стороны нѣкоторыхъ начальниковъ и офицеровъ финскаго войска чувствами, и если эти чувства сообщены будутъ и другимъ гражданамъ Велик. Княж. Финляндскаго, вступленіе русскихъ войскъ и пребываніе ихъ въ этой странѣ не только не поведетъ къ притѣсненію, или во вредъ жителямъ, но будетъ напротивъ способствовать установленію и упроченію такого политическаго и гражданскаго быта, котораго желаютъ и должны желать всѣ истинные и разумные патріоты, дабы достигнуть дѣйствительнаго и ненарушимаго благосостоянія. С.-Петербургъ, 9-го августа 1788 г. (Безъ подписи).

писи вице-канцлера. Такой отказъ Храповицкій въ своемъ Дневникѣ мотивируетъ опасеніемъ, «чтобы какимъ либо недоброхотнымъ не былъ доставленъ королю» [1]). Но едва ли это была существенная причина. Главнѣе, вѣроятно, было то что правительство не хотѣло вообще облечь въ оффиціальную форму сношеніе съ какой-то подозрительною горстью людей, явившихся самозванными представителями народа, къ тому же неимѣвшаго самостоятельнаго существованія. Все дѣло имѣло характеръ интриги, а интриги, какъ извѣстно, не закрѣпляются подписями, тѣмъ болѣе высшихъ чиновниковъ въ государствѣ. Кромѣ отвѣта, Егергорнъ получилъ еще въ подарокъ перстень и 500 червонцевъ и отправленъ въ обратный путь. 11-го (22) августа, вечеромъ, его доставили въ мѣстечко Віалу на границѣ, и переправили черезъ рѣку.

Отвѣтъ, разумѣется, не удовлетворилъ заговорщиковъ; они даже заподозрили его подлинность. Никѣмъ неподписанная бумага представлялась тѣмъ большею насмѣшкою, чѣмъ больше были ихъ претензіи. Безъ сомнѣнія форма была вѣжлива и повидимому благожелательна, но что же дальше? На изъясненіе искренняго желанія націи возстановить миръ и союзъ отвѣчаютъ: это хорошо, но мы вамъ не имѣемъ основанія довѣрять. Соберите дѣйствительныхъ и легальныхъ представителей народа, и тогда только могутъ начаться законныя сношенія и соглашенія. На вопросъ, въ которомъ сквозила даже угроза: слѣдуетъ-ли намъ оставить оружіе и возвратиться къ своему очагу, или же употребить его на оборону своего отечества?—отвѣчаютъ безапеляціонно: прежде всякаго разговора извольте очистить русскую территорію. Безсмысленное предложеніе возвратить часть края, пріобрѣтеннаго русскою кровью, оставлено даже безъ упоминанія, а взамѣнъ того обѣщано вступить и въ ихъ землю, если король не оставитъ русскихъ предѣловъ по доброй волѣ. Мало того, безобидное прохожденіе войскъ обѣщано только въ томъ случаѣ, если все населеніе Финляндіи будетъ также покорно, какъ и объясненія этихъ восьми офицеровъ. Отвѣтъ на вопросъ,

---

[1]) Подъ 10-мъ августа.

наконецъ, объ отдѣленіи Финляндіи отъ Швеціи былъ округленъ въ такія фразы, которыя едва-ли не лишали всякой надежды на помощь Россіи: пусть собраніе представителей разрѣшитъ сперва всѣ вопросы, главнокомандующій выслушаетъ тогда депутатовъ, окажетъ свое содѣйствіе въ патріотическомъ дѣлѣ (какомъ?), и только тогда Императрица проявитъ свои великодушныя и благосклонныя чувства.... Очевидно, все оставлялось на плечахъ заговорщиковъ; не было для нихъ даже утѣшенія найти въ анонимномъ отвѣтѣ указаніе на то, что Императрица готова на миръ. Этимъ, по крайней мѣрѣ, могли они оправдаться предъ Густавомъ. Напротивъ, королю именно угрожали прогнать силой, если не уйдетъ по доброй волѣ. Неудивительно, что конфедераты заподозрили самого Егергорна въ дѣйствительномъ исполненіи порученія, а распространившаяся вскорѣ вѣсть о полученныхъ имъ подаркѣ и червонцахъ еще болѣе усилила ихъ подозрѣнія. Во всякомъ случаѣ они могли наглядно убѣдиться въ легкомысліи своего обращенія съ «нотою» къ Императрицѣ, и полученный отвѣтъ произвелъ отрезвляющее дѣйствіе на многихъ.

Черезъ день по возвращеніи Егергорна, конфедераты съ Армфельтомъ во главѣ поспѣшили представить полученный отвѣтъ королю, сопровождая его небольшимъ письменнымъ докладомъ. На основаніи отвѣта они въ самыхъ почтительныхъ выраженіяхъ просили о созваніи сейма, увѣряя въ своей преданности на вѣки. Но для замаскировки-ли непріятной сущности петербургской бумаги, или же для того, чтобы болѣе склонить Густава на ихъ просьбу, они объяснили намѣренія Императрицы въ такихъ выраженіяхъ которыя наименѣе соотвѣтствовали не только дѣйствительному положенію вещей, но и самому даже изложенію отвѣта. «Ея Имп. В-во изволила объявить—писали они—что... для наивящаго миролюбивыхъ Ея склонностей доказательства *Она повелѣла прекратить всѣ непріязненности*, коль скоро изъ областей Ея выведены будутъ войска вашего королевскаго величества, равно какъ и что она готова вступить въ прочный и искренній миръ со Швеціею, только бы ваше величество того возжелать соизво-

лили». Если можно еще найти въ отвѣтѣ нѣкоторое основаніе для первой части фразы, то для остальной ея половины нѣтъ уже ничего: нигдѣ не было даже и намека на то, чтобы Екатерина съ радостью такъ сказать готова была на миръ лишь бы врагъ ея того пожелалъ. И этому есть доказательство: въ московскомъ главномъ архивѣ находится переводъ разсматриваемаго донесенія Армфельта королю. Эту бумагу, какъ и другія, гр. Безбородко читалъ съ краснымъ карандашемъ въ рукѣ, подчеркивая и дѣлая иногда отмѣтки. Отмѣченную выше фразу: «она повелѣла прекратить всѣ непріязненности»—онъ подчеркнулъ и написалъ на полѣ: «солгано»; а затѣмъ все послѣдующее изложеніе о готовности Императрицы на миръ, если только того захочетъ король,—онъ отчеркнулъ сполна и написалъ «все солгано» [1]).

Вслѣдъ за возвращеніемъ Егергорна пріѣхалъ въ Выборгъ 12 (23) августа и Спренгтпортенъ, и начались его непосредственныя сношенія съ конфедератами. Къ этому предстоитъ еще

---

[1]) Вотъ полный текстъ перевода съ донесенія Армфельта королю отъ 24-го августа 1788: «Въ доставленномъ вашему кор. вел-ву отъ имени войскъ здѣшней арміи всеподданѣйшемъ донесеніи отъ 12-го числа сего мѣсяца обѣщали мы вашему вел-ву всеподданѣйше сообщить, какой именно на поданную нами ноту отъ Ея Импер. Вел-ва всероссійской отвѣтъ воспослѣдуетъ. Оный теперь мы получили и поспѣшаемъ его вашему кор. величеству всеподданѣйше представить. Ея Имп. Вел-во изволила объявить, что она никогда не была намѣрена нападеніе учинить на шведское государство и для наивящшаго миролюбивыхъ ея склонностей доказательства о н а п о в е л ѣ л а п р е к р а т и т ь в с ѣ н е п р і я з н е н н о с т и (рукой Безбородко: с о л г а н о) коль скоро изъ областей ея выведены будутъ войска в. кор. вел-ва, равно какъ и что она готова вступить въ прочный и искренный миръ со Швеціею, только бы в. в-во того возжелать соизволили (рукой Безбородко: в с е с о л г а н о). По поводу чего дерзаемъ мы всеподданѣйше просить в. к. вел-во о созывѣ государственнаго сейма. Если которое время мятежно и требуетъ поспѣшной помощи, то оное всеконечно теперь, и отъ кого в. к. вел-во ожидать можете сильнѣйшаго пособія, какъ не отъ своихъ вѣрныхъ и преданныхъ подданныхъ, пребывая между тѣмъ со всеглубочайшимъ подданническимъ благоговѣніемъ и ревностію на вѣки. С. А.»

возвратиться, а теперь взглянемъ, что дѣлалось въ восточной части Финляндіи.

II.

Конецъ кампаніи 1788.

Пришедшій 2-го августа въ Олонецъ петрозаводскій отрядъ простоялъ тамъ нѣсколько дней, комплектуясь драгунами. Тѣмъ временемъ Спренгтпортенъ 5-го числа получилъ экстренное повелѣніе Императрицы прибыть немедленно въ Петербургъ для извѣстныхъ уже объясненій съ Егергорномъ. Отрядъ затѣмъ пріостановился. Намѣстникъ Тутолминъ не смѣлъ самъ распорядиться дальнѣйшимъ его движеніемъ, такъ какъ глядѣлъ на Спренгтпортена какъ на лицо, облеченное особымъ высочайшимъ довѣріемъ, и его побаивался. Непосредственныя заявленія намѣстника не имѣли вліянія на послѣдняго. Поэтому онъ обратился уже къ силѣ графа Безбородко и просилъ «сказать ему, Спренгтпортену, хоть одно слово», что онъ желаетъ, чтобы отрядъ прибылъ поскорѣе къ Сердоболю [1]). Движеніе это исполнилось впрочемъ само собою, согласно прежнему еще распоряженію. Но дальнѣйшее наступленіе къ границѣ и далѣе, предположенное въ двухъ направленіяхъ, авторъ проекта диверсіи нашелъ уже не нужнымъ. Въ этомъ смыслѣ и отвѣчалъ Безбородко Тутолмину (11-го августа). Къ соображеніямъ Спренгтпортена во всемъ касавшемся этой экспедиціи относились вообще безъ критики: ихъ только исполняли, заявленіямъ же Тутолмина давали въ Петербургѣ мало значенія. Вѣроятно Спренгтпортенъ, всегда увлекающійся, поговоривъ съ Егергорномъ вообразилъ себѣ, что войну слѣдуетъ считать конченною и остановилъ свою диверсію, или по крайней мѣрѣ находилъ ее несоотвѣтствующею начавшимся переговорамъ съ финскимъ офицерствомъ. Но еще вѣроятнѣе то, что имѣя собственное честолюбіе на первомъ

---

[1]) Письмо Тутолмина къ гр. Безбородко отъ 6-го августа 1788. Моск. Главн. Арх.

планѣ, онъ не находилъ уже болѣе эту экспедицію выгодною лично для себя. Иначе, какъ средство воздѣйствія на Густава, она сохраняла всю свою силу; съ цѣлію именно такого воздѣйствія, по отступленіи Шведовъ отъ Фридрихсгама, Михельсонъ подвинулъ свои войска къ р. Кюмени, дабы тѣснить короля и заставить его покинуть Гёгфорсъ.

Но подъ Нейшлотомъ произошелъ оборотъ дѣлъ, который оправдывалъ въ нѣкоторой мѣрѣ отмѣну диверсіи, хотя распоряжаясь ею, Спренгтпортенъ еще ничего о перемѣнѣ не зналъ. Выше было сказано что Гастферъ началъ бомбардировать крѣпость 26-го іюля (6-го августа). Огонь съ обѣихъ сторонъ продолжался энергично 27-го и 28-го числа. Въ этотъ день, послѣ семичасовой бомбардировки, явился въ крѣпость трубачъ съ приглашеніемъ прекратить огонь, такъ какъ отъ выборгскаго губернатора прислана эстафета, о содержаніи которой комендантъ будетъ потомъ увѣдомленъ. Кузьминъ согласился на пріостановку огня, съ тѣмъ чтобы Шведы не производили во время ея никакихъ работъ, ни передвиженій войска. Въ 5-мъ часу трубачъ вновь явился, но вмѣсто обѣщанныхъ объясненій принесъ лишь подорожную, съ которой прибылъ выборгскій посланный; коменданту передано при этомъ, чтобы онъ имѣлъ терпѣніе, такъ какъ черезъ нѣсколько дней ему дано будетъ разъясненіе присланныхъ извѣстій; въ противномъ случаѣ ему предоставлялось возобновить пальбу. Бомбардировка затѣмъ продолжалась, причемъ Кузьминъ еще усилилъ свои батареи. Однако на другой день непріятель не возобновлялъ осаднаго огня вовсе; шла лишь ружейная перестрѣлка, которая тянулась и послѣдующіе дни, но еще болѣе вяло. Съ 4 (15) августа началось у Шведовъ движеніе на судахъ, но не по направленію къ крѣпости, а напротивъ—отъ нея; по судамъ Русскіе стрѣляли изъ пушекъ.

Всѣ эти необычайныя и отчасти загадочныя происшествія объясняются однако довольно просто. Фонъ-Гюнцель, выборгскій губернаторъ, войдя сперва въ негласное сношеніе съ племянникомъ Армфельтомъ, а потомъ узнавъ уже оффиціально объ удаленіи непріятельскаго войска послѣ оказаннаго офице-

рами 23 іюля неповиновенія королю, призналъ нужнымъ воспользоваться этимъ обстоятельствомъ для воздѣйствія и на отрядъ, блокировавшій Нейшлотъ, и нашелъ тамъ удобную почву. Въ выборгскомъ намѣстничествѣ былъ нѣкто Пистолькорсъ, земскій судья, имѣвшій помѣстья въ окрестностяхъ Нейшлота и давно хорошо знакомый не только со многими офицерами блокировавшаго корпуса, но и съ самимъ Гастферомъ. Гюнцель воспользовался Пистолькорсомъ, для того чтобы изобразить этимъ его пріятелямъ въ яркихъ краскахъ послѣдовавшее отступленіе Шведовъ изъ русскихъ предѣловъ, и пригласить и ихъ сдѣлать то же. Онъ долженъ былъ увѣрить что Гюнцель берется, дабы предупредить кровопролитіе, уговорить главнокомандующаго остановить движеніе генерала Шульца, который будто бы въ значительныхъ силахъ идетъ на Саволакскій отрядъ, имѣя повелѣніе не только вытѣснить Шведовъ изъ русскихъ предѣловъ, но и преслѣдовать на собственной ихъ территоріи [1]).

Съ другой стороны Аньяльская конфедерація поспѣшила распространить свое вліяніе на нейшлотскій лагерь. Саволакскимъ полкомъ дано обязательство поддерживать дѣло конфедераціи. Помощникъ Гастфера по командованію саволакскимъ корпусомъ, гр. Стединкъ, преданный королю и близкій ему человѣкъ, еще отъ 25 іюля (5 августа) сообщилъ Густаву объ успѣхахъ, дѣлаемыхъ заговоромъ. «Если я не ошибаюсь,—писалъ онъ,—то уже ведутся тайные переговоры съ непріятелемъ. Наши войска утомлены и чувствуютъ себя изолированными. Финскіе солдаты желаютъ вернуться домой. Въ случаѣ нападенія Русскихъ мы всѣ можемъ быть взяты въ плѣнъ. У насъ только и говорятъ объ отступленіи, и если бы не противились этому нѣкоторые, то оно уже было бы исполнено [2]).» Все это объясняетъ непонятныя на первый взглядъ заявленія, сдѣланныя чрезъ трубача коменданту. Самая бомбардировка крѣпости, начавшаяся только 26-го іюля, т. е. уже послѣ того, какъ Сте-

---

[1]) Рапортъ гр. Мусина-Пушкина отъ 13-го августа.

[2]) А. Г. Брикнеръ. Аньяльская конфедерація.

динкъ писалъ королю о возможности отступленія, могла быть лишь pro forma, чтобы избѣжать укора въ явномъ бездѣйствіи, тѣмъ болѣе что въ это время на Кюмени Шведы повсемѣстно уже отступали. Дѣйствительно, недолго спустя и Гастферъ рѣшился уйти обратно за границу, и просилъ только распоряженія—не стрѣлять съ крѣпости по отступающимъ, когда они будутъ проходить близъ нея на судахъ. 7-го августа движеніе ихъ очень усилилось: съ укрѣпленій насчитали на озерѣ до 17-ти судовъ съ большимъ числомъ посаженнаго на нихъ войска. А ввечеру вновь вызванъ былъ изъ крѣпости парламентеръ, которому Стединкъ въ учтивыхъ выраженіяхъ заявилъ, что получилъ повелѣніе удалиться отъ русскихъ границъ, и что хотя не можетъ увѣрить въ возстановленіи мира, но имѣетъ на то надежду. Комендантъ былъ приглашенъ занять оставленныя Шведами мѣста, въ предупрежденіе грабежа со стороны мѣстнаго населенія. Всю ночь продолжалось движеніе удаляющихся отрядовъ, и 8-го августа близъ крѣпости ихъ вовсе уже не оставалось. Шведы отошли на 32 версты и расположились въ 7-ми верстахъ отъ границы. Генералъ фонъ-Шульцъ сталъ медленно подвигаться впередъ, занимая оставленныя ими мѣста [1]).

Такъ окончилась эта, можно сказать шуточная осада Нейшлотской крѣпости. Убито за все время двое нижнихъ чиновъ; отъ болѣзней умерло 27. Крѣпость имѣла однако вовсе не шуточное значеніе для обороны съ этой стороны русскихъ владѣній. Съ ея паденіемъ открывалась дорога и въ тылъ русскому корпусу, и къ самому Петербургу. Не даромъ Густавъ

[1]) Дневной журналъ нейшлотскаго коменданта; рапорты Мусина-Пушкина 13-го и 14-го августа.—А. Г. Брикнеръ въ изслѣдованіи своемъ (стр. 718), приведя выдержку изъ письма Стединка королю отъ 19 (30) августа, говоритъ: тотчасъ послѣ этого Гастферъ совершилъ свое отступленіе. Это несогласно съ оффиціальными русскими документами, на основаніи которыхъ приведены вышеизложенныя даты. Быть можетъ, не слѣдуетъ ли указанное 19-го августа считать не по старому, а по новому стилю, т. е. не 19 (30), а 8 (19); тогда оно совпадаетъ съ русскими данными, хотя 8-го августа не началось, а окончилось отступленіе отъ Нейшлота.

*

давалъ большое значеніе взятію этого мѣста. Еще въ послѣдніе дни, не зная объ исполненномъ уже отступленіи, онъ писалъ Гастферу настоятельныя требованія продолжать осаду. Понятно поэтому его неудовольствіе, когда все случившееся сдѣлалось ему извѣстнымъ. Но совсѣмъ непонятна оказанная имъ вмѣстѣ съ тѣмъ снисходительность къ Гастферу: ослушникъ не только не подвергнутъ примѣрному взысканію, но и оставленъ при командованіи. Объяснить это можно развѣ тѣмъ довѣріемъ, которое питалъ къ Гастферу гр. Стединкъ, постоянно писавшій королю о немъ и о его преданности самые удовлетворительные отзывы. Но послѣдующія событія показали всю недальновидность Стединка: переговоры съ Русскими вели не столько офицеры корпуса Гастфера, сколько онъ самъ, притомъ на почвѣ чисто личныхъ расчетовъ.

Такимъ образомъ, когда Егергорнъ возвратился 11-го августа вечеромъ изъ Петербурга восвояси съ отвѣтомъ на ноту, по всей шведской линіи послѣдовало уже отступленіе за границу. Только въ югозападномъ уголкѣ русской Финляндіи, близъ Гёгфорса и Кюменегорда, въ крѣпкой позиціи за рукавами рѣки Кюмени засѣлъ шведскій король. Со стороны моря въ его распоряженіи было до 30 судовъ шхернаго флота. Къ бывшимъ у него шести тысячамъ войска подошло на судахъ еще до 1800 [1]). Однако это подкрѣпленіе не усилило положенія Густава. Напротивъ, ко всѣмъ довольно недвусмысленнымъ заявленіямъ офицеровъ, которыя сводились по меньшей мѣрѣ къ требованію созыва сейма, прибавились еще тревожныя свѣдѣнія о предпринятомъ Даніею активномъ содѣйствіи Россіи и о движеніи на Готенбургъ. Съ другой стороны Грейгъ держалъ непріятельскій флотъ взаперти у Свеаборга, а близъ Швеціи не безъ успѣха плавалъ вице-адмиралъ Фонъ-Дезинъ, дѣлая набѣги на южные ея берега. У него была теперь значительная сила: кромѣ трехъ стопушечныхъ и четырехъ меньшаго ранга русскихъ кораблей, въ его эскадрѣ состояли еще три датскіе корабля и три фрегата съ нѣсколькими мелкими судами. Имѣ-

[1]) Рапортъ гр. Мусина-Пушкина 10-го августа.

лось въ виду этой силой встрѣтить непріятеля, если бы онъ ускользнулъ изъ Свеаборга. Число нашихъ призовъ въ началѣ сентября доходило уже до 27 судовъ [1]). Въ самомъ Стокгольмѣ было неспокойно; бывшій посолъ гр. Разумовскій, которому Густавъ еще въ іюнѣ предложилъ выѣхать въ недѣльный срокъ, продолжалъ оставаться тамъ, хотя и въ качествѣ частнаго человѣка. Сношенія его съ оппозиціей не подлежали сомнѣнію. При такихъ обстоятельствахъ полученное извѣстіе о наступленіи Датчанъ было для Густава сильнымъ ударомъ, и онъ призналъ за лучшее лично отправиться въ свою столицу. Съ большою поспѣшностію оставилъ онъ 15 (26) августа лагерь подъ Гёгфорсомъ и уѣхалъ въ Ловизу, передавъ команду надъ войсками брату своему, принцу Карлу Зюдерманландскому, начальствовавшему до того надъ флотомъ [2]). Съ этого времени, не смотря на раздававшіеся иногда выстрѣлы, военную кампанію 1788 г. можно было считать оконченною. Продолжалась только неблагодарная дѣятельность Аньяльской конфедераціи, или вѣрнѣе нѣсколькихъ ея коноводовъ. О ней предстоитъ разсказать съ нѣкоторою подробностію.

---

[1]) Григоровичъ, Канцлеръ кн. Безбородко, т. II, стр. 39.

[2]) Нѣторые шведскіе писатели говорятъ о личной опасности, угрожавшей Густаву при отъѣздѣ. Біографъ друга его, Армфельта, сомнѣвается въ вѣрности этихъ разсказовъ.—См. Elof Tegnèr, G. M. Armfelt, т. I, стр. 253, и прим.

ГЛАВА V.

Аньяльская конфедерація.

I.

Баронъ Спренгтпортенъ и конфедераты.

Хлопоты аньяльскихъ конфедератовъ въ дальнѣйшемъ ихъ развитіи представляютъ картину весьма печальную, не только для моралиста, но и для каждаго наблюдателя неутратившаго понятія о чести и долгѣ. Не особенно пріятна для чувства русскаго человѣка и роль выпавшая въ ней на долю его правительства. Поддаваясь ненависти своей къ Густаву, Императрица Екатерина увлекалась легкомысленными и близорукими представленіями Спренгтпортена. По его настойчивымъ убѣжденіямъ она готова была вѣрить, что при самомъ маломъ усиліи вся Финляндія, какъ одинъ человѣкъ, возстанетъ противъ своего законнаго государя. Спренгтпортенъ былъ весь сотканъ изъ интриги, и Екатерина легко сдавалась на дѣйствія въ Финляндіи интригою и непосредственнымъ ея спутникомъ—подкупомъ. Въ ея оправданіе слѣдуетъ впрочемъ сказать, что къ такому образу дѣйствій могло побуждать, какъ положеніе обороняющейся, такъ и вообще затруднительность условій, въ которыхъ находилась Россія. Политика, къ несчастію, заставляетъ мириться съ самыми иногда предосудительными средствами. Но въ глубинѣ души Екатерина относилась съ полнымъ презрѣніемъ къ этимъ людямъ, игравшимъ присягою и долгомъ. Она даже находила

нужнымъ скрывать отъ Государственнаго Совѣта подпольныя дѣйствія Спренгтпортена [1]).

Иначе и не могло быть. Какъ Спренгтпортенъ, самъ шведъ, продолжавшій даже когда нужно называть себя таковымъ, такъ и всѣ эти члены конфедераціи, покидающіе предъ лицомъ врага не только короля, но и честь своей страны, достоинство арміи къ которой принадлежатъ, святыню знаменъ подъ которыми служатъ, и вступающіе въ сдѣлки съ этимъ самымъ врагомъ, неимѣющимъ разумѣется иныхъ расчетовъ кромѣ своей собственной пользы,—всѣ эти «дѣятели» не могли не быть презрѣнны для людей, сохранившихъ чистое чувство и здравый смыслъ; и такими признаетъ ихъ безпристрастная исторія, видящая событія помимо борьбы партій и мелкихъ самолюбій.

Объясненія Императрицы съ Спренгтпортеномъ по поводу пріѣзда Егергорна, бывшія 8-го августа и увлекшія обѣ «горячія головы», имѣли прямымъ послѣдствіемъ посылку главнокомандующему указа отъ 12-го числа «о внушеніи финскимъ и шведскимъ войскамъ полезнаго для собственной ихъ безопасности мнѣнія». Въ этомъ указѣ предоставлялось давать отстающимъ отъ короля шведскимъ солдатамъ каждому отъ 10 до 15-ти руб. [2]). Исполняя

[1]) Дневникъ Храповицкаго. Подъ 14 авг. записано, по полученіи рапорта Мусина-Пушкина: «Велѣно, чтобы я сіе прочелъ въ Совѣтѣ, не показывая начала рапорта, гдѣ говорится о пріѣздѣ Спренгтпортена для ближайшаго сношенія съ финскими начальствами. Слѣдовательно Совѣтъ не знаетъ о сдѣланномъ ему препорученіи. Однако велѣно показать вице-канцлеру и отдать рапортъ графу Безбородко».

[2]) Журн. именн. Выс. пов., св. 443, 12 августа 1788 г., № 820. Графъ Валентинъ Платоновичъ! Двѣ реляціи ваши отъ 9 и 10 августа мы получили. Увѣрены мы, что вы и отряженные отъ васъ генералы не упустятъ воспользоваться всякими случаями къ нанесенію непріятелю вреда всевозможнаго, наипаче въ настоящее время, когда онъ у себя довольно озабоченъ со стороны расположеній финскихъ войскъ, если сіи расположенія вящше утвердятся и желаемой нами оборотъ рѣшительно возьмутъ: покуда время настанетъ, что вы можете обнародовать плакатъ для привлеченія финляндцовъ, постарайтеся, чрезъ подсылаемыхъ отъ васъ или по вашему приказанію отъ губернатора выборгскаго, внушить въ войскахъ не только финскихъ, но и швед-

волю Екатерины, графъ Мусинъ-Пушкинъ поручилъ выборгскому губернатору распространять свѣдѣнія объ этомъ чрезъ капитанъ-исправника Клейгильса и другихъ надежныхъ людей, въ особенности же чрезъ заслуживающихъ довѣрія пасторовъ.

По прибытіи въ Выборгъ, 12-го августа, Спренгтпортенъ въ тотъ же день писалъ Императрицѣ «о двухъ добрыхъ вѣстяхъ»: первая, уже извѣстная—объ отступленіи Гастфера отъ Нейшлота; вторая о томъ, что со стороны конфедератовъ все спокойно, и что слѣдовательно нужно ожидать благопріятнаго исхода обратной поѣздки Егергорна. Онъ излагалъ вмѣстѣ съ тѣмъ мнѣніе Мусина-Пушкина—точнѣе свое собственное,—о томъ, что противъ короля, который находился еще тогда при Гёгфорсѣ, не слѣдуетъ ничего предпринимать безъ соглашенія съ конфедератами, въ расчетѣ что тогда наши удары будутъ болѣе вѣрны и значительны. Спренгтпортенъ имѣлъ, или по крайней мѣрѣ высказывалъ, полное довѣріе къ силѣ и значенію этой шайки заговорщиковъ, и ставилъ въ зависимость отъ нея дѣйствія всей арміи. Главная квартира принимала эти заявленія какъ догматъ и безусловно ими руководилась. Исходя изъ такого взгляда, Спренгтпортенъ собрался ѣхать на передовые посты, чтобы быть ближе «къ этимъ господамъ» и составить себѣ вѣрное понятіе о положеніи арміи, ея средствахъ и намѣреніяхъ, «что въ данную минуту должно—внушалъ онъ—быть руководящимъ компасомъ для дѣйствія войскъ Вашего Величества» [1]).

скихъ, что всѣ, кои службу и короля шведскаго оставятъ и на нашу сторону перейдутъ, получатъ награжденія по десяти или по пятнадцати рублей и свободны будутъ остаться, гдѣ имъ выгодно покажется, безъ всякаго принужденія, и при заключеніи мира, какъ пунктъ амнистіи конечно тутъ внесенъ будетъ, останется въ ихъ волѣ въ отечество возвратиться, или здѣсь остаться, или куда желаютъ вытти. Все сіе въ самой точности съ ними и исполнять должно. Пребываемъ и пр. Къ указу собственноручная приписка Екатерины: «И самимъ дѣломъ кто отъ нихъ являться будетъ прикажите выдать обѣщанное изъ екстраординарной суммы».

[1]) Je serai bientôt en état de donner une idée juste et précise de la situation de cette armée, de ses moyens, ses ressources et ses inten-

Онъ имѣлъ въ виду не только взять справки, но и дать при надобности нужный толчекъ (donner au bésoin l'impulsion nécessaire).

Поѣздка эта состоялась на слѣдующій же день. Оберегая свою особу, Спренгтпортенъ отправился въ Ликала—мѣстечко не далеко отъ границы по дорогѣ въ шведскую Финляндію, гдѣ было положено первое основаніе конфедераціи—въ сопровожденіи конвоя изъ 20 казаковъ и 50 егерей. Оберегалъ его и главнокомандующій: «генералъ-маіору Спренгтпортену,— докладывалъ онъ между прочимъ Императрицѣ 15-го августа,—дали знать, чтобы онъ, если пребываніе свое въ нынѣшнемъ мѣстѣ почитаетъ небезопаснымъ, отъѣхалъ въ Фридрихсгамъ, откуда переписку свою безпрепятственно продолжать можетъ». Позднѣе, въ рескриптѣ отъ 23-го августа, Екатерина повелѣвала главнокомандующему «подтверждать ему (Спренгтпортену) часто, чтобы онъ берегъ себя отъ захваченія его въ руки короля шведскаго». То была, едва ли впрочемъ, ненапрасная забота; по позднѣйшимъ удостовѣреніямъ самого Мусина-Пушкина, Спренгтпортенъ не подвергался никакой опасности, имѣвъ квартиру въ одномъ съ нимъ мѣстѣ; если же и отъѣзжалъ иногда на границу, то и тутъ не могло приключиться ему никакого вреда, потому что мѣсто это было занято значительнымъ отрядомъ нашихъ войскъ и туда наѣзжалъ иногда и самъ главнокомандующій [1]).

Въ полночь съ 13-го на 14-е Спренгтпортенъ свидѣлся съ Егергорномъ на передовомъ шведскомъ посту въ Умеліоки, за Кюменью, противъ русскаго мѣстечка Віала [2]). Здѣсь онъ могъ

---

tions, qui doit être pour le moment le compas des combinaisons, qui déterminent l'action des troupes de Votre Majesté. Rapport à Sa Majesté de Wibourg le 12 août 1788.

[1]) Рапортъ Мусина-Пушкина 24 августа.

[2]) Упоминаемыя здѣсь мѣстечки расположены такъ: Ликала лежитъ на русской территоріи при дорогѣ отъ Фридрихсгама чрезъ пограничную р. Кюмень на Элиме и Лапптрескъ, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ границы. По этой же дорогѣ, но уже у самой рѣки на русскомъ берегу лежитъ Мемеле, а за рѣкой насупротивъ, на шведской сторонѣ, Аньяла. При Ликала, отъ упомянутой дороги отдѣ-

успокоиться на счетъ судьбы племянника, увидѣвъ его живымъ и здоровымъ, а также и на счетъ того, что товарищи Егергорна продолжаютъ быть одинаково твердыми въ рѣшимости своей противиться войнѣ и требовать созыва сейма. Король не прекращалъ съ ними переговоровъ. Спренгтпортенъ находилъ, что все прекрасно соглашено между конфедератами, и дѣйствія ихъ очень рѣшительны. Когда онъ сообщилъ Егергорну объ извѣстной уже перепискѣ Гастфера, то тотъ былъ въ восторгѣ (en a paru enchanté). «Остается лишь—писалъ онъ 14-го Мусину-Пушкину—на столько благоразумно поддерживать это дѣло, на сколько доблестно оно начато.»

И не смотря на всѣ эти столь блестящія съ его точки зрѣнія условія, и даже какъ бы забывъ только-что написанное, Спренгтпортенъ, къ удивленію, продолжалъ: «всего надо страшиться за нихъ съ тѣхъ поръ, какъ королю все извѣстно; я ежеминутно боюсь видѣть уничтоженнымъ это хрупкое дѣло (cet ouvrage fragil) маленькой горсти людей, неимѣющей ни руководителя, ни опредѣленнаго проекта для соображенія ихъ дѣйствій». Но это говорилось, оказывается, для того чтобы побудить легковѣрнаго главнокомандующаго придвинуть войска Михельсона ближе къ лагерю конфедератовъ, занявъ не только Ликала, гдѣ былъ теперь Спренгтпортенъ, но и приграничную шведскую мѣстность Аньяла. Этимъ движеніемъ онъ разсчитывалъ «поднять ихъ мужество, подкрѣпить рѣшимость и поторопить ихъ, что составляетъ главнѣйшій пунктъ въ настоящемъ положеніи вещей». Спренгтпортенъ находилъ что такъ какъ маска уже снята, то можно идти прямо къ цѣли. Быстрота была по его мнѣнію на столько необходима, что онъ, не ожидая распоряженій главнокомандующаго, самъ написалъ Михельсону,

---

ляется другая дорога, ведущая на сѣверозападъ также къ Кюмени, и при ней у рѣки лежитъ на русской сторонѣ Віала, а на шведской Умеліоки. Еще нѣсколько далѣе на продолженіи этой береговой дороги находится Коувала, а насупротивъ, на шведскомъ берегу, Вереле. Наконецъ, при третьей дорогѣ, сходящейся у Ликала и идущей на сѣверъ, лежитъ Сиппола. Всѣ эти селенія находятся на небольшомъ пространствѣ въ нѣсколько верстъ.

предлагая ему занять мѣстечко Ликала. Слабый Мусинъ-Пушкинъ утвердилъ это распоряженіе безъ всякой критики [1]). Черезъ день далъ онъ ему новое приказаніе—стараться «финскому войску показывать и давать увѣренія что онъ готовъ быть съ нимъ не только въ соединеніи, но и подкрѣплять оное, если нужно будетъ противу войска шведскаго».

Поспѣшность Спренгтпортена, кромѣ того что она вообще была свойственна его торопливому характеру,—это ставили ему въ большую вину даже друзья его [2]),—вынуждалась еще и нѣкоторыми неблагопріятными для него обстоятельствами. Въ шведскомъ лагерѣ происходили перемѣны, которыя застилали туманомъ пріятную для Спренгтпортена перспективу быть начальникомъ финскихъ войскъ, о чемъ племянникъ его ловко пустилъ въ Петербургѣ слухъ, какъ бы о завѣтной мечтѣ финляндцевъ. Обстоятельства эти заключались, во-первыхъ, въ томъ что король уѣзжалъ и его готовился заступить принцъ Карлъ, тяжелый характеръ котораго могъ обѣщать дурныя перемѣны. Во-вторыхъ, хотя старикъ Армфельтъ и оставался при арміи, но въ командованіе шведскими войсками вступилъ графъ Мейерфельдъ, человѣкъ безусловно преданный Густаву. Въ-третьихъ, среди чисто-финскихъ войскъ, новое начальство нашло нужнымъ расположить два шведскіе полка. Не безъ извѣстнаго

---

[1]) «А какъ между прочимъ признаетъ онъ, Спренгтпортенъ, полезнымъ подвинуть къ границѣ войско наше, то и приказалъ я генералъ-поручику Михельсону», доносилъ Мусинъ-Пушкинъ Императрицѣ 15 августа.

[2]) Егергорнъ писалъ къ нему: Les empressements de votre côté ne servent qu'à nous inquiéter et troubler la confiance et la sûreté de la part de nos voisins; ainsi je vous conjure au nom de Dieu de vous patienter et faire aller les affaires selon la nature de la situation actuelle; nous n'avons pas encore reçu la réponse de tous les régiments suédois.... и т. д. (Ваша поспѣшность ведетъ только къ безпокойству и нарушаетъ довѣріе со стороны нашихъ сосѣдей. Поэтому заклинаю васъ, ради Бога, имѣйте терпѣніе и оставьте дѣла ихъ теченію, согласно свойству настоящаго положенія; мы не получили еще отвѣтовъ отъ всѣхъ шведскихъ полковъ и пр.). Дѣло Моск. Арх., X, св. 3, листъ 104.

значенія было наконецъ и послѣдовавшее 8-го августа формальное объявленіе Шведами войны Россіи. Оно состоялось съ согласія если не государственныхъ чиновъ, то все-таки стокгольмскаго сената, чѣмъ придавался ему нѣкоторый обликъ законности, способный поколебать людей нестойкихъ, а таковыхъ между сотней конфедератовъ оказывалось, безъ сомнѣнія, большинство. Поэтому Спренгтпортенъ настаивалъ на «поддержкѣ сужденій финскихъ конфедератовъ присутствіемъ войскъ Ея Величества», признавая заговорщиковъ «немножко медленными въ принятіи рѣшеній» [1]). Такимъ образомъ доблестное русское войско, вмѣсто новаго рѣшенія оружіемъ и мужествомъ своимъ борьбы съ Швеціей, ставилось въ жалкое положеніе какихъ-то закулисныхъ пособниковъ махинаціямъ ничтожной горсти мятежниковъ.

Шатаніе умовъ, столь Спренгтпортену непріятное, усилилось еще болѣе, когда стали оглашаться сдѣланныя Мусинымъ-Пушкинымъ, по его же внушеніямъ, распоряженія къ поддержкѣ финскаго войска противъ Шведовъ. Дѣло выяснялось постепенно въ такомъ смыслѣ, котораго не только Шведы, но и большинство Финляндцевъ вовсе не желали и не ожидали. Всѣ заявленія, объясненія и представленія конфедератовъ сводились къ тому, что война начата незаконно, и что они желаютъ созыва сейма для рѣшенія спорныхъ, по ихъ мнѣнію, вопросовъ. Мысль же объ отдѣленіи Финляндіи отъ Швеціи, о противопоставленіи интересовъ той и другой, лежавшая въ глубинѣ души лишь нѣсколькихъ честолюбцевъ, была какъ извѣстно совершенно обойдена молчаніемъ не только въ знаменитой «нотѣ», но и во всѣхъ письменныхъ объясненіяхъ и воззваніяхъ конфедератовъ. Если она и обсуждалась въ тѣсномъ кружкѣ первоначальныхъ заговорщиковъ, то она была далека отъ сердечныхъ желаній прочихъ конфедератовъ и даже прямо для нихъ невозможна. Одно—желать, если существующая форма

[1]) Il faut absolument soutenir par la présence des troupes de Sa M. I. les délibérations des confédérés finnois, qui me paraissent un peu lents à se determiner.—Письмо Спренгтпортена къ Михельсону отъ 15 августа.

правленія даетъ тому поводъ, принять участіе въ рѣшеніи вопроса о войнѣ и мирѣ, или вообще въ дѣлахъ управленія; другое—лелѣять мечты объ отдѣленіи отъ государства крупной его части, тѣмъ болѣе съ смутной перспективой подчиненія ея враждебной и даже ненавистной Россіи. Люди болѣе благоразумные предугадывали, что если и обѣщалась намеками гарантія Россіи въ независимости Финляндіи, то это могло быть только до времени, когда первой окажется нужнымъ или полезнымъ наложить на послѣднюю свою руку. Разсматривая петербургскій отвѣтъ, эти люди находили въ немъ косвенное подтвержденіе хитраго намѣренія отдѣлить Финляндію отъ Швеціи: вездѣ почти говорилось только о финской арміи и финскомъ народѣ. Эти и подобныя соображенія и страхи приносили свою долю пользы королю: отъ колебаній былъ уже одинъ только шагъ къ возврату на путь законности и долга.

Спренгтпортенъ, видя что цѣль его честолюбія ускользаетъ, спѣшилъ поправить дѣло частыми свиданіями и сношеніями съ конфедератами. 13-го августа, какъ было упомянуто, онъ видѣлся съ Егергорномъ; 14-го изъ Ликала онъ описывалъ Мусину-Пушкину это свиданіе и бывшіе при томъ разговоры, а 16-го подвинулся въ Мемеле, еще ближе къ лагерю Финновъ, гдѣ и выжидалъ возможности лично объясниться съ Армфельтомъ. Старикъ, безъ сомнѣнія, не питалъ къ нему добрыхъ чувствъ, а потому сначала свиданіе не устроивалось—«au commencement la chose avait un moment critique», писалъ онъ главнокомандующему; потомъ оно состоялось въ томъ же мѣстечкѣ Умеліоки, гдѣ за три дня передъ тѣмъ онъ видѣлся съ племянникомъ. Туда Спренгтпортенъ отправился совершенно секретно и безъ конвоя [1]). Съ Армфельтомъ находились здѣсь Хестеско и нѣкоторые другіе изъ старшихъ офицеровъ. Собесѣдники и въ этомъ случаѣ, по отзыву Спренгтпортена, подтвердили не колеблясь рѣшимость сдѣлать послѣднее усиліе, чтобы достигнуть созыва сейма. Рѣшеніе ихъ выразилось не въ чемъ иномъ, какъ

[1]) Ne pouvant faire autrement vu l'importance de l'objet (?). Письмо изъ Фридрихсгама отъ 25-го августа.

въ отсылкѣ королю упомянутой уже выше просьбы отъ 24 (13) августа. Густавъ отвергъ ее и въ негодованіи воскликнулъ: «никогда не соглашусь я на это дерзкое требованіе; никогда не приму закона отъ моихъ подданныхъ!» Дальше этого заговорщики не шли; но конфедерація продолжала существовать, какъ бы въ доказательство безпомощности короля. Спренгтпортенъ хватался за этотъ проблескъ жизни и старался поддержать въ единоплеменникахъ падавшую мимолетную ихъ энергію. Онъ все-таки добивался дѣйствія финскихъ войскъ сообща съ русскими, и побуждалъ ихъ избрать себѣ для того самостоятельнаго главу, который поддерживалъ бы въ конфедераціи единство, направлялъ ея сужденія и дѣйствія. Онъ почти пальцемъ указывалъ на того, кого слѣдовало избрать [1]).

Однако слушатели были глухи и нѣмы. Самъ Спренгтпортенъ признаетъ, что долго видѣлъ ихъ боязливыми и колеблющимися [2]). Устами Армфельта ему возражали, что принятіе его предложеній можетъ привести къ разладу съ Шведами, и что затѣмъ трудно будетъ возстановить отношенія, если они заподозрятъ Финновъ въ стремленіи образовать самостоятельное государство. Но такъ какъ Спренгтпортенъ продолжалъ склонять къ единству дѣйствій съ русскими войсками, то въ окончательномъ результатѣ была просьба Армфельта удостовѣрить, что Императрица не будетъ вмѣшиваться въ ихъ дѣла и не будетъ принуждать ихъ принимать отъ нея законы, вмѣсто ожидаемыхъ пособій [3]). Спренгтпортенъ не могъ не видѣть во всѣхъ этихъ сомнѣніяхъ полнаго недовѣрія къ обѣщаніямъ, на которыя онъ не скупился.

Въ такихъ затрудненіяхъ Спренгтпортенъ не стѣсняясь перемѣнилъ фронтъ и принялся истолковывать слова и намѣ-

---

1) Впослѣдствіи впрочемъ онъ объяснялъ, что имѣлъ въ виду старика Армфельта.

2) Je les ai vu longtemps timides et chancellants.

3) Письмо Спренгтпортена къ гр. Мусину-Пушкину изъ Фридрихсгама отъ 16-го августа: X, св. 3, листъ 92, Моск. Арх. М. Ин. Дѣлъ, Camp. Suéd. 1788.

ренія Екатерины уже совершенно въ другомъ смыслѣ и прямо лгать.

На просьбу Армфельта онъ отвѣчалъ письмомъ изъ Ликала отъ 16-го августа. Здѣсь онъ называлъ недостойными и ложными слухи о томъ, что Императрица будто бы желаетъ отдѣлить Финляндцевъ отъ Швеціи. Онъ старался увѣрить, ссылаясь на всѣмъ извѣстныя гуманныя и великодушныя чувства Екатерины, что во всѣхъ ея дѣйствіяхъ не найдется и тѣни посягательства на свободу, которую Финляндцы желаютъ сохранить. «Если же,—писалъ онъ, отвѣчая на возраженія противъ петербургскаго отвѣта,—Ея Вел-во обращается въ частности къ Финнамъ, то лишь потому, что первые шаги раскаянія въ неправильно и неожиданно начатой войнѣ сдѣланы ими. Она скажетъ тоже самое и Шведамъ, если они присоединятся къ вамъ чтобы требовать возврата похищенныхъ у нихъ правъ. Ея Вел-во приглашаетъ васъ поэтому соединиться, и тогда она согласна принять предложенія націи и отвѣчать на нихъ.»—«Вотъ,—продолжалъ онъ далѣе,—объясненія, которыя должны внушить вамъ полное и безусловное довѣріе къ послѣдствіямъ настоящихъ событій. Если въ васъ остаются еще малѣйшія сомнѣнія, то я беру смѣлость увѣрить самымъ положительнымъ образомъ, что виды Ея Вел-ва таковы, какими вы только можете ихъ желать. Очень далекая отъ того, чтобы думать о какомъ нибудь стѣсненіи вашихъ сужденій, настоящихъ или будущихъ, Ея Вел-во ничего съ бòльшимъ удовольствіемъ не желаетъ, какъ видѣть васъ направляющими такъ или иначе ваше собственное счастіе, когда вы будете собраны на сеймѣ вмѣстѣ съ шведскими государственными чинами, чтобы покончить съ угрожающими вамъ бѣдствіями.» Спренгтпортенъ заключалъ свое письмо горячими пожеланіями успѣха «какъ честный человѣкъ и патріотъ» [1]).

Армфельтъ не замедлилъ отвѣтомъ, и въ тотъ же день 16 (27) августа коротко и ясно написалъ слѣдующее: «Я получилъ письмо, которымъ вы сообщаете намъ о безкорыстныхъ и миро-

[1]) См. Приложеніе № 15.

любивыхъ намѣреніяхъ Ея И. Величества. Это успокаиваетъ всѣхъ и въ особенности насъ, столь горячо желающихъ, чтобы Финляндія всегда оставалась соединенною со Швеціей, какъ было въ продолженіе столькихъ вѣковъ. Въ твердой надеждѣ, что скоро прочный и постоянный миръ соединитъ обѣ монархіи, имѣю честь быть и пр. Армфельтъ» [1]).

Но вслѣдъ за этимъ письмомъ, въ тотъ же день 16 (27) августа, Армфельтъ поспѣшилъ послать Спренгтпортену другое письмо, находя можетъ быть что первое, отправленное немедленно съ тѣмъ же посланнымъ, было не довольно обстоятельно. Съ другой стороны первому письму можно присвоить въ нѣкоторомъ родѣ оффиціальный характеръ, тогда какъ второе носило отпечатокъ большей интимности или довѣрительности. Въ этомъ второмъ письмѣ онъ еще болѣе опредѣлительно удостовѣрялъ, что конфедераты никогда не имѣли иной цѣли, кромѣ достиженія вмѣстѣ со Шведами счастливаго мира. Тутъ же, очевидно въ отвѣтъ на настоянія Спренгтпортена на болѣе активной дѣятельности конфедераціи и на избраніи Финнами особаго шефа, Армфельтъ категорически ставилъ на видъ, что сплотить этотъ союзъ болѣе прочно, на предложенныхъ имъ, Спренгтпортеномъ, основаніяхъ, — т. е. съ содѣйствіемъ русскихъ войскъ, — нѣтъ никакой возможности, такъ какъ всѣ рѣшительно противятся отдѣленію финскихъ войскъ отъ шведскихъ. «Такимъ образомъ — писалъ Армфельтъ — нигдѣ не будетъ уже болѣе рѣчи о чемъ-либо другомъ, кромѣ защиты границъ.» Онъ надѣялся, что отъ Гёгфорса Шведы скоро отступятъ.

Этимъ письмомъ глава конфедератовъ, какъ онъ самъ пояснялъ, желалъ и надѣялся убѣдить своего корреспондента «въ патріотическихъ и военныхъ чувствахъ его и его товарищей». Онъ удостовѣрялъ, впрочемъ въ выраженіяхъ довольно непонятныхъ, что эти чувства будутъ продолжать существовать до тѣхъ поръ, пока положеніе болѣе отчаянное не заставитъ ихъ рѣшиться на дѣло, котораго они на столько же хотѣли бы из-

---

[1]) Приложеніе № 16.

бѣжать, на сколько признательны Русскимъ за то, что они его устранили. Передавая это письмо Мусину-Пушкину, Спренгтпортенъ, противъ приведенныхъ загадочныхъ словъ, приписалъ на подлинникѣ: «Ея Вел-во пойметъ, что хотятъ этимъ сказать», и сдва-ли не болѣе еще затемнилъ ихъ смыслъ. По всей вѣроятности Армфельтъ подразумѣвалъ остановку въ движеніи русскихъ отрядовъ не переходя границы, когда Шведы отступили за нее, а также то, что они не воспользовались бывшею въ финскихъ и шведскихъ войскахъ неурядицею послѣ 23-го іюля [1]).

Дѣло шло такимъ образомъ со стороны конфедераціи исклю-

[1]) Второе письмо К. Г. Армфельта отъ 16 (27) августа. Mr le Baron! En réponse de ce que j'eu l'honneur de parler avec vous hier, j'ay celle de vous marquer par celle-cy, qu'il n'est pas possible de réunir les sentimens sur le point que vous avez cru propre à donner une consistance plus solide à notre union. parceque tout le monde est contre notre séparation de l'armée suèdoise qui s'en suivrait indubitablement et que notre but n'a jamais été autre que de concourir avec eux à obtenir une heureuse paix, si elle pouvait se faire et être accordée aux vrais répresentants des deux nations, qui sont les états, au (à la) convocation desquels les suèdois travaillent avec nous actuelement avec d'autant plus de zèle que leur sentimens sur la nature de la guerre s'accordent avec les nôtres, que vous connaissez, de sorte qu'il ne sera plus question, nulle part, que de défendre la frontière, excepté à Högfors, d'où on espère que la retraite se fera dans peu. De ce que j'ay eu l'honneur de vous marquer cy dessus, mon général, j'espère que vous réconnaitrez les sentimens patriotiques et militaire(s) qui nous animent et que nous avons tachez (é) de faire connaitre dans notre très humble mémoire que nous avons pris la liberté d'adresser à Sa M. I.; ces mêmes sentimens subsisteront tant qu'une situation plus désespéré(e) que celle où nous nous trouvons encore, ne nous force à prendre un parti q u e n o u s s o u h a i t e r i o n s a u t a n t d e p o u v o i r é v i t e r, *) q u e n o u s n o u s s o m m e s o b l i g é (s) d e n o u s l'a v o i r m é n a g é. Je vous suis très obligé, mon général, de la lettre que vous avez bien voulu me faire l'honneur de m'écrire; elle effacera, s'il est possible les idées qu'on a eu de nos intentions. Armfelt.

*) Рукою Спренгтпортена подчеркнуто и написано въ выноскѣ: S. M. I. entendra ce qu'on veut dire par là.

чительно о созывѣ сейма и о мирѣ. Одинъ изъ самыхъ радикальныхъ членовъ ея, Егергорнъ, также толковалъ только объ этихъ предметахъ, хотя и давалъ имъ болѣе рѣшительный оттѣнокъ. Король, какъ выше было упомянуто, на заявленіе конфедератовъ отъ 13 (24) августа категорически отказалъ и въ сеймѣ и въ мирѣ, но, по удостовѣренію Егергорна, «онъ конечно будетъ принужденъ и къ тому и къ другому» [1]).

Не смотря на такіе вполнѣ опредѣленные отзывы, Спренгтпортенъ продолжалъ однако давать большое значеніе конфедераціи и видѣлъ только слабость и колебаніе заговорщиковъ въ отдѣленіи Финновъ отъ Шведовъ. Взгляды свои онъ продолжалъ сообщать Мусину-Пушкину, который съ полною вѣрою представлялъ ихъ Императрицѣ. Находя нужнымъ всемѣрно спѣшить, Спренгтпортенъ предлагалъ главнокомандующему «возвысить въ отношеніи къ конфедератамъ голосъ (hausser la voix)», чтобы дать имъ знать о необходимости болѣе рѣшительныхъ дѣйствій и побудить къ общности операцій ихъ войскъ съ нашими. Въ то время генералъ Раутенфельдъ съ авангардомъ Михельсона занималъ Ликала и аванпосты были уже въ Мемеле, согласно прежнимъ требованіямъ Спренгтпортена. Поэтому онъ настаивалъ предъ Мусинымъ-Пушкинымъ на томъ чтобы войти въ открытыя соглашенія avec ces braves gens. Онъ думалъ достигнуть этимъ путемъ скораго разрѣшенія дѣла и тѣмъ исполнить волю Императрицы, хотя впрочемъ, какъ видно изъ переписки его съ Мусинымъ-Пушкинымъ, онъ и самъ хорошо не зналъ, желаетъ она ускорять ходъ событій или была готова выжидать [2]). Спренгтпортенъ такъ много и такъ спѣшно писалъ, что не могъ обойтись безъ противорѣчій и сбивчивости. Въ виду открытія сношеній онъ даже проектировалъ письмо

[1]) La réponse du Roi nous sont (est) connu, qu'il ne donnerait à jamais ni diète, ni paix, mais il sera certainement obligé à un (l'un) et (à) l'autre. Изъ той же записки къ Спренгтпортену, писанной 16-го или 17-го августа, начало которой (о торопливости послѣдняго) приведено выше.

[2]) Письмо къ гр. Мусину-Пушкину изъ Фридрихсгама отъ 17 (28) августа 1788.

къ Армфельту, «чтобы незамѣтно привести конфедератовъ волей-неволей къ подчиненію симъ обстоятельствамъ». Вопреки усиленнымъ просьбамъ племянника, онъ не только не успокоивался и не вооружался терпѣніемъ, но еще болѣе торопилъ движенія войскъ для сближенія съ финскими полками. Онъ не ожидалъ разрѣшеній главнокомандующаго, а самъ сносился какъ съ начальникомъ авангарда Раутенфельдомъ, такъ и съ генераломъ Михельсономъ, непрестанно переѣзжая изъ одной мѣстности въ другую. 17-го онъ былъ въ Фридрихсгамѣ у Михельсона, 18-го въ Сиппола у Раутенфельда, 19 го въ Мемеле, и вездѣ побуждалъ къ передвиженію отрядовъ согласно его видамъ. Изъ Сиппола 18-го, онъ заявлялъ Михельсону о необходимости подвинуть уже весь корпусъ Раутенфельда до Мемеле, гдѣ были только передовые посты. Надо было — по его мнѣнію—выставить на показъ передъ глазами арміи конфедератовъ помощь, столько же близкую, сколько и сильную. Эта финская армія, по его доводамъ, должна быть въ данную минуту предметомъ всего вниманія русскихъ начальниковъ, такъ какъ она не сегодня-завтра можетъ сдѣлаться жертвою всякихъ случайностей. Онъ находилъ даже, что присутствіе и самого Михельсона необходимо по близости, именно въ Ликала.

Проѣхавъ до Мемеле, Спренгтпортенъ убѣдился, «что все спокойно и дѣла идутъ своимъ чередомъ», и 20-го пріѣхалъ обратно въ Фридрихсгамъ, куда тѣмъ временемъ Мусинъ-Пушкинъ перенесъ свою главную квартиру. Войска обѣихъ сторонъ были уже настолько близки между собою, что между офицерами происходилъ постоянный обмѣнъ любезностей. Одни приглашали къ себѣ другихъ и сношенія производились самымъ домашнимъ образомъ. Какъ остроумно замѣтилъ одинъ современникъ, въ эту войну была потребность не въ солдатахъ для сраженій, а въ трубачахъ для передачи непрерывныхъ корреспонденцій съ той и съ другой стороны.

Послѣ свиданія съ Армфельтомъ 16-го, Спренгтпортенъ видѣлся 18-го утромъ съ полковникомъ Лейонхуфвудомъ, пріѣзжавшимъ на русскій берегъ рѣки, въ Віала. Изъ его объясненій онъ окончательно удостовѣрился, что король не только

оставилъ армію, но уже и уѣхалъ изъ Або въ Стокгольмъ. Отъ этого же офицера сдѣлалось извѣстнымъ, что всѣ шведскіе полковники присоединились къ рѣшенію конфедератовъ о созывѣ сейма. Чтобы извѣстить объ этомъ рѣшеніи принца Карла, командовавшаго теперь арміею, были отправлены къ нему въ качествѣ депутатовъ полковники: графъ Шверинъ и баронъ Стрёмфельдъ. Оба, по словамъ Спренгтпортена, принадлежали къ высшему дворянству и были приверженцами лиги графа Ферзена, враждебной королю. По словамъ же Лейонхуфвуда, депутаты должны были отъ лица всей арміи просить въ то же время принца объ удаленіи войскъ изъ Гёгфорса, чтобы дальнѣйшимъ удержаніемъ этого пункта не возбуждать неудовольствія Императрицы. Спренгтпортенъ приписывалъ этотъ послѣдній шагъ конфедератовъ его вліянію и убѣжденіямъ очистить Гёгфорсъ какъ бы въ знакъ признательности Екатеринѣ за обѣщаніе не простирать движенія своихъ войскъ по ту сторону границы, чѣмъ русскіе лишали себя удобнаго и кратчайшаго пути для обхода и уничтоженія королевской арміи. На сколько справедливо утвержденіе Спренгтпортена, что именно благодаря его вліянію шведскія войска собирались очистить Гёгфорсъ—сказать трудно. Но во всякомъ случаѣ это намѣреніе истекало само собой изъ программы дѣйствій, выраженной Армфельтомъ въ вышеприведенномъ письмѣ изъ Аньялы, т. е. ограничиться защитой только своихъ границъ, очистивъ русскую территорію. Съ другой стороны нигдѣ не видно, чтобы Императрица не имѣла вовсе намѣренія продолжать наступленіе въ шведскую Финляндію: это не было бы согласно ни съ первоначальнымъ планомъ дѣйствій, ни съ совѣтами Грейга, цѣнившимися высоко, ни съ тѣмъ неудовольствіемъ, которое Екатерина выражала впослѣдствіи по поводу остановки въ преслѣдованіи Шведовъ. Даже въ анонимномъ отвѣтѣ была положительно предусмотрѣна необходимость вступить въ шведскую Финляндію.

Изъ послѣдняго свиданія Спренгтпортенъ вынесъ и извѣстіе, что въ лагерѣ конфедератовъ ожидаютъ самого принца Карла. Это, по его словамъ, нѣсколько его безпокоило, и тѣмъ настойчивѣе домогался онъ сближенія отряда Раутенфельда къ са-

мому почти непріятельскому лагерю. Однако Карлъ не пріѣхалъ; взамѣнъ того начальникъ финскихъ войскъ Мейерфельдъ вызванъ былъ въ главную квартиру въ Гёгфорсъ, а его замѣнилъ въ лагерѣ конфедератовъ генералъ Каульбарсъ. Такая перемѣна, указывавшая на новыя еще соображенія принца противъ конфедератовъ, сдѣлалась извѣстна Спренгтпортену 19-го, когда онъ былъ въ Мемеле. Но, какъ изложено, онъ продолжалъ утверждать что конфедерація дѣлаетъ свое дѣло.

Ведя всѣ эти переговоры и переписки, Спренгтпортенъ не забывалъ своего главнаго рычага — денегъ. Въ апостилѣ къ письму на имя Михельсона отъ 18-го онъ указывалъ на положеніе свое на столько скудное, что ему не на чемъ даже было писать письма. Онъ упоминалъ при этомъ и о своемъ пустомъ кошелькѣ и просилъ прислать на ежедневныя нужды сотню червонцевъ, съ тѣмъ что они будутъ возмѣщены изъ его сердобольской кассы какъ только онъ возвратится къ отряду. Здѣсь же Спренгтпортенъ высказывалъ мнѣніе, что теперь именно было время открыть кошелекъ «для нѣкотораго утѣшенія Финляндіи.» По его словамъ, Лейонхуфвудъ увѣрялъ что у нихъ нѣтъ ни хлѣба, ни платья, ни гроша денегъ [1]). Изъ общаго характера этой переписки выходило, будто Спренгтпортенъ имѣлъ въ виду доставлять утѣшеніе на счетъ собственнаго кошелька или по крайней мѣрѣ изъ тѣхъ 4.000 серебряныхъ рублей, которыми снабдилъ его на извѣстное назначеніе Тутолминъ при

---

[1]) Dans la privation où je suis de tout, je n'ai pas même du papier de reste (?) pour faire plus d'une lettre.-V. Exc. me fera une grâce de m'en envoyer quelque provision, avec une 100-ne de ducats au besoins journaliers, qui lui seront remboursés de ma caisse de Serdobol — dès aussitôt que je puisse y retourner — ma bourse m'est vide; je crois, que ce sera présentement le moment de l'ouvrir pour répendre quelleque consolation dans la Finlande. M. de Leyonhufvud, ou Leuvenhaupt, m'a assuré qu'ils sont bientôt, sans le sous, sans pain et sans habits. Quel(le) situation pour conquérir sur la Russie. Письмо къ Михельсону изъ Сиппола 18 августа, листъ 106.

отъѣздѣ изъ Петрозаводска. Во всякомъ случаѣ онъ просилъ Михельсона по прочтеніи этого рапорта, немедленно послать его въ оригиналѣ (incessament en original) къ Мусину-Пушкину для представленія Ея Величеству.

Главнокомандующій, относясь какъ всегда съ полнымъ довѣріемъ ко всѣмъ заявленіямъ Спренгтпортена, съ своей стороны увѣрялъ Императрицу, что «фины крѣпки», что Шведы уйдутъ за границу и что онъ, Спренгтпортенъ, ему необходимъ, а потому просилъ не отправлять его къ отряду въ Сердоболь. Собственныя увѣренія барона въ его вліяніи на очищеніе Гёгфорса (которое, къ слову, далеко еще не состоялось) и упоминанія о пустотѣ кармана были посланы въ Петербургъ въ подлинникѣ.

Отвѣтъ не заставилъ себя долго ждать: «Генералъ-маіора барона Спренгтпортена вы можете держать при себѣ,—писала Императрица 25-го августа,—покуда польза дѣлъ нашихъ требовать будетъ». И далѣе: «посылается при семъ вамъ 5.000 червонныхъ, изъ коихъ 1.000 пожаловали мы барону Спренгтпортену, а изъ остальныхъ четырехъ вы не оставите дѣлать награжденія и пособія благонамѣреннымъ финляндцамъ по надобности, и по мѣрѣ усердія каждаго и дѣйствительныхъ услугъ намъ оказываемыхъ для пользы или службы нашей изъ того ожидаемой, производя сіи дачи посредствомъ барона Спренгтпортена. Въ семъ мы на вашу осмотрительность полагаемся».

Деньги лились дождемъ. У Спренгтпортена не спросили: гдѣ же немалая сумма 4.000 рублей сер. данная ему три недѣли назадъ, изъ которой, идя отъ Петрозаводска до Олонца, онъ не могъ истратить на «извѣстное назначеніе» ни одной копѣйки? Присылали вновь и безъ дальнихъ разговоровъ еще 4.000, уже не рублей, а червонныхъ, кромѣ крупнаго подарка Спренгтпортену. Но, осыпая его золотомъ, Императрица была увѣрена что покупаетъ Россіи слугу. Во всякомъ случаѣ однако извѣстный счетъ деньгамъ Екатерина вела. Въ собственноручной припискѣ къ тому же указу главнокомандующему отъ 25-го августа она добавила: «что о Рубинѣ слышно? Вы и съ нимъ, помнится, отправили знатную сумму?» Рубинъ былъ по-

граничный комиссаръ, собиравшій разныя политическія свѣдѣнія. Сколько денегъ было ему отпущено, не видно; но изъ нѣкоторыхъ позднѣйшихъ писемъ ясно, что Спренгтпортенъ находилъ его дѣятельность безполезною, а деньги потраченными даромъ. Надо впрочемъ имѣть въ виду, что Рубинъ дѣйствовалъ на одномъ съ Спренгтпортеномъ поприщѣ, но независимо отъ него, а этотъ генералъ конкуррентовъ не любилъ. Неблагопріятные его отзывы, какъ и слѣдовало ожидать, вскорѣ достигли цѣли. Не далѣе недѣли послѣ вопроса Императрицы, представляя ей нѣкоторыя доставленныя отъ Рубина свѣдѣнія, Мусинъ-Пушкинъ дополнялъ: «но какъ господинъ генералъ-маіоръ баронъ Спренгтпортенъ о семъ корреспондентѣ Рубина сдѣлалъ мнѣ такое описаніе, по коему его человѣкомъ надежнымъ и честнымъ почитать неможно, то я и извѣстіямъ его не давалъ вѣры, приказавъ Рубину, чтобы онъ удержался раздавать деньги, ему на таковые случаи данныя». Этимъ простымъ, но далеко не новымъ способомъ, Спренгтпортенъ легко устранилъ возможность полученія правительствомъ такихъ данныхъ, которыя освѣщали бы дѣло съ другой точки зрѣнія и могли, пожалуй, быть неблагопріятны его расчетамъ.

II.

Конфедераты и главная квартира.—Требованія Императрицы Екатерины.

Между тѣмъ главнокомандующій нашелъ нужнымъ произвести 21-го августа рекогносцировку непріятельскаго лагеря у Гёгфорса. Въ ней принялъ участіе и Цесаревичъ Павелъ Петровичъ. Обозрѣніе показало, что непріятель занимаетъ отъ природы неприступное мѣсто, расположенное на крутыхъ высотахъ, у подошвы коихъ протекаетъ рѣка. Мостъ, соединявшій оба берега Кюмени, разломанъ и въ разныхъ мѣстахъ по берегу поставлены батареи. Чтобы узнать число орудій и силу ихъ, послана была небольшая партія егерей и казаковъ подступить ближе къ рѣкѣ, дѣ-

лая видъ, что ищетъ переправы. Непріятель дѣйствительно открылъ батареи, но числа людей нельзя было опредѣлить, такъ какъ возвышенности и скалы давали имъ непроницаемыя прикрытія [1]). Прямая цѣль рекогносцировки такимъ образомъ не была вполнѣ достигнута. Но была еще другая, скрытая цѣль, о которой имѣются разнорѣчивыя свѣдѣнія. Изъ упомянутыхъ хранящихся въ Имп. Публичной Библіотекѣ «Записокъ шведскаго офицера», который состоялъ при генералѣ Каульбарсѣ временно командовавшемъ финскими войсками, и котораго нѣтъ основаній обвинять въ неправильности показаній, видно что Спренгтпортенъ побуждалъ заговорщиковъ свидѣться при этой рекогносцировкѣ съ Великимъ Княземъ. Наканунѣ онъ писалъ Армфельту слѣдующее: «Нашъ Великій Князь прибудетъ въ Мемеле въ 10 или 11 часовъ. Онъ ничего не желаетъ, кромѣ дружбы и тишины. Его цѣль видѣть ваши позиціи; но если бы случайно намъ довелось встрѣтиться, это было бы пріятно какъ ему, такъ въ особенности мнѣ, увѣрившему Великаго Князя въ единомысліи съ обѣихъ сторонъ и въ вашемъ довѣріи. Мы надѣемся, что такъ именно и случится; поэтому предупреждаю, что пріѣздъ къ вамъ моего трубача съ письмомъ, написать которое я уполномоченъ, будетъ служить сигналомъ пріѣзда Цесаревича и его свиты» [2]). Письмо это, по недоразумѣнію, попало въ руки не Армфельта, а начальника войскъ Мейерфельда. Благодаря этому

---

[1]) У русскихъ убиты двѣ лошади, одна изъ нихъ подлѣ сына Спренгтпортена, о чемъ онъ не преминулъ писать Императрицѣ. Этотъ случай, впрочемъ, не подтвержденъ никакими документами.

[2]) «Notre Grand Duc va venir à Memelä à 10 ou 11 heures; j'ai pris les devant pour voir comment les choses se présentent. Il n'attend qu'amitié et tranquilité. Son projet n'est que de voir votre position; mais s'il nous arrivait de nous rencontrer par hasard, cela Lui serait agréable, et à moi surtout, qui L'ai assuré d'une intelligeance parfaite et de votre confiance. Nous espérons que cela arrivra ainsi. Voilà pourquoi je vous avertis, que lorsqu' j'enverai un trompette pour vous porter une lettre qu'on m'a autorisé de vous écrire, ce sera une marque qu'il est arrivé Lui et sa suite....»—Mémoires d'un officier suédois, 24, И. Публ. Библ. въ С.-Петербургѣ.

обстоятельству, а можетъ быть и по другимъ причинамъ, но посланному Спренгтпортеномъ при трубачѣ офицеру, съ извѣщеніемъ о пріѣздѣ въ Мемеле Великаго Князя и о желаніи видѣться съ шведскими офицерами, былъ данъ отрицательный отвѣтъ. Такимъ же отказомъ отвѣтилъ и сопровождавшій нашего посланнаго при его возвращеніи непріятельскій офицеръ на приглашеніе отобѣдать у Великаго Князя [1]).

Но ни о запискѣ своей къ Армфельту, ни объ этихъ предложеніяхъ и отказахъ Спренгтпортенъ ничего не писалъ ни Мусину-Пушкину, ни Императрицѣ, хотя вообще писалъ обоимъ крайне плодовито. По всей вѣроятности, онъ дѣлалъ эти предложенія именемъ Цесаревича по собственному своему усмотрѣнію, и даже можетъ быть безъ его вѣдома. Донесеніе Императрицѣ изъ Мемеле, отъ 25, о послѣдовавшемъ затѣмъ свиданіи Спренгтпортена съ офицерами, носитъ совсѣмъ другой отпечатокъ. Въ этотъ день, въ 11 часовъ утра, Спренгтпортенъ принималъ визитъ всего корпуса шведскихъ офицеровъ съ начальниками ихъ Мейерфельдомъ и Каульбарсомъ во главѣ. Тутъ были всѣ первоначальные вожаки конфедераціи: Хестеско, Клингспоръ, Армфельтъ, Котенъ, и пр. По словамъ Спренгтпортена, они, пользуясь близостью Великаго Князя, сами желали имѣть тотъ разъ съ нимъ свиданіе и явились теперь, какъ ему казалось, для того чтобы выразить свое сожалѣніе о быстромъ отъѣздѣ Цесаревича изъ ихъ сосѣдства. Они-де не успѣли собраться, хотя намѣревались въ полномъ составѣ принести Его Высочеству выраженія своего почтительнѣйшаго уваженія. Спренгтпортенъ находилъ, что то былъ лишь предлогъ для нагляднаго и несомнѣннаго доказательства ихъ преданныхъ и дружественныхъ

---

[1]) По словамъ того же офицера, отказано было въ такихъ выраженіяхъ: «qu'ils auraient été les premiers à mettre leurs respects aux pieds de S. A. I. si leur situation et l'usage de guerre le permettaient; mais comme ils n'avaient aucun ordre exprès de part du Roi leur maitre là dessus, ils regrettaient infiniment de ne pouvoir jouir de l'honneur qu'on voulait bien leur accorder. Quant à la personne de S. A. I. on aura soin qu'elle soit respéctée».

отношеній [1]). Но въ такомъ случаѣ, почему же эти самые офицеры отвѣтили отказомъ на предложенное Спренгтпортеномъ свиданіе съ Великимъ Княземъ? Очевидно, или въ изложеніи фактовъ Спренгтпортеномъ была неточность и даже невѣрность, или шведскіе офицеры, въ томъ числѣ Мейерфельдъ и Каульбарсъ, дѣйствовали двулично. Въ подтвержденіе послѣдняго предположенія нѣтъ достаточныхъ основаній: всѣ поступки этихъ офицеровъ тому противорѣчили. Подъ перомъ же Спренгтпортена факты легко мѣняли свою окраску сообразно тому, подъ какимъ угломъ зрѣнія онъ ихъ описывалъ. Умолчаніе въ его рапортахъ начальству о пригласительномъ на свиданіе письмѣ его къ Армфельту, между тѣмъ какъ шведскіе современники прямо приводятъ текстъ этого письма, служитъ тому подтвержденіемъ. Онъ не могъ оправдываться запамятованіемъ о такомъ шагѣ, которымъ ставился въ совершенно исключительное положеніе самъ Цесаревичъ, тогда какъ донесенія Спренгтпортена полны всякихъ, даже мелочныхъ подробностей. Такъ и теперь онъ писалъ даже о простыхъ формахъ приличія со стороны своихъ шведскихъ гостей. «Генералъ Мейерфельдъ, докладывалъ онъ, также какъ и другіе его офицеры, стояли съ непокрытой головой въ продолженіи всего разговора, который былъ очень веселъ и оживленъ съ обѣихъ сторонъ. Онъ первый представилъ мнѣ своихъ офицеровъ, послѣ чего я отвѣчалъ ему тою же вѣжливостью.» Разумѣется изъ этого разговора истекало, что всѣ дѣла идутъ прекрасно. А въ заключеніе повторялась та же ultima ratio: «я полагаю, что теперь именно время посовѣтовать Вашему Вел-ву открыть кошелекъ, чтобы привлечь финскую націю на нашу сторону. Я знаю дво-

---

[1]) Cette visite a paru avoir objet de témoigner leur regret de ce que S. A. Monseigneur le Gr. Duc était parti l'autre jour de leur voisinage avant qu'ils eussent le tems de venir en corps lui présenter leurs très-humbles hommages; mais je n'eu pas de peine à m'apercevoir que ce témoignage de leur respect ne servait que de pretexte pour donner une nouvelle preuve authentique et éclatante de leurs bonnes dispositions dévouées et amicales qu'ils firent éclater en cette occasion. Rapport à Sa M-té Imp. de Mämälä le 25 d'août (листъ 120). М. Гл. Арх. М. Ин. Д.

ихъ, троихъ добрыхъ партизановъ, которые готовы заняться подобной операціей, и думаю даже что самъ г. Гастферъ будетъ въ этихъ обстоятельствахъ очень способенъ оказать намъ услугу» [1]). Конечно Спренгтпортену не былъ еще извѣстенъ указъ Императрицы, при которомъ посылалось 5 тысячъ червонныхъ.

На свиданіи съ Спренгтпортеномъ корпуса офицеровъ не присутствовали двое изъ главнѣйшихъ заправилъ конфедераціи: фонъ-Оттеръ и Монгоммери. Они въ это время были отправлены къ принцу Карлу въ Ловизу съ повтореніемъ ходатайства о созывѣ сейма, не смотря на негодованіе выраженное королемъ по поводу перваго объ этомъ представленія [2]). Этотъ разъ, по удостовѣренію Спренгтпортена, основанному на словахъ Мейерфельда, пріемъ принца превзошелъ всѣ ожиданія, и явилась полная надежда, что скоро ни одного Шведа не будетъ на русской границѣ.

Въ связи можетъ быть съ этимъ пріемомъ у принца Карла, а можетъ быть и съ неудавшимся свиданіемъ съ Великимъ Княземъ во время рекогносцировки, былъ пріѣздъ во Фридрихсгамъ, не далѣе какъ чрезъ три дня, маіора Егергорна. Теперь онъ имѣлъ порученіе уже къ самому главнокомандующему, притомъ лично отъ принца Карла. Послѣдній желалъ свидѣться съ Цесаревичемъ и просилъ назначенія мѣста и времени. Упоминалось и о численности конвоя, какой онъ можетъ съ собой взять. Графъ Мусинъ-Пушкинъ, однако, по объясненіи съ Великимъ Княземъ, и во всякомъ случаѣ зная взглядъ Императрицы, отказалъ въ просьбѣ. «Я далъ Егергорну отвѣтъ,—доносилъ онъ ей 25-го, что Государь Цесаревичъ по обстоятельствамъ, самому принцу Карлу извѣстнымъ, не можетъ инако его почитать, какъ за своего непріятеля, а потому ни на сви-

[1]) Je crois présentement le moment de conseiller à V. M-té d'ouvrir la bourse pour ranger la nation finnoise de notre côté. Je connais deux ou trois bons partisans pour le maniement d'une pareille opération, et je crois M. de Hastfer lui même en cette occasion trés capable de nous rendre service. Тотъ же рапортъ Императрицѣ отъ 25 августа.

[2]) См. Приложеніе № 17.

данiе съ нимъ согласиться, ни въ разговоры вступать, — ни нужды, ни надобности не имѣетъ.» Императрица не колебалась въ этомъ отношенiи; она не нашла нужнымъ даже посовѣщаться съ ближайшими своими помощниками, и переговоривъ лишь съ Цесаревной Марiей Θеодоровной, отказала и съ своей стороны въ желанiи принца Карла [1]).

Полученный вслѣдъ за тѣмъ рапортъ Спренгтпортена къ Императрицѣ отъ 25-го августа, а также и другая его переписка, гдѣ говорилось о мирныхъ намѣренiяхъ Финновъ и Шведовъ, по приказанiю Екатерины сообщены были на прочтенiе вице-канцлеру, графу Остерману. При этомъ онъ предваренъ Храповицкимъ, что «Императрица предполагаетъ писать Мусину-Пушкину, чтобы онъ Шведамъ и Финнамъ далъ выразумѣть, что какъ Датчане войну имъ объявили, то о мирѣ и перемирiи не время теперь говорить, развѣ Финны отстанутъ отъ Шведовъ».

Между тѣмъ предложенiя со стороны Шведовъ сыпались градомъ: не успѣли разсмотрѣть одну переписку, какъ главнокомандующiй посылалъ уже другую. Егергорнъ былъ у него 25-го августа, а 27-го вечеромъ явился къ нему въ Фридрихсгамъ полковникъ Монгоммери, посланный отъ шведскаго войска съ объявленiемъ, извѣстнымъ уже изъ разговоровъ прежнихъ гостей Спренгтпортена. Посланца представлялъ главнокомандующему Спренгтпортенъ. Монгоммери, бывшiй какъ сказано во время этихъ разговоровъ въ Ловизѣ у принца Карла въ качествѣ депутата, заявилъ теперь такъ сказать оффицiально, что шведское войско вошло въ полное соглашенiе съ финскими полками и требуетъ созванiя сейма. Въ виду этого онъ присланъ просить о заключенiи перемирiя. Такъ какъ Мусинъ-Пушкинъ не имѣлъ на подобный случай никакихъ инструкцiй, взглядъ же Императрицы о несвоевременности заключенiя мира или перемирiя, высказанный въ Петербургѣ въ это именно время, не

[1]) Храповицкiй 25-го августа: «Хотѣли послать меня къ вице-канцлеру, но объяснясь съ Великой Княгиней рѣшились, чтобы запретить такое свиданiе».

могъ еще сдѣлаться ему извѣстнымъ, то онъ и отозвался Монгоммери, что удовлетворить его просьбѣ не въ его власти, но что изъ уваженія къ добрымъ намѣреніямъ его соотечественниковъ представитъ это дѣло на разрѣшеніе Императрицы. Считая предметъ серьезнымъ, Мусинъ-Пушкинъ нашелъ нужнымъ при рапортѣ своемъ отправить въ Петербургъ для словесныхъ разъясненій и самого дѣльца Спренгтпортена.

29-го августа Спренгтпортенъ не только былъ уже въ Петербургѣ, но и объяснился съ вице-канцлеромъ гр. Безбородко. Въ тотъ же день Остерманъ писалъ Императрицѣ слѣдующее:

«Условясь съ барономъ Спренгтпортеномъ, я ему сообщилъ мои мысли, которыя онъ въ приложенной здѣсь запискѣ своей рукой написалъ.

«Я принимаю смѣлость на оную всенижайше сослаться. Мнѣ кажется, Всемилостивѣйшая Государыня, что въ теперешнемъ случаѣ иначе отвѣта дать не можно и что съ онымъ обратно можетъ отправиться г. Спренгтпортенъ. Онъ меня спрашивалъ, что послѣ того дѣлать? Я ему отвѣчалъ, что пускай финцы сдѣлаютъ свое представленіе; такъ по разсмотрѣніи онаго и сходственнымъ обстоятельствамъ резолюція воспослѣдуетъ.

«Симъ образомъ мы выиграемъ время, области Вашего Величества освободятся отъ непріятеля безъ кровопролитія, а его армія еще болѣе истощится, буде то правда, какъ оный баронъ меня увѣрялъ, что она и нынѣ уже претерпѣваетъ скудость въ нужномъ пропитаніи, и удастся адмиралу Грейгу продолжительно держать въ запертіи шведскій флотъ» [1]).

Записка, о которой гр. Остерманъ упоминалъ, писана по-французски и состоитъ всего изъ нѣсколькихъ слѣдующихъ строкъ: «Ея И. В-во не можетъ принять никакого предложенія, какого бы свойства оно ни было, ни дать какой либо отвѣтъ депутатамъ арміи, прежде нежели они очистятъ страну, еще занятую ея отрядами въ Гёгфорсѣ. Когда это будетъ исполнено, Ея И. В-во охотно склонится на благоразумныя предложенія, которыя

---

[1]) Моск. Арх. М. Иностр. Дѣлъ. Camp. Suèd. 1788. X. Св. 3. Moussine-Pouschkine, листъ 125. Отъ 29-го августа.

сдѣланы будутъ со стороны арміи, и тогда Ея В-во объявитъ свои намѣренія.—Этотъ отвѣтъ долженъ быть переданъ исключительно финскимъ конфедератамъ, ибо они первые ходатайствовали предъ Ея В-вомъ о милосердіи, и имъ принадлежитъ дѣйствовать, чтобы эти требованія были исполнены и Шведы удалились; тогда обстоятельства будутъ соотвѣтствовать условіямъ, утвержденнымъ уже Ея В-вомъ въ отвѣтѣ данномъ маіору Егергорну» [1]).

Такое мнѣніе было передано главнокомандующему къ исполненію въ рескриптѣ отъ того же 29-го августа. Въ немъ почти дословно повторялось изложенное въ приведенныхъ запискахъ, т. е.: никакого соглашенія, пока шведскія войска остаются въ границахъ нашихъ. А затѣмъ то же самое повторено еще въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Въ слѣдствіе того мы за лучшее считаемъ, что вы полковнику Монгоммери или другимъ, съ подобными предложеніями присылаемымъ, объявили: «que vous ne saurés prêter l'oreille à aucune de leurs propositions aussi longtems que les troupes suèdoises n'auront pas évacué Högfors» [2]).

[1]) Тамъ же, подъ названіемъ: «L'avis de son Excellence M. le Vice-Chancelier». — Она вся писана рукою Спренгтпортена. — «Que Sa M. J. ne peut accepter aucune proposition, de quelle nature qu'elle soit, ni faire aucune réponse aux députés de l'armée, avant qu'elle aura évacué le pays qu'elle tient encore occupé par ses troupes à Högfors. Quand cela sera fait, S. M. J-le veut bien se prêter aux propositions raisonables qui seront faites de la part de l'armée et ce sera alors que S. M. J. fera connaitre ses intentions.—Cette réponse doit être rendue aux confédérés finois seuls, comme ayant été les premiers à interceder la clémence de S. M. J. et auxquels il appartient de travailler que les conditions se remplissent et que les suédois se retirent conformément aux conditions déjà fixées par S. M. J. dans sa réponse donnée au Major de Jägerhorn. (Безъ числа и подписи.—Но записка Остермана, въ которой онъ ссылался на приведенныя строки, помѣчена, какъ сказано, 29-мъ августа.

[2]) Это объявленіе изложено самой Императрицей на лоскуткѣ бумаги карандашемъ въ слѣдующихъ словахъ: «Je crois que le C-te Pouschkin pourrait répondre qu'il ne saurait prêter l'oreille à aucune des paroles des confédérés aussi longtems que le poste de Högfors n'est pas évacué». Государств. Арх. Дѣло № 55, X, листъ 291.

При томъ наставьте и возвращающагося съ симъ генералъ-маіора Спренгтпортена, чтобъ онъ изъ сего не выходилъ, но первые и главнѣйшіе его подвиги обратилъ на достиженіе таковаго очищенія границъ нашихъ; а послѣ того мы охотно можемъ внять всякимъ благоразсудительнымъ мнѣніямъ Финновъ.»

Черезъ два дня Екатерина вновь настаивала, чтобы Мусинъ-Пушкинъ выживалъ Шведовъ изъ Гёгфорса. «Я думаю»,—писала она собственноручно,—«что я немного ошибаюсь, когда за весьма вѣроятное полагаю, что король шведскій въ Гельзинфорсѣ или индѣ въ Финляндіи своей въ углу сидя интригуетъ между финны и между шведы и самъ руководствуетъ скрытно въ ихъ нынѣшней колебленности. Онъ тѣмъ самымъ старается продлить недѣйствіе наше, и для того необходимо надлежитъ выжить его войска изъ Гёгфорса» [1]).

Екатерина однако ошибалась: Густавъ не сидѣлъ «въ углу» въ Финляндіи, а дѣятельно готовился въ Швеціи къ противоборству Датчанамъ. Послѣдніе, узнавъ о происходившихъ между русскимъ начальствомъ и финскими конфедератами переговорахъ, также имѣли намѣреніе, кромѣ прямого нападенія, примѣнить подобный пріемъ и въ Шоніи. Но попытка не удалась, тѣмъ болѣе что условія были иныя: Русскіе не вызывали заговора, а лишь въ нѣкоторой мѣрѣ воспользовались имъ, когда онъ былъ въ полномъ ходу. Въ военныхъ операціяхъ противъ Датчанъ Густавъ также имѣлъ больше успѣха, нежели противъ Русскихъ.

Вытѣсненіе Шведовъ было главною и единственною цѣлью. Для ея достиженія, помимо всякихъ переговоровъ, Императрица старалась усилить военныя средства, бывшія у Мусина-Пушкина и главнымъ образомъ со стороны Финскаго залива и шхеръ. Здѣсь Шведы были почти неуязвимы: нашъ галерный флотъ не былъ достаточно силенъ. Шведскія суда крейсеровали въ виду самаго Фридрихсгама и перехватывали русскія суда [2]).

[1]) Собственноручная приписка къ рескрипту на имя гр. Мусина-Пушкина отъ 31 августа 1788 г. Моск. Ар. М. Ин. Д.

[2]) Не далѣе какъ 30-го августа пять купеческихъ галіотовъ, вышедшихъ изъ фридрихсгамской гавани, подверглись нападенію шведской флотиліи и одинъ изъ нихъ былъ захваченъ.

Поэтому Екатерина спѣшила по возможности увеличить морскія силы. 31 августа, извѣщая главнокомандующаго о присылкѣ еще одного прама [1]), она собственоручно приписала: «На той недѣлѣ къ вамъ отправлены будутъ не малое число гребныхъ всякихъ судовъ, съ помощью которыхъ будете съ водяной стороны въ состояніи подкрѣпить ваши предпріятія, буде добровольно шведы Гёгфорса не оставятъ».—Дѣйствительно, въ Петербургѣ усиленно формировался отрядъ изъ 19-ти судовъ, изъ которыхъ одно было о 44-хъ пушкахъ, другое о 22-хъ. Но отправлено было по назначенію только 14 большихъ судовъ, на которыхъ посажено 2.350 человѣкъ сухопутнаго войска. Эти люди были затѣмъ возвращены въ Петербургъ для отправки съ ними другаго транспорта.

Изъ приведенныхъ документовъ съ очевидностью вытекаетъ, что русское правительство имѣло только одну, притомъ ясно опредѣленную, цѣль: очистить русскія владѣнія отъ шведскаго нашествія. Всякія стремленія Финляндцевъ были не только на самомъ отдаленномъ планѣ, но и прямо допускались лишь какъ средство для достиженія той же цѣли. Нельзя обвинить правительство въ двоедушіи въ отношеніи къ Финнамъ, хотя въ запискѣ вице-канцлера и видна доля хитрости. Финнамъ указывалось что во вниманіе приняты будутъ, хотя всякія, но «благоразсудительныя» мнѣнія ихъ. Ясно, они не завлекались ложными и несбыточными обѣщаніями. Вмѣстѣ съ тѣмъ надѣвалась узда и на увлекающагося и податливаго на обѣщанія посланца: Мусину-Пушкину спеціально поручалось вразумить Спренгтпортена, чтобы онъ не выходилъ изъ строго опредѣленныхъ границъ. Въ этомъ отношеніи онъ не пользовался большимъ довѣріемъ у совѣтниковъ Императрицы: въ словахъ приведенной записки Остермана «буде то правда какъ оный баронъ меня увѣрялъ,» недвусмысленно сказалось сомнѣніе въ его правдивости.

---

[1]) Прамъ-большое плоскодонное судно съ многочисленной, тяжелой артиллеріей.

III.

Принцъ Карлъ.—Проекты самостоятельной Финляндіи.

Не смотря однако на категорическую волю Императрицы отклонять всякія предложенія Шведовъ, не далѣе какъ 2 (13)-го сентября явился въ Фридрихсгамъ тотъ же Монгоммери уже съ письмомъ на имя Великаго Князя, притомъ отъ самого герцога Зюдерманландскаго. Было отъ него заявленіе и главнокомандующему, не только подписанное самимъ Карломъ, но и утвержденное его печатью. Рѣчь шла опять о перемиріи. Монгоммери былъ представленъ Великому Князю; однако это не помогло. Мусинъ-Пушкинъ далъ отвѣтъ, въ точности согласный съ волею Императрицы: пока шведскія войска не оставятъ русскихъ предѣловъ и не возвратятся въ свои области, не только не согласится онъ, главнокомандующій, вступить въ какіе бы ни было переговоры, но и не будетъ принимать никакихъ предложеній. Въ подтвержденіе рѣшительности отказа самое предложеніе принца отдано обратно посланному. Съ него снята впрочемъ копія, которая и представлена въ Петербургъ.

Мирное свое настроеніе Шведы старались доказывать коекакими фактами. Незадолго до того отъ Гастфера возвращены взятые въ плѣнъ сержантъ и семь рядовыхъ. Мейерфельдъ прислалъ изъ Аньялы захваченныхъ восемь человѣкъ мастеровыхъ псковскаго полка. Одновременно съ посылкой предложенія о перемиріи, генералъ Платенъ по повелѣнію Карла доставилъ обратно захваченный предъ тѣмъ галіотъ и трехъ таможенныхъ солдатъ, забранныхъ на таможенной заставѣ при переходѣ Шведовъ черезъ границу.

Но и на эти знаки добродушія и миролюбія съ береговъ Невы не нашлось отклика. Напротивъ, послѣднее (возвращенное) предложеніе принца Карла вызвало въ Императрицѣ бурю негодованія. Вотъ это предложеніе.

«Если я получу положительное ручательство, что флотъ Ея И. В-ва очиститъ портъ Ганге и покинетъ эту станцію, съ тѣмъ чтобы туда болѣе въ этомъ году не возвращаться,—я прикажу отвести войска, занимающія подъ моимъ начальствомъ деревню

Гёгфорсъ, на границѣ короля моего брата, въ отрадной надеждѣ, что этотъ мирный шагъ докажетъ мою добрую волю ускорить заключеніе перемирія, столь желательнаго той и другой сторонѣ. Ловиза. 8-го сентября 1788 г.» [1]).

Заявленіе Карла настолько раздражило Императрицу, что она своей рукой, въ видѣ приписки къ одному второстепенному указу на имя Мусина-Пушкина отъ 4-го сентября, на цѣломъ листѣ написала настоящее обличеніе; въ немъ не было пощады ни самому принцу Карлу, ни его брату королю Густаву. Приводимъ этотъ любопытный документъ дословно.

«Изъ присланной при письмѣ вашемъ отъ 2-го числа сего мѣсяца копіи съ письменнаго предложенія герцога Сюдерманландскаго явствуетъ, что онъ достойный братъ королевскій, ибо и тутъ не оставилъ впутать обиду, дерзость неумѣстную и лжи. *Обида* въ разсужденіи предложенія, чтобы оставить Гангутъ, ибо тутъ обманъ вмыкается тотъ, чтобъ войска провести въ Швецію противу Даніи, да сдѣлать сеймъ вооруженнымъ; ни то, ни другое намъ теперь не полезно. *Дерзость* замыкается въ самомъ предложеніи, ибо дурное ихъ положеніе безъ денегъ, пропитанія и одежды, да и при колебленномъ состояніи послушанія подданыхъ. *Лжи* же явныя находятся, *во первыхъ* въ томъ что считаютъ Гёгфорсъ за ихъ границу, тогда когда намъ трактатомъ уступлена вся Кюменегорская провинція, и мы сорокъ пять лѣтъ ею владѣли безспорно. *Второе.* Солгали будто перемиріе съ обѣихъ сторонъ желается, что съ нашей стороны и думано не было. Вы весьма разумно поступили и сходственно моему предписанію, что послали обратно. Сей день я вамъ отправляю отселѣ знатное число гребныхъ

---

[1]) Предложеніе было написано по-французски и имѣется въ копіи: «Si je reçois une assurance positive que la flotte de S. M. I. évacue le port de Hangö et quitte cette station pour ne plus revenir cette année, Je ferai retirer les troupes qui sous mes ordres occupent le village de Högfors sur les limites du Roi mon frère, dans la douce espérance que ce pas pacifique prouvera ma bonne volonté pour accelerer une trève tant souhaitée de part et d'autre. Lovise ce 8 S^{-be} 1788.—Charles, duc de Sudermanie (L. S.).—Московск. Арх. X, связк. 3, листъ 137.

судовъ, кои вы желали имѣть [1]). Я надѣюсь что вы ими приведены будете въ состояніе съ пользою дѣйствовать противъ Гёгфорскаго посту. Люди сухопутные на оныхъ нынѣ отправленные можете употребить какъ когда дѣло того потребуетъ; но буде ихъ возвратите сюда, то другой транспортъ судовъ къ вамъ отправить можно будетъ, которой безъ нихъ идти не можетъ. Дай Боже вамъ счастіе и благополучіе; я тому довольна, что шведскій обманъ вышелъ наружу. Буде Спренгтпортенъ вамъ не нуженъ болѣе, то возвратите его къ его посту: финнамъ же прикажите внушить, что тонъ герцога Сюдерманландскаго столь же для насъ оказывается обиденъ, неумѣста дерзокъ и лживъ, какъ самой королевской, и что мы имъ пророчествуемъ, что они отъ его поступокъ и поведенія не болѣе себѣ имѣютъ ожидать добра, какъ отъ самого его величества, ибо видно что оба братья держатся одинакимъ, но несноснымъ въ обществѣ правиламъ коварства, и для того буде къ намъ хотятъ быть чистосердечны, то бы его самого выжили отъ себя.»

Записка эта, писанная въ раздраженіи, вполнѣ подтверждаетъ однако высказанный выше взглядъ, что интрига, поведенная съ Финнами, занимала очень дальній планъ. На первомъ стояло безспорно дѣйствіе силою, для чего такъ усердно формировалась и отправлялась гребная флотилія. Самое требованіе возвратить Спренгтпортена къ его Олонецкой командѣ говорило о желаніи дѣйствовать вооруженною рукою и съ той стороны.

Спренгтпортенъ, посланный главнокомандующимъ въ Петербургъ съ предложеніями привезенными Монгоммери, возвратился оттуда очень скоро, привезя упомянутый указъ 29-го августа. Нужно полагать, что въ этотъ разъ онъ не имѣлъ объясненія съ Императрицей; по крайней мѣрѣ благодарность свою за полученные тысячу червонныхъ, которые ему были выданы вѣроятно 25—26 августа, онъ излагалъ въ письмѣ къ Екатеринѣ не ранѣе 5 сентября, хотя и побывалъ въ Петербургѣ 29-го августа. Возвратясь въ Финляндію, онъ возобновилъ

[1]) О нихъ упомянуто выше.

*

свои свиданія и объясненія съ непріятельскими офицерами. На другой день онъ видѣлся опять съ Монгоммери, который ждалъ отвѣта Императрицы. Содержаніемъ его онъ разумѣется не могъ быть доволенъ.

Въ связи съ этимъ вѣроятно и послѣдовало приведенное письмо принца Карла. Въ тотъ же день чрезъ своего зятя Гланзеншерна Спренгтпортенъ получилъ нѣкоторыя свѣдѣнія о настроеніи войскъ въ Саволаксѣ подъ командою Гастфера. Они подтверждали, по его словамъ, что принцъ Карлъ мѣтилъ въ независимые финляндскіе государи подъ протекторатомъ Императрицы, а также что есть расположеніе въ его пользу. Даже извѣстный петербургскій депутатъ Егергорнъ былъ ревностнымъ будто бы сторонникомъ такого проекта. Эти слухи въ нѣкоторомъ отношеніи объясняли поведеніе Карла и тѣ любезности, которыми онъ повидимому старался быть пріятнымъ Императрицѣ, хотя и весьма неудачно. Баронъ Гастферъ, по удостовѣренію Спренгтпортена, также начиналъ уже питать иныя чувства къ своему бывшему благодѣтелю Густаву, съ тѣхъ поръ какъ имъ выражено неудовольствіе за отступленіе отъ Нейшлота. Онъ не одобрялъ будто бы и проектовъ Карла и былъ согласенъ соединить свой отрядъ съ русскими войсками, чтобы скорѣе осуществить мысль о созывѣ финляндскаго сейма по первоначальному плану Спренгтпортена. На сколько въ этихъ свѣдѣніяхъ, представленныхъ имъ Императрицѣ, было точной истины,—сказать трудно; по крайней мѣрѣ событія и несомнѣнные отзывы самого Гастфера не далѣе какъ черезъ мѣсяцъ удостовѣрили въ противномъ. Спренгтпортенъ приводилъ въ основаніе своихъ утвержденій между прочимъ и переписку, завязавшуюся у него съ Гастферомъ. Уже отъ 6-го сентября (26-го августа) этотъ послѣдній писалъ ему изъ Рондасальми два раза. Одно письмо было какъ бы официальное; онъ просилъ въ немъ свиданія и обѣщанія на честномъ словѣ что не будетъ взятъ военноплѣннымъ. Въ другомъ онъ писалъ о томъ же, но развивалъ и нѣкоторыя подробности частнаго характера, а пожалуй и полунамеки.

Говоря, разумѣется, объ интересахъ Финляндіи—notre chère

patrie—Гастферъ однако ясно давалъ понять, что отступленіемъ своимъ отъ Туненсари и снятіемъ осады Нейшлота, вопреки положительнымъ повелѣніямъ короля, онъ оказалъ очень существенную услугу Императрицѣ всероссійской, которая можетъ быть вовсе объ этомъ и не знаетъ. «Какъ бы то ни было—продолжалъ онъ—я пожертвовалъ собой для ея интересовъ.» Чтобы смягчить это недвусмысленное указаніе, онъ пояснялъ, что питаетъ особенно преданныя чувства къ Екатеринѣ съ тѣхъ еще поръ, какъ она удостоила его милостивымъ поклономъ въ 1783 году изъ окна Фридрихсгамскаго ея дворца, въ то время какъ Гастферъ, стоявшій вмѣстѣ съ Эренсвердомъ и Клингспоромъ на улицѣ, былъ представленъ ей самимъ королемъ [1]). Гастферъ удостовѣрялъ Спренгтпортена въ непоколебимости его образа мыслей доказанной его отступленіемъ, и приглашалъ дѣйствовать сообща.

Спренгтпортенъ съ своей стороны видѣлъ въ этомъ «que les affaires commencent d'aller grand train», и обѣщалъ Императрицѣ не дремать. А для лучшаго удостовѣренія въ чувствахъ Финляндцевъ, въ особенности на счетъ отдѣльнаго финскаго сейма, онъ нашелъ нужнымъ вновь повидаться съ аньяльцами. Съ этою цѣлью 3 (14) сентября онъ отправился въ Мемеле, гдѣ собралъ на совѣщаніе Оттера, Хестеско, Стакельберга и фонъ-Торна,—лучшія, по его словамъ, головы конфедераціи, готовыя слѣдовать его программѣ.

Со свиданія онъ возвратился однако въ немалой мѣрѣ разочарованнымъ. Онъ свидѣтельствовалъ что чрезвычайно трудно, чтобы не сказать невозможно, «всѣ эти слабыя головы (ces têtes faibles), въ которыхъ нѣтъ нерва для дѣйствій, побудить къ рѣшимости». Онъ именно этимъ выраженіемъ характеризовалъ Императрицѣ своихъ собесѣдниковъ. «Ихъ сужденія, — писалъ онъ,—уже представляютъ собой миніатюру дѣйствительной республики, со всѣми интригами, имѣющими источникомъ зависть, личные интересы и самолюбіе. Безъ сильнаго толчка, который

---

[1]) Въ 1783 г. состоялось извѣстное свиданіе Екатерины съ Густавомъ въ Фридрихсгамѣ.

побудилъ бы ихъ къ рѣшимости, мало можно надѣяться на ихъ собственныя усилія.» Тѣмъ не менѣе Спренгтпортенъ не отчаявался; онъ настаивалъ только на умѣренности и на томъ, что не надо давать повода къ опасеніямъ что русскія войска займутъ страну. Кромѣ того онъ разсчитывалъ на Гастфера.

Для направленія своихъ подпольныхъ дѣйствій онъ ставилъ на разрѣшеніе Императрицы два вопроса [1]): желаетъ-ли она признать принца Карла въ качествѣ царствующаго въ Финляндіи герцога подъ покровительствомъ ея, Императрицы, съ правомъ для нея избрать послѣ него другаго герцога? Такимъ образомъ предполагалось, отчасти подобно Курляндіи, лично удѣльное, а не наслѣдственное герцогство. Или же «не найдетъ-ли Императрица болѣе соотвѣтственнымъ съ настоящею и будущею безопасностью — устранить всякую тѣнь личной власти и просто принять финскую націю свободную и независимую въ ея внутренней конституціи?» [2]). Спренгтпортенъ забывалъ что есть третій, весьма простой, но самый существенный вопросъ: не слѣдуетъ-ли прямо идти впередъ и разрѣшить возникшія затрудненія силою оружія, поднятаго со стороны Россіи не для нападенія, а для защиты? Но этотъ простой вопросъ прямо и рѣшительно удалялъ со сцены шведско-русскаго генерала, и разумѣется не отъ его честолюбія и жажды власти можно было ожидать такого самоуничтоженія. Легко видѣть, что въ поставленныхъ вопросахъ была немалая доля

[1]) Рапортъ Спренгтпортена Императрицѣ изъ Сиппола отъ 5-го (16) Сентября. Листъ 142, св. 3, X, Camp. Suèd. 1788. Мус. Пушк. Прилож. № 41.

[2]) Autant que j'ai pu fixer mes idées sur l'état de la question présente, elle se réduit à deux alternatives: 1) Votre Maj-té veut Elle adopter le prince Charles, frère du Roi de Suède, comme Duc régnant de Finlande, sous protection Impériale, sauf à Votre Maj-té les droits d'en élire un autre après lui, qui ne sera que apanagé pour sa personne et non héréditaire, à peu près comme c'est aujourd'hui le Duché de Courlande, ou 2) Votre Maj-té trouverait-Elle plus conforme à sa sureté actuelle et future d'écarter toute ombre d'autorité personnelle en recevant simplement la nation finnoise libre et indépendante dans sa constitution intérieure?

недомолвокъ, которыя трудно объяснить своеобразнымъ стилемъ французскихъ писемъ Спренгтпортена. Онъ предлагалъ Императрицѣ «принять» финскую націю, но въ то же время устранить всякую тѣнь личной власти. По всей вѣроятности была задняя мысль: Спренгтпортенъ опять лелѣялъ мечту о финляндской республикѣ подъ фиктивнымъ протекторатомъ Екатерины, со львиною разумѣется долею для себя; онъ не рѣшался только яснѣе высказаться. Поставленные два вопроса Спренгтпортенъ предлагалъ на разрѣшеніе Императрицы, съ ловкостію придворнаго увѣряя что никто лучше ея не можетъ сообразить всѣ послѣдствія того или другаго рѣшенія. Дабы помочь въ выборѣ онъ дѣлалъ поясненія, едвали впрочемъ облегчавшія задачу, если бы Екатерина захотѣла сю заняться. И въ томъ, и въ другомъ рѣшеніи Спренгтпортенъ видѣлъ возможность обезпеченія безопасности и славы Императрицы, находя только что ходъ дѣлъ долженъ быть инакій сообразно выбранной системѣ. — «Первая можетъ осуществиться въ 24 ч. Нужно простое *«да»* со стороны Вашего Величества и *«ура»* со стороны народа,—и вотъ великое княжество финляндское навсегда отдѣлено отъ Швеціи подъ властію принца, интересы котораго, честолюбіе и виды будутъ польщены этимъ новымъ положеніемъ.» Второй путь, по словамъ нашего комментатора, «будетъ болѣе медленъ, болѣе сложенъ, менѣе существенъ въ данныхъ обстоятельствахъ, потребуетъ дѣльныхъ головъ, средствъ, патріотизма, который можетъ быть трудно будетъ поддерживать (?!), но разъ цѣль будетъ достигнута,— представится учрежденіе болѣе достойное уваженія, можетъ быть болѣе спокойное во всѣхъ отношеніяхъ, неподверженное ни одному изъ тѣхъ колебаній, сопряженныхъ съ смѣшанными правительствами, гдѣ послѣдующій интересъ всегда въ противорѣчіи съ интересомъ первоначальнымъ» [1]).

[1]) La sureté que S. M. cherche à établir pour sa gloire peut se rencontrer également dans l'un et l'autre de ces systêmes; mais la marche des choses sera différente. Le premier objet peut s'éffectuer dans un moment de 24 heures. Il ne faut qu'un O u i de la part de V. M. et un v i v a t de la part de la nation et voilà pour jamais le Grand Duché de

Этотъ наборъ фразъ въ видѣ программы Спренгтпортенъ представлялъ Императрицѣ въ рапортѣ отъ 5-го сентября. Тутъ же онъ удостовѣрялъ, что очищеніе Гёгфорса отъ шведскихъ войскъ, на которомъ Екатерина настаивала съ такимъ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ, должно было состояться въ тотъ же день, т. е. 5-го. Такое свѣдѣніе онъ основывалъ на письмѣ Монгоммери, въ которомъ на счетъ Гёгфорса тотъ заявлялъ, что исполнилъ свою обязанность какъ честный человѣкъ, и что герцогъ Карлъ далъ уже генералу Платену соотвѣтственныя приказанія на вторникъ 5(16) числа. Монгоммери ожидалъ затѣмъ, что общая амнистія, а также свиданіе герцога съ великимъ княземъ, не замедлятъ послѣдовать [1]).

Не смотря однако на эти увѣренія, Гёгфорсъ продолжалъ оставаться въ рукахъ Шведовъ и 6-го сентября, тогда какъ другія части русской территоріи были отъ нихъ очищены уже болѣе мѣсяца. Нетерпѣніе и раздраженіе Императрицы росло съ каждымъ днемъ, какъ о томъ свидѣтельствуетъ и Храповицкій въ своихъ ежедневныхъ отмѣткахъ. Понятно поэтому, съ какимъ неудовольствіемъ получила она 8-го сентября новую корреспон-

---

Finlande séparé de la Suède sous l'autorité d'un prince qui trouvera son intérêt, son ambition et ses vues flattées dans cette nouvelle situation.—Le second objet est d'une marche plus lente, compliquée, moins efficace aux circonstances, demandant des têtes, des moyens, un patriotisme peut être difficile à nourir, mais lequel aussi arrivé à son but, présente une masse de constitution plus respectable, peut être tranquille à tout égard, lequel ne sera sujet à aucune de ces vicissitudes ordinairement attachées aux gouvernements mixtes, où un interêt seconde est toujours en opposition avec l'interêt primitif.

[1]) Не довольствуясь одпимъ этимъ обѣщаніемъ, Спренгтпортенъ писалъ на другой день и бар. Армфельту, вновь настаивая на исполненіи воли Государыни и предваряя, что безъ соблюденія этого условія ничего сдѣлано не будетъ. Армфельтъ изъ Аньялы немедленно отвѣчалъ, выражая крайнее сожалѣніе о послѣдовавшемъ промедленіи, и обѣщалъ тотъ же часъ ѣхать въ Ловизу, чтобы тамъ работать изо всѣхъ силъ. «Мои желанія, также какъ и желанія всего народа, совершенно искренно направлены на устраненіе всякими мѣрами всего, что можетъ препятствовать переговорамъ о будущемъ мирѣ.»

денцію изъ Фридрихсгама, въ которой и Мусинъ-Пушкинъ, и Спренгтпортенъ продолжали все только въ будущемъ сулить очищеніе Гёгфорса. Но, кромѣ этой непріятности, сообщенія Спренгтпортена хотя и удостовѣряли, что все идетъ хорошо, содержали и нѣчто пожалуй еще болѣе непріятное для Екатерины. Спренгтпортенъ спрашивалъ: желаетъ-ли она поддержать принца Карла? Въ связи съ этимъ было вѣроятно и усиленное домогательство его имѣть свиданіе съ Павломъ Петровичемъ. Послѣ приведенной ея собственноручной приписки, въ которой она съ такой неудержимой враждебностью отозвалась на сдѣланный имъ шагъ къ примиренію, понятно, что она должна была также враждебно отнестись и къ предполагаемой кандидатурѣ принца на финляндскій престолъ. О свиданіи она высказалась въ отрицательномъ смыслѣ еще прежде. Въ такомъ же смыслѣ выражался и вице-канцлеръ гр. Остерманъ, полагая что задуманное свиданіе нужно совсѣмъ отклонить, «принимая однако для сообщенія Императрицѣ письменные отзывы принца, которые всегда документомъ служить могутъ» [1].

На другой же день, 9-го сентября, посланъ (прил. № 18) указъ Мусину-Пушкину въ этомъ смыслѣ: ожиданіе добровольнаго удаленія непріятеля не заслуживало болѣе довѣріе. «На обѣщаніе вывести войска шведскія изъ Гёгфорса и изъ границъ нашихъ мы тѣмъ меньше считать можемъ, что оно уже не одинъ разъ дано было, но безъ исполненія осталось.» При такомъ недовѣріи Екатерина справедливо продолжала возлагать надежду на военную силу. «Флотилія гребная въ пути,—приписала она собственноручно, — дай Богъ, чтобы скорѣе къ вамъ благополучно доѣхала». Вмѣстѣ съ тѣмъ возникало недоумѣніе: съ кѣмъ же собственно могутъ быть соглашенія? Очевидно доводы Спренгтпортена не были для нея особенно убѣдительны. «Но правда, — продолжала она — что точно намъ сказали, кто обѣщаетъ, и съ кѣмъ мы теперь имѣемъ дѣло, когда и сами

---

[1]) Собственноручная записка вице-канцлера отъ 8 сентября. Моск. Арх. М. Ин. Д. Переписка Мусина-Пушкина, лист. 141.

съ нами трактующіе, какъ себя назвать не знаютъ, слѣдственно и коимъ образомъ можемъ на нихъ полагаться, ибо есть-ли они и нынѣ почитаютъ себя зависящими отъ короля шведскаго, то послѣ оказаннаго со стороны ихъ непослушанія, можетъ снова или часть ихъ оставить бунтовщиковъ, а черезъ то способы къ трактованію съ ними и затруднены будутъ, вмѣсто того что буде бы они огласили себя націей вольной и независимой, ищущей помощи и заступленія противъ угнетателя ихъ вольности и установленныхъ законовъ, тогда весьма удобно будетъ вступить въ гласные переговоры съ ихнимъ народомъ и подать ему наше пособіе.»—Очевидно достоинство Екатерины страдало отъ навязаннаго ей Спренгтпортеномъ дѣйствія тайными путями, и она скорѣе желала вывести все дѣло на свѣтъ Божій. Очевидно также, что глядя по необходимости глазами Спренгтпортена, какъ единственнаго знатока и совѣтника, она принимала до того времени разсказы и донесенія его за чистую монету и была въ увѣренности, что имѣетъ дѣло дѣйствительно со всѣмъ финскимъ народомъ, именемъ котораго совѣтникъ ея прикрылъ интригу нѣсколькихъ самозванныхъ его представителей. Съ другой стороны ясно, что въ умѣ ея брала верхъ вторая изъ предложенныхъ Спренгтпортеномъ, хотя и весьма смутно, альтернативъ, т. е. отдѣленіе Финляндіи отъ Швеціи въ видѣ независимой страны подъ покровительствомъ Россіи, преимущественно предъ обособленнымъ герцогствомъ подъ властію принца Карла. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи тотъ же рескриптъ содержитъ откровенное выраженіе взгляда Екатерины и отчасти повторяетъ то, что было уже высказано ею подъ первымъ впечатлѣніемъ, въ приведенной выше длинной припискѣ ея. — «Изъ всѣхъ трехъ братьевъ король почитается у собственныхъ своихъ подданныхъ лучшимъ, а принцъ Карлъ—самымъ злостнымъ и мстительнымъ. Многіе его почитали, а наконецъ и на сихъ уже дняхъ присланная къ вамъ записка сильнымъ можетъ служить доказательствомъ, что образъ мыслей его не разнствуетъ отъ короля, ибо то же оскорбленіе въ тонѣ и слогѣ, тѣ же гордость и коварство въ намѣреніяхъ и тѣ же самыя лжи въ израженіяхъ

тутъ видны! Буде бы онъ достигъ начальства надъ финнами, то вышло бы изъ сего что онъ или общее составилъ дѣло съ королемъ, и потому для насъ былъ вреденъ, или остался нейтральнымъ между нами и братомъ его, въ чемъ кажется нѣтъ возможности, или же противъ короля.»

Изъ этихъ трехъ случайностей, послѣдней Екатерина не допускала, имѣя въ виду что противъ Карла были бы въ этомъ случаѣ не только король, но еще и его сынъ съ матерью. Въ конечномъ результатѣ Финляндія «паки приведена была бы къ Швеціи, итакъ новый поводъ къ безпокойству неизбѣжно откроется. Мы же въ преселеніи принца Карла въ Финляндію получимъ весьма худого сосѣда и не можемъ не настоять тогда, чтобы для безопасности нашей береговая стража и другой стороны Финскаго залива или большая часть оной намъ въ руки отдана была.»

Здѣсь Екатерина довольно ясно высказывала тотъ единственно вѣрный взглядъ, которымъ руководилась Россія начиная съ Петра Великаго, именно, что Финскій заливъ долженъ быть русскимъ заливомъ. Дабы осуществить его, Петръ взялъ Выборгъ и присоединилъ губернію этого имени къ Россіи; Елизавета продолжала дѣло своего великаго отца и отодвинула границу далѣе, до Кюмени, прибавивъ Кюменегордскую провинцію къ пріобрѣтенію Петра. Позднѣе, при Императорѣ Александрѣ, посолъ его графъ Шуваловъ въ недвусмысленныхъ выраженіяхъ указывалъ Наполеону на цѣли Петра. Естественно, что и государственный умъ Екатерины не могъ допускать иного порядка вещей. Впрочемъ, — поясняла она, — какъ бы ни разрѣшилось дѣло съ кандидатурой принца Карла въ финляндскіе герцоги, оно будетъ всецѣло лежать на Финляндіи, и потому самому принесетъ ея гражданамъ одни только убытки.

Все это было сказано главнокомандующему къ свѣдѣнію и руководству, а въ заключеніе повторялось тоже caeterum censeo: «но,—говорила Императрица,—покуле постъ Гёгфорскій и границы наши не будутъ очищены, никакихъ предложеній слушать не должно, какія прежде подписаны».

ГЛАВА VI.

Аньяльская конфедерація.

(Окончаніе.)

I.

Дальнѣйшія соглашенія.—Удаленіе Шведовъ.

Устраняя косвенно мысль о финляндскомъ герцогствѣ съ принцемъ Карломъ, Екатерина тѣмъ болѣе давала, до времени, значеніе внушенной ей Спренгтпортеномъ идеѣ о «вольной» финской націи, осуществленіе которой нанесло бы Густаву рѣшительный ударъ. Баронъ Гастферъ, какъ видно изъ приведенныхъ отзывовъ Спренгтпортена, почитался имъ въ этомъ отношеніи весьма серьезнымъ орудіемъ. Мусинъ-Пушкинъ, съ его словъ, рѣшительно высказывался въ томъ же смыслѣ, не подозрѣвая что Гастферъ служилъ и нашимъ и вашимъ. Поэтому въ представленіи своемъ Императрицѣ онъ особо свидѣтельствовалъ, даже въ видѣ совершившагося уже факта, «что Гастферъ совсѣмъ оставилъ партію короля шведскаго и показываетъ желаніе свое прилѣпиться къ нашей. Я не безъ основанія уповать могу,—продолжалъ онъ,—что сей человѣкъ съ великою пользою въ настоящихъ обстоятельствахъ употребленъ быть можетъ, ибо между финнами такой только головы и не достаетъ, которая бы имѣла довольно бодрости и духа управлять и въ дѣйство производить ихъ намѣренія и предпріятія.» При такомъ взглядѣ Мусинъ-Пушкинъ приказывалъ Спренгтпортену, чтобы при свиданіи съ Гастферомъ, тотъ настаивалъ

на собраніи въ Финляндіи особаго отъ Шведовъ сейма и обнадежилъ, что русскія войска всегда готовы поддержать Финновъ.

О такомъ приказаніи, которое въ сущности было также только перифразомъ сказаннаго Спренгтпортеномъ, не болѣе, главнокомандующій доводилъ до свѣдѣнія Императрицы. Но при этомъ онъ прибавилъ нѣчто и отъ себя или вѣрнѣе также отъ Спренгтпортена, но чего тотъ не желалъ писать самъ, а находилъ удобнѣе предоставить высказать своему начальнику. Нужно было дать понять Императрицѣ, что Гастферъ человѣкъ умный и предпріимчивый, но что состояніе его вовсе разстроено и что къ поправленію его не было иной надежды кромѣ пріобрѣтенія благоволенія Ея Величества.... Въ отвѣтъ на это Мусину-Пушкину повелѣвалось «въ добрыхъ его (Гастфера) намѣреніяхъ всемѣрно утверждать и предупредить чрезъ Спренгтпортена, что если онъ исполнитъ свое обѣщаніе касательно собранія особаго сейма финляндскаго—воспользуется Нашею щедротою» [1]).

Такимъ образомъ Гастферъ выдвигался на болѣе близкій планъ вмѣсто прежней конфедераціи, которой, не смотря на всѣ старанія Спренгтпортена, въ Петербургѣ не давали желаннаго значенія: колебанія людей, кои къ тому же «сами себя назвать не могли», оцѣнивались тамъ по достоинству.

Предположенное свиданіе Спренгтпортена съ Гастферомъ состоялось 9 (20) сентября въ Саволаксѣ, въ мѣстечкѣ Кейкесальми. Бывшіе при этомъ переговоры заключились чрезвычайно своеобразнымъ документомъ, который Гастферъ, состоявшій еще не только на дѣйствительной шведской службѣ, но и въ близкихъ къ Густаву отношеніяхъ, не затруднился дать представителю русскаго правительства. Очевидно этотъ документъ былъ написанъ по настояніямъ Спренгтпортена, а можетъ быть и подъ его диктовку: нѣкоторыя, свойственныя перу послѣдняго, выраженія даютъ основаніе такой догадкѣ. Мало того: Спренгтпортенъ прилагалъ все стараніе къ тому, чтобы подписка Гастфера—такъ называетъ и самъ онъ написанную имъ бумагу—получила quasi формальный характеръ. На ней было даже сдѣлано удостовѣреніе состоявшаго при Спренгтпортенѣ въ каче-

[1]) Прил. № 18.

ствѣ переводчика, надворнаго совѣтника Евграфа Сысоева о томъ, что она писана Гастферомъ въ каретѣ Спренгтпортена, ему имъ, Гастферомъ, вручена и предъявлена Сысоеву какъ свидѣтелю-очевидцу. Собственно подписка эта не содержитъ въ себѣ ничего новаго, неизвѣстнаго изъ вышеизложеннаго, но имѣетъ свое значеніе какъ явное доказательство измѣны Гастфера королю шведскому, тогда какъ онъ и теперь и послѣ продолжалъ удостовѣрять Густава въ своей лояльности и вѣрноподданствѣ. Свидѣтельство послѣдняго заключается въ многочисленныхъ письмахъ ближайшаго его сослуживца и даже подчиненнаго по саволакскимъ войскамъ, графа Стединка, близкаго Густаву человѣка. Подписка изложена была по-французски; здѣсь представляется ея переводъ.

«Я, нижеподписавшійся баронъ Гастферъ, бригадиръ войскъ короля шведскаго и командоръ ордена Меча, начальникъ войскъ въ Саволаксѣ и Кореліи, обязываюсь настоящею подпискою содѣйствовать всѣми моими силами, какъ лично, такъ и черезъ моихъ друзей, равно и войсками, состоящими въ моемъ распоряженіи, проекту независимости которую мы согласились предоставить великому княжеству Финляндскому подъ высокимъ покровительствомъ Ея И. В-ва Императрицы всероссійской и помощію мѣръ словесно договоренныхъ между генералъ-маіоромъ Спренгтпортеномъ и мною, но не изложенныхъ на бумагѣ по недостатку времени. Я дѣлаю это въ убѣжденіи предоставить моему дорогому отечеству твердое и продолжительное счастіе, и окончить на всегда раздоръ двухъ народовъ, и съ тѣмъ большимъ удовлетвореніемъ для меня и для моихъ соотечественниковъ, что убѣжденъ въ чистотѣ намѣреній Ея Величества въ отношеніи насъ и въ ея особой къ намъ благосклонности. Ручаясь въ достовѣрности сего моимъ честнымъ словомъ я льщу себя надеждою получить также всю помощь и личное для себя покровительство отъ Ея И. В-ва, вызываемыя моимъ усердіемъ къ ея интересамъ» [1]).

---

[1]) Le soussigné Baron de Hastfer, Brigadier des armées du Roi de Suède et commandant de l'Ordre de l'Epée, chef des troupes de Savolax et

Зачѣмъ нужна была Спренгтпортену такая подписка? Очевидно только для того, чтобы отличиться передъ Императрицей, показать ей плоды его хлопотливой, хотя и не особенно почтенной дѣятельности, убѣдить что все идетъ по соображеніямъ его какъ по писанному. Съ точки зрѣнія самолюбія Спренгтпортена это было особенно нужно теперь, когда конфедерація, за которую онъ такъ лихорадочно ухватился, выказала свою полную несостоятельность. Поэтому полученную подписку онъ поспѣшилъ представить Императрицѣ, поясняя что этого обязательства достаточно для того чтобы она увидѣла всю сущность предмета (Cette pièce suffira pour mettre V. M-té au fait du sujet de la question). Можетъ быть еще думалъ Спренгтпортенъ этою подпискою окончательно скомпрометтировать Гастфера въ глазахъ шведскаго правительства, и тѣмъ заставить его безповоротно примкнуть къ планамъ его, Спренгтпортена. Только мягкостью характера и недальновидностью Гастфера и пожалуй расчетами на благостыни, ожидаемыя при посредствѣ вліятельнаго по его мнѣнію при дворѣ Екатерины сообщника, и можно

---

de Carélie, m'engage par le présent écrit de concourir de toutes mes forces autant par ma personne que par mes amis et avec les troupes sous mes ordres au projet d'indépendance, dans laquelle nous sommes convenus de mettre le Grand Duché de Finlande sous la haute protection de S. M. I. de toute la Russie, et cela d'après le me(s)sures concertées de bouche avec monsieur le général major de Sprengtporten et moi, que le tems ne permet pas de coucher par écrit. Je le fais par conviction de procurer un bonheur solide et durable à ma chère Patrie et de finir par ce projet et pour toujours la discorde qui divise les deux nations, et avec d'autant plus de satisfaction pour moi et mes compatriots que je suis convaincu de la pureté des sentimens de S. M. I. à notre égard et de Sa bienveillance particulière pour nous. En engageant ainsi et d'une manière autentique ma parole d'honneur, je me flatte aussi de recevoir tous les secours et la protection personnelle de S. M. I. qu'exige mon zèle pour Ses interêts à cette occasion. Keukesalmi, ce 20 Septembre 1788. B. J. Hastfer. «Что письмо сіе было писано господиномъ Гасверомъ въ каретѣ Его Превосходительства Барона Спренгтпортена, а потомъ ему имъ вручено, а этимъ предъявлено и мнѣ, яко очевидный свидѣтель. Число какъ выше. Надворн. Совѣтн. Евграфъ Сысоевъ». — Москов. Арх. Camp. Suèd. 1788. X, св. 1, листъ 21.

объяснить выдачу документа, который не имѣлъ самъ по себѣ никакого значенія, и ничего не давая Гастферу, подвергалъ его самымъ крайнимъ опасностямъ.

Какъ бы въ вящшее подкрѣпленіе этой подписки, Гастферъ передалъ Спренгтпортену при свиданіи еще четыре собственноручные указа короля, касавшіеся военныхъ дѣйствій въ Савоиаксѣ и осады Нейшлота. Въ сущности документы эти ничего теперь не значили и имѣли развѣ интересъ историческій, служа для характеристики распоряженій короля при началѣ войны. Былъ еще одинъ королевскій указъ, о назначеніи Гастфера къ должности, которымъ Екатерина интересовалась, но тотъ его или не хотѣлъ отдать, или дѣйствительно не имѣлъ; по крайней мѣрѣ онъ отозвался тѣмъ, что возвратилъ его Густаву по его требованію. Ни сущности этого указа, ни самаго отзыва Гастфера изъ имѣющихся документовъ не видно; о нихъ извѣстно только по записи въ дневникѣ Храповицкаго.

О самомъ свиданіи Спренгтпортенъ по обыкновенію плодовито и съ увлеченіемъ доносилъ Императрицѣ на другой же день, 10-го сентября[1]). Какъ результатомъ своихъ соглашеній, такъ и Гастферомъ онъ былъ очень доволенъ. По его словамъ, этотъ баронъ мужественъ и дѣятеленъ, имѣетъ необходимыя данныя для того чтобы предводительствовать партіей. Впрочемъ онъ не объяснялъ, какія именно были эти данныя, такъ какъ мужества и дѣятельности для такой выдающейся роли еще далеко недостаточно. Спренгтпортенъ былъ особенно въ восторгѣ отъ того что уловилъ въ свои сѣти этого офицера, единственно способнаго въ тѣхъ обстоятельствахъ произвести извѣстное давленіе на дѣло конфедератовъ. Нужно было,—увѣрялъ Спренгтпортенъ,—только дѣйствовать согласно его плану, плану впрочемъ весьма смутному, какъ видно было выше. По его словамъ Гастферъ вполнѣ раздѣлялъ его взглядъ, и затѣмъ можно было всего ожидать отъ добраго его расположенія. Въ искренности его онъ ни на минуту не сомнѣвался, тѣмъ болѣе что Гастферъ далъ ему понять рѣшимость перейти въ крайнемъ случаѣ въ Россію со всѣмъ семействомъ, если дѣла не примутъ оборота

[1]) Прилож. № 42.

согласнаго съ его видами. Такая рѣшимость естественно впрочемъ истекала изъ невозможности разсчитывать на безопасность какъ у короля, такъ и у принца Карла.

Особенное значеніе давалъ Спренгтпортенъ, какъ сказано, приведённой подпискѣ: онъ видѣлъ въ ней чуть-ли не событіе. «Итакъ—восклицалъ онъ—вотъ уже сдѣланъ шагъ къ независимости гг. финновъ! Остальное принадлежитъ ихъ національному сейму, надъ которымъ надо теперь работать изо всѣхъ силъ, приготовляя къ нему умы всевозможными способами» [1]). Съ этою цѣлью, по соображеніямъ Гастфера раздѣляемымъ Спренгтпортеномъ, первый долженъ былъ сдѣлать поѣздку по странѣ подъ предлогомъ свиданія съ женой. Никто, по мнѣнію Спренгтпортена, не былъ способнѣе Гастфера сѣять разныя негласныя внушенія; онъ уже зарекомендовалъ себя, орудуя подобнымъ образомъ подъ руководствомъ короля на послѣднемъ сеймѣ въ Стокгольмѣ. Въ проѣздъ свой чрезъ Аньялу онъ долженъ былъ договориться съ наиболѣе рѣшительными изъ конфедератовъ.

Не смотря однако на «высокія» качества Гастфера, и надежды на него возлагавшіяся, Спренгтпортенъ заявлялъ теперь Императрицѣ, что пока Гёгфорсъ не будетъ очищенъ, нельзя особенно надѣяться ни на конфедератовъ, ни на самого Гастфера; ни одинъ финнъ до тѣхъ поръ, по его увѣренію, не откроетъ рта. «Они не имѣютъ ни столько мужества, чтобы поступать рѣшительно на глазахъ Шведовъ которыхъ боятся, ни довольно твердости, чтобы ихъ прогнать.» Очевидно Спренгтпортенъ самъ не зналъ хорошенько, что было возможно и что предстояло дѣлать. Его своеобразныхъ способностей хватало на столько, чтобы сильно замутить воду; но дать ей правильное, куда нужно, теченіе онъ рѣшительно не умѣлъ. Онъ предлагалъ Императрицѣ добиваться удамѣрами политическими, или вѣрнѣе подпольными ходами, приглашалъ ее настаивать на этомъ, удерживалъ отъ наступательнаго движенія войскъ за Кюмень, и въ то же время наивно

[1]) Изъ рапорта Императрицѣ отъ 10 сентября. См. Приложеніе № 42.

ленія Шведовъ сознавался, что Шведы силою своихъ собственныхъ революціонныхъ элементовъ не уйдутъ. Онъ опасался и того, что откроются намѣренія навязанныя имъ Екатеринѣ и старательно скрываемыя. Въ этомъ послѣднемъ расчетѣ,—какъ онъ самъ писалъ ей,—онъ не дѣлаетъ никакихъ опредѣленныхъ шаговъ (une démarche authentique), а только желаетъ втайнѣ соединить умы въ извѣстномъ направленіи. Остальное должно быть дѣломъ времени и благоразумія.

Всю эту путаницу соображеній и предложеній онъ не преминулъ иллюстрировать и съ своей стороны поясненіемъ, что Гастферъ не скрылъ отъ него шаткаго положенія своихъ дѣлъ и состоянія, но что онъ, Спренгтпортенъ, вполнѣ обнадежилъ его въ этомъ отношеніи великодушіемъ Императрицы. Отвѣтъ ея не замедлилъ. Между противоположными теченіями Екатерина очевидно сама колебалась и давала еще значеніе и соображеніямъ Спренгтпортена, и заявленіямъ Гастфера, хотя можетъ быть не безъ вліянія въ этомъ случаѣ были и совѣты Остермана и Безбородко, которые во всемъ этомъ находили полезнымъ выигрышъ времени. Отъ 14-го сентября Императрица писала главнокомандующему: «Бригадира Гастфера надлежитъ всемѣрно утверждать въ добрыхъ намѣреніяхъ, обнадежа его чрезъ барона Спренгтпортена нашею милостію и призрѣніемъ. На первый же случай для расходовъ по случаю предпріемлемаго путешествія въ провинцію можете снабдить его отъ 500 до 1.000 червонныхъ по вашему разсмотрѣнію [1]).» Едва-ли надо пояснить, что приказанія эти Екатерина давала не съ особеннымъ доброжелательствомъ, и обнадеживая Гастфера своею милостію и покровительствомъ, на самомъ дѣлѣ питала къ нему далеко не добрыя чувства. Храповицкій не обинуясь пишетъ по поводу передачи Гастферомъ упомянутыхъ четырехъ королевскихъ повелѣній, что Екатерина отозвалась о немъ съ величайшимъ презрѣніемъ: «Какіе измѣнники!—сказала она своему довѣренному секретарю;—буде не таковъ былъ король, то заслуживалъ бы сожалѣнія; но что дѣлать? надобно пользоваться обстоятель-

---

[1]) Приложеніе № 19.

ствами; съ непріятеля хоть шапку долой! Я почти боюсь показывать такія бумаги» [1]).

Поддерживая Гастфера и К°, а съ ними и тайные ходы противъ Густава, Екатерина не переставала побуждать Мусина-Пушкина къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ и недовѣрять обѣщаніямъ принца Карла и Шведовъ. «Заключенія наши, — писала она ему,— что обѣщаніямъ Шведовъ вывести войска изъ Гёгфорса вѣрить нельзя, оправдаются, когда они по сіе время не исполнены. какъ то мы изъ реляціи вашей отъ 11-го сентября съ приложеніями видѣли. Всѣ намѣренія королевской партіи къ тому клонятся чтобы удержать насъ въ недѣйствіи, обративъ значительную часть силъ ихъ на оборону противу Даніи и между тѣмъ успокоить духи въ націи, а сіе отнюдь съ нашей стороны попускаемо быть не долженствуетъ. Мы потому надѣемся, что вы заранѣе мѣры ваши воспримете на случай дальнѣйшаго съ ихъ стороны намѣренія обманывать насъ, дабы по прибытіи къ вамъ гребныхъ вооруженныхъ судовъ, Шведовъ изъ Гёгфорса выжить, постъ сей занять, да и дальнѣйшіе поиски на утѣсненіе и вредъ непріятелю нашему распространить.... Адмиралу Грейгу предписано Шведовъ чрезъ Гангутъ не пропускать, что онъ въ точности исполняетъ; чрезъ Абовъ же имъ возвратиться мы не можемъ препятствовать въ разсужденіи поздаго времени и неимѣнія у адмирала гребныхъ судовъ, кои бы одни къ тому были удобны.»

Такимъ образомъ оказывалось, что соображенія Спренгтпортена о выжиданіи хода событій и о необходимости не вводить русскаго войска въ финскіе предѣлы, дабы не раздражать населенія якобы готоваго встать подъ покровительство Россіи, были теперь пренебрежены въ петербургскихъ совѣтахъ. Что касается до соглашеній о мирѣ или перемиріи, о чемъ такъ часто возобновлялась съ непріятельской стороны рѣчь, то Екатерина не только повторяла свое прежнее мнѣніе, но и шла еще далѣе, подвергая уже сомнѣнію самое право Густава заключить миръ и требуя для рѣшенія этого вопроса созыва шведскаго сейма.

---

[1]) Храповицкій. Дневникъ 13 (24) сентября 1788 г.

*

«По занятіи вами Гёгфорса однимъ или другимъ способомъ, — наставляла она главнокомандующаго, — естьли изъ-за Кюмени присланы къ вамъ будутъ отъ Шведовъ съ требованіями о мирѣ или перемиріи, вы имъ отвѣтствуйте: 1-е) что какъ союзный намъ датскій дворъ, по трактатамъ его съ нами, принялъ въ войнѣ сей дѣятельное участіе и началъ свои операціи, то мы, по силѣ взаимныхъ обязательствъ нашихъ, не можемъ безъ согласія сея державы принимать никакихъ предложеній о мирѣ или перемиріи, 2-е) что сверхъ сего не вѣдаемъ, кто съ непріятельской стороны дѣлаетъ намъ таковое предложеніе, какъ именовать сихъ предлагателей, и имѣютъ-ли они на то законное право, котораго кажется не имѣетъ уже и самъ король, когда началъ онъ беззаконную войну, не токмо противъ конституціи 1720 г., обезпеченной ручательствомъ Нашимъ въ Нейштатскомъ мирѣ, но и противу того установленія, которое самъ онъ ввелъ при похищеніи непринадлежащей ему власти; а посему и рѣшились мы не вступать съ ними ни въ какіе переговоры покуда соберутъ чиновъ государственныхъ, кои одни по конституціи, въ Нейштатскомъ договорѣ гарантированной, имѣютъ право разсуждать о беззаконности войны сея и пещися о возстановленіи прочнаго мира, взявъ къ тому нужныя и полезныя мѣры» [1]).

Непріязнь Екатерины къ Густаву находила такимъ образомъ категорическое выраженіе уже не только въ частныхъ о немъ отзывахъ или въ сочиненіи пародій, но и въ оффиціальномъ указѣ главнокомандующему. Дѣйствительно, чѣмъ инымъ кромѣ раздраженія и недобраго чувства, можно объяснить рѣзкія противорѣчія въ словахъ ея указа и въ ея прежнихъ дѣйствіяхъ? Теперь она уже отказываетъ Густаву въ правѣ на заключеніе мира, потому что онъ нарушилъ конституцію 1720 года. Между тѣмъ, когда въ 1772 г. Густавъ сдѣлалъ свой государственный переворотъ, Екатерина не вступилась за нарушенныя свои права, выговоренныя въ петровскомъ трактатѣ, и даже

[1]) Рескриптъ гр. Мусину-Пушкину, 9-го сентября 1788. См. Приложеніе № 18.

два раза шла впередъ на несомнѣнное сближеніе съ Густавомъ, имѣвъ съ нимъ свиданія въ Фридрихсгамѣ и Петербургѣ. Она не протестовала и въ разныхъ другихъ случаяхъ. Даже предъ самымъ разрывомъ не было никакихъ на этотъ счетъ упоминаній; не было ихъ и въ извѣстной нотѣ Разумовскаго, гдѣ государственные чины были упомянуты лишь какъ свидѣтели добрыхъ намѣреній Императрицы. Тѣмъ болѣе страннымъ представляется требованіе созыва народныхъ представителей въ качествѣ высшей рѣшающей власти со стороны Императрицы, обладавшей у себя въ странѣ всѣми правами безграничнаго самодержавія. Но въ этомъ самодержавіи была сила, а въ конституціонномъ сеймѣ были всѣ элементы слабости. Высшія цѣли оправдывали средства, несогласныя повидимому съ обыкновенной моралью, и, поддаваясь увлеченію раздраженіемъ противъ личнаго врага, Екатерина не уклонялась съ пути истинныхъ пользъ своего государства.

Какъ бы то ни было, но ближайшая цѣль ея была: не принимать мира, а продолжать тѣснить Шведовъ впредь до созванія ихъ сейма. Отъ этого послѣдняго она ожидала можетъ быть удовлетворенія своему враждебному чувству, полагая, со словъ Спренгтпортена, что Густаву не сдобровать предъ раздраженными государственными чинами. Послѣдствія показали однако, что аньяльскіе друзья и корреспонденты Спренгтпортена не имѣли никакой проницательности, и что этотъ послѣдній, обладавшій ею еще въ меньшей степени, вводилъ какъ Императрицу, такъ и главнокомандующаго въ заблужденіе, результаты котораго во всѣхъ своихъ размѣрахъ сказались впослѣдствіи.

Въ ближайшихъ же частныхъ распоряженіяхъ оно вело къ неизбѣжнымъ противорѣчіямъ. Указы слѣдовали одинъ за другимъ, и высочайшая воля выражалась повидимому вполнѣ категорично: Мусинъ-Пушкинъ вмѣстѣ съ Грейгомъ должны были тѣснить Шведовъ не только въ русской, но и въ шведской Финляндіи. Но въ то же время Спренгтпортенъ сулилъ безкровныя побѣды и внушалъ необходимость оберегать національное чувство Финновъ и не безпокоить ихъ на ихъ родинѣ. Екатерина становилась на его точку зрѣнія, и съ своей стороны выдѣляла

Финновъ изъ состава шведской арміи. Въ этомъ заключалось крупное разнорѣчіе: нельзя было идти впередъ, дѣлать поиски на сухомъ пути, минуя Финляндію; наоборотъ, оберегая Финновъ, приходилось отложить въ сторону дальнѣйшіе военные успѣхи. Впрочемъ, начиная уже колебаться въ довѣріи къ предложеніямъ конфедератовъ, Екатерина поручала Мусину-Пушкину относиться къ Финнамъ внимательно только до тѣхъ поръ, пока они не соединяютъ своихъ интересовъ съ интересами Шведовъ.

«Что касается до Финновъ, вы уже имѣете достаточныя наставленія въ указѣ нашемъ отъ 9-го сентября. Отзывы ваши къ нимъ долженствуютъ основаны быть на содержаніи помянутаго указа, буде они, или по крайней мѣрѣ лучшая часть ихъ, пребудутъ въ наклонности къ преобразованію ихъ въ область вольную и независимую, и для того ежели они пришлютъ особо отъ себя какія предложенія или прошенія до нихъ, а не до Шведовъ касающіяся, таковыя принимать и на донесеніе къ намъ представлять—....и мы, смотря по отзывамъ финляндцевъ, не упустимъ тогда снабдить васъ новыми наставленіями относительно сея негоціаціи; но буде и они соединятся въ предложеніяхъ и отзывахъ ихъ съ Шведами, не касаясь своей независимости, въ такомъ случаѣ и имъ не иной отвѣтъ дать слѣдуетъ, какъ выше о Шведахъ сказано» [1]).

Такимъ образомъ къ обнадеживанію присоединялась уже и угроза. Но дѣло, становившееся повидимому на вѣрный путь, уклонялось съ него тѣмъ что главнокомандующему повелѣвалось по взятіи Гёгфорса отправить Спренгтпортена въ Петербургъ «для лучшаго объясненія по дѣламъ тамошнимъ».

До отъѣзда Спренгтпортенъ еще разъ былъ въ Мемеле, на новомъ свиданіи съ Армфельтомъ и конфедератами. По его словамъ, они имѣли надобность въ совѣтахъ въ виду вновь ожидавшагося къ нимъ пріѣзда принца Карла. Мусинъ-Пушкинъ съ своей стороны велѣлъ Спренгтпортену «не мѣшкать, дабы воспользоваться надобностью его тамъ присутствія и въ потреб-

---

[1]) Прилож. № 19. Рескриптъ Императрицы гр. Мусину-Пушкину 14-го сентября 1788.

номъ ободреніи сего благомыслящаго (sic!) общества» [1]). На этомъ свиданіи Спренгтпортенъ получилъ положительныя удостовѣренія, что гёгфорскій постъ будетъ очищенъ не далѣе трехъ дней. На счетъ происшедшей задержки онъ дѣлалъ Императрицѣ еще ранѣе намеки, ключа къ которымъ къ сожалѣнію не имѣется: онъ приписывалъ ее какому-то тщеславію (vanité), которому не хотѣли сдѣлать уступки, и что уже четыре дня дѣло зависѣло отъ насъ [2]).

Дѣйствительно 14-го сентября состоялось наконецъ давно и такъ лихорадочно ожидавшееся очищеніе Гёгфорса, Кюменегорда и вообще всѣхъ русскихъ предѣловъ. Непріятель отступилъ къ Ловизѣ, а русскій генералъ Бауеръ занялъ пограничную линію. Въ тотъ же день, 14-го числа, изъ Кронштадта прибыла въ Выборгъ и гребная флотилія. Слухи о ея приближеніи быть можетъ имѣли вліяніе на окончательную рѣшимость Шведовъ отступить за Кюмень, хотя активнаго воздѣйствія она произвести не могла. Да и вообще гр. Мусинъ-Пушкинъ не имѣлъ въ виду преслѣдовать непріятеля. Кампанію 1788 года надлежало считать конченною. Прибывшія суда онъ оставилъ въ Выборгѣ, и испрашивалъ даже разрѣшенія раскассировать свою армію: баталіоны гвардіи вернуть въ Петербургъ, а полки тяжелой кавалеріи на ихъ квартиры. Эту мѣру онъ оправдывалъ трудностію продовольствовать войска въ Финляндіи, и особенно недостаткомъ фуража для конницы. Прочія войска главнокомандующій расположилъ по границѣ, на кантониръ-квартирахъ, съ тѣмъ чтобы по окончаніи осени размѣстить ихъ на зимнія квартиры.

---

[1]) Рапортъ 11-го сентября.

[2]) Votre Majesté sera instruite de S. E. le comte de Pouschkine de ce qui a retardé encore l'évacuation de Högfors de 4 jours. Un petit point de vanité à laquele (auquel?) on n'a pas voulu ceder, cause ce rétard qui n'est pas d'objet au reste. Il y a 4 jours que la chose a dépendu de nous. Изъ приписки Спренгтпортена къ донесенію Императрицѣ 10-го сент. Разрядка въ подлинникѣ подчеркнута краснымъ карандашемъ вѣроятно гр. Безбородко. Ссылка на Мусина-Пушкина не разъясняется изъ его рапортовъ къ Императрицѣ.

Взгляду на военныя дѣйствія минувшаго лѣта представляется очень бѣдная и даже печальная картина. Въ сущности все исчерпывалось однимъ морскимъ боемъ при Гохландѣ, не имѣвшимъ хотя рѣшительнаго значенія, но повлекшимъ за собою то серьезное послѣдствіе, что Густавъ вынужденъ былъ измѣнить весь свой планъ нападенія. Сухопутныя же дѣла имѣли характеръ ничтожныхъ стычекъ, не исключая и осады Нейшлота. Энергическихъ дѣйствій желала не только Екатерина, но и Грейгъ, старавшійся побудить къ тому главнокомандующаго, но тщетно. Подпольная интрига Спренгтпортена была послѣднему болѣе заманчива, и онъ весь отдался руководству этого своего совѣтника. Русская армія оказалась на послугахъ у шведскаго измѣнника.

II.

Баронъ Гастферъ.—Конецъ конфедераціи.

Но если прекратились на время военныя дѣйствія, то и дѣло Аньяльской конфедераціи слѣдовало считать окончательно погибшимъ, хотя Спренгтпортенъ и доказывалъ Императрицѣ о сдѣланномъ новомъ будто бы шагѣ «къ независимости гг. Финновъ». Со времени выступленія непріятеля изъ русскихъ предѣловъ дѣйствительно сдѣланъ былъ шагъ, но только шагъ назадъ, а не впередъ. Отуманившій на минуту чадъ увлеченія враждебностію къ королю и мыслію о возстановленіи утраченныхъ политическихъ правъ сталъ быстро оставлять головы людей, примкнувшихъ къ движенію, и оно тоже стало принимать другой оборотъ. Этому отрезвленію едва-ли не сильнѣйшій толчекъ данъ былъ самимъ королемъ. Когда онъ уѣзжалъ въ августѣ изъ Финляндіи, положеніе его было довольно критическое: не ограничиваясь однимъ требованіемъ заключенія мира, созыва государственныхъ чиновъ и возстановленія нарушенныхъ правъ дворянства, заговорщики не прочь были употребить и нѣкото-

рыя мѣры побужденія къ исполненію этихъ требованій [1]). Съ прибытія же Густава въ Швецію обстоятельства приняли въ скорости самое благопріятное для него направленіе. Какъ извѣстно, поспѣшный его отъѣздъ изъ Финляндіи былъ вызванъ договореннымъ съ Россіею нападеніемъ Датчанъ на юго-западную Швецію. Датскій главнокомандующій, принцъ Гессенскій, взялъ уже города Стрёмштадъ и Уддевалла и приступилъ къ осадѣ Готенбурга. Густавъ поспѣшилъ въ провинцію Далекарлію и въ началѣ сентября, въ селеніи Мора, обратился къ народу съ воззваніемъ. Мѣсто было выбрано удачно: здѣсь, два съ половиною вѣка предъ тѣмъ, предокъ Густава III, Густавъ Эриксонъ Ваза, умѣлъ поднять духъ народа при подобныхъ же условіяхъ, и отбилъ нападеніе Датчанъ. Далекарлія, эта шведская Вандея, населенная мужественными и преданными своимъ королямъ горцами, не измѣнила преданіямъ. Густавъ не ошибся въ томъ, возбудилъ народный энтузіазмъ и, прибывъ въ Готенбургъ, достигъ снятія осады и удаленія врага изъ Швеціи. Въ этомъ впрочемъ помогло ему также вмѣшательство Пруссіи и Англіи, недоброжелательно глядѣвшихъ на оказываемое Даніей содѣйствіе Россіи.

Такой благопріятный поворотъ не только изгладилъ недовольство бывшее въ Швеціи, но и вызвалъ множество знаковъ искренняго сочувствія королю. Позднѣе, при въѣздѣ въ Стокгольмъ, ему были сдѣланы горячія демонстраціи преданности и любви: народъ даже везъ на себѣ его экипажъ. Сепаратистскія дѣйствія аньяльцевъ подвергались самымъ крайнимъ порицаніямъ, а конфедератовъ называли измѣнниками. Въ Финляндіи это охлажденіе къ затѣямъ заговорщиковъ также все болѣе и болѣе обозначалось, или вѣрнѣе обнаруживалось что идеи ихъ обращались только въ тѣсномъ кругу людей, близкихъ къ главнымъ зачинщикамъ и какой нибудь сотни увлеченныхъ ими офицеровъ. Самое невинное проявленіе этого увлеченія, выразившееся подачею нѣкоторыми изъ нихъ въ отставку, подвергалось еще ранѣе совсѣмъ недвусмысленнымъ порицані-

---

[1]) См. стр. 194 и прим. на стр. 181.

ямъ со стороны населенія; при проѣздѣ ихъ называли трусами и измѣнниками. Этими же именами клеймили заговорщиковъ и пасторы съ церковной каѳедры, приписывая ихъ дѣйствія желанію предать Финляндію Россіи. Побудительною причиною выставлялись ихъ трусость, честолюбіе и продажность. Неуспѣхъ въ военныхъ дѣйствіяхъ они приписывали тому же. Отдѣленіе Финляндіи ставили въ связь съ желаніемъ дать еще большее преобладаніе дворянству на счетъ прочихъ сословій. Имена Спренгтпортена, Егергорна и другихъ произносились съ проклятіями, какъ имена открытыхъ враговъ отечества. Проявленіе ненависти къ полковнику Хестеско, наиболѣе рьяному и дерзкому конфедерату, принимало даже осязательную форму въ эмблематическихъ образахъ. Слово hästsko по-шведски значитъ подкова; поэтому въ нѣкоторыхъ мѣстахъ гдѣ предстояло проѣзжать этому офицеру, народъ устраивалъ висѣлицы и къ нимъ прибивалъ подковы, ясно выражая какой участи онъ признавалъ этого героя достойнымъ.

Все это, взятое вмѣстѣ, произвело свое воздѣйствіе и на принца Карла. Если до сихъ поръ нѣкоторые шаги его и неполное ихъ согласіе съ повелѣніями короля и давали поводъ догадываться о колебаніи его направленія, что связывали съ болѣе или менѣе вѣроятнымъ желаніемъ его надѣть на себя самостоятельную финляндскую корону, то теперь всякая двусмысленность была оставлена, и Карлъ проявилъ полную вѣрноподданническую энергію. Произвольные переговоры о перемиріи прекратились; финляндскіе полки разъединены и по границамъ замѣнены шведскими; приступлено къ розысканію и заарестованію какъ главныхъ виновниковъ, такъ и прикосновенныхъ лицъ, о чемъ повелѣнія даны были королемъ еще до отъѣзда [1]). Дни конфедераціи были сочтены.

[1]) Біографъ Г. М. Армфельта, Тегнѐръ (т. I стр. 249) разсказываетъ, что рѣчь о заарестованіи руководителей конфедераціи и объ отсылкѣ ихъ въ Стокгольмъ, по предложенію Армфельта шла еще при полученіи королемъ ихъ посланія, т. е. въ началѣ августа. Но Густавъ, подумавъ, сказалъ: «Нѣтъ; надо сдѣлать видъ, что мы не обращаемъ вниманія (il faut dissimuler). Можетъ быть въ настоящихъ

Только Спренгтпортенъ утверждалъ, что въ ходѣ дѣлъ конфедераціи все обстоитъ благополучно. Но и изъ его донесеній, при всей ихъ путаницѣ, можно было сдѣлать общій выводъ что шансы заговорщиковъ далеко не блестящи. Отправленный 18-го сентября, по очищеніи Гёгфорса и согласно волѣ Императрицы, въ Петербургъ, онъ 20-го имѣлъ уже аудіенцію, результатомъ которой кажется обѣ стороны не были особенно довольны [1]). Въ ближайшіе затѣмъ дни Спренгтпортенъ занимался въ Петербургѣ дѣлами по своей прямой обязанности начальника олонецкаго отряда, представлялъ проектъ укрѣпленія Сердоболя, а позднѣе подавалъ соображенія о формированіи въ этомъ отрядѣ драгунъ, о снабженіи войскъ лыжами на случай зимняго похода проектированнаго адмираломъ Грейгомъ, и т. п. Вообще въ Петербургѣ становились, какъ видно, все болѣе и болѣе на практическую точку зрѣнія, т. е. начинали серьезнѣе разсчитывать на дѣйствіе военной силы преимущественно предъ сомнительными политическими вліяніями.

Однако это не означало еще, чтобы мысль о воздѣйствіи на Финновъ была вовсе покинута Спренгтпортеномъ, а за нимъ и правительствомъ. Въ Екатеринѣ сказывалась женщина, и ненависть къ Густаву подталкивала ее на путь преслѣдованія побочными вліяніями, хотя бы при слабомъ лучѣ надежды. Къ побужденіямъ личнымъ присоединялась боязнь новыхъ еще политическихъ усложненій. Носились слухи что Пруссія несом-

---

затрудненіяхъ Россіи, она согласится на почетный (для насъ) миръ, тогда я имъ воспользуюсь; если нѣтъ, то путь строгости мнѣ всегда открытъ».—Впрочемъ тотъ же Армфельтъ можетъ быть въ виду того что во главѣ конфедераціи хотя и безсознательно стоялъ его дядя, находилъ тогда время для проявленія строгости несоотвѣтственнымъ. «Mais l'instant n'est point arrivé,—писалъ онъ королю—il ne faut point compromettre votre dignité, quand il s'agit de rien de moins que de votre couronne, peut-être davantage».—Стр. 247.

[1]) У Храповицкаго подъ 20-мъ сентября записано: «Была конференція съ барон. Спренгтпортеномъ; послѣ чего казались невеселы».—Послѣдній тѣмъ менѣе могъ быть доволенъ.

нѣнно склоняется на сторону Швеціи, и что до 10.000 Пруссаковъ вступятъ въ шведскую Померанію, а затѣмъ будутъ переведены въ Швецію или въ Финляндію. Эта новая угроза могла перевѣсить успѣхи Россіи въ дѣлахъ съ Турціей, а потому надо было поддерживать ту ослабляющую Густава фонтанель, какую представляла изъ себя аньяльская конфедерація. Къ тому же Россія вскорѣ лишилась Грейга, и планы его остались безъ движенія за недостаткомъ исполнителей. Запертый имъ въ Свеаборгѣ шведскій флотъ въ ноябрѣ ушелъ во свояси, и Фонъ-Дезинъ не только не преградилъ ему своею эскадрой входъ въ Карлскрону, но и ушелъ заблаговременно въ датскіе порты.

При такихъ обстоятельствахъ политическое заигрываніе съ Финнами продолжалось, хотя и вяло. Теперь центръ тяжести былъ всецѣло перенесенъ на Гастфера. 4 (15) октября, въ ночь съ понедѣльника на вторникъ, Спренгтпортенъ опять съ нимъ видѣлся. Въ отчетѣ своемъ объ этомъ свиданіи онъ сознавался, что конфедерація почти совершенно уничтожена и распалась; но такой противорѣчившій его оптимистическимъ увѣреніямъ исходъ онъ объяснялъ происками принца Карла. Этотъ послѣдній не говорилъ уже болѣе ни объ амнистіи, ни о сеймѣ. Онъ установилъ дисциплину крайне суровую, и вся армія ждала отъ него своей участи со страхомъ. Гастферъ не скрывалъ предъ Спренгтпортеномъ боязливаго и колеблющагося настроенія финскихъ умовъ. О соединеніи ихъ для дѣйствія вмѣстѣ съ Русскими противъ шведскихъ войскъ не могло быть болѣе и рѣчи. Гастферъ обѣщалъ лишь доставить планъ новыхъ военныхъ предпріятій и расположенія финскихъ войскъ. Спренгтпортенъ съ своей стороны надавалъ Гастферу самыхъ широкихъ обѣщаній, суля ему наиpріятнѣйшее будущее, а черезъ недѣлю—передачу изъ рукъ въ руки значительной суммы денегъ. Однако онъ обманулъ своего довѣрчиваго собесѣдника и на это новое свиданіе не явился, заставивъ прождать себя напрасно.

12-го октября Гастферъ былъ уже въ Аньялѣ и оттуда письменно сообщилъ Спренгтпортену нѣкоторыя новыя свѣдѣнія, какъ о шведскихъ силахъ въ Финляндіи, такъ и о результатахъ своей поѣздки подъ предлогомъ свиданія съ женой, о

чемъ выше упоминалось. Гастферъ, по его словамъ [1]), объѣхалъ всю южную Финляндію до Або и видѣлъ всю армію; большая часть финскихъ полковъ возвращалась уже на свои квартиры. Въ войскахъ было много больныхъ и еще больше недовольныхъ. Къ письму приложенъ былъ планъ размѣщенія шведскихъ войскъ по зимнимъ квартирамъ въ Финляндіи; о размѣщеніи саволакской бригады Гастферъ обѣщалъ доставить свѣдѣнія безотлагательно. Войска, бывшія подъ его начальствомъ, получали подкрѣпленіе изъ двухъ баталіоновъ. За отплытіемъ линейнаго флота, въ строю оставалось всего отъ 7-ми до 8-ми тысячъ, не считая саволакскихъ войскъ.

Пробывъ лишь одинъ день дома, Гастферъ долженъ былъ по экстренному требованію отправиться безъ промедленія къ принцу Карлу, отъ котораго ему сдѣлалось извѣстнымъ что принцъ готовился предпринять новую аттаку на Русскихъ. По словамъ Гастфера, это намѣреніе было отклонено силою его доводовъ, убѣдившихъ принца что такимъ нападеніемъ онъ не только ничего не выигралъ бы, но и вновь раздражилъ бы Императрицу. Затѣмъ всѣ заботы Карла сосредоточились на отправленіи корабельнаго флота обратно въ свои гавани.

При такихъ условіяхъ Гастферъ ставилъ вопросъ: было-ли бы своевременно и согласно съ интересами Екатерины думать о предоставленіи Финляндіи независимости? Онъ находилъ, что во всякомъ случаѣ болѣе удобное для того время было бы не ранѣе, какъ по удаленіи флота и по размѣщеніи арміи на зимнія квартиры. «Зная вообще настроеніе страны,—писалъ онъ,—я долженъ васъ предупредить, что въ настоящую минуту во всей странѣ ярмо предпочитаютъ еще свободѣ. Поэтому, думаю, нужно ожидать пока Финны ясно увидятъ, что намѣренія короля не предполагаютъ ничего другаго кромѣ раззоренія Финляндіи. Теперь же нѣтъ ни одного Шведа, который не пожертвовалъ бы жизнію для воспрепятствованія отдѣленію этой страны. Не слѣдуетъ также воображать, что финскія войска захотятъ драться со Шведами: вотъ чего никогда не будетъ!...» Но если

[1]) Приложеніе № 22.

бы русскія войска вступили въ Финляндію въ качествѣ друзей, и объявили что не желаютъ никакого зла Финнамъ, а намѣрены только побудить короля и государственные чины къ заключенію мира, то, по мнѣнію Гастфера, Финны не взялись бы за оружіе противъ Императрицы.—Затѣмъ онъ вторично и категорически повторялъ, что не время браться за идею финляндской независимости.

Эти же доводы Гастферъ повторялъ Спренгтпортену въ другомъ письмѣ, изъ Гейнола, отъ 16-го октября [1]). Онъ находилъ, что общее настроеніе во всей странѣ, за исключеніемъ самаго малаго числа дворянъ, рѣшительно враждебно этой идеѣ. «Я дурно служилъ бы Ея Имп. Величеству, если бы не сказалъ всей правды, какова она есть, т. е. что въ настоящій моментъ всякая революція въ предложенномъ смыслѣ положительно невозможна. Если бы даже рѣшиться жертвовать собой, то страна всетаки не извлекла бы изъ того никакой пользы, а Ея Вел-во еще менѣе; все кончилось бы нѣсколькими отрубленными головами и уже съ тѣмъ, чтобы предпріятію этому никогда болѣе не возобновиться.»

Когда политическая сторона дѣла такимъ образомъ постепенно выяснялась, и результатъ его выходилъ равнымъ нулю, вся забота Гастфера направилась на устройство своего личнаго положенія. Въ письмахъ къ Спренгтпортену, которыя очевидно онъ желалъ довести до свѣдѣнія Императрицы [2]), онъ превозносилъ ее самыми выспренними похвалами, свидѣтельствуя о своей безграничной ей преданности. «Ея Вел-во,—писалъ онъ 12-го октября,—не имѣетъ подданнаго болѣе меня ей вѣрнаго; я преданъ и почтительнѣйше привязанъ къ ней какъ за высокое покровительство, оказываемое моему дорогому отечеству, такъ и за ужасъ, наводимый ею на полумѣсяцъ. Все это умножаетъ мое глубочайшее почитаніе и удивленіе къ священной особѣ Ея Вел-ва. Я докажу это въ свое время.» Въ другомъ мѣстѣ фразы были еще болѣе цвѣтисты. «Сердце мое перепол-

[1]) Приложеніе № 23.

[2]) Они писаны по-французски, не смотря на то что Гастферъ очевидно не былъ свободенъ въ употребленіи этого языка.

нено чувствами почитанія къ высокимъ и божественнымъ качествамъ, которыя сдѣлаютъ августѣйшее имя Екатерины II безсмертнымъ. Слава ея въ одержанныхъ побѣдахъ и въ поразительныхъ успѣхахъ, также какъ мудрость въ законодательствѣ и въ управленіи, поражаетъ настоящій вѣкъ и будетъ служить предметомъ удивленія въ будущемъ. Я не кончилъ бы, если бы хотѣлъ славословить эту величайшую изъ монархинь, и еще это было бы слишкомъ слабо».—Всѣ такія фразы, въ которыхъ впрочемъ можетъ статься была и доля искренности, такъ какъ Екатерина дѣйствительно была предметомъ удивленія и поклоненія многихъ современниковъ,—эти фразы имѣли разумѣется цѣлію расположить ее въ пользу его, Гастфера. Однако безпристрастіе побуждаетъ не упустить изъ виду того что въ письмахъ его, помимо многихъ некрасивыхъ сторонъ, сказывалась и доля нѣкотораго благородства, или по крайней мѣрѣ чувства собственнаго достоинства. Онъ добивался того, чтобы Спренгтпортенъ устроилъ ему переходъ въ Россію на службу къ Императрицѣ. Двусмысленная роль, которую онъ игралъ, возмущала его.—«Я не могу играть этой роли,—писалъ онъ тогда же Спренгтпортену. Здѣсь я при должности, а сердце мое у васъ. Не менѣе несогласно съ моимъ характеромъ быть шпіономъ; моя честь тому противится. Эта роль ниже меня и сама по себѣ черезчуръ низка. Я хочу сохранить, какъ и вы, уваженіе моей страны.»—Правда, Гастферъ желалъ отъ Императрицы устройства какъ служебнаго, такъ и денежнаго своего положенія. Онъ просилъ Спренгтпортена о содѣйствіи къ тому, чтобы Екатерина предоставила ему небольшую сумму денегъ для расплаты съ долгами, предлагая свои услуги въ какомъ ей угодно назначеніи, противъ Прусаковъ или Турокъ. Какъ въ этомъ отношеніи Гастферъ стоялъ много выше Спренгтпортена, который, напротивъ, предъ началомъ войны получилъ отъ Густава спеціальное приглашеніе просить Екатерину о перемѣщеніи къ южной арміи противъ Турокъ,—и не смотря на то остался интриговать и воевать противъ своего короля и родины!.. [1]).

---

[1]) См. ниже, глава IX.

Эта разница оказалась еще болѣе изъ послѣдующихъ объясненій Гастфера по поводу отношеній, образовавшихся у него со Спренгтпортеномъ. Между обоими не было полнаго взаимнаго довѣрія. По крайней мѣрѣ со стороны Спренгтпортена недовѣріе къ собесѣднику не было даже замаскировано, и тотъ укорялъ его. «Я прочелъ въ вашихъ глазахъ,—писалъ Гастферъ Спренгтпортену 16-го октября,—также какъ сужу и по дѣйствіямъ, что не только Ея Вел-во, но и вы, мой старинный другъ, меня подозрѣваете. Этого я право не заслужилъ. Я былъ искрененъ въ моихъ чувствахъ къ вашей великодушной государынѣ, и доказалъ ихъ снявъ осаду Нейшлота, который могъ бы взять въ теченіе одного или много двухъ дней. Это стоило мнѣ 10.000 риксталеровъ, обѣщанныхъ королемъ за взятіе крѣпости. Я пожертвовалъ ими, хотя имѣлъ надобность въ деньгахъ, и навлекъ на себя неудовольствіе и оскорбленія со стороны короля единственно по совершенно искренней и почтительной привязанности къ Ея И. В-ву. И то и другое сдѣлано мною не только въ личныхъ моихъ видахъ, но и ради пользы моего дорогаго отечества, въ надеждѣ воспользоваться благодѣяніями Ея В-ва. Я говорю потому о моихъ личныхъ дѣлахъ, что оставляя все состояніе и всѣ надежды мои въ Швеціи, естественно долженъ позаботиться о будущемъ моемъ и моей семьи.»—«При первомъ свиданіи, также какъ и послѣ,—продолжалъ онъ,—мною высказаны вамъ мнѣнія, которыхъ никто другой не высказывалъ. Я разъѣзжалъ, расходовался, искалъ васъ, рисковалъ, и сдѣлался наконецъ подозрителенъ. Въ вашихъ рукахъ есть факты, удостовѣряющіе правдивость всего мною сказаннаго. Взглянемъ теперь на ваше поведеніе въ отношеніи ко мнѣ. При первомъ свиданіи вы надавали мнѣ величайшахъ надеждъ; я просилъ только половину,—приличнаго назначенія при Ея И. В-вѣ, также какъ и нѣкоторой безопасности для себя лично. Вы мнѣ предсказывали самое пріятное будущее, вы сулили доставить мнѣ черезъ недѣлю большую сумму денегъ и все мною желаемое....»—Указавъ Спренгтпортену на то, что онъ не явился на обѣщанное свиданіе, Гастферъ продолжалъ свои упреки. «Скажу только, что вы не могли исполнить обѣщанія,

даннаго на первомъ свиданіи. Я желалъ бы быть подданнымъ Императрицы, каковымъ въ душѣ уже и состою, а вы отвѣчали мнѣ, что оставаясь въ странѣ я могу оказать этой великой государынѣ, также какъ и моему отечеству Финляндіи, болѣе существенныя услуги. Видя такимъ образомъ что я не могу слѣдовать моей наклонности, т. е. служить Императрицѣ, при условіи чтобы она удостоила великодушно заплатить мои долги, и не имѣя возможности затѣять революцію, немыслимую въ настоящее время въ странѣ, занятой шведскими войсками, о чемъ я говорилъ уже вамъ съ полнѣйшею искренностію, я тѣмъ болѣе не долженъ принять отъ васъ возобновленное предложеніе денегъ. Здѣсь идетъ дѣло о моей чести; невозможно сдѣлаться подозрительнымъ и королю, и арміи, и вамъ. Изъ этого ничего не вышло бы, кромѣ презрѣнія ко мнѣ и съ той и съ другой стороны. Какъ бы мала ни была эта сумма, я упрекалъ бы себя въ ея полученіи и употребленіи.» Затѣмъ Гастферъ обращался къ прежнему своему объясненію, и повторялъ что не можетъ исполнять ремесла шпіона, ему противнаго и недостойнаго для честнаго человѣка, какимъ этотъ баронъ себя считалъ. «Я не имѣю вашихъ талантовъ и вашихъ познаній,— писалъ онъ далѣе Спренгтпортену,—въ этомъ сознаюсь; но я желаю быть вамъ равнымъ по качествамъ сердца, по благороднымъ чувствамъ. Вы пользуетесь уваженіемъ вашего народа; я также желаю дѣлаться его болѣе и болѣе достойнымъ.»

Такимъ образомъ дѣло соглашенія между Гастферомъ и Спренгтпортеномъ, о которомъ послѣдній возвѣщалъ Императрицѣ съ такой помпой какъ о многообѣщающемъ событіи, разстроилось почти въ самомъ началѣ. Спренгтпортенъ хотѣлъ платить Гастферу не иначе какъ за полное предательство, съ тѣмъ чтобы, оставаясь на службѣ Густава и нося личину его преданнаго слуги, онъ былъ въ дѣйствительности слугою враждебныхъ ему русскихъ интересовъ. Гастферъ, напротивъ, пойдя было сначала на эту сдѣлку и сообщивъ кое-какія свѣдѣнія о расположеніи своихъ войскъ, не могъ затѣмъ побѣдить въ себѣ прирожденнаго чувства возмущенія противъ постоянной, длительной, такъ сказать ежедневной измѣны, и оказался въ этомъ

отношеніи не подъ-стать своему соплеменнику. Онъ желалъ совсѣмъ отрѣшиться и отъ своего короля, и отъ своего шведскаго отечества, и вдали отъ нихъ служить Императрицѣ, отъ которой, видя примѣръ въ Спренгтпортенѣ, могъ чаять великихъ и богатыхъ милостей. Но ни тотъ, ни другая не имѣли надобности въ такой заурядной службѣ какого-то бѣглаго шведа; имъ нуженъ былъ агентъ на мѣстѣ, въ самомъ сердцѣ непріятеля,—и дѣло разошлось съ первыхъ же шаговъ. Слѣдуетъ впрочемъ пояснить, что Императрица выражала не безусловное желаніе, чтобы Гастферъ оставался у Шведовъ. «Надо его удостовѣрить въ моемъ покровительствѣ,—писала она собственноручно. Если онъ пріѣдетъ сюда, я дамъ ему землю; въ настоящее же время лучше было бы, чтобы онъ остался. Но если это невозможно, надо посмотрѣть, что для него сдѣлать» [1]).

Во всемъ этомъ эпизодѣ есть одна подробность, несущественная вообще для разсматриваемаго вопроса, но интересная для характеристики обѣихъ договаривавшихся сторонъ, именно вопросъ о денежныхъ выдачахъ Гастферу. Воспользовался-ли онъ ими? Приведенныя выдержки изъ его писемъ даютъ поводъ къ нѣкоторому недоумѣнію. Спренгтпортенъ имѣлъ, какъ выше было упомянуто, порученіе передать Гастферу на разъѣзды по Финляндіи отъ 500 до 1.000 червонныхъ, по усмотрѣнію главнокомандующаго. Этотъ указъ [2]) былъ давно полученъ. Спренгтпортенъ уже не менѣе двухъ разъ видѣлся съ Гастферомъ между 1-мъ и 15-мъ октября, передавалъ ему отъ Императрицы разныя благоволительныя обнадеживанія, и однако денегъ вѣроятно не вручилъ. По крайней мѣрѣ такъ слѣдуетъ изъ приведеннаго письма Гастфера, гдѣ онъ укоряетъ Спренгтпортена въ томъ, что долженъ былъ расходоваться на разъѣзды. Что Гастферъ

[1]) Il faut l'assurer de toute protection de ma part. S'il vient ici je lui doneré une terre, mais pour le présent il vaut mieux qu'il reste. Cependant s'il ne pouvait rester on pourra voir ce qu'il y aura à faire pour lui.—Изъ собственноручной замѣтки Императрицы Екатерины. Госуд. Арх., X, дѣло № 55, листъ 290.

[2]) Отъ 14-го сентября. Приложеніе № 19.

взялъ бы деньги, если бы Спренгтпортенъ ихъ при свиданіи дѣйствительно ему передалъ, можно догадываться опять по упрекамъ Гастфера въ томъ, что Спренгтпортенъ обѣщалъ привезти деньги и обманулъ. Онъ позднѣе отказывался принять деньги «какъ ни мала была бы сумма»; такой отказъ съ своей стороны подтверждаетъ вѣрность того, что Гастферъ никакихъ денегъ до того времени не получилъ. Неужели же Спренгтпортенъ задержалъ червонцы у себя? Нѣтъ данныхъ для такого утвержденія, но крайняя безпорядочность Спренгтпортена, приводившая его послѣ сильнаго проигрыша къ необходимости жить недѣлями на счетъ прислуги, не лишаетъ такое предположеніе нѣкоторой доли возможности.

Это собственно о 500 или 1.000 червонныхъ на разъѣзды Гастфера. Но въ одномъ изъ своихъ писемъ онъ заявилъ Спренгтпортену особо о 10.000 рикстaлеровъ, обѣщанныхъ ему Густавомъ за взятіе Нейшлота и неполученныхъ по случаю снятія осады. Эти деньги также имѣли свою исторію. Письмо было представлено Императрицѣ съ косвенною цѣлью вознагражденія Гастфера за понесенный имъ убытокъ. По удостовѣренію Храповицкаго Екатерина отнеслась къ этому домогательству съ полнѣйшимъ презрѣніемъ. «Хорошъ слуга, au plus offrant!» — сказала она по этому поводу, прибавивъ впрочемъ: «однако заплатить ему надобно.» Въ Государственномъ Архивѣ въ С.-Петербургѣ имѣется собственноручная записка Императрицы Екатерины: «La recompence de Hastfer qu'il taxe lui-même dix mille reichdaler, ce qui fait dit-on 15.000 roubles; pour les voyages mille ducats» [1]). Является по этому вопросъ, получилъ-ли онъ эти деньги? Нельзя и на этотъ вопросъ отвѣчать съ положительностію, но изъ переписки командовавшаго противъ Гастфера русскимъ от-

---

[1]) «Вознагражденіе Гастфера, которое онъ самъ оцѣниваетъ въ десять тысячъ риксдалеровъ, что составляетъ, говорятъ, 15.000 руб., на путешествіе тысячу червонныхъ». Собственноручныя записки Императрицы Екатерины II, листъ 290. Государственный Архивъ, X, дѣло № 45.—Нѣкоторые писатели говорятъ по этому случаю уже не о 10.000 талерахъ, а о 16.000 червонныхъ и о собольихъ мѣхахъ. См. А. Г. Брикнера, Аньяльская конфедерація, стр. 743.

рядомъ генералъ-маіора барона Шульца и изъ «Записокъ шведскаго офицера» видны нѣкоторыя подробности, по которымъ можно пожалуй думать, что онъ не получилъ и цѣны взятія Нейшлота, по крайней мѣрѣ до того времени, пока онъ былъ еще въ непріятельскомъ лагерѣ. По словамъ «шведскаго офицера», Спренгтпортенъ поручилъ бывшему его сослуживцу по арміи, перебѣжчику Терне, отправлявшемуся къ Шульцу для поступленія на русскую службу въ Финляндіи, отвезти къ этому генералу означенныя деньги для передачи ихъ Гастферу уже отъ него. Шульцъ, съ своей стороны, написавъ Гастферу по другимъ дѣламъ, относительно посылки вложилъ въ письмо отдѣльную записку. Эта мѣра предосторожности имѣла для Гастфера серьезное значеніе. Со стороны Спренгтпортена было болѣе чѣмъ неосторожно поручить доставку посылки такому человѣку какъ Терне, дурная репутація котораго, какъ перебѣжчика, должна бы быть ему, знатоку дѣла, извѣстна. Графъ Стединкъ задержалъ Терне, и Гастферъ долженъ былъ показать полученное письмо. Предусмотрительность Шульца спасла его. Вскорѣ, именно 1-го ноября, Шульцъ видѣлся съ Гастферомъ, по просьбѣ послѣдняго [1]). На этомъ свиданіи, продолжавшемся четыре часа, онъ между прочимъ не стѣснялся выражать неудовольствіе на своего друга Спренгтпортена, предлагая Шульцу посовѣтовать ему дѣйствовать съ меньшимъ жаромъ, который можетъ причинить большія затрудненія. Отъ принятія «посылки» онъ отказался, по удостовѣренію Шульца не смотря на всѣ его настоянія, во избѣжаніе новыхъ подозрѣній. Онъ опасался особенно Стединка. «Строгое смотрѣніе шведскихъ войскъ за финскими,— пояснялъ Шульцъ въ своемъ отчетѣ о свиданіи [2]),—произвело страшнѣйшую недѣятельность и въ самыхъ вѣрнѣйшихъ финляндцахъ.» Гастфера, который былъ Шульцу очень признателенъ за его осторожность при извѣщеніи о «посылкѣ», послѣдній

---

[1]) Свиданіе состоялось между Нейшлотомъ и Рондасальми въ 26-ти верстахъ отъ перваго, въ домѣ Квиста, бывшаго нѣсколько лѣтъ предъ тѣмъ въ шведской службѣ, въ чинѣ сержанта.

[2]) Въ донесеніи генералу Михельсону отъ 2-го ноября. При дѣлахъ Моск. Арх. Мин. Ин. Дѣлъ имѣется переводъ съ нѣмецкаго.

аттестовалъ при этомъ случаѣ хорошо: «сей баронъ показался мнѣ весьма добрымъ и честнымъ человѣкомъ».

Не безъинтересна одна подробность въ донесеніи Шульца. «Какъ я примѣтилъ, что за обѣдомъ весьма онъ, Гастферъ, хвалилъ мои вины и ликеры, и жаловался что въ томъ у нихъ великій недостатокъ, то мнѣ кажется кстати бы было прислать сюда изъ Петербурга ящикъ шампанскаго, венгерскаго, или иныхъ какихъ сладкихъ винъ, купно съ ящикомъ же ликеру, араку, или тому подобнаго, дабы подарить тѣмъ также Штединга, какъ и Гастфера.» Не извѣстно, состоялась-ли эта присылка и воспользовался-ли ею Гастферъ, также какъ дошли-ли до него наконецъ столько разъ предложенныя и отклоненныя 10.000. Быть можетъ онъ получилъ ихъ впослѣдствіи, когда перешелъ въ Россію. Здѣсь, впрочемъ много позже, въ 1804—5 гг., проживая въ Харьковѣ, онъ горько жаловался Спренгтпортену на судьбу свою, въ то время когда послѣдній въ чинѣ полнаго генерала, съ большимъ штатомъ и комфортомъ разъѣзжалъ на казенный счетъ по Россіи для ея изученія [1]).

Между тѣмъ Спренгтпортенъ, съ трудно понятнымъ упорствомъ, все еще не оставлялъ надежды гальванизировать уже охладѣвшій трупъ Аньяльской конфедераціи. Онъ сочинилъ и напечаталъ зажигательную статью «Къ отечеству» (Till fäderneslandet), которую и поручилъ уѣзжавшему въ Финляндію капитану Тигерстедту стараться возможно больше распространить [2]). Развивая въ ней свои мысли и чувства по поводу необходимости принять мѣры противъ разоренія и приведенія къ гибели государства, также какъ народа и его вольностей, нашъ публицистъ восклицалъ: «пора покончить съ раболѣпствомъ и нерѣшительностью, дѣлающими насъ презрѣнными. Мы отовсюду унижены, а вы спите! Ахъ, если вы хотите счастія, то перестаньте рабствовать, будьте свободны и дѣятельны»...

---

[1]) Mémoires de Sprengtporten, въ Имп. Публ. Библіотекѣ.

[2]) 27-го октября Спренгтпортенъ представилъ экземпляръ этой статьи гр. Безбородко. Она, также какъ и современный переводъ, хранится въ Моск. Арх. М. Ин. Д. Camp. Suèd., X, связк. 1, бумаги Спренгтпортена.

Можетъ быть подъ вліяніемъ этой новой дозы раздраженія, въ ноябрѣ, когда линейный шведскій флотъ ушелъ уже благополучно изъ Свеаборга, остатки конфедератовъ, съ тѣмъ же слабымъ старикомъ Армфельтомъ во главѣ, обратились въ Петербургъ съ новыми предложеніями. Ихъ привезъ 23-го ноября, какъ бы въ подарокъ Императрицѣ ко дню тезоименитства, прежній депутатъ, племянникъ Спренгтпортена, маіоръ Егергорнъ. То былъ проектъ союзнаго дѣйствія противъ Шведовъ. Основанія его изложены въ письмѣ гр. Безбородко къ кн. Потемкину отъ 25-го того же мѣсяца и заключались въ слѣдующемъ: «1) сдѣлать съ ними (Финнами) запасное постановленіе о независимости Финляндіи и обнадежить ихъ гарантіею и пособіемъ; 2) дать имъ обнадеживаніе гарантіею на капиталы ихъ. въ банкѣ Стокгольмскомъ имѣющіеся, что и въ случаѣ неудачи сего предположенія выговорены будутъ цѣлость ихъ денегъ и полная для всѣхъ амнистія; 3) составленіе съ ними субсиднаго трактата, по которому Россія обяжется четыре года давать имъ по сту тысячъ рублевъ, а они будутъ держать для пособія Россіи 6 кораблей и 6.000 войска, но съ тѣмъ чтобы не употреблять того далѣе Балтійскаго моря, и 4) начать зимнюю операцію, дабы вытѣснить теперь же Шведовъ изъ Финляндіи, требуя чтобы для соединенія съ ихъ войскомъ назначенъ былъ особый корпусъ россійскій, зависимый отъ шефа арміи, подъ командою Шпренгпортена, которому они и свои войска ввѣряютъ» [1]). Условія эти составляли часть проекта образованія финляндской республики, который Егергорнъ разработывалъ въ послѣднее время своего пребыванія на родинѣ. Остатки гнѣзда заговорщиковъ находились близъ города Гейнола въ имѣніи фонъ-Эссена: здѣсь засѣдалъ такъ называемый сеймъ независимости. Основная идея была прежняя: Россія возвратитъ Финляндіи Фридрихсгамъ, Вильманстрандъ и Нейшлотъ. Для успокоенія прусскаго короля надлежитъ принудить Швецію уступить ему Померанію [2]).

---

[1]) Григоровичъ, Канцлеръ кн. Безбородко, II т., стр. 45.

[2]) Брикнеръ, Конфедерація въ Аньялѣ, стр. 750.

Въ Петербургѣ не спѣшили отвѣтомъ на эти новые проекты Финновъ, очевидно не давая имъ большаго значенія. Императрица, казалось, утомилась этой безрезультатной интригой. Кромѣ того Пруссія приняла на себя посредничество между датскимъ и шведскимъ дворами, но ни на что не рѣшалась безъ Англіи; между тѣмъ дѣла послѣдней были въ застоѣ по случаю тяжкой болѣзни короля. Такъ протянулось до конца года, когда Императрица рѣшилась вовсе прекратить поддержку Финновъ и рекомендовала имъ принести повинную. Она ссылалась на то что не имѣетъ средствъ имъ помочь, и не желаетъ дальнѣйшими обнадеживаніями вести ихъ на плаху [1]).

Около того же времени, въ исходѣ 1788 года, начались энергическіе, съ шведской стороны, розыски всѣхъ бывшихъ соучастниковъ конфедераціи, а въ началѣ слѣдующаго января гр. Мелленфельдъ сдѣлалъ секретное распоряженіе объ арестованіи главныхъ ея зачинщиковъ. 7-го числа были взяты старикъ гр. Армфельтъ, Хестеско, фонъ-Оттеръ, Монгоммери, Лейонстедъ, Энегіельмъ, Клингспоръ; Котенъ самъ отдался въ руки Шведовъ. Кликъ, зять Армфельта, бѣжалъ въ Россію; за нимъ послѣдовали Ладау, Глանзеншерна, зять Спренгтпортена, и Эссенъ. Егергорнъ также остался въ Россіи. На него было обращено вниманіе Густава еще послѣ первой поѣздки въ Петербургъ въ началѣ августа. Король требовалъ его въ Готенбургъ для участія въ войнѣ противъ Датчанъ, но тотъ не явился подъ предлогомъ болѣзни. Затѣмъ за задержаніе его назначена была премія, по однимъ въ 3, а по другимъ въ 5 тысячъ талеровъ. Вскорѣ былъ арестованъ и Гастферъ. Пытались захватить и Спренгтпортена въ его имѣніи близъ Борго, но онъ успѣлъ скрыться. Голова его была оцѣнена также въ 3.000 талеровъ. Всѣ арестованные подъ строгимъ надзоромъ отправлены въ Швецію и заключены въ замокъ Фредериксгофъ, близъ Стокгольма. Бывшіе конфедераты, слѣдуя теперь подъ конвоемъ, могли воочію убѣдиться на сколько дѣло ими затѣянное не имѣло подъ собой никакой почвы: народъ встрѣчалъ и прово-

[1]) Дневникъ Храповицкаго подъ 30 декабря 1788 г.

жалъ ихъ несомнѣнными выраженіями ненависти, какъ измѣнниковъ и враговъ государства. Кромѣ собственно финляндскихъ конфедератовъ, было арестовано много прикосновенныхъ лицъ въ самой Швеціи. Созванный въ Стокгольмѣ сеймъ назначилъ для разсмотрѣнія дѣла верховный судъ, который дѣйствовалъ до 1790 года; но уже осенью 1789 г. состоялся приговоръ надъ Егергорномъ, Кликомъ и другими, бѣжавшими въ Россію. Въ мартѣ 1790 г. утвержденъ королемъ смертный приговоръ надъ Спренгтпортеномъ; въ основаніе его легли не однѣ только измѣнническія интриги его въ 1788 г., но и враждебныя дѣйствія вооруженной рукою въ 1789 г., о которыхъ будетъ сказано ниже. Еще позднѣе состоялось рѣшеніе суда и о прочихъ соучастникахъ. Всѣ они обвинены въ государственной измѣнѣ, и большая часть приговорена къ эшафоту, но помилована королемъ. Утвержденъ приговоръ лишь надъ бѣглецами въ Россію, а изъ наличныхъ надъ однимъ Хестеско, который и былъ обезглавленъ 8-го сентября 1790 года, т. е. послѣ уже окончанія войны съ Россіей, исходъ коей не остался безъ вліянія на судьбу заговорщиковъ. Гастферъ также приговоренъ къ смерти, но отдѣлался лишь ссылкой въ Финляндію. Къ облегченію его участи безъ сомнѣнія послужило то, что о 10.000, полученныхъ имъ или нѣтъ, не было ничего извѣстно шведскимъ властямъ, а графъ Стединкъ большею частію былъ на сторонѣ Гастфера. Онъ судился лишь за незаконное сношеніе съ непріятелемъ.

ГЛАВА VII.

Шведская война 1788—1790 гг.

I.

Кампанія 1789 г.

Когда счастливый поворотъ въ дѣлахъ съ Датчанами возстановилъ между большинствомъ шведскаго населенія престижъ Густава, а присутствіе въ Стокгольмѣ Далекарлійцевъ обезпечивало успѣхъ самымъ рѣшительнымъ начинаніямъ,—въ 1789 году созванъ былъ шведскій сеймъ, по собственному почину короля. На немъ не замедлилъ однако сказаться давній разладъ между дворянствомъ и королевскою властью, и первое становилось по-прежнему въ оппозицію требованіямъ послѣдней. Прочія три сословія, напротивъ, выразили Густаву непоколебимую преданность. Благодаря тому всѣ сдѣланныя имъ предложенія приняты какъ духовенствомъ, такъ горожанами и крестьянствомъ безъ оговорокъ. Въ ихъ числѣ было требованіе Густава предоставить ему право вчинанія войны и заключенія мира по личному его усмотрѣнію, безъ участія государственныхъ чиновъ. Король и относился къ этимъ сословіямъ съ особеннымъ благоволеніемъ, проявляя его при всякомъ случаѣ. Дворянству же, какъ бы для усиленія контраста, онъ держалъ самыя энергическія, порою грубыя рѣчи, и не только обращался съ нимъ круто и рѣзко, но не стѣснялся даже оскорблять въ благородномъ сословіи чувство чести и достоинства. Онъ хотѣлъ сломить его силу и требовалъ принятія новыхъ зако-

новъ и дворянами. Настойчивостью своею онъ достигъ желаемаго, и они, наконецъ, присоединились къ постановленію трехъ прочихъ сословій. Стремленіямъ къ расчлененію государства, выразителемъ коихъ явилась было уничтоженная теперь аньяльская конфедарація, противопоставлены и въ сеймѣ со стороны недворянскихъ классовъ самыя горячія вѣрноподданническія увѣренія. Представители собственно финскаго крестьянства въ поднесенномъ особо адресѣ прямо говорили: «во всей Финляндіи не найдется ни одного крестьянина, который неправо помыслилъ бы противъ своего короля и отечества; помоги намъ противъ нашихъ тайныхъ и явныхъ враговъ, и мы до конца будемъ защищать ваше величество и государство» [1]. Точное исполненіе этихъ обѣтовъ русскимъ войскамъ довелось испытать не только въ описываемую теперь войну, но и двадцать лѣтъ спустя, при окончательномъ завоеваніи Финляндіи. Финскій крестьянинъ, даже безоружный, всегда былъ упорнымъ врагомъ Русскихъ и пособникомъ Шведовъ,—въ томъ единогласны свидѣтельства всѣхъ нашихъ генераловъ, видѣвшихъ вещи въ ихъ истинномъ свѣтѣ.

Между тѣмъ съ обѣихъ сторонъ готовились къ продолженію войны. Швеція, въ виду враждебныхъ отношеній съ Даніей, не могла дать на защиту Финляндіи значительныхъ подкрѣпленій. Поэтому въ сей послѣдней усиливали войска охотниками, которыхъ обязывались поставлять города и отдѣльныя мѣстности. По свѣдѣніямъ генерала Михельсона [2], шведское правительство устроивало запасные магазины, отбирая хлѣбъ подъ квитанціи даже силой, такъ какъ въ деньгахъ ощущался недостатокъ и войска неаккуратно получали жалованье. Къ Нейшлоту подвигались новые полки. Для большей на будущее

[1]) Koskinen, Finnische Geschichte, 507. In ganz Finland findet sich kein einziger Bauer, welcher falsch gegen seinen König und sein Vaterland denkt; hilf uns gegen unsere geheimen und öffentlichen Feinde, so werden wir bis an's Ende E. Majestät und das Reich schützen.

[2]) Рапортъ отъ 13-го ноября 1788 г. Слѣдуетъ впрочемъ пояснить, что Михельсонъ представляя эти свѣдѣнія самъ не вполнѣ имъ довѣрялъ. Но они вообще согласны съ тогдашнимъ положеніемъ Швеціи.

время гарантіи финскія войска были раздроблены на малыя команды и перемѣшаны со шведскими. Для войскъ съ непріятельской (равно и съ русской) стороны заготовлялись въ большомъ количествѣ лыжи, что заставляло думать что предстоялъ зимній походъ. Однако эти приготовленія остались непричемъ. Не только зима, но и весна 1789 года прошли спокойно.

Такъ какъ для главной цѣли настоящаго изслѣдованія подробности послѣдующихъ военныхъ дѣйствій не представляютъ существеннаго интереса, то достаточно будетъ ограничиться лишь бѣглымъ ихъ очеркомъ.

Съ русской стороны, составленный въ 1788 году по соображеніямъ адмирала Грейга планъ зимняго нападенія на Свеаборгъ, за смертію автора его, остался невыполненнымъ [1]). Та же участь постигла и соображенія его на кампанію 1789, по которымъ главныя силы флота должны были идти весною къ Готланду, занять его и господствовать затѣмъ надъ Балтійскимъ моремъ и Ботническимъ заливомъ, защищая вмѣстѣ съ тѣмъ и Финскій заливъ. Но не стало Грейга, и планы его рушились. «Нельзя не чувствовать потери столь важной для государства,—писалъ гр. Безбородко [2]).—Память свою онъ, Грейгъ, оставилъ для насъ въ планахъ имъ дѣланныхъ на будущую кампанію; но надобно чтобъ онъ самъ былъ для исполненія ихъ, ибо куда не глянешь, кромѣ вертопрашества, невѣжества, лѣни и оплошности не увидишь, и Богъ знаетъ чѣмъ наши огромныя вооруженія кончатся.» Этотъ пессимистическій взглядъ нашелъ въ достаточной мѣрѣ свое оправданіе, когда кончилась война и заключенъ былъ Верельскій миръ. Но и въ данное время онъ былъ вѣренъ: войска противъ Шведовъ были по-прежнему подъ начальствомъ гр. Мусина-Пушкина, ничтожество котораго хорошо обозначилось въ минувшую кампанію. Весна уже наступила, а въ Петербургѣ еще только дѣлали распоряженія о вооруженіи и снаб-

---

[1]) Мысль о разрушеніи Свеаборга проводилась Грейгомъ еще въ кампанію 1788 г. См. рескриптъ Грейгу отъ 19-го августа того года— Моск. Арх., Шв. войны, X, св. 1, л. 80.

[2]) 25-го октября 1788 г. къ гр. С. Р. Воронцову. — Сборникъ И. Р. Истор. Общ. Т. XXVI, стр. 412. Грейгъ умеръ отъ тифа.

женіи галернаго флота, который всегда игралъ такую первенствующую роль въ шхерахъ Финляндіи. 18-го мая Императрица только распредѣляла части войскъ, коимъ назначалось быть подъ командою Мусина-Пушкина и опредѣляла нѣкоторыхъ отдѣльныхъ чиновниковъ. Относительно же гребнаго флота только обѣщано, что будетъ приложено «ежечасное побужденіе», чтобы онъ или по крайней мѣрѣ часть его «была въ самой скорости вооружена» и послана [1]). 23 мая были отправлены на галерахъ лишь три гвардейскіе баталіона; отплытіе собственно гребнаго флота изъ Кронштадта назначалось только на 5-е іюня [2]). Начальство надъ этою важною частью дѣйствующихъ силъ было поручено вице-адмиралу Принцу Нассау-Зигену, который хотя былъ поставленъ подъ команду Мусина-Пушкина, но не особенно ему подчинялся, и со стороны Императрицы не разъ нужны были напоминанія о томъ [3]). Въ числѣ второстепенныхъ начальниковъ былъ и Спренгтпортенъ, сражавшійся теперь противъ своей родины уже не интригою только, весьма впрочемъ неудачною, но и съ оружіемъ въ рукахъ. Злая воля привела его сражаться даже именно противъ той самой саволакской бригады, которою онъ прежде начальствовалъ и въ ней, по свидѣтельству Клика, до войны былъ очень любимъ.

Съ шведской стороны проявлено не болѣе энергіи. Только въ концѣ мая выѣхалъ Густавъ, опять чрезъ Аландъ и Або, къ русской границѣ и остановился въ Борго, гдѣ имѣлъ свою главную квартиру. Шведскія войска стали съ запада, какъ и въ прошломъ году, на р. Кюмени, и съ сѣвера—въ Саволаксѣ, частію же были посажены на шхерный флотъ. Стычки между передовыми отрядами происходили еще прежде, но онѣ не имѣли никакихъ серьезныхъ послѣдствій. Русскими на этотъ разъ была устранена прошлогодняя ошибка, и главные проходы на границѣ были заняты достаточными силами.

[1]) Рескриптъ Мусину-Пушкину 18-го мая 1789 г. Прил. № 20.

[2]) Рескриптъ Мусину-Пушкину 2-го іюня. Состоялось 6-го іюня. Прилож. № 21.

[3]) См. два рескрипта Нассау-Зигену, 24-го іюня, №№ 618 и 620. Приложенія № 24 и 25.

Болѣе крупныя дѣйствія начались въ концѣ мая. Корпусъ Михельсона вступилъ въ юговосточную часть шведской Финляндіи и устремился къ С-тъ Михелю, гдѣ собраны были Шведами значительные запасы. Онъ имѣлъ удачное дѣло при Киро, послѣдствіемъ коего было занятіе Кристины; но затѣмъ Михельсонъ, благодаря быть можетъ неосмотрительности, потерпѣлъ крупную неудачу, бывъ застигнутъ врасплохъ на переправѣ при Парасальми. Во время нападенія Спренгтпортенъ ударилъ съ своимъ отрядомъ на авангардъ Финновъ, но послѣ кровопролитной схватки былъ отбитъ и раненый едва спасся отъ плѣна. Шведы гордились побѣдой при Парасальми; тѣмъ не менѣе начальствовавшій отрядомъ Стединкъ отступилъ на сѣверъ, и Михельсонъ занялъ Санктъ-Михель. Въ дальнѣйшемъ тѣснимый генераломъ Шульцемъ, Стединкъ отступилъ сѣвернѣе къ Іокису и Іорису, а затѣмъ и вся линія Шведовъ подалась въ этомъ направленіи, давъ Русскимъ возможность крѣпко стать въ Рандасальми, между названными пунктами, и тѣмъ прикрыть Нейшлотъ и столицу съ сѣвера. Однако это продолжалось недолго. 8-го (19) и 9-го (20) іюля Шульцъ былъ разбитъ Стединкомъ при Паркумяки, потерялъ до 600 чел., и долженъ былъ уйти въ свои границы.

Между тѣмъ когда Русскіе имѣли еще верхъ и занимали часть Саволакса, Густавъ вознамѣрился на югѣ перейти съ своими силами въ наступленіе прежнимъ путемъ чрезъ нашу границу, и ударить въ тылъ Михельсону. Исполняя этотъ планъ, онъ при поддержкѣ своего гребного флота перешелъ въ 20-хъ числахъ іюля рѣку Кюмень съ большими силами въ двухъ мѣстахъ. Здѣсь Мусинъ-Пушкинъ, не смотря на примѣръ прошлаго года, не оказалъ ему никакого сопротивленія, надѣясь по прибытіи галернаго флота Нассау-Зигена вознаградить потерянное, и стоялъ между Фридрихсгамомъ и Вильманстрандомъ. Для противодѣйствія же Густаву, шедшему на Фридрихсгамъ, онъ взялъ часть войскъ преслѣдовавшихъ Стединка, послѣдствіемъ чего было возвращеніе послѣдняго на прежнюю позицію и овладѣніе вновь Санктъ-Михелемъ. Занявъ Гёгфорсъ и Кюменегордъ, Густавъ вытребовалъ Стединка изъ Саволакса для общихъ опе-

рацій противъ Фридрихсгама. Шведскій генералъ Каульбарсъ долженъ былъ идти на Вильманстрандъ, но при Кайпіайсѣ былъ разбитъ генераломъ Денисовымъ и отступилъ къ Вереле, на границѣ, по шведскому берегу р. Кюмени. Послѣ этого пораженія король съ своей стороны отошелъ на прошлогоднюю свою позицію въ югозападномъ углу русской Финляндіи, гдѣ и оставался до августа, ожидая подкрѣпленій. Хотя около этого же времени отрядъ русскаго флота, бывшаго уже въ морѣ, одержалъ верхъ надъ Шведами при Паркалаудѣ и занялъ позицію у Гангеуда, чѣмъ значительно затруднилъ шведскія сообщенія на западъ отъ Гельсингфорса, но по близости границы для противодѣйствія Густаву наши силы въ шхерахъ были слабы, такъ какъ принцъ Нассау-Зигенъ съ своимъ гребнымъ флотомъ не прибылъ еще на мѣсто и неизвѣстно гдѣ находился [1]). Только въ іюлѣ свидѣлись оба генерала для соглашенія общихъ дѣйствій. Однако и послѣ того болѣе мѣсяца принцъ Нассау пребывалъ въ «инакціи».

Корабельный флотъ, подъ начальствомъ Чичагова, проявилъ большую дѣятельность, хотя вообще и она была далеко не безупречна. Въ то время когда шведскій флотъ только готовился къ выходу изъ Карлскроны, русскіе корабли уже были на мѣстѣ и успѣли захватить одинъ непріятельскій корабль и одну яхту. Однако ко времени выступленія шведскаго флота Чичаговъ не соединился еще съ зимовавшею въ Даніи эскадрою Козлянинова и долженъ былъ одинъ выдержать нападеніе Шведовъ подъ командою герцога Зюдерманландскаго. Оно произошло 16 (27) іюля между островомъ Борнгольмомъ и материкомъ, при Эландѣ, и кончилось удаленіемъ шведскаго флота въ Карлскрону. Исходъ дѣла и та и другая сторона толковала въ свою пользу, указывая на то что противникъ избѣгалъ возобновленія боя; но фактъ удаленія Шведовъ въ свой портъ склоняетъ

[1]) Рескриптъ ему Императрицы отъ 24-го іюня, № 618.... Въ семъ уваженіи подтверждаемъ вамъ поспѣшить всемѣрно вашимъ движеніемъ и начатіемъ дѣйствій противу непріятеля, давъ знать предводителю арміи нашей, гдѣ вы теперь находитесь....—Журналъ имен. указовъ. Прилож. № 25.

мнѣніе въ сторону успѣха Русскихъ. Въ Петербургѣ это дѣло не вызвало особенной радости; напротивъ Императрица, судя по запискамъ Храповицкаго, обвиняла Чичагова въ недѣятельности и въ уклоненіи отъ непріятеля. Дѣломъ при Эландѣ кончилась, можно сказать, кампанія 1789 года для обоихъ корабельныхъ флотовъ. Чичаговъ, соединясь съ Козляниновымъ и простоявъ нѣкоторое время предъ Карлскроною, ушелъ къ своимъ берегамъ. Въ концѣ августа часть шведскаго флота оставила было Карлскрону, съ тѣмъ чтобы заставить русскія суда, стоявшія у Паркалауда, очистить этотъ важный пунктъ, но вернулась безъ результата и даже до встрѣчи съ Русскими.

Галерный флотъ, подъ начальствомъ Нассау-Зигена, какъ выше сказано, медлилъ прибытіемъ. Въ Выборгской бухтѣ стояло впрочемъ еще съ осени прошлаго года до 100 галерныхъ судовъ, но должно быть на нихъ особенно полагаться было нельзя [1]). Пользуясь отсутствіемъ противодѣйствія, Шведы сдѣлались въ шхерахъ при устьѣ рѣки Кюмени полными хозяевами; заняли острова, настроили батарей и укрѣпились при Гёгфорсѣ почти до неприступности.

Только 4 (15) августа произошло небольшое дѣло между шведскою и русскою флотиліями, въ которомъ верхъ остался за послѣднею. Оно служило вступленіемъ въ единственное большое сраженіе этой кампаніи, происшедшее 12 (23) августа при Руотсинсальмѣ, или Роченсальмѣ — иначе при Свенскзундѣ, — верстахъ въ 25-ти отъ Фридрихсгама.

Шведы находились въ позиціи прикрытой островами, на которыхъ было устроено множество батарей; проходы между ними были искуственно заграждены затопленными судами. Противъ Шведовъ дѣйствовали какъ гребная флотилія принца Нассау, такъ и отрядъ корабельнаго флота изъ эскадры адмирала Крюйза, подъ начальствомъ генералъ-маіора Баллея. Онъ первый началъ атаку въ 10 час. утра, но не могъ осилить

[1]) Вообще гребныя суда вызывали порицаніе современниковъ. «Цѣлый годъ ихъ вооружали—писалъ Безбородко 9-го іюля гр. Воронцову—и то неисправно. Ни знанія, ни доброй воли ни у кого не было». Григоровичъ. Канцл. кн. Безбородко, т. II, стр. 58.

непріятеля, и послѣ большихъ потерь въ 5 часовъ пополудни долженъ былъ отступить. Шхерному флоту принца Нассау нужно было предварительно уничтожить часть загражденій, что подъ непріятельскими выстрѣлами было сопряжено съ крайними трудностями. Однако препятствіе это было наконецъ устранено, не ранѣе впрочемъ какъ къ 6-ти часамъ вечера. Семичасовой бой предъ тѣмъ между Шведами и эскадрой Баллея обезсилилъ первыхъ, и они, бывъ аттакованы по очищеніи прохода Нассау-Зигеномъ, не могли долго держаться и должны были спасаться бѣгствомъ. Прорывъ загражденій сдѣлалъ сопротивленіе и потому невозможнымъ, что русскія суда внутри шведскихъ укрѣпленій уже не страдали болѣе отъ ихъ огня. Жестокій бой продолжался до глубокой ночи; затѣмъ шведскій флотъ ушелъ къ Ловизѣ [1]). Потери съ обѣихъ сторонъ были весьма значительны, но побѣда Русскихъ не подлежала сомнѣнію: ее сравнивали съ Чесменскою.

Роченсальмская битва привела къ очищенію опять русскихъ предѣловъ отъ Шведовъ. 21-го августа сдѣлана была высадка русскихъ войскъ съ галернаго флота у Бробю, въ тылу непріятеля, и это движеніе привело къ быстрому отступленію его сперва вверхъ по Кюмени, а потомъ и къ полному оставленію русской Финляндіи. Благодаря недѣятельности русскихъ начальниковъ Густавъ могъ уйти съ своей арміей восвояси безъ особыхъ потерь. Между тѣмъ Императрица требовала усиленнаго преслѣдованія Густава.

«Хотя и сожалѣемъ—писала она Мусину-Пушкину 26-го августа [2]),—что скоропостижное бѣгство непріятельскихъ войскъ упредило исполненіе добрыхъ распоряженій вами сдѣланныхъ на атаку тѣхъ войскъ, но самый его побѣгъ доказываетъ

---

[1]) А. Г. Брикнеръ. Война Россіи съ Швеціей 1788—90. Тамъ же и свѣдѣнія о происшедшей по поводу этой битвы полемикѣ между Густавомъ и принцемъ Нассау-Зигеномъ или, вѣроятно, самой Императрицей.

[2]) Моск. Арх. М. Ин. Д. Camp. Suèd. 1789. Связка 7. Expéd. лист. 67.

большую поверхность нашу и крайнюю робость короля шведскаго; а потому симъ вновь подтверждаемъ колико нужно есть пользоваться онымъ и идти искать непріятеля въ собственной его землѣ. Мы не видимъ никакой въ томъ препоны.»

...«И такъ повторяемъ рѣшительно—говорилось далѣе,—что вамъ надлежитъ внесть оружіе наше въ землю непріятельскую и пользуяся настоящими обстоятельствами при краткомъ времени для кампаніи остающемся поспѣшить простерти дѣйствія ваши до Гельсинфорса. Овладѣвъ мѣстомъ симъ овладѣемъ мы почти всею Финляндіею.»

...«Такимъ образомъ если миръ нами усердно желаемый и отдаляемый врагомъ нашимъ не ускоритъ при самыхъ первыхъ успѣхахъ, мы по крайней мѣрѣ знатную часть войскъ нашихъ расположимъ на зимнія квартиры въ шведской Финляндіи, вмѣсто того что остановяся на поспѣшномъ бѣгствѣ непріятельскомъ и ограничивъ всю пользу отъ поверхности нашей настоящей охраненіемъ только собственныхъ предѣловъ нашихъ, въ существѣ мы гораздо меньше прошлогодняго выиграемъ и въ слѣдующемъ году паки съ того же пункта начинать принуждены будемъ. Сіе отнюдь бы не сходствовало ни съ пользою Имперіи нашей, ни съ славою нашей, ни съ добрымъ именемъ оружія нашего»... «Объявляя вамъ,—повторяла Екатерина въ третій разъ,—рѣшительную волю нашу на распространеніе дѣйствій противу непріятеля, не входимъ мы въ подробныя наставленія»... и т. д.

И тѣмъ не менѣе, ничего не было сдѣлано. Всѣ эти «рѣшительныя» повелѣнія самодержавной Императрицы оказывались безсильны, разбиваясь о совершенную апатію исполнителей этихъ велѣній. 9-го сентября принцъ Нассау былъ уже въ Петербургѣ; въ началѣ октября Мусинъ-Пушкинъ также покинулъ шведскую Финляндію. Чичаговъ ушелъ охранять берега Эстляндіи и Лифляндіи, которымъ не угрожала впрочемъ никакая видимая опасность. Не удивительно, что подобное равнодушіе къ высокимъ государственнымъ задачамъ вызывало слезы на глазахъ дѣятельной Императрицы; не удивительно, что въ минуту такого огорченія она находила, что всѣ точно въ за-

говорѣ съ Густавомъ [1]). Но то удивительно, что воля Екатерины, какъ въ минувшемъ такъ и въ этомъ году, обращалась въ ничто предъ упорной апатіей Мусина-Пушкина,—и однако же цѣлые два года Императрица выносила бездѣйствіе этого малоспособнаго и нерѣшительнаго генерала, погубившаго можно сказать обѣ кампаніи и подготовившаго Верельскій, далеко не выгодный для Россіи миръ.

Кампанія 1789 года кончилась тѣмъ же, чѣмъ кончилась предъидущая: Русскіе остались въ своихъ, Шведы въ своихъ границахъ. На слѣдующій годъ приходилось начинать все снова.

Обозрѣвъ вкратцѣ военныя дѣйствія 1789 года, слѣдуетъ взглянуть и на политическія мѣры русскаго правительства, получившія въ первый годъ войны такое своеобразное развитіе.

Въ этомъ отношеніи наученная опытомъ Екатерина въ концѣ 1788 г. предоставила, какъ выше сказано, Финляндію своей участи. «Pourquoi tenir leurs becs dans l'eau? Зачѣмъ ихъ обманывать? Я не могу имъ помочь,» говорила она Храповицкому. Спренгтпортенъ, поставленный теперь въ число второстепенныхъ отрядныхъ генераловъ, фигурировалъ уже во время новой кампаніи значительно меньше. Вѣроятно достигнутые въ 1788 году результаты поколебали высокое мнѣніе о его способностяхъ и пользѣ имъ приносимой, хотя впрочемъ люди его кружка старались еще выставлять его на показъ. Кромѣ того онъ часто жаловался на болѣзни, иногда отказываясь отъ явки даже къ Императрицѣ [2]). Затѣмъ послѣ полученной при Паросальми раны онъ и вовсе выбылъ съ мѣста дѣйствій [3]). Его заступилъ, хотя далеко не вполнѣ, другой дѣлецъ, его племянникъ, маіоръ Егергорнъ, но уже на условіяхъ совершенно иныхъ. Ему и его

---

[1]) Храповицкій, 6-го августа; слова Екатерины послѣ дѣла при Эландѣ: «je crois que tout le monde est d'accord avec le roi de Suède. Le prince de Nassau n'a presque rien fait. Pouschkine est dans l'inaction. Досада, почти слезы на глазахъ.

[2]) Записка къ гр. Безбородко 19-го окт. 1788. Моск. Арх. М. Ин. Д.

[3]) Въ кампанію 1790 г. онъ вовсе не значится въ числѣ генераловъ финляндской арміи

землякамъ не только не оказывали особыхъ отличій и не давали преимуществъ, но даже не позаботились объ обезпеченіи ихъ денежнаго положенія. Егергорнъ самъ долженъ былъ просить о томъ какъ о милости, и только въ половинѣ года назначено жалованье ему и другимъ принятымъ въ службу шведскимъ бѣглецамъ [1]). Императрица соизволила выдавать каждому по сто рублей въ мѣсяцъ на счетъ суммы, отпущенной главнокомандующему на чрезвычайныя издержки. Офицеры эти были, кромѣ Егергорна: маіоръ Кликъ, капитаны: Глянзеншерна, зять Спренгтпортена, Эльмѐнъ, Ладау и корнетъ Эссенъ. Позднѣе, въ декабрѣ, такое же пособіе назначено по ходатайству Спренгтпортена и нѣкоему Шарку. Если сравнить размѣръ этихъ окладовъ съ тѣмъ, что предоставлено было три года назадъ самому Спренгтпортену при его водвореніи въ Россіи, то легко видѣть что шведскихъ эмигрантовъ цѣнили теперь довольно дешево. Характеръ назначенныхъ выдачъ былъ скорѣе филантропическій: маіоръ, капитаны и корнетъ—всѣ были на одной линіи; а источникъ, изъ котораго производились оклады, давалъ понять что они имѣли случайное и временное значеніе. Впрочемъ съ годами нѣкоторыя изъ этихъ пособій обратились, какъ и слѣдовало ожидать, въ постоянныя пенсіи, и въ 1808 году мы встрѣчаемся съ Кликомъ и Ладау какъ съ пенсіонерами русскаго правительства.

Изъ всѣхъ бѣглецовъ Егергорнъ игралъ наиболѣе выдающуюся роль. Отчасти онъ замѣстилъ Спренгтпортена и въ составленіи проекта военныхъ дѣйствій со стороны Саволакса. Въ Петербургѣ разсматривались его представленія по этому важному предмету, и самъ онъ былъ посланъ къ Мусину-Пушкину съ полнымъ разрѣшеніемъ [2]). Слѣдуя по пути своего дяди, Егергорнъ затѣвалъ было снова вызвать Екатерину на политическіе шаги въ отношеніи финляндцевъ. Онъ присылалъ даже вице-канцлеру просьбу объ изданіи манифеста отъ имени

[1]) Предписаніе главнокомандующему гр. Мусину-Пушкину отъ 2 го іюня 1789.

[2]) Предписаніе главнокомандующему отъ 6-го іюля 1789 г. Моск. Арх. Швед. в., св. 7.

Императрицы, но получилъ отказъ. Мусину-Пушкину, согласно системѣ послѣднихъ мѣсяцевъ истекшаго года, сообщено было что «Ея Императорское Величество не считаетъ за благо отъ лица своего публиковать прежде что либо, покуда состоится хотя тѣнь общества и чрезъ депутатовъ своихъ сдѣлаетъ у него подпись» [1]). Съ подобными же соображеніями связывалъ Егергорнъ и дѣйствія въ Саволаксѣ, но они еще ранѣе не встрѣтили сочувствія въ Императрицѣ.

«Что принадлежитъ до дѣйствія въ Саволаксѣ, — писала она Мусину-Пушкину 11-го іюня, — оныя зависятъ отъ вашего вообще распоряженія и соображенія съ другими частями. Мы только одно оставить не можемъ безъ примѣчанія, что нельзя отнюдь полагаться на слова и обнадеженія Шведовъ, имѣвъ многіе опыты ихъ непостоянства и неосновательности, и что безъ сильныхъ мѣръ собственно отъ насъ, всѣ планы Егергорномъ предлагаемые тщетны будутъ.» Екатерина находила лишь, что «выборъ начальника къ войскамъ въ помянутую провинцію отряжаемымъ надобно чтобы палъ на человѣка, который имѣя всѣ нужныя способности, былъ бы въ состояніи пріобрѣсти и довѣренность народную». Можетъ быть въ связи съ этимъ и было назначеніе Спренгтпортена къ командованію именно въ Саволаксѣ, хотя главное начальство надъ отрядомъ было довѣрено Михельсону и Шульцу; Спренгтпортенъ же имѣлъ подъ ихъ вѣдѣніемъ лишь небольшую часть.

Впрочемъ отъ возбужденія при случаѣ и подъ рукой неудовольствія противъ Густава и теперь въ Петербургѣ не отказывались. Чрезъ посредство римско-императорской миссіи тамъ еще въ началѣ кампаніи получены были разныя бумаги, касавшіяся сейма бывшаго зимой въ Стокгольмѣ. Онѣ не были публикованы шведскимъ правительствомъ, потому что заключали въ себѣ нѣкоторые непріятные для короля факты. Вице-канцлеръ гр. Остерманъ нашелъ полезнымъ перевести эти бумаги на шведскій языкъ и въ печатныхъ экземплярахъ чрезъ

[1]) То же предписаніе главнокомандующему отъ 6-го іюля 1789 г. Моск. Арх. Швед. в., св. 7.

агентовъ главнокомандующаго распустить ихъ по шведской Финляндіи [1]).

Вступленіе русскихъ войскъ въ Саволаксъ и занятіе небольшой его части въ началѣ кампаніи 1789 г. продолжалось, какъ извѣстно, недолго [2]). Но Егергорнъ не замедлилъ представить главнокомандующему о необходимости удовлетворить финляндцевъ за убытки «и вообще по дѣламъ до Саволакской провинціи касающимся». Онъ составилъ даже счетъ этимъ убыткамъ на 24.088 талеровъ (около 36.000 руб.). Екатерина разрѣшила этотъ расходъ, но съ слѣдующими оговорками [3]):

«*Первое* — показанную сумму 24.088 талеровъ употребить не инако, какъ на награжденіе убытковъ тѣхъ финовъ, которые войдутъ въ окружность занимаемую войсками нашими; ибо нѣтъ надобности, да и не сходно съ интересами нашими, терять деньги въ пользу непріятеля нашего.

«*Второе.* Сію заплату производить тѣмъ, кои присягою подписанною ими обяжутся не поднимать противъ Россіи оружія во все продолженіе настоящей войны, и ни тайно, ни явно не способствовать королю шведскому въ неправедномъ его дѣлѣ.»

Текстъ этихъ оговорокъ ясно изобличаетъ, какое значеніе имѣли «убытки» теперь вознаграждавшіеся. Къ сожалѣнію изъ документовъ не видно подробностей счета Егергорна.

Изъ прочихъ шведовъ-пенсіонеровъ заявилъ себя въ эту эпоху въ качествѣ совѣтника еще капитанъ Эльменъ. Въ іюлѣ, когда военныя дѣйствія нѣсколько оживились, онъ обратился въ Петербургъ съ отдѣльнымъ проектомъ. Въ письмѣ изъ Выборга отъ 20-го іюля [4]), повторяя потерявшія уже всякую цѣну

---

[1]) Моск. Арх. Тамъ-же, листы 6—177.

[2]) Дѣло при Киро было 31-го мая, а 8—9 іюля разбитый при Паркумяки Шульцъ оставилъ уже шведскую Финляндію.

[3]) Указъ гр. Мусину-Пушкину 11-го іюня. Сличеніе обѣихъ датъ побуждаетъ заключать, что «убытки» относились до другихъ случаевъ вступленія русскихъ войскъ, т. е. вѣроятно при бывшихъ прежде стычкахъ. Приложеніе № 26.

[4]) Кому оно было адресовано — неизвѣстно. Быть можетъ гр. Безбородко. По его докладу Императрицѣ оно отослано къ главнокоман-

увѣренія въ общемъ противъ короля негодованіи всѣхъ истинныхъ патріотовъ, Эльмѣнъ предлагалъ сформировать подъ начальствомъ Спренгтпортена новый корпусъ изъ шведскихъ дезертировъ и плѣнныхъ подъ названіемъ корпуса свободы (Frihets Corps). Онъ долженъ былъ пополняться всѣми желающими патріотами, которые дадутъ присягу въ томъ, что готовы служить своему отечеству, т. е. Финляндіи, подъ покровительствомъ Россіи. Экипировка, вооруженіе, содержаніе, все должно было быть такое же, какъ и въ шведскомъ войскѣ; но дѣйствовать корпусъ долженъ былъ въ составѣ войскъ Мусина-Пушкина. Формированіе его предполагалось поручить Клику и Ладау, которыхъ авторъ признавалъ вполнѣ къ тому способными, по расположенію коимъ они пользовались между солдатами. Авторъ сообщалъ свой проектъ Спренгтпортену; тотъ вполнѣ одобрялъ его, и хотя еще больной отъ раны, былъ готовъ принять начальство надъ корпусомъ. Изъ этого проекта, однако, также ничего не вышло. Онъ упомянутъ собственно какъ новая иллюстрація того недостойнаго направленія, на которое сторонники Спренгтпортена такъ усиливались поставить русское правительство.

Приведенныя данныя показываютъ, что во вторую кампанію къ мѣрамъ «воздѣйствія на умы» Финновъ прибѣгали сравнительно очень мало, лишь по старой памяти, и онѣ были совершенно удалены съ того выдающагося плана, который занимали въ 1788 г.. Екатерина заплатила дань увлеченію, въ чемъ такъ много способствовалъ Спренгтпортенъ, эксплуатируя ея непріязненныя чувства къ Густаву, но затѣмъ увидѣла всю его безосновательность и дальше не пошла.

дующему, которому воля ея на счетъ подобныхъ писемъ была извѣстна. — Переписка съ гр. Мусинымъ-Пушкинымъ. Expédition 1789, въ М. Гл. Арх.

II.

Кампанія 1790 г. [1]).

Послѣ двухъ разорительныхъ, хотя и безплодныхъ кампаній Швеція желала и ждала мира, но на почетныхъ условіяхъ. Екатерина оффиціально признавала, что также склонна къ миру, на условіяхъ конечно не менѣе почетныхъ. Но какъ таковыхъ въ виду не имѣлось, то войнѣ предстояло съ наступленіемъ весны,—третьей уже,—возгорѣться съ новою силою.

Обѣ кампаніи вполнѣ доказали всю неспособность гр. Мусина-Пушкина; поэтому онъ былъ смѣненъ, и на третью командовать финляндской арміей поручено генералу графу Николаю Петровичу Салтыкову. Назначеніе это состоялось еще въ концѣ 1789 г. [2]). Новому главнокомандующему данъ 5-го апрѣля 1790 г. указъ съ подробными инструкціями на 18 листахъ. Проектъ весь писанъ рукою гр. Безбородко. Инструкція обозрѣвала и предусматривала разныя распоряженія, какъ на сухомъ пути, такъ и на корабельномъ и галерномъ флотахъ. Въ общемъ направленіи она сходствовала съ повелѣніями, данными въ разное время бывшему главнокомандующему.

Подъ начальство Салтыкова были назначены: генералъ-поручики Игельстрёмъ, Гантвихъ, принцъ Ангальтъ-Бернбургъ-Шаумбургскій, и на галерахъ Нумсенъ. Генералъ-маіоры: баронъ Ферзенъ, Бауверъ, баронъ фонъ-деръ-Паленъ, Бергманъ,

---

[1]) Описаніе съ нѣсколько большими подробностями, особенно на счетъ главнѣйшихъ эпизодовъ этой кампаніи: Выборгской побѣды и Роченсальмскаго пораженія, помѣщено въ № 1 Журн. Мин. Нар. Просв. за 1888 годъ.

[2]) Моск. Арх. М. Ин. Д. Шведск. война 1790. Связк. 10, листы 86 и послѣд. О порученіи гр. Салтыкову начальства надъ финляндской арміей говорится въ указѣ военной коллегіи отъ 17-го янв. 1790 г., какъ о совершившемся фактѣ. Высоч. повел., кн. № 90. Но еще ранѣе, въ рескриптѣ князю Потемкину 24-го ноября 1789 г. упоминается объ отозваніи Салтыкова отъ дѣйствій на Кавказѣ «къ другому начальству». Н. Дубровинъ, Исторія войны на Кавказѣ, т. II.

Хрущовъ, Неклюдовъ, Корфъ, Толстой, Ржевскій, Денисовъ, Рекъ, Буксгевденъ (покоритель Финляндіи въ 1808 г.), послѣдніе двое на галерномъ флотѣ. Пумсенъ, только недавно поступившій въ русскую службу, провелъ всю зиму въ Фридрихсгамѣ, изучая положеніе непріятеля [1]). Ангальта признавали всѣхъ способнѣе, но онъ не получилъ высшаго назначенія, такъ какъ разгнѣвалъ Императрицу еще въ 1788 г.. Тогда предполагалось Мусину-Пушкину командовать арміей только изъ Петербурга, на мѣстѣ же распоряжаться принцу Ангальту. Но онъ сталъ требовать, притомъ настоятельно, генералъ-аншефскаго чина. Это на столько разсердило Императрицу, что она не хотѣла даже разговаривать съ Ангальтомъ [2]). Въ наступившую кампанію дѣятельность его не успѣла развиться: онъ окончилъ ее вмѣстѣ съ жизнью, убитый вслѣдъ за началомъ военныхъ дѣйствій, 19-го апрѣля [3]).

Составъ генераловъ былъ, какъ легко видѣть, значительно измѣненъ: Михельсона и Шульца, наиболѣе выдававшихся въ минувшую кампанію, не было налицо. Очевидно имъ припомнили дѣла при Пардакоски и Паркумяки [4]). Не было и Спренгтпортена. Надъ нимъ уже состоялся приговоръ Абоскаго гофгерихта, присудившій его къ висилицѣ за измѣну и вооруженное нападеніе на отечество; было, конечно, неудобно вновь поручать ему командованіе отрядомъ вообще и въ особенности тамъ, гдѣ подвиги его навлекли кару.

Начальство надъ галернымъ флотомъ принадлежало по-прежнему побѣдителю при Роченсальмѣ, принцу Нассау-Зигену, который получалъ теперь приказанія непосредственно отъ Императрицы; съ главнокомандующимъ онъ долженъ былъ только

---

[1]) Канцлеръ кн. Безбородко, Григоровичъ, т. II, стр. 73.

[2]) Сборникъ Истор. Общ., т. XXVI, стр. 421.

[3]) Рапортъ Салтыкова отъ 25-го апр. Въ дѣлѣ при Пардакоски и Кернакоски, 19-го апр., онъ былъ раненъ ядромъ въ правую ногу въ кость выше колѣна, и на другой день умеръ.

[4]) Впрочемъ, при заключеніи мира, Михельсонъ пожалованъ бриллiантовыми знаками ордена Св. Александра Невскаго.

входить въ соглашенія и подчиненъ ему не былъ. Корабельнымъ флотомъ командовалъ старый Чичаговъ.

Отношенія, установившіяся между этими независимыми одинъ отъ другого главными начальниками, хотя Императрица и надѣялась на полное ихъ взаимнодѣйствіе, едва ли были лучше тѣхъ, какими отличалась предыдущая кампанія. Въ многочисленныхъ своихъ частныхъ письмахъ къ гр. Безбородко, Салтыковъ постоянно обвинялъ обоихъ морскихъ начальниковъ въ недѣятельности и вообще, хотя и непрямо, осуждалъ систему раздѣленія начальствованія, называя ее разнобоярщиною. Флоты онъ называлъ «союзнымъ войскомъ». Принцъ Нассау, пользуясь близостью къ Императрицѣ, игнорировалъ Салтыкова.

Положеніе арміи было очень незавидное: въ началѣ лѣта въ ней было, по увѣренію главнокомандующаго, 12 тысячъ больныхъ и некѣмъ было пополнять убыль [1]). Кромѣ того принцъ Нассау требовалъ для усиленія галернаго флота все новыхъ и новыхъ людей, не исключая и казаковъ. А такъ какъ требованія эти обращались къ Императрицѣ, а отъ нея поступали къ Салтыкову въ видѣ повелѣній, то ему оставалось только ихъ исполнять [2]). Оттого силы сухопутной арміи,

---

[1]) «Вотъ, ваше сіятельство, видите,—писалъ Салтыковъ гр. Безбородко 9-го іюня,—что почти всякій день атаки, и людей убываетъ, да къ тому около 12 тысячъ по арміи больныхъ, а ничѣмъ и никѣмъ эти убытки не пополняютъ, кампанія же только начала развертываться, то еще много драки будетъ, а по чести моей мужиками нельзя пополнять, то есть рекрутами, и такъ двѣ доли незнающихъ не только стрѣлять, а ружьемъ владѣть, посему извольте свои заключенія дѣлать... Истинно такіе иногда часы бываютъ, что все состояніе государства видишь висящее на волосу. Простите мнѣ сіи выходки, но ей Богу вы будучи далеко и не знавъ всей дурной, недостаточной и неустроенной здѣшней арміи, не можете такъ точное заключеніе сдѣлать, каковое я теперь имѣю.»—Моск. Арх. М. Ин. Д. 1790. Camp. Suèdoise. Связка 11-я, лист. 60.

[2]) «Я все отдаю на флотилію, что приказано было, а самъ голъ остаюся, но все безъ остатку дамъ; мертвыхъ воскресить не можно, а не только въ полкахъ на лицо, но и изъ гошпиталей велѣлъ выписать и туда-жъ отдать.»—Изъ письма 10-го іюня къ гр. Безбородко.

состоявшей въ началѣ іюня всего изъ 23.000 человѣкъ [1]), крайне ослаблялись, и для охраны береговъ по направленію къ Петербургу приходилось возить отряды то туда то сюда, на подводахъ. Говоря о возможности нападенія непріятеля съ моря между Выборгомъ и Петербургомъ, Салтыковъ съ обычнымъ ему юморомъ писалъ гр. Безбородко 1-го іюня: «Выборгъ атаковать—можно поспорить, но ежели храни Боже да къ вашей сторонѣ, то тамъ у меня войска хоть и есть. но мало, и то по конфедераціи на подводахъ подвижною магазейною разъѣзжаютъ, какъ въ конфедератскую войну бывало. Истинно, и смѣхъ, и горе.»

Корабельный флотъ былъ въ хорошемъ состояніи; значительная часть его зимовала въ Ревелѣ, и была готова къ дѣйствію тотчасъ по вскрытіи льда. Но гребной флотъ, не смотря на одержанную при Роченсальмѣ побѣду, былъ все-таки недостаточенъ. Его усиливали изъ Петербурга; но за противными вѣтрами, и едва-ли не больше еще за медленностію его вооруженія, онъ не могъ явиться во-время на мѣсто для охраны береговъ.

Въ помощь вооруженной силѣ и въ эту кампанію «вліяніе на умы» не было пренебрежено; но оно приняло совершенно опредѣленную и, если можно такъ выразиться, пассивную форму. Главнокомандующему предоставлено было входить въ сношенія, выслушивать оппозиціонные элементы, но не вызывать ихъ, какъ было при Спренгтпортенѣ. Притомъ это вліяніе должно было быть употреблено главнымъ образомъ какъ средство при заключеніи мира. Этому предмету посвященъ былъ въ упомянутомъ рескриптѣ Салтыкову, отъ 5-го апрѣля, особый пунктъ.

«Изъ разныхъ бумагъ, которыя вы должны получить отъ предмѣстника вашего, усмотрѣли вы всѣ сношенія съ нѣкоторыми изъ финляндцевъ, недовольныхъ королемъ ихъ. Вы найдете тамъ и наши наставленія по сей части, къ коимъ мы васъ отсылаемъ, уполномочивая васъ входить въ таковыя сношенія со всѣми, кто признавая несправедливость войны королемъ

---

[1]) Рапортъ Салтыкова 6-го іюня.

шведскимъ противъ насъ подъятой, станетъ искать нашего покровительства, и дозволяемъ вамъ всякимъ образомъ внушать и подавать имъ, да и вообще Шведамъ и Финнамъ, удостовѣренія, что нѣтъ намѣренія нашего на присвоеніе чего-либо изъ земли ихъ, и что въ удовлетвореніе всѣхъ нашихъ убытковъ, вѣроломнымъ и установленія ихъ нарушившимъ поступкомъ короля причиненныхъ, не требуемъ иного, кромѣ обезпеченія мира и тишины на будущія времена, полагая оное въ возстановленіи собственную ихъ вольность и безопасность утверждающей конституціи, которая королю ихъ связывала руки самопроизвольно начинать войну. Но впрочемъ нѣтъ ни малаго сомнѣнія, что всѣ подобныя сношенія и переговоры, безъ усильныхъ, и добрымъ успѣхомъ сопровождаемыхъ военныхъ дѣйствій не только не принесутъ ни малѣйшей пользы, но паче еще окажутъ всѣ слабости; и для того прежде всего нужно стараться открыть себѣ оружіемъ входъ въ землю непріятельскую, а по разбитіи врага и утвержденіи ноги нашей въ шведской Финляндіи настанетъ время удобнѣйшее обратить къ себѣ духи жителей тамошнихъ и тѣмъ на ускореніе мира воспользоваться.

«Что касается до денежныхъ по сей части издержекъ, то мы увѣрены что вы оныя самымъ бережливымъ образомъ и по крайней только необходимости распоряжать станете, тѣмъ болѣе что Шведы въ надеждѣ достать денегъ многое обѣщаютъ, но еще всѣ на нихъ издержки никакой существенной не принесли пользы, и во всякомъ важномъ случаѣ не инако, какъ силою или страхомъ оружія дѣло окончено было.»

Слова эти не требуютъ коментарій. Можно, разумѣется, пожалѣть, что Екатерина такъ категорически давала зарокъ не воспользоваться ничѣмъ въ шведской Финляндіи, и тѣмъ какъ бы уклонялась отъ окончательнаго исполненія государственной задачи Россіи, по которой Финскій заливъ долженъ быть Русскимъ заливомъ. Но эти слова получали другое значеніе въ виду послѣдующаго, еще болѣе категорическаго требованія, чтобы прежде всего оружіемъ были достигнуты добрые и усиленные успѣхи. По достиженіи ихъ, побѣдителю естественно было руководиться только высшимъ закономъ государственной пользы.

Слова, относящіяся къ денежнымъ расходамъ на Шведовъ и Финновъ, весьма характерны и свидѣтельствуютъ о томъ невысокомъ мнѣніи, даже о томъ презрѣніи, которое вселили въ Императрицу и вообще въ русское правительство корыстолюбивыя поползновенія шведскихъ заговорщиковъ и эмигрантовъ.

Густавъ III выказалъ въ теченіе зимы лихорадочную дѣятельность. Кромѣ вооруженія крѣпостей и арміи, онъ приложилъ особое стараніе къ увеличенію морскихъ силъ. Крайне теплая зима тому способствовала и дала возможность работать въ Карлскронѣ круглый годъ. Населеніе финляндскихъ городовъ, особенно приморскихъ, Або, Гельсингфорса, Экнеса, не только было занято постройкой судовъ на счетъ правительства, но и принесло многія отъ себя въ даръ. Даже финскія дамы соорудили и вооружили на свой счетъ канонерскую лодку. При такихъ общихъ усиліяхъ къ веснѣ 1790 г. имѣлся у Шведовъ шхерный флотъ, по показанію финскихъ историковъ, силою въ 3.000 орудій [1]).

По плану Густава флотъ долженъ былъ двинуться весной на столько рано, чтобы русскія эскадры, зимовавшія въ разныхъ мѣстахъ, не могли еще соединиться. Дѣйствительно, въ началѣ марта нѣсколько судовъ подошли къ Балтійскому порту Комендантъ полковникъ Роберти сдался; магазины выжжены, пушки заклепаны, городъ заплатилъ 4 тысячи рублей контрибуціи; затѣмъ Шведы ушли [2]). Но для отвлеченія вниманія предположено сдѣлать диверсію съ сѣвера со стороны Саволакса, для чего король лично пріѣхалъ въ Санктъ-Михель въ концѣ марта, лично руководилъ первыми, небольшими впрочемъ, шагами наступленія на русскую Финляндію и имѣлъ успѣхъ. Шведы заняли между прочимъ Кернакоски и Пардакоски,—

[1]) Koskinen. Finn. Geschichte, 511.

[2]) Императрица была очень разгнѣвана этой сдачей и назвала Роберти негодяемъ. «Что же онъ спасъ, хочу знать?—говорила она.—Себя только. Русскій этого бы не сдѣлалъ. Какая разница съ Кузьминымъ въ Нейшлотѣ!» (См. выше стр. 139 и 146 прим.).—Дневникъ Храповицкаго, подъ 10-мъ марта 1790.

пунктъ считавшійся важнымъ. Атака на него со стороны Русскихъ въ видахъ занятія вновь, произведенная 19 (30) апрѣля, кончилась также неудачею, причемъ понесена потеря въ людяхъ болѣе 500 человѣкъ и смертельно раненъ принцъ Ангальтъ [1]). Равнымъ образомъ и на Кюмени Русскіе были въ началѣ апрѣля оттѣснены. Однако вскорѣ они оправились и уже 21-го апрѣля имѣли надъ Шведами значительный успѣхъ. Надъ Русскими начальствовалъ генералъ Нумсенъ, а надъ Шведами самъ король. Послѣдніе не только были разбиты, но и прогнаны за Кюмень, куда перешли и Русскіе у Мемеле и заняли знаменитый въ исторіи этой войны пунктъ Аньяла, въ которомъ и удержались нѣкоторое время.

Послѣ этой неудачи Густавъ перенесъ свою главную квартиру на галерный флотъ и рѣшился дѣйствовать противъ Фридрихсгама, а затѣмъ перейти и ближе къ Петербургу. На сѣверовостокѣ остались начальствовать Стединкъ и гр. Армфельтъ, упоминавшійся выше другъ короля, племянникъ старика Армфельта, вовлеченнаго въ аньяльскую конфедерацію. Дѣйствія ихъ были сначала довольно успѣшны, но при нападеніи 24 го мая (3-го іюня) на Савитайпальскій постъ, гдѣ у генерала Хрущова было менѣе полуторыхъ тысячъ человѣкъ, у Армфельта же до 4-хъ тыс., — послѣдній былъ разбитъ на голову, оставивъ на мѣстѣ до 400 человѣкъ. Самъ Армфельтъ былъ раненъ въ правое плечо.

Между тѣмъ въ день неудачи подъ Кернакоски и Пардакоски, 19-го апрѣля, шведскій корабельный флотъ вновь явился у береговъ Эстляндіи въ числѣ 28-ми трехъ- и двухъ-мачтовыхъ судовъ, угрожая зимовавшей въ Ревелѣ эскадрѣ Чичагова. Ревельскій рейдъ въ эту необычайно теплую зиму покрылся льдомъ только 29-го января, на Финскомъ же заливѣ были лишь плавающія льдины, которыя западный вѣтеръ угналъ за Наргенъ. 9-го апрѣля Чичаговъ изготовился уже выйти изъ гавани, и только сѣверные вѣтры, нагнавшіе много льда, замедлили выходъ на рейдъ. 1-го мая принцъ Карлъ уже лави-

[1]) Донесеніе гр. Салтыкова отъ 25-го апрѣля.

ровалъ въ виду русской эскадры, которая по слабости своей не могла встрѣтить непріятеля въ открытомъ морѣ [1]). Нападеніе на нее замышлено было еще зимою, когда чрезъ посредство одного англійскаго шкипера, бывшаго въ Ревелѣ, шведскій посланникъ въ Копенгагенѣ собралъ о ней самыя обстоятельныя свѣдѣнія. Принцъ Карлъ тѣмъ болѣе могъ быть увѣренъ въ успѣхѣ, что сила его слишкомъ вдвое превышала силу Чичагова: у Шведовъ было 22 линейныхъ корабля, 4 фрегата и 2 брандера; у Русскихъ всего 10 линейныхъ кораблей и одинъ фрегатъ [2]). Помощи себѣ отъ эскадры, находившейся въ Кронштадтѣ подъ командой адмирала Крюйза, гдѣ было 17 кораблей, въ Ревелѣ ожидать не могли. Цѣль Карла состояла въ томъ, чтобы не дать обѣимъ эскадрамъ соединиться, а по возможности уничтожить ихъ порознь и открыть себѣ дорогу къ Петербургу.

Но происшедшее 2-го мая сраженіе опрокинуло надежды Шведовъ. Чичаговъ не только не былъ разбитъ, но и заставилъ герцога Зюдерманландскаго отступить съ немалою потерей. Рано утромъ шведскій флотъ пошелъ на русскую эскадру сѣвернымъ проходомъ, слѣдуя корабль за кораблемъ, притомъ подъ одними только верхними парусами. Въ самомъ началѣ движенія, близъ острова Вульфа одинъ корабль сѣлъ на мель. По другимъ, по мѣрѣ ихъ приближенія, русскія суда открывали сильную канонаду. Бывшія на берегу батареи также начали пальбу, но за дальностію непріятеля прекратили. Подходившіе корабли, сильно терпя отъ русскаго огня, должны были маневрировать чтобы удалиться, при чемъ одинъ 64-хъ-пушечный корабль на столько пострадалъ въ рангоутѣ и такелажѣ, что не могъ выбраться изъ линіи русскихъ судовъ и вынужденъ былъ спустить флагъ и сдаться со всѣмъ своимъ

---

[1]) См. соотвѣтственныя донесенія Чичагова въ Моск. Глав. Арх.

[2]) Въ Петербургѣ, при такомъ преимуществѣ Шведовъ, очень боялись исхода дѣла. «Богъ милостивъ, — не проглотятъ!» сказалъ Чичаговъ. Эти слова начертаны и на гробницѣ Чичагова, въ Невскомъ монастырѣ въ Петербургѣ.

экипажемъ до 500 ч. Между тѣмъ у Шведовъ и другой корабль сѣлъ на мель. Начавшись въ 10 часовъ, бой продолжался до половины перваго, когда весь шведскій флотъ оставилъ Ревельскій заливъ. Одинъ изъ бывшихъ на мели кораблей сожженъ непріятелемъ въ слѣдующую же ночь, а другой снятъ, впрочемъ съ большими поврежденіями. Потери русскихъ были очень незначительны: 8 убитыхъ и 26 раненыхъ нижнихъ чиновъ, и одинъ раненый офицеръ [1]). За это счастливое дѣло Чичаговъ награжденъ орденомъ св. Андрея Первозваннаго и 1388 душами крестьянъ.

Починившись близъ Наргена, шведскій флотъ пошелъ къ Кронштадту, дабы предупредить приходъ туда Чичагова. Послѣдній же перейдя къ Наргену, ожидалъ по береговымъ маякамъ извѣстій о выступленіи Крюйза изъ Кронштадта, и только 23-го мая двинулся къ нему навстрѣчу. Между тѣмъ Крюйзъ еще 13-го мая оставилъ Кронштадтскій рейдъ, но долженъ былъ пріостановиться, поджидая отставшія за противнымъ вѣтромъ суда. 23-го рано утромъ онъ встрѣтился съ принцемъ Карломъ между островомъ Сескаромъ и Кронштадтомъ. Въ тотъ же день произошелъ бой, возобновлявшійся два раза. Онъ возобновился и въ третій разъ 24-го, но прекратился удаленіемъ флотовъ на далекое разстояніе. Крюйзъ, въ виду близости Петербурга и своей сравнительной слабости, маневрировалъ, выжидая прибытія Чичагова. Сближеніе обѣихъ эскадръ состоялось 26-го мая; шведскій флотъ оказался между двумя огнями и отошелъ къ Выборгскому заливу, для дѣйствій вмѣстѣ съ бывшею уже тамъ шхерною эскадрою короля Густава. По другимъ свѣдѣніямъ впрочемъ, онъ попалъ къ Выборгу вслѣдствіе тумана. Двухдневная сильная канонада была слышна

---

[1]) Донесенія Чичагова 2-го и 5-го мая. Моск. Арх. Шведск. война 1790. Св. 10, лист. 32—34.—А. Г. Брикнеръ въ своемъ сочиненіи «Война Россіи съ Швеціей» 1788—90 г., гл. X, говоритъ, что сооруженныя на берегу батареи причинили немало вреда Шведамъ. Но Чичаговъ отъ 13-го мая (л. 64) доносилъ, что капитанъ надъ портомъ Вороновъ началъ съ нихъ пальбу, но прекратилъ за безполезностью.

въ Петербургѣ и произвела тамъ большую тревогу: угроза столицѣ была, дѣйствительно, довольно осязательна [1]).

Густавъ, послѣ неудачи въ столкновеніи съ отрядомъ Нумсена на Кюмени, принялъ на себя команду надъ галернымъ флотомъ, и имѣя численный перевѣсъ надъ русскою гребною флотиліею, намѣревался берегомъ тѣснить ее къ Выборгу и далѣе къ Петербургу. Онъ надѣялся, что шведскія сухопутныя силы сблизятся съ нимъ въ томъ же направленіи, и то же сдѣлаетъ съ моря флотъ принца Карла. На галерныя суда былъ посаженъ весьма сильный дессантъ. Разсчетъ на слабость русской галерной эскадры былъ довольно вѣренъ. На мѣстѣ близъ Фридрихсгама зимовало всего до 60 мелкихъ судовъ, подъ начальствомъ бригадира Слизова. Но по раннему времени суда эти вовсе еще не были готовы къ плаванію и бою; многія не имѣли ни зарядовъ, ни даже пушекъ, когда 4 (15) мая совершенно неожиданно появилась шведская флотилія. Послѣ непродолжительнаго дѣла Слизовъ укрылся въ крѣпости, поте-

---

[1]) Бой у Сескара далъ поводъ къ пикировкѣ между Императрицей Екатериной и Густавомъ. Во время боя 23-го мая, на королевской яхтѣ Амфіонъ, у Березовыхъ островова (Бьоркö), находились взятые съ берега пасторы Виреніусъ и Форсманъ, которымъ Густавъ дѣлалъ допросъ. По поводу сильной канонады онъ спросилъ послѣдняго: слышна-ли эта пальба въ Царскомъ Селѣ?—на что тотъ отвѣчалъ невѣдѣніемъ. Разговоръ этотъ былъ переданъ Салтыкову, а тѣмъ сообщенъ въ Петербургъ. Въ отвѣтъ, по повелѣнію Императрицы, Салтыковъ послалъ къ состоявшему при Густавѣ на Амфіонѣ генералу Палету письмо, въ которое включилъ слѣдующія написанныя самою Екатериною слова: Votre Excellence voudra bien aussi me permettre que je m'acquitte par elle de l'ordre que j'ai «de remercier à l'occasion, de la part de l'Imperatrice, Sa Majesté le Roi de Suède de son attention personnelle pour cette souveraine, le Roi s'étant informé dernièrement si l'on avait entendu à Tzarskoyé Zelo les coups de canons, qui se sont donnés. Elle va se transporter ces jours-ci à Péterhof pour les entendre de plus près; une expérience de plus de vingt ans ayant prouvé à Sa Majesté Impériale que la Providence n'a pas discontinué de protéger Sa cause contre les injustes entreprises de Ses ennemis, qui ont tiré depuis ce tems-là bien des coups de canons envain.» — Моск. Арх. М. Ин. Д. Шв. в. 1790. Св. 10, Saltikoff, л. 85.—Журн. им. указ. № 397.

рявъ до 26 судовъ, частію взятыхъ непріятелемъ, частію истребленныхъ, и до 140 плѣнныхъ. При малочисленности гарнизона Фридрихсгамской крѣпости Густавъ потребовалъ ея сдачи, но получивъ отказъ, бомбардировалъ ее и приступилъ къ высадкѣ. Однако приближеніе отряда Нумсена побудило его вновь посадить людей на суда и идти къ Выборгу. Принцъ Нассау съ его флотиліей, на которую возлагались наибольшія надежды, вовсе еще не выходилъ изъ Кронштадта и Петербурга. Къ счастію вскорѣ соединившіяся эскадры Крюйза и Чичагова могли теперь слѣдить за шведскимъ корабельнымъ флотомъ и держать его взаперти. Король дѣлалъ попытки высадокъ, чѣмъ пугалъ Петербургъ, гдѣ боялись что онъ перерветъ сообщенія арміи Салтыкова со столицей. Эти частныя дѣйствія не имѣли однако никакого результата. Въ ночь на 7-е іюня Шведы произвели общую атаку съ флотиліи, но были отбиты, а на островѣ Урансари въ Транзундѣ Буксгевденомъ и совсѣмъ разбиты, при чемъ взято у нихъ 4 знамени.

Между тѣмъ на шведской эскадрѣ начиналъ оказываться недостатокъ особенно въ съѣстныхъ припасахъ: на 8 человѣкъ давали всего 5 фунтовъ сухарей [1]). Самъ король только изрѣдка получалъ свѣжую провизію, зелень, кислое молоко, смѣтану отъ біорковскаго пастора Виреніуса. Увеличилось число дезертировъ, большею частію иностранцевъ; команды изъ непривычныхъ рекрутъ и совсѣмъ молодыхъ людей были изнурены [2]). Даже корреспонденція была настолько затруднена Густаву, что онъ подолгу не получалъ газетъ, а пожелавъ имѣть свѣдѣнія о раненомъ Армфельтѣ, находившемся въ Саволаксѣ, долженъ былъ обратиться за содѣйствіемъ къ гр. Салтыкову, переславъ ему письмо незапечатаннымъ [3]).

---

[1]) Рапортъ Салтыкова 16-го іюня, Моск. Арх. Шв. в., связк. 11, лист. 81.

[2]) Рапортъ Салтыкова 1-го іюля и другіе. Связк. 12.

[3]) Донесеніе Салтыкова 30-го мая. Въ объясненіи съ пасторомъ Виреніусомъ, бывшемъ на яхтѣ 21-го іюня, Густавъ спрашивая о новостяхъ, сказалъ: «уже нѣсколько недѣль я не получаю газетъ и никакихъ другихъ извѣстій». Копія съ показанія Виреніуса. Св. 11, лист. 135.

10-го іюня подошло Густаву подкрѣпленіе въ числѣ 46 судовъ; они старались войти въ Кюмень внѣ линіи блокады. Мейерфельдъ перешелъ эту рѣку на русскую сторону, а затѣмъ занялъ опять Гёгфорсъ и Кюменегордъ. «Воспретить ему трудно,— писалъ Салтыковъ Безбородко 16-го іюня изъ Выборга—по малости войскъ. Но что дѣлать, лучше тамъ уступить и беречь здѣсь.»

Тѣмъ не менѣе положеніе Густава этимъ не улучшилось. Съ моря онъ былъ еще плотнѣе запертъ Чичаговымъ; на большомъ зундѣ не могъ удержаться, такъ какъ передовыя войска генерала Ферзена не позволяли шведскимъ судамъ проходить по немъ; сухимъ путемъ у непріятеля никакого сообщенія не было. Правда, для успокоенія своихъ командъ Густавъ поддерживалъ между ними мнѣніе, что блокируетъ Выборгъ, который окруженъ будто бы съ суши его войсками; но слухамъ этимъ не вѣрили: фактъ былъ налицо. Оставался свободнымъ къ сторонѣ Кронштадта, т. е. къ восточной оконечности, только малый зундъ; но оттуда ежечасно могла показаться флотилія принца Нассау [1]). Въ такихъ обстоятельствахъ, по показаніямъ плѣнныхъ, Шведы намѣревались при благопріятномъ вѣтрѣ пройти Березовымъ зундомъ и прорвать блокаду. Поэтому на берегу, по соглашеніи съ Чичаговымъ, спѣшили устроить сильныя батареи, дабы съ нихъ жечь непріятельскій флотъ, въ случаѣ его бѣгства, калеными ядрами и брандкугелями, въ то время какъ корабли будутъ со стороны моря тѣснить его къ берегу. Нѣкоторыя батареи, прежде назначенныя на западной оконечности, къ сожалѣнію были по заявленію Чичагова отмѣнены, вслѣдствіе вѣроятной ихъ безполезности

[1]) Рапортъ Салтыкова отъ 10-го іюня, лист. 64—67, связк. 11. Однако всетаки ея не было еще на мѣстѣ. Салтыковъ писалъ гр. Безбородко 16-го іюня: «Этотъ принцъ Зигенъ загадка; пишетъ, что онъ уже поднялъ паруса, идетъ къ Біоркö, однако нигдѣ нѣтъ, а Шведы по біорковскому зунду гуляютъ и берутъ воду, въ чемъ я имъ никакъ помѣшать не могу по малости моей артиллеріи, коя не можетъ достать до нихъ, и они изъ 36-ти-фунтовыхъ даже картечью дальше моихъ ядеръ стрѣляютъ.» Какъ видно изъ указа Императрицы принцу Нассау отъ 18-го іюня (№ 521, журн. имен. высоч. пов.), онъ отъ 16-го іюня доносилъ о прибытіи ко входу въ Біоркö.»

и трудности устройства; къ числу ихъ принадлежала и батарея на Крюйсерортѣ [1]).

Съ 19-го іюня началась сильная канонада между русскими фрегатами, занимавшими отдѣльный постъ недалеко отъ Питкопаса, и шведскимъ отрядомъ въ 20 канонерскихъ лодокъ, которыя искали себѣ выхода къ Фридрихсгаму. Это имъ удалось, такъ какъ большія суда Чичагова не могли занять мелководнаго прохода, но затѣмъ лодки эти очень пострадали при преслѣдованіи: частію затонули, частію взяты [2]).

20-го продолжалась канонада и особенно сильное передвиженіе шведскихъ судовъ. Въ тотъ же день подошла наконецъ изъ Кронштадта эскадра принца Нассау-Зигена. Было совершенное безвѣтріе, и ей пришлось идти часть ночи на веслахъ. Принцъ намѣревался рано утромъ 21-го двинуться впередъ, но былъ остановленъ недостаткомъ провіанта на нѣкоторыхъ судахъ, такъ какъ транспорты остались назади. Продолжать движеніе въ Березовый зундъ можно было не ранѣе 2-хъ часовъ пополудни [3]). Въ половинѣ восьмаго вечеромъ сдѣланные со шведскихъ канонерокъ нѣсколько выстрѣловъ и поднявшійся сѣверозападный вѣтеръ побудили начать бой, хотя спускалась уже ночь. Шведскою флотиліей командовалъ самъ король. Не смотря на значительную по времени года темноту русскія суда продолжали наступать. Около одиннадцати часовъ вечера непріятель открылъ весьма сильный огонь, стрѣляя брандкугелями.

---

[1]) Кромѣ того на мысахъ Виллавеми и Меріосанеми. Донесенія Чичагова отъ 9-го и 12-го іюня, св. 10, лист. 110 и 118. Рапортъ Салтыкова 13-го іюня, св. 11, лист. 74. Устроены вновь на мысу Кайнеми; донесеніе 15-го іюня, л. 80, св. 11.

[2]) Письмо капитана Кельхена. Моск. Арх. М. Ин. Д. Camp. Suèd. 1790, св. 11, лист. 123.—Дѣла въ Выборгскомъ заливѣ и при Роченсальмѣ описаны здѣсь съ большею нежели другія дѣла обстоятельностію въ виду малой ихъ извѣстности, и особенно въ виду распространенныхъ иностранною печатью по поводу послѣдняго (Роченсальмскаго) нареканій на русскую армію.

[3]) Эти подробности и послѣдующее описаніе основаны на донесеніяхъ принца Нассау-Зигена и отдѣльныхъ командировъ. Моск. Арх. М. Ин. Д. Camp. Suèd. 1790, св. 9, листы 82 и послѣд.

Въ самомъ началѣ дѣла онъ взорвалъ большую шкуну Слонъ, и довольно повредилъ другія суда. Но канонерки съ плавучими батареями зашли Шведамъ во флангъ и заставили ихъ отступить, взорвавъ у нихъ два судна. Непріятель попытался было вторично остановить наступленіе русской эскадры, но не выдержалъ и долженъ былъ отступить, почти не отвѣчая на огонь Русскихъ, который теперь, съ наступленіемъ уже дня послѣ короткой ночи, могъ быть хорошо направляемъ. Принцъ Нассау однако прекратилъ преслѣдованіе въ 6-мъ часу утра: люди на канонеркахъ не ѣли цѣлые 24 часа и падали отъ изнеможенія.

Но пока Нассау еще преслѣдовалъ бѣгущихъ Шведовъ, съ 4-хъ часовъ утра началась сильная канонада на другой, западной оконечности обложенія. Непріятельскія большія суда при благопріятномъ для нихъ вѣтрѣ стали сниматься съ якоря. Чичаговъ ожидалъ что они пойдутъ на него, но Шведы устремились на эскадру Повалишина, занимавшую выборгскій фарватеръ. Встрѣченныя съ нея жестокимъ огнемъ, шведскія суда рѣшились проходить по одному между берегомъ у мыса Крюйсерорта и фланговымъ кораблемъ. Но такъ какъ здѣсь они наткнулись на эскадру Ханыкова, то, оставивъ фарвартеръ, бросились идти шхернымъ ходомъ, гдѣ и разбросали по мелямъ многія суда, кои впослѣдствіи и сдались [1]). Въ 10-мъ часу утра пять непріятельскихъ судовъ уже было зажжено и взлетѣло на воздухъ [2]). Три корабля, держась въ сторону отъ огня эскадры Ханыкова, стали на мель и взяты; затѣмъ Русскіе догнали и взяли еще многія суда [3]). Заготовленный Шведами брандеръ былъ пущенъ къ эскадрѣ Повалишина, но не дойдя до нея сѣлъ на мель и зажегъ свои два судна, которыя и взорвало.

Принцъ Нассау, услыша сильную канонаду и узнавъ объ общемъ движеніи шведскаго флота, въ девятомъ часу пустился къ мѣсту боя. Выйдя изъ островова, онъ увидѣлъ что непрія-

---

[1]) Донесеніе Чичагова 24-го іюня, св. 10, лист. 140.

[2]) Докладная записка полковника Леонова, 22-го іюня, св. 11, листы 125—128.

[3]) Письмо Ханыкова къ Апраксину съ мѣста дѣйствій 22-го іюня. Лист. 131.

тельскіе корабли бѣжали, преслѣдуемые адмираломъ Чичаговымъ. Сильный вѣтеръ однако заставилъ его канонерскія лодки укрыться къ берегу, а морскія суда пошли къ Гохланду. Чичаговъ не могъ вполнѣ поспѣвать за бѣгущими Шведами, такъ какъ нѣкоторые корабли его «были тихи». Поэтому, выйдя изъ за Гохланда, онъ погнался съ одними только быстроходными судами и атаковавъ уже въ 8-мъ часу вечера аріергардъ непріятеля, захватилъ одинъ контрадмиральскій корабль и одинъ фрегатъ. Еще одинъ корабль былъ взятъ уже на утро почти подъ самымъ Свеаборгомъ.

Въ общемъ стремительномъ бѣгствѣ Густавъ спасался на небольшой шлюпкѣ, когда же гребецъ его былъ убитъ то присталъ къ галерѣ, атакованной потомъ адмираломъ Кроуномъ. По счастію для Густава адмиралъ не зналъ о нахожденіи его тамъ и оставилъ преслѣдованіе галеры, чѣмъ шведскій король избавился отъ неизбѣжнаго плѣна [1]). Носились также слухи, о которыхъ и Императрица писала принцу Нассау [2]), что Густавъ, для безопаснѣйшаго бѣгства, употребилъ будто бы баркасъ, который плылъ между двумя транспортными судами. Но подтвержденія ихъ не видно, хотя Екатерина поручала принцу даже розыскать самый этотъ баркасъ.

Дѣлу въ Выборгскомъ заливѣ явились немедленно порицатели, и въ числѣ ихъ первымъ главнокомандующій Салтыковъ. Помимо нѣкоторой зависти, онъ былъ отчасти правъ: въ свое время онъ предлагалъ возвести, какъ выше упомянуто, кромѣ устроенныхъ еще и другія береговыя батареи, между прочимъ на мысу Крюйсерортѣ, но предложеніе это было отклонено Чичаговымъ [3]). Принцъ Нассау-Зигенъ также порицалъ оплош-

---

[1]) А. Г. Брикнеръ. Шведск. война 1788—90 гг.

[2]) Рескриптъ 24-го іюня. Журн. им. высоч. повел., № 533.

[3]) Отъ 26-го іюня Салтыковъ писалъ гр. Безбородко: «Что дѣлать, что наши морскіе витязи немножко созрѣли; это иначе и быть не можетъ, лѣты старые сопряжены съ лишнею осторожностію; оно для себя не худо, но для дѣла вообще не успѣшно, а къ тому, в. сіят-во видите, что отъ несогласія и разногласія происходитъ; пословица-то и выходитъ на правду: не слушайся-де стараго, а слушайся бывалаго; вотъ

ность въ неустройствѣ батарей на Крюйсерортѣ и въ подтвержденіе своихъ словъ ссылался на всѣхъ плѣнныхъ Шведовъ, удостовѣрявшихъ, что огонь съ этихъ батарей лишилъ бы ихъ всякой возможности спастись [1]).

Не смотря однако на сдѣланныя ошибки, нанесенное Шведамъ въ Выборгскомъ заливѣ 21-го и 22-го іюня пораженіе было изъ самыхъ сильныхъ. Они потеряли по однимъ свѣдѣніямъ семь, по другимъ девять линейныхъ кораблей и множество мелкихъ судовъ; убито и ранено до 3.000, и взято въ плѣнъ до 5.000 ч.

Уцѣлѣвшіе шведскіе корабли ушли къ Свеаборгу, гдѣ началась блокада ихъ русскимъ флотомъ, подобно тому какъ было два года назадъ. Шхерная флотилія укрылась въ Свенскзундѣ или Роченсальмѣ. Положеніе Густава было самое критическое; все, что было оппозиціоннаго, смѣло могло поднять голову. Флотъ былъ обезсиленъ, войско упало духомъ; самъ Густавъ съ трудомъ боролся съ одолѣвавшимъ его уныніемъ; въ перспективѣ было безславіе и потеря короны, или въ крайнемъ случаѣ новое ограниченіе его королевскихъ правъ, вырванныхъ имъ изъ рукъ мятежнаго дворянства съ такими усиліями.

Екатерина естественно желала не упустить случая окончательно уничтожить врага. — «Надлежитъ всемѣрно стараться пользоваться плодами сея побѣды,—писала она принцу Нассау 27-го іюня [2]),—и распространяя военныя дѣйствія, не дать отнюдь непріятелю ни времени, ни способовъ къ его отдохновенію и ободренію. Увѣрены мы, что вы теперь первое и глав-

---

бы мои батареи и въ большую пользу были, потому что мы бы ихъ сквозь строй провели и такъ бы надѣюсь прочно; но отъ несогласицы ни одного, ни другого не успѣли. Я думаю, кто видѣлъ положеніе нашихъ флотовъ, не скоро повѣритъ чтобы непріятель не только могъ пройтить, но какъ онъ могъ и подумать эдакое предпріятіе взять.»

[1]) Собственноручное донесеніе пр. Нассау-Зигена Императрицѣ отъ 11-го іюля: ...«il est prouvé de l'aveu même de M. Smith et de tous les prisoniers suèdois que j'ai vu, qu'une batterie placée au cap Cruserort, aurait mis les suèdois dans l'impossibilité de fuir.» Арх. М. Ин. Д. Camp. Suèdoise. 1790. Nassau-Siegen. Récept. Связк. 9, л. 238

[2]) Моск. Арх. М. Ин. Д. Шведск. кампан. 1790, св. 9. Expéd., лист. 49—21.

ное вниманіе ваше къ тому устремите, чтобы нанести рѣшительные и крайніе удары гребному шведскому флоту, а тѣмъ и вящше облегчить средства къ поискамъ однимъ или другимъ образомъ учреждаемымъ.» Императрица давала принцу такую программу: «Къ совершенію того потребны еще усильныя дѣйствія не томко обоихъ нашихъ флотовъ, но и сухопутной арміи; итакъ если представляется вамъ удобность, по разбитіи гребнымъ флотомъ вами предводимымъ шведскаго таковаго же, простерти дѣйствія ваши къ сторонѣ Свеаборга, вспомоществуемыя арміею нашею къ Гельзенфорсу, въ то самое время когда корабельный нашъ флотъ будетъ имѣть въ виду, чтобы не выпустить непріятельскіе корабли въ сей портъ зашедшіе, ища способовъ къ ихъ истребленію,—то мы сіе почитаемъ дѣломъ самой верховной важности и для насъ выгоды.»

Конечный результатъ этого дѣла верховной важности долженъ былъ состоять въ блестящемъ заключеніи мира. Принцъ Нассау усердно поддерживалъ въ Императрицѣ мечту идти диктовать Густаву мирныя условія въ Стокгольмѣ. Онъ не замедлилъ приступить къ обложенію шведскаго гребнаго флота между островами въ Роченсальмѣ. Въ общемъ, для дѣйствія большими массами, Роченсальмскій проливъ представляется тѣснымъ, тѣмъ болѣе что и входъ въ него съ моря перерѣзанъ многими скалистыми островами.

Шведскій флотъ состоялъ изъ 28 большихъ судовъ и 155 канонерскихъ лодокъ и шлюпокъ и расположенъ былъ фронтомъ къ югу, въ сѣверной, тѣсной части пролива. На берегахъ были устроены батареи. Флотъ принца Нассау стоялъ у острова Аспö, верстахъ въ 35-ти на юго-востокъ; но 27-го къ вечеру спустился ближе къ Роченсальму и занялъ позицію фронтомъ на сѣверъ. Всего было у него 50 судовъ и 105 канонерокъ. Въ распоряженіе принца Нассау должна была подойти еще флотилія канонерокъ съ отрядомъ войскъ подъ командой Буксгевдена; но въ описываемое время она еще не прибыла. Верстахъ въ 35-ти по направленію къ Выборгу у Курсалö особо стоялъ отрядъ парусныхъ судовъ, оберегавшій проходъ между Фридрихсгамомъ и Выборгомъ.

28-го іюня—это былъ день восшествія на престолъ Екатерины—принцъ Нассау рано утромъ рѣшился не откладывая запереть Роченсальмскій проливъ и лишить Шведовъ средствъ отступленія, завладѣть островами, построить на нихъ батареи и уничтожить непріятеля. Время было пасмурное и шелъ небольшой дождь. Дулъ довольно свѣжій, юго-западный вѣтеръ, и начавшееся въ 7-мъ часу утра наступленіе было удобно. Канонерки съ плавучими батареями на флангахъ должны были примкнуть справа къ группѣ острововъ, а слѣва къ материку; большимъ судамъ въ двѣ линіи назначено наступать съ фронта. Но значительно усилившійся вѣтеръ сбилъ канонерки на лѣвомъ флангѣ и понесъ ихъ къ центру и на Шведовъ, къ устью Кюмени. Непріятель, увидѣвъ это разстройство, послалъ свои суда вдоль по берегу, дабы принять русскія канонерки во флангъ. Сраженіе началось когда большія суда не заняли еще своихъ мѣстъ. Снесенныя въ кучу канонерки, не имѣя силы выгребать противъ вѣтра и въ то же время отбиваться отъ насѣдавшаго непріятеля, начали ретироваться. Вступившія въ дѣло большія суда принцъ Нассау подвигалъ все болѣе впередъ, желая усилить огонь, но такой избытокъ силъ въ довольно тѣсномъ мѣстѣ только увеличивалъ безпорядокъ. При вѣтрѣ, обратившемся почти въ штормъ, суда не могли держаться на веслахъ и становились на якорь, непріятель же обходилъ ихъ все болѣе и болѣе. Послѣ полудня многія суда были уже повреждены, а частію разбились и взяты Шведами. Галерамъ дано было приказаніе также ретироваться; при жестокомъ однако противномъ вѣтрѣ и безсиліи веселъ, тѣмъ болѣе что много ихъ было перебито, онѣ пробовали вытягиваться завозя якоря, но и эта мѣра вслѣдствіе сильныхъ поврежденій много не помогла; иныя галеры затонули, другія выброшены волненіемъ на острова. Часть людей спасалась на шлюпкахъ, частію вплавь, многіе потонули. Позднѣе, при продолжавшейся усиленной канонадѣ Шведовъ, начали гибнуть одинъ за другимъ фрегаты, шкуны и другія большія суда. Получивъ въ свою очередь приказаніе отступать, они пошли подъ парусами; но удачный для наступленія, а теперь про-

тивный и нисколько неослабѣвшій вѣтеръ не далъ многимъ изъ нихъ возможности благополучно исполнить этотъ маневръ. Нѣкоторые фрегаты и шебеки снесены подъ вѣтеръ къ тому же острову Лехме, при которомъ еще прежде снесенныя и уцѣлѣвшія галеры едва удерживались якорями противъ бурнаго прибоя. Навалившіяся большія суда посорвали галеры съ якорей и довершили свое и ихъ бѣдствіе. Наступившій вечеръ былъ по истинѣ ужасенъ. Фрегаты, шкуны, шебеки, галеры, изуродованныя непріятельскими ядрами, безъ мачтъ, съ поломаннымъ рангоутомъ и изорваннымъ такелажемъ, въ числѣ нѣсколькихъ десятковъ окончательно гибли на камняхъ и меляхъ. Адмиральскій фрегатъ св. Екатерина взятъ Шведами со всею канцеляріею принца Нассау и казенными деньгами. Оставшіяся еще суда боролись съ врагомъ и страшною бурею. Люди съ погибшихъ судовъ большею частію спасались на островахъ, гдѣ и забраны въ плѣнъ.

Принцъ Нассау, оставивъ свой адмиральскій корабль, пытался вновь ввести въ бой канонерскія лодки, для чего и переходилъ на шлюпкѣ отъ одной къ другимъ. Цѣли однако, какъ сказано, не достигъ, и канонерки отступили. По уходѣ ихъ, всѣми покинутый среди бурнаго моря, едва добрался онъ до ближайшей бомбарды и бросивъ якорь остался выжидать суда, кои могли спастись, а затѣмъ пошелъ вслѣдъ за канонерками къ отряду выборгской эскадры, стоявшему у Курсалö [1]). Канонерки между тѣмъ попутнымъ вѣтромъ ушли еще далѣе къ Питкопасу. По словамъ же шведскихъ историковъ, Нассау едва избѣгъ плѣна и бѣжалъ на шлюпкѣ.

Оставшіяся въ Роченсальмѣ суда продолжали между тѣмъ сколько могли отстрѣливаться сами, никѣмъ не руководимыя пока одно за другимъ не утопали или не дѣлались добычею непріятеля. Наступившая темная ночь уже поздно пріостановила канонаду. Рано утромъ послѣдній уцѣлѣвшій фрегатъ Константинъ пытался было выбраться въ море, но продолжав-

---

[1]) Собственноручн. донесеніе принца Нассау, въ Моск. Гл. Арх. М. Ин. Д. Corr. Nassau-Siegen, св. 9.

шійся тотъ же крѣпкій вѣтеръ, вмѣстѣ съ недостаткомъ снарядовъ при сильныхъ поврежденіяхъ, отдали и его въ руки непріятеля. Къ 10-ти часамъ утра 29-го іюня кончился этотъ несчастный бой которому русская исторія, со временъ нарвскаго погрома, не представляла подобныхъ.

Уронъ Русскихъ былъ громадный: однихъ судовъ, по вѣдомости подписанной самимъ Нассау, потеряно 54, въ томъ числѣ 5 фрегатовъ, 4 шебеки, 2 плавучія батереи, 7 шкунъ, 16 галеръ и 20 другихъ судовъ [1].

Потеря людьми въ точности не опредѣлена: дѣла канцеляріи адмирала взяты были, какъ сказано, Шведами на адмиральскомъ фрегатѣ. Показываемую же нѣкоторыми шведскими историками цыфру потери въ русскихъ офицерахъ въ 279 едва-ли слѣдуетъ считать преувеличенною, въ виду столь большаго числа погибшихъ и захваченныхъ непріятелемъ судовъ. Равнымъ образомъ свѣдѣніе этихъ историковъ о потерѣ русскими до 10.000 нижнихъ чиновъ, въ томъ числѣ до 6.000 плѣнныхъ, должно быть также близко къ истинѣ. Гр. Салтыковъ по слухамъ писалъ о 7.000 потери [2]. По объясненію самого принца Нассау на одномъ островѣ Лехме было брошено безъ помощи до 3.000 чел.; всѣ они

---

[1]) Фрегаты: Николай, Екатерина, Марія, Александръ, Константинъ; шебеки: Прозерпина, Минерва, Беллона Діана; удомъ Одепъ; плавучія батареи № 1 и 2; полупрамы Левъ и Верблюдъ; шхуны: Медвѣдь, Левъ, Барсъ, Китъ, Орелъ, Тигръ, Рысь; большіе бомбардирскіе катера №№ 1, 3 и 4 и четыре малыхъ; галеры: Орелъ, Тихвинъ, Нерва, Куликъ, Петербургъ, Пустельга, Устюжна, Тютерсъ, Пеня, Бездѣлка, Хитрая, Сескаръ, Ворона, Иверь, Сорока, Нарва; кромѣ того одна большая и три малыя шкуны шведскаго образца, подвозившія снаряды По шведскимъ историкамъ потеря судовъ показана въ 55, т. е. на одно больше, вѣроятно потому что въ одной изъ оффиціальныхъ вѣдомостей показана еще погибшею шхуна Слонъ; но судно это было взорвано во время боя не при Роченсальмѣ, а за нѣсколько дней предъ тѣмъ въ Выборгскомъ заливѣ.

[2]) Отъ 4-го іюля, гр. Безбородко, изъ Выборга. Св. 11, л. 180. «Хоть Турчаниновъ (посланный къ Императрицѣ) и потаилъ потерю, но теперь уже правда повсюду открывается и точно сказываютъ семь тысячъ убыли; истинно кромѣ семилѣтней войны съ пруссаками нигдѣ столь великой потери не имѣли.»

и взяты въ плѣнъ. Другіе историки показываютъ цыфру русскаго урона много большею. Руссофобъ Поссельтъ вычисляетъ ее даже въ 14.658 чел. Очевидецъ битвы Казелакъ опредѣляетъ ее въ 12.000 ч. и въ 1.412 пушекъ.

О своемъ пораженіи принцъ Нассау сообщилъ главнокомандующему графу Салтыкову въ тотъ же день, 29-го іюня, съ лаконизмомъ и откровенностію отчаянія: «J'ai le malheur d'être obligé de prévenir V. Exc., que la flotille vient d'être battue et presque détruite» [1]). Въ объясненіяхъ своихъ Императрицѣ онъ оправдывался неисполненіемъ со стороны канонерокъ данныхъ приказаній, обвиняя даже команды ихъ въ трусости. На дѣлѣ же вина была въ крайнемъ легкомысліи, съ которымъ онъ приступилъ къ этому дѣлу [2]). Одержавъ здѣсь побѣду въ минувшемъ году, весь подъ впечатлѣніемъ легко доставшагося ему успѣха недѣлю назадъ, онъ не позаботился ознакомиться съ новымъ положеніемъ Шведовъ и пошелъ прямо на нихъ послѣ продолжительнаго ночнаго перехода на веслахъ. Люди проработали 20 часовъ и были крайне утомлены. Команда на канонеркахъ состояла изъ только-что набранныхъ людей, не только непривычныхъ, но и вовсе съ моремъ незнакомыхъ. Принцъ такъ мало приложилъ вниманія къ предстоявшему бою, что по собственному сознанію, не зналъ какія у него команды. Мало того: начальство надъ канонерками принадлежало генералу Буксгевдену. Нассау не выждалъ его прихода и повелъ лодки въ дѣло, тутъ же поручивъ начальство надъ ними постороннему генералу Па-

[1]) Имѣю несчастіе быть обязаннымъ извѣстить в. сіят-во, что флотилія разбита и почти уничтожена. Моск. Арх. М. Ин. Д.

[2]) Король Густавъ сказалъ: la bravoure du Pr. de Nassau, avec peu de prudence, fait perdre beaucoup de sujets à la Russie.—Гр. Салтыковъ, говоря въ письмѣ своемъ гр. Безбородко объ этихъ потеряхъ (отъ 11-го іюля, тамъ же, л. 178), иронизируетъ въ такихъ выраженіяхъ: «Да что объ этомъ думать, въ Россіи людей много; дай Богъ здоровья его свѣтлости принцу Нассау, найдетъ еще мѣсто православнымъ; но думаю, что послѣ наставленія соборъ ихъ нѣсколько остановится въ ярости ополченія на видимыхъ враговъ.» И далѣе, уже давая волю своей неприязни: «не худо что нѣсколько взнуздали молодца, увидимъ, со всѣмъ своимъ умомъ найдется-ли онъ теперь?»

лену, не знавшему никого изъ начальниковъ ему теперь подчиненныхъ. Нѣкоторыя лодки не имѣли вовсе командующихъ офицеровъ. При всѣхъ этихъ условіяхъ непривычные люди должны были держаться на веслахъ противъ сильнѣйшаго вѣтра и въ то же время отстрѣливаться отъ непріятеля, дѣйствовавшаго при самыхъ благопріятныхъ для него обстоятельствахъ [1]).

Извѣстіе о роченсальмскомъ погромѣ пришло въ Петербургъ въ ночь на 1-е іюля. За нѣсколько часовъ передъ тѣмъ былъ отслуженъ торжественно, при общемъ восторгѣ, благодарственный молебенъ за побѣду въ Выборгскомъ заливѣ 22-го іюня. Новость была тѣмъ болѣе ужасна, что легла на яркій фонъ общаго ликованія. Императрица старалась сохранять спокойный видъ, ободряла окружающихъ историческими примѣрами, дѣйствіями самого Петра Великаго, который до Полтавы терпѣлъ многія пораженія; утѣшала и Нассау, припоминая его прежнія заслуги. Но въ глубинѣ души Екатерина очень страдала, тѣмъ болѣе что контрастъ съ побѣдой 22-го іюня, и вызванными ею розовыми мечтами, былъ неизмѣримъ. «Послѣ сей прямо славной побѣды,— писала она Потемкину [2]) шесть дней спустя,—послѣдовало несчастное дѣло съ гребной флотиліей, которое мнѣ столь прискорбно, что послѣ разнесенія черноморскаго флота бурею, ничего столько сердце мое не сокрушило, какъ сіе.»

Въ самый день Свенскзундскаго бѣдствія, на сухомъ пути у деревни Тогокотти происходила успѣшная для насъ стычка. Часть корпуса Мейерфельда намѣревалась скрытно пробраться къ Давидштадту и уничтожить въ немъ русскіе провіантскіе магазины. Цѣль эта не была однако достигнута, отрядъ разбитъ и прогнанъ, причемъ взято въ плѣнъ нѣсколько офицеровъ и довольно нижнихъ чиновъ. Но понятно такой успѣхъ

---

[1]) За большими подробностями и доказательствами неправоты пр. Нассау-Зигена составитель приглашаетъ обратиться къ статьѣ его, напечатанной въ № 1 Журн. М. Нар. Просв. за 1888 г. подъ заглавіемъ: «Выборгская побѣда и Роченсальмскій погромъ» съ картами мѣста дѣйствій.

[2]) 17-го іюля. Соловьевъ, Паденіе Польши. Брикнеръ, Шведская война 1788—90, гл. X, стр. 43.

ничего не значилъ въ сравненіи съ великимъ несчастіемъ, обрушившимся одновременно на галерный флотъ.

Лишь только извѣстіе о послѣднемъ было получено въ Петербургѣ, Императрица въ тотъ же день, 1-го іюля, послала гр. Салтыкову указъ [1]) съ повелѣніемъ озаботить непріятеля диверсіею, для удаленія части войскъ, которыя иначе онъ можетъ обращать на усиленіе флотиліи. Съ своей стороны принцъ Нассау, который послѣ дѣла 28-го іюня просился въ отставку, но не былъ уволенъ Императрицей, представилъ ей свой проектъ отмщенія. Главнымъ образомъ онъ заключался впрочемъ въ исполненіи того же, на чемъ Нассау только-что получилъ такой страшный урокъ, т. е. запереть Шведовъ въ Роченсальмѣ, завладѣть островомъ Кутсалö, устроить тамъ батареи и громить шведскую флотилію, въ то время какъ часть корабельнаго флота будетъ сторожить его со стороны моря. Теперь было лишь то различіе, что Нассау уже самъ требовалъ энергическихъ диверсій отъ сухопутной арміи гр. Салтыкова.

Екатерина одобрила эти соображенія, но отсутствіе между главными начальниками добраго согласія замедляло исполненіе, тѣмъ болѣе что Салтыковъ не сочувствовалъ плану Нассау. Послѣ повторенныхъ не одинъ разъ энергическихъ повелѣній все было наконецъ на столько подготовлено, что слѣдовало ждать такихъ военныхъ дѣйствій, которыя повидимому должны были рѣшить жребій трехъ кампаній. Эскадра Повалишина лавировала уже передъ входомъ въ Роченсальмъ въ виду Шведовъ. Атака была окончательно назначена на 8-е августа. Между тѣмъ по войскамъ совершенно неожиданно сдѣлалось извѣстнымъ о заключеніи 3-го числа мира съ Швеціей.

---

[1]) Журналъ именныхъ повелѣній, № 572.

ГЛАВА VIII.

Верельскій миръ.

I.

Предварительныя сношенія.

Кровавыя событія 22-го и 28-го іюня должны были неизбѣжно склонить обѣ стороны къ миру, тѣмъ болѣе что о немъ уже давно думали. Дѣйствительно, миръ былъ нуженъ и Швеціи и Россіи. Первая въ три года войны израсходовала на нее до 24 милліоновъ спецiесъ-талеровъ (до 36 милліоновъ рублей) и лишилась болѣе 10 тыс. отборнаго населенія. Стокгольмская казна дошла до послѣдней степени истощенія, и положеніе Густава было почти безвыходно. Въ странѣ не оставалось кажется никакихъ источниковъ дохода, изъ которыхъ не черпали бы широкой рукой: не только предметы роскоши, шелковыя издѣлія, кофе и т. п. были обложены, но не избѣжали той же участи собаки, окна, мебель, прислуга. Турція обѣщала крупныя субсидіи; но на сколько щедры были посулы, на столько скупо исполненіе; Густавъ едва-ли воспользовался десятою частью обѣщаннаго. Въ затрудненіи своемъ онъ пускался въ самыя странныя, даже невѣроятныя предпріятія: въ Дротнингольмѣ была устроена фабрика для приготовленія искуственнаго золота [1]). Была даже фабрикація русскихъ денегъ. Еще въ кампанію 1788 г. главнокомандующій представлялъ въ Пе-

---

[1]) Koskinen. Finnische Geschichte.

тербургъ фальшивые русскіе пятаки, которыми Шведы расплачивались въ нужныхъ случаяхъ [1]).

При взбалмошности характера Густава, трудно сказать съ положительностью, что именно побудило его искать мира. Безъ сомнѣнія приведенныя затрудненія Швеціи, въ связи съ неудовольствіемъ на Англію и особенно Пруссію, много обѣщавшія, но мало дѣлавшія, должны были имѣть свою долю значенія. Революція во Франціи не могла не угрожать вліяніемъ своимъ всей Европѣ, и во всякомъ случаѣ изъ Парижа нельзя было ждать теперь поддержки Во внутренней администраціи войскъ были безпорядки. Но едва-ли главнѣйшая причина миролюбивыхъ намѣреній Густава, сколько можно судить по словамъ довольно близкаго ему человѣка, Эренстрёма [2]), не лежала въ томъ, что онъ утомился тяжкими заботами, обременявшими его въ продолженіе трехъ лѣтъ войны. Ему, привыкшему къ пріятной свѣтской жизни и ея удовольствіямъ, путешествіямъ и развлеченіямъ, наскучила лагерная жизнь, грубая и тяжелая. Поэтому онъ началъ желать возврата къ своей прежней пріятной жизни; а разъ это желаніе запало въ душу, оно сдѣлалось настоятельнымъ, почти страстнымъ.

Густавъ желалъ мира и высказывалъ это. Накапунѣ битвы въ Выборгскомъ заливѣ, послѣ продолжительнаго разговора съ біорковскимъ пасторомъ Виреніусомъ, онъ сказалъ: «Ну, г. пасторъ! я спрашивалъ васъ о многомъ; теперь приступаю къ важнѣйшему: не говорятъ-ли русскіе о мирѣ?» На это Виреніусъ, по его словамъ, сказавъ о всегдашней наклонности Императрицы къ прекращенію войны, выразилъ мысль, что одинъ только шагъ въ этомъ направленіи со стороны его королевскаго величества — и благопріятный конецъ былъ бы достигнутъ. Въ отвѣтъ на это Густавъ, помолчавъ нѣсколько, пожалъ плечами и сказалъ: «да! и я ничего столько не желаю, какъ мира».

---

[1]) Дневникъ Храповицкаго, подъ 29 и 30 іюля 1788 г. Впрочемъ, по изслѣдованію они оказались не ниже настоящихъ. Подобной фабрикаціей у Густава завѣдывалъ финляндскій графъ Мункъ, кончившій тѣмъ что началъ поддѣлывать шведскія государственныя бумаги.

[2]) Statsrådet Ehrenström hystoriska anteckningar.

Но если миръ былъ нуженъ Густаву, то едва-ли менѣе нуждалась въ немъ и Екатерина. Международныя ея отношенія были въ крайнемъ напряженіи. Австрія готовилась заключить миръ съ Турціей, чѣмъ послѣдней развязывались руки; у первой слагались болѣе тѣсныя отношенія съ Пруссіей, разрѣшившіяся Рейхенбахскимъ договоромъ. Начинались серьезныя затрудненія со стороны Польши. Англія по-прежнему недоброхотствовала. Съ Пруссіей ожидали разрыва настолько положительно, что уже готовились къ движенію ея на границу Курляндіи, и для противодѣйствія выставляли новые 40—50 баталіоновъ пѣхоты и до 100 эскадроновъ кавалеріи [1]). Денежный курсъ въ теченіе трехъ лѣтъ войны упалъ на 25 процентовъ съ 41 на 31 пенсъ. До начала войны въ обращеніи было всего до 46 милліоновъ бумажныхъ рублей; съ 1787 по 1790 ихъ выпущено болѣе 60 мил.. Лажъ съ 2% поднялся до 15 [2]). Въ теченіе одного 1789 г. издержано на войну болѣе 30 мил. руб. Обѣ войны поглотили уже болѣе 60-ти милліоновъ и предвидѣлся еще дефицитъ милліоновъ въ 10. Думали одно время даже поступить по примѣру турецкаго султана, который отослалъ все серебро свое и изъ сераля на монетный дворъ. Но оказалось, что всего въ наличности имѣлось дворцоваго серебра до 2½ тысячъ пудовъ, что дало бы не болѣе 1.750.000 руб., шуму же было бы много; эта мысль поэтому оставлена [3]). Приходилось усиливать налоги: по рублю на ведро вина и по 30 коп. къ семигривенному сбору. Предполагался внутренній заемъ [4]). Неурожаи и дороговизна довершали затрудненія. Поэтому съ русской стороны желаніе мира было искренно. «Съ шведами мы намѣрены,—писалъ Безбородко графу Воронцову еще 20-го декабря 1789 г..—непремѣнно помириться, хотя in statu quo, съ соблюденіемъ только decorum.» Этотъ отзывъ впрочемъ тре-

---

1) Сборн. И. Истор. Общ., т. XXVI, стр. 422.

2) Брикнеръ. Война Россіи съ Швеціей 1788—1790 гг. Ж. М. Н. Пр. за 1869 г. Май, стр. 50.

3) Дневникъ Храповицкаго, подъ 29, 30, 31 декабря 1789 г.

4) Письмо Безбородко къ Воронцову. Григоровичъ, Канцлеръ князь Безбородко. Т. II, стр. 64, 68 и 70.

буетъ серьезной оговорки. Желанія мириться во что бы ни стало, т. е. даже съ ущербомъ, далеко не было, и Императрица, какъ сейчасъ увидимъ, не разъ указывала своему уполномоченному, чтобы въ случаѣ настойчивости Шведовъ на тѣхъ или другихъ непризнаваемыхъ Екатериною требованіяхъ, прекратить переговоры.

Секретныя соглашенія о мирѣ шли еще въ концѣ 1789 и въ началѣ 1790 года. Прусскій министръ въ Стокгольмѣ, графъ Боркъ, сообщалъ Густаву что Императрица готова на миръ при условіи: подтвержденія Ништадтскаго и Абоскаго мирныхъ договоровъ, амнистіи для аньяльскихъ заговорщиковъ и введенія въ основные законы воспрещенія королю начинать войну безъ согласія сейма [1]). Съ гораздо большею энергіей дѣйствовало испанское правительство при посредствѣ посланника своего въ Петербургѣ кавалера де-Гальвеца. Первоначально переданный имъ отвѣтъ Екатерины состоялъ въ томъ, что прежде всякихъ соглашеній о мирѣ король долженъ объяснить причины, по которымъ была начата война. Позднѣе, въ апрѣлѣ, Гальвецъ дѣлалъ непосредственныя внушенія Густаву. Екатерина желала, чтобы въ случаѣ успѣха этого шага, всѣ переговоры кончить тихо и скоро. Военныя дѣйствія не должны были пріостанавливаться, дабы не дать непріятелю выиграть время [2]). Переписка представителей Испаніи въ Стокгольмѣ и Петербургѣ, проходя черезъ руки Густава и русскую главную квартиру, продолжалась еще въ началѣ іюня [3]). Гальвецъ совѣтовалъ Густаву обратиться съ письмомъ о мирѣ прямо къ Екатеринѣ, однако добиться этого не могъ. При самолюбивомъ характерѣ Густава это совершенно понятно, и изъ «bons offices» испанскаго двора въ сущности ни-

[1]) Elof Tegnèr, G. M. Armfelt, т. I, стр. 357.

[2]) Письма гр. Безбородко къ Игельстрёму отъ 6-го и 13-го апрѣля. Григоровичъ, Канцлеръ кн. Безбородко, т. II, стр. 70 и 71.

[3]) Донесеніе гр. Салтыкова Императрицѣ 9-го іюня. Лист. 64, св. 11. Болѣе подробныя свѣдѣнія объ участіи въ переговорахъ испанскаго правительства см. въ статьѣ гр. Д. А. Толстаго, «Верельскій миръ», въ № 12 «Русскаго Архива» за 1887 г.

чего не вышло, а затѣмъ прекратилось и самое его вмѣшательство.

Тѣмъ не менѣе поводъ къ непосредственнымъ сношеніямъ между правительствами русскимъ и шведскимъ былъ поданъ мадритскимъ кабинетомъ. Король испанскій обратился къ Императрицѣ Екатеринѣ съ просьбою объ освобожденіи вице-адмирала гр. Вахтмейстера, взятаго, какъ извѣстно, въ плѣнъ еще въ сраженіи при Кальбо-да-Грундѣ (Готландѣ). О томъ же просилъ Густавъ и Гальвеца чрезъ посредство своего статсъ-секретаря Франке. Впрочемъ Гальвецъ держалъ въ завязавшихся объясненіяхъ о мирѣ сторону шведовъ. Проектировали условія. Густавъ требовалъ: одновременнаго заключенія мира съ Турціей, выдачи измѣнниковъ, и установленія границъ между Швеціей и Россіей. Екатерина, напротивъ, находила что въ мирномъ трактатѣ съ Турціей можетъ быть упомянуто и о Густавѣ, что въ дѣлѣ объ измѣнникахъ нѣтъ взаимности, такъ какъ русскихъ измѣнниковъ вовсе не было, и что границы должны остаться прежнія. Съ этимъ Густавъ не соглашался, — и перегеворы при посредствѣ Гальвеца кончились, какъ указано, ничѣмъ.

Но нить соглашеній не прерывалась въ другомъ направленіи. Наперстникъ Густава, извѣстный уже Густавъ Морицъ Армфельтъ, который въ началѣ еще войны дѣлалъ нѣкоторые шаги къ прекращенію ея, завязалъ и поддерживалъ сношенія съ генераломъ Игельстрёмомъ, командовавшимъ передовымъ русскимъ корпусомъ. Они были знакомы еще съ фридрихсгамскаго свиданія Екатерины и Густава въ 1783 г.; завязать переписку не было поэтому особыхъ затрудненій, и она дѣйствительно началась одновременно почти съ переговорами черезъ посредство Гальвеца. Здѣсь, хотя и въ общихъ, неопредѣленныхъ выраженіяхъ, рѣчь заходила о примиреніи обоихъ государей [1]). Вскорѣ Армфельтъ былъ раненъ и переписка

---

[1]) Приводимъ выдержку изъ письма Армфельта къ Густаву III отъ 25-го (14-го) мая 1790 (переводъ со шведскаго, Tegnér, G. M. Armfelt, т. I, стр. 362).—«Генералъ Игельстрёмъ, съ которымъ я былъ въ частыхъ сношеніяхъ какъ въ Петербургѣ, такъ и въ Варшавѣ, непрестанно подъ

пріостановилась. Но съ королемъ, осажденнымъ теперь въ Выборгскомъ заливѣ, сношенія Армфельта продолжались, и онъ постоянно поддерживалъ въ немъ мирное настроеніе. Въ письмѣ отъ 13 (2) іюня онъ намекалъ на то, что можетъ быть именно

тысячью предлогами присылалъ мнѣ парламентеровъ; полагая, что то могли быть шпіоны, я относился къ нимъ со всевозможною осмотрительностью и благоразуміемъ. Послѣ дѣла 30-го (19-го апрѣля) сношенія еще участились по поводу убитыхъ и раненыхъ. Въ нашихъ письмахъ были комплименты и шутки; но 14-го (3-го) мая Игельстрёмъ à propos des bottes прислалъ ко мнѣ при письмѣ изъ Кернакоски цѣлое посольство въ составѣ 5-ти офицеровъ. Тогда я былъ въ Санктъ-Михелѣ; чтобы устраниться отъ объясненія съ этими господами о моемъ отсутствіи, не нашли ничего лучшаго какъ сдѣлать меня больнымъ, и объявить что по этой причинѣ я не могу принять парламентеровъ. Письмо Игельстрёма распространялось на счетъ мирныхъ намѣреній Императрицы, всесвѣтнаго уваженія къ высокимъ качествамъ Ея В-ва, желанія русскихъ, чтобы старинныя связи возстановились между двумя монархами столь достойными взаимной дружбы и чтобы всѣ могли наслаждаться миромъ. Въ заключеніе онъ говоритъ: «И вы, г. баронъ, въ такой высокой мѣрѣ заслуживъ благоволеніе вашего государя, признательность отечества и уваженіе враговъ, вы являетесь для совершенія этого великаго дѣла, въ которомъ я всѣмъ моимъ сердцемъ желалъ бы принять участіе, тѣмъ болѣе что наше взаимное положеніе по должностямъ кажется тому способствуетъ.»

Отвѣтъ Армфельта, по словамъ его біографа, былъ вѣжливъ, но кратокъ: онъ удостовѣрялъ, что и король не стремится ни къ чему иному, кромѣ почетнаго, вѣрнаго и прочнаго мира, но что кажется виды Императрицы менѣе всего дружескіе, хотя она и позволяетъ своимъ генераламъ говорить о мирѣ. Онъ заключилъ: «Какъ же хотите вы, г. баронъ, чтобы мой государь далъ своему сердцу волю слѣдовать чувствамъ почитанія и дружбы, всегда имъ сохраняемымъ къ вашей государынѣ? Дайте мнѣ такъ или иначе убѣдиться, что вашъ дворъ питаетъ чувства вами выраженныя, и я буду радъ тѣмъ болѣе, что возобновится знакомство съ бар. Игельстрёмомъ, прежде столь много любившимъ добрый ужинъ, хорошенькихъ женщинъ и веселую компанію, а теперь находящимъ удовольствіе день и ночь мучить меня вынуждая покинуть это мѣсто; однако оно для меня въ тысячу разъ интереснѣе Зимняго Сада и Саксонскаго Дворца.» (Стр. 364).

Черезъ 12 дней Игельстрёмъ отвѣчалъ ему.

теперь онъ, Густавъ, думаетъ о прочномъ мирѣ и о счастіи дружбы [1]). Нельзя сказать, чтобы намеки эти привели къ какому либо практическому результату; впрочемъ изъ упомянутаго предъ симъ разговора съ пасторомъ Виреніусомъ слѣдуетъ заключить, что мысль о мирѣ не покидала Густава. Страдавшій отъ раны Армфельтъ не могъ однако частыми письмами въ достаточной мѣрѣ поддерживать короля въ этомъ направленіи, и весь іюнь прошелъ безъ какихъ либо шаговъ къ умиротворенію. Громы Выборгскіе и Свенскзундскіе дали ему новый толчекъ [2]).

Переписка о нѣкоторыхъ близкихъ людяхъ, раненыхъ и попавшихъ въ плѣнъ, предоставила поводъ опять повести рѣчь о мирѣ. Отъ 2-го (13-го) іюля Армфельтъ обращался къ Игельстрёму съ просьбою извѣстить объ участи двухъ гвардейскихъ офицеровъ, графовъ Руденшольдъ и Левенгельмъ [3]). «Если они взяты въ плѣнъ,—писалъ Армфельтъ,—я буду спокоенъ, испросивъ вашу имъ благосклонность; если нѣтъ, — они заплатили дань природѣ и отечеству... Но неужели не существуетъ средствъ прекратить ужасы этой рѣзни? Непостоянное счастіе порхаетъ

---

[1]) . . . . je ne puis qu'être faché des airs que je me donne d'interrompre Votre Maj-té dans le moment même peut-être où Elle ne songe qu'à suivre le penchant de son coeur, en faisant renaître les douceurs d'une paix stable et les charmes de l'amitié. Hélas, Sire! pourquoi le Ciel a-t-il permi à l'ambition démesurée, à l'intérêt particulier, aux vices enfin, s'approcher du Thrône et de sacrifier par leurs conseils ou leurs intrigues des milliers d'hommes. Si ces malheureux ont une patrie, je les plains; s'ils n'en ont pas? peuvent-ils en parler, peuvent-ils agir comme si un sentiment aussi sacré que véritable pour leur souverain et la patrie les guidaient.... Письмо Армфельта передано было королю черезъ гр. Салтыкова. Связк. 12, лист. 35.

[2]) Послѣ Выборгской побѣды Екатерина писала Потемкину 29-го іюня, не зная еще о бывшемъ наканунѣ пораженіи: «Мы не упустимъ съ здѣшней стороны всевозможнымъ усиліемъ дѣйствій понудить непріятеля нашего Короля шведскаго принять миръ, отъ насъ даруемый. Журн. выс. пов., № 565, отъ 29-го іюня 1790 г.

[3]) Графъ Руденшольдъ—братъ фрейлины шведскаго двора дѣвицы Магдалины Руденшольдъ, возлюбленной Армфельта.

изъ стороны въ сторону кажется только для того, чтобы готовить намъ все новыя печали и несчастія. Въ продолженіе восьми дней мы были и тамъ и здѣсь игрушкою его капризовъ; зачѣмъ не положить этому конца и не отереть слезъ человѣчества! Ваша Императрица столь велика лаврами, уже давно вѣнчающими ея голову, столь чтима за ея доблести и за ея возвышенные взгляды и дѣйствія; — неужели слава ея увеличится еще болѣе, если она даже раздавитъ такого сосѣда какъ Швеція? Ея политика выиграетъ-ли отъ того? Я рѣшился бы доказать противное. Государь мой король желаетъ мира отъ всего сердца, въ томъ я убѣжденъ; но если бы этотъ миръ не былъ поставленъ на прочныя основанія, или если бы онъ былъ безчестенъ или унизителенъ для него, онъ былъ бы въ тысячу разъ несчастнѣе, чѣмъ если бы даже видѣлъ себя закованнымъ въ цѣпи. Я говорю безъ притворства и по убѣжденію; характеръ мой никогда не позволялъ мнѣ хитрить и лукавить.» «Минуты дороги, — продолжалъ онъ далѣе, — особенно въ виду того, чтобы третьи лица не вмѣшали въ дѣло иностранныхъ интересовъ, увлекая насъ въ бездну негоціацій. Мнѣ нѣтъ надобности говорить вамъ, на сколько обѣимъ сторонамъ выгодно удалить эти препятствія и видѣть наши бѣдствія оконченными въ короткое время и немногими людьми, людьми одушевленными истиннымъ желаніемъ навсегда укрѣпить доброе согласіе между двумя государствами и связать ихъ выгодами, которыхъ ничто не могло бы расторгнуть. Если эти разсужденія покажутся вамъ болтовнею больнаго, не будемъ о нихъ болѣе вспоминать; если же нѣтъ—будемъ имѣть мужество продолжать это великое дѣло. Я поѣду въ Ловизу повидать короля; онъ требуетъ, чтобы я туда явился. Исполню это, хотя бы даже мнѣ пришлось умереть въ дорогѣ; есть обязанности отъ которыхъ нельзя отступать ни предъ чѣмъ. Небо да внушитъ государямъ миролюбивыя мысли; и пусть они не забываютъ, что величайшіе успѣхи не вознаградятъ за треволненія и горести, за ними слѣдующія, также какъ и имъ предшествующія. Моя горячность увлекла меня черезчуръ далеко; надѣюсь что это искреннее письмо не уйдетъ изъ вашихъ

рукъ; любители ловить въ мутной водѣ воспользовались бы имъ какъ вѣрнымъ оружіемъ» [1]).

---

[1]) Моск. Арх. М. Ин. Д. Camp. Suèdoise 1790, связк. XI, лист. 168. . . . . S'ils ont été fait prisonniers, je serai tranquil en les recommandant à vos bontés; s'ils ne le sont pas—leur tribut est payé tant à la nature qu'à la patrie.... Mais n'existe-t-il donc pas un moyen de faire cesser l'horreur de ce carnage? La fortune inconstante ne parait voltiger d'un côté à l'autre que pour nous préparer des chagrins et des malheurs. Dans l'espace de huit jours nous avons été de part et d'autre le jouet de ses caprices; pourquoi ne pas y mettre fin et essuyer les larmes de l'humanité? Votre Souveraine, si grande par les lauriers dont sá tête est ceinte depuis longtems, si admirée par (pour) ses vertus et cette manière sublime de voir et d'agir, pourrait-elle augmenter sa gloire même en écrasant un voisin comme la Suède? La politique y gagnerait-elle? J'oserai presque entamer de prouver le contraire. Le Roi mon maitre désire la paix de tout son coeur, j'en suis persuadé; mais si cette paix n'est pas batie sur un fondement solide, si elle est deshonorante ou humiliante pour lui, il est mille fois plus malheureux que si le sort l'aurait mis dans les fers. Je Vous parle sans feinte et par conviction et mon caractère ne m'ayant jamais permi de mettre de l'art ou de la finesse dans aucune de mes démarches».... «Les instants sont précieux, sourtout comme je tiens que les tiers ne mèlent dans nos affaires des intérêts étrangers en nous entrainant dans un dédal de négociations. Je n'ai pas besoin de vous faire sentir combien il serait avantageux de part et d'autre d'éloigner ces obstacles et de voir terminées nos calamités, en peu de tems par peu de personnes animées d'un vrai désir d'affermir à jamais la bonne harmonie entre les deux empires en l'attachant à des interêts que rien ne saurait rompre. Si ce raisonnement vous parait un radotage d'un malade, qu'il n'en soit plus question. Si non!—ayons le courage d'acheminer ce grand ouvrage. Je vais à Lowisa pour voir le Roy; il a exigé que je m'y rende, et devrai-je mourir en chemin je le ferai; il y a certains devoirs qu'on doit tâcher de remplir au dépend de tout. Si V. Exc. veut ou peut me faire l'honneur de me répondre, j'espère recevoir de ses nouvelles par Högfors, ou Anjala. Puisse le Ciel inspirer aux Souverains des idées pacifiques, et qu'ils n'oublient pas que les plus grands succès ne sauraient les compenser des chagrins et des inquiètudes qui les suit (suivent) et les précèdent. Ma vivacité m'a emporté trop loin peut-être, j'espère que cette lettre familière ne sortira pàs de vos mains, car ceux qui aiment à embrouiller les choses s'en serviraient comme d'une arme sûre. Lykala ce 13 de juillet 1790.

Не смотря однако на такую оговорку, письмо Армфельта не замедлило попасть въ руки Салтыкова, который 4-го же числа отослалъ его въ Петербургъ. Графу Безбородко онъ пояснялъ, что было бы хорошо отвѣчать Армфельту «и притомъ не надобно ли кого и уполномочить, ежели нужда есть входить въ сію переписку, которая уже и дѣломъ пойдетъ.» «Мнѣ же кажется,—продолжалъ Салтыковъ,—что слова Армфельта болѣе силы будутъ имѣть нежели глаголы его величества, потому что всѣ шведскіе офицеры увѣряютъ, что Армфельтъ у нихъ всемогущъ» [1]).

Въ отвѣтъ на эту переписку, 9-го іюля посланъ главнокомандующему проектъ письма къ Армфельту отъ бар. Игельстрёма: этотъ генералъ имѣлся и прежде въ виду для переговоровъ о мирѣ. Въ Петербургѣ помнили претензіи Густава на возвратъ Швеціи значительной части русской Финляндіи. Поэтому въ рескриптѣ намѣчались предѣлы, въ которыхъ должны были идти переговоры и высказана недвусмысленная угроза, если бы требованія выходили изъ нихъ. «На случай если бы бар. Армфельтъ рѣшился имѣть свиданіе съ нимъ (Игельстрёмомъ), или же бы прислалъ довѣреннаго человѣка, онъ долженъ ему прямо и ясно сказать, что касательно оставленія границъ на такомъ основаніи какъ онѣ въ Абоскомъ договорѣ положены, условія наши суть крайнія, съ которыми ни малѣйшая перемѣна вмѣстна быть не можетъ, и что мы, конечно, ни пяди земли изъ того не уступимъ; что ежели со стороны ихъ будутъ какія вопреки тому настоянія, то онъ отъ всякой переписки и переговоровъ отрицается, считая что тогда обѣимъ воюющимъ державамъ надобно помышлять о четвертой кампаніи» [2]).

Указъ Императрицы былъ исполненъ безъ замедленія. Отъ 25 (14) іюля Армфельтъ, который продолжалъ оставаться въ Ловизѣ, извѣстилъ Игельстрёма что не смотря на свое болѣз-

---

[1]) Моск. Арх. М. Ин. Д. Camp. Suèd. 1790, связк. 11, лист. 180. Собственноручное письмо гр. Салтыкова къ гр. Безбородко отъ 4-го іюля.

[2]) Рескриптъ Салтыкову 9-го іюля. Camp. Suèd. 1790. Expédition Salticoff., св. 10, лист. 50—118.

ненное состояніе и необходимость ѣхать черепашьимъ шагомъ, готовъ прибыть на берега Кюмени отъ Аньялы до Кельтиса. «Спѣшу къ вамъ отправить курьера съ отвѣтомъ Армфельта,— писалъ Салтыковъ гр. Безбородко изъ Выборга 16 (27) іюля [1],— кажется для начала изрядно; что̀ будетъ по свиданіи нашихъ бароновъ? Игельстрёмъ сегодня пишетъ письмо къ Армфельту чтобы съѣхаться, оно дойдетъ завтра въ ночь; ежели онъ поѣдетъ послѣ-завтра, то можетъ въ Вереллу быть въ субботу, а въ понедѣльникъ и узнаемъ, что у нихъ произошло.» Салтыковъ просилъ ускорить присылкою дополнительныхъ наставленій Игельстрёму, если бы въ нихъ представилась надобность, дабы не опоздать. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ выражалъ мнѣніе о необходимости пріостановить дѣйствія флота, дабы не помѣшать переговорамъ, и напротивъ приготовиться къ рѣшительному удару, если бы они были прерваны.

Мнѣніе свое впрочемъ онъ излагалъ не въ оффиціальномъ представленіи Императрицѣ, а въ частномъ письмѣ къ гр. Безбородко [2]).

---

[1]) Тамъ же, св. XI, лист. 202.

[2]) «Мнѣ кажется нужно будетъ и предпріятія нашего безволосаго нептуна (т. е. принца Нассау-Зигена) пріостановить подъ разными предлогами, а то, ей! страшно, чтобы чухи снова какой не вышло по взятымъ съ непріятельской стороны мѣрамъ на отпоръ нашей флотиліи, которое однако можно къ концу привесть, но оъ разсмотрѣніемъ. А ежели онъ свѣдаетъ, что переписки или переговоры идутъ, то не видя конца войны безъ увѣнчанія себя лаврами, захочетъ отважное что сдѣлать, и хотя и неудача онъ ничего не теряетъ, но негосіаціи наши уже столько силы имѣть не будутъ. По короткому изображенію въ именномъ указѣ 9-го іюля, гдѣ сказано, что ежели границы не остаются на положеніи Абоскаго мира, то и негосіація вся кончена, и въ противномъ случаѣ надобно уже избирать средства такія, чтобы не только большой и чувствительный ударъ непріятелю нанести, но стараться и слѣдствія выгодныя къ зимнимъ квартирамъ пріобрѣсти. А славно бы было безъ посредниковъ помириться, да и вся Европа не иначе будетъ судить какъ принудили дружка по нашей дудочкѣ плясать. Простите мнѣ в. сіят-во, что я объ политическихъ дѣлахъ худо разсуждаю, не весьма въ нихъ много разумѣю.»—Моск. Арх. М. И. Д. Шведск. война 1790, связ. 10, лист. 126. Salticoff expédition.

Совѣтъ Салтыкова былъ исполненъ только въ первой его части. При указѣ отъ 17-го іюля ему прислана слѣдующая «секретная» записка, заключавшая програму переговоровъ:

«Мирныя наши условія съ Швеціей полагаются въ слѣдующихъ артикулахъ:

«1-й, чтобы миръ, спокойствіе, доброе согласіе и дружба пребывали вѣчно на твердой землѣ и на водахъ; а потому всѣ дѣйствія вездѣ прекращены быть долженствуютъ.

«2-й, границы обѣихъ державъ имѣютъ навсегда остаться какъ оныя по силѣ Абоскаго договора до разрыва и начатія настоящей войны были.

«3-й, вслѣдствіи того войска долженствуютъ выведены быть каждою изъ воюющихъ державъ буде имѣются въ сторонѣ другой державы, въ полагаемый тому срокъ.

«4-й, плѣнные размѣнены и отпущены быть должны безъ выкупа расчета ихъ содержанія, а каждый только собственные долги частнымъ людямъ заплатить обязанъ.

«5-й артикулъ Абоскаго договора о салютѣ между кораблями и судами взаимными свято исполняемъ быть долженъ.

«6-й, ратификаціи государскія въ теченіи двухъ недѣль, или и скорѣе размѣнены быть должны.

«Въ семъ состоитъ нашъ ультиматъ, изъ котораго уже никакая перемѣна мѣста имѣть не можетъ; а при дальнемъ въ томъ упорствѣ къ крайнему сожалѣнію продолженіе войны неизбѣжно.»

Этотъ «ультиматъ» съ очевидностію показываетъ, что намѣреніе Екатерины вовсе не было, какъ писалъ Безбородко, чтобы «съ шведами *непремѣнно* помириться, соблюдя только decorum.» Но съ другой стороны програма представляла крупный пропускъ: въ ней вовсе не упоминалось о возобновленіи или о сохраненіи силы прежнихъ договоровъ Ништадтскаго и Абоскаго. Упоминаніе лишь нѣкоторыхъ пунктовъ послѣдняго свидѣтельствовало, что остальные въ соотвѣтственной мѣрѣ теряютъ силу. Теряло, слѣдовательно, силу и то постановленіе Петровскаго договора, по которому Россія гарантировала въ извѣстной мѣрѣ сохраненіе въ Швеціи конституціи 1720 г. Въ

силу ея король не имѣлъ права начинать войну безъ согласія сейма. Было ли такое умолчаніе послѣдствіемъ сознанія, что, не смотря на этотъ пунктъ, Густавъ могъ однако и сдѣлать революцію 1772 года, и начать войну 1788; или же вообще хотѣли устранить лишніе поводы къ затрудненіямъ въ заключеніи мира? Между совѣтниками Екатерины были насчетъ этого пункта несогласія, но въ концѣ концовъ Императрица оказалась на сторонѣ тѣхъ, кто отрицалъ серьезный смыслъ означенной гарантіи. Вопросъ былъ рѣшенъ въ такомъ направленіи еще задолго до окончательныхъ мирныхъ переговоровъ, именно въ концѣ предшествовавшаго 1789 г.. 20-го декабря Безбородко, написавъ гр. С. Р. Воронцову въ Лондонъ о желаніи мира съ сохраненіемъ только decorum'а, пояснялъ: «для того мы съ графомъ Александромъ Романовичемъ (Воронцовымъ же) весьма не хотѣли вносить пункта о несвободѣ короля начать войну безъ сейма. Сей пунктъ самый пустой и ненадежный, и для того я, въ осторожность вашу, напишу, что онъ оставленъ тутъ по настоянію моего старшаго товарища [1]), но могу притомъ увѣрить, что Государыня на него настоять не хочетъ, ежели встрѣтятся затрудненія» [2]). Изъ приведеннаго ультимата оказывается, что теперь предусмотрительныя настоянія гр. Остермана потеряли силу и Екатерина дѣйствительно не давала значенія вмѣшательству во внутреннія дѣла Швеціи. Въ теченіе переговоровъ оно, какъ увидимъ, всплывало наружу, но и тутъ было легко устранено. Позднѣе, когда по заключеніи мира бар. Паленъ отправлялся посломъ въ Стокгольмъ, Императрица сказала ему, «чтобы имѣлъ глаза и уши, но самъ бы ни во что не мѣшался» [3]).

---

[1]) Вице-канцлера гр. Остермана.

[2]) Сборн. Истор. Общ., т. XXVI, стр. 420.

[3]) Дневникъ Храповицкаго, 25-го сент. 1790 г., стр. 348.

II.

Совѣщанія.

По полученіи программы, состоялось наконецъ въ воскресенье, 21 іюля (1 августа), свиданіе Игельстрёма съ Армфельтомъ [1]). Первый пріѣхалъ въ Коувала, а послѣдній въ Перелла, и оттуда съѣхались между аванпостами. Мѣста эти были выбраны чтобы по возможности избѣжать огласки. Король находился въ Пампола, верстахъ въ 16-ти. Каждому генералу сопутствовало нѣсколько офицеровъ; совѣщаніе происходило подъ открытымъ небомъ [2]).

Свиданіе произвело на Игельстрёма на столько благопріятное впечатлѣніе, что онъ предвидѣлъ уже скорое выполненіе начатаго дѣла согласно волѣ Императрицы. Искренность была написана на лицѣ его собесѣдника, и онъ заключалъ, что король дѣйствительно желаетъ мира и отдается ему со всѣмъ усердіемъ. «Разумѣется,—говорилъ Игельстрёмъ,—нельзя видѣть въ сердцѣ человѣка и можно ошибаться, но едва ли, кажется, въ настоящемъ случаѣ.»

Прежде всего коснулись вопроса о границахъ. Армфельтъ на первыхъ порахъ выразилъ желаніе нѣкоторой территоріальной уступки. На это Игельстрёмъ далъ ему понять, что постыдный для той или другой стороны миръ не могъ бы сблизить государей и не былъ бы дѣломъ, которымъ имъ, переговорщикамъ, можно заниматься. Такъ какъ вопросъ шелъ объ установленіи дѣйствительнаго мира и спокойствія, то русскій уполномоченный предложилъ прекратить всякій объ этомъ разговоръ, тѣмъ болѣе что Императрица въ правѣ была бы требовать нѣкоторыхъ жертвъ въ возмѣщеніе военныхъ расходовъ. Армфельтъ послѣ сего просилъ, нельзя ли найти какой-либо способъ, не уклоняясь отъ основанія неприкосновенности обоюдной

---

[1]) Послѣдующій разсказъ основанъ на перепискѣ, хранящейся въ Моск. Главн. Арх. М. Ин. Д., св. XI л. 119 и послѣд., а въ нѣкоторыхъ подробностяхъ и на Біографіи Армфельта (Tegnèr).

[2]) Къ слѣдующему свиданію были разбиты двѣ палатки.

территоріи, побудить Императрицу отдать по крайней мѣрѣ то, что пограничные комиссары уступили будто-бы Россіи противъ Абоскаго договора? Такъ какъ Игельстрёму это обстоятельство не было извѣстно, то Армфельтъ разъяснилъ ему что по трактату граница опредѣляется водяными урочищами, и что слѣдовательно первый лѣвый берегъ Кюмени, которая при впаденіи въ Финскій заливъ дѣлаетъ нѣсколько рукавовъ, и долженъ бы быть пограничнымъ; между тѣмъ по небрежности яко бы шведскихъ комиссаровъ граница отнесена къ послѣднему рукаву. По словамъ Армфельта король желалъ бы лишь такого пожертвованія со стороны Императрицы [1]). На это Игельстрёмъ далъ понять, что включеніемъ и подобнаго условія въ трактатъ достоинство его Государыни было бы задѣто. Армфельтъ съ своей стороны просилъ собесѣдника подумать нельзя-ли было бы склонить Императрицу сдѣлать этотъ подарокъ въ какой либо другой благовидной формѣ. Игельстрёмъ замолчалъ, и разговоръ по этому пункту прекратился.

Затѣмъ Армфельтъ пробовалъ почву насчетъ медіаціи Густава въ турецкихъ дѣлахъ Россіи. Игельстрёмъ находилъ что этотъ пунктъ можетъ устроиться безъ большихъ затрудненій.

На третьемъ мѣстѣ шла рѣчь о шведскихъ бѣглецахъ. Густавъ при всякомъ случаѣ интересовался свѣдѣніями о ихъ житьѣ-бытьѣ въ Россіи [2]). Естественно онъ могъ ожидать со

---

[1]) Утвержденіе Армфельта, что по трактату граница должна бы быть по первому отъ Россіи рукаву Кюмени, совершенно неправильно. Въ п. 7-мъ Абоскаго договора объ опредѣленіи границъ именно сказано: ...«въ вѣчныя времена между Россіей и Швеціей границы слѣдующія быть и остаться имѣютъ, а именно: начинается оная у сѣвернаго берега Синуса Финскаго при устьѣ последняго западнаго рукава Кюмени или Кельтисъ рѣки...., такъ что всѣ рукава и устья Кюмени или Кельтисъ рѣки къ морю въ оную границу включаются... Полн. Собр. Зак. т. XI, 7 авг. 1743 г., № 8766. См. прил. № 6.

[2]) Въ не разъ уже упомянутомъ разговорѣ его съ пасторомъ Виреніусомъ рѣчь шла и о нихъ. Вопросъ: «Не можете-ли мнѣ сказать, гдѣ находятся теперь шведскіе господа Спренгтпортенъ, Егергорнъ, Кликъ и пр.?—Отвѣтъ: Я слышалъ, что они въ Петербургѣ, и что имъ тамъ

стороны Императрицы какихъ-либо шаговъ въ ихъ пользу. Армфельтъ очень убѣждалъ Игельстрёма сдѣлать все возможное для того, чтобы склонить Императрицу не требовать отъ Густава ничего по этому пункту. Король, по его словамъ, думаетъ что не согласно было бы съ великодушіемъ Императрицы принуждать его жить съ его заклятыми врагами. Съ своей стороны, не бывъ ничѣмъ стѣсненъ, онъ охотно предоставитъ имъ спокойно жить за границей [1]).

При всѣхъ этихъ объясненіяхъ шведскій уполномоченный нѣсколько разъ возвращался къ тому, вполнѣ-ли Игельстрёмъ увѣренъ, что Екатерина искренно желаетъ мира? Такія необычайныя повторенія побудили и русскаго делегата выразить подобное же сомнѣніе на счетъ Густава. Изъ дальнѣйшихъ разговоровъ на эту тему, совершенно впрочемъ конфиденціальныхъ, выяснилось, что прусскій посланникъ Боркъ предупреждалъ Густава не довѣрять намѣренію русскихъ заключить сепаратный миръ, и что все клонилось будто бы только къ проволочкѣ времени. Подобнымъ образомъ и англійскій посланникъ при петербургскомъ дворѣ писалъ нѣкоему Шмидту, слѣдовавшему вездѣ за Густавомъ, что этотъ дворъ желаетъ вести переговоры съ королемъ безъ всякой иностранной медіаціи единственно съ цѣлію дать принцу Нассау время оправиться послѣ свенскзундскаго погрома.

Эти инсинуаціи были предметомъ продолжительныхъ объ-

хорошо.—Кор.: А мнѣ говорили, что русское общество ихъ презираетъ, что и правильно».—При другомъ случаѣ, въ іюлѣ 1790, посланнаго для передачи письма маіора Штакельберга генералъ Мейерфельдъ въ присутствіи Густава разспрашивалъ о Спренгтпортенѣ: гдѣ онъ находится и продолжаетъ-ли пользоваться расположеніемъ Императрицы? Отвѣтъ былъ данъ въ томъ смыслѣ, что Спренгтпортенъ находится въ Петербургѣ и что при достоинствахъ его съ успѣхомъ сохранилъ благосклонность Государыни. Москов. Арх. М. Ин. Д. Camp. Suèdoise 1790, связк. 11, лист. 212.

[1]) Вѣроятно въ связи съ этимъ и было увольненіе Спренгтпортена къ Барежскимъ водамъ, для излеченія ранъ, о которомъ Храповицкій говоритъ въ Дневникѣ своемъ 29-го іюля, т. е. какъ разъ въ то время, когда приведенное намѣреніе Густава сдѣлалось извѣстно въ Петербургѣ.

ясненій. Игельстрёмъ старался доказать насколько и Пруссія и Англія заинтересованы въ томъ чтобы миръ не былъ заключенъ безъ ихъ участія. Армфельтъ съ своей стороны увѣрялъ, что нельзя себѣ вообразить въ какой мѣрѣ иностранные министры выслѣживаютъ короля, тогда какъ онъ не видитъ отъ названныхъ дворовъ, въ руки коихъ попалъ, ничего кромѣ интригъ [1]). Ему противъ воли приходится вести войну; но тѣмъ болѣе и отъ всего сердца желаетъ онъ дружбы Императрицы. Преданный королю Армфельтъ старался убѣдить своего собесѣдника, что Густава не довольно знаютъ, что онъ одаренъ истиннымъ чувствомъ и горячо желаетъ блага своему отечеству, но къ несчастію иногда по избытку доброты допускаетъ къ себѣ людей лживыхъ и двуличныхъ, но настолько ловкихъ, что они ему даже нравятся. Въ концѣ концовъ рѣшено было торопить переговоры всѣми мѣрами, чтобы обмануть бдительность иностранныхъ министровъ. Армфельтъ вызвался просить короля распустить слухъ, что свиданія имѣютъ предметомъ обмѣнъ плѣнныхъ. Игельстрёмъ удостовѣрилъ Армфельта, что миръ можетъ быть окончательно заключенъ и подписанъ не далѣе семи дней, если послѣдуетъ соглашеніе по предложеннымъ пунктамъ. Въ теченіе трехъ сутокъ Императрица можетъ снабдить его или кого другого нужными полномочіями. Армфельту нужно было на это всего нѣсколько часовъ.

Въ тотъ же день вечеромъ Армфельтъ извѣстилъ подъ рукой, что король переѣхалъ въ верельскій лагерь. Чтобы не терять его изъ глазъ, отчасти же по дѣйствительно болѣзненному положенію Армфельта, которому переѣздъ въ назначенный сперва для переговоровъ пунктъ Валькіала былъ очень затруднителенъ,

---

[1]) Когда переговоры близились къ окончанію, англійскій и прусскій министры въ Стокгольмѣ, имѣя отъ своихъ правительствъ приказанія препятствовать заключенію непосредственнаго мира между Россіей и Швеціей, обратились къ упомянутой возлюбленной Армфельта, дѣвицѣ Руденшольдъ, съ самыми соблазнительными денежными предложеніями, домогаясь ея вліянія на Армфельта въ ихъ интересахъ. Предложенія эти, по словамъ самой Магдалины Руденшольдъ, были ею съ негодованіемъ отвергнуты. E. Tegnèr, G. M. Armfelt, т. I, стр. 368, прим.

рѣшено было продолжать переговариваться по-прежнему между аванпостами. Игельстрёму близость короля очень не нравилась; можно было бояться какъ бы онъ, прервавъ переговоры, не ударилъ на русскій правый флангъ, тѣмъ болѣе что въ верельскомъ лагерѣ у него было отъ 4 до 5.000 человѣкъ. Приходилось быть настороже̂.

Свѣдѣнія о бывшемъ свиданіи не замедлили быть доставлены въ Петербургъ. Екатерина настаивала на томъ, что переговоры не должны останавливать военныхъ дѣйствій, о чемъ 24-го іюля и послѣдовалъ новый указъ Салтыкову. Одновременно написано и полномочіе Игельстрёму не только вступить въ переговоры о мирѣ съ лицомъ, уполномоченнымъ отъ короля шведскаго, но и заключить и подписать договоренныя условія и проч. [1]). Въ рескриптѣ лично барону Игельстрёму отъ 25 іюля выражено удовольствіе Императрицы какъ по поводу всего высказаннаго Армфельтомъ, такъ и поведенія самого Игельстрёма.

Недолго длилось однако удовольствіе Императрицы. Не успѣли отправить только-что упомянутый рескриптъ, какъ изъ главной квартиры получены были другія извѣстія, и вмѣсто пріятныхъ надеждъ въ Царскомъ Селѣ раздались громы негодованія. Въ новыхъ объясненіяхъ уполномоченныхъ была туча ихъ породившая.

Второе свиданіе Армфельда съ Игельстрёмомъ состоялось 22 іюля (2-го августа), въ девять часовъ утра, и длилось цѣлые пять часовъ. Уже одно это было дурнымъ признакомъ. Оказался крупный камень преткновенія тамъ, гдѣ его можно было ожидать уже и по первому совѣщанію. То былъ второй пунктъ русскаго ультимата, т. е. вопросъ о границахъ. Армфельтъ сильно настаивалъ на своемъ. Игельстрёмъ догадывался впрочемъ, что пререканія съ шведской стороны вызывала собственно не столько сущность дѣла, сколько желаніе имѣть въ трактатѣ пунктъ, который удостовѣрилъ бы страну что Густавъ достигъ желаемаго, т. е. исправилъ границу. Нельзя впрочемъ не заподо-

---

[1]) Св. 10, Expéd. Salticoff, листы 59—122 и 62—124.

зрить русскаго уполномоченнаго въ слабости его возраженій коллегѣ. Въ отчетахъ своихъ онъ самъ признавалъ что границы дѣйствительно не опредѣлены точно, что есть мѣстности и на нихъ крестьяне непринадлежащіе будто бы ни тому, ни другому государству. Пограничные гарнизоны, преимущественно шведскіе, по отзыву Игельстрёма, испытывали во время мира существенныя затрудненія для передвиженія не только цѣлыхъ полковъ, но даже отдѣльныхъ ротъ; начальство каждый разъ должно было просить на то разрѣшеніе русскихъ властей, такъ какъ по извилистости пограничной черты приходилось вступать на русскую территорію. Наклонный уже поэтому къ нѣкоторой уступчивости, Игельстрёмъ согласился на то что второй пунктъ будетъ, по предложенію короля, дополненъ въ такихъ выраженіяхъ: «какъ съ Абоскаго мира границы не были регулированы, то по заключеніи мира будутъ для точнаго ихъ установленія назначены особые комиссары, и если бы Императрица и Король признали за благо сдѣлать въ оныхъ нѣкоторыя измѣненія, то о семъ будетъ особо договорено и таковая дополнительная конвенція будетъ включена въ настоящій мирный трактатъ [1])».

Вопросъ о медіаціи къ заключенію мира между Россіей и Турціей, къ которому Игельстрёмъ отнесся также весьма снисходительно еще при первомъ свиданіи, не былъ предметомъ особыхъ преній и въ немъ русскій уполномоченный уступалъ безъ сопротивленія. Настоянія Армфельта мотивировались тѣмъ, что Густавъ не можетъ отказаться отъ предложенія въ этомъ дѣлѣ добрыхъ услугъ, иначе онъ далъ бы своему союзнику поводъ упрекнуть въ томъ что о немъ, султанѣ Селимѣ, совсѣмъ забыли при заключеніи трактата. По увѣренію Армфельта, въ

[1]) «comme depuis la paix d'Aboe les frontières n'ont pas été reglées, qu'on nommerait des commissaires après la paix conclue pour les regler, et qu'en cas que S. M. l'Impératrice et le Roi trouveraient bon pour y faire quelques changemens, qu'on conviendrait alors sur cela et que cette convention sera alors inclue dans ce traité de paix. — Письмо Игельстрёма къ Салтыкову: Kowala, ce 22 Juillet, à cinq après midi.— Моск. Арх. М. Ин. Д. Camp. Suèd., св. XI, Récept., лист. № 225 и послѣд.

случаѣ отказа по этому пункту, честь короля была бы задѣта до крайней степени, тѣмъ болѣе что, соображаясь съ волею Императрицы, онъ едва коснулся этой чувствительной струны и что въ существѣ онъ для себя ничего не желаетъ. Игельстрёмъ съ своей стороны полагалъ, что въ глубинѣ души Армфельта было желаніе дать королю возможность попользоваться нѣсколько лишнихъ мѣсяцевъ турецкой субсидіей.

Разсужденія заключились тѣмъ, что Игельстрёмъ предоставилъ проектировать такой дополнительный параграфъ: «Король, желая положить конецъ этой войнѣ, чтобы возстановить доброе согласіе между нимъ и Ея Величествомъ Государыней Императрицей, остается въ увѣренности, что Ея Вел-во пожелаетъ принять его добрыя услуги для ускоренія мира между Ею и Блистательною Портою, въ случаѣ если бы Порта пожелала принять таковыя, само собою разумѣется невооруженною рукою [1])».

Кромѣ этихъ двухъ основныхъ пунктовъ, Армфельтъ очень добивался чтобы русскій уполномоченный принялъ во вниманіе и предоставилъ включить въ мирныя предложенія еще денежную претензію въ 4 милліона риксдалеровъ, которые Россія остается будто-бы въ долгу Швеціи еще съ Ништадтскаго мира; эта претензія была-де возобновлена и по Абоскому договору. Игельстрёмъ далъ понять своему собесѣднику, что если начать дѣлать розысканія съ древнѣйшихъ временъ, то переговоры никогда не будутъ кончены; между тѣмъ надо избѣгать всего того что не включено въ проектъ условій, дабы не придти къ прекращенію переговоровъ. Эта реплика вызвала совершенно дружеское признаніе Армфельта, что удовлетворить его послѣднему заявленію собственно было бы неправильно и несправедливо, такъ какъ если король желаетъ возмѣстить расходы, произведенные страною на войну, то и Россія понесла отъ нея также убытки. Но дѣло въ томъ, что король лично вошелъ въ долги более чѣмъ

---

[1]) «Le Roi, souhaitant de mettre fin à cette guerre pour rétablir la bonne harmonie entre lui et S. M. l'Impératrice, se promet que S. M. Impériale voudrait bien accepter ses bons offices pous accellérer une paix entre Elle et la Sublime Porte; (qu') en cas que la Sublime Porte les voudrait accepter, mais bien entendu pas à main armée».—Ibid.

на два милліона риксдалеровъ, и Армфельтъ въ качествѣ друга желалъ бы вытянуть его изъ петли. Такія конфиденціи побудили Игельстрёма напомнить, что королю и всему міру извѣстно величіе души Императрицы, и король можетъ быть увѣренъ, что если только онъ съумѣетъ заслужить ея дружбу, то она найдетъ способы извлечь его изъ затрудненій. Кромѣ того Игельстрёмъ давалъ понять Армфельту, что при щедрости Государыни она не замедлитъ вознаградить и его заслуги на пользу обоихъ государствъ, какъ при настоящихъ переговорахъ, такъ и въ будущемъ. Вообще Игельстрёмъ при всякомъ случаѣ, когда только представлялась возможность, пускалъ въ ходъ такіе доводы, которые задѣвали и честолюбіе Армфельта и вопросы его матеріальнаго благосостоянія; въ особенности онъ давалъ ему понять разницу въ средствахъ обоихъ государствъ [1]).

Не смотря однако на всѣ яркіе хромотропы, которые онъ радугами переливалъ передъ глазами своего шведскаго сотоварища, послѣ пятичасовой бесѣды Игельстрёмъ не много выигралъ у Армфельта. Въ конечномъ результатѣ остановились на томъ, что Игельстрёмъ дастъ Армфельту французскій переводъ «ультимата», т. е. крайнихъ русскихъ условій, а въ отвѣтъ получитъ отъ имени короля тѣ же условія, но съ приведенными выше дополненіями. Дѣломъ спѣшили, и Армфельтъ обѣщалъ прислать этотъ видоизмѣненный проектъ къ семи часамъ вечера въ тотъ же день. Поспѣшность была болѣе съ шведской нежели съ русской стороны. Въ объясненіе ея Армфельтъ съ тою же дружественною откровенностью (искреннею или нѣтъ— трудно дать себѣ отчетъ) опять жаловался на интриги Пруссіи и Англіи. Министръ первой въ Стокгольмѣ, Боркъ, становился ему поперекъ дороги. Не дальше какъ въ тотъ же день утромъ имъ сообщена королю просьба англійскаго посланника не спѣшить очень заключеніемъ мира, съ прибавленіемъ что въ самое последнее время онъ перемѣнилъ тонъ въ отношеніи Россіи.

---

[1]) Щедрыя обѣщанія Игельстрёма вызвали потомъ нѣкоторый ему упрекъ со стороны Екатерины.

Въ назначенный срокъ однако отвѣтъ доставленъ не былъ, къ чему впрочемъ и слѣдовало быть готовымъ, такъ какъ утреннее совѣщаніе кончилось въ два часа пополудни. Лишь въ половинѣ одиннадцатаго вечеромъ получилъ Игельстрёмъ отъ Армфельта очень вѣжливое письмо; но приложенный проектъ условій повергъ его въ полное разочарованіе и негодованіе. Вмѣсто шести или много семи пунктовъ ихъ было уже девять. Требовалось—по словамъ Игельстрёма—ни болѣе ни менѣе, какъ отступленіе границею до Выборга, участіе въ мирѣ съ Турціей, выпускъ извѣстнаго количества зерна согласно договору о присоединеніи Лифляндіи, выдача всѣхъ злоумышленниковъ противъ особы короля или же противъ государственныхъ основныхъ законовъ, новый уставъ для салюта.—Все это было писано въ присутствіи короля, точнѣе подъ его диктовку.

Игельстрёмъ былъ такъ возмущенъ этимъ уклоненіемъ отъ условій уже договоренныхъ, что возвратилъ Армфельту не только проектъ, но и письмо, не снявъ съ нихъ даже копій. На словахъ онъ поручилъ присланному съ бумагами чиновнику Сталю сказать, что онъ, Игельстрёмъ, не министръ, не аккредитованное лицо и не то, что онъ, Армфельтъ, въ этомъ дѣлѣ, и что подобные проекты король можетъ передавать черезъ гг. Гольца или Гальвеца, какъ ему заблагоразсудится. Игельстрёмъ упрекнулъ при этомъ Армфельта въ томъ, что онъ не довольно оцѣнилъ заботы его о сближеніи обоихъ государей. Онъ упрекалъ и въ томъ, что получивъ по собственному желанію проектъ русскихъ условій на прочтеніе, Армфельтъ если не могъ склонить на нихъ короля, то долженъ былъ или коротко сказать, что на нихъ сойтись невозможно, или же возвратить съ своими отмѣтками. Но прислать контръ-проектъ, равносильный новому объявленію войны,—это значило прямо навлекать на Игельстрёма немилость Государыни, которая легко могла подумать что онъ далъ къ тому поводъ. Въ заключеніе онъ просилъ возвратить условія.

Сдѣлавъ этотъ энергическій шагъ, исправлявшій нѣкоторую уступчивость выказанную имъ въ предшествовавшихъ переговорахъ, Игельстрёмъ рѣшилъ выждать что произойдетъ въ те-

ченіе слѣдующаго утра, и послѣ полудня уѣхать, дабы не дать Шведамъ повода думать что онъ можетъ еще войти въ ихъ виды. Въ ту же ночь онъ разослалъ по всѣмъ отрядамъ приказъ удвоить бдительность.

Отчетъ объ этой фазѣ переговоровъ былъ немедленно посланъ гр. Салтыкову, а отъ него въ Петербургъ, гдѣ и полученъ 24-го, т. е. въ пору самыхъ пріятныхъ ожиданій, вызванныхъ донесеніемъ о первомъ совѣщаніи съ Армфельтомъ. Салтыковъ не имѣлъ теперь прежнихъ надеждъ. «Видно что съ шведскимъ королемъ,—писалъ онъ графу Безбородко [1]),—надобно какъ съ его союзникомъ обходиться, наступя на горло, а безъ того ничего сдѣлать нельзя.» Онъ рѣшился выждать обратнаго пріѣзда Игельстрёма и затѣмъ отправиться въ Фридрихсгамъ для дѣйствій согласно волѣ Екатерины.

По полученіи послѣдняго отчета Салтыкову въ тотъ же день, 25-го іюля, послано совершенное одобреніе рѣшительнаго поступка Игельстрёма [2]). Вмѣстѣ съ тѣмъ предписывалось приступить къ рѣшительнымъ военнымъ мѣрамъ. «Сіе произшествіе и болѣе еще утверждаетъ, что мира на самыхъ умѣренныхъ и справедливыхъ условіяхъ ожидать нельзя инако, какъ съ чувствительнымъ пораженіемъ непріятеля на твердой землѣ и водахъ, и для того нужно чтобы вы поспѣшили въ Фридрихсгамъ, гдѣ по близости нашего галернаго флота удобнѣе вы можете снестися съ начальствующимъ надъ онымъ и наилучшимъ образомъ сообразить мѣры къ нанесенію удара вѣроломному врагу, при сохраненіи надлежащей осторожности въ разныхъ мѣстахъ противъ его покушеній.»

Между тѣмъ событія слѣдовали съ крайнею быстротою: за

---

[1]) Отъ 23 іюля. Листъ 239.

[2]) «Поведеніе генералъ-поручика барона Игельстрёма при свиданіи его съ шведскимъ генераломъ барономъ Армфельтомъ,—писала Екатерина—и поступокъ его сходный съ достоинствомъ нашимъ къ отсылкѣ обратной бумагъ, содержащихъ неприличныя и сумасбродныя предложенія короля шведскаго заслуживаютъ полнымъ образомъ наши одобреніе и похвалу, о чемъ вы означенному генералъ-поручику дайте знать.» Прил. № 28.

посылкой одного указа приходилось отправлять другой. Въ одинъ день 25-го іюля Екатериной подписано четыре рескрипта Игельстрёму и два Салтыкову, все по тому же дѣлу переговоровъ.

Рѣзкое возвращеніе Армфельту бумагъ даже безъ письма, а при словесномъ отвѣтѣ, произвело свой эффектъ. Салтыковъ былъ этотъ разъ можетъ быть правъ, находя что нужно дѣйствовать «наступя на горло». Игельстрёмъ ждалъ до полудня и собирался уже отправиться обратно, какъ ему доложили о прибытіи парламентера. Отъ Армфельта было подано слѣдующее письмо [1]: «Признаюсь, баронъ, все что ваше пр-во сказали вчера вечеромъ г. Сталю такъ сильно удивило меня, что я половину ночи путался въ догадкахъ и не смотря на многія повидимому вѣроятности противнаго, пришелъ къ заключенію что вы не всегда оставались при желаніи возстановить согласіе нашихъ государей, дружбу и миръ. Если это не такъ, то между нами есть недоразумѣніе, которое я могу разъяснить по всѣмъ пунктамъ. Посланный мною вашему прев-ву проектъ былъ тотъ самый, что я читалъ вамъ вчера утромъ, съ небольшимъ лишь измѣненіемъ, согласно замѣчаніямъ сдѣланнымъ на счетъ Турокъ; въ остальномъ онъ былъ списанъ слово въ слово. Письмо въ отвѣтъ на ваши условія, было ничто иное какъ повтореніе, частію, того что я имѣлъ честь вамъ говорить. Предложено прибавить къ вашимъ пунктамъ еще кое-что изъ тѣхъ статей, которыя никогда не исключались ни изъ одного изъ прежнихъ договоровъ между нами. Да я могъ бы прибавить еще и многое другое, такъ какъ мнѣ всегда говорено было что для заключенія мира по совѣсти, надо судить, спорить и кончить соглашеніемъ. Король не знаетъ о моемъ приключеніи вчерашняго вечера; у меня есть серьезныя основанія молчать о немъ; онъ хочетъ мира, въ особенности онъ желаетъ

[1]) Ни объ этомъ письмѣ, ни о вызвавшемъ его эпизодѣ біографъ Армфельта Тегнѐръ не говоритъ ничего. Но изъ приводимаго имъ отрывка изъ письма Армфельта къ женѣ отъ того же 3-го августа, видно, что, передавъ свои предложенія Игельстрёму, онъ съ опасеніемъ смотрѣлъ на исходъ ихъ, находя что «старуха очень крѣпка». Стр. 376, прим.

дружбы Императрицы, и на мнѣ лежалъ бы вѣчный упрекъ если бы по поводу какой-то путаницы я далъ разстроиться прекрасному началу дѣла столь же великаго, какъ и жизненнаго. Я знаю мысли вашего превосходительства, и мнѣ нѣтъ надобности прибавлять что либо на эту тему» [1]).

Это письмо своимъ какъ бы искреннимъ тономъ заставляло думать что не довольно опытный въ переговорахъ Игельстрёмъ, получивъ наканунѣ вечеромъ письмо Армфельта, недостаточно вникъ въ него, погорячился и тутъ же рѣзко возвратилъ и письмо и контръ-проектъ. Можетъ быть это было хорошо и полезно при извѣстныхъ чертахъ характера Густава, хотя, какъ оказывается изъ словъ Армфельта, этотъ эпизодъ не дошелъ до него; но безъ сомнѣнія Игельстрёмъ былъ не совсѣмъ

---

[1]) Письмо Армфельта къ Игельстрёму отъ 3-го августа (23-го іюля) изъ Вереле, Моск. Арх. М. Ин. Д. Шведск. война 1790. Связк. 11, лист. 236. Monsieur. Je vous avoue, Mr. le Baron, que tout ce que V. Exc. a dit à M. de Staal hier au soir, m'a si fort étonné que j'ai passé la moitié de la nuit à faire des conjectures qui malgré bien des probabilités n'ont pu me persuader que Vos intentions n'étaient point toujours les mêmes de voir l'harmonie, l'amitié et la paix rétablis entre nos deux souverains. Si cela est, il n'y a qu'un mésentendu qui a tout produit et en ce cas là je me crois en état de pouvoir m'expliquer sur tous les points. Le projet de paix que j'ai envoyé à V. Exc. était le même que j'ai lu hier au matin, avec un petit changement selon les observations faites sur l'article des Turcs, au reste copié mot à mot pour être mis sous vos yeux. La lettre en réponse aux conditions proposées de votre part n'était que la répétition que j'avais l'honneur de Vous faire de ce que j'avais dit en partie, et une proposition d'ajouter à vos articles quelques uns qui n'ont jamais été exclus d'aucun traité de paix entre nous. Enfin je saurais ajouter bien de choses encore, puisqu'on m'a toujours dit qu'en voulant faire la paix de bonne foi on discute, on se dispute et on finit par convenir. Le Roi ignore mon aventure d'hier au soir, j'ai de fortes raisons pour le cacher; il veut la paix, il veut surtout l'amitié de l'Impératrice et j'aurais un reproche éternel à me faire, si par un qui-pro-quo je detruisais le plus beau commencement de cet ouvrage aussi grand que salutaire. Je connais les sentiments de V. Exc. à ce sujet; ainsi je n'ai pas besoin de vous en dire d'avantage. Je suis.... le Baron d'Armfelt.

правъ. Получивъ потомъ обратно возвращенное имъ письмо Армфельта и перечитавъ его, онъ долженъ былъ сознать еще болѣе, что въ тотъ вечеръ поддался увлеченію. Правда, представляя по начальству о послѣднемъ моментѣ переговоровъ, онъ пояснялъ что Армфельтъ только сваливаетъ на него вину, но въ сущности ищетъ возобновить прерванные переговоры [1]. Въ такомъ смыслѣ съ его словъ истолковали послѣдній эпизодъ и Салтыковъ, и въ Петербургѣ. На дѣлѣ же Игельстрёмъ прямо и несомнѣнно извинялся передъ Армфельтомъ и самъ дѣлалъ первые шаги къ возобновленію свиданій [2]. Вотъ его отвѣтное письмо отъ того же 23-го іюля.

«Тысячу разъ прошу извиненія, баронъ, въ причиненномъ безпокойствѣ, или вѣрнѣе въ лишеніи васъ на нѣсколько часовъ покоя столь необходимаго вамъ для возстановленія здоровья, въ которомъ отъ всего сердца принимаю искреннее участіе. Но будьте добры, прошу васъ, простите мою воспріимчивость: все произошло отъ того, что думая получить примирительныя условія для поднесенія ихъ Императрицѣ, я получилъ нѣчто такое, что могло скомпрометировать меня въ глазахъ Государыни, подданнымъ которой я состою и которую боготворю. Ваше письмо разувѣрило меня и оставляетъ вину на моей сторонѣ. Прекратимъ же говорить объ этомъ и будьте убѣждены, что я безконечно вамъ обязанъ также и за то, что вы ничѣмъ не обмолвились предъ королемъ. Отдайте мнѣ справедливость и вѣрьте искренности моихъ цѣлей, тѣмъ болѣе, что чувства моей Государыни, какъ и вашего короля,—на что вы мнѣ подаете надежду,—весьма склонны къ установленію обоюднаго согласія и дружбы. Чтобы доказать вамъ что я не знаю изворотовъ и интригъ, убѣдительно прошу васъ назначить мнѣ часъ, даже если угодно сегодня вечеромъ, чтобы я могъ объясниться о

---

[1]) «La lettre, par laquelle on a voulu me mettre dans le tort, mais au fond reprendre très poliment le fils de la négociation.» Изъ письма Игельстрёма къ Салтыкову отъ 23-го іюля, въ три часа пополудни, изъ Коувала. Ibid., лист. 234.

[2]) Такъ объясняютъ и шведскіе писатели.

бывшемъ съ моей стороны qui pro quo и отъ всего сердца принести вамъ мои извиненія, къ чему конечно я считаю себя обязаннымъ. Возвратимся къ нашему дѣлу и постараемся совершить его на столько хорошо, чтобы оно получило окончательную санкцію. Я буду обязанъ вашему прев-ву признательностью: вы вывели меня изъ заблужденія и дали возможность счастливаго участія въ примиреніи нашихъ государей, въ устройствѣ благополучія народовъ. Убѣждая васъ сохранить ко мнѣ тѣ же чувства, которыми вашему прев-ву угодно было дарить меня до сихъ поръ, прошу быть вполнѣ увѣреннымъ, что вездѣ и во всякомъ положеніи пребуду съ уваженіемъ и пр. Игельстрёмъ» [1]). Прочитавъ это письмо, едва ли можно сомнѣваться,

[1]) Письмо Игельстрёма къ Армфельту изъ Коувала, отъ 23-го іюля 1790. Листъ 237.—Je Vous demande mille pardons, m-r. le Baron, de ce que j'ai pu Vous causer des inquiètudes ou plutôt priver à Votre repos un couple d'heures qui vous sont si nécessaires pour le rétablissement de Votre santé, à laquelle je prends une part sincère et bien de bon coeur. Mais ayez la bonté, je vous prie, d'excuser ma sensibilité et soyez bien persuadé que ce n'était que puisque je croyais d'avoir été choisi pour entendre des propositions qui ne ressemblaient rien moins qu'à une réconciliation, et par conséquent j'étais aussi choisi pour les porter à la connaissance de ma Souveraine qui m'auraient parfaitement compromis et mis dans la disgrâce d'une Souveraine dont je suis le sujet et de laquelle je fais mon idôle. Votre lettre m'en a détrompé et m'a mis dans le tort; n'en parlons plus et soyez bien persuadé que je Vous en ai une obligation infinie de même de ce que Vous n'en avez rien fait transpirer au Roi. Rendez moi justice et croyez que j'ai un but sincère et cela d'autant plus que les sentiments de ma Souveraine sont de même ceux du Roi Votre Maitre, comme Vous me le faites espérer, très portés à établir une parfaite harmonie et amitié entre le Roi et Elle. Pour prouver que je ne connais pas le détour et les intrigues, je Vous supplie de me marquer une heure et si Vous voulez encore ce soir pour m'expliquer avec Vous sur le qui pro quo que j'aurais pu avoir, et qu'en cas de tort soyez bien persuadé que je Vous demanderai de bon coeur un pardon que je Vous devrai certainement. Remettons la main à l'ouvrage et tâchons de le consumer si bien pour qu'il reçoit la sanction de nos Souverains et je devrai à Votre Exc. la reconnaissance qu'elle s'est donné la peine de m'avoir tiré d'une erreur, pour me faire participer au

что въ немъ сказывались не только вѣжливость и приличіе, но и дѣйствительное покаяніе.

Желаемое Игельстрёмомъ свиданіе состоялось вечеромъ въ тотъ же день, 23-го іюля. На немъ русскій уполномоченный, по собственному признанію, удостовѣрился что Армфельтъ всей душой преданъ дѣлу и прилагаетъ все стараніе, чтобы король не сбивался съ пути. Единственная для того дорога заключалась въ обсужденіи пунктовъ, включенія коихъ король желалъ. По другимъ предметамъ Армфельтъ написалъ особыя предложенія, или замѣчанія, и предоставилъ усмотрѣнію Императрицы принять ихъ или отвергнуть. Въ виду глубочайшей тайны, въ которой велись переговоры, пункты эти не смотря на болѣзненную слабость Армфельта были написаны имъ собственноручно тутъ же въ палаткѣ Игельстрёма. Отсылая въ Петербургъ, Игельстрёмъ сопроводилъ ихъ копіей для болѣе удобнаго чтенія.

И при этомъ свиданіи дѣло не обошлось безъ продолжительныхъ разговоровъ. Наконецъ достигнуто соглашеніе на томъ, что шесть пунктовъ русскаго «ультимата» сохранены будутъ слово въ слово съ тѣмъ лишь измѣненіемъ, чтобы во 2-мъ пунктѣ исключить слова «по силѣ Абоскаго договора», а въ концѣ вставить поясненіе, что по возстановленіи спокойствія и по взаимному соглашенію будутъ приняты мѣры къ урегулированію границъ. Равнымъ образомъ пунктъ 5-й, о салютахъ, буквально взять изъ Абоскаго договора, но также безъ упоминанія о самомъ договорѣ; а въ шестой статьѣ, о размѣнѣ ратификацій, вмѣсто двухнедѣльнаго срока опредѣлить шестидневный.

Очевидно, что все сводилось къ тому, чтобы игнорировать прежніе трактаты, другими словами избѣжать всякаго повода къ возобновленію прежняго вліянія Россіи на дѣла Швеціи. Тайная цѣль еще яснѣе выразилась въ первомъ же параграфѣ изъ числа тѣхъ «дополнительныхъ», которые предлагались Арм-

---

bonheur d'avoir réconcilié nos Souverains et fait le salut de tant de peuples. En vous conjurant de me conserver les mêmes sentiments que V. Exc. a bien voulu m'accorder jusqu'ici, je La prie d'être très persuadé que je suis partout et en toute situation avec l'estime ....Baron d'Igelström.

фельтомъ для пополненія будущаго мирнаго трактата. Сущность этого параграфа заключалась въ томъ, что въ видахъ упроченія дружбы между государями и ихъ государствами, обѣ договаривающіяся стороны торжественно обѣщаютъ за себя и за своихъ преемниковъ никогда не дозволять ихъ подданнымъ, министрамъ, агентамъ и чиновникамъ, прямо или косвенно вмѣшиваться во внутреннія дѣла другого государства, и тѣмъ менѣе возбуждать и поддерживать заговоры и умыслы противъ ихъ особы, власти или правительствъ, и напротивъ ихъ величества обязываются взаимною помощью, если таковая надлежащимъ образомъ потребуется, для поддержанія ихъ могущества [1]).

Далѣе слѣдовали параграфы: а) о медіаціи съ Турціей въ выраженіяхъ аналогичныхъ съ тѣмъ, что было прежде изложено по этому предмету, съ поясненіемъ что предложеніе Турціи будетъ сдѣлано тогда, когда по совершенномъ прекращеніи военныхъ дѣйствій между Россіей и Швеціей и обмѣнѣ ратификацій, миръ между ними будетъ вполнѣ возстановленъ, б) о назначеніи, вслѣдъ за подписаніемъ трактата, комиссаровъ для заключенія дружественнаго и торговаго договоровъ и в) о вступленіи его въ силу черезъ шесть дней или и ранѣе послѣ обмѣна ратификацій.

---

[1]) Pour cimenter cette amitié entre les deux Souverains et leurs états respectifs et pour écarter à l'avenir tout objet qui pourrait (здѣсь пропущено вѣроятно nuire à la) bonne harmonie et la confiance réciproque le Roi de Suède de son côté et S. M. l'Imp-ce de toutes les Russies du sien promettent sur leur foi royale et de la manière la plus étendue pour eux et leurs successeurs aux thrônes de ne jamais permettre à leurs sujets, ministres, agents ou employés quelquonques de s'e(im)misser d'une manière directe ou indirecte dans les affaires intérieures des états respectifs et encore moins susciter ou entretenir des caballes et des factions contre leurs personnes, leurs autorités ou leurs gouvernements; mais Leurs Majestés s'engagent au contraire de s'entreaider à soutenir leurs puissances royale et impériale de toutes leurs forces lorsqu'elles en seront dûment requises, S. M. le Roi de Suède par S. M. L'Imp. de toutes les Russies ou ses successeurs et S. M. l'Imp. de toutes les Russies par le Roi de Suède ou le Roi en succesion du thrône. — Observations particulières. Приложеніе къ рапорту Салтыкова, № 241.

Выражалось кромѣ того желаніе видѣть включенными вполнѣ §§ 13, 17 и 20 Абоскаго договора, (т. е. объ отпускѣ изъ балтійскихъ портовъ извѣстнаго количества зерноваго хлѣба, о салютахъ и о выдачѣ бѣглыхъ).

Отдѣльныя статьи Армфельта имѣли еще апостиль слѣдующаго содержанія: «Чѣмъ менѣе вмѣшивать въ это дѣло дипломатовъ, тѣмъ лучше. Быстрота необходима. Если дѣло осуществится, то ускорить полномочіями» [1]).

Такимъ образомъ Армфельтъ при всякомъ случаѣ торопилъ гдѣ и какъ только могъ. Словесно онъ просилъ Игельстрёма устроить такъ, чтобы курьеръ могъ возвратиться по меньшей мѣрѣ *не далѣе трехъ сутокъ*, и чтобы тотъ же курьеръ привезъ и полномочія. Поспѣшность эту можно было, разумѣется, объяснить и желаніемъ не дать возможности всесторонне обсудить и взвѣсить всѣ подробности условій,предлагавшихся съ шведской стороны. Но такъ какъ основные пункты были всетаки даны изъ Петербурга, гдѣ о нихъ разсуждали еще полгода назадъ, то едва-ли можно дать вѣсъ такому объясненію. Правдоподобнѣе причины, которыя представлялъ самъ Армфельтъ. Онъ высказалъ ихъ Игельстрёму со всею искренностью, граничившею съ неосторожностью. Онъ опасался,что если переговоры затянутся— королю это надоѣстъ и онъ уѣдетъ, тѣмъ болѣе что кто-нибудь изъ его «прекрасной» гёгфорской свиты можетъ пріѣхать въ Вереле и все испортить. Армфельтъ ручался честнымъ словомъ и даже своей головой, что лишь бы приняла Императрица изложенные пункты, Густавъ ихъ тотчасъ подпишетъ. Съ этой цѣлью Армфельтъ брался постепенно приготовить его ежедневными разсказами о переговорахъ и преніяхъ. Торопя соглашеніемъ, Армфельтъ по-прежнему просилъ величайшей тайны для намѣченныхъ пунктовъ этого соглашенія. Только съ громадными усиліями и терпѣніемъ, по его словамъ, добился онъ отъ короля одобренія главныхъ основаній; объ остальныхъ же из-

---

[1]) Le moins qu'on puisse méler dans ceci des diplomaticiens mieux cela est. La vitesse est nécessaire. Si la chose aura (a) lieu, les p l e i n s-p o u v o i r s auplutôt.

ложенныхъ имъ пунктахъ онъ скажетъ королю лишь тогда, когда они будутъ одобрены Императрицей. Армфельтъ продолжалъ бояться, чтобы, разъ эти пункты огласятся, не явились доброжелатели, которые легко разстроили бы все дѣло. Эти опасенія имѣли въ виду все тѣхъ же Англію и Пруссію; Армфельтъ клялся, что и та и другая прилагаютъ всѣ старанія къ тому, чтобы не состоялось сепаратнаго мира между Россіей и Швеціей; король напротивъ желалъ мира безъ всякихъ посредниковъ. Такое желаніе Армфельтъ мотивировалъ стремленіемъ Густава достичь чтобы прошлое было забыто Императрицею и она дала ему свою дружбу и довѣріе. Подкладка этихъ желаній была очевидна, да и Армфельтъ не стѣснялся говорить о ней: во-1-хъ, Густавъ надѣялся, что Екатерина поможетъ ему въ его частныхъ денежныхъ дѣлахъ; во-2-хъ, что онъ можетъ справедливо гордиться передъ своими теперешними друзьями и союзниками въ томъ, что умѣлъ достигнуть соглашенія съ Императрицей безъ ихъ посредства.

Нельзя не видѣть въ этомъ, какъ и вообще во многихъ частностяхъ здѣсь точно описываемыхъ, немалой доли противорѣчія. Если король такъ горячо желалъ мира, то почему же нужно было избѣгать малѣйшаго промедленія дабы переговоры ему не наскучили и онъ не бросилъ ихъ? И почему, при настойчивости желанія достигнуть дружбы Екатерины, нужно было, однако, опасаться какихъ-то ничтожныхъ самихъ по себѣ вліяній его свиты? Если миръ безъ медіаціи съ могущественной и всѣми славимой Императрицей льстилъ его гордости именно передъ Пруссіей и Англіей, безъ которыхъ онъ умѣлъ обойтись, то какимъ образомъ нужно было ежечасно бояться, чтобы король не поддался именно ихъ вліянію? Нельзя объяснить этихъ несообразностей легкомысліемъ Густава, который, какъ извѣстно, умѣлъ задаваться крупными государственными задачами и разрѣшать ихъ упорнымъ преслѣдованіемъ цѣли. Во всякомъ случаѣ и горячему стремленію Густава покорить сердце Екатерины также нельзя дать здѣсь мѣста. Не слышно ли во всѣхъ этихъ опасеніяхъ скорѣе голоса собственнаго самолюбія Армфельта, которому важно было чтобы дѣло сдѣлалось его руками, при-

томъ съ побороніемъ величайшихъ трудностей? И та и другая сторона тѣмъ болѣе должны были быть ему признательны. Этимъ, разумѣется, не подвергается сомнѣнію искренность его желанія достигнуть мира, которой Игельстрёмъ давалъ полную вѣру. Можетъ быть съ другой стороны грѣшили противъ строгой точности изложенія и отчеты самого Игельстрёма о его свиданіяхъ. О послѣднемъ писалъ онъ второпяхъ, спѣша отправкою курьера, и самъ признавалъ, что въ письмѣ царитъ можетъ быть непростительный безпорядокъ (il règne dans ma lettre une confusion impardonnable peut-être). Дѣйствительно поспѣшность была велика: не успѣлъ онъ запечатать своего донесенія, какъ отъ Армфельта летѣла новая записка:

«Умоляю ваше пр во дать курьеру самыя настоятельныя приказанія торопиться. Боюсь нетерпѣнія и желаю общаго блага; но не могу льстить себя такою надеждою если дѣло затянется; причины имѣлъ уже честь сообщить.» Вмѣстѣ съ этой запиской возвратилось Игельстрёму и письмо, отосланное имъ наканунѣ вечеромъ обратно черезъ Сталя. Новую присылку его Армфельтъ оправдывалъ тѣмъ, что письмо было писано въ присутствіи короля, или вѣрнѣе имъ продиктовано, и нельзя было его не отправить. Но контръ-проекта мирныхъ условій не было возвращено: самъ Армфельтъ находилъ ихъ неисполнимыми и даже обидными (choquants) для Россіи [1].

---

[1]) Гр. Салтыковъ входилъ въ виды обоихъ уполномоченныхъ и также торопилъ. Вотъ что писалъ онъ гр. Безбородко 24-го іюля изъ Выборга (св. 11, л. 252): «Вотъ какая неожиданная перемѣна сдѣлалась у нашихъ министровъ и мнѣ кажется, что они весьма алчно хотятъ мира, но какъ жиды, что нибудь да выклянчить думаютъ; но кажется ни спня волоса отдавать не можно, а впрочемъ воля Государыни, что она изволитъ, то и будетъ; я спѣшу къ вамъ посылать курьера и не прогнѣвайтесь, м. г. м., что велѣлъ васъ разбудить, потому что вчерашнее Игельстрёмово письмо совсѣмъ противное первому и послѣднему сему было, почему и другія расположенія были можетъ взяты, или готовились взять. Я здѣсь оставшись, думалъ видѣть Игельстрёма сегодня здѣсь, да и ѣхать въ Фридрихсгамъ, а теперь подожду что будетъ, въ противномъ же случаѣ не упущу, и не опоздаю тутъ быть гдѣ должно.»

Императрица отнеслась съ обычнымъ недовѣріемъ ко всѣмъ искреннимъ повидимому увѣреніямъ Армфельта. Она поспѣшила поэтому въ отдѣльномъ неофиціальномъ письмѣ отъ 25-го іюля открыть глаза своему уполномоченному.

«Изъ вашихъ писемъ гр. Салтыкову я вижу, что вы поступили какъ благородный и прямодушный рыцарь въ переговорахъ вашихъ съ г. Армфельтомъ. Это прямодушіе побудило васъ съ негодованіемъ отвергнуть нелѣпыя и постыдныя предложенія, сдѣланныя намъ королемъ шведскимъ и его наперстникомъ, и вы очень хорошо поступили. Не смотря на то они вновь завязали переговоры, и вновь норовятъ обмануть насъ. Все это дѣлается для того, чтобы притворными мирными соглашеніями отвести глаза своимъ собственнымъ людямъ, желающимъ мира; въ сущности они имѣютъ въ немъ нужду. У короля есть при этомъ другая цѣль—вытянуть денегъ отъ тѣхъ, кто ихъ ему даетъ, угрожая отдѣльными съ нами переговорами если тѣ не удовлетворятъ его надобности и жадности. Мнѣ хотятъ продать этотъ миръ или за деньги, или за пожертвованія, или же обманувъ пустыми словами, которыя можно было бы истолковать потомъ какъ угодно. Все это цѣлая ткань ухищреній, въ которыхъ всего есть, кромѣ прямоты и сердечности. Итакъ очень остерегитесь, чтобы не попасть въ обманъ и продолжайте дѣйствовать такъ какъ вы начали,—съ вашими прирожденными откровенностью и вѣжливостью, и заставьте ихъ принять нашъ проектъ, или прервите эти разговоры, которые не привели бы меня ни къ чему.»

Екатерина была раздражена и къ приведенному письму, очевидно ею продиктованному, приписала еще собственноручно: «У этихъ ребятъ есть еще конекъ: имъ очень хотѣлось бы сказать, что предписываютъ намъ законы. Мнѣ очень нравится этотъ трехдневный срокъ, который милостиво даютъ намъ на отвѣтъ. Подумаешь, что король диктовалъ его опьяненный; только не славою, а виномъ [1]).

---

[1]) Св. 13 лист. 67. Copie de la lettre de S. M. l'Imp. au Lieut. Général Baron d'Igelström en date de Czarskoye Selo le 25 Juillet 1790. Прил. № 31. Напечатано и въ Русск. Старинѣ за 1876 г., въ статьѣ г. Шильдера, Екатерина II, стр. 428.

Раздраженіе переходило границы выражалось и прямо несправедливостью: изъ всего хода объясненій Армфельта ясно, что трехдневнаго срока онъ не предписывалъ, а просилъ, въ заботѣ чтобы промедленіе не повліяло вредно на его вспыльчиваго и необузданнаго государя.

Поддавшись увлеченію этою новою вспышкою непріязни къ своему врагу-родственнику и постоянно подозрѣвая его искренность, что впрочемъ далеко не было безосновательно Екатерина припомнила разные эпизоды послѣдней фазы переговоровъ съ Густавомъ. Она нашла новую пищу своимъ подозрѣніямъ, и поспѣшила сообщить о нихъ Игельстрёму другимъ письмомъ, посланнымъ въ тотъ же богатый указами день 25-го іюля.

«Въ одномъ изъ писемъ барона Армфельта я замѣтила одно выраженіе, которое мнѣ пришло теперь на умъ. Между всякой болтовней онъ говоритъ, что король желалъ бы сойтись со мной на прежнюю ногу. Эта идея можетъ внушить ему другую, именно явиться сюда такъ или иначе, смотря по мѣрѣ смѣлости и свойственной ему взбалмошности. Онъ имѣлъ уже такую мысль въ первую кампанію, когда армія его не захотѣла ему повиноваться. Поэтому вы хорошо сдѣлаете если скажете Армфельту какъ бы къ слову, что у насъ вообще ничто не считается столь ненавистнымъ и отвратительнымъ какъ вѣроломство и неблагодарность, и что если бы подобная приведенной мысль забрела въ голову его августѣйшаго господина, то вы совѣтуете ему, Армфельту, отклонить ея исполненіе, потому что оно не осуществится. Кромѣ того вы прикажете на всѣхъ постахъ быть очень насторожѣ и не пропускать съ непріятельской стороны ни души, безъ предварительнаго приказанія» [1]).

Трудно сказать, что собственно руководило Императрицей, когда она писала эти строки. Явились ли онѣ изъ опасенія, что Густавъ можетъ затѣять нападеніе на Петербургъ, или по крайней мѣрѣ на ближайшія его окрестности по Финскому заливу, о чемъ онъ хвастливо мечталъ въ началѣ войны. Къ этому

---

[1]) Copie de la lettre de S. M. l'Imp. au Baron d'Igelström en date du 25 Juillet. Прилож. № 32.

могла поощрить одержанная 28-го іюня побѣда надъ русскимъ галернымъ флотомъ. Или же то былъ голосъ непріязни и даже отвращенія, недопускавшій и мысли личнаго, хотя бы дружественнаго свиданія съ человѣкомъ столь ненавистнымъ. Было ли то наконецъ опасеніе какого-нибудь личнаго посягательства на ея особу? Вообще это письмо представляетъ нѣкоторую загадку, изъ которой съ достаточною основательностью можно вывести развѣ то заключеніе, что Екатерина не была свободна отъ нѣкотораго чувства страха передъ своимъ родственникомъ, страха настолько сильнаго, что не могла его побѣдить, и выдавала лицу совсѣмъ даже ей не близкому, каковъ былъ Игельстрёмъ.

Давъ такія конфиденціальныя инструкціи, и исходя изъ тѣхъ же опасеній обмана со стороны Густава, Императрица въ тотъ же день послала главнокомандующему одинъ за другимъ два указа, побуждая сидѣвшаго все еще въ Выборгѣ и иронизировавшаго болѣе чѣмъ дѣлавшаго дѣло генерала къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ. Первый изъ нихъ былъ уже упомянутъ выше; во второмъ, написанномъ очевидно по полученіи самыхъ послѣднихъ извѣстій, говорилось:

«Хотя мы все возможное для мира дѣлаемъ, но конечно изъ того ничто не выдетъ безъ дѣйствій, по причинѣ высомѣрія и коварства короля шведскаго; вслѣдствіе сего нужно, чтобы вы непремѣнно поспѣшили прибытіемъ вашимъ въ Фридрихсгамъ, соглашеніемъ въ дѣйствіяхъ галернаго флота и сухопутной арміи предлежащихъ, и самымъ начатіемъ оныхъ, возложа надежду на помощь Божію, справедливость стороны нашей и добрую волю, соединенную съ мужествомъ воинства нашего» [1]).

Но, требуя поддержки военною рукою, Императрица не дѣлала дальнѣйшихъ уступокъ въ мирныхъ условіяхъ. Фраза: «все возможное для мира дѣлаемъ»—не могла быть поставлена въ укоръ Екатеринѣ. Вся податливость ограничивалась умолчаніемъ о прежнихъ трактатахъ. Разсмотрѣвъ присланные Игель-

---

[1]) Моск. Арх. М. Ин. Д. Шведск. камп. 1790., связ. 10, лист. 65—126. Прил. № 29.

стрёмомъ «пункты», переданные Армфельтомъ отчасти по волѣ короля, отчасти по собственнымъ соображеніямъ, Екатерина осталась въ существѣ на прежней почвѣ: никакого измѣненія границъ, и никакого посредства между нею и Турками. Рескриптъ данный въ тотъ же день, 25-го іюля, уже не Салтыкову, а прямо Игельстрёму, можетъ быть для выигранія времени, содержалъ слѣдующія инструкціи:

«Въ дополненіе преподаваемымъ вамъ наставленіямъ по негоціаціи вашей съ барономъ Армфельтомъ, за нужное признали мы предписать здѣсь: *первое*. Артикулъ второй мирнаго договора о границахъ вы можете распорядить и безъ упоминанія въ немъ Абовскаго трактата, а сказавъ только просто, что границы обѣихъ державъ имѣютъ навсегда остаться точно какъ до начатія настоящей войны онѣ были; но что касается до замѣнъ и прочаго, тутъ вносить не должно, а можете сослаться на артикулъ, которымъ полагается всякія по сосѣдству распоряженія предоставить когда оба двора послѣ мира обошлются взаимными посольствами. *Второе*. Артикулъ о салютѣ можно также переписать отъ слова до слова изъ Абовскаго договора, и не упоминая о семъ послѣднемъ, точно внести оный. *Третіе*. Срокъ шестидневный къ прекращенію военныхъ дѣйствій послѣ утвержденія мира положить ничто не препятствуетъ. *Четвертое*. Тринадцатый артикулъ изъ Абовскаго договора о выпускѣ хлѣба внести въ новый трактатъ можно, тѣмъ болѣе что сей выпускъ положенъ на случай урожаевъ, когда и безъ того хлѣбный торгъ всякими образы ободряется. *Пятое*. Напротивъ того двадцатый артикулъ о выдачѣ бѣглыхъ, кои впредь на обѣ стороны окажутся, неудобно отнюдь возобновлять, ибо сіе дало бы поводъ къ личнымъ спорамъ и затрудненіямъ. *Шестое*. Учиненное барономъ Армфельтомъ прибавленіе, относительно не вмѣшиванія во внутреннія дѣла, отнюдь не вмѣстно и не сходствуетъ съ достоинствомъ государей давать на себя такія обязательства, которыя и безъ того сами собой существуютъ; въ чемъ взаимная добрая вѣра обѣихъ державъ другъ друга обезпечивать долженствуетъ. *Седмое*. Предлагаемая королемъ шведскимъ медіація въ турецкой войнѣ такъ же невмѣстна, и къ отклоненію сего артикула вы можете

учредить отзывы ваши на основаніи отвѣта вицеканцлеромъ нашимъ къ королю шведскому по волѣ нашей посылаемаго на письмо его, съ котораго копію вамъ сообщаемъ. Учредя мирный договоръ на такомъ точно положеніи, старайтеся привесть оный къ концу; а при упорствѣ и новыхъ затрудненіяхъ или затѣяхъ объявите барону Армфельту, что вы имѣете точное наше повелѣніе прервать вашу негоціацію и къ воинской командѣ отправиться.»

Это былъ оффиціальный текстъ рескрипта. Императрица нашла нужнымъ усилить его послѣднія слова собственноручной припиской: «Если вопреки всему что я дѣлаю, чтобы ускорить миръ, король шведскій откажется къ нему приступить,—беру Небо во свидѣтели, что онъ будетъ одинъ отвѣтствовать въ имѣющей опять возобновиться рѣзнѣ» [1]).

Въ упомянутомъ письмѣ вице-канцлера гр. Остермана къ Густаву онъ убѣждалъ послѣдняго, что обязательства его по отношенію къ союзницѣ Турціи можно считать прекратившимися, въ виду того что Императрица готова заключить съ ней миръ, и предлагаетъ Портѣ справедливыя и крайне умѣренныя условія [2]). О томъ же Безбородко писалъ Игельстрёму при отправкѣ приведенныхъ рескриптовъ: «Наши кондиціи съ Портой извѣстны уже союзникамъ и въ той чертѣ, конечно, изъ коей нечего упускать (уступать). Судите же о чемъ шалунъ сосѣдъ нашъ заботится. Миръ будетъ и безъ его участія.» Относительно союзнаго и торговаго трактата, заключеніе коего Армфельтъ ставилъ въ

---

[1]) Тамъ же, св. 13, лист. 69. Рескриптъ писанъ по-русски, а приписка Императрицы по-французски, въ слѣдующихъ выраженіяхъ: Si malgré tout ce que je fais pour accélerer la paix le Roi de Suède se refusera à y accorder je prends le ciel à témoin qu'il sera le seul résponsable du nouveau carnage qui va recommencer.

[2]) Канцлеръ кн. Безбородко. Григоровичъ, т. II, стр. 76. Переписка Густава III и гр. Остермана началась письмомъ перваго къ послѣднему, посланнымъ съ нѣкіимъ Мюллеромъ при возвращеніи его изъ шведскаго плѣна. Въ письмѣ рѣчь шла о взятомъ Русскими въ плѣнъ молодомъ гр. Лёвенгельмѣ, и кромѣ того въ нѣсколькихъ словахъ Густавъ благодарилъ Остермана за его заботы о возстановленіи мира и жаловался на то, что письмо къ Гальвецу долго оставалось безъ отвѣта. G. M. Armfelt, т. I, стр. 368 и 380.

число условій, рескриптъ Императрицы прошелъ молчаніемъ; но въ письмѣ графа Безбородко рекомендовалось Игельстрёму «искуснымъ образомъ отвести его (Армфельта) къ тому, что подобныя связи, по обмѣнѣ пословъ взаимныхъ, удобнѣе распоряжены будутъ, какъ отчасти то въ актѣ и сказано.»

Всѣ бумаги отъ 25-го іюля, въ значительномъ числѣ скопившіяся, были отправлены съ чиновникомъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ, ассесоромъ Кудеромъ, которому поручено было помогать Игельстрёму по дипломатической части. При секретности мирныхъ соглашеній ему приданъ былъ характеръ обыкновеннаго курьера, но въ письмѣ Безбородко къ Игельстрёму предоставлялось оставить его при себѣ даже и въ томъ случаѣ, если бы теперь переговоры пресѣклись. Безбородко разсчитывалъ, что силою оружія или другими способами король «образумленъ будетъ» [1]. Отъѣздъ Кудера нѣсколько замедлился вслѣдствіе противорѣчивыхъ свѣдѣній, получавшихся о верельскихъ дѣлахъ, отчасти же можетъ быть и для того чтобы не исполнить желанія Армфельта о трехдневномъ срокѣ, которому Екатерина придавала характеръ заносчиваго требованія. Иначе трудно объяснить то, что спѣшныя бумаги, подписанныя ею 25-го, получены были Игельстрёмомъ только 28-го іюля. Впрочемъ это одна только догадка.

Переговоры возобновились тотчасъ же, но опять натолкнулись на сопротивленіе Густава. Вопросъ о границѣ устранялся; но на медіаціи съ Турціей король продолжалъ настаивать. Онъ требовалъ и включенія 20 ст. Абовскаго трактата о бѣглыхъ.

Извѣстіе объ этомъ новомъ затрудненіи уже не вызвало въ Царскомъ Селѣ никакихъ ни уступокъ, ни даже возраженій. «Мы дали сущій нашъ ультиматъ,—писала Императрица Игельстрёму 30-го іюля [2],—который теперь отъ него зависитъ принять и тѣмъ прекратить кровопролитіе, или же отвергнуть, и чрезъ то быть виновникомъ продолженія войны и всѣхъ неразрывныхъ бѣдствій». Поэтому Игельстрёму повторялось прежнее распоряженіе, въ слу-

---

[1]) Тамъ же (Канц. кн. Безбородко), стр. 77—78.

[2]) Моск. Арх. М. Ин. Д. Camp. Suèd. 1790. св. 13, лист. 72. Прил. № 34.

чаѣ несогласія Густава на послѣднія, предложенныя съ русской стороны условія, прервать переговоры и отправиться къ своему корпусу, «что и дѣйствительно исполнить не оставьте»—поясняла Императрица, въ устраненіе всякихъ сомнѣній. Желая впрочемъ избѣжать прискорбной крайности прекращенія переговоровъ, она предлагала своему уполномоченному не упустить «изъяснить, что ультиматъ нашъ былъ въ сущую ихъ пользу, ибо все что казалось имъ въ прежнихъ трактатахъ невыгоднымъ, тутъ выключено, а мы только что сохранили свои границы которыхъ ни для чего не перемѣнимъ. Дайте также, образомъ собственнаго вашего разсужденія, почувствовать ему что въ подобныхъ случаяхъ весьма легко быть можетъ, что послѣднія наши условія сочтены будутъ какъ бы и не были, и никто не отвѣчаетъ чтобы при дальнемъ ихъ упорствѣ могли толь выгодныя одержать кондиціи.»

III.

Миръ.

Одновременно на морѣ подготовлялось, какъ выше было сказано, нападеніе на шведскій гребной флотъ въ Роченсальмѣ. Съ этою цѣлью эскадра вице-адмирала Повалишина стояла уже у Гохланда въ полной готовности. При такомъ сближеніи ея съ непріятелемъ, принцъ Нассау не могъ откладывать долѣе атаки, ибо эскадра Повалишина не была настолько сильна, чтобы одна могла успѣшно противостоять всѣмъ непріятельскимъ силамъ въ томъ мѣстѣ собраннымъ. Поэтому Екатерина еще разъ, отъ 30-го іюля, нашла нужнымъ подтвердить Салтыкову, «ни мало не отлагать военныхъ дѣйствій, стараясь пользоваться всякими удобными къ тому способами». При этомъ главнокомандующему ставилось на видъ чтобы «не давать себя обманывать весьма неосновательною надеждою мира и что король шведскій ищетъ только выигрывать время затрудненіями при всей оказанной отъ насъ умѣренности.»

За этимъ рескриптомъ послѣдовалъ другой, отъ 1 го августа [1]), и наконецъ третій, отъ 4-го числа, все настоятельнѣе требовавшіе энергическихъ дѣйствій со стороны Салтыкова. Принцъ Нассау былъ извѣщенъ собственноручнымъ письмомъ Императрицы о данныхъ главнокомандующему приказаніяхъ ему содѣйствовать. «Если г-нъ Салтыковъ не исполнитъ того, что ему приказано,— онъ будетъ въ этомъ отвѣтственъ передо мной» [2]). Эскадра Повалишина между тѣмъ отъ Гохланда перешла къ Аспö, а затѣмъ явилась лавировать прямо въ виду Шведовъ. Чичаговъ продолжалъ запирать шведскій флотъ подъ Свеаборгомъ. Салтыковъ съ конца іюля переѣхалъ уже изъ Выборга въ Фридрихсгамъ и тѣмъ какъ бы давалъ понять, что предстоятъ рѣшительныя дѣйствія. Густавъ сперва еще стоялъ на своемъ, и одно время также думалъ, что переговоры порвутся [3]). Но потомъ все вмѣстѣ взятое

---

[1]) Прилож. № 35.

[2]) Je viens de recevoir votre lettre du 1 d'Aout avec ses annexes. Tandis que v. m'écriviez cette lettre, sous la même date j'ai envoyé au C-te Salticoff un ordre très précis de favoriser en tout point votre entreprise que j'ai approuvé et que je veux que ne soit ni empéché, ni détournée d'aucune façon. Ainsi je désire que v. ne vous laissiés point distraire par aucune tracasserie(s) de votre objet et que vous y portiés la prudence convenable à la réussite humainement à imaginer et qu'au reste vous en agissiés comme vous en êtes convenu et que je l'ai approuvé et ordonné. Si M-r Salticoff ne fera pas ce qui lui est ordonné par moi il en sera responsable devant moi. J'espére que Dieu bénira votre entreprise, ma confiance pour v. est toujours la même, je connais votre zèle, votre grand courage, votre activité et bonne volonté, c'est avec de telles dispositions qu'on vient à bout de vaincre et les obstacles et les contrariétés.—A Dieu, portés vour bien et soyés assuré de ma reconnaissance.—М. Арх. М. Ин. Д. Camp. Suèd. 1780, св. 9, лист. 76—43.

[3]) А. Г. Брикнеръ. Война Россіи съ Швеціей въ 1788—90 гг. Гл. XI. Mémoires de Stendingk, I, 280. Густавъ писалъ Стедипку 2 (13) августа :..nous approchons du moment de la paix, cependant hier elle était presque rompue de nouveau, mais il faut espérer que tout s'arrangera pour le mieux (...мы приближаемся къ моменту мира, хотя еще вчера казалось, что онъ порвется снова; нужно однако надѣяться, что все устроится наилучшимъ образомъ). Игельстрёмъ въ письмѣ къ Армфельту (полученномъ 13 (2) августа вечеромъ) тоже писалъ: «je regarde donc nos conférences comme rompues». Tegnèr, стр. 381.

очевидно повліяло на его упорство, и дѣло мира было наконецъ завершено.

Нельзя сказать съ точностью, что собственно дало окончательный толчокъ рѣшимости Густава покончить съ этой войной, много стоившей и ничего пока не давшей. Но по временамъ онъ, можно сказать, страстно желалъ мира [1]). Слухи о томъ, что Россія готовится заключить миръ съ Турціей, не могли остаться безъ вліянія. Военное положеніе Екатерины противъ Густава было внушительно; онъ былъ угрожаемъ подъ Роченсальмомъ съ трехъ сторонъ: съ суши—Салтыковымъ и на морѣ—кораблями Повалишина и принца Нассау. Печальный урокъ 28-го побуждалъ думать, что Русскіе не впадутъ въ прежнія ошибки, и успѣхъ останется за ними. Безъ сомнѣнія и дружескія внушенія, сдѣланныя Армфельту «образомъ собственнаго разсужденія», не могли остаться безъ результата: надежда на возвращеніе Густаву дружбы Екатерины, а съ нею и на устройство личныхъ его дѣлъ, въ которыхъ большіе частные долги были на первомъ планѣ, играла вѣроятно не послѣднюю роль.

3 (14) августа въ Вереле состоялось первое и единственное оффиціальное засѣданіе уполномоченныхъ, и на немъ окончательно подписаны мирныя условія, согласно послѣдне предложеннымъ Екатериною пунктамъ. Съ русской стороны нашли возможнымъ пренебречь нѣкоторыми формальностями, лишь бы дѣло не легло вновь въ долгій ящикъ. Полномочіе шведское признано достаточнымъ, хотя утверждено было лишь малою королевскою печатью. Оно должно было быть замѣнено другимъ за большою печатью, въ чемъ Армфельтъ и далъ особую подписку. Обмѣнъ ратификацій, назначенный не далѣе шести дней, обставленъ былъ также уступками въ формальностяхъ: Шведамъ предоставлялось утвердить ратификацію даже вовсе безъ печати, притомъ и писать не

---

[1]) Въ одномъ письмѣ къ Армфельту, впрочемъ болѣе раннемъ, онъ писалъ: «я такъ горячо жажду мира, что за исключеніемъ пункта о выдачѣ бунтовщиковъ и всего что касается до вмѣшательства Россіи во внутреннія дѣла моего государства, я готовъ удовольствоваться отвратительной границей, какую мы имѣемъ.—Tegnèr.

на пергаментѣ, если бы таковаго не оказалось «по лагерному пребыванію» [1]).

Мирный договоръ теперь заключенный отличался отъ договоровъ Петра и Елизаветы значительною краткостью: въ немъ было всего 8, большею частью несложныхъ, пунктовъ [2]). Первый—о возстановленіи вѣчнаго мира и о прекращеніи военныхъ дѣйствій; второй и третій—объ оставленіи границъ какъ до войны было, и о возвращеніи того, что въ продолженіе ея могло быть занято; четвертый—о размѣнѣ плѣнныхъ безъ выкупа; пятый—о салютахъ; шестой—о вывозѣ на 50.000 руб. хлѣба безпошлинно; седьмой—о разсмотрѣніи недоговоренныхъ окончательно предметовъ чрезъ посредство пословъ или полномочныхъ министровъ, и восьмой—о размѣнѣ ратификацій въ 6 дней или прежде если возможно. Предполагаютъ, что былъ еще сепаратный пунктъ о субсидіи Густаву; но документальнаго о немъ ничего нѣтъ, имѣющіяся же свѣдѣнія будутъ указаны ниже.

Извѣстіе о мирѣ было получено въ Петербургѣ 5-го августа на разсвѣтѣ [3]). Почти одновременно доставлено собственноручное письмо короля шведскаго къ Императрицѣ съ просьбою возвратить ему ея дружбу, и забыть войну какъ миновавшую грозу [4]). Въ тотъ же день посланы указы, коими объявлялось о заключеніи мира и повелѣвалось пресѣчь всѣ военныя дѣйствія на водахъ и твердой землѣ. Ратификація послѣдовала на другой день, 6-го августа; 11-го привезена шведская ратификація, а 13-го числа подписанъ манифестъ съ объявленіемъ о мирѣ. 6-го же числа гр. Безбородко отправилъ Игельстрёму ратификованный договоръ и возвратилъ полномочія Армфельта и его росписку. Тогда же отправлены къ нему и подарки для шведскаго уполномоченнаго, его сотрудниковъ и свиты. Императрица была рада состоявшемуся, наконецъ, миру. «Съ какимъ удовольствіемъ,—писала она Игельстрёму подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ [5]),—получили мы до-

[1]) Н. И. Григоровичъ. Канцлеръ кн. Безбородко, т. II, стр. 79.

[2]) Прилож. № 43.

[3]) Дневникъ Храповицкаго подъ этимъ числомъ.

[4]) Ibid. подъ 6-мъ августа.

[5]) Прилож. № 37.

несеніе ваше о заключеніи мира съ королемъ шведскимъ, вы можете судить по извѣстному нашему миролюбію и искреннему желанію дабы пролитіе крови человѣческой прекращено, тишина и спокойствіе въ пользу вѣрныхъ нашихъ подданныхъ возстановлено было. Производя дѣяніе на васъ возложенное образомъ благоразумнымъ и окончивъ оное счастливо, вы пріобрѣли себѣ особливое наше благоволеніе.» Говоря затѣмъ объ отсылкѣ ратификованнаго договора и о предстоящихъ по обычаю обоюдныхъ подаркахъ, Екатерина предоставила Игельстрёму и его свитѣ принять пожалованія короля шведскаго. Что же касается до подарковъ отъ нея, «то вы—продолжала она—барону Армфельту при надлежащемъ отъ имени нашего привѣтствіи о знаменитой заслугѣ, которую онъ и собственнымъ его государю и отечеству и роду человѣческому оказалъ, споспѣшествовавъ прекращенію военныхъ бѣдствій, вручите, какъ обыкновенный подарокъ, табакерку съ портретомъ нашимъ и 3.000 червонныхъ, да на его свиту 1.000 червонныхъ; сверхъ того королевскому секретарю Эренштрему 500, а по усмотрѣнію вашему хотя и 1.000 червонныхъ; также раздайте имъ разныя вещи изъ доставляемыхъ при семъ по описи». По этой описи, удостовѣренной графомъ Безбородко, отослано 13 табакерокъ, 15 брилліантовыхъ перстней и четверо часовъ. Для Армфельта назначена табакерка «вся брилліантами убрана»—цѣны ей не показано. Изъ прочихъ подарковъ—одной табакеркѣ и тремъ перстнямъ, назначеннымъ для русскихъ офицеровъ, также не показана цѣнность. Стоимость прочихъ вещей составляла въ общей сложности 32.090 р. [1]). Но цѣна вещей не должна была быть извѣстна награжденнымъ Шведамъ [2]).

---

[1]) Остальныя табакерки были цѣною: 6 штукъ отъ 2.400 до 1.150 р. и 5—отъ 900 до 600 р.; восемь перстней оцѣнены отъ 2.250 до 1.000 р. и четыре отъ 800 до 500 р.; часы отъ 1.800 до 350 р. Въ числѣ жалуемыхъ Шведовъ указаны Императрицею генералъ-маіоръ де-Пауль и полковые командиры Ливенъ и Егергорнъ. Указъ Игельстрёму 6-го августа № 708. Журн. Выс. пов.

[2]) При отдачѣ господамъ шведскимъ чиновникамъ подарковъ,—писалъ гр. Безбородко Игельстрёму,—я прошу в. пр-во приказать вынуть ярлыки, чтобы они отнюдь не знали цѣны вещей. Григоровичъ, Кн. Кочубей.

Этимъ щедрость Императрицы не ограничилась. Особымъ, секретнымъ указомъ отъ того же 6-го августа, Игельстрёму поручалось узнать расположеніе Армфельта на счетъ почетной награды, «и ежели онъ желаетъ получить первый нашъ орденъ св. апостола Андрея, то и вручить ему оный отъ имени нашего.» Вниманіе Императрицы къ этому своему негласному помощнику шло впрочемъ много дальше. Отъ упомянутыхъ выше намековъ Игельстрёма на то, что она не останется неблагодарна къ трудамъ и заботамъ Армфельта въ общемъ ихъ дѣлѣ, Екатерина не отступилась. «За благо приняли мы все,—писала она Игельстрёму,—что вы барону Армфельту сказали въ побужденіе его стараться о возстановленіи мира и въ обнадеживаніе о нашемъ благопризнаніи къ его трудамъ.» Поэтому она повелѣвала при размѣнѣ ратификацій, кромѣ упомянутыхъ андреевскихъ орденскихъ знаковъ, табакерки съ портретомъ и 3.000 червонныхъ назначенныхъ для Армфельта, «особенно предложить ему десять тысячъ червонныхъ, на которыя и вексель съ симъ посылается, дабы вы, есть-ли онъ принять ихъ согласится, могли ему вручить» [1]).

Вся эта секретная переписка о векселѣ не на малую сумму, сверхъ крупныхъ наградъ гласно пожалованныхъ, могла бы накинуть нѣкоторую тѣнь сомнѣнія на патріотичность дѣйствій шведскаго генерала. Въ избѣжаніе этого Екатерина поспѣшила, одновременно съ посылкою векселя, предупредить Игельстрёма: «Надлежитъ однако же наблюсти тутъ полную со стороны его

---

[1]) Съ этимъ векселемъ произошло, однако, неловкое затрудненіе. Онъ былъ написанъ на Амстердамъ, на имя Гоппе и К° отъ русскаго придворнаго банкира, барона Сутерланда. Но въ особомъ письмѣ къ Игельстрёму отъ того же 6-го августа, гр. Безбородко предлагалъ объявить Армфельту, что онъ можетъ адресовать вексель къ стокгольмскому банкиру Шону, который занимался дѣлами русскихъ прежде по выдачѣ миссіи жалованья, а теперь по надобностямъ плѣнныхъ; впрочемъ, Армфельтъ могъ избрать и «другой каналъ» если бы того пожелалъ. Но въ отправленномъ векселѣ, за болѣзнію Сутерланда, «учинилась ошибка»: онъ не былъ андоссированъ Безбородко. Поэтому пришлось вексель истребовать обратно, для замѣны его другимъ, писаннымъ на предъявителя. Н. И. Григоровичъ, Канцлеръ кн. Безбородко, т. II, стр. 79.

(Армфельта) деликатность, дабы сіе не имѣло вида будто онъ подкупленъ былъ, хотя и всякъ признаетъ, что онъ королю и коронѣ шведской превеликую оказалъ услугу, ибо они конечно имѣли большую нужду въ мирѣ» [1]).

Подобнымъ же образомъ, т. е. помимо оффиціальнаго, или, какъ сказано въ указѣ, публичнаго подарка, Игельстрёму предоставлено было «дать секретно деньгами тысячу червонныхъ» и подполковнику Розенштейну, адъютанту короля, находившемуся при веденіи переговоровъ.

Если удовольствіе Екатерины выразилось щедростью къ шведамъ, то не менѣе одарены были и русскіе ея сотрудники. 8-го сентября состоялось оффиціальное празднованіе Верельскаго мира, и въ этотъ день съ высоты трона широкой рѣкой излились милости и награжденія. Ошибки и все темное было забыто, остался одинъ общій свѣтлый фонъ радости. Ближайшій дѣятель по заключенію мира, баронъ Игельстрёмъ, пожалованъ генералъ-аншефскимъ чиномъ, богатою шпагою и похвальной грамотой [2]). Оба главнокомандующіе въ теченіе войны, графы Мусинъ-Пушкинъ и Салтыковъ, какъ ни малы были успѣхи ими достигнутые, удостоились орденовъ Андрея Первозваннаго и богатыхъ бриллiантовыхъ шпагъ. Побѣдитель при Ревелѣ и въ Выборгскомъ заливѣ, престарѣлый Чичаговъ, получившій уже въ одну кампанію орденъ св. Андрея, орденъ св. Георгія 1-го класса и 3.805 душъ крестьянъ потомственно, — пожалованъ теперь также богатою бриллiантовой шпагой, похвальной грамотой и серебрянымъ сервизомъ. Побѣдитель и затѣмъ разбитый на голову при Роченсальмѣ, принцъ Нассау-Зигенъ, награжденъ богатой шпагой и также сервизомъ. Не забытъ и виновникъ первой и важной побѣды при Готландѣ, побѣды уже въ началѣ войны разрушившей всѣ планы Густава, спавшій теперь во гробѣ, адмиралъ Грейгъ:

---

[1]) Моск. Главн. Арх. Camp. Suèdoise 1790. Связк. 13, лист. 79. Прил. № 36.

[2]) Н. И. Григоровичъ въ своемъ сочиненіи Канцлеръ кн. Безбородко, т. II, стр. 81, на основаніи бумагъ Игельстрёма, говоритъ о пожалованіи Игельстрёму также и ордена Св. Андрея Первозваннаго; но въ перечнѣ наградъ—этой не значится. Вѣроятно она дана особо ранѣе.

въ память его дѣйствительно достойныхъ заслугъ выбита медаль съ его изображеніемъ. Адмиралъ Крузе, защищавшій близъ Сескара Кронштадтъ и Петербургъ отъ нападенія шведской эскадры, получилъ богатую бриллiантовую шпагу и въ потомственное владѣніе 15 гаковъ земли. Вице-адмиралу Повалишину даны бриллiантовая шпага и 600 душъ въ Бѣлоруссіи потомственно. Михельсону—бриллiанты на Александровскіе знаки. Нумсену—знаки этого ордена и бриллiантовая шпага. Не перечисляя всѣхъ другихъ милостей, упомянемъ что ближайшій сотрудникъ Императрицы, гр. Безбородко, пожалованъ чиномъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника, чѣмъ онъ былъ очень доволенъ, такъ какъ пожалованіе состоялось много ранѣе обычнаго срока для производства въ этотъ столь высокій тогда чинъ. Вице-канцлеръ гр. Остерманъ удостоился богатой табакерки съ портретомъ и перстня. Не забыты были и нижніе чины: всѣ увѣчные отъ ранъ получили въ пенсію полное жалованье. Флоту, который въ эту войну наиболѣе дѣйствовалъ и страдалъ, отдано причитающееся за баталію и призы вознагражденіе, составлявшее въ сложности болѣе 800.000 руб.

Король Густавъ не позаботился любезно отвѣтить Императрицѣ на милости, даже оффиціально столь широко оказанныя его подданнымъ. Если стѣсненныя средства не позволяли ему дѣлать цѣнныхъ награжденій, то онъ могъ замѣнить ихъ по крайней мѣрѣ почетными отличiями высшихъ степеней. Но и этого далеко не было. Въ Петербургѣ ожидали, что на пожалованіе барону Армфельту перваго русскаго ордена Андрея Игельстрёму предложатъ изъ Стокгольма высшій же орденъ Серафимовъ, который и предоставили принять. Густавъ ограничился, однако, обыкновеннымъ посольскимъ подаркомъ и своимъ портретомъ [1]).

---

[1]) Этому, впрочемъ, нечего удивляться. За три мѣсяца предъ тѣмъ, запертый въ Выборгскомъ заливѣ Густавъ, какъ выше упомянуто, вытребовалъ къ себѣ на яхту двухъ пасторовъ Березовой кирки и удержалъ ихъ довольно долго, къ немалому испугу ихъ женъ. Отпуская, король одарилъ духовныхъ особъ по бутылкѣ краснаго вина, а женамъ ихъ, въ успокоеніе безпокойства пожаловалъ.... по апельсину. Показаніе пастора Виренiуса. Моск. Гл. Арх. Camp. Suèd. 1790.

Празднества въ Петербургѣ по случаю Верельскаго мира, начавшись 8-го сентября, кончились только 23-го числа. Тутъ были и торжественныя богослуженія, и смотры войскамъ и флоту, и публичныя аудіенціи на тронѣ Сенату, балы, обѣды и маскарады, бросаніе жетоновъ и народные праздники съ жареными быками и фонтанами вина, иллюминаціи и фейерверки и пр. На аудіенціи Сенату оберъ-прокуроръ Неклюдовъ говорилъ Императрицѣ, возсѣдавшей на тронѣ, похвальное слово.

Ликованіе было большое; но находились люди, которые и тогда уже относились болѣе трезво и даже строго къ вещамъ, и видѣли недостатки только-что отпразднованнаго мира. Главнѣйшій изъ нихъ—полное умолчаніе о прежнихъ трактатахъ—былъ уже въ своемъ мѣстѣ указанъ. Къ нему присоединилось упущенное въ Верельскомъ договорѣ требованіе удаленія шведскихъ офицеровъ изъ турецкой арміи. Упущено еще болѣе важное требованіе разоруженія Швеціи; безъ него Россія должна была оставаться готовою на всякія случайности, тѣмъ болѣе что нѣкоторыя оффиціальныя лица Швеціи давали понять непродолжительность заключеннаго мира и скорое начало новой войны [1]). Нѣкоторые вопросы, какъ напр. объ исправленіи границъ, о торговомъ договорѣ, объ участіи въ денежныхъ дѣлахъ Густава, отложенные до назначенія пословъ, могли грозить большими осложненіями. Вопросъ о субсидіи Густаву остается доселѣ невыясненнымъ По слухамъ Екатерина выдала ему негласно 2 милліона. Вицеканцлеръ гр. Остерманъ возражалъ противъ субсидіи; Игельстрёмъ напротивъ былъ за нее, находя основательнѣе выдать даже 4 милліона, чѣмъ потратить впятеро болѣе на вооруженіе, притомъ что входъ въ Балтійское море былъ свободенъ за полнымъ почти отклоненіемъ Даніи отъ союза съ Россіею. Игельстрёмъ писалъ въ этомъ смыслѣ кн. Потемкину, очевидно домогаясь его поддержки. Вообще думали тогда, что Игельстрёмъ во время переговоровъ обѣщалъ больше того что слѣдовало [2]). Есть

[1]) Министръ Швеціи въ Варшавѣ, Энгстремъ. См. Григоровичъ, т. II, стр. 82. Дневн. Храповицкаго подъ 2-мъ февр. 1791 г.

[2]) Григоровичъ, Канцл. кн. Безбородко.

указанія довольно опредѣленныя, что Густаву дали 500.000 р. [1]), но что онъ просилъ по-прежнему 3 милл., и даже до 4 милліон., именно на 8 лѣтъ по 500.000 р. ежегодно; но окончательно согласился на 300.000, по опредѣленному курсу 40 стив. за рубль въ продолженіе того же 8-ми-лѣтняго срока. Объ этомъ состоялось соглашеніе позднѣе, въ 1791 г., когда заключенъ былъ въ Дротнингольмѣ союзный договоръ. Нѣкоторыя изъ этихъ свѣдѣній шли изъ источника на столько близкаго къ Императрицѣ, какъ ея секретарь, что не довѣрять имъ нѣтъ возможности. Другіе почерпались изъ слуховъ, что свидѣтельствовало, что переговоры о субсидіи не смотря на свою секретность, не были вовсе тайною.

Естественно, что при условіяхъ того времени нельзя было ожидать, чтобы заключенный трактатъ подвергся болѣе или менѣе критическому разбору въ печати. Но толкуемый на всѣ лады въ частныхъ кружкахъ, онъ не могъ не быть обсуждаемъ, а вѣроятно и осуждаемъ, за упомянутыя выше немаловажныя слабыя стороны, и чѣмъ оффиціальныя похвалы были громче, тѣмъ осужденіе было упорнѣе. Очень рельефное понятіе объ этихъ сужденіяхъ представляетъ собой написанный тогда же княземъ М. М. Щербатовымъ «Отвѣтъ гражданина на рѣчь, говоренную оберъ-прокуроромъ Неклюдовымъ», какъ вышеупомянуто, въ торжественномъ собраніи сената [2]). Рѣчь эта была полна превыспреннихъ похвалъ Екатеринѣ, похвалъ настолько громкихъ, что ими въ нѣкоторой мѣрѣ даже оставлялись въ тѣни дѣянія Петра. Упоминался и невыгодный Прутскій договоръ его, заключенный въ тяжелую минуту. Въ нѣкоторую, хотя и косвенную, антитезу съ нимъ ставился только что заключенный договоръ.—«Все сіе царствующая Екатерина—вѣщалъ ораторъ,—одна исполнила и свои безсмертныя дѣла отнесла къ твоимъ (Петра) начинаніямъ.... Что же больше желать или сотворить? Не се ли безсмертіе?»

---

[1]) Дневникъ Храповицкаго 1791 мая 13-го, 3-го и 27-го іюля, 1-го и 21-го октября.

[2]) Собственно рѣчь Неклюдова была только произнесена имъ, а написана по свидѣтельству записокъ Державина, гр. Завадовскимъ (стр. 300 — 301). См. у А. Г. Брикнера: Война Россіи съ Швеціей въ 1788—90 гг. гл. XI.

Кн. Щербатовъ отвѣчалъ ему: «Къ тебѣ пишу вѣщуну отъ народа, не знающему кто ты и что будешь вѣщать? Зачѣмъ ты и въ хвалахъ твоихъ дерзнулъ основателя всего просвѣщенія Россіи, перваго содѣтеля нынѣшней ея славы и какая когда можетъ въ будущія времена случиться, ругательнымъ образомъ сравнивать съ сѣдящею на престолѣ Императрицею? Зачѣмъ ты, хотя принести лестный фиміамъ, вредъ самой славѣ сей Императрицы содѣлалъ; ибо самый чинъ твой, самое установленіе, въ подобныхъ случаяхъ благодаренія, есть дѣяніе Петра Великаго, а ты, дерзая охулять предсѣдящей на престолѣ содѣтеля всего сего, не ясно ли изъявилъ что лесть, а не искренность говорила, и что ты не болѣе ей самой вѣренъ, какъ тому, кто установилъ чинъ твой.»

Желающимъ ознакомиться съ возраженіемъ Щербатова въ подробности, рекомендуемъ обратиться къ III тому Чтеній Моск. Общ. Исторіи и Древностей 1860 г.; здѣсь же приведемъ лишь отрывокъ, въ которомъ кн. Щербатовъ весьма сильно, но довольно вѣрно высказался о дѣйствительномъ значеніи Верельскаго мира. Имъ и заключимъ обзоръ этого событія.

«Но какъ вы любите сравненія, должны бы вы взглянуть на послѣдне заключенный миръ съ шведскимъ королемъ; нашли бы его и при умноженіи силы Россіи и при одержанныхъ побѣдахъ едва ли не меньше ли выгоднымъ нежели Прутскій. Мы не уступили ничего, но и явили, что не могли укротить беззаконно начавшаго войну. Мы не уступили ничего своихъ земель, но лишилися права, означеннаго въ Нейштадтскомъ трактатѣ, защищать права и вольности Швеціи. Заключили мы миръ съ королемъ шведскимъ не упоминая ни о какихъ прежде бывшихъ трактатахъ; убо оставили въ неподлинности всѣ другія обязательства, связующія насъ съ Швеціей. Мы тщетно по старобытности границы утвердили; изодравъ крѣпости оставили ему пространное поле ко всѣмъ требованіямъ, какія захватцовый и вѣроломный человѣкъ имѣть можетъ. Мы признали его самодержавнымъ или, лучше сказать, деспотомъ, а самымъ тѣмъ навели на себя опасность новой войны, которой при установленіи шведской вольности, при сенатѣ и народныхъ собраніяхъ мы не страшились. Мы заключили миръ не принудя его разоружить свой флотъ, ни ото-

звать своихъ офицеровъ, служащихъ у Турокъ; убо мы не пріобрѣли надлежащаго друга; побудили слабаго и предпріимчиваго врага какой новый вредный нечаянный ударъ произвести. Оставили его во всѣхъ его силахъ и союзникомъ враговъ нашихъ, а наложили на себя единственно тягость и убытокъ всегда вооруженнымъ быть противу друга, яко противу непріятеля.»

Дѣйствительно, прибавимъ отъ себя, на Императрицу Екатерину если не прямо, то косвенно падаетъ въ томъ доля отвѣтственности. Склониться на внушенія Спренгтпортена и допустить интриги и заигрыванія съ финляндцами было со стороны Екатерины большою ошибкою. Она несомнѣнно отозвалась на всемъ ходѣ шведской войны, а слѣдовательно и на Верельскомъ мирѣ.

ГЛАВА IX.

Баронъ Спренгтпортенъ.

I.

До переселенія въ Россію.

Въ предъидущемъ изложеніи имя Георга Магнуса Спренгтпортена упоминалось часто, а дѣятельность его оставила свой немалый отпечатокъ на Екатерининской шведской войнѣ. Но при Александрѣ I-мъ Спренгтпортенъ игралъ въ шведскихъ и особенно въ финляндскихъ дѣлахъ еще болѣе видную роль, чѣмъ при его бабкѣ, хотя и столь же мимолетную. Онъ былъ проводникъ идеи Боргоскаго сейма и его устроитель; его настойчивостью побѣждены колебанія Александра. Онъ былъ первымъ финляндскимъ генералъ-губернаторомъ. На русской службѣ этотъ шведскій выходецъ, приговоренный на родинѣ къ висѣлицѣ, достигъ высшаго военнаго чина генерала отъ инфантеріи и графскаго достоинства. Спренгтпортенъ пользовался извѣстнымъ почетомъ и значительными окладами, игралъ роль между русскими сановниками. Не подлежитъ сомнѣнію, что онъ заслуживаетъ извѣстнаго мѣста въ исторіи нашихъ отношеній къ Швеціи и Финляндіи, и непонятно почему русскія энциклопедическія изданія о немъ донынѣ умалчивали. Это несомнѣнно герой своего рода, хотя герой печальной памяти.

Извѣстный при Императорахъ Александрѣ I и Николаѣ, финляндскій статсъ-секретарь Робертъ Генрихъ Ребиндеръ, не осо-

бенно доброжелательный къ Спренгтпортену, въ мемуарахъ своихъ такъ его описываетъ [1]):

«Упорнаго характера, проницательный, быстрый въ заключеніяхъ, отважный до неразумія, энергическій, работящій, ни во что неставящій денежные интересы (?!), республиканецъ на словахъ, деспотъ въ душѣ, — таковъ былъ этотъ необыкновенный человѣкъ, созданный играть роль въ смутныя времена. Онъ не имѣлъ добродѣтелей, которыя бы сдѣлали изъ него Вашингтона, но въ республиканскомъ Римѣ онъ былъ бы Суллой. Если имя его не найдетъ себѣ мѣста рядомъ съ великими историческими именами и слава его не была европейскою, то это зависѣло отъ обстоятельствъ и отъ того, что сцена на которую судьба его поставила, не соотвѣтствовала его генію и талантамъ.»

Нѣкоторые другіе шведскіе и финскіе писатели относятся къ нему еще съ большимъ уваженіемъ и его прямо возвеличиваютъ. Въ «Военныхъ Коллекціяхъ», изданныхъ въ Стокгольмѣ еще въ 1798 г., напечатана статья о дѣятельности Спренгтпортена (переводъ ея находится въ мемуарахъ его, хранящихся въ Императорской публичной библіотекѣ въ С.-Петербургѣ). Въ предисловіи къ читателю нѣкій Sam. Möller, полковникъ и кавалеръ шведскаго ордена меча, указывая на эту статью уже въ 20-хъ годахъ нашего столѣтія, говоритъ: «изъ нея видно, что уваженіе къ заслугамъ графа Спренгтпортена никогда не умретъ въ его отечествѣ». Еще болѣе сдѣлалъ въ этомъ отношеніи глава нынѣшней финноманской партіи въ Финляндіи, извѣстный тамъ историкъ Коскиненъ, профессоръ гельсингфорскаго университета, нынѣ сенаторъ мѣстнаго сената съ именемъ Форсмана. Онъ явился не только краснорѣчивымъ апологетомъ Спренгтпортена, но распространителемъ восторженнаго взгляда на него въ средѣ финскаго народа помощью своего учебника исторіи для народныхъ школъ. «Величайшаго же торжества удостоилась память Спренгтпортена, говоритъ другой финскій писатель Тигерстедтъ [2]), когда на фин-

[1]) R. Castrèn. Skildringar ur Finlands nyare historia, стр. 248.

[2]) «Спренгпортенъ». Статья Я. К. Грота, въ «Журн. Мин. Народн. Просв.» Январь 1885 г.

ляндскомъ сеймѣ сословіе финскихъ крестьянъ чрезъ своихъ выборныхъ пріобрѣло въ вѣчную потомственную собственность означенный учебникъ: ибо понятно, что такимъ путемъ благоговѣніе и любовь къ Спренгтпортену будутъ все болѣе и болѣе укрѣпляться, и наконецъ вся нація (?) станетъ смотрѣть на него, какъ на своего истиннаго героя.»

Въ виду такихъ взглядовъ и отзывовъ кажется естественно въ описаніи, имѣющемъ цѣлью ознакомить съ главными фактами, сопровождавшими включеніе Финляндіи въ составъ Россіи, удѣлить мѣсто ближайшему ознакомленію со столь значительнымъ факторомъ, какимъ былъ Спренгтпортенъ [1]).

Георгъ Магнусъ родился 16-го августа 1741 г. [2]) въ Финляндіи. Отецъ его Магнусъ Спренгтпортенъ, маіоръ нюландскихъ драгунъ, слѣдуя подъ знаменами Карла XII пріобрѣлъ, по словамъ нашего героя, болѣе славы нежели состоянія. Онъ разсчитывалъ увеличить его, женившись вторымъ бракомъ на баронессѣ Элизѣ Эльфспарре (матери Георга), но и тутъ ошибся въ разсчетѣ, «получивъ въ приданое лишь знаменитое имя, украшенное двѣнадцативѣковою древностью и добродѣтелями». Впрочемъ, при другомъ случаѣ, именно въ мемуарѣ представленномъ Императору Павлу въ 1798 г., Спренгтпортенъ говоритъ объ этомъ обстоятельствѣ совсѣмъ иначе: «Мой отецъ со второй женитьбой нашелъ средства поправить свое состояніе, съ которымъ и уѣхалъ водвориться въ Финляндіи.» По словамъ автобіографіи, денежныя дѣла отца были тѣмъ въ большемъ безпорядкѣ, что взятый въ великую Сѣверную войну въ плѣнъ, онъ провелъ 14 лѣтъ въ Тобольскѣ забытый и покинутый. По возвращеніи изъ плѣна и по совершеніи брака, едва успѣлъ онъ начать немного приводить

[1]) Нижеслѣдующій біографическій очеркъ Спренгтпортена былъ напечатанъ, съ нѣкоторыми измѣненіями, въ «Русскомъ Архивѣ» за 1887 г. № 4. Онъ основанъ большею частью на неизданныхъ документахъ.

[2]) Въ упомянутой статьѣ Мёллера, также какъ и у Я. К. Грота, рожденіе Спренгтпортена отнесено къ 1740 г. Приведенная цифра взята изъ собственноручныхъ мемуаровъ его, хранящихся въ Публичной библіотекѣ. На нихъ основана и ближайшая часть разсказа.

въ порядокъ свои дѣла, какъ вновь загорѣлась война съ Россіей (1741—1743 г.), въ продолженіе которой войска послѣдней заняли большую часть Финляндіи до самой Вазы. Многія семейства, боясь русскаго владычества, бѣжали въ Швецію; въ числѣ ихъ была и мать Георга. Однако Швеція оказалась не на столько гостепріимной, какъ бѣглецы того ожидали; имъ пришлось возвратиться на родину, испытавъ немало лишеній. Спустя около 5-ти лѣтъ по окончаніи войны, умеръ отецъ Спренгтпортена, оставивъ вдову и четырехъ сыновей; старшіе трое, отъ перваго брака, были уже взрослые (trois grands gaillards); двое имѣли капитанскіе патенты, третій служилъ въ гвардіи въ Стокгольмѣ.

Нашъ Георгъ былъ помѣщенъ въ частный пансіонъ, но тамъ оставался недолго и отданъ къ учителю, который тоже не могъ съ нимъ сладить. Тогда его отправили къ богатому дядѣ въ Швецію. Это была вторая его туда поѣздка ребенкомъ; первую онъ совершилъ еще на груди матери, съ молокомъ которой, по его словамъ, онъ всосалъ ненависть къ.... Швеціи. Почему къ Швеціи, а не къ Россіи, отъ владычества которой бѣжали финскія семейства, и въ ихъ числѣ мать его? Автобіографъ нашъ мотивируетъ эту ненависть такими словами: «La Suède n'a jamais su dorer la pillule aux fréquentes usurpations qu'elle a exercées contre nous» [1]).

Дядя (добрый, но слабый генералъ) былъ снисходителенъ къ племяннику; но тетка, видѣвшая вѣроятно ближе наклонности мальчика, который самъ признается что былъ шалунъ («mauvaise tête») и кромѣ того развитъ и очень силенъ не по лѣтамъ, не могла выдержать его присутствія въ своемъ домѣ болѣе двухъ лѣтъ. Мать принуждена была пріѣхать за нимъ и увезти обратно въ Финляндію. Георгъ числился уже капраломъ въ кавалерійскомъ полку. На родинѣ воспитаніе его пошло еще хуже: средства матери были скудны, — средства Финляндіи по части педагогической были также невелики. Около этого времени король Адольфъ Фридрихъ посѣтилъ Финляндію. Мать Георга нашла случай пред-

---

[1]) Швеція никогда не умѣла позолотить пилюлю при частыхъ захватахъ, практиковавшихся ею противъ насъ.

ставить его королю, результатомъ чего было помѣщеніе молодаго Спренгтпортена въ учрежденную тогда въ Стокгольмѣ на собственныя королевскія средства военную школу. Училище это было поставлено въ отношенія довольно близкія ко двору: кадеты дежурили при особахъ королевской фамиліи и несли обязанности, сходныя съ обязанностями нашихъ пажей. Но близость къ дамамъ высшаго придворнаго общества была не по-сердцу корпусной молодежи, а въ томъ числѣ и Спренгтпортену, который по собственному его признанію былъ темперамента необузданнаго (tempérament fougueux). Для этихъ подростковъ были безъ сравненія пріятнѣе «les guinguettes de la ville, où les jolies grisettes fesaient plus de cas de mes petites manières qu'une vieille dame de la cour» [1]). Съ такими вкусами, понятно, кадеты не любили пребыванія при дворѣ, а при невоспитанности вели себя тамъ очень дурно.

Между тѣмъ въ Стокгольмѣ происходили кровавыя событія. Сеймъ 1755 г. принялъ такія предложенія, которыя низводили значеніе короля до послѣдней степени ничтожества, перенося всю власть на народныхъ представителей, или вѣрнѣе на дворянство. Слабодушный Адольфъ-Фридрихъ примирялся повидимому съ такимъ положеніемъ; но энергическая и властолюбивая супруга его, Луиза-Ульрика, не осталась спокойною. Задумавъ произвести переворотъ и для полученія денегъ заложивъ данные ей на государственный счетъ брилліанты, она стала во главѣ заговорщиковъ. Въ ихъ числѣ были графы Браге, Горнъ и другіе; къ заговору примкнулъ и учитель военнаго корпуса, капитанъ Стольсвердъ. Но умыселъ открылся, и 8 человѣкъ поплатились головами; среди нихъ былъ и учитель Спренгтпортена. Были указанія на то, что военный корпусъ долженъ былъ участвовать въ переворотѣ. Поэтому кадетамъ велѣно присутствовать при казни. Выведенные на площадь, они, въ томъ числѣ и Спренгтпортенъ, поставлены были въ строю такъ близко къ эшафоту, что когда

---

[1]) Для этихъ подростковъ были безъ сравненія пріятнѣе городскіе кабачки, тдѣ хорошенькой гризеткѣ больше нравились мои плохенькія манеры, чѣмъ какой-нибудь старой дамѣ при дворѣ.

палачъ отрубилъ Столсверду голову, то кровь не только брызнула нашему юношѣ на платье, но даже попала ему на лицо. Фактъ этотъ (дѣйствительный или вымышленный—судить трудно; указаніе на него есть только въ автобіографіи) Спренгтпортенъ ставитъ въ связь съ послѣдующими своими враждебными отношеніями къ королю и къ Швеціи.

Все это случилось въ 1756 г. Корпусъ былъ закрытъ, и 16-ти лѣтній Спренгтпортенъ остался одинъ, на свободѣ, никѣмъ нестѣсняемый. Здѣсь сказался его темпераментъ и тотъ недостатокъ нравственнаго воспитанія, которымъ отмѣчено его дѣтство.

— «Игра и женщины занимали меня поочередно (пишетъ объ этой эпохѣ самъ герой). И какія женщины?! Не добродѣтели приноситъ молодость свои первыя поклоненія. Нигдѣ распущенность не собираетъ лучшую жатву прекрасныхъ сиренъ, какъ въ Стокгольмѣ, гдѣ этотъ полъ вообще имѣетъ много представительницъ очень милыхъ, но и очень легкихъ и доступныхъ. Къ счастью я много выигрывалъ, играя удачно.»

Подвиги сына не могли не дойти наконецъ до матери и заставили ее съ сокрушеннымъ сердцемъ переѣхать для ближайшаго за нимъ наблюденія опять въ Стокгольмъ. Здѣсь она наняла, въ 6-ти верстахъ отъ города, небольшую мызу у одной родственницы и водворила съ собой сына. Однако этотъ образъ жизни былъ непродолжителенъ: родственницѣ было нестерпимо присутствіе распущеннаго юноши, и они разстались. Георга помѣстили къ пастору, подъ его надзоръ и ученіе. То былъ добрый человѣкъ, но строгій педагогъ. Свое пребываніе у него Спренгтпортенъ сравнивалъ съ тюремнымъ заключеніемъ и не находилъ между ними много разницы. За каждымъ шагомъ юноши слѣдили неустанно. Но это продолжалось недолго. Георгъ вкрался въ довѣріе своего ментора, и прежнія похожденія возобновились. Дочь сосѣдняго садовника приглянулась ему, и мѣсто науки заняли работы въ саду вмѣстѣ съ Элизой; за труды платилось поцѣлуями.—«Милая Элиза, я еще вижу тебя предъ собой!» — восклицалъ Спренгтпортенъ въ своихъ мемуарахъ, бывъ уже 56-ти-лѣтнимъ человѣкомъ, почти старикомъ.

Этимъ кончилось воспитаніе и образованіе Георга, и вскорѣ началась его дѣйствительная служба. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ онъ перебывалъ въ разныхъ отрядахъ, провелъ годъ въ плѣну, послужилъ и въ прусской арміи. Онъ особенно отличался въ такъ-называемой малой войнѣ, гдѣ дѣйствуютъ небольшими массами войскъ, не въ правильныхъ сраженіяхъ, а засадами, хитростями, нечаянными нападеніями. Въ одномъ дѣлѣ, напримѣръ, онъ замаскировалъ своихъ людей, надѣвъ на нихъ непріятельскія шапки.

Въ 1771 г. вступилъ на престолъ Густавъ III. Участіе Георга Спренгтпортена въ происшедшемъ затѣмъ государственномъ переворотѣ извѣстно [1]). Въ награду онъ съ своими драгунами переведенъ въ столицу и назначенъ начальникомъ королевской гвардіи. Казалось все улыбалось ему: милости Густава сыпались не только въ видѣ отличій, но и золотымъ дождемъ. Однако неспокойный характеръ и ненасытная требовательность побудили желать удаленія нашего Спренгтпортена изъ Стокгольма, и онъ, съ большимъ впрочемъ повышеніемъ, отправленъ въ Финляндію, въ качествѣ начальника Саволакской бригады. Здѣсь честолюбіе его нашло себѣ на время пищу, и онъ употребилъ его съ пользою. Дѣйствія его по командованію бригадою были на столько громки, что молва о нихъ перелетала черезъ сопредѣльную съ Саволаксомъ русскую границу, и доносилась даже до Петербурга, вѣроятно въ увеличенномъ и украшенномъ видѣ.

Но люди ко всему привыкаютъ; привыкъ и Спренгтпортенъ къ своему видному положенію, и честолюбіе вновь стало грызть его. Служба при Густавѣ, въ Стокгольмѣ, сдѣлалась его ближайшею цѣлью, однако не давалась ему въ руки. Густаву онъ былъ рѣшительно несимпатиченъ, да и вообще Спренгтпортенамъ не придавали большой цѣны при шведскомъ дворѣ, признавая въ нихъ слабыя головы. Баронскій титулъ тѣмъ не менѣе онъ успѣлъ себѣ выхлопотать. Но затѣмъ, когда въ 1778 г. Георгъ готовился отправиться на созванный въ томъ году сеймъ, отъ короля совершенно неожиданно были доставлены 1.000 спеціесъ-талеровъ, съ

[1]) См. выше, глава III, стр. 119.

порученіемъ Спренгтпортену, вмѣсто сейма, ѣхать за границу, подъ предлогомъ знакомства съ состояніемъ иностранныхъ армій. Порученіе это принято было имъ не съ особенною радостью. Тѣмъ не менѣе въ началѣ слѣдующаго года онъ пустился въ путь чрезъ Петербургъ.

По Европѣ Спренгтпортенъ проѣхалъ довольно быстро, но въ Парижѣ, можно сказать, пустилъ корни, и оставался тамъ въ теченіе всего 1780 года. Безграничное веселье и разгулъ закружили нашего героя, знатока по этой части съ молодыхъ ногтей. Друзья изъ Стокгольма старались образумить его и привести въ рамки безумное его мотовство, но тщетно: онъ затянулся въ долги, изъ которыхъ король недостаточно, по мнѣнію Спренгтпортена, выводилъ его. Только въ августѣ 1781 г. уѣхалъ онъ обратно въ Финляндію, получивъ въ ссуду, для разсчета съ кредиторами, значительную сумму отъ шведскаго посланника въ Парижѣ, графа Крейца. До отъѣзда же его, графъ Крейцъ хлопоталъ, очевидно не безъ воли своего короля, объ опредѣленіи Спренгтпортена во французскую армію дѣйствовавшую въ Америкѣ. Требовали назначенія ему 12 тыс. ливр. жалованья и единовременной выдачи на путевые расходы. Дѣло кончилось однако ничѣмъ. Съ твердостью, достойною подражанія, военный министръ Сегюръ сказалъ нашему искателю приключеній: «Я увѣренъ что вы можете быть употреблены въ дѣло, но мы также имѣемъ добрыхъ слугъ, и я не буду рекомендовать иностранца преимущественно предъ пятью-стами соотечественниковъ, коимъ я вынужденъ былъ отказать въ этой милости» [1]). Тѣмъ не менѣе графу Крейцу удалось выхлопотать для своего расточительнаго земляка пособіе въ 11.000 фр. [2]). Это была капля въ морѣ.

Недовольный своимъ положеніемъ, Спренгтпортенъ думалъ произвести давленіе на короля и сталъ проситься въ отставку,— и сильно ошибся въ разсчетѣ. Просьба его была удовлетворена скорѣе нежели онъ могъ ожидать. Впрочемъ, при увольненіи, Гу-

---

[1]) Письмо Спренгтпортена отъ 8-го апрѣля 1781 г. Mémoires. Имп. Публ. Библ.

[2]) Письмо графа Крейца отъ 4-го апрѣля 1781 г.

ставъ оказалъ ему новую милость: въ вознагражденіе за оставляемую должность (прежде онѣ законно продавались въ Швеціи) Спренгтпортенъ получилъ 36 тыс. франковъ, къ которымъ прибавлено потомъ еще 25 тыс. за счетъ его жены.

Озлобленный и безъ дѣла, Спренгтпортенъ поселился въ Финляндіи на мызѣ доставшейся ему по завѣщанію тетки, и началъ сперва глухую, а потомъ довольно открытую работу по отторженію Финляндіи отъ Швеціи. На сеймѣ, само собою разумѣется, онъ былъ вмѣстѣ съ крайней лѣвой. Однако нужда, вмѣстѣ съ расточительностью, заставили Спренгтпортена вновь искать иностранной службы. Политическіе проекты, питая злобу къ Густаву, не могли наполнить золотомъ его карманы, этой своего рода бочки Данаидъ. Онъ дѣйствительно пристроился къ голландскому корпусу волонтеровъ, готовившемуся противъ Австріи. Предпріятіе это не состоялось; тѣмъ не менѣе за нѣсколько мѣсяцевъ службы, нашему счастливцу была назначена отъ голландскаго правительства пенсія въ 5.000 флориновъ. Очевидно рука Густава помогала здѣсь и, такъ или иначе, старалась умиротворить безпокойнаго подданнаго, революціонные проекты котораго были небезъизвѣстны.

Такимъ образомъ Спренгтпортенъ оказывался въ безбѣдномъ положеніи. Упомянутая выше мыза, полученная отъ тетки, половина большаго имѣнія брата его, Якова, поступившая по смерти послѣдняго также въ его владѣніе, 2 тыс. рейхсталеровъ пенсіи отъ Густава и 5 тыс. флориновъ отъ Голландцевъ, это были средства болѣе чѣмъ достаточныя, но при условіи благоразумной и правильной жизни. Для Спренгтпортена же, среди игры, женщинъ и безпутнаго мотовства, его средства были нѣчто нищенское, и онъ утопалъ въ долгахъ. Онъ попросилъ было у Густава увеличенія пенсіи, но получилъ отказъ; сталъ домогаться опредѣленія вновь на службу,—и удостоился отъ его королевскаго величества совѣта оставить революціонные свои замыслы.

При такихъ условіяхъ нашъ герой рѣшился искать фортуны, славы и денегъ у Сѣверной Царицы, молва о богатствѣ и щедрости которой облетѣла уже давно всю Европу. Едва-ли было для него что-либо дорогаго въ Швеціи. Финляндію, родину, хотя иногда

и называлъ онъ своимъ божествомъ [1]), въ другихъ случаяхъ, не обинуясь именовалъ, однако, варварской страной (une province barbare) [2]). Къ королю онъ питалъ нескрываемое недоброжелательство, хотя на словахъ къ нему обращенныхъ и увѣрялъ въ глубокихъ вѣрноподданническихъ чувствахъ. Семейныя узы, если бы даже имѣли для него значеніе (чего нигдѣ и ни въ чемъ не видно), теперь уже совсѣмъ почти распались. Мать умерла четыре года назадъ; остававшійся въ живыхъ братъ былъ преданъ Густаву, и потому съ Георгомъ у него не могло быть близости; жена, послѣ несчастнаго 20-ти-лѣтняго супружества, умерла незадолго передъ тѣмъ, въ 1785 г. Изъ двухъ законныхъ сыновей, одинъ умеръ малолѣтнимъ; другаго, Магнуса Вильгельма, мальчика 14-ти лѣтъ, собираясь теперь переселиться въ Россію, онъ бралъ съ собою. Густавъ, давшій разрѣшеніе на выѣздъ отцу, не желалъ отпускать сына, который также глядѣлъ на выселеніе въ ненавистную Россію съ непріязнью. Но ни королевская воля, ни сопротивленіе Вильгельма не имѣли успѣха. При отъѣздѣ Спренгтпортена Густавъ оказалъ ему новую милость. Экспатріація по шведскимъ законамъ была сопряжена съ отчисленіемъ въ пользу государства десяти процентовъ со стоимости имущества; король освободилъ Спренгтпортена отъ этого платежа.

II.

Въ Россіи и противъ Швеціи.

Спренгтпортенъ пріѣхалъ въ Петербургъ въ сентябрѣ 1786 г. [3]). Не смотря на неособенно блестящее денежное положеніе, (по

---

[1]) Эпиграфъ къ мемуарамъ Спренгтпортена:

L'amour fut mon passe-temps; mon métier fut la guerre,
La patrie mon idôle et la gloire ma chimère.

[2]) Письмо къ Ульриху Шефферу, 1778 г.—Memoires, Имп. П. Б.

[3]) Въ «Дневникѣ» Храповицкаго переселеніе это не точно отнесено ко времени шведской войны, къ 1788 г.

нѣкоторымъ свѣдѣніямъ у него было въ карманѣ всего 1.000 риксталеровъ), онъ прибылъ изъ Швеціи на собственной яхтѣ. Въ Петербургѣ «Егоръ Максимовичъ» нанялъ большой домъ, имѣлъ для прислуги двухъ французовъ камердинеровъ, выѣздного лакея, повара. При немъ, для бо́льшаго достоинства, состоялъ вывезенный имъ изъ Швеціи поручикъ Эренстрёмъ, въ качествѣ какъ бы адъютанта [1]).

Въ русской столицѣ нашъ шведскій выходецъ былъ принятъ на первыхъ порахъ хорошо: онъ являлся интересной новинкой. Баронскій титулъ и grand train, который онъ сразу повелъ, были необходимымъ дополненіемъ для того, чтобы высшее общество радушно открыло ему свои двери. Императрица дала ему чинъ полковника, но тотчасъ вѣроятно освѣдомившись, что въ шведской службѣ онъ командовалъ бригадою, произвела въ генералъ-маіоры. Почти одновременно ему пожалованъ и камергерскій ключъ [2]). О содержаніи, которымъ также не замедлили, свѣдѣнія расходятся. По словамъ саксонскаго дипломата Гельбига, Спренгтпортенъ получилъ для перваго обзаведенія 600 душъ крестьянъ, 3.000 руб. жалованья и 2.000 руб. въ ежегодную пенсію сверхъ жалованья [3]). Самъ же Спренгтпортенъ, въ своей вышеуказанной запискѣ Императору Павлу [4]), говоритъ, что получилъ на путевыя издержки 8.000 руб., столько же на экипировку и 500 душъ, съ обѣщаніемъ кромѣ того вознаградить за финлянд-

---

[1]) Впослѣдствіи оказалось, что этотъ вывезенный са́мимъ Спренгтпортеномъ приспѣшникъ, былъ ничто иное какъ агентъ, преданный Густаву и приставленный для выслѣживанія дѣйствій своего шефа. Послѣдній разгадалъ эту роль не ранѣе какъ черезъ годъ. — Statsrådet Ehrenström efterlemnade Anteckningar.

[2]) Въ упомянутомъ мемуарѣ, представленномъ императору Павлу, Спренгтпортенъ объяснялъ, что, вступя въ русскую службу, онъ имѣлъ уже чинъ шведскаго генералъ-лейтенанта. Это ни съ чѣмъ несообразно и принадлежитъ къ образчикамъ того легкаго отношенія къ истинѣ, которымъ онъ въ словахъ и писаніяхъ своихъ нисколько не стѣснялся.

[3]) А. Г. Брикнеръ: Конфедерація въ Аньялѣ. Ж. М. Н. Прос. 1868 г. Мартъ.

[4]) Précis des services de M-r de Sprengtporten. Имп. Пуб. Библ. Часть 3.

скія его имѣнія [1]). Позднѣе, по указу 1-го марта 1795 г., Спренгтпортену была назначена прибавка къ пенсіи въ 1.800 руб. «безъ вліянія курса», т. е. золотомъ, такъ что онъ получалъ до 10 тысячъ руб. въ годъ.

Вскорѣ послѣдовало назначеніе Спренгтпортена командиромъ двухъ стоявшихъ въ Кременчугѣ эскадроновъ, составъ которыхъ имѣлось въ виду увеличить. Но самъ онъ продолжалъ оставаться въ Петербургѣ. Здѣсь онъ не замедлилъ сойти съ перваго плана и не избѣгъ насмѣшекъ, на которыя свѣтское общество такъ падко. А Спренгтпортенъ давалъ для нихъ довольно поводовъ, какъ хвастливостью, характеромъ и своеобразными манерами, такъ и претензіями и мотовствомъ при тощемъ карманѣ. Не прошло нѣсколькихъ мѣсяцевъ, какъ онъ уже занималъ у разныхъ лицъ мелкія суммы, по нѣскольку десятковъ рублей, которыя къ тому же неакуратно выплачивалъ. Былъ и такой случай, что, проигравшись до копѣйки, герой нашъ цѣлую недѣлю жилъ на счетъ своего

[1]) Относительно этихъ послѣднихъ тоже есть крупное разнорѣчіе въ словахъ самого Спренгтпортена. На запискѣ Павлу Петровичу сдѣлана имъ собственноручная выноска: «негодяй, которому я довѣрилъ эти земли, продалъ ихъ въ мое отсутствіе за 30.000 руб., а мнѣ отдалъ всего 7.000; имя его никогда не сдѣлается извѣстнымъ (un fripon, à qui j'ai confié ces terres dans mon absence, l'a (les a) vendu pour 30.000 r. et ne m'a rendu que 7.000; son nom ne sera jamais connu). А въ другомъ мѣстѣ онъ пишетъ, что финляндскія имѣнія его были конфискованы и что Императрица Екатерина, въ возмѣщеніе ихъ, обѣщала дать крестьянъ въ Польшѣ, но обѣщанія не исполнила. Такимъ образомъ тѣ же имѣнія въ Финляндіи и конфискованы и проданы мошенникомъ-управляющимъ. Что касается до русскихъ крестьянъ, въ числѣ-ли 500 или 600,—они несомнѣнно были даны Спренгтпортену, но потомъ проданы за долги. О жалованьи и пенсіи, при вступленіи въ русскую службу, онъ ничего не говоритъ въ своихъ мемуарахъ; но изъ письма къ гр. Безбородко 25-го ноября 1797 г. видно, что онъ и жалованье свое считалъ пенсіей, ибо оно было-де обезпечено ему во всякомъ случаѣ, будетъ онъ или не будетъ служить; это были будто бы собственныя слова Императрицы, переданныя ему генераломъ Турчаниновымъ. (Турчаниновъ, какъ видно изъ писемъ Императрицы Екатерины, былъ дѣйствительно докладчикомъ по дѣламъ о содержаніи Спренгтпортена. См. Сборн. Имп. Ист. Общ. V т. бумаги Императрицы Екатерины II, стр. 192).

камердинера—француза, заложившаго для того собственное свое платье [1]). Самая личность Спренгтпортена и характеръ, по мѣрѣ того какъ ихъ узнавали ближе, не могли не заставить весьма многихъ избѣгать его. Упомянутый выше Ребиндеръ пополняетъ портретъ его слѣдующими чертами: «Генералъ Спренгтпортенъ былъ высокаго роста, полный, такъ что могъ внушать страхъ. Орлиный носъ, маленькіе, пронизывающіе насквозь глаза и надменный взглядъ давали его фигурѣ нѣчто хищное, производившее въ общемъ отталкивающее впечатлѣніе. Высокомѣрный и порой дерзкій съ высшими и съ тѣми, кто осмѣливался съ нимъ ровняться, онъ былъ справедливъ, услужливъ, даже щедръ къ своимъ подчиненнымъ, пока они готовы были слѣпо повиноваться всѣмъ его желаніямъ. Дары, которыми природа его осыпала, и нѣкоторыя другія хорошія его качества омрачались честолюбіемъ и себялюбіемъ безъ границъ, ненавистливымъ и мстительнымъ характеромъ, раздражительнымъ и мрачнымъ нравомъ [2]).

Въ началѣ 1787 г. состоялось извѣстное путешествіе Императрицы Екатерины въ Крымъ. Спренгтпортенъ, эскадроны котораго находились на пути проѣзда Государыни, также отправился въ путешествіе, но былъ не въ свитѣ Императрицы, а получилъ приказаніе ѣхать отдѣльно, прямо на Кіевъ. Это не могло, конечно, нѣсколько не охладить дѣйствительнаго камергера. Въ Кіевѣ, проигравшись, онъ особенно бѣдствовалъ отъ безденежья, тѣмъ болѣе что и въ дорогѣ жилъ на широкую ногу, возилъ свою кухню и пр. Въ Херсонѣ его путешествіе кончилось, и онъ долженъ былъ возвратиться прямо въ Петербургъ.

Конецъ 1787 г. можно считать начальнымъ пунктомъ вредной дѣятельности Спренгтпортена для Россіи, хотя и у нея на службѣ. Открылась война съ Турціей. Требовалось напряженіе силъ въ этомъ направленіи. Между тѣмъ Спренгтпортенъ одновременно сталъ побуждать Екатерину къ недоброжелательнымъ дѣйствіямъ противъ Густава. По осени того же 1787 г. онъ представилъ ей мемуаръ о положеніи шведской Финляндіи и предлагалъ проектъ

---

1) Я. К. Гротъ, «Спренгтпортенъ».

2) Castrèn, Skildringar, 248.

предоставленія ей независимости, созванія тамъ сейма и пр. При непріязни Екатерины къ Густаву, эти измышленія подливали масла въ огонь. Слѣдующей весной, когда отношенія Швеціи къ Россіи сдѣлались крайне натянуты и Густавъ искалъ предлога къ ссорѣ, Спренгтпортенъ вновь засыпалъ Екатерину своими соображеніями о дѣйствіяхъ въ Финляндіи и даже въ Швеціи во вредъ Густаву. Объ этомъ было разсказано въ своемъ мѣстѣ [1]. Всѣ стратегическія соображенія русскихъ военачальниковъ должны были отступить на заднiй планъ: всѣ лавры Спренгтпортенъ предоставлялъ себѣ, притомъ на счетъ русской казны. Онъ былъ убѣжденъ въ своей силѣ и вліяніи на финляндцевъ и увѣренъ въ побѣдѣ. О неоднократныхъ внушеніяхъ Екатеринѣ дѣйствовать подкупомъ было также говорено. Это была одна изъ основъ его будущаго вліянія—не къ великой, надо признать, чести финляндскихъ его соотечественниковъ.

Между тѣмъ Густавъ явился на русской границѣ, и война началась. Былъ конецъ іюня. Спренгтпортенъ служилъ русской Императрицѣ около полутора года, но оставался шведскимъ подданнымъ. Положеніе его было, очевидно, очень щекотливое.

Шведскій посланникъ въ Петербургѣ, баронъ Нолькенъ, по спеціальному порученію Густава, явился на выручку. Онъ совѣтовалъ Спренгтпортену просить о перемѣщеніи къ той части русской арміи, которая дѣйствовала на югѣ противъ Турокъ. Король предупреждалъ, что будетъ въ пребываніи его въ Петербургѣ видѣть нарушеніе вѣрности, въ которой тотъ ему клялся, и напоминалъ законы, установляющіе мѣру взысканія за поднятое противъ отечества оружіе. Нолькенъ продолжалъ:

«Если въ этомъ отзывѣ короля есть какъ будто намекъ на внушенныя его величеству невѣрныя и оскорбительныя подозрѣнія, то съ другой стороны мнѣ кажется что участіе, принимае-

---

[1]) Стр. 134, 140 и т. д., а также Прилож. № 39. Моск. Главн. Арх. М. Ин. Д. Suède. Camp. 1788. X связка 1-я. Supplément au mémoire du 19 passé. Здѣсь, какъ нерѣдко и въ другихъ случаяхъ, Спренгтпортенъ путаетъ числа. Мемуаръ, на который онъ ссылается, былъ поданъ не 19-го, а 20-го мая и этимъ числомъ имъ самимъ помѣченъ.

мое королемъ въ вашей славѣ, очевидно доказываетъ его благосклонныя къ вамъ чувства; иначе онъ прошелъ бы это обстоятельство молчаніемъ. Если вы желаете, мой дорогой другъ, поручить мнѣ вашъ отвѣтъ, который я передамъ королю съ буквальной точностью, то я къ вашимъ услугамъ; въ восторгѣ—если онъ будетъ согласоваться съ моими всегдашними увѣреніями въ вашихъ чувствахъ благороднаго человѣка, человѣка чести, въ чувствахъ, которыми мы обязаны своему отечеству; я всегда былъ далекъ отъ того, чтобы посмѣть усомниться въ нихъ хоть на одно мгновеніе. Пользуюсь этимъ случаемъ, чтобы сказать вамъ мое «прости». Оно идетъ изъ сердца полнаго дружбы и неперестающаго желать вамъ счастья. Жена моя шлетъ тысячу дружескихъ привѣтствій, а я обнимаю васъ съ самою искреннею нѣжностью, увѣренный что предлагая ее на всю жизнь, даю ее истинному Шведу. Будьте счастливы, мой другъ, на войнѣ какъ и въ любви, и пусть увижу васъ покрытаго лаврами, которые вы пожнете въ бояхъ противъ невѣрныхъ, и ласками вашей прекрасной умницы голландки. Еще разъ прощай, мой старинный другъ. Небо да руководитъ и да благословитъ тебя» [1]).

Обязанности Спренгтпортена точно и доброжелательно опредѣлялись этимъ письмомъ. Люди, называвшіе его своимъ другомъ, не подозрѣвали въ немъ отсутствія «истиннаго Шведа», какимъ его себѣ воображали. Спренгтпортенъ отвѣчалъ Нолькену 30-го іюня. Документъ этотъ прекрасно рисуетъ его нравственный обликъ, поэтому приведемъ его вполнѣ.

«Долженъ признаться, что не ожидалъ этого новаго знака доброты, свойственной его величеству. Давно уже привыкнувъ къ полному съ его стороны забвенію, я болѣе не считалъ себя способнымъ вызывать его милостивыя воспоминанія. Тѣмъ сильнѣе тронутъ я этимъ знакомъ его благосклонности и прошу васъ воспользоваться первымъ случаемъ, чтобы повергнуть къ его стопамъ признательность и покорность, съ которыми принятъ мною этотъ полный доброты отзывъ.

---

[1]) Моск. Арх. М. Ин. Д. Camp. suédoise 1788, переписка Безбородко, св. 1-я.

«Дорогой другъ! Было время, когда я считалъ бы себя счастливымъ руководиться въ моихъ дѣйствіяхъ совѣтами государя, владѣвшаго всею моею привязанностью. Это время прошло. Его величеству угодно было объявить, что пріятнѣе ему было бы видѣть меня въ Россіи, нежели въ Финляндіи; то былъ первый поводъ, который направилъ шаги мои въ сторону этой державы. Обстоятельства столько же были тогда удовлетворительны, сколько согласовались и съ моими проектами. Я никогда не думалъ что они могутъ измѣниться; я никогда не воображалъ что Швеція можетъ не признать своихъ истинныхъ итересовъ; однимъ словомъ, я никогда не подозрѣвалъ что ища пріюта у Государыни дружественной и столь много связанной съ страной, которую я вынужденъ былъ покинуть, окажусь въ одинъ прекрасный день въ противорѣчіи съ моими чувствами. Это была вторая причина, въ особенности побудившая меня принять покровительство предоставленное мнѣ этой великодушной Государыней: отнынѣ единственно ея приказанія будутъ направлять мой образъ дѣйствій.

«Взглянувъ такимъ образомъ на прошедшее, нельзя-ли найти въ немъ ясныхъ указаній на счетъ моихъ намѣреній въ будущемъ? Можете-ли вы хотя на мгновеніе думать, что я колеблюсь въ исполненіи долга налагаемаго на меня честью и благодарностью? Нѣтъ, мой другъ, каковы бы ни были послѣдствія событія еще окутаннаго мракомъ, я навсегда былъ бы самымъ подлымъ изъ людей, если бы по низкому малодушію предпочелъ двусмысленное и колеблющееся поведеніе тѣмъ чувствамъ, коихъ гостепріимство имѣетъ право отъ меня требовать, и дурно понятую честь — той чести истинной и мужественной, которая зависитъ не отъ преходящихъ мнѣній, а отъ выдержаннаго характера. Я говорю другу, и сердце мое раскрыто. Мнѣ ненавистна маскировка, душа моя никогда не допускала мелкихъ, презрѣнныхъ увертокъ, за которыя прячутся заурядные умы. Я люблю изображать собою то что я есмь; одинаково далекій и отъ предательства, и отъ неблагодарности, я не боюсь открыть мою душу, убѣжденный что нѣкогда оправдаюсь предъ всей вселенной въ моихъ поступкахъ и намѣреніяхъ. Не время говорить объ этомъ подробнѣе. Достаточно будетъ васъ увѣрить, что далекій отъ того чтобы измѣнить инте-

ресамъ Швеціи, я, какъ можетъ быть никто другой, работалъ надъ обезпеченіемъ ея счастья и спокойствія. Впрочемъ, вы знаете что имѣя честь быть дѣйствительнымъ камергеромъ Ея Императорскаго Величества и причисленнымъ къ экспедиціи Средиземнаго моря, я не могу дать самъ себѣ другого назначенія.

«Послѣ этихъ объясненій, мой дорогой другъ, вы поймете сами что каковъ бы ни былъ исходъ катастрофы угрожающей моей репутаціи, отнынѣ я буду почерпать совѣты лишь въ моихъ обязанностяхъ и въ волѣ Государыни, отъ которой зависятъ эти обязанности. Король властенъ глядѣть на мое пребываніе здѣсь какъ ему угодно. Онъ можетъ къ угрозамъ присоединить и дѣйствія: все извинительно раздраженному владыкѣ. Но было бы недостойно меня сойти съ пути намѣченнаго Небомъ; я долженъ слѣдовать имъ съ рѣшимостью. Только такимъ образомъ можно мнѣ быть достойну сохранить уваженіе великодушнаго государя, который въ глубинѣ души не можетъ меня не оправдывать.

«Мнѣ остается, дорогой мой братъ, засвидѣтельствовать вамъ сколько лично я огорченъ событіями, угрожающими намъ кажется долгой разлукой. Здѣсь на глаза мои навертываются слезы, и сердце умиляется; природа беретъ свои лучшія права на лонѣ дружбы.... Спренгтпортенъ. 30-го іюня. Милліонная» [1]).

И вотъ, написавъ эти интимныя строки другу, предъ которымъ «раскрываетъ душу», Спренгтпортенъ спѣшитъ тотчасъ же какъ ихъ, такъ и навернувшіяся на лонѣ дружбы «слезы»... отправить въ копіи къ графу Безбородко. «Я не колебался ни минуты, писалъ онъ, открыть мои чувства. Ваше сіятельство увидите въ этомъ знакѣ моей привязанности достовѣрное и недвусмысленное свидѣтельство одушевляющаго меня усердія къ службѣ моей августѣйшей Государыни.»

Что въ письмѣ къ Нолькену или въ передачѣ копіи съ него Безбородкѣ было «достовѣрное свидѣтельство усердія», можно еще допустить. Не прошло и двухъ мѣсяцевъ, какъ Спренгтпор-

---

[1]) Отвѣтъ Спренгтпортена на французскомъ языкѣ изложенъ въ собственноручной его копіи, имѣющейся въ Моск. Главн. Арх.; съ нея сдѣланъ вышеприведенный переводъ, въ которомъ опущено лишь нѣсколько строкъ въ началѣ.

тену уже была пожалована отъ Императрицы за это усердіе тысяча червонцевъ [1]). Но «недвусмысленность признаній на лонѣ дружбы» подлежитъ большому сомнѣнію. Двуличіе ихъ, напротивъ, бросается въ глаза. Онъ говоритъ о чести, о долгѣ, объ откровенности и прямотѣ своихъ дѣйствій, онъ ненавидитъ увертки, будетъ служить русской Императрицѣ и не возвратится къ королю Густаву: это какъ будто прямой вызовъ, и Спренгтпортенъ врагъ Швеціи и ея государя. Но тутъ же онъ увѣренъ, что весь свѣтъ признаетъ его правоту и самъ Густавъ въ глубинѣ души заплатитъ ему дань уваженія; онъ не можетъ отказаться отъ обязанностей возлагаемыхъ на него чувствомъ благодарности за предоставленный пріютъ, но онъ въ родѣ Божьяго посланника идетъ по пути, указанному Небомъ. Вскользь онъ упоминаетъ и о своемъ положеніи члена экспедиціи Средиземнаго моря, какъ бы давая понять что тамъ будетъ и служба его. Онъ наконецъ не только не измѣнялъ интересамъ Швеціи, но больше чѣмъ кто нибудь работалъ для ея счастія и спокойствія. Здѣсь можно даже подумать: не готовитъ-ли онъ подъ рукой и подъ видомъ признательности Россіи такого сюрприза, который удивитъ всѣхъ и осчастливитъ Швецію? Императрицѣ Екатеринѣ онъ давалъ буквальное значеніе своихъ фразъ; королю Густаву предоставлялъ читать между строкъ.

Какъ бы то ни было, «далекій отъ того чтобы измѣнить интересамъ Швеціи и работавшій какъ можетъ быть никто для ея счастья», Спренгтпортенъ за нѣсколько дней до приведеннаго письма отъ 30-го іюня, развивалъ Императрицѣ мысль о поискѣ съ флотомъ и десантомъ къ берегамъ Швеціи и даже къ самому Стокгольму. Съ этою мыслью Спренгтпортенъ былъ посланъ къ адмиралу Грейгу 22-го іюня. Но умный адмиралъ понялъ, съ кѣмъ имѣлъ дѣло. Два дня послѣ письма къ Нолькену, именно 3-го іюля, онъ поспѣшилъ представить Императрицѣ другую промеморію объ извѣстной диверсіи со стороны Ладожскаго озера. Командованіе поручалось ему же, «далекому отъ измѣны Швеціи» Спренгтпортену. Намѣстникъ Тутолминъ изо всѣхъ силъ

[1]) См. выше, стр. 198.

торопилъ формированіе отряда, очевидно побаиваясь шведскаго выходца, являвшагося ему по письмамъ въ ореолѣ восходящаго петербургскаго свѣтила. Въ теченіи мѣсяца всѣ готовились къ исполненію блестящей идеи. Спренгтпортенъ уже выступилъ въ Олонецъ,—какъ неожиданно вызванъ былъ въ Петербургъ.

Въ шведскомъ лагерѣ возникла аньяльская конфедерація, и Спренгтпортену поручены ближайшія сношенія съ заговорщиками. Здѣсь онъ былъ вполнѣ въ своей сферѣ интригъ и подпольныхъ дѣйствій. Онъ переѣзжалъ съ мѣста на мѣсто, переписывался и видѣлся съ конфедератами, писалъ Императрицѣ рапорты удостовѣрявшіе что все идетъ прекрасно, сбивалъ людей подкупомъ и т. п. Но и вся эта возня, вмѣстѣ съ потраченными деньгами, не привела ни къ чему.

Кампанія слѣдующаго 1789 г. была рѣшительною для Спренгтпортена. Предстояло въ качествѣ отряднаго начальника встрѣтиться лицомъ къ лицу съ отечествомъ. Послѣ похожденій прошедшаго года Спренгтпортену нечего было ждать отъ Швеціи: его голова была оцѣнена въ 3.000 риксдалеровъ [1]). Дальнѣйшее извѣстно: на переправѣ у Парасальми онъ ударилъ съ своимъ отрядомъ на авангардъ Финновъ, былъ отбитъ, раненъ и едва спасся отъ плѣна. И все это—«не измѣна»!

Окончательное паденіе Спренгтпортена совершилось. Пролитая кровь, такъ часто искупающая многія прегрѣшенія, въ настоящемъ случаѣ наложила несмываемую печать отверженія и проклятія. Никакіе софизмы, которыми этотъ эгоистъ старался потомъ облегчить бремя легшаго на него позора, не уменьшатъ мѣры вины его. Абоскій гофгерихтъ, судъ той самой Финляндіи, которую Спренгтпортенъ желалъ будто бы освободить отъ шведскаго ига, избивая финляндцевъ русскими пулями и штыками, этотъ судъ приговорилъ его заочно къ смертной казни, и ненавистное тогда громадному большинству шведскаго, также какъ и финскаго народа имя пригвождено было къ висѣлицѣ.

---

[1]) Впрочемъ гр. Безбородко полагалъ, что Спренгтпортенъ самъ о себѣ разгласилъ будто онъ оцѣненъ въ 3.000 т. См. Дневникъ Храповицкаго 22-го ноября 1788 г. стр. 201.

Любопытно взглянуть какъ объяснялъ свое поведеніе самъ Спренгтпортенъ? Для большей ясности слѣдуетъ припомнить, что война 1888 г. начата была Густавомъ безъ согласія сейма. Въ началѣ войны Данія взяла было сторону Россіи, и отряды ея осадили Готенбургъ. Густавъ покинулъ тогда Финляндію, поспѣшилъ въ Швецію, заставилъ Датчанъ снять осаду, оттѣснилъ ихъ и торжествующій возвратился въ Стокгольмъ, сопровождаемый преданными ему далекарлійцами. Населеніе приняло его съ восторгомъ. Созванный затѣмъ сеймъ принялъ всѣ предложенія Густава, въ томъ числѣ и о предоставленіи королю права объявлять войну. Аньяльская конфедерація разрѣшилась смертною казнью одного только, самаго дерзкаго изъ ея коноводовъ, полковника Хестеско. Такой исходъ военнаго бунта, притомъ въ виду непріятеля, слѣдуетъ считать даже и въ наше болѣе мягкое нежели 100 лѣтъ назадъ время, крайне умѣреннымъ и гуманнымъ.

Аньяльскую конфедерацію Спренгтпортенъ оправдывалъ въ такихъ выраженіяхъ [1]).

«Такъ какъ король, нашъ государь, отнялъ наши права, расторгъ узы, его съ нами связывавшія, игралъ своими клятвами, то и намъ также вполнѣ дозволено нарушить связи насъ съ нимъ соединяющія, и въ качествѣ законныхъ защитниковъ правъ угнетеннаго гражданина, обратить его къ справедливости. Если это разсужденіе несогласно съ логикою прусскаго солдата, то оно въ понятіяхъ саймскаго крестьянина. Свободный человѣкъ увидитъ въ этой катастрофѣ лишь силу законовъ, государственный человѣкъ признаетъ въ ней бунтъ, а спокойный философъ почтитъ въ молчаніи велѣнія Промысла, которому угодно иногда приводить въ замѣшательство дѣла несправедливыя и вѣроломныя» [2]).

---

[1]) См. его мемуары въ Имп. Публ. Библіотекѣ.

[2]) Puisque le roy notre maitre a usurpé nos droits, a rompu les liens qui attachent à nous, qu'il se joue de ses serments et de la vérité, il nous est bien permis aussi à nous de nous détacher des liens qui nous lient à lui, et comme défenseurs légitimes des droits du citoyen opprimé, de le ramener à la justice et à l'équité. Si ce raisonnement n'est pas dans la logique d'un soldat prussien, il l'est dans celle d'un paysan du lac de Saimen. L'homme

Свое личное участіе въ первой кампаніи Спренгтпортенъ такъ объяснялъ въ запискѣ поданной Императору Павлу:

«Здѣсь шла рѣчь не о томъ чтобы поднять оружіе противъ Швеціи, а чтобы побороть самоуправство государя, который объявляя войну Россіи тѣмъ самымъ объявлялъ ее и отечественной конституціи. Онъ топталъ ее ногами, опрокинувъ храмъ въ коемъ онъ клялся. Честь, любовь, благо сограждaнъ, все запрещало г. Спренгтпортену оставаться нейтральнымъ въ спорѣ, касавшемся свободы родины и правъ, къ поддержкѣ коихъ обязывало его рожденіе.»

Участіе во второй кампаніи, участіе кровавое, онъ мотивировалъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

«Вторая кампанія требовала другихъ средствъ. Насилованный угрозами разъяренной черни, сеймъ опрокинулъ конституцію, распростеръ королевскую власть превыше законовъ, заковалъ Швецію въ цѣпи, возвелъ Финляндію на эшафотъ, уничтожилъ и разсѣялъ Аньяльскую конфедерацію, столь гордую въ началѣ и столь податливую въ концѣ, несчастіе которой заключалось въ слишкомъ большомъ довѣріи къ справедливости ея дѣла. Нужно было поэтому взять шпагою обратно, что было потеряно перомъ, и вотъ въ силу этой рѣшительной необходимости, на Парасальмскомъ мосту пролилась кровь Спренгтпортена.»

Во всѣхъ этихъ тирадахъ много краснорѣчія, но очень мало истины. Начать съ первой кампаніи. Дѣло шло не о томъ, чтобы поднять оружіе противъ Швеціи, писалъ Спренгтпортенъ. Что же однако какъ не вооруженное нападеніе предлагалъ онъ Екатеринѣ, прося дать ему двѣ съ половиной тысячи солдатъ и нѣсколько судовъ изъ эскадры Грейга для нападенія на Стокгольмъ, или же ведя свой отрядъ изъ Петрозаводска для диверсіи въ Кореліи и Саволаксѣ? Если дѣло не дошло въ этихъ случаяхъ до крови, то по причинамъ совершенно отъ Спренгтпортена незави-

---

libre ne verra dans cette catastrophe que la force des lois, l'homme d'état qu'une révolte, et le philosophe tranquille respectera en silence les décrets d'une Providence, qui se plait quelquefois à confondre les causes injustes et perfides.—Mémoires sur les derniers troubles de la Finlande depuis le commencement de la guerre 1788. Sprengtporten. Имп. Публ. Библ.

сѣвшимъ. Въ трескучихъ фразахъ о сеймѣ 1789 г. и о мертворожденной Аньяльской конфедераціи правды не больше. «Швеція въ оковахъ! Финляндія на эшафотѣ!» Нѣчто ужасное, а на дѣлѣ — риторическія красоты, не болѣе. Если имя Спренгтпортена, за неимѣніемъ его самого въ наличности, было пригвождено къ висѣлицѣ, или голова Хестеско—единственная—упала подъ топоромъ палача, то это далеко еще не вся Финляндія. Да и гдѣ, спрашивается, и когда не казнятъ смертью измѣнника, проливающаго кровь своихъ соотечественниковъ, какъ Спренгтпортенъ, или дерзкаго бунтовщика ни предъ чѣмъ неостанавливающагося, какъ Хестеско? Они, Спренгтпортенъ и комп., явились защитниками попранныхъ правъ ихъ шведскихъ согражданъ, которыхъ Густавъ заковалъ въ цѣпи! Ложь явная. Правда, этотъ король съ нескрываемымъ презрѣніемъ относился къ олигархической дворянской оппозиціи [1]), но прочее населеніе было ему предано и охотно предоставило ему расширенныя права. Этими правами не наложены на Швецію, а сняты съ нея тяжелыя оковы. Съ 1721 года, съ Ништадтскаго мира, она носила ихъ и ослабѣвала подъ ними все болѣе и болѣе. Государственный строй, узаконенный при заключеніи этого мира, давалъ широкія права по- купному сейму, къ ущербу дѣйствительной и мощной власти короля; онъ приводилъ Швецію все болѣе и болѣе въ упадокъ. И вотъ Густавъ начинаетъ войну съ цѣлью не только сбросить это бремя, но и возвратить область прежде утраченную. Другая сторона, Россія, естественно принимаетъ всѣ мѣры борьбы противъ этихъ реставраторскихъ стремленій, что совершенно въ порядкѣ вещей. И что же? Спренгтпортенъ присоединяется къ этой самой Россіи, желающей держать Швецію въ прежнихъ «узахъ», агитируетъ между заговорщиками противъ короля-реставратора, склоняетъ къ измѣнѣ ему подкупомъ, дѣйствуетъ наконецъ противъ него и родины съ оружіемъ въ рукахъ. И чѣмъ оправдывается? Тѣмъ, что онъ хотѣлъ привести короля на путь долга, т. е. къ со-

[1]) На этомъ самомъ сеймѣ 1789 г., когда оппозиціонные дворяне не желали отправиться для обсужденія королевскихъ предложеній, Густавъ повелительно закричалъ на нихъ, какъ на лакеевъ: «пошли!», и они дѣйствительно пошли и приняли предложенія.

храненію прежней конституціи, а съ нею и ярма Россіи.—Не болѣе правды и въ тирадѣ Спренгтпортена со ссылкою на мужика съ Саймскаго озера, какъ на поборника революціи противъ короля. Аньяльская конфедерація именно показала, что финскій солдатъ, т. е. тотъ же мужикъ, знать не хотѣлъ про неповиновеніе королю, и когда фонъ-Оттеры и Хестеско взвели на нихъ эту напраслину, то «саймскіе мужики» какъ одинъ человѣкъ отвергли ее и поклялись королю въ вѣрности и послушаніи. На томъ самомъ сеймѣ 1789 г., который Спренгтпортенъ такъ оплакиваетъ, именно финское крестьянство удостовѣряло, что и во всей Финляндіи не найдется ни одного крестьянина, который неправо помыслилъ бы противъ своего короля и отечества. Спренгтпортенъ привелъ примѣръ саймскаго мужика для антитезы съ прусскимъ солдатомъ. Но сравненіе вышло совсѣмъ неудачно. «Логика», т. е. дисциплина пруссака, создала монархію Фридриха Великаго; а взваленное на плечи финскаго мужика свободомысліе довело Швецію до позорнѣйшаго упадка и продажности, коихъ Спренгтпортенъ едва-ли не былъ однимъ изъ лучшихъ образчиковъ.

III.

Въ Россіи на пенсіи.

Послѣ боя при Парасальми, раненый Спренгтпортенъ не принималъ уже болѣе участія въ военныхъ дѣйствіяхъ и остался не у дѣлъ. Для политической интриги, для «вліянія на умы» помощью золота также не было мѣста, и когда пошли въ 1790 г. окончательные переговоры о мирѣ, былъ уволенъ для лѣченія къ Барежскимъ водамъ. Нужно полагать, что Екатерина, не желая ссориться съ Густавомъ, избѣгала нахожденія Спренгтпортена въ Россіи, а тѣмъ болѣе въ столицѣ или вообще по близости границы съ Швеціей. Въ 1791 году онъ просилъ объ увольненіи отъ службы, съ награжденіемъ чиномъ генералъ-лейтенанта. Уволенъ онъ не былъ, но и награжденъ чиномъ не былъ. При этомъ Императ-

рица не выказала, повидимому, особаго ему вниманія [1]). Затѣмъ онъ проживалъ постоянно за границей. Карлсбадъ, Теплицъ, Э-ла-Шапель, Пирмонтъ—вотъ мѣста, которыми помѣчались его письма. Здѣсь жизнь его текла въ свое удовольствіе. Онъ переѣзжалъ съ мѣста на мѣсто, тратилъ деньги, дѣлалъ долги, писалъ плохіе французскіе стихи [2]), переписывался съ Казановою и друзьями. Петербургскихъ своихъ доброжелателей онъ также не забывалъ; графу Безбородко писалъ въ самыхъ почтительныхъ выраженіяхъ, не менѣе почтительно напоминалъ о себѣ графу Зубову, ожидая отъ него «приказаній». Изъ отвѣтныхъ писемъ нѣкоторыхъ лицъ, какъ Зубова, князя Куракина, Разумовскаго, видны вѣжливыя, но совершенно холодныя къ нему отношенія. Въ 1792 году онъ пріѣзжалъ въ Петербургъ для устройства своихъ дѣлъ. Желая представиться Императрицѣ, онъ предварительно зондировалъ графа Зубова [3]).

Быть можетъ къ этому времени относится своеобразная просьба Спренгтпортена на имя Императрицы, къ сожалѣнію не помѣченная ни годомъ, ни мѣсяцемъ, въ которой онъ просилъ о выдачѣ ему содержанія впередъ.... за четыре года. (Или она писана

---

[1]) Сборн. Имп. Истор. Общ. Т. 42, стр. 192. Письмо Екатерины II къ Турчанинову: «Петръ Ивановичъ. Вторичное письмо Спренгтпортена о увольненіи его прилагаю. Во первыхъ, генералъ-поручичьяго чина я не даю при отставкѣ никому. Второе, выправься о нынѣшнемъ его содержаніи. Третье, что онъ отъ меня получилъ? И потомъ доложи мнѣ скорѣе, т, е. завтра или въ субботу».

[2]) Вотъ образчикъ съ соблюденіемъ орѳографіи:

Ces gens la aisement se pique,
Et l'on en rie.
Il n'y a hélas! du bonheur en cette vie
Que le tems ne tue, ou que l'envie
N'empoisonne de sa langue impie.

[3]) Собственноручная записка гр. Платона Зубова, безъ даты: Le comte Zouboff, en témoignant ses respects à M. le général de Sprengtporten, a l'honneur de l'informer qu'ii croit lui avoir dit, que Sa M. Imp. serait fort contente de le voir, et qu'ayant une fois les entrées, il les conserve pour toujours. Veuillez agréer la considération distinguée avec laquelle j'ai l'honneur.... Comte Platon Zouboff. Мемуары Спренгтпортена.

въ началѣ его карьеры, въ 1787—8 годахъ?. Неизвѣстно какая резолюція послѣдовала по этому совершенно особенному домогательству [1]).

Какъ у всѣхъ знатныхъ особъ были свои банкиры, такъ и у Спренгтпортена въ этой роли состоялъ придворный банкиръ баронъ Сутерландъ. Однако этому финансовому тузу скоро надоѣло возиться съ вычетами изъ жалованья генерала, и онъ, высылая ему въ 1791 году 6.061 р., далъ понять что дѣлишки его, Спренгтпортена, причиняютъ ему «du chagrin». Послѣдній поспѣшилъ поставить банкира на свое мѣсто. «Я не люблю браниться изъ далека, иначе я сказалъ бы вамъ, господинъ баронъ Сутерландъ, что такимъ тономъ не пишутъ лицамъ, которыя имѣютъ право на нѣкоторое вниманіе. Впрочемъ, я не понимаю. что вы называете огорченіемъ, которое причиняютъ вамъ мои маленькія дѣла» [2]). За Сутерландомъ слѣдовали другія лица, съ которыми также выходили недоразумѣнія, отчасти по неудовольствію на протесты векселей, отчасти по случаю задержки содержанія.

1-го марта 1795 года Спренгтпортена произвели въ генералъ-поручики и прибавили 1.800 рубл. въ годъ содержанія, такъ что онъ получалъ, какъ выше сказано, до 10.000 рублей. Это не улучшало однако его положенія, и финансы барона были очень плохи: пожалованныхъ при вступленіи на службу крестьянъ уже не было; на новое пожалованіе помѣстій правительство было неподатливо, хотя онъ и мотивировалъ свои просьбы всякими доводами, въ томъ числѣ и необходимостью устроить положеніе вывезеннаго изъ Швеціи сына, уже маіора русской службы и геор-

---

[1]) Прошеніе это, безъ даты, въ Моск. Арх. М. Ин. Д., въ числѣ документовъ швед. камп. 1788 г., св. I, X. Réception. — Впослѣдствіи, въ 1810 г., подобная просьба была повторена и съ успѣхомъ: разрѣшена выдача пенсіи за 5 лѣтъ впередъ. См. ниже.

[2]) Письмо 5-го іюля 1791 г. На Сутерланда Спренгтпортенъ жаловался и Императрицѣ, или по крайней мѣрѣ секретарю ея Храповицкому. Онъ жаловался и на гр. Безбородко, и на гр. Остермана за то, что они не отвѣчаютъ на его письма. Сутерланду сдѣланъ выговоръ. Дневн. Храповицкаго, 23-го мая 1791 года.

гіевскаго кавалера [1]). Содержаніе шло на покрытіе однихъ долговъ, а другіе являлись въ большей еще цифрѣ.

Но годы шли, не стало Екатерины, пошли перемѣны, и для нашего героя наступили совсѣмъ черные дни. Затрудненія въ выдачѣ содержанія достигли послѣдней степени. Изъ кабинета отпускъ его переданъ въ комисаріатъ, и Спренгтпортенъ тщетно настаивалъ у своего банкира, теперь уже Mans et fils, на присылкѣ денегъ. Тотъ упорно молчалъ. Еще съ іюля 1796 г. полученія вовсе прекратились. Спренгтпортенъ, сидя въ Теплицѣ, бѣдствовалъ, переписывался съ Казановою и сочинялъ стихи, а кредиторы въ Петербургѣ грозили даже конкурсомъ. Въ декабрѣ онъ писалъ Императору Павлу; въ февралѣ 1797 г. писалъ вторично, объясняя что надѣялся ѣхать въ Петербургъ, «чтобы быть полезнымъ на службѣ обожаемаго Государя», но такъ какъ горячія ванны разстроили его нервы, то ему надо сперва ѣхать въ Пирмонтъ. Поэтому онъ просилъ разрѣшить ему пребываніе за границей до конца года, съ сохраненіемъ содержанія. Не получивъ отвѣта Спренгтпортенъ въ іюлѣ написалъ Павлу Петровичу третье письмо, въ которомъ ссылался на прежде обѣщанную ему благосклонность. Дѣло наконецъ разъяснилось: содержаніе оказалось ассигнованнымъ до конца года, но — лишь въ размѣрѣ жалованья по чину; столовыя же деньги и разница на курсѣ вовсе прекращены.... Спренгтпортенъ лишился, по его вычисленію, около трехъ четвертей его средствъ. Отъ 30-го января 1798 года, все изъ Теплица, онъ писалъ нѣкоей mademoiselle M. (вѣроятно баронессѣ Местмахеръ): «Знайте же, что на берегахъ Невы у меня отняли пожизненную ренту, пожалованную мнѣ благодѣтельной женщиной; нашли что вмѣсто 10.000, я могу довольствоваться и 2.700 рублями.... Послѣ этого не правъ-ли я, любя женщинъ, дорожа ихъ властью и ненавидя мужчинъ, когда лучшій изъ нихъ, самый великодушный и наиболѣе любимый, могъ такъ жестоко разрушить зданіе счастья, воздвигнутаго для меня ве-

---

[1]) Въ кампанію 1789 г. молодой Спренгтпортенъ также принималъ участіе противъ Шведовъ и былъ раненъ при Санктъ-Михелѣ. Въ 1790 г. Императрица просила Потемкина оказать ему покровительство въ его арміи. Рескриптъ 8-го апрѣля 1790. Сборн. Ист. Общ., т. 42, стр. 74.

ликодушіемъ наивысшаго существа вашего пола? Если когда-нибудь могу оправиться отъ этого непредвидѣннаго удара, я пойду броситься къ ногамъ владыки моей участи; можетъ быть лично достигну я нѣкоторой перемѣны. Это единственная остающаяся мнѣ надежда». Черезъ нѣсколько дней онъ писалъ той же m-lle M., жалуясь на жизнь и на то, что онъ сталъ нулемъ (nullité): «Если бы Павелъ справедливый и много любимый, удостоилъ только предоставить мнѣ небольшую хижину, чтобы прожить тамъ остатокъ дней моихъ, я горячо принялъ бы это уединеніе, будь оно даже гдѣ-нибудь среди маленькаго виноградника на берегахъ Эльбы». Около того же времени Спренгтпортенъ убѣждалъ графа Безбородко, что если бы ему предоставлено было жить въ Финляндія, или гдѣ-нибудь въ Россіи, то онъ могъ бы ограничить свои расходы и дожить кое-какъ остальные дни. Онъ высказывалъ при этомъ что окладъ, ему прежде производившійся, дѣйствительно могъ казаться великимъ, но просилъ принять во вниманіе раны, полученныя имъ на службѣ покойной Императрицы (?!).

Пока Спренгтпортенъ писалъ всѣ эти письма, въ Петербургѣ очевидно его доброжелатели буквально поняли прошлогоднюю просьбу его позволить остаться за границей и сохранить содержаніе «до конца года». Съ 1-го января 1798 г. ему вовсе прекратили всякую выдачу. Къ повтореннымъ просьбамъ Безбородкѣ войти въ его положеніе, сдѣлавшееся дѣйствительно крайнимъ, онъ не стѣснился этотъ разъ [1]) присоединить очень прозрачные намеки на то, что ему остается одно: покончить съ собой....

Не смотря на такія стѣсненныя свои обстоятельства, Спренгтпортенъ продолжалъ вести безпорядочную жизнь. Человѣкъ увлеченій, онъ разумѣется не могъ не увлекаться женщинами. Это въ конецъ разстроивало его средства. Правильной семейной жизни онъ не зналъ. Первая жена умерла еще до переѣзда въ Россію и была несчастна. Въ 1788 году, передъ началомъ войны, баронъ Нолькенъ желалъ ему, какъ выше сказано, успѣха столько же на

[1]) Письмо 23-го февраля 1798 года.

войнѣ, сколько и въ любви, и упоминалъ о прекрасной голландкѣ. Нужно полагать что это было продолженіе романа, начатаго еще въ Гагѣ, Мастрихтѣ или т. под., когда въ 1785 г. Спренгтпортенъ устроивалъ тамъ корпусъ волонтеровъ. Но затѣмъ онъ женатъ уже второй разъ [1]), и вѣроятно на той самой голландкѣ. Однако отношенія его съ женою, Annette, оказываются далеко не изъ удовлетворительныхъ: супруги легко ссорятся и трудно мирятся. «Ты все-таки не та еще женщина, которой я желаю», писалъ онъ ей съ довольно странною откровенностью. «Ты меня ненавидѣла, ты пренебрегала мною; это было вполнѣ очевидно» [2]). Затѣмъ сердечное «ты», замѣнилось уже холоднымъ «вы», и Спренгтпортенъ, жившій постоянно въ Теплицѣ, повелъ энергическую переписку съ женою, находившейся въ Ганноверѣ, требуя точнаго опредѣленія условій развода. Это было въ 1796—97 годахъ, т. е. послѣ восьми лѣтъ супружества. Хотя, по его словамъ, жена его ненавидѣла, но настойчивость во взаимномъ предоставленіи свободы была на его сторонѣ; въ отвѣтахъ жены, напротивъ, была большая медленность. Завязался несомнѣнно новый романъ, который и побуждалъ нашего героя, несмотря на то что ему было уже 56 лѣтъ, къ этому рѣшительному шагу. Въ самый разгаръ переписки съ женой и, добавимъ, безденежья, Спренгтпортенъ хотѣлъ переѣхать изъ Теплица въ Дрезденъ. Однако этотъ переѣздъ встрѣтилъ сильное противодѣйствіе въ нѣкоторыхъ друзьяхъ его: оказывается, что съ нимъ переселилась бы непремѣнно и нѣкая M. de C. Одинъ изъ друзей женскаго пола, подписывавшійся именемъ Элизы, хотя и находилъ m-me C. прекрасной, интересной и любезной особой, но рекомендовалъ ея обожателю наслаждаться ея обществомъ въ тиши Богемской долины и не попадаться на глаза голландцамъ, проживавшимъ въ Дрезденѣ. При всѣхъ своихъ достоинствахъ, m-me de C. имѣла на душѣ одинъ грѣшокъ. Любовь, которую она зажгла въ князѣ Эстергази, обо-

[1]) Въ декабрѣ 1788 г. На свадьбу дано 2.000 руб. Дневн. Храповицкаго подъ 2 декабря 1788, стр. 206.

[2]) Tu n'est pas encore la femme, que je désire.... Enfin tu m'as détesté, rébuté, cela n'a été que trop visible. Письмо безъ даты: Импер. Публ. Библ. Мемуары Спренгтпортена.

шлась ему въ милліонъ флориновъ. Когда же затѣмъ этотъ бѣдный князь оказался не въ состояніи продолжать также великодушно расплачиваться за счастье ея любви, то m-me de C. его преспокойно бросила [1]). Спренгтпортену приходилось замѣстить разорившагося милліонера, князя Эстергази, а тутъ русское правительство вздумало урѣзать жалованье, а потомъ и вовсе прекратить его. Неудивительно что онъ готовъ былъ стрѣляться, тѣмъ болѣе что то было время Вертера и Шарлотты.

Денежныя бѣдствія Спренгтпортена однако довольно скоро если не прекратились вовсе, то значительно уменьшились. Можетъ быть перспектива пули въ лобъ показанная графу Безбородко произвела свой эффектъ. О ней было написано 23-го февраля, а не съ большимъ черезъ мѣсяцъ, 31-го марта, Спренгтпортенъ произведенъ въ генералы отъ инфантеріи, послѣ трехлѣтняго исканія приключеній за границей въ генералъ-поручичьемъ чинѣ, пожалованномъ лишь 1-го марта 1795 года. Съ повышеннымъ рангомъ дано конечно и увеличенное жалованье.

Счастье начало опять улыбаться Спренгтпортену. Быть можетъ не безъ вліянія вице-канцлера Колычева, который зналъ его еще въ Гагѣ, новый генералъ отъ инфантеріи получилъ въ 1800 году, хотя и не особенно серіезное, но во всякомъ случаѣ видное порученіе въ Парижъ. Императоръ Павелъ возложилъ на него переговоры съ первымъ консуломъ французской республики о возвратѣ русскихъ плѣнныхъ, захваченныхъ въ Италіи, на Корфу и пр. Собственно для дипломатическихъ дѣлъ ѣхалъ Колычевъ. Но тщеславію Спренгтпортена льстила роль русскаго генерала присланнаго Императоромъ Павломъ, личность котораго возбуждала тогда въ Европѣ особый интересъ. Сначала поведеніе его было правильно, и Павелъ Петровичъ двумя рескриптами, 2-го и 13-го января 1801 года, выражалъ ему свое удовольствіе. Но Спренгтпортенъ скоро сталъ выбиваться изъ тѣсныхъ рамокъ ему назначенныхъ и началъ воображать себя пред-

---

[1]) Письмо изъ Дрездена отъ 29-го ноября 1796 г., подписано Elise.— Имп. Публ. Б.

ставителемъ Россіи [1]). Колычева въ Парижѣ еще не было. Парижская жизнь со всѣми своими соблазнами еще болѣе кружила голову. Уже отъ 7-го января свое донесеніе Государю онъ кончалъ заявленіемъ о «petite galanterie», которую онъ нашелъ нужнымъ оказать парижскому обществу. Въ поясненіе приложена вырѣзка изъ газеты, гдѣ разсказывалось о великолѣпномъ балѣ, данномъ русскимъ генераломъ въ его помѣщеніи. Едва-ли—писалъ легкій на фразу хроникёръ—собиралось когда-нибудь общество болѣе блестящее. Сотни прелестнѣйшихъ женщинъ Парижа, блескъ ихъ нарядовъ, прекрасная иллюминація, самый роскошный ужинъ,—все давало этому балу значеніе настоящаго праздника [2]).

На такіе отчеты Императоръ Павелъ едва-ли всегда смотрѣлъ особенно благосклонно. Кромѣ того Спренгтпортенъ сталъ усердно мѣшаться въ политику, не смотря на свое мимолетное значеніе. Онъ довольно часто посылалъ шифрованныя депеши о разныхъ предметахъ обще-европейскаго характера, пересыпая мелочами льстиво-игриваго свойства. Въ такомъ родѣ былъ шифрованный рапортъ его отъ 24-го января съ извѣщеніемъ, что миръ съ Австріей еще не заключенъ и что всѣ съ безпокойствомъ ждутъ ультиматума Императора Павла на ноту Талейрана. Въ концѣ депеши Спренгтпортенъ съ обычною ему развязностью разсказывалъ, что «въ то время какъ Англичане, avec leur impudence ordinaire, nous disent des sottises, Sire, à vous même, comme à vos fidèles serviteurs [3]), въ это время Французы превозносятъ насъ похвалами». Въ доказательство приложены были куплеты, раздававшіеся наканунѣ, при всеобщихъ рукоплесканіяхъ, на представленіи пьесы «Петръ Первый».

Но генералъ не замѣчалъ, что онъ переполнилъ мѣру терпѣнія Павла. Отвѣтъ на послѣднюю депешу былъ уже не отъ самого Императора какъ прежде, а отъ канцлера, и отличался край-

---

[1]) Иные прямо называли его «ambassadeur de Russie». См. письмо Charles de Latour, 1-го января 1801 г. Mémoires.

[2]) Арх. М. Ин. Д. Paris, св. № 1, 5, 11, 33.

[3]) Съ ихъ обычнымъ безстыдствомъ говорятъ намъ глупости, какъ вамъ самому, Государь, такъ и вашимъ вѣрнымъ слугамъ.

нимъ лаконизмомъ. «Его Императорское Величество, писалъ тотъ, по прочтеніи письма вашего высокопревосходительства отъ 24-го января, повелѣлъ отвѣчать вамъ, что высочайшая его воля состоитъ въ томъ, чтобы вы ничѣмъ другимъ, кромѣ выдачи плѣнныхъ, не занимались, и затѣмъ немедленно возвратились, какъ только порученіе это будетъ исполнено» [1]).

Въ донесеніи объ исполненіи порученія, представленномъ уже Императору Александру, Спренгтпортенъ излагалъ вкратцѣ весь ходъ своихъ дѣйствій, денежный же отчетъ на сумму до 200.000 р. просилъ дозволенія представить лично Государю [2]). Насколько Александръ Павловичъ былъ доволенъ донесеніемъ, неизвѣстно; но во всякомъ случаѣ Спренгтпортенъ поступилъ ловко, отправивъ его съ княземъ Долгоруковымъ, однимъ изъ состоявшихъ при немъ офицеровъ, любимцемъ Александра.

Безъ сомнѣнія теперь Спренгтпортенъ не затерялся, какъ было при Императрицѣ Екатеринѣ и въ началѣ царствованія Павла. Потому-ли что въ немъ былъ признанъ административный талантъ, или находили неудобнымъ пребываніе его въ Петербургѣ при натянутости личныхъ отношеній Императора Александра и короля Густава Адольфа IV, но въ слѣдующемъ же 1802 году Спренгтпортенъ уже совершаетъ на казенный счетъ, въ сопровожденіи нѣсколькихъ чиновниковъ, продолжительное путешествіе по Европейской Россіи, Сибири, Кавказу, а потомъ и за границей. Поѣздка имѣла весьма легкій, описательный характеръ. Бенкендорфъ и Ставицкій, состоявшіе при шефѣ экспедиціи, разъѣзжали въ стороны и сообщали ему коротенькіе отчеты, или вѣрнѣе наброски; состоявшій по художественной части Карповъ дѣлалъ кое-какіе рисунки. Спренгтпортенъ также былъ отчасти ху-

---

[1]) Par ordre de l'Empereur. Mon général. Sa M. l'Empereur après la lecture de la lettre de v. exc. du 24 janvier m'a ordonné de vous y répondre, que sa volonté suprême était que vous deviez ne vous occuper que de l'extradition des prisonniers russes, et retourner aussitôt que cette commission serait remplie. Lu à S. M. I-le le 18 février au chateau Michel. (Арх. М. Ин. Д. тамъ-же № 4—41).

[2]) Среди другихъ архивныхъ бумагъ, относящихся къ этому дѣлу, мы не нашли денежнаго отчета.

дожникъ, и отдавая постоянные досуги свои поэзіи и литературѣ, занимался кромѣ того и рисованіемъ. Въ путешествующемъ обществѣ были еще: жена Егора Максимовича (третья), малолѣтній сынъ Карлъ Егоровичъ, гувернеръ, французъ Робертъ и итальянецъ Пасквини. Позднѣе присоединился еще сынъ бывшаго потомъ министра финансовъ, молодой Гурьевъ, ѣздившій впрочемъ на собственный счетъ.

Въ октябрѣ Спренгтпортенъ былъ уже на Байкалѣ [1]). Впрочемъ, переписка его даетъ очень смутное понятіе о поѣздкѣ по Сибири, и даже вовсе нельзя руководясь ею представить себѣ его маршрутъ. 1803 годъ онъ употребилъ на проѣздъ по Казанской, Саратовской и Симбирской губерніямъ; лѣтомъ сдѣлалъ прогулку по Волгѣ, былъ потомъ на Кавказѣ, гдѣ лѣчился мѣстными водами, наблюдалъ черкесовъ и калмыковъ. На обратномъ пути онъ посѣтилъ Эльтонское озеро, Камышинъ, Донъ, Воронежъ, Харьковъ, Полтаву и пріѣхалъ на отдыхъ въ Херсонъ, гдѣ встрѣтилъ новый 1804 годъ. Наканунѣ его наступленія, 31-го декабря, Спренгтпортенъ послалъ Государю рапортъ за 8 мѣсяцевъ этого втораго уже года своего путешествія. Собственно рапортомъ, особенно всеподданѣйшимъ, эту бумагу, какъ и другія подобныя имъ прежде писанныя, никакъ нельзя назвать. Ни тѣни серіозныхъ, обдуманныхъ соображеній, тѣмъ менѣе выводовъ и заключеній, даже какой-нибудь системы. Даже въ почеркѣ была та же небрежность, которою не безъ остроумія укорялъ пріятель его Казанова [2]). Императрица Екатерина прямо отказывалась читать его автографы [3]). Въ «рапортѣ» своемъ, на шести страницахъ, Спренгтпортенъ разсказывалъ, что администрація посѣщенныхъ мѣстъ дѣлаетъ свое дѣло, а онъ занимается болѣе художествен-

---

[1]) Письмо къ Ливену, октября 1802 г. Mémoires.

[2]) Онъ писалъ Спренгтпортену 18 августа 1795 г. Si Dieu vous a donné la faculté de parler si bien, pourquoi ne lui donnez-vous pas une marque de votre réconnaissance en écrivant aussi intélligiblement? Je suis tenté de vous croire un peu cruel. Mémoires.

[3]) «Какъ Шпренгпортена рука прочесть не могу, то прикажите списать для меня рукою, чтобъ прочесть можно было.» Моск. Гл. Арх. Cmp. Suède, X, 1, Sprengporten, Réception.

ною частью (partie pittoresque), въ подтвержденіе чего и представилъ въ нѣсколькихъ эскизахъ костюмы инородцевъ, приложилъ и двѣ карты кавказскихъ кислыхъ и горячихъ источниковъ, оговариваясь что онѣ собственно для Кочубея, назначеннаго тогда министромъ внутреннихъ дѣлъ. На Кавказѣ, по объясненію Спренгтпортена, онъ задался задачею собранія всѣхъ свѣдѣній для изученія линіи защиты этого края, но отлагалъ говорить, такъ какъ предпочиталъ представить объ этомъ докладъ на словахъ по возвращеніи. Такой пріемъ былъ вообще свойственъ нашему генералу. Къ тому же письменное изложеніе требовало труда, системы, дѣйствительнаго изученія, и притомъ подвергало автора возможности серьезной критики. На словахъ другое дѣло. Въ настоящемъ случаѣ онъ не стѣсняясь заявлялъ Государю что желаетъ дѣйствовать на него помимо постороннихъ сужденій, потому что легко можетъ случиться, что, «я не буду на этотъ счетъ общаго со всѣми мнѣнія, а потому предпочитаю, Государь, сохранить до возвращенія моего счастье говорить съ вами объ этомъ съ тою откровенностью, которою вдохновляетъ меня преданность вашимъ интересамъ и славѣ вашей имперіи» [1]).

Что говорилъ Спренгтпортенъ Императору Александру по возвращеніи въ Петербургъ, и даже говорилъ-ли что—такъ какъ возвратился лишь черезъ два года—неизвѣстно. Но о томъ, что̀ онъ вѣроятно говорилъ бы, можно заключить по письму, одновременно посланному къ гр. Кочубею. Ссылаясь на свой всеподданнѣйшій рапортъ, онъ развивалъ значеніе кавказскихъ минеральныхъ водъ и описывалъ дурное ихъ устройство, сильно порицалъ постройку на Кавказѣ крѣпостей, когда довольно было бы по его отзыву десятка пушекъ, для того чтобы держать все въ порядкѣ; говорилъ объ астраханскихъ рыбныхъ промыслахъ и осуждалъ ихъ монополію. Вообще обо всемъ понемножку. Въ Грузіи не былъ, поясняя что его и не очень хотѣли тамъ видѣть. Графу Ливену онъ писалъ о своихъ дальнѣйшихъ экскурсіяхъ, имѣвшихъ вообще характеръ пріятной прогулки, въ кругу семьи, со всѣмъ комфортомъ и на казенный счетъ. Время съ февраля по

[1]) Mémoires 11. 34.

апрѣль онъ отдалъ поѣздкѣ по Крыму, куда въ путешествіе Екатерины въ 1787 году, онъ, какъ извѣстно, допущенъ не былъ. Затѣмъ въ Константинополь и Корфу. На проѣздъ изъ Севастополя маркизъ Траверсе обѣщалъ ему военное судно. Ливена онъ просилъ о содѣйствіи къ испрошенію на то соизволенія Государя; притомъ дѣло не ограничивалось переѣздомъ до Оттоманской столицы: онъ выражалъ желаніе и въ Архипелагъ проѣхать также подъ прикрытіемъ военнаго флага. Просилъ о кредитивѣ на Константинополь годоваго оклада его пенсіи, и даже о передачѣ банкиру всего жалованья за годъ впередъ, чтобы имѣть—откровенно объяснялъ онъ — выгоду на курсѣ, который можетъ упасть. Всѣ желанія этого, въ своемъ родѣ, счастливаго человѣка были исполнены, и въ теченіе 1804 года мы видимъ его путешествующимъ по Востоку. Слѣдующую зиму онъ провелъ въ Корфу, а лѣто 1805 г. на водахъ въ Баденѣ. Отсюда онъ собирался было уѣхать въ ожиданіи пріѣзда Александра Павловича, и невозможности, по болѣзненному состоянію, соблюдать установленный этикетъ; но графъ Разумовскій изъ Вѣны успокоилъ его заботы и волненія Затѣмъ Спренгтпортенъ провелъ нѣсколько времени въ Венгріи и былъ кажется свидѣтелемъ Аустерлицкаго боя.

Прослѣдивъ цѣлыя 20 лѣтъ пребыванія нашего героя въ Россіи, или вѣрнѣе въ русскихъ чинахъ и на русскомъ содержаніи, мы подошли къ эпохѣ покоренія Финляндіи, гдѣ вновь, хотя опять не на долго, проявилась суетливая, энергическая пожалуй, но своекорыстная дѣятельность этого человѣка. На склонѣ дней онъ оказался вновь предъ той же задачею, которая поднимала въ головѣ его, въ болѣе молодые годы, цѣлые вихри честолюбивыхъ мечтаній. Но само это событіе, также какъ и служба Спренгтпортена, тѣсно переплелись между собою во множествѣ подробностей, которыя требуютъ обстоятельнаго описанія. Въ покореніи Финляндіи онъ игралъ, правда, тоже роль мухи около дорожныхъ; но эта муха жужжала, залѣзала въ уши, слѣпила глаза, кусала и въ концѣ концовъ своротила коней съ прямой дороги.

ГЛАВА X.

Шведская кампанія 1808 г.

I.

Движеніе впередъ и отступленіе.

По заключеніи Верельскаго мира Густаву III не долго довелось пользоваться его плодами. Избѣжавъ злой судьбы, которую готовили ему четыре года назадъ аньяльскіе заговорщики, король не отстранилъ теперь направленнаго въ него пистолета. При выходѣ 4-го (15-го) марта 1792 г. изъ опернаго маскарада, Густавъ былъ измѣннически умерщвленъ дворяниномъ Анкарстрёмомъ, выстрѣлившимъ ему въ спину. Бывшій при этомъ въ виду новый государственный переворотъ однако не осуществился. Проживъ послѣ полученія раны еще двѣ недѣли, Густавъ имѣлъ время и возможность установить порядокъ управленія государствомъ впредь до совершеннолѣтія 14-ти-лѣтняго наслѣдника его Густава-Адольфа. Регентомъ былъ назначенъ братъ покойнаго, не разъ упоминавшійся принцъ Карлъ, герцогъ Зюдерманландскій.

Регентъ вскорѣ подчинился вліянію друга своего, Рейтергольма, прозваннаго якобинцемъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ измѣнились и всѣ отношенія Швеціи какъ внѣшнія такъ и внутреннія. Вмѣсто союза съ Россіей предпочтено за 40 бочекъ золота сближеніе съ республиканской Франціей. Противъ Россіи начались вновь вооруженія.

Но удаленные въ большомъ числѣ отъ должностей и вліянія на дѣла чиновники прошлаго царствованія, и другіе недовольные, не остались въ бездѣйствіи. Составился планъ устраненія Рейтер-

гольма при помощи русскаго двора. Несовершеннолѣтній король долженъ былъ обратиться къ содѣйствію Императрицы Екатерины, съ тѣмъ чтобы требованіе заговорщиковъ объ удаленіи Рейтергольма она поддержала посылкою эскадры въ окрестности Стокгольма. Замыслы эти, однако, были обнаружены, переписка захвачена, заговорщики арестованы. Одинъ изъ нихъ, передовой дѣятель при заключеніи Верельскаго мира, Густавъ Морицъ Армфельтъ, удаленный въ новое царствованіе изъ Стокгольма въ Неаполь въ званіи посланника, бѣжалъ въ Россію, гдѣ и водворенъ въ Калугѣ. Имя его было выставлено на позорныхъ столбахъ; другіе соучастники подверглись тяжкимъ наказаніямъ. Возлюбленная Армфельта, упоминавшаяся уже фрейлина Руденшольдъ, выставленная также къ позорному столбу, отдана затѣмъ въ рабочій домъ.

Тѣмъ не менѣе благоразуміе взяло верхъ въ шведскомъ правительствѣ, и война съ Россіей не только устранена, но и сдѣланы шаги къ новому сближенію. Молодой король, подъ именемъ графа Гага, вмѣстѣ съ герцогомъ Карломъ отправился въ августѣ 1796 г. въ Петербургъ, гдѣ и произошло извѣстное, неудачное сватовство внучки Императрицы, великой княжны Александры Павловны. По возвращеніи въ Стокгольмъ Густавъ достигъ 18-ти лѣтъ и вступилъ въ самостоятельное управленіе государствомъ подъ именемъ Густава-Адольфа IV.

Вскорѣ скончалась Императрица Екатерина. Не смотря на несостоявшійся бракъ, отношенія между новыми правителями обоихъ государствъ Густавомъ и Императоромъ Павломъ приняли самую дружественную форму, благодаря вѣроятно сходству ихъ характеровъ. Дружба была на столько близка, что когда предположили возобновить договоръ 1780 г. о вооруженномъ нейтралитетѣ, то для окончательныхъ соглашеній Густавъ-Адольфъ пріѣхалъ въ 1800 г. лично въ Петербургъ. По случаю созваннаго въ томъ же году сейма, въ виду возможныхъ волненій въ Швеціи и Финляндіи, Императоръ Павелъ предложилъ Густаву свою поддержку вооруженною рукой.

Однако такія добрыя отношенія продолжались только при жизни Павла. По вступленію на престолъ Императора Александра,

не смотря на близкое его свойство съ Густавомъ-Адольфомъ, женившимся на принцессѣ Фредерикѣ Баденской, родной сестрѣ Императрицы Елизаветы Алексѣевны, — взаимныя отношенія быстро ухудшились. Упрямый и неспокойный характеръ шведскаго короля несомнѣнно игралъ здѣсь немалую роль. Эпизоды, мелочные и незначительные сами по себѣ, получали острый характеръ и все болѣе разъединяли государей.

Въ 1802 г. на границѣ между русской и шведской Финляндіями, въ Аборфорсѣ, состоялось свиданіе царственныхъ сестеръ продолжавшееся четыре дня; Густавъ-Адольфъ также присутствовалъ. Въ Аборфорсѣ есть мостъ чрезъ пограничный рукавъ рѣки Кюмени; половина моста принадлежала Россіи, половина Швеціи. Сообразно съ этимъ каждая половина была выкрашена въ соотвѣтственные государственные цвѣта. Въ бытность свою теперь на мѣстѣ король приказалъ выкрасить весь мостъ, т. е. и русскую его половину, цвѣтами шведскими. Это вызвало понятное неудовольствіе въ Петербургѣ. Оно усилилось еще болѣе, когда родившемуся вскорѣ второму сыну своему, Карлу-Густаву, король присвоилъ титулъ великаго князя Финляндскаго, каковаго, со времени завоеванія Петромъ I части Финляндіи, ни короли, ни принцы шведскіе не носили [1]). Императоръ Александръ, не смотря на близкое родство, пе былъ даже приглашенъ на крестины новорожденнаго принца; объ этомъ много говорили и въ Швеціи, видя явные признаки охлажденія обоихъ дворовъ. Около того же времени Густавъ оскорбилъ русскаго министра графа Панина, ѣхавшаго съ семействомъ въ Швецію чрезъ Финляндію. Въ Борго графъ Панинъ былъ остановленъ, ему воспрещено дальнѣйшее слѣдованіе и пришлось возвратиться въ Петербургъ. Косвенно этимъ былъ оскорбленъ и Императоръ Александръ, до свѣдѣнія котораго Панинъ не замедлилъ довести о всемъ случившемся письмомъ полнымъ горечи. Непріязнь Густава къ русскому министру имѣла

---

[1]) Koskinen, Finnische Geschichte.—По словамъ Г. М. Армфельта, въ отвѣтъ на это Александръ Павловичъ приказалъ Выборгскую губ. именовать Финляндскою. (G. M. Armfelt, af Elof Tegner, т. III., стр. 9, прим). О титулѣ Велик. Кн. Финляндскаго см. «Новое Время 1889 г. № 4642, письмо въ редакцію.

причиной то, что онъ, въ числѣ другихъ, совѣтовалъ Александру Павловичу отклонить обращенную къ нему Густавомъ незадолго предъ тѣмъ просьбу о субсидіи [1]).

Молодой король взялъ себѣ въ образецъ Карла XII и приготовлялся дѣйствовать. Въ Саволаксѣ и въ Кореліи сдѣлано было въ концѣ 1802 г. распоряженіе о привлеченіи населенія къ добровольному, будто бы, усиленію военныхъ средствъ. Кромѣ существовавшей уже обыкновенной милиціи образовалось особое еще ополченіе (landwärn) по одному человѣку отъ каждаго геймата, т. е. усадьбы или двора. Предложеніе это, крайне обременительное, встрѣчено по мѣстамъ несочувственно, но потомъ съ небольшими оговорками принято, и военныя средства Финляндіи могли возрасти такимъ образомъ едва-ли не на 30 тысячъ человѣкъ [2]).

По всѣмъ этимъ причинамъ, и такъ какъ политическія отношенія въ началѣ XIX столѣтія мѣнялись съ величайшею быстротою,—Россіи всего и всегда можно было ожидать отъ неспокойнаго сосѣда. Поэтому и въ русской Финляндіи стали принимать мѣры военной предосторожности. Впрочемъ, послѣ убійства герцога Энгіенскаго и провозглашенія Наполеона императоромъ, опасенія столкновенія уступили на время мѣсто всеобщей къ послѣднему ненависти. Густавъ-Адольфъ, забывъ непріязнь къ Россіи поспѣшилъ приступить къ союзу послѣдней съ Англіей и Австріей и принять даже командованіе надъ русскими войсками, бывшими въ Помераніи. Но не успѣлъ онъ начать дѣйствовать, какъ прогремѣлъ Аустерлицкій бой,—и дѣло Россіи и Австріи оказалось проиграннымъ. Шведскія войска, уже переправившіяся къ Эльбѣ, должны были возвратиться. Сраженія при Іенѣ и Ауерштедтѣ положили къ ногамъ всемірнаго завоевателя Пруссію, бывшую также въ союзѣ съ Густавомъ-Адольфомъ. Россія, послѣ неудачъ своихъ на Вислѣ, заключила міръ въ Тильзитѣ. При ея содѣйствіи и Швеція могла бы примириться съ Наполеономъ. Но непреклонная ненависть къ «апокалиптическому звѣрю» побудила Гу-

---

[1]) Арх. М. Ин. Д., 1802 г. Corr. C-te Panine, № 13, Intérieur. Докладъ гр. Панина Государю изъ Выборга 5 (17) іюня, и рескриптъ Александра изъ Минска отъ 12 іюня (№ 14).

[2]) Донесеніе выборгскаго губернатора Ореуса.

става отвергнуть это примиреніе, въ чемъ онъ далъ торжественную клятву, утвердивъ ее принятіемъ Св. Тайнъ, и упорно остался въ союзѣ съ Англіей. Его воззрѣнія не измѣнились и послѣ того, какъ Англичане, въ сентябрѣ 1807 года, напали, не объявляя войны, на Копенгагенъ и силою увели союзный Швеціи датскій флотъ, подъ предлогомъ опасенія чтобы онъ не достался въ руки Наполеона. Король шведскій, не смотря на требованія Россіи, основанныя на упомянутыхъ трактатахъ 1780 и 1800 годовъ [1]), не вступился за оскорбленнаго союзника своего и Россіи. Императоръ Александръ требовалъ отъ Густава-Адольфа соблюденія договоровъ и отстраненія отъ Англіи, противъ которой они именно были направлены, но голосъ его не былъ услышанъ. Густавъ-Адольфъ признавалъ трактаты утратившими силу вслѣдствіе того, что нѣкоторыя гавани Балтійскаго моря были заняты французскими войсками. Онъ оправдывалъ даже дѣйствія Англіи, находя что противъ такого врага, какъ Наполеонъ, всякія средства хороши. На повторенное приглашеніе онъ медлилъ два мѣсяца отвѣтомъ, а между тѣмъ тайно совѣщался въ Лондонѣ о союзѣ съ Англіей, и имѣлъ въ виду высадиться въ Зеландіи и овладѣть Норвегіей. Заключеннымъ въ январѣ тайнымъ союзомъ королю шведскому было обѣщано въ случаѣ войны съ сосѣдями 14 тыс. англійскаго войска и ежемѣсячно по 1 мил. ф. стер. вспомогательныхъ денегъ. Въ такихъ обстоятельствахъ Александръ нашелъ нужнымъ въ видахъ понужденія Густава къ исполненію принятыхъ имъ на себя обязательствъ, двинуть войска въ Финляндію. Въ деклараціи эти дѣйствія объяснялись необходимостью «сохраненія безопасности Имперіи.» Новая война Россіи съ Швеціей загорѣлась. На карту ставилось окончательное покореніе всего финляндскаго полуострова русской власти [2]).

Войска Императора Александра, не смотря на сильную стужу, перешли границу 9-го февраля 1808 г. По полученіи о семъ извѣ-

---

[1]) См. обширная переписка въ Главн. Моск. Арх. М. Ин. Дѣлъ.

[2]) Подробное изложеніе обстоятельствъ, предшествовавшихъ разрыву см. въ II т. Сборн. Ист. Общ., 1868 г., въ ст. К. К. Злобина: «Дипломатическія сношенія Россіи и Швеціи въ первые годы царствованія Александра I-го».

стія, король прислалъ русскому посланнику Алопеусу ноту о прекращеніи сношеній, и приказалъ арестовать какъ самого посланника, такъ и чиновниковъ посольства, бумаги же опечаталъ. Генералъ-адъютантъ короля Бойе явился въ сопровожденіи вооруженныхъ солдатъ и въ точности исполнилъ порученіе: часовые были приставлены къ выходамъ, внутри водворились офицеры и полицейскіе, коимъ вмѣнено въ обязанность не допускать никакихъ сношеній бывшаго посольства съ городомъ. Губернаторъ Стокгольма имѣлъ повелѣніе заставлять Алопеуса выслушивать извѣстія и объявленія объ успѣхахъ будто бы Шведовъ въ Финляндіи, представляемыхъ къ тому же въ оскорбительномъ видѣ. Русскій консулъ также былъ арестованъ, а посланный изъ Петербурга къ Алопеусу курьеръ перехваченъ, депеши вскрыты и опубликованы [1]). Такого рода насилія, неслыханныя въ новѣйшей исторіи, были впрочемъ, въ обычаяхъ короля Густава IV: позднѣе, въ томъ же 1808 г., разгнѣванный неудовлетворительными по его мнѣнію дѣйствіями представителя Англіи,—единственнаго въ то время союзника Швеціи,—онъ приказалъ наложить амбарго на всѣ англійскія суда, бывшія тогда во множествѣ въ шведскихъ гаваняхъ.

Главнокомандующимъ русскихъ силъ въ Финляндіи былъ назначенъ прибалтійскій генералъ-губернаторъ графъ Буксгевденъ, участвовавшій съ отличіемъ въ финляндской войнѣ Екатерины [2]). Планъ его дѣйствій состоялъ въ томъ, чтобы правое крыло, подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Тучкова I-го, изъ Нейшлота препятствовало шведскимъ войскамъ, стоявшимъ въ восточной Финляндіи, соединиться съ войсками, бывшими въ срединной ея части, у Тавастгуса. Центръ—съ генералъ-лейтенантомъ княземъ Багратіономъ во главѣ,—перейдя р. Кюмень, долженъ былъ направиться къ Тавастгусу. Лѣвое крыло, подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта князя Горчакова, а потомъ графа Каменскаго, шло береговой дорогой вдоль Финскаго залива на Ловизу и Гельсингфорсъ, для овладѣнія Свеаборгомъ [3]).

---

[1]) Спб. Арх. М. Ин. Дѣлъ, Camp. Suédoise 1808, 9, Corr. Alopeus.

[2]) См. выше, стр. 273.

[3]) Настоящее краткое описаніе военныхъ событій какъ въ этой, такъ и въ XI главѣ, не содержитъ новыхъ изслѣдованій, а основано на печат-

Со стороны Шведовъ временно командовалъ генералъ Клеркеръ; главнокомандующій графъ Клингспорръ находился еще въ Стокгольмѣ. Войска Шведовъ были разбросаны по всей странѣ и ко встрѣчѣ Русскихъ въ такое суровое время года вовсе не приготовлены; самое извѣстіе о предстоящемъ вступленіи ихъ было получено Клеркеромъ отъ шведскаго посла въ Петербургѣ лишь за недѣлю до перехода границы. Поэтому послѣ небольшихъ стычекъ началось по всей линіи отступленіе шведскихъ отрядовъ въ такой мѣрѣ, что уже чрезъ 4 дня графъ Буксгевденъ занялъ Борго и перенесъ туда свою главную квартиру, а черезъ 9 дней наши войска заняли, послѣ небольшого авангарднаго дѣла, Гельсингфорсъ и приблизились къ Свеаборгу. Генералъ Клеркеръ между тѣмъ стягивалъ войска къ Тавастгусу, центральному пункту Финляндіи, гдѣ сходятся пути сообщенія со всѣми частями страны. Здѣсь онъ имѣлъ въ виду принять сраженіе, на успѣхъ котораго при равенствѣ силъ противниковъ вполнѣ разсчитывалъ, тѣмъ болѣе что и Шведы и Финны были воодушевлены горячимъ желаніемъ сразиться. Однако, наканунѣ дня, назначеннаго для атаки подходившихъ русскихъ войскъ, прибылъ изъ Стокгольма главнокомандующій графъ Клингспорръ съ повелѣніемъ Густава не вступать въ бой съ превосходнымъ непріятелемъ и вести войну оборонительную. Онъ видѣлъ всю невыгодность для Шведовъ зимняго похода, какъ за прекращеніемъ морскихъ сообщеній съ Швеціей, такъ и по мѣстнымъ условіямъ самой Финляндіи, гдѣ замерзшія озера и рѣки лишали войска тѣхъ способовъ естественной защиты, которые представляетъ лѣтняя пора. Засимъ Клингспорръ отступилъ 23-го февраля на Таммерфорсъ, давъ приказаніе всѣмъ разбросаннымъ на сѣверѣ отрядамъ спѣшить къ нему на соединеніе. Только бригадѣ расположенной въ Саволаксѣ велѣно было сосредоточиваться у Куопіо, куда направлялся отрядъ Тучкова.

ныхъ сочиненіяхъ гр. Сухтелена, Михайловскаго-Данилевскаго, отчасти же на нѣкоторыхъ шведскихъ изданіяхъ, по сличеніи съ донесеніями и перепискою гр. Буксгевдена, Алопеуса и др., хранящихся въ Спб. Арх. М. Ин. Д., и отчасти въ Военно-Ученомъ Архивѣ.

Послѣдствіемъ такого отступленія и быстрыхъ маршей русскихъ войскъ, не смотря на глубокіе снѣга и морозъ, было то, что въ три недѣли заняты были Тавастгусская и Нюландская области, а чрезъ мѣсяцъ и главный городъ Финляндіи—Або. Около того же времени сдалась ближайшая къ тогдашней русской границѣ небольшая крѣпость Свартгольмъ, обложенная нашими войсками тотчасъ по переходѣ границы. Недостатокъ дровъ, разрушеніе бомбардированіемъ единственной мельницы и большое число больныхъ отъ недостатка свѣжей воды были причиною сдачи. 20 офицеровъ, до 750 нижнихъ чиновъ, 2 знамени и 200 орудій, кромѣ многочисленнаго военнаго матеріала, были первыми русскими трофеями въ этой войнѣ. Затѣмъ занятъ Гангеудъ, а наконецъ и Свеаборгъ, этотъ оплотъ Финляндіи, былъ отрѣзанъ отъ шведской арміи и блокированъ русскимъ отрядомъ. Преслѣдованіе отступающаго непріятеля за достигнутыми успѣхами не только не прекратилось, но продолжалось весьма энергично. По занятіи Тавастгуса, пространство отъ него до Бьёрнеборга на Ботническомъ заливѣ, составляющее болѣе 200 верстъ, было пройдено въ 8 дней.

Впереди Бьёрнеборга графъ Клингспорръ хотѣлъ оказать сопротивленіе на обоихъ берегахъ р. Кумо, но князь Багратіонъ напалъ на него съ разныхъ сторонъ, взялъ приступомъ три деревни, и идя далѣе за непріятелемъ, послѣ жаркаго дѣла подъ Кумо вытѣснилъ Шведовъ и оттуда, и занялъ Бьёрнеборгъ. Здѣсь отрядъ князя Багратіона былъ раздѣленъ; часть, подъ начальствомъ Раевскаго, послана преслѣдовать отступающаго Клингспорра, а другая отозвана для дѣйствія близъ Або и на Аландскихъ островахъ и для охраны этой важной области. Не смотря на такое ослабленіе, отрядъ Раевскаго продолжалъ идти береговою дорогою на сѣверъ, и 17-го марта занялъ Вазу. Параллельно съ нимъ шелъ отрядъ Кульнева, передъ которымъ также быстро отступала отъ Таммерфорса бригада Адлеркрейца. Стремительность натиска Русскихъ подъ начальствомъ Кульнева была столь велика, что въ теченіе 22-хъ дней они сдѣлали 600 верстъ. Къ сожалѣнію незначительность силъ бывшихъ въ распоряженіи русскихъ отрядныхъ начальниковъ, и особенно уничтоженіе мостовъ

и другія затрудненія, дѣлали то что отступающимъ не могло быть нанесено существеннаго вреда.

Армію Клингспорра составляли преимущественно Финны, и при отступленіи не было ни отсталыхъ, ни бѣглыхъ. Правда, по наружному виду эта армія не имѣла никакой представительности, такъ какъ люди, защищаясь отъ стужи, надѣвали на себя все что могли получить по деревнямъ, увязывая овчинами и звѣриными шкурами головы до самыхъ глазъ. Непріятель скорбѣлъ и озлоблялся, оставляя Русскимъ города и деревни, но духомъ не падалъ, поддерживая старинную славу отцовъ и дѣдовъ, считавшихся всегда лучшими солдатами въ войскахъ шведскихъ королей. Нельзя, впрочемъ, не имѣть въ виду что положеніе отступавшихъ было много выгоднѣе положенія наступавшихъ, ибо первые имѣли отъ своихъ земляковъ все, что у нихъ самихъ было: подводы, хлѣбъ, мясо, вино, теплую одежду и обувь. Ничего этого не было для наступающихъ, которые шли при вьюгѣ и 25-тиградусномъ морозѣ съ тѣми скудными пособіями, которыми снабжало ихъ интендантство. И чѣмъ быстрѣе было движеніе впередъ, тѣмъ тяжелѣе были эти условія: свои обозы не успѣвали слѣдовать, а непріятель, отступая, старался увозить свои запасы или раздавалъ ихъ населенію. Кромѣ того онъ разрушалъ переправы, и наши люди должны были идти по сугробамъ снѣга, окольными путями, большею частію по узкимъ тропинкамъ, на которыхъ приходилось постоянно выдерживать мелкія стычки. Изъ Вазы Клингспорръ, а также Адлеркрейцъ, бывшій на одной съ нимъ высотѣ, отступили еще далѣе на Нью-Карлебю, Гамле-Карлебю и Брагештадтъ, направляясь къ самой сѣверной оконечности Ботническаго залива, гдѣ, въ Улеаборгѣ, разсчитывали соединиться съ разными мѣстными отрядами и съ войскомъ, шедшимъ съ сѣверо-востока изъ Саволакской области.

Такимъ образомъ непріятельскій корпусъ, отступая и собирая мелкіе отряды, продолжалъ усиливаться между тѣмъ какъ русскія войска, въ наступательномъ движеніи своемъ занимая города одинъ за другимъ, должны были, не смотря на свою малочисленность, выдѣлять отъ себя отряды для охраны занятыхъ мѣстностей и своихъ путей сообщенія. Съ другой стороны назначен-

ная, по первоначальному плану графа Буксгевдена, поддержка отряду Раевскаго со стороны Тучкова, бывшаго въ восточной части Финляндіи, не могла осуществиться. Задача Тучкова состояла, какъ сказано, въ томъ, чтобы не дать возможности стоявшему противъ него непріятелю соединиться съ главнымъ корпусомъ Клингспорра, и оттѣснить его къ сѣверу. Это предполагалось тогда, когда Клеркеръ стягивалъ свои силы къ Тавастгусу. Между тѣмъ Шведы изъ Саволакса не пошли къ этому послѣднему пункту, а направились на востокъ къ Куопіо. Тучковъ послѣдовалъ за ними и послѣ упорнаго сопротивленія занялъ этотъ городъ 4-го марта, въ то самое время когда центръ нашъ. все болѣе и болѣе удаляясь влѣво, подходилъ уже къ Бьёрнеборгу. Одинъ взглядъ на карту указываетъ, на сколько силы наши разъединились, когда между центромъ и правымъ флангомъ была почти вся Финляндія. Имѣя къ тому же противъ себя сильнаго противника, подъ начальствомъ энергическаго Сандельса, Тучковъ не могъ исполнить приказанія Буксгевдена идти поперекъ всей страны къ Вазѣ, на соединеніе съ отрядомъ Раевскаго, ибо по удаленіи его непріятель, усиленный всѣмъ мѣстнымъ населеніемъ, крайне враждебно настроеннымъ, занялъ бы Куопіо и пресѣкъ пути сообщенія и продовольствія. Однако, по полученіи вторичнаго приказанія, Тучковъ двинулся въ путь, но уже не на Вазу, а сѣвернѣе на Гамле-Карлебю, куда и прибылъ 28-го марта, не имѣвъ возможности согласно предположенію, зайти въ тылъ графу Клингспорру, который отступилъ еще сѣвернѣе къ Брагештадту. Въ Куопіо оставленъ отрядъ генерала Булатова; ему впослѣдствіи приказано было идти на Улеаборгъ, примкнувъ къ оконечности праваго крыла Тучкова.

Одновременно на южномъ побережьѣ Финляндіи русскіе отряды, занявъ Гангеудъ и Або, преслѣдовали непріятеля на Аландскіе острова. Шведы жгли свои суда и корабельные магазины, топили порохъ и снаряды, клепали пушки. Въ одномъ Або сожжено ими 64 военныя судна. Русскіе заняли Аландъ 31-го марта. Вскорѣ потомъ, въ началѣ апрѣля, изъ Либавы былъ отправленъ отрядъ въ 1.600 ч. подъ начальствомъ контръ-адмирала Бодиско занять островъ Готландъ. Къ этому занятію побуждало желаніе

лишить Англію возможности воспользоваться удобнымъ положеніемъ этого острова по близости Финскаго и Ботническаго заливовъ. Здѣсь не было войскъ; мѣстное же населеніе, желавшее было противодѣйствовать занятію острова, уступило однако предъ невозможностью защищаться, и въ главномъ городѣ острова Висьбю развился русскій флагъ.

Изъ вышесказаннаго видно, что въ теченіе февраля и марта русскія войска безостановочно наступая заняли всю южную и среднюю часть Финляндіи, а на сѣверѣ дошли до Гамле-Карлебю и продолжали тѣснить непріятеля далѣе. 5-го апрѣля Кульневъ разбилъ при Калаіоки шведскій аріергардъ, причемъ взялъ въ плѣнъ начальника штаба графа Левенгельма, а на другой день занялъ Брагештадтъ оттѣснивъ непріятеля до Сиккаіоки, гдѣ произошло сильное дѣло продолжавшееся цѣлый день и стоившее обѣимъ сторонамъ потери до 1.000 чел. Главная квартира шведская едва не была взята Русскими; однако, бой не далъ перевѣса ни той, ни другой сторонѣ. Впрочемъ Клингспорръ отошелъ еще нѣсколько далѣе до Луміоки. Засимъ наступилъ 10-ти-дневный перерывъ въ дѣйствіяхъ, какъ неизбѣжное послѣдствіе крайняго утомленія и отчасти разстройства русскихъ войскъ, бывшихъ два мѣсяца на постоянномъ усиленномъ маршѣ. Русскіе заняли мѣста на самой сѣверной оконечности Ботническаго залива, которыя болѣе 300 лѣтъ назадъ занимали ихъ предки съ воеводами Ивана III. Этимъ заключился первый періодъ войны и быстраго наступленія.

Начался второй періодъ—періодъ утраты почти всего что такъ сравнительно легко было пріобрѣтено. Шведы воспользовались послѣдовавшею за дѣломъ при Сиккаіоки пріостановкою дѣйствій для сосредоточенія отрядовъ, а плѣнъ Левенгельма имѣлъ свое существенное значеніе. Въ роли ближайшаго совѣтника Клингспорра его заступилъ Адлеркрейцъ; онъ горячо настаивалъ на активныхъ дѣйствіяхъ. Хотя пришедшій наконецъ отъ Куопіо отрядъ Булатова и увеличилъ силы русскаго центра на 1.500 [1]),

[1]) По Михайловскому-Данилевскому; по гр. Сухтелену (стр. 30) 2.500 чел.

но онѣ составляли въ общей сложности лишь около 6.000 чел.; между тѣмъ какъ непріятель имѣлъ противъ него до 13.000, при достаточной артиллеріи. Кромѣ того русскимъ войскамъ надо было выждать прибытія транспортовъ, которые за наступившею весеннею распутицей и по недостатку лошадей очень отстали. При такихъ условіяхъ отдаленное на 600 верстъ отъ всякихъ подкрѣпленій русское войско было въ положеніи критическомъ, а непріятель рѣшился дѣйствовать, хорошо зная подробности нашего расположенія отъ жителей, охотно сообщавшихъ ему всѣ свѣдѣнія. Послѣ дѣла при Сиккаіоки разсѣялось бывшее между Шведами убѣжденіе о значительности русскихъ силъ.

Въ такихъ условіяхъ Шведы напали 15-го апрѣля на стоявшій въ 18-ти верстахъ отъ главныхъ силъ, при Револаксѣ, сейчасъ упомянутый отдѣльный отрядъ, пришедшій изъ Куопіо, и разбили его. Въ этомъ кровопролитномъ дѣлѣ начальникъ отряда Булатовъ былъ дважды раненъ и истекая кровью взятъ въ плѣнъ. До половины всѣхъ людей убито или также забрано. Послѣ этого несчастнаго дѣла Раевскій уже не могъ оставаться въ своей позиціи, которой графъ Клингспорръ угрожалъ обходомъ, и потянулся назадъ, отступя въ теченіе 6-ти дней на 150 верстъ до Гамле-Карлебю.

Послѣдствія дѣла при Сиккаіоки и при Револаксѣ были для русскихъ войскъ самыя дурныя. Роли перемѣнились, и Шведы перешли въ дѣятельное наступленіе. Упавшіе духомъ въ теченіе полуторамѣсячнаго отступленія, они теперь воскресли нравственно. Населеніе поднялось противъ Русскихъ и началась ужасная партизанская война. Шедшіе къ войскамъ транспорты атаковывались и по большей части расхищались, лѣса наполнились вооруженными людьми, дѣйствовавшими вразсыпную и находившими убѣжище по деревнямъ; курьеры перехватывались и отряды оставались безъ свѣдѣній о взаимномъ положеніи. Вслѣдъ за боемъ при Револаксѣ былъ разбитъ 20-го апрѣля отрядъ полковника Обухова, который шелъ за Булатовымъ изъ Куопіо на соединеніе съ Тучковымъ [1]), ведя съ собой паркъ и обозы. По-

---

[1]) Тучковъ, соединившись съ Раевскимъ въ Гамле-Карлебю, какъ старшій, принялъ начальство надъ всѣмъ корпусомъ.

сланный къ нему курьеръ пропалъ безъ вѣсти, и отрядъ очутился при Пулхилло противъ врага вчетверо сильнѣйшаго, притомъ увеличеннаго массами вооруженныхъ крестьянъ. Четыре часа продолжался упорный, неравный бой. Много было оказано подвиговъ мужества; болѣе половины Русскихъ было перебито, и самъ Обуховъ тяжело раненый взятъ въ плѣнъ. Знамена содраны съ древокъ и скрыты; изъ 3-хъ орудій одно потоплено, а два спасены по дорогамъ, почти непроходимымъ; — тѣмъ не менѣе Шведамъ досталась, хотя и надъ незначительнымъ отрядомъ, но рѣшительная побѣда.

Пораженіе Обухова окончательно разстроило наше положеніе и въ восточной Финляндіи. Теперь открывалась туда дорога шведскимъ войскамъ, которыя и не замедлили двинуться, пользуясь къ тому полнымъ возстаніемъ крестьянъ, вооруженныхъ дубинами, косами и всѣмъ чѣмъ попало. Ненависть населенія къ Русскимъ разжигалась еще присланными изъ Стокгольма прокламаціями, которыя начальникъ шведскаго отряда Сандельсъ дѣятельно распространялъ. Прокламаціи были написаны въ самыхъ рѣзкихъ противъ Русскихъ выраженіяхъ, а народнымъ движеніемъ руководили пасторы, офицеры и солдаты сдавшихся и отпущенныхъ на честное слово гарнизоновъ. Отступленіе русскихъ войскъ на сѣверѣ сдѣлалось всеобщимъ. Малочисленный отрядъ занимавшій Куопіо не только очистилъ этотъ пунктъ, но и отступилъ далѣе къ русской границѣ, не дождавшись подкрѣпленій посланныхъ изъ Петербурга.

На югѣ обстоятельства были благопріятнѣе. Блокада Свеаборга, а затѣмъ бомбардированіе, хотя и не продолжительное, привели къ трехнедѣльному перемирію. Одно изъ условій послѣдняго заключалось въ томъ, что если къ истеченію срока Свеаборгъ не получитъ помощи со стороны моря, то сдастся на капитуляцію. Помощь эта въ опредѣленное время не явилась, такъ какъ заливъ еще не вскрылся—и 22-го апрѣля Свеаборгъ сдался. Гарнизонъ въ составѣ болѣе 200 офицеровъ и 7.300 нижнихъ чиновъ капитулировалъ. Взято болѣе 2.000 пушекъ, огромное количество военнаго матеріала и съѣстныхъ припасовъ, 15 большихъ и слишкомъ 100 мелкихъ судовъ.

Комендантъ крѣпости, адмиралъ Кронштедтъ, оправдывалъ сдачу ея тѣмъ, что бывъ еще не вполнѣ окончены, укрѣпленія сильныя съ моря были въ зимнее время легко доступны со многихъ сторонъ, и твердыня теряла большую часть своего значенія. Въ числѣ защитниковъ считалось множество рекрутъ и больныхъ, и сила гарнизона была несообразна съ обширнымъ пространствомъ крѣпости. Офицеровъ приходилось всего по одному на 100 солдатъ и по одному же на бастіонъ; артиллерійской прислуги было всего два человѣка на три орудія. Гарнизонъ, кромѣ малочисленности, истомленъ былъ постоянною работою на прорубаніи льда въ мѣстахъ наиболѣе удобныхъ для приступа и на улучшеніи обороны. Запасы пороха были ограничены, и въ теченіе 10-ти дней бомбардировки израсходована третья часть ихъ и т. п. — Критики дѣйствій Кронштедта объясняли сдачу Свеаборга заботою о сохраненіи семейства, бывшаго вмѣстѣ съ нимъ въ крѣпости. Другіе полагали, что часть гарнизона, имѣвшая свободный выходъ къ осаждавшимъ, склонялась на убѣжденія ихъ прекратить сопротивленіе и даже на подкупъ [1]). Неизвѣстно, однако, на сколько эти вліянія могли воздѣйствовать на военный совѣтъ, рѣшившій сдачу.

О взятіи Свеаборга, событіи во всякомъ случаѣ весьма крупномъ, было торжественно объявлено въ Москвѣ и Петербургѣ. Императоръ Александръ особыми рескриптами извѣстилъ о немъ какъ московскихъ митрополита и генералъ-губернатора, такъ и графа Остермана, свидѣтеля Екатерининской войны съ Швеціею, проживавшаго теперь въ Москвѣ на покоѣ. Владѣніе югомъ Финляндіи съ паденіемъ Свеаборга упрочивалось.

Но въ югозападной ея части дѣла были, какъ и на сѣверѣ, далеко не блестящи. Занявъ въ концѣ марта Аландскіе острова, русскій отрядъ находился въ Сигнальскерѣ, всего въ 30-ти верстахъ отъ шведскаго берега. Сила, посланная для этой операціи подъ начальствомъ полковника Вуича, состояла всего изъ 700 съ

---

[1]) См. въ Приложеніяхъ къ тому II-му № 60, письмо гр. Буксгевдена гр. Салтыкову отъ 6-го января 1809 г. о женѣ капитана Рейтершельда, оказывавшей вліяніе на военный совѣтъ.

небольшимъ человѣкъ; ни артиллеріи, ни судовъ у него не было. Три недѣли прошли повидимому спокойно; но это было только повидимому. Въ тайнѣ дѣлались противъ Русскихъ приготовленія, которыми энергично руководилъ мѣстный пасторъ, бывшій душой заговора. Сношенія съ Швеціей, которымъ Вуичъ по малочисленности отряда воспротивиться не могъ, помогали вести эти приготовленія въ системѣ. Ожидалось только наступленіе близкой уже весны, ледъ между островами едва держался. Суда у мѣстнаго населенія оказывались испорченными; исправленіе ихъ Вуичемъ, на случай отступленія, за неимѣніемъ при отрядѣ морскихъ чиновъ, замедлялось. Показавшіяся 24-го апрѣля у западныхъ острововъ шведскія суда подали сигналъ повсемѣстнаго возстанія. Мелкіе русскіе отряды, по 20—40 человѣкъ раскиданные на островахъ, не могли долго сопротивляться: окруженные со всѣхъ сторонъ населеніемъ, они были переловлены и уведены въ плѣнъ. Вуичъ попробовалъ было сѣсть на кое-какія суда имъ пріобрѣтенныя, но тутъ увидѣлъ всю свою безпомощность: набранные изъ пѣхоты и кавалеріи люди его не имѣли понятія объ управленіи судами и только увеличивали безпорядокъ. Отрядъ былъ опять высаженъ на берегъ и отбилъ первую атаку непріятеля. Но Шведы продолжали прибывать и достигнувъ числа 3.000 сдѣлали одновременно высадку въ трехъмѣстахъ, имѣя вездѣ артиллерію, которой у Вуича вовсе не было. Послѣ 4-хъ часовъ упорной защиты, когда не стало патроновъ, отрядъ былъ взятъ въ плѣнъ.

Не лучшая участь постигла и отрядъ, занявшій Готландъ. Онъ также провелъ три спокойныя недѣли, пока жители не получили сигнала изъ Швеціи. Руководили ими тайно присланные оттуда гвардейскіе унтеръ-офицеры. И здѣсь сношенія населенія не могли быть прерваны нашими ничтожными силами. На островѣ, имѣющемъ до 180 верстъ въ длину, 33.000 жителей и 24 гавани, отрядъ въ 1.600 ч. могъ держаться только при общемъ спокойствіи. Не могло быть и рѣчи о обезоруженіи жителей. Перваго мая появились съ двухъ сторонъ шведскія суда съ войскомъ до 5.000 ч. и съ 20 орудіями. Весь островъ заволновался. Посланнаго для рекогносцировки офицера захватили и отвели на шведскую эскадру при общемъ восторгѣ населенія. Лагерь былъ окруженъ войскомъ

и вооруженными толпами. Начальнику отряда Бодиско предложено было сдаться, но онъ отвергъ предложеніе и готовился къ сопротивленію. Однако, когда убѣдился что сообщенія его прерваны и что онъ остался безъ продовольствія, котораго у возставшихъ жителей нельзя было достать, то вынужденъ былъ сдаться на капитуляцію, сохранивъ лишь знамена.

Главнѣйшая причина всѣхъ неудачъ лежала въ томъ довѣріи, съ которымъ правительство, начиная съ Государя, принимало внушенія знатоковъ финляндскихъ дѣлъ, въ родѣ Спренгтпортена о полной готовности финляндцевъ подчиниться Россіи даже безъ выстрѣла. На быстрое отступленіе и даже на сдачу Свеаборга эти совѣтники указывали какъ на непреложные факты, подтверждающіе ихъ заявленія. Имъ вѣрили, и думали совершить занятіе Финляндіи ничтожными силами, посылаемыми какъ бы только pro forma. Александръ Павловичъ такъ вѣрилъ обезпеченію тыла со стороны Финляндіи, что требовалъ перехода въ Швецію. Заявленія графа Буксгевдена о необходимости усиленія отрядовъ принимались крайне неблагосклонно.

По вскрытіи рѣкъ возобновились военныя дѣйствія; войска были нѣсколько усилены частями прибывшими изъ Петербурга и Выборгской губерніи. Раевскій находился у Гамле-Карлебю съ порученіемъ избѣгать сраженія и завлекать непріятеля, отступая еще далѣе до Таммерфорса. Генералъ Барклай-де-Толли съ свѣжею дивизіею отъ Нейшлота наступалъ на Куопіо и долженъ былъ обойти непріятеля въ тылъ, если онъ двинется за отступающимъ Раевскимъ. Графъ Каменскій расположился на берегу Финскаго залива отъ Гангеуда до Ловизы, т. е. по всей вновь присоединенной мѣстности. Наконецъ князь Багратіонъ, находясь въ Таваст-гусѣ, занималъ остававшуюся еще въ нашихъ рукахъ береговую часть Ботническаго залива отъ Або до Бьёрнеборга.

Отступленіе Раевскаго отъ Гамле-Карлебю вызвано было не только движеніями вдвое сильнѣйшаго непріятеля, желавшаго зайти ему во флангъ, но и недосткомъ продовольствія, котораго оставалось всего на четыре дня, а на мѣстѣ нельзя было купить ни за какія деньги. Побѣды одержанныя Шведами на сѣверѣ под-

няли все населеніе, возбужденію котораго сильно способствовалъ прославившійся своими подвигами партизанъ Фіандтъ, посланный Клингспорромъ дѣйствовать на сообщенія Раевскаго. При его появленіи весь край поднялся на ноги. Въ Вазѣ большія скопища вооруженныхъ крестьянъ явились дѣйствовать противъ Русскихъ, и разсѣялись лишь тогда, когда шведскій отрядъ былъ разбитъ генераломъ Демидовымъ и частію спасся на судахъ, а частію взятъ въ плѣнъ. Во время дѣла жители Вазы стрѣляли по русскимъ войскамъ изъ домовъ. Приходилось брать приступомъ улицы, дома. Противъ такихъ засадъ явилось естественно возмездіе, которое было однимъ изъ самыхъ кровавыхъ эпизодовъ этой войны [1]). Пожаръ возстанія не замедлилъ распространиться и на югъ отъ Вазы вдоль всего Ботническаго побережья. Шведскія военныя суда приближались къ берегамъ и посылали опытныхъ людей руководить народнымъ движеніемъ. Русская береговая стража была частію захвачена, частію изрублена. Этими дѣйствіями береговой отрядъ графа Орлова-Денисова былъ отрѣзанъ отъ главныхъ силъ Раевскаго въ теченіе всего лѣта. Иногда стычки съ народнымъ возстаніемъ получали характеръ настоящихъ сраженій, кучи труповъ вооруженныхъ крестьянъ оставались на мѣстѣ. Къ потушенію волненія принимались и крайнія мѣры строгости: нѣсколько человѣкъ изъ возставшихъ было повѣшено и разстрѣляно. Но казни не утишали волненія; напротивъ, какъ только русскія войска удалялись, возстаніе поднималось съ новою силой, сопровождаемое притомъ жестокостію. Въ одномъ мѣстѣ напр. найдено было 11-ть труповъ русскихъ солдатъ, закопанныхъ по поясъ въ землю и съ отрубленными головами. Самому Раевскому были преграждены пути отступленія. Отряды партизановъ, по мѣрѣ движенія, какъ снѣжный комъ постоянно росли отъ присоединяв-

[1]) Этотъ вызванный самими Финнами эпизодъ финскіе историки, а прежде нихъ еще Спренгтпортенъ въ качествѣ финляндскаго генералъ-губернатора, возлагали на отвѣтственность русскаго правительства, требуя вознагражденія и пр. Правительство въ лицѣ Сперанскаго, къ сожалѣнію, не отвергло этихъ переговоровъ, и какъ бы признало виновность русскаго войска. — См. Corresp. officielle de M-r Sprengtporten, изданіе гельс. проф. Коскинена.

шихся къ нимъ вооруженныхъ крестьянъ и отпущенныхъ на свободу солдатъ крѣпостныхъ гарнизоновъ. Тропинками имъ однимъ извѣстными пробрались они, съ прославившимся Ротомъ во главѣ, къ Таммерфорскимъ озерамъ, по которымъ свозились снаряды и съѣстные припасы въ главное русское депо. Не смѣя напасть на военное прикрытіе, они овладѣли перевозными судами и пресѣкли снабженіе депо; на островахъ устроили склады оружія и убѣжища на случай опасности, а на дорогахъ, какъ и въ другихъ мѣстахъ, ломали мосты, уничтожали средства переправы, засѣдали въ извѣстныхъ имъ однимъ неприступныхъ мѣстахъ, перехватывали подводы, курьеровъ и малыя команды. Въ нѣсколько дней Раевскій оказался совершенно разобщеннымъ и съ главнокомандующимъ, и съ депо, и съ другими отрядами. Истребить партизановъ не было возможности: всѣ жители были съ ними заодно. Отряду грозила голодная смерть: получая хлѣба лишь по $1^1/_2$ ф. въ день, солдаты бродили по окрестностямъ, доставая себѣ пропитаніе, роя землю и доискиваясь грибовъ, кореньевъ, картофеля, хотя для него время было еще раннее. Не менѣе сильна была партизанская война и въ восточной части Финляндіи, въ тылу отряда дѣйствовавшаго противъ Куопіо. Будучи насторожѣ день и ночь, постоянно отражая непріятеля, при малочисленности своей этотъ послѣдній изнурялся до крайности. Буксгевденъ въ рапортахъ своихъ Государю называлъ эту войну «Вандейскою».

Не смотря на такія трудныя обстоятельства, русскіе одерживали однако верхъ въ нѣкоторыхъ авангардныхъ и арріергардныхъ дѣлахъ. Такъ, выше упомянуто что генералъ Демидовъ отбилъ атаку десанта близъ Вазы и занялъ опять этотъ городъ, захваченный уже непріятелемъ. Отрѣзанный Орловъ-Денисовъ на берегу Ботническаго залива также не бездѣйствовалъ: онъ разгонялъ бунтующія шайки, а когда въ началѣ іюля Шведы заняли Христиненштадтъ, онъ выманилъ ихъ изъ города и разбилъ наголову, причемъ захватилъ 7 орудій и до 100 чел. плѣнныхъ, заставилъ очистить городъ, самъ вторично занялъ его и отбилъ напавшее на него финское ополченіе. Вскорѣ затѣмъ, когда онъ удалился для усмиренія возстанія, Шведы опять заняли городъ; но онъ въ третій разъ выгналъ ихъ оттуда, а затѣмъ узнавъ о на-

*

паденіи на часть его отряда въ Кухаіоки, быстро двинулся туда и атаковавъ ночью разсѣялъ нападавшихъ. Тѣмъ не менѣе, какъ графъ Орловъ-Денисовъ, такъ и Раевскій долѣе сопротивляться, по малочисленности своей, не могли. Послѣ проиграннаго при Лаппо дѣла послѣдній продолжалъ отступать къ Тавастгусу, Орловъ-Денисовъ къ Бьёрнеборгу [1]). Барклай-де-Толли съ своей стороны, занявъ 7-го іюня Куопіо, предпринялъ движеніе налѣво, дабы зайти по общему плану во флангъ графу Клингспорру. Однако въ 140 верстахъ отъ Лаппо, гдѣ въ то время находился Раевскій, онъ долженъ былъ остановиться. Шведскіе отряды и крестьяне уничтожили всѣ мосты и угнали суда на пути его слѣдованія. Оставленный уже въ Куопіо отрядъ Рахманова подвергался троекратному нападенію Сандельса, стоявшаго по ту сторону озера Калавеси. Атаки были отбиты; но въ будущемъ угрожала необходимость оставленія и этого важнаго пункта. Тогда Барклай рѣшился возвратиться въ Куопіо, гдѣ и оставался въ оборонительномъ положеніи до сентября, отбиваясь отъ постоянныхъ нападеній войскъ Сандельса, партизановъ и вооруженныхъ крестьянъ.

Что касается до дѣйствій на морѣ, то Русскіе имѣли довольно успѣшныя дѣла въ шхерахъ при Гангö, Гирвисало близъ Або, Тавастенскерѣ, Сандо, причемъ въ бояхъ принимали участіе какъ береговыя сухопутныя войска, такъ и гребныя суда. Но всѣ эти дѣйствія имѣли чисто оборонительный характеръ, ибо гребная флотилія по самому назначенію своему должна была лишь охранять берега въ тѣсныхъ и извилистыхъ шхерахъ, среди безчисленныхъ острововъ и узкихъ проходовъ.

II.

Окончательное движеніе впередъ и завоеваніе Финляндіи.

Постоянное отступленіе центра и рядъ неудачныхъ дѣлъ, ко-

[1]) Во время дѣла при Лаппо въ тылу Русскихъ жители зажгли деревню и мостъ, чрезъ которые велъ единственный путь. Раевскому пришлось, прекративъ сраженіе, отступить. Шведы назвали это дѣло генеральнымъ сраженіемъ и прославляли какъ блистательную свою побѣду.

торыя не только лишали Россію плода зимняго похода, но и ставили русское войско и самое достоинство государства въ критическое положеніе, вызвали въ Петербургѣ неудовольствіе, критику дѣйствій графа Буксгевдена и составленіе новаго плана войны. Предполагалось прекратить наступательныя дѣйствія, занять оборонительныя позиціи, сосредоточить войска и выждать наступленія зимы. Планъ этотъ, одобренный Государемъ, посланъ былъ къ главнокомандующему съ условнымъ повелѣніемъ привести въ исполненіе, если бы ходъ дѣлъ тѣмъ временемъ не измѣнился къ лучшему [1]).

Но въ главной квартирѣ произошла еще до того существенная перемѣна. Тучковъ, принявшій по соединеніи съ Раевскимъ начальство, былъ вызванъ въ Або и о дѣйствіяхъ его, потеряхъ и отступленіи, назначено слѣдствіе. Его заступилъ опять Раевскій, на мѣсто котораго вскорѣ посланъ стоявшій съ своею дивизіею въ Гельсингфорсѣ 32-хъ лѣтній графъ Каменскій. Еще въ Италіи, подъ начальствомъ Суворова, онъ обратилъ на себя вниманіе, взявъ приступомъ Чортовъ мостъ; потомъ онъ отличался въ первыхъ войнахъ съ Наполеономъ. Ему не дано никакого особаго наставленія, ему велѣно—побѣдить. Главнокомандующій писалъ ему при отправленіи на новое поле дѣйствій: «Атака ваша должна быть рѣшительна и устранить худыя послѣдствія, которыя васъ отъ отступленія Раевскаго ожидаютъ; словомъ, не взирая на малое количество войскъ вашихъ, вы должны разбить непріятеля. Боже помоги успѣхамъ вашимъ; отъ дѣйствія вашего зависитъ теперь внутреннее положеніе Финляндіи въ разсужденіи спокойствія жителей и внѣшнее положеніе войскъ для защиты береговъ. Взоры всей арміи устремлены на корпусъ вашъ» [2]).

Отправляясь къ своему назначенію, графъ Каменскій едва не былъ схваченъ партизанами, и только проселками могъ избѣжать плѣна. Дѣйствія партизановъ и вооруженнаго народа, поощренныя постояннымъ нашимъ отступленіемъ, достигали послѣдней степени дерзости. Это вызвало приказаніе принимать противъ

---

[1]) Объ этомъ планѣ нѣсколько подробнѣе въ III отдѣлѣ.

[2]) Предписаніе 12-го іюля № 137. Михайловскій-Данилевскій, стр. 212.

нихъ самыя крайнія мѣры. Захваченныхъ во враждебныхъ противъ насъ дѣйствіяхъ бывшихъ финскихъ солдатъ, отпущенныхъ изъ плѣна, приказано разстрѣливать и тѣла ихъ вѣшать близъ кирокъ; крестьянъ, пойманныхъ съ оружіемъ въ рукахъ, нещадно наказывать, и выбривая половину головы отпускать съ предвареніемъ, что въ случаѣ повторенія вины будутъ повѣшены; пойманныхъ на мѣстѣ преступленія отсылать скованными въ Свеаборгъ. Такою строгостью между прочимъ желали обезопасить тылъ Каменскаго.

Встрѣтивъ Раевскаго на второмъ переходѣ его отступленія отъ Алаво, новый начальникъ корпуса вполнѣ одобрилъ принятый планъ обратнаго движенія, для сближенія съ запасами, и продолжалъ отступленіе еще на 100 верстъ. Движеніе совершалось спокойно, ибо графъ Клингспорръ остановился у Сальми, на соединеніи дорогъ отъ Ботническаго залива, изъ Вазы, и отъ Куопіо, и дальше не пошелъ въ ожиданіи прибытія изъ Швеціи моремъ новыхъ войскъ и 10.000 ружей для раздачи населенію. Однако ожиданія его не сбылись: хотя десантъ въ числѣ 4.000 и высадился близъ Вазы, но былъ двукратно отброшенъ русскими отрядами и пользы Клингспорру не принесъ [1]). Пятинедѣльное бездѣйствіе Клингспорра дало графу Каменскому возможность устроить войска, подтянуть раскинутые отряды и снабдить ихъ продовольствіемъ. Всего составился корпусъ въ 10.000 человѣкъ, при 38 орудіяхъ. Непріятель имѣлъ, считая и отрядъ Сандельса противъ Куопіо, 14.000 регулярныхъ войскъ и 59 орудій. Кромѣ того при шведскихъ отрядахъ были толпы вооруженныхъ крестьянъ, получавшія продовольствіе отъ казны [2]).

2-го августа графъ Каменскій началъ свои наступательныя

---

[1]) Что касается до ружей, то, не имѣя своихъ запасовъ, шведское правительство выписало ихъ изъ Англіи; но по полученіи они оказались негодными и почти всѣ отправлены обратно. Затѣмъ набрано было 4.000 шт., но и они цѣлый мѣсяцъ пролежали въ стокгольмскомъ комиссаріатѣ а затѣмъ нѣсколько недѣль проплавали на судахъ, пока прибыли въ Финляндію.

[2]) Число этихъ людей по русскимъ свѣдѣніямъ превышало въ сложности 9.000; шведскіе и финскіе источники показываютъ его значительно меньшимъ.

дѣйствія; но передовые отряды его, подъ начальствомъ Эриксона, занявъ Алаво, были разбиты съ потерею до 300 ч. Печальный исходъ этого дѣла грозилъ Русскимъ серьезными послѣдствіями, открывая непріятелю дорогу къ Таммерфорсу. Узнавъ о пораженіи авангарда, Каменскій рѣшился быстрымъ движеніемъ лишить непріятеля плодовъ побѣды. Пройдя въ 5 дней 170 верстъ отдѣлявшія его отъ Алаво, онъ разбилъ передовой шведскій отрядъ и занялъ Алаво, явившись со всѣми своими силами совершенно неожиданно для графа Клингспорра; этотъ послѣдній былъ увѣренъ что Каменскій, узнавъ о разбитіи Эриксона, необходимо отступитъ еще далѣе къ югу. Одновременно Каменскій приказалъ передовому отряду Властова идти впередъ и непремѣнно разбить партизанскій отрядъ Фіандта, что тотъ и исполнилъ блистательно. Шведы здѣсь, при Карстулѣ, понесли пораженіе настолько рѣшительное, что Фіандтъ привелъ въ Линдулаксъ лишь треть своего отряда. Затѣмъ, безостановочно гоня непріятеля, Властовъ занялъ этотъ послѣдній пунктъ и прошелъ далѣе на Перхо.

Этими дѣйствіями въ мѣстахъ, уже два раза въ короткое время пройденныхъ Русскими, возобновился рядъ успѣховъ, приведшихъ къ окончательному вознагражденію весеннихъ потерь. Извѣстясь о ходѣ дѣлъ Властова, графъ Каменскій двинулся впередъ со всѣми своими силами. Начальникъ авангарда Кульневъ опрокинулъ передовыя шведскія войска и преслѣдовалъ до главной позиціи при Куортанѣ, гдѣ Клингспорръ сильно укрѣпился, прикрываемый озеромъ, большимъ болотомъ, рѣчкою и дремучимъ лѣсомъ, наполненнымъ засѣками и стрѣлками. Но Каменскій дѣйствовалъ энергично. Немедленно по приходѣ онъ въ ночь съ 19 на 20 августа выстроилъ батареи на картечный выстрѣлъ отъ непріятеля, пользуясь тѣмъ что мѣста были хорошо извѣстны офицерамъ, занимавшимъ эти самыя позиціи 6 недѣль назадъ. 20-го было назначено наступленіе, и къ этому времени долженъ былъ подойти изъ Линдулакса отъ Властова отрядъ полковника Лукова, дабы ударить на лѣвое крыло непріятеля. Раевскому поручено было атаковать правое крыло, не взирая на болота, камни и лѣса. Отдѣльный отрядъ подъ начальствомъ Казачковскаго былъ посланъ заранѣе въ обходъ озера по лѣвую сторону, съ тѣмъ чтобы, какъ

только услышитъ канонаду, шелъ въ тылъ непріятеля. Наступленіе было въ высшей степени затруднительно: орудія пришлось разобрать и нести на рукахъ; на проходъ пяти верстъ употреблено четыре часа. Первое нападеніе было не вполнѣ удачно, ибо хотя авангардъ нашъ опрокинулъ Шведовъ штыками, но долженъ былъ остановиться и отступить въ лѣсъ предъ сильнымъ артиллерійскимъ огнемъ. Затѣмъ бой продолжался цѣлый день съ перемѣннымъ счастіемъ на обоихъ флангахъ, и прекратился за наступленіемъ темноты, причемъ Шведы сохранили свои позиціи. Между тѣмъ Казачковскій, согласно приказанію выждавъ начала канонады, двинулся впередъ, вытѣснилъ непріятеля изъ 4-хъ селеній и къ вечеру явился въ тылу графа Клингспорра. Полковникъ же Луковъ, встрѣчая на каждомъ шагу сопротивленіе бывшаго противъ него непріятельскаго отряда, могъ придти на назначенный ему лѣвый флангъ непріятеля лишь къ вечеру, и хотя не принялъ непосредственнаго участія въ бою, но угрожалъ Шведамъ обходомъ. При такихъ условіяхъ графъ Клингспорръ, по наступленіи ночи, оставилъ удержанныя имъ днемъ позиціи и отошелъ къ Сальми, въ мѣстность весьма тщательно укрѣпленную. Для обмана же Русскихъ оставилъ ведеты, поддерживалъ огни и т. п.. Но опытный и дѣятельный Кульневъ еще ночью замѣтилъ отступленіе непріятеля. Посему Каменскій съ разсвѣтомъ 21-го двинулся далѣе. Кульневъ, поддержанный бывшимъ за озеромъ Казачковскимъ, атаковалъ непріятеля и разбилъ его. Выбитые штыками изъ позицій Шведы покинули Сальми, преслѣдуемые 10 верстъ.

Этотъ трехдневный, успѣшный для Русскихъ бой при Куортанѣ и Сальми, имѣлъ громадное вліяніе. Молва о немъ и о быстромъ отступленіи шведскихъ войскъ скоро распространилась по всей Финляндіи, и бывшее до тѣхъ поръ возбужденіе смѣнилось упадкомъ духа; народное возстаніе, котораго не могли смирить ни ласки, ни угрозы и казни, стало само собой утихать.

Властовъ съ своей стороны, упорно преслѣдуя Фіандта съ его партизанами, вновь разбилъ его при Перхо, и неослабно тѣсня далѣе на Гамле-Карлебю, угрожалъ отрѣзать главныя силы Клингспорра, который поэтому сталъ отступать по направленію къ Вазѣ и морю, стягивая свои отряды. Каменскій же, извѣдавъ изъ

опыта что прямыя атаки на непріятеля, по условіямъ финляндской мѣстности, не бываютъ рѣшительны, а между тѣмъ влекутъ за собою большое кровопролитіе, пошелъ сѣвернѣе на Нью-Карлебю и Гамле-Карлебю, дабы угрожая тылу Шведовъ заставить ихъ отступать еще далѣе.

Между тѣмъ отрядъ, бывшій въ южной части Ботническаго побережья, сперва держался, какъ сказано, стойко подъ начальствомъ графа Орлова-Денисова. Но въ половинѣ іюля послѣдній заболѣлъ и уѣхалъ, сдавъ отрядъ Шепелеву. Тотчасъ Шведы вытѣснили его опять изъ Кухаіоки, этого весьма важнаго пункта, лежащаго на пути сообщеній съ Таммерфорсомъ, а затѣмъ продолжался цѣлый рядъ неудачныхъ дѣлъ. Шепелевъ сдалъ, также по болѣзни, начальство Бибикову. Посланный на помощь ему отрядъ Ушакова дѣйствовалъ крайне слабо, и какъ Бибиковъ, такъ и Ушаковъ послѣдовательно понесли пораженіе въ нѣсколькихъ стычкахъ, тѣмъ болѣе что непріятель получилъ къ тому времени присланное Густавомъ съ Аландскихъ острововъ сильное подкрѣпленіе. Однако, бывъ съ своей стороны также усиленъ, Ушаковъ вновь отбилъ Кухаіоки 20-го же августа, т. е. въ день куортанской битвы. Далѣе эти отряды уже не встрѣчали сопротивленія, ибо Клингспорръ, какъ выше упомянуто разбитый на голову, стягивалъ свои войска къ Вазѣ, т. е. гораздо сѣвернѣе.

Затѣмъ послѣдовалъ рядъ успѣшныхъ сраженій корпуса графа Каменскаго, подвигавшагося все болѣе и болѣе впередъ. При Оравайсѣ произошелъ 2-го сентября другой рѣшительный бой. Наканунѣ отрядъ Казачковскаго, маневрировавшій на лѣвомъ флангѣ непріятельской линіи, атаковалъ Шведовъ въ ихъ позиціи при Ютасѣ; но подошедшія къ нимъ свѣжія силы отбили атаку, и Казачковскій долженъ былъ отступить [1]). При Оравайсѣ на другой день въ упорномъ бою противъ главныхъ силъ Клингспорра, занимавшихъ весьма укрѣпленную позицію, одно время успѣхъ казалось клонился также на сторону Шведовъ, когда всѣ

[1]) Шведо-Финны называли это авангардное дѣло выиграннымъ сраженіемъ. Оно дало въ 1885 году поводъ къ антирусской демонстраціи въ видѣ сооруженія памятника въ честь генерала Дёббельна, командовавшаго Шведами при Ютасѣ.

бывшіе уже въ дѣлѣ и утомленные продолжительнымъ огнемъ русскіе отряды отступили передъ спустившимися съ высоты свѣжими силами непріятеля. Графъ Каменскій возлагалъ всю надежду на 4 баталіона, до 1.500 ч., которые въ началѣ боя получили приказаніе сколько возможно скорѣе идти изъ Вазы къ Оравайсу. Лишь только они прибѣжали, Каменскій лично повелъ ихъ въ огонь и сильнымъ ударомъ, неожиданнымъ для непріятеля, смялъ Шведовъ, которые сперва отступали, а потомъ побѣжали на позицію. Для довершенія побѣды Каменскій вторично атаковалъ непріятеля въ ту же ночь и обратилъ его въ безпорядочное бѣгство. Это дѣло было самое кровопролитное въ теченіе всей войны: въ русскомъ корпусѣ выбыло изъ строя до 1.100 чел. Оно особенно повліяло на твердость духа шведскихъ войскъ, которыя начали приходить къ убѣжденію въ потерѣ ихъ дѣла.

Одновременно Властовъ, успѣшно преслѣдуя Фіандта въ теченіе болѣе полутора мѣсяца, привелъ его въ невозможность сопротивляться, такъ что въ день сраженія при Оравайсѣ, 2-го сентября, занялъ Гамле-Карлебю въ тылу главныхъ силъ Клингспорра даже безъ боя, и хотя потомъ оставилъ этотъ городъ, но уже 10-го вступили туда главныя силы Каменскаго.

Получая донесенія о блестящихъ дѣлахъ русскихъ войскъ на сѣверѣ и дабы озаботить ихъ на югѣ, Густавъ-Адольфъ пробовалъ дѣлать значительныя высадки близъ Або, и хотя имѣлъ нѣкоторые успѣхи въ отдѣльныхъ стычкахъ, но благопріятнаго результата не достигъ, такъ какъ князь Багратіонъ заставилъ десантныя войска удалиться на суда, а морскія бури довершили разстройство. Послѣдняя большая высадка сдѣланная уже въ сентябрѣ близъ Гельзинга, въ 80-ти верстахъ отъ Або, окончилась рѣшительнымъ пораженіемъ. Въ высадкѣ принимали участіе всѣ имѣвшіяся у короля на Аландѣ войска, въ томъ числѣ и гвардія. Густавъ-Адольфъ, подойдя на яхтѣ къ мѣсту боя, былъ очевидцемъ того безпорядка, въ которомъ его отрядъ, избѣгая огня русской артиллеріи, спасался на суда. Съ нимъ вмѣстѣ онъ отплылъ обратно на Аландъ. Здѣсь онъ далъ волю гнѣву: гвардію, неоправдавшую его ожиданій, онъ подвергъ примѣрному наказанію, лишивъ ее знаменъ и разныхъ преимуществъ. Наказаніе это, обрушив-

шееся между прочимъ на офицеровъ изъ лучшихъ шведскихъ фамилій, усилило и безъ того уже значительное неудовольствіе противъ короля, и вмѣстѣ съ другими причинами оказало вліяніе на послѣдовавшую вскорѣ въ Стокгольмѣ революцію.

Почти одновременно съ назначеніемъ графа Каменскаго на мѣсто Раевскаго, начальникъ куопіоскаго отряда Барклай-де-Толли, по болѣзни, сдалъ его генералу Тучкову. Противъ него стоялъ въ близкомъ разстояніи, по другую сторону озера Калавеси при Тайволѣ, генералъ Сандельсъ, способнѣйшій изъ дѣйствовавшихъ въ Финляндіи шведскихъ генераловъ. Положеніе Тучкова было весьма трудное, такъ какъ противникъ принялъ всевозможныя для того мѣры: онъ возвелъ значительныя батареи, завалилъ нѣкоторые водяные пути, по которымъ Русскіе могли бы подойти на судахъ, волновалъ Саволакскую область, безпокоилъ сосѣднюю съ нею часть Олонецкой губерніи, въ Кореліи разжигалъ народную войну, наконецъ подготовилъ и защитилъ при Иденсальми путь отступленія къ Улеаборгу. При такихъ обстоятельствахъ и при слабости отряда, непревышавшаго 5.000 чел., Тучкову оставалось лишь пребывать въ оборонительномъ положеніи. Посланный изъ Сердоболя на Ладожскомъ озерѣ для нападенія на Сандельса съ тыла, отрядъ генералъ-маіора Алексѣева не только долго не имѣлъ никакого успѣха, но и отошелъ назадъ къ старой границѣ. Причины этому были главнымъ образомъ въ весьма сильномъ противодѣйствіи населенія Кореліи. Въ странѣ дѣйствовали два извѣстные партизана Мальмъ и Тіяненъ, которые умѣли довести силу возстанія до послѣдней степени напряженія. Вооруженнымъ толпамъ крестьянъ Мальмъ придалъ по внѣшности видъ регулярнаго войска: обвязалъ шляпы ихъ лентами, прикололъ кокарды изъ березовой коры, къ охотничьимъ ружьямъ придѣлалъ крашенные деревянные штыки, вообще далъ имъ сходство съ Саволакскими стрѣлками, одѣтыми въ то время не лучше поселянъ. Собрались тысячи вооруженнаго народа, который окружилъ Алексѣева со всѣхъ сторонъ; переправы на большихъ рѣкахъ, какъ Піелисъ, до 200 саженъ ширины, были сжигаемы, выстрѣлы раздавались изъ за каждаго прикрытія. Трудно, даже не

возможно было имѣть сколько нибудь вѣрныя свѣдѣнія; тѣ же, которыя получались, удостовѣряли что Русскіе разбиты у Куопіо и что Клингспорръ самъ обратился на Корелію. Алексѣевъ при всѣхъ другихъ неблагопріятныхъ условіяхъ, поддался вліянію этихъ вѣроятно завѣдомо распространявшихся слуховъ, и вмѣсто указаннаго движенія въ обходъ Сандельса быстро отступалъ, уничтожая за собою мосты, а затѣмъ хотя на пути подошло наскоро посланное небольшое подкрѣпленіе, но преслѣдуемый Мальмомъ и массою его вооруженныхъ крестьянъ, ушелъ въ Сердоболь. Такимъ образомъ Русскіе были съ этой стороны совсѣмъ вытѣснены изъ вновь занятой части Финляндіи. Алексѣевъ готовился даже отступать и далѣе по Ладожскому озеру, въ виду того что Мальмъ и его толпы перешли уже русскую границу; но послѣдній, узнавъ о прибывшихъ въ Сердоболь новыхъ подкрѣпленіяхъ, ушелъ обратно, тѣмъ болѣе что наступило время уборки хлѣбовъ и травъ, и толпы крестьянъ начали рѣдѣть.

При такихъ неудачахъ Алексѣевъ былъ замѣненъ генералъ-адъютантомъ княземъ Долгоруковымъ, который долженъ былъ исполнить первоначальное порученіе, т. е. идти чрезъ Корелію въ тылъ Сандельсу. Въ ожиданіи этого движенія Тучковъ простоялъ весь августъ неподвижно въ Куопіо, обороняясь и приготовляя суда и другія приспособленія для переправы чрезъ озеро Калавеси, дабы напасть на Сандельса съ фронта, когда въ тылъ придетъ князь Долгоруковъ. Однако послѣдній, выступивъ 6-го августа, узналъ объ ожидающемъ его значительномъ сопротивленіи со стороны вооруженнаго населенія, и опасаясь за свои пути сообщенія и магазины, остановился не переходя границы въ ожиданіи новыхъ подкрѣпленій. По присоединеніи таковыхъ онъ двинулся впередъ и при Кеми разбилъ сильный партизанскій отрядъ. Это пораженіе вмѣстѣ съ прокламаціями, въ которыхъ угрожалось жечь и истреблять селенія, если жители не прекратятъ вооруженнаго сопротивленія и не сложатъ оружія, подѣйствовало успокоительно, и хотя толпы появлялись еще, но уже разбѣгались при первомъ движеніи русскихъ войскъ. Тѣмъ временемъ подошли по озерамъ канонерскія лодки, посланныя на помощь отряду изъ Вильманстранда, и 23-го августа князь Долгоруковъ выступилъ

далѣе. Однако, получивъ новыя свѣдѣнія о большихъ скопищахъ крестьянъ и регулярныхъ шведскихъ войскъ въ тѣснинахъ Серкіярви, верстахъ во 100 отъ границы,— свѣдѣнія, оказавшіяся потомъ невѣрными,—князь Долгоруковъ вновь остановился у Іоенсу и началъ укрѣпляться. Между тѣмъ Тучковъ неоднократно и настоятельно требовалъ, чтобы Долгоруковъ шелъ скорѣе. На это послѣдній сказался больнымъ и передалъ начальство генералъ-маіору Арсеньеву, который не рѣшился выступить изъ Іоенсу, въ виду тѣхъ же слуховъ о многочисленномъ непріятелѣ. Наконецъ на новое настоятельное требованіе Тучкова непремѣнно идти впередъ, кн. Долгоруковъ вновь вступилъ въ командованіе отрядомъ и 17-го сентября пришелъ къ Меланіеми, въ одномъ переходѣ отъ позиціи Сандельса при Тайволѣ, употребивъ такимъ образомъ шесть недѣль на переходъ 260-тиверстнаго разстоянія.

Въ началѣ сентября главнокомандующій графъ Буксгевденъ, остававшійся все время въ Або въ виду близкаго сосѣдства на Аландѣ Густава-Адольфа, перенесъ свою главную квартиру въ Гамле-Карлебю. Графъ Каменскій послѣ оравайскаго сраженія намѣревался нанести новое пораженіе непріятелю укрѣпившемуся за рѣкой. Средства для переправы были уже приготовлены; отряды Казачковскаго и Властова были уже посланы въ обходъ Шведовъ. Но графъ Клингспорръ, узнавъ о прибытіи главнокомандующаго, обратился къ нему съ предложеніемъ заключить перемиріе. Поводомъ къ такому шагу со стороны Клингспорра было намѣреніе ѣхать въ Стокгольмъ по случаю будто бы разстроеннаго здоровья. Въ сущности же онъ желалъ убѣдить короля въ невозможности завоевать обратно Финляндію и испросить разрѣшеніе возвратить войска въ Швецію.

Бывъ оттѣснена къ Лапландіи, шведская армія терпѣла крайнія лишенія и отъ суроваго климата почти подъ полярнымъ кругомъ, и отъ недостатка въ провіантѣ. Въ послѣднее время часть его выдавалась уже не натурой, а деньгами, хотя очевидна была невозможность достать хотя бы и за деньги продовольствіе въ странѣ и безъ того скудной, а въ то время трижды въ теченіи одного года опустошенной войной. Наконецъ болѣзни при не-

устройствѣ госпитальной части сильно ослабляли войска, упадокъ духа сталъ овладѣвать большинствомъ, начались побѣги. Со стороны Русскихъ предложеніе перемирія было принято доброжелательно, потому что нужно было дать отдыхъ крайне утомленнымъ войскамъ и привести ихъ въ порядокъ. Кромѣ того имѣлось въ виду переждать осеннее время, особенно суровое и трудное въ этихъ широтахъ, когда движеніе затрудняется переправами черезъ большія и быстрыя рѣки. Препятствіе это устранялось съ наступленіемъ зимы. Но особенно чувствителенъ былъ недостатокъ въ провіантѣ. Не говоря уже о дороговизнѣ хлѣба (куль муки обходился до 25 руб.), за разореніемъ края и уклоненіемъ жителей отъ содѣйствія Русскимъ, не было средствъ передвиженія, хотя и давались о томъ строгія предписанія. Нужда въ продовольствіи была равно велика и въ корпусѣ Каменскаго и у Тучкова. Вскорѣ первый оказался въ такомъ положеніи, что люди вовсе не имѣли хлѣба и ѣли картофель и мясо, на сколько ихъ находили.

При такихъ условіяхъ 17-го сентября заключено было въ Лохто перемиріе на неопредѣленный срокъ, по которому, между прочимъ, шведскія войска должны были отойти еще на 50 верстъ, а Сандельсъ оставивъ Тайволу отступить за 100 верстъ въ Иденсальми. Но въ это именно время происходили на правомъ флангѣ описанныя движенія отряда князя Долгорукова, который къ 17-му числу сблизился съ Тучковымъ угрожая Сандельсу. Послѣдній, не дожидаясь нападенія съ двухъ сторонъ, а можетъ быть и боясь, въ виду быстраго отступленія графа Клингспорра, быть отрѣзаннымъ, не замедлилъ ретироваться безъ боя къ Иденсальми. Значеніе главнѣйшаго пункта лохтинскихъ условій перемирія этимъ самымъ совершенно утрачивалось, а съ нимъ и перемиріе являлось недостаточно оправданнымъ.

Представленіе о перемиріи пришло въ Петербургъ одновременно съ извѣстіемъ объ отступленіи Сандельса къ Иденсальми,— и не было утверждено [1]). Главнокомандующему повелѣвалось не-

[1]) За отъѣздомъ Императора Александра въ Эрфуртъ, комитетъ министровъ облеченъ былъ властію объявлять высочайшія повелѣнія.

медленно нарушить перемиріе, и поспѣшнымъ движеніемъ корпуса графа Каменскаго вознаградить потерянное время. Для подкрѣпленія послано пять свѣжихъ баталіоновъ. Графъ Буксгевденъ не принялъ однако къ исполненію объявленнаго ему повелѣнія и послалъ на имя Государя объясненія, въ которыхъ съ подробностію доказывалъ основательность своихъ дѣйствій. Но и эти соображенія были отвергнуты при выраженіи полнаго неудовольствія Государя [1]).

Переписка эта затянулась до 7-го октября, и хотя тѣмъ временемъ приняты были всѣ мѣры къ снабженію отрядовъ нашихъ продовольствіемъ, но провіантъ подходилъ медленно за трудностію сообщеній. Восточный отрядъ Тучкова прекратилъ перемиріе недѣлею раньше графа Каменскаго въ тѣхъ видахъ, чтобы сблизиться съ послѣднимъ до времени возобновленія имъ военныхъ дѣйствій, и исполняя прежній планъ, уже два раза неудавшійся, зайти въ тылъ Шведамъ, бывшимъ между Гамле-Карлебю и Брагештадтомъ. 15-го октября, ровно въ полдень, — часъ, назначенный для возобновленія военныхъ дѣйствій, — авангардъ Тучкова, подъ начальствомъ князя Долгорукова, началъ наступленіе на Шведовъ, стоявшихъ въ очень крѣпкой позиціи за проливомъ, мостъ черезъ который отступившіе пикеты разобрали. Піонеры Долгорукова подъ убійственнымъ огнемъ вновь понакидали доски, 4-й егерскій полкъ успѣлъ перебѣжать на ту сторону, выстроиться, ударить на первую линію окоповъ и взять ихъ. Тѣмъ временемъ перешли еще два полка; егеря пошли отважно впередъ на батареи и уже взбѣжали на нихъ, но высланныя Сандельсомъ свѣжія войска опрокинули егерей и вытѣснили къ полуразрушенному мосту, на который, въ виду неудачи, отступали и пришедшіе два полка. Здѣсь произошло страшное замѣшательство подъ убійственнымъ артиллерійскимъ и ружейнымъ огнемъ Шведовъ. Послѣдніе остановились однако у моста, къ которому Тучковъ подвелъ еще два полка и артиллерію. Въ этомъ кровавомъ дѣлѣ убитъ ядромъ князь Долгоруковъ, бросившійся

---

[1]) О семъ ниже.

лично возстановлять порядокъ при отступленіи егерей [1]). Огонь продолжался съ обѣихъ сторонъ, пока наступившая ночь не прекратила перестрѣлки. Одержавъ такимъ образомъ верхъ, Сандельсъ тѣмъ не менѣе, не смотря на подкрѣпленія, нашелъ нужнымъ оставить позицію при Иденсальми и отступить еще далѣе. Тучковъ его не преслѣдовалъ, получивъ отъ главнокомандующаго приказаніе вновь остановиться и выждать провіантъ. Простоявъ противъ Сандельса двѣ недѣли, онъ подвергся наконецъ ночному нападенію при томъ же Иденсальми. Пользуясь тѣмъ, что глубокое болото, къ которому примыкалъ правый флангъ русскаго корпуса, при наступившей быстро сильной стужѣ сдѣлалось проходимо, Сандельсъ послалъ отрядъ подъ начальствомъ того же партизана Мальма въ обходъ русскаго авангарда, для уничтоженія моста, по которому онъ могъ бы отступить къ главнымъ силамъ, а самъ готовился, по полученіи отъ Мальма извѣстія объ успѣхѣ предпріятія, напасть съ фронта и истребить передовой отрядъ. Русскіе замѣтили движеніе непріятельскаго авангарда и приготовились къ встрѣчѣ, но не ожидали обходнаго ночнаго нападенія. Поэтому Мальмъ сбилъ двѣ роты оберегавшія правое крыло со стороны болота, ворвался въ землянки, въ которыхъ помѣщались войска, и началъ колоть безоружныхъ. Среди поднявшейся ужасной рѣзни и суматохи Русскіе однако скоро оправились, и не только оттѣснили партизановъ, но и совершенно истребили отрядъ Мальма, причемъ самъ онъ взятъ въ плѣнъ. Сандельсъ, ви-

[1]) Въ память дѣла подъ Иденсальми, въ которомъ Шведы благодаря свѣжимъ силамъ взяли верхъ, воздвигнутъ въ 1885 г. на мѣстѣ битвы потомками Сандельса памятникъ. Въ возникшей по этому поводу газетной полемикѣ указывалось, что Тучковъ по враждѣ къ князю Долгорукову, который долженъ былъ вскорѣ замѣстить его въ командованіи корпусомъ, замедлилъ присылкою подкрѣпленія. Намъ неизвѣстно на какомъ историческомъ документѣ основано это указаніе, бросающее тѣнь на заслуженнаго генерала. По крайней мѣрѣ оба русскіе историка войны 1808—9 гг. Михайловскій-Данилевскій и гр. Сухтеленъ вовсе объ этомъ не упоминаютъ. Не вѣрнѣе-ли то, что молодой и пылкій князь Долгоруковъ, ожидавшій полдня съ часами въ рукахъ, предупредилъ распоряженіе Тучкова, который не ожидалъ отъ своего авангарда такой астрономической точности.

дя неуспѣхъ предпріятія и получивъ извѣстіе что главныя шведскія силы быстро отступаютъ къ Улеаборгу, оставилъ свою позицію и поспѣшилъ туда же.

Такое отступленіе непріятеля было вызвано энергическимъ движеніемъ впередъ графа Каменскаго. Шведы послѣдовательно укрѣплялись въ весьма сильныхъ позиціяхъ за широкими рѣками, но обходныя движенія Русскихъ вытѣсняли ихъ. При этомъ послѣдніе должны были бороться съ крайними трудностями. Надежда на наступившій морозъ не оправдалась: болота еще не довольно окрѣпли, и двигавшійся по нимъ корпусъ оказался по поясъ въ водѣ, проваливаясь на полузамерзшей тундрѣ. Генералы и офицеры шли пѣшкомъ наравнѣ съ нижними чинами, такъ какъ лошади не могли держаться на болотѣ и оставлялись назади. Рѣки переходились передовыми частями вбродъ. Для главныхъ силъ наводили мосты подъ выстрѣлами непріятеля. Движенія эти вытѣснили Шведовъ изъ калаіокской и пюхаіокской позицій; въ дальнѣйшемъ они отступали уже безъ сопротивленія.

Въ такихъ обстоятельствахъ между шведскими и финскими войсками стало распространяться крайнее уныніе. Заступившій отъѣхавшаго еще прежде въ Стокгольмъ графа Клингспорра, старый генералъ Клеркеръ обратился съ новымъ предложеніемъ перемирія. Положеніе русской арміи было также крайне стѣсненное. Посему графъ Каменскій съ разрѣшенія главнокомандующаго заключилъ 7-го ноября въ Олькіоки новую конвенцію. Основное ея условіе состояло въ томъ, что шведская армія очиститъ всю тогдашнюю Улеаборгскую провинцію и расположится по ту сторону рѣки Кеми, болѣе 100 верстъ за Улеаборгомъ; русскія же войска займутъ оба берега этой рѣки и остановятся не доходя Торнео, уже на территоріи собственно шведской. 18-го ноября они заняли Улеаборгъ, а 2-го декабря и назначенный пограничный пунктъ на Кеми. Остатки финскихъ войскъ въ числѣ до 3.000 не покидали Шведовъ и послѣдовали за Клеркеромъ по ту сторону финляндской границы.

Этимъ кончился походъ 1808 г.—Уѣзжая для поправленія здоровья въ Петербургъ и прощаясь съ войсками, графъ Каменскій сказалъ имъ: «Мы завоевали Финляндію—сохраните ее».—Дѣй-

ствительно, Финляндія была наконецъ завоевана; но послѣ сколькихъ лишеній, неописуемыхъ тяжкихъ трудовъ и многихъ тысячъ кровавыхъ жертвъ, павшихъ не только въ правильныхъ сраженіяхъ, но и въ убійственной народной войнѣ Финновъ, ополчившихся со всею ненавистью! На сколько велики были другія, некровавыя жертвы русскихъ войскъ, можно заключить хотя бы изъ того, что корпусъ Каменскаго почти три мѣсяца провелъ на бивуакахъ, не смотря на осеннія непогоды и зимнюю стужу. Даже послѣ перемирія, занявъ берега Кеми подъ 66° широты, гдѣ укрѣпленія дѣлались изъ льда, въ жестокую зиму авангардъ нашъ долженъ былъ бивуакировать, какъ по ничтожности поселеній въ этой мѣстности, такъ и по необходимости наблюдать за непріятелемъ.

Но съ кампаніею 1808 года, столь блистательно оконченною, быстро и прискорбно сошелъ со сцены главный ея руководитель, графъ Буксгевденъ. Интриги, которыми опутывали его въ Петербургѣ завистники и враги въ родѣ описаннаго выше Спренгтпортена, а позднѣе и Аракчеева, привели къ желанному ими результату. Объ этомъ нелишне будетъ разсказать нѣсколько подробнѣе. Въ началѣ декабря Буксгевденъ получилъ увольненіе отъ должности главнокомандующаго. Его заступилъ генералъ отъ инфантеріи Кноррингъ, бывшій генералъ-квартирмейстеромъ въ шведскую войну Екатерининскаго царствованія. Никакихъ другихъ подвиговъ онъ не записалъ въ исторіи. Одновременно генералъ-губернаторомъ Финляндіи по гражданской части назначенъ Спренгтпортенъ.

III.

Удаленіе Буксгевдена.

Послѣ событій, коими заключился 1808 годъ, оставшійся навѣки памятнымъ въ русской исторіи окончательнымъ покореніемъ всей Финляндіи, судьба самого завоевателя представляется рѣшительно несообразною. Увольненіе Буксгевдена состоялось

при ясно выраженномъ неудовольствіи Императора Александра, побудившемъ его явить безпримѣрную немилость.

Почти съ самаго начала войны 1808 г., главнокомандующій долженъ былъ вести другую, едва-ли не болѣе еще трудную войну съ интригой, которая пустила въ Петербургѣ глубокіе корни и широко разрослась. Съ первыхъ дней не только гражданскія, но и военныя распоряженія Буксгевдена подвергались постояннымъ порицаніямъ Спренгтпортена. Уже движеніе на Тавастгусъ, вполнѣ оправданное послѣдствіями, было истолковано какъ ошибка, и Спренгтпортенъ не стѣснялся писать объ этомъ Государю [1]). Поѣздка военнаго министра Аракчеева парализовала на первыхъ порахъ дурное впечатлѣніе этого доноса; но при колебаніи взглядовъ Императора Александра отъ клеветъ не могло не остаться въ душѣ его нѣкотораго слѣда. Дальнѣйшія писанія и объясненія Спренгтпортена приносили уже лучшій плодъ, тѣмъ болѣе что и отношенія гр. Аракчеева къ Буксгевдену вскорѣ совершенно измѣнились. По поводу сдѣланныхъ имъ послѣднему замѣчаній по одному мелочному обстоятельству, Буксгевденъ отвѣчалъ ему рѣзкимъ письмомъ, которое окончательно прибавило главнокомандующему лишняго, притомъ сильнаго врага, а Спренгтпортену союзника. Всѣ завѣренія Спренгтпортена имѣли въ виду одно: убѣдить Александра, что силы оружія не нужно для покоренія Финляндіи, что все сдѣлается преданностію Финляндцевъ къ Россіи и ея Императору и что военныя дѣйствія должны вестись только pro forma. Батальонъ здѣсь, батальонъ тамъ, побольше великодушія и золота—вотъ канва всѣхъ представленій Спренгтпортена, извѣстная еще за 20 лѣтъ назадъ, съ Екатерининской войны. Это было со стороны одного знатока Финляндіи; но въ Петербургѣ критиковалъ Буксгевдена другой, также оффиціальный знатокъ,—генералъ Кноррингъ. Какъ бывшій въ ту войну генералъ-квартирмейстеръ, Кноррингъ считалъ себя имѣющимъ теперь болѣе правъ на званіе главнокомандующаго въ Финляндіи. Предполагаемая въ немъ опытность побуждала воен-

---

[1]) Спб. Главн. Арх. М. Ин. Дѣлъ, Camp. Suèd. 1808—9, Corr. Sprengtporten, см. Прил. №№ 44—46, т. II. Въ этомъ томѣ будетъ представлено болѣе подробное изложеніе интригъ Спренгтпортена.

ное министерство постоянно обращаться къ нему за совѣтами, а позднѣе, когда военныя дѣла за отъѣздомъ Государя за границу вносились въ комитетъ министровъ,—онъ былъ приглашаемъ для разъясненій и туда.

Надежда на любовь Финляндцевъ имѣла первымъ послѣдствіемъ то, что Буксгевденъ долженъ былъ исполнять широкій планъ, но средства дѣйствія имѣлъ самыя малыя. Если можно было удовлетвориться ими вначалѣ, то впослѣдствіи, когда заняты были разные пункты по всей Финляндіи, на пространствѣ сотенъ тысячъ квадр. верстъ, ихъ оказалось рѣшительно мало. Буксгевденъ просилъ о подкрѣпленіяхъ, но въ Петербургѣ относились къ этому неблагосклонно, ожидая всего отъ добродушія жителей. Послѣдствія извѣстны: немногочисленные отряды Раевскаго и Тучкова, уходя все далѣе на сѣверъ и оставляя вездѣ гарнизоны, слабѣли все болѣе и болѣе. Наступила половина апрѣля, растаяли льды, для Русскихъ прекратились прямые пути сообщенія, а для Шведовъ и Финновъ напротивъ усилились средства обороны. Началась партизанская война, и слабымъ силамъ Буксгевдена пришлось бороться съ тремя врагами: съ непріятельскими войсками, съ возмущеннымъ населеніемъ, и съ недостаткомъ продовольствія; четвертый врагъ былъ собственная малочисленность. Продовольствіе подвозилось изъ Россіи, но партизанскіе отряды бойко перехватывали транспорты, а слабость корпусовъ не дозволяла отдѣлять отряды для ихъ сопровожденія. При такихъ условіяхъ отрядъ Раевскаго отступалъ къ Тавастгусу; лѣвый флангъ у Або былъ въ оборонительномъ положеніи; на правомъ флангѣ у Куопіо Барклай-де-Толли также не шелъ какъ предписывалось въ обходъ непріятеля, а могъ только обороняться отъ насѣдавшаго на него народнаго возстанія. Все это не могло быть пріятно въ Петербургѣ, гдѣ Спренгтпортенъ и К° подливали масла въ огонь, утверждая что всѣ бѣдствія проистекали не отъ недостатка силъ, а отъ неумѣлыхъ будто бы распоряженій. Насколько эти утвержденія были безосновательны, довольно доказано предъидущимъ изложеніемъ. Однако вся совокупность неблагопріятныхъ обстоятельствъ относилась къ винѣ главнокомандующаго, и неудовольствіе росло.

Между тѣмъ Императоръ Александръ горячо желалъ, чтобы театръ войны былъ перенесенъ въ Швецію: блескъ такого подвига ослѣплялъ и заманивалъ. О немъ уже было написано Наполеону [1]). Спренгтпортенъ съ своей стороны представлялъ дѣло очень легкимъ: довольно одного безвѣтреннаго дня, чтобы переплыть Аландсгафъ и угрожать непріятельской столицѣ [2]). Главнокомандующій дѣлалъ нѣкоторыя приготовленія, собиралъ свѣдѣнія о судахъ и т. п., но къ рѣшительнымъ мѣрамъ приступить не могъ. Хотя на морѣ, или вѣрнѣе въ шхерахъ, начало лѣта было благопріятнѣе нежели на сушѣ, и русская флотилія одержала верхъ въ нѣсколькихъ дѣлахъ, кромѣ того были отбиты нѣкоторыя непріятельскія высадки у Або и Вазы; тѣмъ не менѣе положеніе сухопутныхъ силъ было такъ неудовлетворительно, что безъ очень серьезнаго подкрѣпленія нельзя было и думать о переходѣ залива. Въ половинѣ іюля главнокомандующій сомнѣвался въ возможности даже сохраненія Финляндіи, не только движенія въ Швецію, о чемъ и писалъ Государю [3]). Быть можетъ такимъ путемъ онъ думалъ добиться присылки подкрѣпленій. Но несомнѣнно его объясненія не могли быть пріятны Императору Александру, который объявилъ уже всему міру, что Финляндія покорена и присоединена на вѣки къ его Имперіи [4]). Тѣмъ не менѣе въ представленіяхъ Буксгевдена была одна сущая правда. Русскія войска были раскиданы среди милліоннаго волнующагося населенія. Состояли же они изъ такихъ можно сказать ничтожныхъ отрядовъ:

Центральный корпусъ Раевскаго. . . . . 6.000 чел.
Корпусъ Тучкова у Куопіо на восточной оконечности въ 400 верстахъ разстоянія. . . . . 6.000 »
Близъ Або на юго-западѣ Финляндіи . . . . . . 4.000 »
Въ Свеаборгѣ . . . . 3.500 »

---

[1]) См. Прил. № 127, т. II.

[2]) Прил. № 53, т. II.

[3]) Михайловскій-Данилевскій, стр. 199

[4]) Декларація 16-го и манифестъ 20-го марта 1808. Полн. Собр. Зак. Р. И.

На границѣ, къ сторонѣ Нейшлота и Ладожскаго озера . . . . 2.000 чел.
На берегу Ботническаго залива между Або и Христиненстадтомъ . . . . 1.000 »
На флотиліи . . . . 2.000 »

Всего 24.500 ч.; а по соображеніямъ Буксгевдена развѣ только 50.000 были бы достаточны собственно для удержанія Финляндіи. Для перехода же въ Швецію онъ заявлялъ необходимость въ присылкѣ другихъ 50.000 человѣкъ. «Не имѣя сильной арміи и не сосредоточа ея къ рѣшительному удару—писалъ онъ [1])—сія важная экспедиція была бы только одинъ набѣгъ, сопряженный съ потерею людей безъ постоянныхъ выгодъ. Можетъ быть я ошибаюсь въ моихъ заключеніяхъ; желалъ бы по крайней мѣрѣ видѣть такого воина, который захотѣлъ бы отважиться съ малымъ числомъ идти на подвигъ столь скользкій и затруднительный». Очевидно Буксгевденъ оказывался плохимъ придворнымъ; категорическія объясненія его, шедшія въ разрѣзъ съ желаніемъ Императора Александра, не могли быть ему пріятны и неудовольствіе росло. Подкрѣпленіе было наконецъ послано въ составѣ 4-й дивизіи и нѣсколькихъ батальоновъ изъ числа расположенныхъ по берегу старой Финляндіи. Но Государь требовалъ, чтобы въ число дѣйствующихъ войскъ были включены только эти батальоны, четвертая же дивизія должна была оставаться въ резервѣ для дѣйствія въ Швеціи; но Буксгевденъ, какъ сказано, исполнить этого не могъ.

При такой разницѣ взглядовъ къ неудовольствію присоединилось недовѣріе. Признано было нужнымъ обслѣдовать положеніе на мѣстѣ. Такое важное порученіе, которымъ контролировались дѣйствія заслуженнаго генерала-главнокомандующаго, было возложено не болѣе какъ на полковника маркиза Паулуччи. Офицеру этому оказывали тогда въ Петербургѣ большое довѣріе за предполагавшіяся въ немъ блестящія военныя способности, которыхъ впрочемъ онъ не имѣлъ еще времени проявить здѣсь на дѣлѣ, такъ какъ лишь незадолго предъ тѣмъ поступилъ въ рус-

[1]) Донесеніе 14-го іюля № 63.—Михайловск. Данилевск., стр. 202.

скую службу, бывъ прежде въ австрійской. Повторялось нѣчто въ родѣ случая съ Спренгтпортеномъ, достоинства котораго въ свое время превозносились также только по наслышкѣ. Легко вообразить себѣ чувства нашего главнокомандующаго при ревизіи этого полковника-иностранца.

Отчетъ маркиза Паулуччи представилъ мало успокоительнаго, и военное министерство съ Аракчеевымъ во главѣ выработало на основаніи его новый планъ военныхъ дѣйствій—чисто оборонительный. Цѣль его состояла въ томъ, чтобы съ возможно меньшими неудобствами дождаться зимы, которая, уменьшивъ выгоды Шведовъ, развязала бы Русскимъ руки для наступательныхъ дѣйствій съ вѣроятностію рѣшительнаго успѣха. Зимній путь облегчилъ бы и возстановленіе хлѣбныхъ магазиновъ уничтоженныхъ партизанами, и комплектованіе войскъ. Послѣднія, особенно тѣ полки которые сражались въ сѣверной Финляндіи, очень страдали отъ повальныхъ болѣзней по неимѣнію тамъ подвижныхъ госпиталей. Новый операціонный планъ назначалъ русской арміи стать на бивуакахъ или въ баракахъ вдоль оборонительной черты поперекъ всей Финляндіи отъ Ботническаго залива до Куопіо и Кеми, на протяженіи болѣе 500 верстъ.

Планъ этотъ, въ составленіи коего главнымъ дѣятелемъ былъ Паулуччи, съ нимъ же былъ посланъ къ графу Буксгевдену при рескриптѣ отъ 12-го августа.

По непонятной причинѣ новая инструкція не была даже никѣмъ подписана. Быть можетъ Императоръ Александръ не имѣлъ твердаго въ этомъ отношеніи мнѣнія, колебался и не рѣшался предписать планъ Паулуччи къ непремѣнному исполненію. По крайней мѣрѣ изъ разсказа объ этомъ эпизодѣ гр. Сухтелена [1]), который въ качествѣ генералъ-квартирмейстера финляндской арміи близко видѣлъ ходъ дѣлъ, нужно заключить что Александръ Павловичъ не хотѣлъ утвердить плана, не узнавъ мнѣнія главнокомандующаго и штаба его, и что Паулуччи былъ отправленъ именно съ цѣлію предложить весь проектъ на разсмотрѣніе гр. Буксгевдена.

---

[1]) Картина военныхъ дѣйствій въ Финляндіи въ 1808—1809 гг., стр. 113.

Но съ другой стороны собственноручное письмо къ нему Императора Александра скорѣе давало понять что новый планъ долженъ быть непремѣнно приведенъ въ исполненіе и только одержанные до его полученія успѣхи и занятая русскими войсками выгодная позиція освобождали главнокомандующаго отъ этой обязанности [1]).

Судьба, а еще болѣе интрига, сыпала такимъ образомъ на Буксгевдена удары все болѣе и болѣе сильные. Между тѣмъ дѣла наши начинали уже вновь принимать благопріятный оборотъ. Бой при Карстулѣ 9-го августа былъ въ этомъ отношеніи поворотнымъ пунктомъ. За нимъ послѣдовали дальнѣйшіе успѣхи,— и въ награду главнокомандующій получаетъ въ руководство соображенія, теперь уже генерала, маркиза Паулуччи. Въ довершеніе удара ему, главнокомандующему, повелѣвается подробно объяснить, точнѣе – оправдать предъ этимъ вчерашнимъ полковникомъ свои дѣйствія. Такого оскорбленія заслуженный генералъ не могъ безмолвно принять,—и Буксгевденъ рѣшился просить объ увольненіи. Въ этомъ намѣреніи, заготовивъ письмо на имя Государя, онъ обратился и къ министру иностранныхъ дѣлъ графу Румянцову съ конфиденціальнымъ письмомъ, полнымъ понятной горечи. «Вамъ, графъ, уже отчасти извѣстны, — писалъ онъ [2]), тѣ непріятности, которыя мнѣ пришлось вынести до сихъ поръ; онѣ были для меня тѣмъ чувствительнѣе, что двигатели ихъ, признавая нужнымъ укрываться подъ эгидой верховной власти, лишили меня единственнаго удовлетворенія—возможности открыто доказать ихъ неправду. Мнѣ не оставалось ничего болѣе, какъ презирать ихъ подпольныя интриги и продолжать

---

[1]) Михайловскій-Данилевскій (стр. 204) приводитъ по этому поводу слѣдующую выдержку изъ собственноручнаго письма Императора Александра къ гр. Буксгевдену: «Если до полученія оборонительнаго плана успѣхи подвинутъ насъ впередъ и позиція занимаемая войсками будетъ выгодна, то не приводить плана въ дѣйствіе и объяснивъ подробно всѣ обстоятельства маркизу Паулуччи, представить его съ онымъ обратно ко Мнѣ.»

[2]) Изъ Або, 19-го авг. Арх. М. Ин. Д., Bouxhoevden, лист. 175. Письмо писано по-французски. Впрочемъ Буксгевденъ хорошо писалъ по русски.

служить съ тѣмъ же усердіемъ, которое нѣкогда заслужило мнѣ доброе мнѣніе и довѣріе Государя. Но, видя что эти непріятности не достигали цѣли и не привели къ замедленію успѣховъ арміи, не смотря на то что я былъ лишенъ необходимыхъ средствъ, ни къ оставленію мною мѣста, на которомъ я думалъ быть полезнымъ отечеству,—эти люди пошли еще дальше чтобы довести меня до крайности. Нашли способы дать мнѣ невозможныя инструкціи, при высочайшемъ повелѣніи въ точности сообразоваться съ ними, а для большаго еще моего униженія, автору этихъ инструкцій предоставили быть и подателемъ мнѣ самаго повелѣнія. Они достигли своей цѣли... Я слишкомъ хорошо вижу откуда идутъ всѣ эти оскорбленія; но меня очень мало знаютъ, предполагая что честолюбіе побудитъ меня сохранить мѣсто во что бы ни стало; напротивъ, я охотно уступлю его всякому, кто лучше меня будетъ заботиться о пользахъ отечества хотя бы одну кампанію. Пусть генералы въ родѣ Спренгтпортеновъ и Кноррринговъ меня заступятъ; можетъ быть они будутъ имѣть болѣе успѣха; по крайней мѣрѣ если они сотрудничали въ составленіи инструкцій, то найдутъ ихъ и удобоисполнимыми. Онѣ и дѣйствительно таковы, если желаютъ уступить непріятелю добрую долю нашихъ завоеваній...

....Поэтому, если инструкціи должны быть непремѣнно выполнены, я твердо рѣшился принести отечеству послѣднюю жертву – уступивъ мое мѣсто генералу болѣе покорному наставленіямъ, которыя неизвѣстный иностранецъ даетъ главнокомандующему русской арміи.»

Государю Буксгевденъ написалъ одновременно (18-го августа) и рапортъ, въ которомъ представлялъ свои возраженія противъ плана Паулуччи, и особо письмо [1]). Приводимъ послѣднее цѣликомъ.

«Всемилостивѣйшій Государь! Вѣками доказано было, что въ арміяхъ, гдѣ военачальники не имѣли права начертывать операціи сами, безъ вліянія кабинета, рѣдко война имѣла желаемый

---

[1]) Арх. М. Ин. Д. Camp. Suèdoise 1808. Bouxhoevden, ad № 175. Рапортъ и письмо—по-русски.

успѣхъ. Главнокомандующій, лишенный кормила управленія, лишается съ онымъ довѣренности Государя, что составляетъ душу всѣхъ дѣйствій. Высочайшій рескриптъ Вашего Величества отъ 12-го августа, повелѣвающій мнѣ основывать свои операціи на инструкціи въ коей для меня все чуждо, тѣмъ паче что никѣмъ не подписана, признаю я яснымъ доказательствомъ неблаговоленія Вашего ко мнѣ. Можетъ быть, при помощи Божіей, руководствуясь правилами мною предположенными, я побѣдилъ бы непріятеля и отмстилъ врагамъ; но носить немилость моего Государя есть свыше силъ моихъ и возможности. Монархъ! я готовъ права мои вручить тому, кого воля Ваша изберетъ достойнѣйшимъ. Я буду ждать съ покорностію сей участи, не оставляя поста моего доколѣ Ваше Императорское Величество не повелите принять отъ меня оный. Долговременная моя служба, труды и лѣта даютъ мнѣ надежду въ семъ единственномъ Августѣйшемъ ко мнѣ снисхожденіи. Но буде есть воля Вашего Величества дабы я начатое мною поприще окончилъ со славою оружія Вашего, то соблаговолите, Всемилостивѣйшій Государь, почтить меня Вашею довѣренностію и защитите отъ ѣдкой зависти и интригъ, не столь вредныхъ лично для меня сколь пагубныхъ для самыхъ военныхъ дѣйствій.»

Въ рапортѣ своемъ Буксгевденъ объяснилъ что по рескрипту отъ 12-го августа онъ поручилъ генералъ-квартирмейстеру фонъ-Сухтелену сдѣлать нужныя распоряженія. Онъ слагалъ слѣдовательно съ себя отвѣтственность за послѣдствія, не ослушиваясь однако воли Государя. Но, ссылаясь на приверженность свою ему, и какъ вѣрный, старый слуга отечества, желающій ему славы, Буксгевденъ видѣлъ себя вынужденнымъ не обинуясь представить вещи въ томъ видѣ какъ онъ ихъ понимаетъ. Онъ даже находилъ что его нельзя было бы извинить, если бы онъ осмѣлился умолчать предъ Государемъ, что новый оборонительный планъ ему присланный не можетъ быть выполненъ безъ вредныхъ послѣдствій. Исходя изъ двухъ вопросовъ: «съ какою цѣлью мы воюемъ? и съ какою цѣлью воюетъ непріятель?»—Буксгевденъ сжато, но убѣдительно разсматривалъ пунктъ за пунктомъ присланную ему инструкцію и доказывалъ. что исполненіе ея приве-

детъ къ результатамъ болѣе благопріятнымъ для Шведовъ, нежели для Русскихъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ излагалъ свой взглядъ на предстоявшія операціи и заключилъ рапортъ свой слѣдующими смѣлыми словами: «При сихъ дѣйствіяхъ можно ручаться, что армія Клингспорра будетъ разбита къ славѣ оружія Вашего Величества безъ совѣтовъ и помощи иноземцевъ, коихъ толпы дѣлаютъ болѣе вреда нежели пользы нашему отечеству. По сіе время я дѣйствовалъ одинъ, безъ посредства, безъ совмѣстничества, и мнѣнія мои, о коихъ извѣщалъ генерала Сухтелена, были всегда имъ приняты и по сей поры при тѣхъ средствахъ, кои имѣлъ, дѣятельно изворачивался». Затѣмъ онъ повторилъ о данномъ имъ этому генералу порученіи, вмѣстѣ съ Паулуччи войти въ разсмотрѣніе всего плана, съ тѣмъ что самъ онъ будетъ ожидать ихъ распоряженій и велитъ дѣйствовать въ исполненіе монаршей воли.

Такимъ образомъ въ письмѣ онъ просилъ объ увольненіи отъ должности, а въ рапортѣ фактически отъ нея устранялся. Представленія его пришли въ Петербургъ въ двадцатыхъ числахъ августа; Александръ Павловичъ отправлялся въ это время на эрфуртское свиданіе. Съ другой стороны финляндскія дѣла начали поправляться, графъ Каменскій пошелъ быстро впередъ и послѣ 20-го августа – трехдневный бой при Куортанѣ и Сальми — успѣхъ несомнѣнно склонился на сторону русскаго оружія, отступленіе Шведовъ сдѣлалось еще стремительнѣе, и Финны начали терять надежду на помощь Швеціи въ длившейся уже болѣе полугода борьбѣ ихъ противъ Россіи. Естественно что при такихъ обстоятельствахъ не могло быть и рѣчи о планѣ Паулуччи и о замѣнѣ Буксгевдена другимъ лицомъ. Но оскорбленія нанесенныя сему послѣднему не могли быть имъ забыты. Поэтому, не смотря на блестящіе успѣхи, Буксгевденъ не оставлялъ рѣшимости покинуть должность главнокомандующаго и повторялъ ее не далѣе 13-го сентября, на другой день по перенесеніи имъ главной квартиры изъ Або въ Гамле-Карлебю [1]). «Вашему сіятельству уже извѣ-

[1]) Арх. М. И. Д. 1808 г. Переписка Буксгевдена и Румянцова. Письмо по-русски.

стно,—писалъ онъ графу Румянцову,—что я, вооружаясь противъ цѣлаго общества недоброжелателей моихъ, увѣрившихъ Государя Императора что должно войска остановить въ оборонительной позиціи, предлагалъ дѣйствовать наступательно. Государь еще оставался въ нерѣшимости, какъ армія двигалась уже по плану мною предположенному и, благодареніе Богу, въ опроверженіе всѣхъ толковъ дѣла наши увѣнчаны успѣхомъ, непріятель на всѣхъ пунктахъ разбитъ и прогнанъ за Гамле-Карлебю, гдѣ теперь и самъ я нахожусь.... И если я довершу все какъ предполагаю, то будучи вынужденъ великими неудовольствіями, которыя меня отъ самаго почти начала войны сей преслѣдовали, стану проситься о увольненіи меня отъ начальства; пусть къ славѣ отечества нашего окончаютъ войну сію тѣ, кои болѣе имѣютъ дарованія, нежели во мнѣ находится.»

Между тѣмъ враги Буксгевдена не уставали копать ему яму. Случай къ новымъ нападкамъ не замедлилъ представиться. Обезпеченный съ юга, и одерживая значительные успѣхи на Ботническомъ заливѣ и въ центрѣ, Буксгевденъ чувствовалъ однако свою слабость на правомъ флангѣ, гдѣ Тучковъ боролся противъ предпріимчиваго Сандельса. Нѣсколько высадокъ, сдѣланныхъ въ Кореліи маркизомъ Паулуччи, не имѣли успѣха [1]) и только поощрили непріятеля. Поэтому Буксгевденъ находилъ выгоднымъ предложенное ему Клингспорромъ перемиріе. Пріобрѣталась, какъ выше изложено, не малая выгода отступленія Сандельса на 100 верстъ. Но, подписывая перемиріе въ моментъ блестящихъ успѣховъ графа Каменскаго, главнокомандующій за дальностію разстоянія не зналъ, что въ тотъ самый день Сандельсъ очистилъ Тайволу и отступилъ совершенно помимо выговореннаго о томъ условія, и что этимъ отступленіемъ устранялась одна изъ существенныхъ выгодъ перемирія.

Донесеніе Буксгевдена о заключенномъ перемиріи получено въ Петербургѣ одновременно съ непосредственнымъ донесеніемъ съ праваго фланга объ отступленіи Сандельса. Обѣ бумаги поступили на разсмотрѣніе комитета министровъ. Въ комитетъ былъ

---

[1]) Сухтеленъ, стр. 157.

приглашенъ Кноррингъ, дѣйствія главнокомандующаго подверглись порицанію, и въ заключеніе повелѣно: перемиріе немедленно разрушить и «причиненную тѣмъ въ дѣйствіяхъ остановку вознаградить поспѣшнымъ движеніемъ Тучкова». А когда Буксгевденъ представилъ возраженія, оправдывая выгоды перемирія, то получилъ отъ комитета подтвержденіе прежняго повелѣнія: немедленно прекратить перемиріе. Императоръ Александръ не только одобрилъ распоряженія комитета, но и назвалъ въ письмѣ къ графу Румянцову лохтинское перемиріе «ошибкою непростительною». Такимъ образомъ, не смотря на успѣхи, главнокомандующій подвергался постояннымъ порицаніямъ, и нерасположеніе къ нему Государя продолжало расти.

По расторженіи перемирія продолжалось энергическое наступленіе нашихъ отрядовъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ еще болѣе усиливались затрудненія въ движеніи транспортовъ; въ странѣ совершенно опустошенной, за 1,000 почти верстъ отъ базиса войска бѣдствовали. Въ это время Буксгевденъ пробовалъ было примѣнить Спренгтпортеновскую систему «воздѣйствія на умы» финскаго войска, но, по собственному его признанію, «кромѣ умноженія числа дезертировъ, невозможно было поколебать чести, съ которою всѣ они готовы омыть кровью каждый шагъ своего отступленія [1]). Поэтому, уже достигнувъ Брагештадта, Буксгевденъ на новую просьбу о перемиріи отвѣчалъ опять согласіемъ. Вся Финляндія была уже въ нашихъ рукахъ, и 7-го ноября графъ Каменскій заключилъ «конвенцію» въ Олькіоки, по которой непріятель очищалъ Улеаборгъ со всею губерніей. Конвенціею блистательно окончена кампанія 1808 г. и завоеваніе Финляндіи.

Но Императоръ Александръ не видѣлъ ни достигнутыхъ успѣховъ, ни бѣдственнаго положенія своихъ голодныхъ и изнеможенныхъ войскъ. Онъ былъ напротивъ весь негодованіе, и не скупился на упреки. «Не могу я признать,—писалъ Александръ Павловичъ Буксгевдену,—чтобы конвенція съ остатками шведскихъ войскъ заключенная, удовлетворяла въ полной мѣрѣ моимъ желаніямъ и цѣли ввѣреннаго вамъ начальства. Войско непріятеля

[1]) Михайловскій-Данилевскій, стр. 332.

не болѣе какъ изъ восьми тысячъ состоящее, болѣзнями и недостаткомъ продовольствія изнуренное и тѣснимое, какимъ образомъ могло бы противостать силамъ нашимъ, въ три краты его превосходящимъ? Бывъ преслѣдуемо продолженіемъ военныхъ дѣйствій, какимъ образомъ могло бы оно избѣжать конечнаго расторженія? Большая его часть разсѣялась бы не достигнувъ Улеаборга, остальная, если бы и спаслась, то въ разстроенномъ, изнуренномъ и ничтожномъ положеніи. Конвенція вами заключенная, исхитила у насъ сіи надежды» [1]).

Нелегко было графу Буксгевдену принимать такія обвиненія, когда за нимъ лежала уже вся покоренная Государю страна. Тѣмъ не менѣе онъ не бездѣйствовалъ: сближалъ продовольствіе, готовился на случай надобности новаго зимняго или весенняго похода, принималъ мѣры къ нѣкоторому хотя устройству края. Но—7-го декабря послѣдовало назначеніе новаго главнокомандующаго. Интрига сдѣлала свое: Буксгевденъ былъ уничтоженъ, и на мѣсто его поднялись его враги. Не прошло впрочемъ полугода, какъ судьба смела и ихъ со сцены финляндскихъ событій также безпощадно, какъ они подкапывались подъ генерала, заслугъ коего передъ Россіей не отвергнетъ и самая пристрастная критика. Силы Буксгевдена были потрясены и здоровье его окончательно подкошено всей этой кампаніей и событіями ее сопровождавшими: въ 1811 году его не стало.

---

[1]) Михайловскій-Данилевскій, стр. 344.

ГЛАВА XI.

Кампанія 1809 г. [1]).

Съ замѣною графа Буксгевдена въ должности главнокомандующаго генераломъ Кноррингомъ Императоръ Александръ настоятельно потребовалъ исполненія первоначальнаго его плана и желанія—перенести войну въ самое сердце врага, въ Швецію. Зима давала такія преимущества, какихъ нельзя было имѣть ни весною, ни лѣтомъ: прямой переходъ войскъ по льду. Въ этихъ видахъ повелѣно было новому главнокомандующему принять за цѣль предстоящихъ военныхъ дѣйствій немедленное и рѣшительное движеніе за Ботническій заливъ. Опасеніе новаго соглашенія Шведовъ съ Англичанами, предстоящихъ высадокъ на тысячеверстномъ протяженіи береговъ Балтійскаго моря, необходимость обезпечивать спокойствіе во всемъ завоеванномъ краѣ, на вѣрность населенія коего нельзя было полагаться,—все это побуждало еще болѣе «усилить военныя дѣйствія въ зимнее время».

Къ наступленію 1809 г. численность русскихъ войскъ въ Финляндіи достигала 48.000 чел. строевыхъ, при 127 орудіяхъ, и состояла изъ корпусовъ: гельсингфорскаго подъ начальствомъ гр. Витгенштейна, абоскаго—князя Багратіона, вазаскаго—кн. Голицына и улеаборгскаго—Тучкова, которому графъ Каменскій уѣзжая сдалъ командованіе. Кромѣ того были: резервъ артиллеріи въ Тавастгусѣ и отрядъ въ Куопіо подчиненный выборг-

---

[1]) Описаніе основано на тѣхъ же источникахъ, какъ и описаніе кампаніи 1808 г.

скому генералъ-губернатору, а также морскія команды. Вскорѣ по назначеніи Кнорринга послѣдовали перемѣны начальниковъ. Въ командованіе улеаборгскимъ корпусомъ вступилъ вмѣсто Тучкова гр. Шуваловъ, князя Голицына въ Вазѣ замѣнилъ Барклай-де-Толли, а графа Витгенштейна въ Гельсингфорсѣ—Багговутъ. Князь Багратіонъ одинъ остался на своемъ мѣстѣ.

Въ видахъ движенія за Ботническій заливъ князь Багратіонъ долженъ былъ занять Аландскіе острова, на которыхъ были незначительныя непріятельскія силы, Барклай-де-Толли идти чрезъ проливъ Кваркенъ на шведскій берегъ къ городу Умео, графъ Шуваловъ двинуться на сѣверъ кругомъ Ботническаго залива для занятія Вестроботніи. «Знаю,—писалъ Александръ новому главнокомандующему,—что совершеніе сего предпріятія сопряжено съ немалыми трудностями; но трудности сіи исчезаютъ при сравненіи съ тѣми препятствіями, какія должны будутъ встрѣтиться весною, и притомъ великомъ уваженіи, что лучше однимъ кратковременнымъ, по рѣшительнымъ напряженіемъ силъ положить конецъ сему дѣлу, нежели устранивъ настоящее время вести многолѣтнюю войну, тягостную, продолжительную и отъ конца своего удаленную. Изъ всѣхъ сихъ изъясненій вы усмотрите, сколь намѣренія мои усилить настоящею зимою военныя дѣйствія непремѣнны и рѣшительны» [1]).

Въ декабрѣ Кноррингъ прибылъ на мѣсто, нашелъ полное затишье и занялся сближеніемъ войскъ и провіанта къ береговымъ мѣстамъ отправленія. Скудость продовольствія остановила однако разсылку приказаній войскамъ о передвиженіяхъ. Ознакомясь съ мѣстными условіями и съ положеніемъ дѣла, которое онъ такъ безпощадно критиковалъ въ Петербургѣ, Кноррингъ пришелъ къ заключенію о невозможности собрать для похода чрезъ Аландъ болѣе 10 тысячъ, тогда какъ въ планѣ военныхъ дѣйствій для этой операціи назначалось 20 тысячъ. Императоръ Александръ былъ недоволенъ его представленіями и требовалъ непремѣннаго назначенія предписанной цифры войскъ. Кноррингъ и на это представлялъ свои возраженія.

[1]) Михайловскій-Данилевскій. Описаніе войны 1808—9 гг., стр. 350.

Въ такихъ предварительныхъ распоряженіяхъ, а больше въ перепискѣ, прошли декабрь, январь и февраль—самые благопріятные мѣсяцы для похода по льду. Новые командиры сѣверныхъ корпусовъ, гр. Шуваловъ и Барклай-де-Толли, еще не пріѣзжали изъ Петербурга. По прибытіи ихъ наконецъ на мѣсто и съ ихъ стороны, какъ разсказываетъ Михайловскій-Данилевскій, возникли затрудненія и возраженія. Барклай-де-Толли заявлялъ что въ Вазѣ не нашелъ ничего приготовленнаго для похода, что продовольствія мало даже и для мѣстнаго потребленія, что вообще магазины пусты, что въ полкахъ недостаетъ патроновъ, что сосредоточеніе войскъ потребуетъ еще до трехъ недѣль времени и многое другое. Въ заключеніе, ссылаясь на неизвѣстность силъ непріятеля близъ Умео, находилъ что съ 5.000 челов., какъ по плану назначено, идти туда нельзя. Графъ Шуваловъ къ затрудненіямъ провіантской части присоединялъ еще новыя, отъ физическихъ свойствъ страны, широкихъ рѣкъ чрезъ которыя нѣтъ переправъ и проч., и находилъ что вести при такихъ условіяхъ войска значитъ обрекать ихъ на вѣрную смерть. Одинъ князь Багратіонъ не представлялъ возраженій, и на вопросъ о его мнѣніи на счетъ перехода черезъ заливъ отвѣчалъ коротко и ясно: «прикажутъ—пойдемъ».

Медленность распоряженій вызвала со стороны Государя внушеніе главнокомандующему, смыслъ котораго не допускалъ сомнѣній, а изложеніе прямо давало чувствовать тяжелую руку военнаго министра графа Аракчеева. «Съ удивленіемъ увидѣлъ я,—писалъ Императоръ Александръ Кноррингу отъ 12-го февраля [1]),—что только нынѣ вознамѣрились вы приступить къ сбору войскъ для приготовленія ихъ къ дѣйствіямъ, и теперь только собираете вы нужныя для сего свѣдѣнія, тогда какъ съ самаго отъѣзда вашего къ ввѣренному вамъ начальству извѣстны уже были вамъ рѣшительныя предположенія мои касательно зимнихъ операцій. Не менѣе того удивляетъ меня, что приведеніе въ дѣйствіе Аландской экспедиціи производится столь медленно, что и понынѣ, къ сожалѣнію моему, не вижу я даже и начала онаго, когда надлежало бы уже въ сіе время послѣдовать окончатель-

[1]) Ibid., стр. 355.

ное сей экспедиціи исполненіе. Я привыкъ требовать точности въ исполненіи моихъ повелѣній и не люблю ихъ повторять. Надѣюсь, что въ послѣдній разъ вы къ оному меня принуждаете».

Рескриптъ произвелъ то естественное дѣйствіе, что Кноррингъ, представляя Государю свои объясненія, просилъ объ увольненіи отъ командованія. Но Александръ Павловичъ, не увольняя Кнорринга, послалъ въ Финляндію самого Аракчеева съ повелѣніемъ двинуть войска чрезъ Ботническій заливъ и съ ними слѣдовать. 20-го февраля прибылъ Аракчеевъ въ Або и проявилъ энергію замѣчательную. Всѣ затрудненія, встрѣченныя какъ главнокомандующимъ такъ и обоими командирами сѣверныхъ корпусовъ, устранены, войска и продовольствіе собраны для движенія на Аландскіе острова. Давая указанія по поводу затрудненій встрѣченныхъ Барклаемъ между прочимъ и въ недостаточности инструкцій, Аракчеевъ писалъ ему: «генералъ съ вашими достоинствами въ оныхъ и нужды не имѣетъ. Сообщу вамъ только, что Государь Императоръ къ 16-му марта прибудетъ въ Борго, то я увѣренъ что вы постараетесь доставить къ нему на сеймъ шведскіе трофеи. На сей разъ я желалъ бы быть не министромъ, а на вашемъ мѣстѣ, ибо министровъ много, а переходъ Кваркена Провидѣніе предоставляетъ одному Барклаю-де-Толли». Это было писано 28-го февраля, а черезъ четыре дня Барклай двинулъ войска свои для перехода. Подобнымъ образомъ устранилъ Аракчеевъ и затрудненія графа Шувалова, и сей послѣдній 6-го марта возобновилъ дѣйствія, пріостановленныя Ольківокскою конвенціей.

Корпусъ назначенный для покоренія Аландскихъ острововъ и для дальнѣйшаго затѣмъ перехода въ Швецію [1]) былъ порученъ непосредственно начальству Багратіона. Раздѣленный на 5 отрядовъ [2]), онъ двинулся въ путь съ финскаго берега между

[1]) Въ составѣ 30 баталіоновъ, въ числѣ коихъ были баталіоны Преображенскаго, Измайловскаго и Лейбъ-Егерскаго полковъ. Кавалеріи было 4 эскадрона и 600 казаковъ: гродненскіе гусары, лейбъ-казаки, уральцы и друг.

[2]) Подъ начальствомъ генераловъ: гр. Строгонова, Демидова, Сазонова, Кнорринга 2-го и Тучкова 3-го. Резервомъ командовалъ генер. Алексѣевъ, конницею первой колонны знаменитый Кульневъ.

Або и Ништадтомъ первоначально на островъ Кумлингъ, гдѣ и былъ 1-го марта. Оттуда, 3-го марта, онъ направился въ разныхъ направленіяхъ съ такимъ расчетомъ, что четыре колонны пойдутъ островами на большой Аландъ и будутъ тѣснить непріятеля, а пятая быстро двинется южной стороной, дабы обойдя острова принять въ тылъ отступающаго непріятеля у крайняго изъ нихъ къ шведской сторонѣ, Сигнальскера. О числѣ Шведовъ не было достаточныхъ свѣдѣній; бѣгство жителей съ ближайшихъ острововъ, сильныя мятели и частая ломка вѣтрами льда въ шхерахъ прекратили всякія сообщенія съ островами. У Дöббельна, которому Густавъ категорически приказывалъ отстоять Аландъ [1]), было по слухамъ до 6.000 успѣвшаго отдохнуть регулярнаго войска и до 4.000 вооруженныхъ крестьянъ. Берега защищались морской артиллеріей. Сила русскаго отряда составляла въ общей сложности невступно 17.000 всѣхъ родовъ оружія. Солдаты были снабжены полушубками, теплою обувью и теплыми фуражками. Множество саней съ припасами, виномъ и даже дровами тянулось по ледяной пустынѣ.

4-го марта къ ночи двинулся въ путь изъ Вазы и корпусъ Барклая-де-Толли. Не выжидая сближенія остальныхъ войскъ, онъ предпринялъ походъ всего съ 3.500 ч. при 6-ти орудіяхъ [2]). 6-го и 7-го числа отрядъ былъ на островахъ Вальгрунда и Бьеркö, гдѣ бивуакировалъ на льду, и пошелъ далѣе на лежащій посреди Кваркена необитаемый островъ Вальгорнъ. Хотя посланныя еще прежде для рекогносцировки небольшія партіи намѣтили путь вѣхами, но изъ-за громады льдовъ ими нельзя было оріентироваться, колонновожатые сбились съ дороги, и пришлось идти по компасу. Ширина Ботническаго залива въ этомъ мѣстѣ менѣе

[1]) Густавъ писалъ начальнику военнаго кабинета Тибеллю отъ 6-го марта (22-го февраля): «Аландъ должно отстоять; весьма важно удержать по ту сторону залива военный пунктъ. Посему надлежитъ арміи сосредоточиться, дабы можно было послать на Аландъ нужныя подкрѣпленія». Сухтеленъ, стр. 176.

[2]) По Сухтелену 5.000, въ составѣ 8 баталіоновъ, въ томъ числѣ лейбъ-гренадеры и 300 казаковъ. Отрядами командовали полковникъ Филисовъ и генералъ-маіоръ Бергъ.

велика, составляя всего около 100 верстъ, но самые переходы были едва-ли не труднѣе еще чѣмъ на югѣ. Черезъ широкія разсѣлины треснувшаго льда приходилось переправляться какъ черезъ рѣки, или же дѣлать большіе объѣзды далеко кругомъ, съ опасностію заблудиться. Острова Кваркена представляли собою почти сплошь необитаемыя дикія скалы, безъ жилья и растительности, а ледяная поверхность была загромождена навороченными одна на другую безформенными глыбами, между которыми бури нанесли массы непролазнаго снѣга. На Вальгорнѣ Барклай выждалъ оставшіяся назади подводы и продовольствіе, проведя ночь на бивуакѣ въ снѣгу и во льдахъ.

Между тѣмъ отряды Багратіонова корпуса сдѣлали свое дѣло—обратили непріятеля въ бѣгство. Передовой кавалерійскій отрядъ Кульнева достигъ крайняго изъ Аландскихъ острововъ, Сигнальскера, послѣ 8-дневнаго пребыванія на льду. 3.000 плѣнныхъ, 30 пушекъ, 5 военныхъ судовъ, богатые магазины и многое другое были вознагражденіемъ за тяжкіе труды. Уронъ Русскихъ былъ совсѣмъ незначителенъ. 7-го марта неутомимый Кульневъ съ пятью сотнями казаковъ, въ томъ числѣ лейбъ-уральская сотня—отличные стрѣлки—и 3-мя эскадронами гродненскихъ гусаръ, оставилъ въ ночь островъ Сигнальскеръ. Послѣ восьмичасоваго перехода черезъ Аландсгафъ онъ привѣтствовалъ русскимъ «ура» шведскіе берега. Въ верстѣ отъ берега отрядъ былъ встрѣченъ огнемъ непріятельскихъ егерей; но Кульневъ быстрымъ натискомъ опрокинулъ, прогналъ на берегъ, а затѣмъ спѣшивъ казаковъ выбилъ ихъ и оттуда, гдѣ они засѣли за скалами и деревьями, и оттѣснилъ къ большой дорогѣ на Стокгольмъ, отстоявшій оттуда всего верстъ на 100. Прочія части, остававшіяся еще на заливѣ, Кульневъ построилъ между глыбами льда такимъ образомъ, что онѣ имѣли видъ многочисленнаго отряда и послалъ парламентёра для переговоровъ о сдачѣ лежащей на берегу гавани Гриссельгамнъ. Жителямъ давали знать что русская армія движется южнѣе по дорогѣ къ шведской столицѣ. Пораженные почти паническимъ ужасомъ отъ невѣроятнаго перехода Русскихъ, Шведы поспѣшили очистить Гриссельгамнъ и окрестности на двѣ версты вокругъ. Кульневъ не замедлилъ занять ихъ. Князю

Багратіону онъ доносилъ о происшедшемъ въ такихъ выраженіяхъ: «Благодареніе Богу—честь и слава Россійскаго воинства на берегахъ Швеціи. Я съ войскомъ въ Гриссельгамѣ воспѣваю: Тебѣ Бога хвалимъ! На морѣ мнѣ дорога открыта, и я остаюсь здѣсь до полученія вашихъ приказаній.»—Здѣсь Кульневъ простоялъ до 9 марта.

Честь и слава дѣйствительно была почти въ рукахъ... Но въ послѣднюю минуту, когда по слѣдамъ Кульнева надо было двинуться всему корпусу Багратіона,—Аракчеевъ испугался. Вѣроятно подъ вліяніемъ чрезмѣрной осторожности Кнорринга, предъ нимъ возстали всѣ трудности, а вѣроятно и страхъ отвѣтственности въ случаѣ неудачи. Онъ нашелъ нужнымъ послать въ Петербургъ за особымъ разрѣшеніемъ. Столь дорогое, въ эту позднюю уже пору, время было безвозвратно потеряно.

Барклай-де-Толли съ о́строва Вальгорна двинулся на лежащій ближе къ шведскому берегу островъ Гадденъ, и, пройдя въ 12 час. 40 верстъ по страшнымъ ледянымъ горамъ, занялъ его. Отдѣльный отрядъ въ то же время направлялся сѣвернѣе на другой островъ Гольменъ. Въ ночь на 9-е марта, выступивъ съ Гаддена и прійдя еще до разсвѣта къ шведскому материку, расположились бивуакомъ на льду залива противъ рѣки Умео. «Переходъ былъ наитруднѣйшій,—писалъ Барклай-де-Толли. Солдаты шли по глубокому снѣгу часто выше колѣнъ, и сколько ни старались прийти заблаговременно, но будучи на маршѣ 18 часовъ люди такъ устали, что на устьѣ рѣки принуждены мы были бивуакировать» [1]). Чтобы вообразить мѣру трудности перехода, слѣдуетъ припомнить, что взломанный бурями и потомъ опять замерзшій ледъ представлялъ изъ себя громадныя гряды, которыя надо было или перелѣзать карабкаясь, или обходить въ сторону выбиваясь изъ обмерзшаго снѣга. Въ воздухѣ было до 15° мороза, и солдаты для отдыха должны были закапываться въ снѣгъ, тѣмъ болѣе что дровъ было очень мало, и войска почти не разводили огней. Только придя къ берегу отрядъ Барклая нашелъ два купеческія судна, которыя и разломалъ на дрова.

---

[1]) Описаніе войны, Михайловск.-Данил., стр. 402.

На другой день передовая непріятельская цѣпь была прогнана и отрядъ подошелъ на разстояніе одной версты отъ города Умео. Къ вечеру соединился съ нимъ и посланный на островъ Гольменъ отрядъ, вытѣснившій Шведовъ и оттуда. Проведя еще три ночи на льду, 12-го марта Барклай-де-Толли атаковалъ Умео; командовавшій тамъ генералъ гр. Кронштедтъ отступилъ къ Гернозанду, а Русскіе торжественно вступили въ городъ. Здѣсь найдено довольно много запасовъ, и продовольствіе могло быть обезпечено на нѣкоторое время. Такимъ образомъ, благодаря геройскимъ усиліямъ и лишеніямъ войскъ, равныя которымъ представляетъ развѣ переходъ черезъ Альпы или въ новѣйшее время подвиги на горѣ Св. Николая,—русскія войска въ промежутокъ времени отъ 7-го до 10-го марта одновременно явились на непріятельской землѣ на разстояніи болѣе 500 верстъ одинъ отрядъ отъ другого, угрожая и самой шведской столицѣ. Вскорѣ къ Барклаю подошелъ еще одинъ полкъ и онъ могъ отдѣлить часть своихъ силъ для посылки на сѣверъ. Въ Умео Барклай-де-Толли оставался до 14-го марта.

Графъ Шуваловъ, который долженъ былъ соединиться съ Барклаемъ-де-Толли по ту сторону Ботническаго залива, шелъ между тѣмъ отъ Улеаборга на Торнео и тѣснилъ Грипенберга съ фронта [1]); отдѣльный русскій отрядъ обходилъ его по льду залива въ тылъ. Это движеніе заставило Грипенберга покинуть Торнео и сдѣланныя въ немъ укрѣпленія (ледяныя). Преслѣдованіе затѣмъ продолжалось, хотя не могло быть довольно сильно: термометръ показывалъ 27 градусовъ мороза; нельзя было вообще дѣйствовать, а огнестрѣльнымъ оружіемъ и тѣмъ менѣе. Шуваловъ предложилъ Грипенбергу сдаться, указывая на невозможность сопротивленія, такъ какъ Барклай-де-Толли былъ уже въ Умео. Сперва предложеніе было отвергнуто; но потомъ, когда преслѣдованіе усилилось и Грипенбергъ удостовѣрился въ при-

[1]) Главная квартира Шведовъ подъ начальствомъ графа Вреде была въ Гернозандѣ; одинъ отрядъ подъ командою графа Кронштедта находился, какъ сказано, въ Умео и отступалъ предъ Барклаемъ, другой на сѣверѣ у Торнео, подъ начальствомъ Грипенберга, и отступалъ предъ гр. Шуваловымъ.

сутствіи Барклая на шведскомъ берегу, онъ обратился съ просьбою о перемиріи. Шуваловъ отвергъ однако это предложеніе и настаивалъ на своемъ, требуя сдачи. Переговоры кончились тѣмъ что 13-го марта въ Калликсѣ подписана конвенція, главнымъ пунктомъ коей корпусъ Гриппенберга, свыше 7.000 ч., подчинился требованію и положилъ оружіе. Войска были отпущены съ обязательствомъ не сражаться противъ Россіи въ эту войну. Всѣ магазины отъ Торнео до Умео дожны были поступить въ распоряженіе русскихъ войскъ.

За этимъ крупнымъ событіемъ война временно пріостановилась на сѣверѣ; она пріостановилась одновременно и на югѣ, но при другихъ обстоятельствахъ, обусловленныхъ тѣмъ что произошло въ Стокгольмѣ.

Накоплявшееся въ Швеціи недовольство дѣйствіями Густава, упорству котораго приписывали печальное положеніе королевства и особенно несчастную и безславную войну съ Россіей, разразилось измѣной и революціей въ корпусѣ войскъ стоявшихъ на норвежской границѣ подъ начальствомъ Адлерспорра. Корпусъ этотъ двинулся къ Стокгольму, гдѣ и безъ того всѣ были въ страхѣ, ожидая русскаго нашествія. Густавъ думалъ сперва противостоять мятежникамъ съ небольшимъ гарнизономъ столицы; потомъ измѣнилъ намѣреніе и хотѣлъ отправиться въ Шонію для соединенія противъ возставшихъ съ бывшими тамъ войсками. Вмѣстѣ съ тѣмъ носились слухи что онъ собирался бѣжать въ Англію. Но всѣмъ этимъ предположеніямъ не суждено было осуществиться. Экипажи были уже готовы для короля и его семейства, когда по пробитіи вечерней зори замокъ оказался окруженнымъ кирасирами. Къ Густаву неожиданно для него явились оберъ-гофмаршалъ графъ Вахтмейстеръ, оберъ-камергеръ графъ Стрёмфельтъ, главнокомандовавшій финляндской арміей графъ Клингспорръ и начальникъ его штаба Адлеркрейцъ, вмѣстѣ съ нѣсколькими адъютантами короля [1]). Густаву предложили

[1]) Арх. М. Ин. Д. Camp. Suéd. Corresp. Alopeus. Листы 95 и 97. Подробности революціи 1-го марта.

вопросъ: дѣйствительно-ли онъ намѣренъ отбыть въ Англію? На утвердительный отвѣтъ королю объявили о его заарестованіи. Густавъ выхватилъ-было шпагу противъ Адлеркрейца, но былъ удержанъ. Сбѣжавшаяся дворцовая прислуга могла бы еще освободить своего государя; однако судьба Густава IV Адольфа была рѣшена: онъ совершенно растерялся и безучастно глядѣлъ на все происходившее. Подъ карауломъ отвезли его затѣмъ въ замокъ Дротнингольмъ, принудивъ отречься отъ престола. Вмѣстѣ съ нимъ заключена и супруга его, родная сестра Императрицы Елизаветы Алексѣевны. Это было 1-го (13) марта. Въ управленіе королевствомъ вступилъ въ качествѣ регента престарѣлый и болѣзненный дядя Густава, правившій уже Швеціей во время его малолѣтства и часто упоминавшійся выше, герцогъ Карлъ Зюдерманландскій. Позднѣе, въ маѣ, созванный сеймъ объявилъ Густава лишеннымъ вмѣстѣ съ наслѣдниками права на шведскую корону. Ее принялъ регентъ подъ именемъ Карла XIII.

Герцогъ Зюдерманландскій поспѣшилъ дать знать о послѣдовавшей перемѣнѣ генералу Дӧббельну, командовавшему на Аландѣ. Важная эта вѣсть пришла къ шведскому генералу въ то же время какъ имъ получено свѣдѣніе о выступленіи Русскихъ для движенія въ Швецію. Не имѣя инструкцій онъ отправилъ къ отряду князя Багратіона офицера для переговоровъ о перемиріи. Багратіонъ, не считая себя въ правѣ входить въ соглашенія, отправилъ посланнаго къ главнокомандующему. Самъ же, предполагая что Шведы переговорами надѣются выиграть время, ускорилъ марши, которые и привели его авангардъ, какъ сказано, 8-го марта въ Гриссельгамнъ. Между тѣмъ вслѣдъ за своимъ посланнымъ выѣхалъ въ главную квартиру Кнорринга и самъ Дӧббельнъ, получившій изъ Стокгольма повелѣніе принять всѣ мѣры къ тому что-бы остановить движеніе Русскихъ. Предварительные переговоры между обоими этими генералами привели къ подписанію 4-го марта конвенціи, по которой Шведы обязывались сдать Аландскіе острова, увести войска свои по ту сторону Ботническаго залива и размѣнять плѣнныхъ. Но Аракчеевъ не одобрилъ этого предварительнаго условія. Онъ объявилъ Дӧббельну, что присланъ отъ Государя не перемиріе дѣлать, а миръ;

ни на какое перемиріе не согласенъ, а если Дöббельнъ желаетъ, то можетъ сдаться военно-плѣннымъ.

Дöббельнъ предложенія о сдачѣ не принялъ и уѣхалъ обратно. Но лишь Кульневъ пошелъ на шведскій берегъ, Дöббельнъ прислалъ Кноррингу новое письмо, въ которомъ извѣщалъ о желаніи герцога Зюдерманландскаго заключить не перемиріе, а миръ, но съ тѣмъ условіемъ чтобы ни одинъ русскій отрядъ не вступалъ на берега Швеціи. Дöббельнъ пояснялъ что вслѣдъ за этимъ посланнымъ ѣдетъ адъютантъ гр. Левенгіельмъ, дабы договориться о нѣкоторыхъ предварительныхъ распоряженіяхъ. Къ удивленію, Кноррингъ не только изъявилъ согласіе на пріѣздъ Левенгіельма, но и въ доказательство мирныхъ намѣреній Императора Александра послалъ Кульневу и Барклаю съ тѣмъ же шведскимъ курьеромъ приказаніе немедленно возвратиться — первому на Аландъ, послѣднему въ Вазу [1]). Распоряженіе это подтверждено и чрезъ особыхъ гонцовъ. Заключенное перемиріе не касалось только сѣвернаго корпуса гр. Шувалова, о положеніи котораго главнокомандующій, къ счастію, не имѣлъ тогда извѣстій.

Непонятно почему Аракчеевъ, съ такою энергіей отказавшій въ перемиріи три дня назадъ, столь легко уступилъ теперь. Зная непремѣнную волю Государя, онъ до того постоянно на нее ссылался, какъ въ многочисленныхъ предписаніяхъ своихъ корпуснымъ начальникамъ, такъ и въ сношеніяхъ съ главнокомандующимъ. Въ своемъ рвеніи исполнить эту волю онъ не затруднился набросить тѣнь на доблестнаго Кульнева, когда писалъ Императору Александру, что «дабы быть увѣреннымъ что Кульневъ дойдетъ до Гриссельгама и знать вѣрнѣе, что тамъ найдутъ», послалъ съ нимъ своего адъютанта Кирсанова [2]). Нужно полагать, что Аракчеевъ былъ энергиченъ пока оставался на сухомъ пути; когда же самъ очутился среди неустойчивой ледяной пустыни, смѣлость и энергія его оставили, и онъ испугался возможной опас-

[1]) Переписка Кноррннга и Дöбельна см. т. II, Прилож. №№ 123 и 124.

[2]) Михайл.-Данил., стр. 389. Аракчеевъ возбуждалъ въ Государѣ недовѣріе ко всему корпусу и вообще ко всѣмъ начальникамъ: «Изъ всего онаго Ваше Величество усмотрѣть изволите худое желаніе отправиться въ Швецію».

ности. Въ этомъ же смыслѣ, разумѣется, не переставалъ говорить ему и Кноррингъ, рѣшительный противникъ смѣлаго предпріятія. Главнокомандующій вовсе не понималъ ни желаній своего Государя, ни цѣны русскаго героизма, ни значенія совершенныхъ уже имъ подвиговъ. Передъ нимъ было одно — страхъ за исходъ опасной экспедиціи. Мало того: онъ явилъ и крайнюю, унизительную осторожность, чтобы не сказать боязливость. Отозвавъ свои геройскія войска, онъ испросилъ у Шведовъ, точно у побѣдителей, словесное увѣреніе, что до окончательнаго мира они не приблизятся къ занятымъ русскими войсками Финляндіи и Аландскимъ островамъ ни водою, ни по льду [1]). Даже дружелюбно расположенные къ Кноррингу люди не находили возможности оправдать вполнѣ его образъ дѣйствій [2]).—Въ оправданіе собственно себя Аракчеевъ въ донесеніи Государю клеветалъ на русскихъ генераловъ уклонявшихся будто бы отъ похода въ Швецію, хотя факты громко опровергали извѣтъ: Кульневъ и Барклай были уже тамъ, а Багратіонъ, узнавъ о предложеніяхъ перемирія, усилилъ марши, слѣдовательно также готовился къ переходу. Не его вина, если ему приказано было остановиться. Оффиціально Аракчеевъ оправдывался двумя причинами: 1) боязнью за пути отступленія, ибо подувшіе южные вѣтры могли взломать ледяной путь. Причина возможная, но ея нельзя было не имѣть въ виду и тогда, когда Аракчеевъ съ похвальнымъ усердіемъ торопилъ корпусныхъ генераловъ къ переходу и писалъ Барклаю о завидной его долѣ перейти Кваркенъ. Но эта причина была не на столько еще вѣроятна: сильные морозы поддерживали прочность льда; въ сѣверной части Ботническаго залива отряды хо-

---

[1]) Михайловскій-Данилевскій, стр. 394.

[2]) Гр. Сухтеленъ, ближайшій свидѣтель дѣйствій Кнорринга и ему сочувствовавшій, пишетъ: «Будучи искуснымъ полководцемъ, онъ не имѣлъ той нѣсколько безразсудной пылкости, безъ которой въ войнѣ нельзя пріобрѣсти полнаго успѣха. Его расчетливый умъ ничего не хотѣлъ предпринимать на удачу. Онъ отказался безъ сомнѣнія не безъ важной причины, но можетъ быть слишкомъ скоро, отъ славнаго предпріятія». — Картина военныхъ дѣйствій въ Финляндіи 1808 — 9 гг., стр. 187.

дили по льду, какъ видно ниже, даже въ началѣ мая [1]). Во 2-хъ,— опасеніе раздражить (?!) шведское населеніе продолжительнымъ пребываніемъ въ ихъ странѣ. Эта причина нисколько не согласуется съ донесеніями Барклая-де-Толли главнокомандующему, гдѣ онъ два раза свидѣтельствовалъ о добрыхъ чувствахъ, вызванныхъ въ шведскомъ населеніи русскими войсками. «Въ ихъ кратковременное пребываніе на шведскомъ берегу,—писалъ онъ 14-го марта, — соблюдали они совершенный во всемъ порядокъ; ни одинъ обыватель не имѣлъ причины принести ни малѣйшей жалобы: поведеніе и дисциплина россійскаго солдата произвели здѣсь всеобщее удивленіе. Мнѣ восхитительно было слышать всѣ неисчислимыя похвалы сему побѣдоносному войску, со вступленіемъ коего жители полагали быть на вѣкъ несчастливыми.» И отъ 19-го марта: «умеоскій губернаторъ съ депутаціею отъ дворянства, купечества и поселянъ изъявили мнѣ благодарность со слезами на глазахъ за великодушное съ ними обращеніе войска».

Барклай-де-Толли остался въ Умео еще три дня послѣ полученнаго предписанія возвратиться, дабы съ одной стороны дать необходимый отдыхъ людямъ, а съ другой, чтобы поспѣшное удаленіе назадъ не имѣло вида вынужденнаго отступленія. Предъ отбытіемъ онъ издалъ прокламацію, въ которой объявилъ что Императоръ повелѣлъ войскамъ вступить въ самую средину Швеціи единственно для ускоренія мира къ пользѣ самихъ же Шведовъ, и что потому не только частное имущество было неприкосновенно, но и взятые нашимъ оружіемъ магазины съ провіантомъ и военнымъ матеріаломъ отдаются обратно. Было бы корыстью увезти съ собою взятую добычу, а истребить ее и привести въ негодность не было бы соотвѣтственно съ миролюбивою цѣлью прихода.

Такимъ образомъ аландское перемиріе на югѣ и каликская конвенція на сѣверѣ неопредѣленно пріостановили военныя дѣйствія. Но одержанные съ такимъ трудомъ и лишеніями успѣхи не привели еще къ желаемому концу, т. е. прочному миру. Финляндія была уже окончательно завоевана и включена въ составъ

---

[1]) Дѣло при Шелефте.

Россіи еще до геройскаго похода въ Швецію. Цѣль Императора Александра вновь не была достигнута, къ его великому неудовольствію. Главнокомандующій Кноррингъ вскорѣ, и не далѣе какъ чрезъ недѣлю, испыталъ на сколько оно было велико. Въ бытность свою 19-го марта въ Або, Александръ наградилъ всѣхъ участниковъ перехода: князь Багратіонъ и Барклай-де-Толли произведены въ полные генералы, гр. Шуваловъ въ генералъ-лейтенанты, Кульневу данъ орденъ св. Анны 1-й ст. Въ память подвига выбита серебряная медаль для ношенія въ петлицѣ на андреевской лентѣ. Кноррингу, напротивъ, не оказано ни малѣйшаго вниманія; онъ не только не былъ приглашаемъ въ кабинетъ Государя для объясненій, какъ бы слѣдовало главнокомандующему, но къ нему въ теченіе двухъ дней Александръ Павловичъ ни разу не обратился ни съ однимъ словомъ, ни съ однимъ даже взглядомъ. Послѣдствіемъ была подача Кноррингомъ прошенія объ отставкѣ, которое было принято, а вскорѣ затѣмъ и исполнено [1]).

Во время пребыванія въ Або Императоръ Александръ круто измѣнилъ всю систему военныхъ дѣйствій, веденныхъ четыре послѣдніе мѣсяца Кноррингомъ: мѣсто недѣятельности заступила полная жизни энергія. Аландское унизительное перемиріе отмѣнено, а военныя дѣйствія возобновлены. Графу Шувалову также повелѣно, не теряя времени и не ожидая дальнѣйшихъ приказаній. продолжать наступленіе въ Швецію, собирать контрибуціи и составлять запасы; вазаскій корпусъ долженъ былъ послать подкрѣпленія Шувалову. Барклаю де-Толли, о возвращеніи котораго съ того берега согласно спѣшному приказу Кнорринга Государю еще не было извѣстно, дано приказаніе оставаться въ Швеціи и войти также въ связь съ графомъ Шуваловымъ. Повелѣно въ 24 часа составить корпусъ для занятія Аландскихъ острововъ, гдѣ оставался всего одинъ полкъ съ нѣсколькими казаками, и пр.

Въ концѣ апрѣля Кноррингъ сдалъ уже должность назначенному на его мѣсто Барклаю-де-Толли. Новому главнокомандую-

---

[1]) Подробности этого весьма любопытнаго эпизода см. т. II, Прилож. № 129; Военно-ученый архивъ, 1674.

щему запрещено вступать въ переговоры съ непріятелемъ; о дѣлаемыхъ предложеніяхъ повелѣвалось лишь доносить Государю, отнюдь не прекращая военныхъ дѣйствій. Перемиріе какъ на сѣверѣ, такъ и на югѣ прервано; приготовленія къ весеннимъ движеніямъ усилены. Оберегая завоеванную страну, Барклай долженъ былъ энергично наступать до Умео, съ тѣмъ чтобы въ случаѣ надобности угрожать и центральной Швеціи. Императоръ Александръ находилъ эту мѣру необходимою въ видахъ принужденія Шведовъ къ миру. О немъ начались уже предварительныя соглашенія. Но русское правительство имѣло основаніе не вѣрить искренности намѣреній Шведовъ: переговорами они желали только выиграть время въ ожиданіи поддержки Англіи, а можетъ быть и Франціи въ теченіе приближавшагося лѣта. Равнымъ образомъ и революціонное правительство, бывшее какъ всегда дѣломъ партіи и потому не довольно прочное, желало расположить страну въ свою пользу возможно большими военными успѣхами и увеличить свое обаяніе на счетъ павшаго правительства. Предполагалось, что если даже надлежало считать Финляндію окончательно утраченною, то можно было бы еще, при нѣкоторомъ поворотѣ счастія, отстоять по крайней мѣрѣ Аландскіе острова, потеря которыхъ по близости ихъ къ шведскому берегу считалась особенно чувствительною и опасною. Дѣйствительно, аландскій архипелагъ былъ потомъ камнемъ преткновенія при фридрихсгамскихъ переговорахъ. Такое направленіе шведской политики особенно усилилось, когда въ іюнѣ созванъ былъ въ Стокгольмѣ сеймъ и горячія пренія еще болѣе обрисовали шаткость правительства. Новому королю, престарѣлому Карлу XIII, надо было дать народу свидѣтельство что онъ достоинъ своего призванія.

Со стороны Россіи, независимо отъ обороны финляндскихъ береговъ, для чего у Або собрана была гребная флотилія, а Аландъ занятъ сильными отрядами, приняты рѣшительныя мѣры для перенесенія войны изъ Финляндіи въ Швецію. Съ этою цѣлью графъ Шуваловъ изъ Торнео, гдѣ онъ остановился послѣ сдачи Гриппенберга, двинулся въ половинѣ апрѣля на югъ по западному берегу Ботническаго залива для занятія Вестроботніи. Для усиленія его предполагалось отправить новыя войска изъ Вазы

въ Умео черезъ Кваркенъ. Однако это не состоялось, такъ какъ дѣйствія морскаго департамента были крайне вялы и медленны. Барклай былъ даже поставленъ въ необходимость жаловаться на нихъ Государю. Предпринятая въ Вазѣ и Улеаборгѣ постройка перевозочныхъ судовъ шла не болѣе успѣшно: Финляндцы систематически тянули работы, а со стороны мѣстныхъ властей, со Спренгтпортеномъ во главѣ, только писались бумаги, никакого дѣйствія непроизводившія [1]). Изъ Петербурга не присылали также ни морскихъ командъ, ни даже такелажа, парусовъ и другихъ матеріаловъ. Благопріятное время, когда въ Кваркенѣ не показывалось еще шведскихъ судовъ, было упущено. Барклай-де-Толли уже въ концѣ іюня докладывалъ Императору Александру, что вазаская флотилія въ благопріятномъ случаѣ можетъ выйти въ море только въ іюлѣ; изготовленія же улеаборгской флотиліи не ожидалъ и къ концу лѣта. Морское начальство прислало, правда, для защиты плаванія по Кваркену 36ти-пушечный фрегатъ «Богоявленіе», но противъ него тамъ были уже четыре шведскіе фрегата и отрядъ гребной флотиліи, и русское судно обречено было на бездѣйствіе. Въ началѣ кампаніи оно наткулось у шведскаго берега на два 48ми-пушечные фрегата, но избѣгая неравнаго боя стало уходить къ Вазѣ преслѣдуемое ими. Произошло артиллерійское дѣло; «Богоявленіе» получило значительныя поврежденія рангоута и такелажа, а одинъ изъ непріятельскихъ фрегатовъ сѣлъ на мель. Это была единственная въ 1809 году встрѣча шведскихъ и русскихъ большихъ судовъ. Тѣмъ легче было непріятелю перехватывать транспортныя суда послѣднихъ, что причиняло неисчислимыя затрудненія [2]).

---

[1]) Спренгтпортенъ назначенъ на должность финляндскаго генералъ-губернатора 19-го ноября 1808 г.; уволенъ отъ нея въ началѣ іюня 1809. Corr. off. de M. de Sprengtporten, изданіе Коскинена.

[2]) Вообще русскій флотъ въ эту кампанію какъ бы не существовалъ. Корабельный флотъ бездѣйствовалъ, блокируемый въ Финскомъ заливѣ многочисленною англійскою эскадрою пришедшею на помощь Шведамъ. Она была въ составѣ 10-ти линейныхъ кораблей и 17 судовъ разныхъ ранговъ. Здѣсь также не происходило никакихъ серьезныхъ столкновеній. Англичане ограничивались мелкими нападеніями на

Гр. Шуваловъ, простоявъ болѣе мѣсяца въ Торнео, двинулся далѣе съ корпусомъ до 15.000 чел., между тѣмъ какъ 3.000 подходили еще изъ Улеаборга. Приближаясь къ Шелефте отрядъ генералъ-маіора Алексѣева сдѣлалъ 24хъ-верстный обходъ по льду. Появленіе этимъ путемъ русскихъ въ такую пору (2-го мая), когда ледъ подъ лучами весенняго солнца могъ ежечасно разойтись и люди шли по колѣно въ водѣ, когда на лугахъ зеленѣла уже трава,—такое появленіе было на столько невѣроятно, что командовавшій шведскимъ отрядомъ Фурумаркъ даже арестовалъ офицера донесшаго о приближеніи Русскихъ по льду. Черезъ два дня заливъ дѣйствительно вскрылся. Послѣдствіемъ этого смѣлаго движенія было то, что въ руки гр. Шувалова достались необходимые запасы, а прикрывавшій ихъ отрядъ, около 700 чел., съ 22-мя орудіями при 4-хъ знаменахъ, сдался на капитуляцію.

Шведы между тѣмъ отступали къ Умео и тамъ сосредоточивались. Командовавшій ими Дёббельнъ обратился съ новымъ предложеніемъ перемирія, тѣмъ болѣе что назначенный для веденія переговоровъ о полномъ замиреніи бар. Стединкъ готовился, по его заявленію, къ отплытію въ Россію. Дёббельнъ предлагалъ очистить къ опредѣленному сроку (28-го мая) всю Вестроботнію, а въ обезпеченіе оставить заложникомъ губернатора барона Штромберга. Гр. Шуваловъ, въ силу извѣстной воли Государя, не принявъ предложенія, объявилъ что пойдетъ впередъ, но желая и самъ щадить кровь, предложилъ Дёббельну сдать Умео, и затѣмъ русскому авангарду встать въ 30-ти верстахъ за городомъ, по направленію на югъ, къ Стокгольму. Это и было испол-

---

суда прикрывавшія транспорты и на береговые посты. Но въ этихъ стычкахъ русскіе моряки являли примѣрное мужество и стойкость. Такъ при нападеніи Англичанъ въ іюнѣ мѣсяцѣ на небольшой отрядъ изъ 8-ми гребныхъ судовъ при Паркалаудѣ, изъ всего экипажа въ составѣ менѣе 150 чел., убито и ранено 89 и 2 офицера. Въ другой стычкѣ изъ 147 челов. убито и ранено 3 офицера и 92 нижнихъ чина. По свидѣтельству самихъ Англичанъ защита русскихъ судовъ отличалась беззавѣтною храбростью: одна лодка могла быть взята не прежде какъ всѣ 44 челов. экипажа легли убитые или раненые.

нено 20-го мая. Здѣсь гр. Шуваловъ заболѣлъ и поручилъ командованіе Алексѣеву.

Корпусъ его остановился, получивъ приказаніе главной квартиры не идти далѣе, а обезпечивать себя продовольствіемъ, и быть готовымъ дѣйствовать сообразно обстоятельствамъ. То была очень трудная задача: въ бѣдной странѣ отнимать у жителей послѣднее было несогласно съ объявленною мирною цѣлію прихода войскъ, пути же сообщенія русскаго корпуса были какъ извѣстно далеко не безопасны. Снабженіе черезъ Кваркенъ возможно было только въ самомъ началѣ весны; но при появленіи шведскихъ судовъ этотъ путь сдѣлался почти недоступнымъ. Оставался одинъ способъ транспортированія — сухимъ путемъ, кругомъ Ботническаго залива, на разстояніи болѣе тысячи верстъ. На помощь финляндскаго населенія нельзя было разсчитывать, хотя и писались приказы. Оставалась поддержка лишь со стороны тѣхъ новгородскихъ и тверскихъ ямщиковъ, въ числѣ около 500 подводъ, на которыхъ еще съ начала почти войны легла эта повинность. Положеніе Алексѣева сдѣлалось критическимъ, когда Шведы прервали эти его сообщенія, и онъ имѣлъ основаніе опасаться въ тылу своемъ возстанія населенія, надъ чѣмъ шведскіе эмиссары усердно старались. Посланный по Кваркену курьеръ былъ перехваченъ. Съ теченіемъ времени провіанта оказалось совсѣмъ мало. Алексѣевъ представлялъ что при такихъ условіяхъ онъ долго держаться не можетъ. Ему отвѣчено, чтобы держался до послѣдняго человѣка. Если оставитъ Умео безъ разрѣшенія главнокомандующаго — грозилъ Аракчеевъ, по высочайшему впрочемъ повелѣнію,—то будетъ отданъ подъ судъ.

Въ шведскомъ корпусѣ, стоявшемъ противъ Алексѣева, произошла между тѣмъ перемѣна: вмѣсто Дёббельна вступилъ Сандельсъ, такъ долго задерживавшій Барклая и Тучкова у Куопіо въ минувшую кампанію. Онъ началъ дѣйствовать наступательно. Узнавъ о готовящемся нападеніи, Алексѣевъ рѣшился предупредить его. Въ густой туманъ, въ 11 часовъ вечера, атаковалъ онъ Шведовъ при Гернефорсѣ [1]). Одновременный натискъ съ фронта

[1]) 22-го іюня.

и съ фланговъ, сквозь частый лѣсъ, окончился рѣшительнымъ пораженіемъ непріятеля, который и отступилъ на 20 верстъ.

Черезъ недѣлю шведскій главнокомандующій графъ Вреде еще разъ предложилъ перемиріе. Алексѣевъ представилъ о немъ Барклаю-де-Толли. Впредь до полученія отвѣта согласились однако оставаться спокойно въ своихъ позиціяхъ; по Ботническому же заливу опредѣлить отъ Умео до Вазы черту, сѣвернѣе которой не должны были ходить на это время шведскія, а южнѣе — русскія суда. Это условіе было существенно необходимо, такъ какъ хлѣба въ корпусѣ Алексѣева оставалось только на двѣ недѣли и единственно чрезъ Вазу предвидѣлось его полученіе. Дача провіанта была уже убавлена на одну треть и сперва пополнялась мясомъ, а потомъ и его нельзя было достать. Барклай принялъ предложеніе, но сдѣлалъ въ немъ нѣкоторыя измѣненія, между прочимъ въ томъ что кромѣ свободы плаванія русскихъ судовъ на сѣверѣ Ботническаго залива, требовалъ еще и безпрепятственнаго плаванія на югѣ отъ Вазы, вдоль финляндскаго берега. Такое измѣненіе было одобрено Императоромъ Александромъ. Но Сандельсъ не принялъ этихъ измѣненій, а представилъ о нихъ въ Стокгольмъ. Перемиріе состояться поэтому не могло; договорились лишь о томъ что военныя дѣйствія возобновятся не раньше 28-го іюля. Впослѣдствіи Шведы желали еще оттянуть время, чтобы приготовить флотъ для перевозки сильнаго отряда въ тылъ русскаго корпуса. Но тѣмъ временемъ къ командованію заботническими войсками назначенъ былъ графъ Каменскій, столь блистательно завершившій кампанію 1808 г. покореніемъ Финляндіи. Онъ не согласился на предложенную новую отсрочку и возвратилъ себѣ свободу дѣйствій.

3-го августа начались наконецъ въ Фридрихсгамѣ столь давно подготовлявшіеся переговоры о мирѣ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ обѣ стороны стали усиливать свои военныя мѣры. Извѣстное выраженіе: si vis pacem para bellum нашло и здѣсь полное себѣ подтвержденіе. Одновременно съ отъѣздомъ Стединка изъ Стокгольма въ Фридрихсгамъ, корпусу Вреде посланы подкрѣпленія и подготовлена экспедиція адмирала Пуке и графа Вахтмейстера для дѣйствія въ тылъ корпуса Каменскаго. Министръ иностранныхъ

дѣлъ гр. Румянцовъ съ своей стороны, приступая къ переговорамъ съ барономъ Стединкомъ, давалъ очень большое значеніе тому чтобы Каменскій шелъ впередъ, увѣренный что при небольшомъ хотя успѣхѣ его Шведы уступятъ и подпишутъ миръ.

Каменскій, не получивъ еще этихъ указаній гр. Румянцова, но вынуждаемый необходимостью искать продовольствія, самъ предпринялъ наступленіе, такъ какъ южнѣе страна была плодородна и богата запасами. Одновременно, для облегченія отчасти Каменскаго, отчасти же для воздѣйствія на шведское населеніе вблизи столицы, въ видахъ гр. Румянцова, главнокомандующій приказалъ генералу Штейнгелю, командовавшему на Аландѣ, сдѣлать всѣ приготовленія къ высадкѣ на шведскій берегъ и стараться распространить о нихъ слухъ. Флотилія дѣйствительно заняла такое положеніе что была, казалось, готова ежеминутно пуститься чрезъ Аландсгафъ.

4-го августа гр. Каменскій выступилъ на югъ къ Гернозанду, обезпечивъ береговую линію оставленными по ней отрядами. Но лишь успѣлъ онъ отойти за Умео на одинъ переходъ, какъ ему донесено было о появленіи у него въ тылу, у Ратана, значительнаго непріятельскаго флота адмирала Пуке съ многочисленнымъ дессантомъ гр. Вахтмейстера. Каменскій оказался между двухъ огней. Не колеблясь, онъ рѣшился сперва быстро вернуться назадъ, заставить по возможности непріятеля отплыть въ море, а затѣмъ идти опять обратно на корпусъ графа Вреде. Чтобы удержать этого послѣдняго онъ оставилъ отрядъ подъ начальствомъ генерала Эриксона, который долженъ былъ сколько можно долѣе маневрировать предъ непріятелемъ, скрывая отступленіе главныхъ силъ, а ночью возвратиться въ Умео, разломавъ мосты.

Но дессантъ Вахтмейстера успѣлъ уже оттѣснить отрядъ стоявшій при Ратанѣ и остановился при Северѣ, ожидая распоряженій адмирала Пуке. Эта остановка дала возможность войскамъ Каменскаго поспѣть сперва въ Умео, а затѣмъ и на соединеніе съ оттѣсненнымъ отрядомъ. 7-го августа Каменскій двинулся на Вахтмейстера, занимавшаго сильную позицію. Рано утромъ одинъ отрядъ былъ посланъ вбродъ по заливу для обхода лѣваго шведскаго фланга. Это движеніе вмѣстѣ съ энерги-

ческимъ нападеніемъ съ фронта и фланга доставило Русскимъ послѣ горячаго и продолжительнаго дѣла верхъ надъ непріятелемъ. Вахтмейстеръ отошелъ за рѣку, но и оттуда былъ вытѣсненъ и поспѣшно отступилъ подъ защиту своихъ судовъ.

Между тѣмъ отъ Эриксона получено было донесеніе, что войска Вреде приближаются къ Умео. Приказавъ отстаивать переправу черезъ рѣку у этого города до послѣдней крайности, Каменскій быстро пошелъ за Вахтмейстеромъ и обошелъ его по берегу съ обоихъ фланговъ. Угрожая уничтоженіемъ, онъ потребовалъ сдачи. Тотъ просилъ предоставить ему сѣсть на суда, но въ этомъ получилъ отказъ и Русскіе начали успѣшно тѣснить Шведовъ. Однако, подойдя ближе къ берегу, они должны были остановиться, такъ какъ полевая ихъ артиллерія не могла состязаться съ морскими орудіями Шведовъ; но засѣвшіе по берегу стрѣлки успѣшно дѣлали свое дѣло и постоянно тревожили непріятельскій дессантъ во время посадки. На другой день Вахтмейстеръ пріѣхалъ для переговоровъ. Каменскій признавалъ перемиріе возможнымъ на томъ условіи чтобы шведскія суда ушли на югъ отъ Кваркена, что было ему необходимо, такъ какъ корпусъ его былъ почти безъ хлѣба и патроновъ. Вахтмейстеръ обратился за разрѣшеніемъ къ адмиралу Пуке, но на другой день прислалъ отказъ, и флотъ его потянулся по направленію къ Умео, на соединеніе остатковъ дессанта съ войсками гр. Вреде.

Такимъ образомъ Каменскому удалось разстроить планъ непріятеля. Побѣда при Севарѣ и Ратанѣ осталась на сторонѣ Русскихъ, но стоила дорого: генералъ Готовцевъ убитъ, Алексѣевъ— раненъ; убито и ранено 37 офицеровъ и до 1.500 нижнихъ чиновъ: изъ строя выбыла четвертая часть. У Шведовъ пало и взято въ плѣнъ до 2.000.

Пока происходили эти кровавыя битвы, оставленный на берегу Умео отрядъ Эриксона, какъ ему приказано было, маневрировалъ противъ войскъ гр. Вреде. Передовыя его части довольно долго удерживали шведскихъ стрѣлковъ [1]); при наступленіи же

[1]) Послѣдніе подвигались впередъ очень осторожно, боясь русской артиллеріи. Между тѣмъ не имѣя вовсе орудій, полковникъ Карпенковъ употребилъ хитрость: срубилъ четыре дерева, очистилъ ихъ, выкрасилъ, и поставилъ наподобіе пушекъ, что и обмануло непріятеля.

*

затѣмъ главныхъ колоннъ отошли за рѣку и развели мостъ. Канонада съ обѣихъ сторонъ продолжалась весь день. Узнавъ затѣмъ о неудачѣ Пуке и Вахтмейстера, Вреде пріостановилъ на нѣсколько дней наступленіе, поджидая флота.

Какъ ни рѣшительны были одержанныя графомъ Каменскимъ побѣды, однако онъ вынужденъ былъ предпринять то, за что Алексѣеву грозили судомъ. Онъ не могъ болѣе держаться безъ хлѣба и зарядовъ; планъ его былъ отойти къ сѣверу, съ тѣмъ чтобы запастись тамъ всѣмъ необходимымъ, и потомъ возвратиться назадъ. Надежды на подвозы моремъ не было почти никакой: Ботническій заливъ оставался по-прежнему въ рукахъ Шведовъ.

Небезпокоимый непріятелемъ русскій отрядъ тронулся въ путь 12-го августа, а 18-го числа былъ уже въ Питео. Здѣсь по счастію онъ нашелъ прибывшіе изъ Улеаборга обозы. Снабдивъ войска и давъ имъ отдохнуть, онъ 21-го предпринялъ обратное движеніе въ Умео. Но на пути Каменскій былъ встрѣченъ генераломъ Сандельсомъ, пріѣхавшимъ съ полномочіемъ заключить перемиріе. Оно было подписано въ тотъ же день, и для скорости отправлено къ Барклаю-де-Толли на шведскомъ парламентерскомъ суднѣ, которое должно были привезти и отвѣтъ главнокомандующаго. Послѣдній отослалъ условія въ Петербургъ 27-го августа. Два дня позднѣе однако онъ выражалъ графу Румянцову мнѣніе, что перемирія заключать кажется не было нужды, и отвергалъ его. Впрочемъ можетъ быть то былъ лишь пріемъ воздѣйствія при переговорахъ. Каменскому предписано всемѣрно готовиться къ дѣятельному наступленію.

Этими приготовленіями не пришлось уже воспользоваться. 5-го сентября подписанъ въ Фридрихсгамѣ мирный договоръ, положившій конецъ послѣдней донынѣ войнѣ съ Швеціей.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

лицъ, упоминаемыхъ въ I томѣ [1]).

---

[1]) Указаны страницы книги.—«Пр.», поставленное при цифрѣ, означаетъ *примѣчаніе* или подстраничную выноску. Цифры, поставленныя послѣ слова *Прил.*, означаютъ страницы Приложеній въ концѣ тома.

ГЛАВНѢЙШІЕ ИСТОЧНИКИ.

Неизданные:

Архивныя дѣла и бумаги: Государственнаго архива, Петербургскаго и Московскаго архивовъ министерства иностранныхъ дѣлъ, Военно-ученаго архива и др. [1]). Въ числѣ этихъ бумагъ находятся:

Переписка (рескрипты, указы, замѣтки) **Императрицы Екатерины II:**

съ графомъ Валент. Плат. Мусинымъ-Пушкинымъ, графомъ Ник. Петров. Салтыковымъ, принцемъ Нассау-Зигеномъ, барономъ Спренгтпортеномъ, генераломъ Игельстрёмомъ, адмираломъ Грейгомъ, адмиралами Чичаговымъ, фонъ-Дезинымъ и съ друг.;

Донесенія этихъ лицъ Императрицѣ;

Переписка Императора Александра I:

съ императоромъ Наполеономъ, граф. Никол. Петр. Румянцовымъ, генераломъ граф. Буксгевденомъ, генераломъ Кноррингомъ, барономъ Спренгтпортеномъ и др.

Письма гр. Н. П. Салтыкова къ гр. Безбородко;

Переписка Спренгтпортена:

съ гр. Мусинымъ-Пушкинымъ, генералами Игельстрёмомъ и Михельсономъ, бар. Армфельтомъ и бар. Гастферомъ, граф. Румянцовымъ, граф. Александр. Ник. Салтыковымъ, гр. Буксгевденомъ и мн. др.

Бумаги Сперанскаго:

доклады Александру I; переписка: съ Спренгтпортеномъ, генер. Барклаемъ-де-Толли, гр. Аракчеевымъ, бар. де-Геером, епископомъ Тенгстрёмомъ и др.

Mémoires d'un officier suédois sur les campagnes de 1788, 1789, 1790 en Finlande.—Въ Имп. Публичн. Библіотекѣ, въ Спб.

Mémoires de M. le comte de Sprengtporten.—Тамъ же.

П. Буткова. Рукописная записка о Кареліи. (Имѣется въ копіи).

---

1) Въ болѣе важныхъ случаяхъ указаны въ подстраничныхъ выноскахъ.

Печатныя пособія.

Полное собраніе русскихъ лѣтописей.

Карамзинъ. Исторія Государства Россійскаго.

Соловьевъ. Исторія Россіи.

Его же. Паденіе Польши.

К. Бестужевъ-Рюминъ. Русская Исторія.

Его же. Біографіи и характеристики.

Замысловскій, Е. Атласъ по Русской Исторіи.

Митрополитъ Макарій.—Исторія Русской Церкви. Спб. 1868 г.

Митрополитъ Евгеній.—Историческіе разговоры о древностяхъ Великаго Новгорода.

Никитскій, А. И. — Очеркъ внутренней исторіи церкви въ Новгородѣ. Спб. 1879.

Неволинъ, К. А.—О пятинахъ и погостахъ. Записки Имп. Геогр. Общ., т. VIII.

Бѣляевъ, И. Д.—О географическихъ свѣдѣніяхъ въ древней Россіи.—Зап. И. Геогр. Общ., т. VI.

Бутковъ, П.—Три древніе договора Руссовъ съ Норвежцами и Шведами.—Журн. М. Вн. Дѣлъ, 1837, ч. XXIII.

Кеппенъ.—Водь и Водская пятина.—Ж. М-ва Нар. Просв., 1851, №№ 5 и 6.

Гротъ, Я. К.—Переѣзды по Финляндіи отъ Ладожскаго озера до Торнео. Спб. 1847.

Его же. Извѣстія о Петербургскомъ краѣ до завоеванія его Петромъ Великимъ. Журн. М. Нар. Пр., 1853, ч. 77.

Его же. Альманахъ въ память 200-лѣтія Александровскаго университета. Гельсингфорсъ, 1843.

Его же. Орѣховецкій договоръ.—Записки II Отд. Имп Академіи Наукъ. 1877, № 4.

Его же. Спренгтпортенъ. Журн. М. Нар. Просв., 1885, ч. 237 и 239.

Шпилевская, Н.—Описаніе войны между Россіей и Швеціей въ Финляндіи въ 1741, 1742 и 1743 гг. 1859.

Шишковъ. Военныя дѣйствія россійскаго флота. Изд. 1826.

Головачевъ. Дѣйствія русскаго флота. 1870.

Адмирала Чичагова. Дѣйствія россійскаго корабельнаго флота въ морскихъ кампаніяхъ 1789 и 1790 гг. Отечеств. Записки 1825—26.

Храповицкій, А. В. Дневникъ. Изд. Барсукова.

Брикнеръ, А. Г. Конфедерація въ Аньялѣ. Журн. М. Нар. Просв., т. 137.

Его же. Война Россіи съ Швеціей 1788—1790 гг. Спб. 1869.

Бантышъ-Каменскій. Словарь достопримѣчательныхъ людей.

Григоровичъ, Н. И. Канцлеръ князь Безбородко.

Шильдеръ, Н. К.—Матеріалы для исторіи Свеаборгской крѣпости. Инж. Журн. 1886.

Графъ Толстой, Дм. А.—Верельскій мирный договоръ съ Швеціей 1790 г. Русскій Архивъ, 1887, № 12.

Злобинъ, К. К.—Дипломатическія сношенія между Россіей и Швеціей въ

первые годы царствованія Императора Александра I, до присоединенія Финляндіи къ Россіи. Сборн. Русск. Историч. Общ., т. II.

Графъ Сухтеленъ, П. К.—Картина военныхъ дѣйствій въ Финляндіи въ послѣднюю войну Россіи съ Швеціей въ 1808—9 гг. 1832 г. Переводъ съ французскаго.

Михайловскій-Данилевскій.—Описаніе финляндской войны на сухомъ пути и на морѣ, въ 1808 и 1809 г. По Высочайшему повелѣнію. Спб. 1841.

— Критика. Русскій Вѣстникъ, 1841, № 9.

Путята, Н.—Сеймъ въ Борго въ 1809 г. Русскій Вѣстникъ, 1860, т. XXV.

Баронъ Корфъ, М.—Жизнь графа Сперанскаго. 1861 г.

Сборникъ Историческаго Общества. Т. I, II, XXI, XXII, XLII и др.

Сборникъ историческихъ матеріаловъ, извлеченныхъ изъ Архива I Отд. Собственн. Е. И. В. Канцеляріи. 1876.

Архивъ Государственнаго Совѣта.

Чтенія Московскаго Общества Исторіи и Древностей, 1860, кн. 3.

Полное Собраніе Законовъ Россійской Имперіи.

Сборникъ постановленій Великаго Княжества Финляндскаго.

Уложеніе Швеціи, принятое на сеймѣ 1734 г. и Е. И. В-вомъ утвержденное для Великаго Княжества Финляндіи. Спб. 1824.

Прибавленіе къ изданному по Высочайшему повелѣнію съ переводомъ на россійскій языкъ Уложенію, существующему въ Великомъ Княжествѣ Финляндіи. Спб. 1827.

Очеркъ устройства правленія Великаго Княжества Финляндскаго. Спб. Печатня В. Головина.

Sjögren's-Gesammelte Schriften. S.-Pb. 1861. B. I.

Geier, Geschichte Schwedens.

Gustaf III und die politischen Parteien Schwedens im achtzehnten Jahrhundert. Zweite Abtheilung: die politischen Katastrophen unter Gustaf III. Historischer Taschenbuch. Raumer. 1856—7.

Posselt, Geschichte Gustaf's III. Karlsruhe. 1792.

Koskinen, Finnische Geschichte. Leipzig, 1874.

Его же. Correspondance officielle de Georges Magnus Sprengtporten, gouverneur général de Finlande 1808—1809. Helsingfors. 1882. Изд. Финскаго Историческаго Общества.

Antiquités russes, par la Société Royale des Antiquaires du Nord. Tome II. Copenhague, 1852.

Mémoires posthumes du féldmaréchal comte de Stedingk, redigés sur des lettres, dépêches et autres pièces authentiques, laissées à sa famille par le général comte de Björnstierna. Paris. 1844.

Les treize journées, ou la Finlande. St.-Pétersbourg. 1809.

L. Méchélin. Précis du droit public du Grand Duché de Finlande. Helsingfors, 1886.

Franz P. v. Knorring. Gamla Finland, eller det fordra Wiborgska Gouvernementet. Abo, 1833.

Sverges Traktater, 1877.

Statsrådet Ehrenström efterlemnade Anteckningar. Stockholm.

Anteckningar af grefve Magnus Björnstierna. Stockholm, Bonnier, 1851.

Akiander, Matth. Om Donationerna i Wiborgs Län. Helsingfors, 1864.

Castrén, Robert. Skildringar ur Finlands nyare historia. Helsingfors. 1881.

Elof Tegnér. Gustaf Mauritz Armfelt. Studier ur Armfelts efterlemnade papper. Stockholm. 1883, 1887.

Berg. Wår Styrelse.

Spåre, G. A. Biographiska anteckningar om Keiserliga Regerings Konseljens, eller Senaten för Finland Ledamötter. Helsingfors. 1878.

Palmén. Storfurstendömet Finlands Grundlagar, jemte till dem hörande statshandlingar. Helsingfors. 1861.

L. Mechelin. Finlands Grundlagar, jemte Bihang. Helsingfors. 1877.

Statistisk årsbok för Finland, utgifven af statistiska Centralbyrån. Helsingfors.

ПРИЛОЖЕНІЯ

КЪ

І-му ТОМУ.

ПЕРЕЧЕНЬ

ПРИЛОЖЕНІЙ КЪ І-му ТОМУ.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.

О древнѣйшихъ границахъ между Россіей и Норвегіей [1]).

Въ книгѣ Эрика-Юлія Бьернера «Cogitationes criticophilologicae de orthographia lingvae Sveo-Gothicae, tam runica, quam vulgari, a corrupto medii aevi stylo vindicanda» (Стокгольмъ, 1740), грамота рунными буквами.

Hae incultae Marchiae (sitae) sunt inter Norri Regis regnum et Russorum Regem, quemadmodum prisci viri tradiderunt, et adhuc referunt omnes silvicolae et Finni. Quod Russorum Rex civium tribute copiat propter mare usque ad Lynkastufuti porro ab omnibus monticolis inter fluvium atque Ligkaer, illumque vicum magnum Moaeiaekillae; sed Rex Norrigiae possideat tributa orientalium ad Driadimos et juxta interiora Santhviki usque ad Vallaeaa, ubi partim Kareli, seu maritimi Finni habitant; indeque Finni pendeant tributa, et non plus in orientali illa Marchia, quam quinque cineraceas pelles pro quovis arcu. Adeo. Quando postea conventum habituri sunt, velint in posteris conventibus esse ducendos (limites) etc.»

Сіи суть пустынныя Мархіи между владѣніями короля Норвегіи и государя Руссовъ, какъ старые люди предали и утверждаютъ поднесь всѣ лѣсные обитатели и Финны. Государь Руссовъ собираетъ дань по морскому берегу даже до Люнкастуфута, отъ всѣхъ горныхъ жителей между рѣкою и Лигкяромъ и большимъ селомъ Мояйякилля; Королю же Норвегіи принадлежитъ дань отъ восточныхъ жителей до Дріадимовъ и по внутренности Сантвика, даже до Вилляа, гдѣ обитаютъ частію Карелы или приморскіе Финны, живущіе въ восточной Мархіи, платятъ въ дань не больше, какъ по пяти бѣличьихъ мѣховъ съ каждаго лука. Потомъ. Когда послѣ будутъ имѣть съѣзды, хотятъ чтобъ на послѣдующихъ съѣздахъ проведены были рубежи, и пр.

---

[1]) Журн. М. Вн. Дѣлъ, 1837 г., ч. 23, стр. 334.

Объясненіе мѣстностей. Разсматривая спеціальную карту Норвегіи, нельзя ошибиться въ двухъ пунктахъ: въ *Сантвикѣ*, показанномъ на сторонѣ Норвегіи, и *Лигкярѣ* на сторонѣ русской. Сантвикъ, теперешній *Сандвикъ*, или *Санд-э* ($34^{1}/_{6}$° долготы и $68^{5}/_{6}$° широты): а Лигкяръ (Lidher у Зейдлица), равно и *Линкастуфутъ* точно соотвѣтствуютъ лежащему между 38 и 39° долготы и подъ 70° широты *Люнгенфьёрду* (заливу), Логену и Лоппену, до котораго, и не дальше къ сѣверо-востоку, границы Норвежскаго Галогаланда расширялись во времена королей Гарольда Гальфагара, скончавшагося въ 936, и Олофа Трюгессона, убитаго въ сраженіи въ 1000 году. Такимъ образомъ можно съ вѣроятностію принимать: *Маяйякиллю* за сосѣдній Люнгенъ-фіорду, къ востоку, *Маарзундъ; Дріадиму* за *Тромз-э*, *Вилляа* за *Хвальзенъ*, сосѣдніе къ западу тому же Люнген-фьорду.

Относительно эпохи, къ которой относится рунная грамота (собственно распредѣленіе границъ), имѣется двоякое объясненіе: или, 1-е, оно сдѣлано во времена, когда надъ всею Норвегіей властвовалъ Гарольдъ Гальфагаръ. 885—933, и приботническій Рюссаландъ составлялъ еще особое княжество, ибо въ грамотѣ нѣтъ ни Гардарика, ни Холмгорда, ни Острогорда, именъ, какими Скандинавцы обыкновенно называли сѣверную Россію; или 2-е, оно послѣдовало въ продолженіе связей государей русскихъ съ королями норвежскими: Владиміра I съ Олафомъ Трюгесономъ, проведшимъ отроческія лѣта свои въ Новѣгородѣ (978—983) и царствовавшимъ 996—1000; также Ярослава I съ свойкомъ своимъ Олафомъ Толстымъ, 1019—1030, и съ зятемъ Гарольдомъ.

2.

Орѣховецкій договоръ 1323 г. [1]

Се я^{з} князь великыи Юрги спосадникомъ Алфоромѣјемъ и стысяцки^{м} Аврамо^{м} съ всѣмъ Новымъ городомъ докончали есмъ съ братомъ свои^{м} съ кнзе^{м} Свеискы^{м} съ Манушe^{м} Ориковице^{м}. А приехали о^{т} Свѣиского кн҃зя послове Герикъ Дюуровиц^{ь} Геминки Орисловиць Петръ Юнши^{н} попъ Вымундеръ. А ту бы^{л} от

Ego rex magnus Iwrghe cum borgraevio Alfarmio, cum duce Abraham, cum tota communitate Nogardie, ego terminaueram cum fratre meo rege Swechie, Magno Erici filio. Et venerunt de Swechie rege nuncii Ericus Ture son, Hemmingus Odgislason, Petrus Joanson et sacerdos Waemundus. Ibi fuerunt de mercatoribus de

---

[1]) *Sverges Traktater*, изд. Рюдберга, 1877.—*Я. К. Гротъ*, Записки И. Р. Академіи Наукъ по отдѣленію русскаго языка и словесности, 1877 г., т. XVIII, № 4.

купець съ Готскаго берега Лодвикъ и Өедоръ и докончали есмы миръ вѣчныи и хрестъ целовали и да кня^з^ великјп Юрги совсѣмъ Новы^м^ городо^м^ по любви три погосты Севилакшю, Яскы, Огребу Корѣльскый погосты, а розво^д^ и межя о^т^ моря река Сестрея отъ Сестреѣ мохъ середе мха гора о^т^толе Сая рѣка о^т^ Саѣ Солнычныи каме^н^, о^т^ Солнычнего камени на Чермьную Щелю, о^т^ Чермной Щельѣ, на озеро Лембо о^т^толе на мохъ на Пехкѣй, о^т^толѣ на озеро Кангасъјерви, о^т^толѣ на Пурноярви, оттоле... Ятоярви, о^т^толѣ Торжеярви, о^т^толѣ Сергилакшп о^т^толѣ Самосало, о^т^толѣ Жити, о^т^толѣ Корѣло^м^кошки, о^т^толѣ Колѣмакошки о^т^толѣ Патсоѣки о^т^толе Каяно море. а что н̃ши^х^ погостовъ Новгоро^д^скихъ воды и землѣ и лови^щ^(^щ^?) у Ловежи половина во всѣмъ Ковкоу кали половина Ватикиви половина Соумовиси половина Уксипя половина Урбала половина, Кедевя шестая часть, Бобровъ Коуноустани шестая часть за рубеже^м^ а то все к Новугороду... Гости гостити беспакости изъ всеи нѣмъцискою зе^м^лѣ и^з^ Любка из Готского берега и Свѣнской землѣ по Невѣ в Новгоро^д^ горою и водою а Свѣямъ всѣмъ из выбора города гости не переимати, такоже и нашему гостю чистъ путь заморе посемъ миру городо^в^ не ставити ко корѣльской землѣ ни ва^м^ ни на^м^. А должникъ и поручникъ и холопъ нихто лихо не учини^т^. А побѣгнеть ли ква^м^ или кна^м^ выдати его по исправѣ. А землѣ и воды у новгородской Корѣлы некупити Свеямъ и выборянамъ. Аже имуть за наров-

Gothlandia Ludouicus effodra (s: et Fodra). Nos reformaueramus perpetuam pacem et osculati sumus crucem. Dedit rex magnus Iwrge cum omnibus de Nogardia pro amicicia tria gislalagh, Sawolax, Jaeskis et Aegrepae, Carelsk gislalagh. Diuisiones et mete terre (s: dicte) landemaerke: de mari in ampnem Seestaer (de Seestaer) in mosan et in medio mosa est mons, deinde in ampnem Zay, de Zay in Solstēn, de Solstēn in Rodhahael, de Rodhahael in Lambotraeske de Lambo traeski in mosan Paeki, de mosan Paeki in Kangasjaerffui, de Kangasjaerffui in Pwronarffui, de Pwronarffui in Arctojarffui, de Arctojaerffui in Torsajaerffui, de Torsajaerffui in Sarkelaxi, de Saerkilaxi in Samusalom, de Samusala in Sithi, deinde in Carelakoski, deinde in Kolumakoski, deinde in Pathajoki, deinde in Helsinghaff. Nostra gislalagh de Nogardia aqua et terra (et) piscariis habent Ylinesi dimidium in omnibus istis, Cachankallio dimidium, Watikiffui dimidium, Somanaesi dimidium, Yxepae dimidium, Vrpalaxi dimidium, in Kehoheua (?) sextam partem de castoribus, in Kunustanemi sextam partem de castoribus; infra limites dictas landhemerken spectant ista ad Nogardiam.

Mercatores debent transire sine impedimento de tota Almania, Lubeck, Gotlandia et Suechie terra per Nyo versus Nogardiam tam in terra quam in aqua. Sweui et castrenses de Viborgh non debent impedire mercatores; ita nostri mercatores debeant (s: debent) habere tutam viam, durante ista pace; nec debent aliqua

цѣ нѣ правити к великому кн҃зю и к нову городу. а Свея^м^ имъ не пособляти. а что ся учинитъ в томъ миру обидное или о^т^ васъ или о^т^ насъ миру не порушити всему тому јсправа учинити, а гдѣ учинится тяжь ту нѣ кончати по Божиј правде а нову городу миръ и пригородомъ всѣмъ и всеи волости Ноугородскои тако же и всеи землѣ Свѣискои а взя ъ князь великиј и миръ и весь Новгоро^д^ Свеиски^м^ княземъ и совсею Свѣискою землею и свыборо^м^ въ пятьницу за три дни передь успенјемъ С҃тыя Б҃ця. А хто измѣни^т^ хрестеноје цѣлованје на того Б҃ъ и С҃тая Б҃ця.

castra edificari in Carelia neque per nos neque per vos. Obligati ad debita, fideiussores, serui, malefactores, fugientes ad nos uel ad vos, reddendi sunt de iure. Terram uel aquam non debent Sueui emere de Carelis Nogardie, neque castrenses in Viborgh. Si autem illi in Narffua erga magnum regem et illos de Nogardia se non emendaverint, Sueui non debent eos iuuare; et si aliqua delicta fiunt in ista pace per nos uel per vos, propter hoc reformacioni pacis non debet esse in aliquo derogatum; et super delinquentes correpcio fieri debet; vbi quis deliquit, ibi emendare tenetur de iure Dei. Omnes de Nogardia habeant pacem et omnia castra eorum et omnes terre eorum, similiter et tota terra Swechie. Magnus rex Nogardie receperat pacem et omnes de Nogardia cum rege Swechie et toto regno Swechie et Viborgh sexta feria proxima ante assumpcionem beate virginis [1]). Qui autem asculum crucis violauerit, Deus et beata virgo Maria super eum vindicabunt.

3.

Мирный договоръ, постановленный въ 1326 г. въ Новѣгородѣ между Норвежцами и Новгородцами [2]).

Nuncius magnifici Principis Magni Noruegie, Suecie Gothorumque Regis, nominatus Haqui-

Посолъ Великаго Государя Магнуса, Короля Норвегіи, Швеціи и Готскаго, по имени Гаквинъ,

---

[1]) Рюдбергъ сопоставляетъ съ русскимъ текстомъ, гдѣ говорится о заключеніи договора въ пятницу, за три дня до Успенья; въ 1323 г. дѣйствительно Успенье было въ понедѣльникъ.

[2]) Журн. Мин. Внутр. Дѣлъ, 1837 г., ч. 23, стр. 337. Три древніе договора.

nus, confirmavit pacem, ex parte tocius Regni Noruegie, cum Episcopo Nogardensi, nomine Moyse, et cum Borgraphio Olformöy, et cum duce Astaphio, et cum omnibus et singulis Nogardensibus, sicut prius fuerat inter predecessores nostros.

Ubi Regis Noruegie terra et aqua sua extenderit se, ibi debent Norici pertransire, inhabitare et agnoscere terram suam et aquam, secundum antiquam terre considerationem vel diuisionem.

Item si Norici transgressi sunt antiquam terrarum signationem vel divisionem, istis annis, debent dimittere et reddere Rutenis terram suam per osculacionem crucis.

Item Nogardenses non debent transgredi antiquam terrarum signacionem et diuisionem, per osculum Crucis, et si transgressi sunt, reddere debent similiter Noricis terram suam.

Item quando nuncii veniunt de Nogard ad Regem Noruegie, debent dividere terras secundum antiquas terrarum signaciones, per osculum Crucis, sicut unus quisque tenetur habere terram suam. Istam autem divisionem terrae committimus Deo ac Regi Noruegie, qualiter, ut velit, dividat super animam suam.

Item dampnum, quod Norici fecerunt Nogardensibus, in terra vel in aqua, vel in homicidiis, vel in aliis dampnis, Nogardenses non debent hoc vindicare, neque ducere ad memoriam. Et si Nogardenses aliquod dampnum fecerint Noricis, simuliter et Norici non debent excitare ad memoriandum.

утвердилъ миръ со стороны всего королевства Норвегіи, съ Епископомъ Новгородскимъ Моисеемъ и съ посадникомъ Олфоромеемъ (Варфоломеемъ) и съ тысяцкимъ Астафіемъ, и со всѣми Новгородцами вообще и порознь, какъ бывало прежде между предшественниками нашими.

Гдѣ земля и вода принадлежатъ Королю Норвегіи, тамъ Норвежцы имѣютъ свободу ѣздить, водворяться и признавать за свои и землю и воду по древней осѣдлости или по разграниченію.

Также если Норвежцы въ новыя времена перешли за древній рубежъ, или за предѣлы земель, то они должны сойти и возвратить Руссамъ ихъ землю, по крестному цѣлованію.

Также Новгородцы не должны переходить за древній рубежъ или за предѣлы земель, по Крестному цѣлованію; а если перешли, должны равномѣрно возвратить Норвежцамъ ихъ землю.

Также когда послы придутъ изъ Новгорода къ Королю Норвегіи, должны раздѣлить земли по древнимъ рубежамъ, по Крестному цѣлованію, дабы каждый владѣлъ своею землею. Такое же разграниченіе предаемъ Богу и Королю Норвегіи; какъ онъ хочетъ, такъ и раздѣляетъ по своей совѣсти.

Также за вредъ, какой Норвежцы причиняли Новгородцамъ на землѣ или на водѣ, либо смертоубійствомъ, либо иными обидами, Новгородцы не должны мстить, ни держать того въ памяти. И если Новгородцы нанесли какой либо вредъ Норвежцамъ, то равномѣрно и Норвежцы не должны припоминать о томъ.

Item si Norici transgrediuntur metam et divisionem terrarum, volentes mala facere, et e contrario si Nogardenses terrarum diuisionem transgrediuntur de sua terra in Noricorum ad male faciendum, tales sic volentes mala facere, debent corripi ac compesci, secundum Crucis osculacionem, pacem non infringendo.

Item hospites de Noruegia debent transire versus Nogard et Sanlöke[1]), sine omni impedimento. Et sic e contrario hospites de Nogard et Sanlöke debent transire versus Noruegiam, sine omni impedimento.

Item pax ista est facta et firmata per X annos. Et super istam pacem osculatus est Crucem Borgraphius ac Dux predicti, et parte omnium Nogardensium.

Item Haquinus, nuncius predictus, osculatus est Crucem super pacem istam, ex parte Regis Noruegie ac tocius Regni Noruegie. Inter istam pacem factam fuit Vernekinus interpres.

Et sicut pacem Nogardenses cum Noricis fecerunt, in eadem pace sunt et illi de Sanlöke.

Item quicunque infregerit illam osculacionem Crucis, vindicet ac judicet eum Deus. Super illam pacem, annis prestatutis firmius duraturam, sigille predictarum personarum videlicet: Episcopi, Borgraphii ac Ducis, presentibus sunt appensa.

Datum et actum Nogard, sub anno Domini MDDDXX sexto. III Idus Junij.

Также если Норвежцы перейдутъ грани и предѣлы земель, съ намѣреніемъ сдѣлать зло, и если Новгородцы перейдутъ съ своей земли на Норвежскую, для причиненія вреда; таковы, какъ злоумышленники, должны быть схватываемы и обуздываемы, по Крестному цѣлованію, не нарушая мира.

Также гости изъ Норвегіи должны имѣть безпрепятственный проѣздъ къ Новугороду и Санлеку [1]). И съ другой стороны гости изъ Новагорода и Санлека имѣютъ проѣздъ въ Норвегію, безъ всякаго препятствія.

Также миръ сей заключенъ и утвержденъ на 10 лѣтъ. И на семъ мирѣ цѣловали Крестъ Посадникъ и Тысячкій, со стороны всѣхъ Новгородцевъ.

Также вышеупомянутый посолъ Гаквинъ цѣловалъ Крестъ на семъ мирѣ, со стороны Короля и всего королевства Норвегіи. При заключеніи сего мира былъ Вернекинъ переводчикъ.

И какой миръ Новгородцы съ Норвежцами постановили, въ тотъ же миръ включаются и Санлекцы.

Также всякаго, кто нарушитъ сіе Крестное цѣлованіе, да судитъ и накажетъ Богъ. На твердое храненіе сего мира въ урочные годы, привѣшены печати преждепоименованныхъ лицъ, т. е. присутствующихъ: Епископа, Посадника и Тысяцкаго.

Совершено и утверждено въ Новѣгородѣ, въ лѣто отъ Р. Х. 1326, іюня 11 дня.

---

[1]) Предполагается Заволочье.

4.

Ништадтскій мирный договоръ [1]).

1721 г. Августа 30-го. Трактатъ заключенный на конгрессѣ въ Ништатѣ уполномоченными Министрами: съ Россійской генераломъ-Фельдцейгмейстеромъ Графомъ Брюсомъ и Канцеляріи Совѣтникомъ Остерманомъ, а съ Шведской стороны Лиліенштетомъ и барономъ Штремфельтомъ — о вѣчномъ мирѣ обоими Государствами.

Мы Фридрихъ, Божіею милостію Король Шведскій, Готской и Венденской и прочая, и прочая и прочая: Объявляемъ что понеже между Нами и Короною Шведскою съ одной, и Божіею Милостію съ Пресвѣтлѣйшимъ и Державнѣйшимъ Царемъ и Государемъ, Государемъ Петромъ Первымъ, Всероссійскимъ Самодержцемъ и прочая, и прочая, и прочая, и съ Государствомъ Россійскимъ, съ другой стороны соглашенось и постановлено: По долгобывшей и вредительной войнѣ, чтобъ съ обѣихъ сторонъ полномочные Министры съѣхались въ Ништатъ въ Финляндію, и въ конференцію вступить, трактовать и непрестанно пребываемый заключить вѣчный миръ между Нами и обоими Государствами, землями и подданными. И для того съ Нашей стороны Нашъ и Государственный Совѣтникъ купно и Канцеляріи Совѣтникъ, благородный Графъ, Господинъ Іоганъ Лиліенстетъ и Ландсгевдингъ заводовъ мѣдныхъ и въ ленѣ Далернъ благородный баронъ Отто Ренгольтъ Штремфелтъ, а съ стороны Его Царскаго Величества и Государства Россійскаго благородный графъ Яковъ Даніель Брюсъ, Его Царскаго Величества Генералъ-Фельдцейгмейстеръ, Президентъ Бергъ и Мануфактуръ Коллегіи, Кавалеръ орденовъ Святаго Андрея и Бѣлаго Орла; также и благородный господинъ Генрихъ Іоганъ Фридрихъ Остерманъ, Его Царскаго Величества Тайный Совѣтникъ Его Канцеляріи, въ вышепомянутое для мирныхъ договоровъ и отъ обоихъ сторонъ въ соизволенное мѣсто Ништатъ въ Великомъ Княжествѣ Финляндіи съѣхались. И нынѣ чрезъ Высшаго милостивую помощь и по силѣ данной имъ полной мочи 30-го Августа мѣсяца нынѣ текущаго года 1721 постановленъ, заключенъ, подписанъ и запечатанъ вѣчный миръ, и къ тому надлежащее и сепаратной артикулъ, которые отъ слова до слова такъ гласитъ:

Во имя Святыя и нераздѣльныя Троицы.

Извѣстно и вѣдомо да будетъ симъ, что понеже высокоблаженной памяти между Его Королевского Величества Пресвѣтлѣйшаго, Державнѣйшаго Короля и Государя Каролуса XII Свѣйскаго, Готскаго, Венденскаго Короля и прочая, и прочая, и прочая, Его Королевскаго Величества Наслѣдниками Шведскаго Престола,

---

[1]) Полн. Собр. Зак. Рос. Имп., Т. VI, № 3819.

Пресвѣтлѣйшею, Державнѣйшею Королевою и Государынею, Государынею Ульрикою Элеонорою Свѣйскою, Готскою и Венденскою Королевою и прочая, и прочая, и прочая и Пресвѣтлѣйшимъ, Державнѣйшимъ Королемъ и Государемъ, Государемъ Фридрихомъ первымъ Свѣйскимъ и Готскимъ и Венденскимъ и прочая, и прочая, и прочая и Королевствомъ Свѣйскимъ съ одной и Его Царскимъ Величествомъ, Пресвѣтлѣйшимъ, Державнѣйшимъ Царемъ и Государемъ, Государемъ Петромъ Первымъ, Всероссійскимъ Самодержцемъ и прочая, и прочая, и прочая, и Россійскимъ Государствомъ съ другой стороны, тяжкая и разорительная война уже отъ многихъ лѣтъ началась, и ведена была.

Обѣ же высокія страны по возбужденію Богу благопріятнаго примиренія о томъ мысленно, како тому до сего времени бывшему кровопролитію окончаніе учинить, и землѣ разорительное зло какъ наискорѣе прекратить. И тако соизволеніемъ Божіимъ къ тому пришло, что съ обѣихъ высокихъ странъ уполномоченные Министры на съѣздъ присланы, дабы о истинномъ, безопасномъ и постоянномъ мирѣ, и вѣчно пребывающемъ дружебномъ обязательствѣ между обѣихъ странъ Государствами, землями, подданными и жителями купно трактовать и оный заключить, а именно: со стороны Его Королевскаго Величества Свѣйскаго и Его Государственный Совѣтникъ и купно Канцеляріи Совѣтникъ такожде Высокоблагородный Баронъ господинъ Отто Рейнгольтъ Штремфелтъ, Его Королевскаго Величества учрежденный Ландсъ Гаупманъ въ мѣдныхъ рудокопныхъ заводахъ и въ селѣ Далернъ; а съ стороны Его Царскаго Величества Высокоблагородный Графъ, господинъ Яковъ Даніель Брюсъ, Его Царскаго Величества Генералъ Фельдцейгмейстеръ Президентъ Бергъ и Манифактуръ Коллегіи, Кавалеръ ордена Святаго Андрея и Бѣлаго Орла: такожде благородный господинъ Генрихъ Іоганъ Фридрихъ Остерманъ, Его Царскаго Величества Тайный Совѣтникъ Канцеляріи, которые по согласію съ обѣихъ странъ къ конгрессу и трактованію въ назначенное и соизволенное мѣсто въ Ништатѣ въ Финляндіи съѣхались. И по умоленіи о помощи Божіей и по объявленнымъ и одну противъ другой обыкновеннымъ образомъ размѣненнымъ полномочнымъ оное полезное дѣло купно предвосиріяли. И по учиненномъ трактованіи Всевысочайшаго милостію и благословеніемъ о слѣдующемъ всегда пребываемомъ вѣчномъ заключеніи мира, именемъ обѣихъ высокихъ странъ и за нихъ договорились и согласились:

1) Имѣетъ отъ нынѣ непрестанно пребываемой вѣчной, истинной и ненарушимой миръ на землѣ и водѣ, такожде истинное согласіе и неразрѣшаемое вѣчное обязательство дружбы быть, и пребывать между Его Королевскимъ Величествомъ Свѣйскимъ, Пресвѣтлѣйшимъ, Державнѣйшимъ Королемъ и Государемъ, Государемъ Фридрихомъ первымъ Свѣйскимъ, Готскимъ и Венденскимъ Королемъ и прочая, и прочая, и прочая, Его Королевскаго Вели-

чества Наслѣдниками и Потомками Свѣйскія короны и Королевствомъ Свѣйскимъ и онаго такъ въ Римской Имперіи, какъ внѣ онаго лежащими областями, провинціями, землями, городами, вассалами, подданными и обывателями съ одной, и Его Царскимъ Величествомъ Пресвѣтлѣйшимъ, Державнѣйшимъ Царемъ и Государемъ Государемъ Петромъ Первымъ, Всероссійскимъ Самодержцемъ и прочая, и прочая, и прочая, Его Царскаго Величества Наслѣдниками и Потомками Россійскаго Государства и онаго землями, городами, Государствами и областьми, вассалами, подданными и жителями, съ другой стороны, такъ что впредь обѣ высокія договаривающіеся страны не токмо одна другой ничего непріятнаго или противнаго, хотя тайно или явно прямымъ или постороннимъ образомъ чрезъ своихъ или иныхъ чинить, наименьше одинъ другаго непріятелемъ, подъ какимъ бы именемъ ни было, помощи не чинить, или съ ними въ союзы, которые сему миру противны быть могутъ, не вступать. Но паче вѣрную дружбу и сосѣдство и истинной миръ между собою содержать, одинъ другаго честь, пользу и безопасность вѣрно охранять и споспѣшествовать, убытокъ и вредъ, елико имъ возможно, по крайней мѣрѣ остерегать и отвращать хотятъ, и имѣютъ, дабы возстановленный миръ и постоянная тишина, къ пользѣ и приращенію обоихъ Государствъ и подданныхъ ненарушимо содержаны были.

2. Имѣетъ еще съ обѣихъ странъ генеральная амнистія и вѣчное забвеніе всего того быть, что во время продолжающейся войны съ одной или съ другой страны непріятельскаго или противнаго хотя оружіемъ или инако предвоспріято, произведено и учинено, такъ чтобъ никогда о томъ упомянуто не было. Наименьше же, чтобъ кто въ которое нибудь время то зломъ мстилъ, и имѣютъ всѣ и каждые высокаго и низкаго чина подданные или чужестранные, какого народа они бъ ни были, которые во время сея войны у одной которой партіи службу приняли и чрезъ то противъ другой непріятельски поступили, (окромѣ тѣхъ Россійскихъ казаковъ, которые Свѣйскимъ оружіямъ слѣдовали; ибо онымъ Его Царское Величество, дабы въ сію генеральную амнистію включены были, не смотря на всѣ съ Свѣйской страны учиненныя представленія, не позволяетъ, ниже позволить хощетъ), прочіе же всѣ въ сію генеральную амнистію всемѣрно внесены и включены быть тако и таковымъ образомъ что всѣмъ обще и каждому особливо тотъ ихъ поступокъ, никакимъ образомъ впредь не имѣетъ причтенъ быть. Наименьше же имъ ради того ни малѣйшее оскорбленіе причинено; но права ихъ и справедливости, имъ принадлежащія, оставлены и возвращены будутъ.

3. Всѣ непріятельства на водѣ и на землѣ имѣютъ здѣсь и во всемъ Великомъ Княжествѣ Финляндіи въ четырнадцать дней и прежде, ежели возможно по учиненномъ подписаніи сего мирнаго договора, а во всѣхъ прочихъ мѣстахъ и краяхъ въ три недѣли и прежде, ежели возможно по размѣнѣ ратификаціи съ обѣихъ

странъ престать, и весьма оставлены быть. И ради того о поставленіи мира немедленно объявлено быть имѣетъ. И ежели послѣ вышеупомянутаго времени отъ одной или другой страны за невѣденіемъ о заключенномъ мирѣ, гдѣ нибудь на водѣ или на землѣ какія непріятельства, какого званія оныя бъ ни были, учинены будутъ, то оное настоящему заключенію мира ни мало предосудительно быть не можетъ. Но оное, что изъ людей и имѣнія взято и увезено, безспорно возвращено и назадъ отдано будетъ.

4. Его Королевское Величество Свѣйское уступаетъ симъ за Себя и Своихъ Потомковъ и Наслѣдниковъ Свѣйскаго престола и Королевство Свѣйское Его Царскому Величеству и Его Потомкамъ и Наслѣдникамъ Россійскаго Государства въ совершенное непрекословное вѣчное владѣніе и собственность въ сей войнѣ, чрезъ Его Царскаго Величества оружіе отъ короны Свѣйской завоеванныя Провинціи: Лифляндію, Эстляндію, Ингерманландію и часть Кареліи съ дистриктомъ Выборгскаго лена, который ниже сего въ артикулѣ разграниченія означенъ и описанъ съ городами и Крѣпостьми: Ригою Дюнаминдомъ, Пернавою, Ревелемъ, Дерптомъ, Нарвою, Выборгомъ, Кексгольмомъ и всѣми прочими къ упомянутымъ Провинціямъ надлежащими городами, крѣпостями, гавенами, мѣстами, дистриктами, берегами, съ островами: Эзель, Даго и Меномъ и всѣми другими отъ Курляндской границы по Лифляндскимъ, Эстляндскимъ и Ингерманландскимъ берегамъ и на сторонѣ Оста, отъ Ревеля въ фарватерѣ къ Выборгу на сторонѣ Зюйда и Оста лежащими островами со всѣми такъ на сихъ островахъ, какъ въ вышеупомянутыхъ Провинціяхъ, городахъ и мѣстахъ обрѣтающимися жителями и поселеніями и генерально со всѣми принадлежностями, и что ко онымъ зависитъ высочествами, правами и прибытками во всѣхъ ничего въ томъ не исключая, и какъ оными корона Свѣйская владѣла, пользовалась, и употребляла. И Его Королевское Величество отступаетъ, и отрицается симъ наиобязательнѣйшимъ образомъ, какъ то учиниться можетъ, вѣчно за Себя, Своихъ Наслѣдниковъ и Потомковъ, и все Королевство Свѣйское отъ всякихъ правъ, запросовъ и притязаній, которые Его Королевское Величество и Государство Свѣйское на всѣ вышеупомянутыя провинціи, острова, земли и мѣста до сего времени имѣли, и имѣть могли, якоже всѣ жители оныхъ отъ присяги и должности ихъ, которыми они Государству Свѣйскому обязаны были, по силѣ сего весьма уволены и разрѣшены быть имѣютъ, такъ и таковымъ образомъ, что отъ сего числа въ вѣчныя времена Его Королевское Величество и Государство Свѣйское, подъ какимъ предлогомъ то бъ ни было, въ нихъ вступаться, ниже оныхъ назадъ требовать не могутъ, и не имѣютъ; но оные имѣютъ вѣчно Россійскому Государству присоединены быть и пребывать. И обязуется Его Королевское Величество и Государство Свѣйское симъ, и обѣщаютъ Его Царское Величество и Его Наслѣдниковъ Россійскаго Государства, при спокойномъ владѣніи всѣхъ оныхъ, времена сильнѣйше содержать и

оставить имѣютъ, такожде всѣ архивы, документы всякіе и письма, которые до сихъ земель особливо касаются, и изъ оныхъ во время сія войны въ Швецію отвезены, пріисканы, и Его Царскаго Величества къ тому уполномоченнымъ вѣрно отданы быть.

5. Противъ того же Его Царское Величество обѣщаетъ въ 4 недѣли по размѣнѣ ратификацій по семъ мирномъ трактатѣ или прежде, ежели возможно Его Королевскому Величеству и коронѣ Свѣйской возвратить и паки испражнить Великое Княжество Финляндское, кромѣ той части, которая внизу въ описанномъ разграниченіи выключена, и за Его Царскимъ Величествомъ остаться имѣетъ, такъ и такимъ образомъ, что Его Царское Величество, Его Наслѣдники и послѣдователи на сіе нынѣ возвращенное Великое Княженіе никакого права, ниже запроса, подъ какимъ бы видомъ и именемъ то ни было, во вѣки имѣть не будутъ, ниже чинить могутъ. Сверхъ того хощетъ Его Царское Величество обязанъ быть, и обѣщаетъ Его Королевскому Величеству, и Королевству Свѣйскому сумму двухъ милліоновъ ефимковъ, исправно безъ вычета и конечно отъ Его Королевскаго Величества съ надлежащими полномочными и расписками снабдѣннымъ уполномоченнымъ заплатить, и отдать указъ на такіе сроки и такою монетою, какъ о томъ въ сепаратномъ артикулѣ который такой же силы и дѣйства есть, яко бы онъ отъ слова до слова здѣсь внесенъ былъ, постановлено и договоренось.

6. Его Королевское Величество Свѣйское о коммерціи симъ Себѣ выговорилъ, что Ему въ вѣчныя времена свободно быть имѣетъ въ Ригѣ, въ Ревелѣ и Аренсбургѣ ежегодно на 50000 рублей хлѣба покупать повелѣть, которой по учиненному засвидѣтельствованію, что оный или на его Его Королевское Величество счетъ или отъ Свѣйскихъ отъ Его Королевскаго Величества къ тому именно уполномоченныхъ подданныхъ закупленъ, не платя ни какихъ пошлинъ или иныхъ налоговъ, въ Швецію свободно вывезенъ быть имѣетъ; что однако же не о тѣхъ лѣтахъ разумѣтися имѣетъ, въ которыя за недородомъ или иными важными причинами, Его Царское Величество принужденъ будетъ вывозъ хлѣба генерально всѣмъ націямъ запретить.

7. Его Царское Величество обѣщаетъ такожде наисильнѣйшимъ образомъ, что Онъ въ домашнія дѣла Королевства Свѣйскаго, якоже въ позволенную единогласно и отъ чиновъ Королевства подъ присягою учиненную форму правительства, и образъ наслѣдства мѣшатися, никому, кто бъ ни былъ, въ томъ ни прямымъ, ни постороннимъ и никакимъ образомъ вспомогать не будетъ: но паче къ показанію истинно сосѣдской дружбы, все, что противъ того вознамѣрено будетъ, и Его Царскому Величеству извѣстно учинится, всякимъ образомъ мѣшать и предупреждать искать изволитъ.

8. И понеже со обѣихъ странъ истинное и ревностное намѣреніе имѣютъ, истинный и постоянный миръ учинить, и для того весьма потребно есть, чтобы границы между обоими Государствами и зем-

лями такимъ образомъ опредѣлены и учреждены были, чтобъ ни которая страна другой никакого подозрѣнія подать; но паче каждая тѣмъ что за оною чрезъ сей миръ останется въ пожеланномъ покоѣ и безопасности владѣть и пользоваться могла. Того ради между обѣими высокими договаривающимися странами соизволено и договоренось, что отъ сего числа и въ вѣчныя времена, между обоими Государствами границы слѣдующія быть, и остаться имѣютъ, а именно: начинается оная у Сѣвернаго берега Синуса Финскаго у Вирелакса, откуда идетъ оная съ полмили отъ морскаго берега въ землю, и останется въ разстояніи полумили отъ воды, даже противъ Виллаіоки, а отсюда распространяется оная не много далѣе въ землю тако, и такимъ образомъ, что когда она противъ острововъ Роголей придетъ, оная тогда въ разстояніи трехъ четвертей мили отъ морской заливы отстоитъ, и идетъ тогда прямою линѣею въ землю даже до дороги, которая отъ Выборга въ Лапстрандъ есть, разстояніемъ въ трехъ миляхъ отъ Выборга и тако далѣе, въ такомъ же разстояніи трехъ миль Сѣверною стороною за Выборгомъ прямою линѣею, даже до старинной междую Россіею и Швеціею бывшей границы, прежде нежели Кексгольмскій ленъ Швеціи достался. И послѣдуетъ сія старинная граница къ Сѣверу въ верхъ восмь миль, а оттуда идетъ оная прямою линѣею чрезъ Кексгольмской ленъ, даже до того мѣста гдѣ озеро Пороэрви, которое подъ деревнею Куду Магуба свое начало имѣетъ, съ послѣднею между Россіею и Швеціею бывшею границею сходится тако и такимъ образомъ, что все то, что за сею означенною границею къ Весту и Норду лежитъ, за Его Королевскимъ Величествомъ и Королевствомъ Свѣйскимъ, а за то, что ниже къ Осту и Зюйду лежитъ, за Его Царскимъ Величествомъ и Россійскимъ Государствомъ въ вѣчныя времена остаться имѣетъ. И понеже Его Царское Величество такимъ образомъ нѣкоторую часть Кексгольмскаго лена, которая въ старыя времена Россійскому Государству принадлежала, Его Королевскому Величеству и Королевству Свѣйскому вѣчно уступаетъ. И тако обѣщаетъ Онъ наисильнѣйшимъ образомъ, за Себя, своихъ наслѣдниковъ и послѣдователей Россійскаго престола, что онъ сей части Кексгольмскаго лена, ни въ какое время, подъ какимъ бы именемъ и видомъ то ни было, назадъ требовать не хочетъ, и не можетъ. Но имѣетъ оная съ сего числа въ вѣчныя времена къ Свѣйскимъ землямъ присоединена быть и остаться. А въ Лапмаркахъ остается граница такъ, какъ оная до начала сея войны между обоими Государствами была. Еще жъ договоренось, что тотчасъ по воспослѣдованной ратификаціи главнаго трактата, съ обѣихъ сторонъ Коммисары назначены быть имѣютъ для учиненія и раздѣленія сего разграниченія такимъ способомъ и образомъ, какъ выше описано.

9. Его Царское Величество обѣщаетъ притомъ, что всѣ жители Провинцій Лифляндскія и Эстляндскія, такожде и острова Эзеля, шляхетные и нешляхетные, и въ тѣхъ Провинціяхъ обрѣтающіеся города, Магистраты, цѣхи и цунфты при нихъ подъ Свѣйскимъ

правленіемъ имѣвшихъ привиллегіяхъ, обыкновеніяхъ, правахъ и справедливостяхъ, постоянно и непоколебимо содержаны и защищены будутъ.

10. Также въ такихъ уступленныхъ земляхъ не имѣетъ никакое принужденіе въ совѣсти введено быть; но паче Евангелическая вѣра, кирха и школы и что къ тому принадлежитъ, на такомъ основаніи, на какомъ при послѣднемъ Свѣйскомъ правительствѣ были оставлены и содержаны, однакожъ во оныхъ и вѣра Греческаго исповѣданія впредь тако жъ свободно и безъ всякаго помѣшательства отправлена быть можетъ и имѣетъ.

11. И понеже подъ прежнимъ Королевскимъ Свѣйскимъ правительствомъ въ Лифляндіи, въ Эстляндіи и на Эзелѣ въ дѣйство произведенная редукція и ликвидація ко многимъ жалобамъ подданныхъ, или жителей поводъ подала, отъ чего и Его въ Бозѣ усопшее Королевское Величество Свѣйское славнѣйшей памяти, и въ разсужденіи справедливости того дѣла побужденъ былъ, по силѣ въ печать изданнаго 1700 года въ 13 день апрѣля патента обнадеживаніе отъ себя дать, что ежели кто изъ Его подданныхъ подлинными свидѣтельствами доказать можетъ, что маетности, которыя имъ принадлежатъ, отняты, у тѣхъ право ихъ не отъемлемо будетъ; почему и многіе изъ помянутыхъ подданныхъ, владѣнія своихъ прежнихъ чрезъ помянутую редукцію или иной предлогъ отъ нихъ отрѣшенныхъ, отнятыхъ и секвестрованныхъ маетностей паки получили. Того ради обѣщаетъ и Его Царское Величество симъ, что каждый, хотя онъ внутрь или внѣ земли обрѣтается, которой въ такомъ случаѣ справедливое притязаніе или требованіе на маетности Лифляндіи, Эстляндіи и Эзельской Провинціи имѣетъ, и оныя надлежащимъ образомъ доказать можетъ, своимъ правомъ безспорно пользоваться; и чрезъ немедленной розыскъ и освидѣтельствованіе такихъ притязаній и требованій, владѣніе праведно имъ принадлежащихъ маетностей паки получить имѣетъ.

12. Также имѣютъ по силѣ предшествующаго втораго артикула договорной и постановленной амнистіи, въ Лифляндіи и Эстляндіи и на островѣ Эзелѣ для бывшей до сего времени войны, и что помѣщики при Королевской Свѣйской сторонѣ остались, либо отнятыя, другимъ отданныя, или конфискованныя маетности, земли и не минувшіяся срокомъ аренды и домы въ принадлежащихъ къ симъ Провинціямъ городахъ, также въ Нарвѣ и Выборгѣ, хотя бъ оныя до войны кому и принадлежали, или во время войны кому наслѣдствомъ или инако достались, безъ всякаго изъятія ихъ, праведнымъ помѣщикамъ, хотя иныя ныне въ Швеціи или въ полону, или бъ гдѣ индѣ были, какъ кто у генеральнаго Губернамента по силѣ объявленія своихъ доказательствъ, писемъ и документовъ, напередъ надлежащимъ образомъ себя къ тому удостовѣрятъ, безспорно и безъ всякаго задержанія тотчасъ назадъ отданы и возвращены быть. Но тѣ помѣщики не могутъ за взятыя съ тѣхъ маетностей во время сея войны, и послѣ учиненной конфискаціи, браные до-

ходы и за приключенный убытокъ чрезъ оную войну или инако, ничего требовать и претендовать. И тѣ, которые такимъ образомъ во владѣніе имъ принадлежащихъ маетностей придутъ, обязаны суть при полученіи владѣнія Его Царскому Величеству, яко нынешнему своему Государю земли, присягу чинить. И впрочемъ къ Нему такъ, какъ честнымъ вассаламъ и подданнымъ надлежитъ поступать. Противъ того жъ имъ, когда они обыкновенную присягу учинятъ: безпрекословно допущено и позволено будетъ изъ земли выѣзжать, въ чужихъ съ Россійскимъ Государствомъ въ союзѣ и дружбѣ пребывающихъ земляхъ жить, и у неутральныхъ державъ въ службу вступать, или, ежели они ужъ въ той обрѣтаются, по своему произволу и впредь во оной пребывать. А тѣмъ, которые Его Царскому Величеству весьма присяги учинить не похотятъ, дается симъ и позволяется время 3 лѣтъ, считая отъ публикованія сего мира, чтобъ въ такое время свои маетности и собственности наилучшимъ способомъ и по своему произволу избывать и продавать, не платя съ того ничего больше, какъ они по своимъ земскимъ уложеніямъ должны и обязаны быть могутъ. И ежели впредь кому по земскимъ правамъ, которой присяги не учинилъ, какое наслѣдство достанется: то тако жъ обязанъ есть, при принятіи своего ему доставшагося вымороч наго наслѣдства, Его Царскому Величеству присягу въ вѣрности учинить, или свободу имѣть, въ годъ тѣ свои маетности продать. Такимъ же образомъ имѣютъ всѣ тѣ обоихъ Высокодоговаривающихся сторонъ подданные, которые на публичные въ Лифляндіи, Эстляндіи и на островѣ Эзелѣ лежащія маетности, деньги въ займы дали и на ихъ порядочныя закладныя, контракты получили: по силѣ сихъ контрактовъ, своими закладами до тѣхъ мѣстъ спокойно и безопасно владѣть пока они совершенно по имѣющимъ у себя записямъ выкуплены, и они за свой капиталъ и сверпки совершенно удовольствованы будутъ. Однакожъ такіе закладодержцы, за прошлые во время сей войны и несбиранные сверпки, не имѣютъ ничего начинать, ниже претендовать. Но тѣ, которые такъ въ семъ, какъ и преждереченномъ случаѣ администраціи такихъ маетностей отправляютъ: имѣютъ быть должны и обязаны Его Царскому Величеству присягу учинить, и Его дѣйствительными подданными быть. Все сіе разумѣется и о тѣхъ, которые подъ Его Царскаго Величества державою остаются, которые съ своими, либо въ Швеціи и въ оставшихся по сему миру за Королевствомъ Свѣйскимъ земляхъ, имѣющими маетностьми и собственностьми такимъ же образомъ поступать, совершенную мочь и свободу имѣть будутъ. Такожъ имѣютъ обоихъ Высокодоговаривающихся сторонъ подданные, которые въ которой нибудь стороны земляхъ, какіе справедливые запросы и претензіи хотя на публикѣ или на партикулярныхъ персонахъ имѣютъ, при оныхъ весьма содержаны и защищены быть. И хотятъ обѣ Высокодоговаривающіяся стороны стараться, чтобъ онымъ въ помянутыхъ ихъ требованіяхъ и прошеніяхъ, скорой судъ и справедливость учинена была, и тако всякъ свое немедленно получить могъ

13. Въ Великомъ Княженіи Финляндскомъ, которое Его Царское Величество, по силѣ предшествующаго 5 артикула, Его Королевскому Величеству и Королевству Свѣйскому возвращаетъ: имѣютъ отъ числа подписанія сего мирнаго договора всѣ денежныя контрибуціи весьма отставлены быть. Однакожъ имѣетъ все потребное провіантомъ и фуражемъ Его Царскаго Величества войскамъ до совершеннаго испражденія, какъ и прежъ сего на такомъ основаніи, какъ до сего числа было, безденежно давано; такожъ и войскамъ подъ жестокимъ наказаніемъ запрещено быть имѣетъ, при ихъ выходѣ какихъ служителей изъ Финской націи противъ ихъ воли; а весьма никакихъ Финскихъ крестьянъ оттуда съ собой выводить, или имъ хотя малое насильство или обиду чинить. Сверьхъ того имѣютъ всѣ крѣпости и замки въ великомъ Княженіи Финляндскомъ въ томъ состояніи, въ которомъ они нынѣ обрѣтаются, оставлены быть. Однакожъ Его Царскому Величеству свободно будетъ при испражденіи помянутой земли и мѣстъ все большее и мѣлкое и къ оному принадлежащее, аммуницію магазейны и иные воинскіе припасы какое бъ имя не имѣли, и Его Царское Величество туды привести указалъ, съ собою взять и вывесть. Такожъ для вывоза всего того и багажу армейскаго, имѣютъ всѣ потребныя подводы и телѣги до границы отъ жителей безспорно и безденежно даны быть. А ежели въ назначенное время все то выведено быть не можетъ, но изъ того нѣкоторая часть тамо оставлена будетъ: то имѣетъ оное все въ добромъ сохраненіи остаться; а потомъ во всякое время, въ которое ни пожелаютъ, тѣмъ, которые отъ стороны Его Царскаго Величества для того присланы будутъ, безспорно отдано, и какъ прежнее до границъ вывезено быть имѣетъ. Ежелиже отъ Его Царскаго Величества войскъ какіе архивы, документы и письма, которыя до сего великаго Княжества Финляндскаго касаются, найдены, и либо изъ земли вывезены: то изволитъ Его Царское Величество оныя, сколько возможно, пріискивать, и что изъ нихъ найдется, Его Королевскаго Величества Свѣйскаго, къ тому уполномоченныхъ вѣрно назадъ отдать повелѣть.

14. Съ обѣихъ сторонъ военные плѣнники, какой бы націи, чина и состоянія ни были, имѣютъ тотчасъ по воспослѣдованной ратификаціи сего мирнаго трактата безъ всякаго выкупа, однакожъ когда всякой напередъ либо во учиненныхъ какихъ долгахъ, или раздѣлку учинитъ, или въ платежъ оныхъ довольственную и справедливую поруку дастъ: изъ плѣна освобождены, на совершенную свободу выпущены и съ обѣихъ сторонъ безъ всякаго задержанія и въ нѣкоторое урѣченное по разстоянію мѣстъ, гдѣ оные плѣнники нынѣ обрѣтаются пропорціональное время до границъ съ надлежащими подводами безденежно по возможности выпровождены быть. А тѣ, которые у одной или другой стороны службу приняли, или инако въ земляхъ одной или другой стороны остаться намѣрены будутъ: въ томъ безъ изъятія всякую свободу и совершенную мочь имѣть. Сіе же разумѣется и о всѣхъ во время сія войны отъ

одной или другой увезенныхъ людяхъ, которые такожъ по своему произволу остаться, или въ домы свои свободно и безъ помѣшательства возвратиться могутъ и имѣютъ, кромѣ тѣхъ, которые по своему желанію вѣру Греческаго исповѣданія приняли, которые на сторонѣ Его Царскаго Величества остаться имѣютъ; для чего обѣ Высокодоговаривающіяся стороны въ своихъ земляхъ публичными указами о семъ публиковать и объявить изволятъ.

15. Его Королевское Величество и Рѣчь Посполитая Польская, яко Его Царскаго Величества союзники, въ сей миръ именно включаются и имъ вступленіе такимъ образомъ совершенно предоставляется тако, яко бы между ними и Короною Свѣйскою возобновляемой мирный трактатъ отъ слова до слова въ сей внесенъ былъ. И для того имѣютъ во всѣхъ мѣстахъ и вездѣ и во всѣхъ, обоимъ высокимъ сторонамъ принадлежащихъ Государствахъ, земляхъ и областяхъ, хотя оные внѣ или въ Римскомъ Государствѣ суть, всѣ непріятельскіе поступки, какое бъ имя ни имѣли, весьма престать и кончитися и постоянной вѣчный миръ между ими содержанъ быть. И понеже отъ Его Королевскаго Величества и Рѣчи Посполитой Польской, никакихъ полномочныхъ Министровъ на здѣшнемъ мирномъ Конгрессѣ не обрѣтается: и тако миръ между оными и Короною Свѣйскою формальнымъ трактатомъ вкупѣ съ симъ нынѣ возобновленъ быть не можетъ. Того ради обѣщаетъ Его Королевское Величество Свѣйской, что Онъ немедленно въ то мѣсто, о которомъ Онъ съ Его Королевскимъ Величествомъ и Рѣчью Посполитою Польскою согласится, Своихъ полномочныхъ пошлетъ и подъ Его Царскаго Величества медіаціею съ оными вѣчной миръ на пристойныхъ кондиціяхъ возобновить и заключить изволитъ. Однакожъ, чтобъ въ томъ ничего содержано не было, чтобы нынѣшнему сему съ Его Царскимъ Величествомъ учиненному вѣчному миру, въ чемъ нибудь или бъ какимъ нибудь образомъ противно и предосудительно быть могло.

16. Коммерціи имѣютъ свободно и безпомѣшательно междо обоими Государствами и къ онымъ принадлежащими землями, подданными и жительми, какъ на земли, такъ и водою учреждены, и сколь скоро возможно, чрезъ особливой трактатъ къ пользѣ обоихъ Государствъ утверждены быть. А междо тѣмъ могутъ обои Россійскіе и Свѣйскіе подданные тотчасъ по ратификаціи сего мира, въ обоихъ Государствахъ и земляхъ съ платежомъ въ каждомъ Государствѣ обыкновенныя пошлины и прочія установленныя права, всякими товарами свои торги свободно и невозбранно отправлять. И имѣютъ Россійскіе подданные въ Государствѣ и земляхъ Его Королевскаго Величества Свѣйского, и напротивъ того Свѣйскіе подданные въ Государствѣ и земляхъ Его Царскаго Величества таковыя привиллегіи и пользы въ своемъ купечествѣ получать, какія дружебнѣйшимъ народамъ во оныхъ позволены.

17. Торговые домы, которые Свѣйскіе подданные до начатія войны въ нѣкоторыхъ Его Царскому Величеству принадлежащихъ

торговыхъ городахъ имѣли: имѣютъ тотчасъ по воспослѣдованномъ мирѣ не токмо паки возвращены и очищены быть, но такожде имъ свободно да будутъ въ уступленныхъ городахъ и гавенахъ таковые торговые домы себѣ получить и учредить, якоже Его Царскаго Величества подданнымъ, не токмо торговые домы, которые они прежде сего въ Королевствѣ Свѣйскомъ и другихъ Свѣйскихъ земляхъ имѣли: немедленно паки очищены, но и равномѣрно имъ позволено быть имѣетъ въ другихъ Государства Свѣйскаго городахъ и гавенахъ, гдѣ они того пожелаютъ, таковые торговые домы себѣ получать и учреждать.

18. Ежели Свѣйскіе военные или купеческіе корабли отъ штурма погоды и иныхъ случаяхъ при берегахъ и морскихъ краяхъ Россійскаго Государства и къ оному принадлежащими землями на мѣль попадутъ или потопутъ; то имѣетъ отъ Его Царскаго Величества подданныхъ, въ той нуждѣ сущимъ, всякое вѣрное истинное вспоможеніе показано, люди и товары по всякой возможности спасены и высланы, и что изъ товаровъ на берегъ выброситъ: во время одного года, требующимъ хозяевамъ за нѣкоторое пристойное воздаяніе, вѣрно назадъ отданы быть. Таковымъ же образомъ имѣетъ и съ Свѣйской страны съ Россійскими разбитыми кораблями и товарами содержано и поступлено быть. И хотя обѣ Высокія договаривающіяся страны о томъ стараніе прилагать, дабы чрезъ крѣпчайшее запрещеніе и наказаніе, всякія своевольства, похищенія и грабежи, при такихъ случаяхъ уняты и удержаны были.

19. Дабы такожде всякіе случаи на морѣ, которые къ какому несогласію междо обѣими Высокими договаривающимися странами поводъ подать могутъ, сколько возможно отвращены и предостережены быть могли; того ради симъ поставлено и соглашенось, что когда Свѣйскіе военные корабли одинъ или болѣе числомъ, большіе или малые, Его Царскому Величеству принадлежащую крѣпость впредь проходить будутъ: то оные должны будутъ Свѣйской лозунгъ стрѣлять, на что оному тотчасъ Россійскимъ лозунгомъ съ крѣпости взаимно поздравлено будетъ. Равнымъ же образомъ имѣютъ также Россійскіе военные корабли одинъ или болѣе числомъ, когда оные мимо Его Королевскаго Величества принадлежащей крѣпости пойдутъ, Россійской лозунгъ стрѣлять, и такожде Свѣйскимъ лозунгомъ съ крѣпости взаимно поздравлены будутъ. Но ежели случится, что Свѣйскіе и Россійскіе корабли другъ друга, или на морѣ, или въ гаванѣ или индѣ гдѣ встрѣтятъ или на какомъ мѣстѣ застанутъ, то имѣютъ оные обыкновеннымъ лозунгомъ междо собою дружебно поздравляться. И въ прочемъ во всемъ въ семъ дѣлѣ тако поступано быть имѣетъ, какъ то междо коронами Свѣйскою и Датскою въ таковыхъ случаяхъ обычайно есть, и междо ими о семъ соизволено и договоренось.

20. Еще же съ обѣихъ странъ симъ соизволено и договоренось, чтобъ междо обоими Государствами, до сего времени въ обычаѣ бывшее свободно содержаніе Пословъ весьма перестало и напротивъ

того обѣихъ странъ полномочнымъ Посламъ, и иныхъ съ характеромъ или безъ онаго, посланнымъ повелѣно будетъ себя со всею своею свитою такъ въ пути какъ при томъ Дворѣ, куды имъ повелѣно ѣхать и пребывать, содержать, и о своемъ довольствованіи самимъ попеченіе имѣть. Однакожъ обѣ Высокія страны хотятъ такъ генерально, какъ на каждое время, а особливо когда Имъ о прибытіи Посла благовременно извѣстіе прежде подается, довольное опредѣленіе учинить, чтобъ имъ въ пути ихъ всякая безопасность, благосклонность и потребное вспоможеніе показано было.

21. Отъ страны Его Королевскаго Величества Свѣйскаго, такожъ Его Королевское Величество Великобританское въ сей мирной трактатъ включается, однакожъ съ предоставленіемъ того, въ чемъ либо Его Царское Величество отъ Его Королевскаго Величества Великобританскаго, Себя отягчена находитъ, о чемъ прямо междо Его Царскимъ Величествомъ и Его Королевскимъ Величествомъ Великобританскимъ добродѣтельно трактовано и соглашенось быть имѣетъ. И могутъ такожде и иныя Державы, которыхъ обѣ Высокія договаривающіяся страны во время трехъ мѣсяцевъ по воспослѣдованной ратификаціи назначатъ, въ сей мирной трактатъ, съ общаго обѣихъ Высокодоговаривающихся странъ соизволенія вступить и во оной приняты быть.

22. И хотя бъ впредь междо обѣими Государствами и подданными какія ссоры и несогласія произошли: то однакожъ имѣетъ сіе заключеніе вѣчнаго мира въ совершенной силѣ и дѣйствѣ пребыть. А ссоры и несогласія чрезъ назначенныхъ къ тому съ обѣихъ странъ Коммисаровъ немедленно розысканы, и по справедливости окончаны и успокоены быть.

23. Имѣютъ такожде отъ сего числа всѣ тѣ, которые по воспослѣдованной ратификаціи сего мира для учиненной измѣны, убивства, воровства и иныхъ причинъ или безъ причины, отъ Свѣйской къ Россійской, или отъ Россійской къ Свѣйской странѣ, одни, или съ женами, и съ дѣтьми переидутъ, когда они отъ той страны, отъ которой они сбѣжали, назадъ требованы будутъ, какой бы націи они ни были, и въ такомъ состояніи, какъ они пришли, съ женами и съ дѣтьми и со всѣмъ тѣмъ, что они изъ краденыхъ или пограбленныхъ пожитковъ привезли, безспорно выданы и назадъ отданы быть.

24. Ратификаціи о семъ мирномъ инструментѣ имѣютъ во время трехъ недѣль, считая отъ подписанія, и прежде ежели возможно, получены, и здѣсь въ Нейштатѣ, одна противъ другой размѣнены быть.

Во утвержденіе всего сего мирнаго трактата, два единогласные экземпляра сочинены, и съ обѣихъ странъ отъ полномочныхъ Министровъ, по силѣ имѣющей полной мочи собственноручно подписаны, ихъ печатьми утверждены, и одинъ противъ другого размѣнены. И тако Мы, сей вѣчной миръ во всѣхъ артикулахъ, пунктахъ и опредѣленіяхъ вкупѣ къ тому съ принадлежащимъ сепа-

ратнымъ артикуломъ, какъ оные отъ слова до слова внесены находятся, приняли, за благо признали, утвердили и ратификовали якоже Мы, оные наиобязательнѣйше, како то можетъ учинится, симъ пріемлемъ, за благо признаваемъ, утверждаемъ и ратификуемъ. Нашимъ Королевскимъ словомъ обѣщаемъ за Насъ и Нашихъ Наслѣдниковъ Королей Шведскихъ и Шведское Государство, что Мы все то, что въ преждеписанномъ вѣчнаго мира договорѣ и во всѣхъ того артикулахъ, пунктахъ и клаузулахъ, якоже и въ сепаратномъ артикулѣ содержится, твердо, нерушимо, свято, неподвижимо вовѣки содержать и исполнять хощемъ. И никако не допустимъ, чтобы противно оному отъ Насъ и съ Нашей стороны поступлено было. И для большаго извѣстія того, Мы, сей мирной договоръ, симъ Нашимъ собственноручнымъ подписаніемъ и Нашею великою Королевскою печатью повелѣли утвердить.

Артикулъ Сепаратный.

Понеже Его Царское Величество по силѣ пятаго артикула сегоднишняго дня заключеннаго и совершеннаго главнаго трактата, хощетъ обязанъ быть Его Королевскому Величеству по Его ассигнаціи и отписи сумму 2,000,000 ефимковъ заплатить: того ради симъ постановлено и договорено, что оные имѣютъ полновѣсными монетами именуемыми цвейдрительштиръ, которыхъ три сочиняютъ въ Лейпцихѣ въ Берлинѣ и въ Брауншвейгѣ 2 помянутыхъ ефимковъ, Его Королевскаго Величества вѣрнымъ полномочнымъ, и росписками снабденнымъ Коммисарамъ въ Гамбургѣ, въ Амстердамѣ и въ Лондонѣ, исправно и безъ вычета конечно отданы и заплачены; и отъ Его Царскаго Величества всегда и за 6 недѣль до каждаго срока объявлено быть, гдѣ платежу учинену быть надлежитъ. А ежели Его Царское Величество, въ помянутыхъ мѣстахъ надлежащей суммы полновѣсными цвейдрительштирами собрать не можетъ; то обѣщаетъ оные доброю въ тѣхъ мѣстахъ ходячею серебреною монетою, однакожъ кромѣ дробной монеты, по цѣнѣ какъ платимая сумма по текущему при платежномъ срокѣ вексельному курсу сочиняетъ, безъ ущербу заплатить. А сей платежъ чинится впрочемъ въ 4 срока, изъ которыхъ первой въ началѣ будущаго Февраля 1722 года на 500,000 ефимковъ; второй въ началѣ мѣсяца Декабря того года также на 500,000 ефимковъ; третій въ мѣсяцѣ Октябрѣ 1723 года, паки на 500,000 ефимковъ, а четвертой и послѣдній въ началѣ мѣсяца Сентября 1724, на 500,000 же ефимковъ такъ, что тогда вся сумма сихъ помянутыхъ 2,000,000 сполна заплачена и отдана быть имѣетъ.

5.

MANIFEST

AN DAS HERZOGTHUM FINNLAND [1]).

(Moscau, 1742).

Von Gottes Gnaden, Wir Elisabeth die Erste Kayserin und Selbsthalterin von allen Reussen etc. etc. etc.

Thun hiemit allen und jeden insonderheit aber denen Ständen und Einwohnern des Herzogthums Finnland kund und zu wissen.

Auf was für eine ungerechte Art von Seiten der Cron Schweden der Krieg wider das Russische Reich schon seit einigen Jahren her meditiret, und auch endlich würcklich ausgebrochen und angefangen worden, solches kan der ganzen Welt und denen jenigen Schwedichen Unterthanen selbst, welche der gesunden Ueberlegung bey sich Statt zu geben, nicht gänzlich entsaget, zur Gnüge bekannt seyn, und wäre allen darüber allhier weitläufftig anzuführenden Wiederholungen um so vielmehr ueberflüssig, als durch den Fortgang des Krieges selbst und durch den bey selbigen, seit dessen ersten Anfange denen Russischen Waffen verliehenen Göttlichen Seegen, sich deutlich genung an den Tag geleget, dasz GOtt die ungerechten Unternehmungen niemahls schützet, und in unrechtmäszig angefangenen Streit- und Zwistigkeiten, nur der gerechten Parthey mit seiner mächtigen Hand und Hülffe allemahl beystehet.

Wir haben bey Beisteigung Unsers Erb-Väterlichen Throns so wohl nach dem aufrichtigen Verlangen, um mit Unsern Nachbahren in Fried und Freundschafft zu leben, und Unsere Unterthanen durch Befestigung der innern und äussern Ruhe Unsers Reichs in einem immer mehr florisanten und beständigen Wohlstande zu setzen; als auch insonderheit nach Unserm dem benachbahrten Schwedischen Reiche und dessen Unterthanen allzeit zugetragenen Wohlwollen, diesen fortdauernden Krieg und den daraus beyderseits Unterthanen zuvachsenden Ruin und unschuldiges Blut-Vergiessen, mit nicht geringen Leidwesen behertziget, und dahers Unserer Seits nicht verabsäumet, durch alle möglichen Mittel und Wege Unsere Bemühung dahin anzuwenden, damit diesem Kriegs-Feuer und GOtt miszfälligen unnützen Feindseligkeiten ein Ende gemachet, und durch

---

[1]) Въ Имп. Публичн. Библ., Rossica, 13, VIII, $\frac{2}{1143}$. Русскаго текста не найдено.

Wiederherstellung des Friedens die vorige nachbahrliche Freundschafft und allgemeine Sicherheit auf einem beständigen und sicheren Grunde befestiget werden möchte. Wir haben Unsere aufrichtige Intention und willfährige Neigung vor dieses heilsame Werck durch alle nur ersinnliche Erweisungen auf das allerdeutlichste an den Tag su legen, es an nichts erwinden lassen, die Kriegs-Operationes auch mitten unter denen glücklichen Progressen Unserer Waffen, auf eine geraume Zeit suspendiret, und vier Monathe lang auf einige von Schwedischer Seiten su erfolgenden Friedens-Vorschläge vergeblich gewartet, mitlerweile denen Schwedischen Unterthanen bey aller Gelegenheit alle freundschafftliche Begegnungen wiederfahren lassen, und alles dasjenige, was Unserer Seits su Beförderung des wieder herzustellenden Friedens zu thun nur möglich gewesen, aufrichtigst beygetragen, in der Hoffnung, dasz durch diese Unsere friedliebende Bezeugungen die Crone Schweden zur reciproquen guten Gesinnung bewogen werden, und solchergestalt durch gemeinsame Cooperirung und einen aufrichtigen Vorsatz die weitere Ausbreitung des verderblichen Uebels, Verwüstung, unschuldiger Länder und Unterthanen, und alles übrigen aus dem Kriege entstehenden Unheil in Zeiten vorgebeuget, und ein GOtt gefälliger Friede zur erwünschten Endschafft gebracht werden könnte.

Wir sind in dieser Unser wohlwollenden Neigung um so viel mehr bestärcket worden, als Uns nicht unbekannt, welchergestalt sothaner ungerechter Krieg nicht nach dem allgemeinen Verlangen und einstimmenden Consence aller Stände und Unterthanen des Schwedischen Reichs angefangen worden, sondern eine nicht geringe Anzahl derselben von gantz andern Sentiments gewesen, als welche die schädliche und gefährliche Folgen eines ungerechten Weise anzufangenden Krieges in billige Erwegung ziehend, die gewissenlosen Demarches und Unternehmungen derjenigen Personen, welchen den so heilig geschlossenen ewigen Frieden eigenwillig zu brechen, und die allgemeine Wohlfahrt des Vaterlandes ihren Privat-Absichten und eigennützigen Paszionen unverantwortlicher Weise aufzuopffern sich nicht gescheuet, allemahl detestiret, und da natürlicher Weise unter dieser Zahl die Einwohner des Herzogthums Finnland sich mit zu befinden, und eine baldige Endschaft des Krieges zu wünschen um so vielmehr Ursache haben, als sie und ihre Länder und Güter bey diesem Kriege solchen verderblichen Calamitäten am allererst ausgesezt, und so grossen Ruin und Schaden unschuldig zu erleiden gezwungen gewesen sind; Wir aber solchen ihren erlittenen Schaden mit Christlichen Mitleiden groszmüthig und um so viel mehr zu Herzen nehmen, als Wir nach obbesagter Unserer friedliebenden Neigung von aller Absicht und Intention Unsere Macht zu erweitern, und einige neue Conqueten zu machen sehr weit entfernet sind, und von Schweden niemals das geringste ausser der Unterhaltung einer guten Freund- und Nachbahrschafft

verlangen; So haben Wir auch bey der wieder Unsern Willen erfolgenden Fortdaurung dieses verderblichen Krieges und Blutvergiessens, und da Unsere wohlmeynende Friedens-Neigungen ihren erwünschten Endzweck noch nicht erreichen können, sondern Unsere Krieges-Trouppen in die Finnländische Gränzen aufs neue einzurücken gemüsziget worden, für gut und nöthig zu seyn erachtet, obgedachte Unsere geneigte Intention, und dasz diese Unsere Trouppen, nicht um etwas zu erobern oder zu occupiren dahin gekommen, denen Ständen und Einwohnern des Herzogthums Finnland durch diese Unsere Declaration und Manifest bekannt zu machen, und allen und jeden derselben nebst wohlmeynender vor Augen Stellung ihres und ihres Vaterlandes eigenen Bestens auf das kräftigste zu versichern, dasz wenn sie sich bey diesem Kriege stille und ruhig halten, an denen Kriegs-Operations und dahin gehörigen Unternehmungen gar keinen Antheil nehmen, noch sich zu einigen Feindseeligkeiten wider Uns und Unsere Trouppen gebrauchen lassen, auch in keinem Stücke der Schwedischen Armee hülfliche Hand leisten, sondern ihre Intention mit Uns in nachbahrlicher Freundschaft und Friede zu leben, durch werckthätige Proben an den Tag legen; Solchenfals von Unserer Seite nicht nur gedachten Ständen und Einwohnern des Herzogthums Finnland im geringsten kein Leid zugefüget, und ein jeglicher bey dem vollkommenen Genusz und Besitz seiner Güter und Haabseeligkeiten ruhig und ohne aller Bedrengnisz gelassen werden, auch ihnen darunter Unsere Protection und Schutz auf alle Art und Weise angedeyhen solle, sondern Wir auch nach Unserer aufrichtigen Gesinnung, und da Wir uns ohne dem kein Fusz-Breit fremden Landes, zuzueignen verlangen, gerne geschehen lassen, und auf alle Art und Weise dazu beförderlich seyn wollen, damit oftgedachtes Herzogthum Finnland, wenn selbiges sich von der Schwedischen Bothmäszigkeit losszumachen geneigt ist, und um nicht inskünftige gleichfals, so wie anjetzo durch die eigennützige Absichten einiger Personen geschehen, der Gefahr eines verderblichen Krieges, und denen ersten Calamitäten desselben ausgesetzt zu seyn, als ein freyes und von keinem Theile dependirendes Land bey ihrer eigenen unter sich zu etablirenden Regierungs-Form auf einen solchen Fusz und mit allen solchen Rechten, Privilegien und Immunitäten verbleiben, wie es zu ihrem eigenen Nutzen und zur immerwährenden Befestigung desselben am allerbesten und nach ihren eigenen Verlangen gereichen, und sie sich nur selbst solches wünschen können; Wobey Wir ihnen denn zur Handhab- und Unterstützung solcher ihrer neuen Einrichtung bey aller Gelegenheit und erforderten Fällen mit Unsern Trouppen, wenn und wieviel sie derselben selbst verlangen werden, beyzustehen, und auch in übrigen allen ihren Begehren, worüber sie sich nur zu desto besserer und zuverlässigerer Beförderung dieser Intention gegen Uns zu aüssern nöthig finden, mit aller Bereitwilligkeit und gnädigem Wohlwollen die Hände zu biethen geneigt seyn werden.

Auf dieser Art und durch dieses Mittel wird Finnland, wenn es sich jetzt-besagtermaassen in einer eigenen Verfassung und Regierungs-Form befinden wird, zur Barriere und Mittel-Scheidung zwischen denen Russischen und Schwedischen Gräntzen dienen können, und eben dadurch denen Schweden allen bishero wegen der nahen Nachbahrschaft des Russischen Reiches, bezeigte Unruhe und Besorgniss, benommen werden, folglich auch dieser Crone selbst der Billigkeit nach, und wenn selbige sonst zur künftigen Unterhaltung einer festen Freundschaft mit Russland rechte Neigung hat, dieser Vorschlag nicht zuwider seyn können; Uebrigens sind wir auch Unserer denenselben gnädigst gethanen Versprechens durch die allersolennesten Versicherungen und wercktätigsten Proben nach ihrem eigenen Verlangen zu vergewissern allemahl erböthig; dafern aber wider alles bessere Vermuthen diese Unsere gute Neigung und wohlwollende Intention von dem Herzogthum Finnland nicht angenommen, sondern die Einwohner desselben aus einem ohnzeitigen Eigensinn bey diesem fortdaurenden Kriege sich wieder Uns und Unsere Trouppen zu feindlichen Unternehmungen gebrauchen lassen, und der Schwedischen Armee einige Hülffe leisten solten; So werden Wir wider Unsern Willen und eigene Inclination gedachtes Land durch Feuer und Schwerd verheeren zu lassen Uns gemüssiget sehen, welches alles Wir zu gehöriger Nachricht und jedermänniglichen Kundschaft durch gegenwärtiges Unser Manifest zu publiciren befohlen haben.

Elisabeth.

Gegeben Moscau den 18 Martii 1742.

Переводъ (изъ соч. г. Шпилевской «Описаніе войны между Россіею и Швеціею въ Финляндіи, въ 1741—43 гг.», изд. 1859 г., стр. 104).

Манифестъ Княжеству Финляндскому.

Москва, 1742 г.

«Мы Божіею милостію, Елизавета Первая, Императрица и Самодержица Всероссійская, и прочая, и прочая, и прочая.

«Объявляемъ симъ всѣмъ и каждому, а особенно государственнымъ чинамъ и жителямъ Княжества Финляндскаго.

«На какихъ несправедливыхъ основаніяхъ настоящая война уже въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ была замышляема Швеціею противъ Россіи, и наконецъ объявлена, и начата сею Короною, про то достаточно извѣстно всему свѣту, и легко поймутъ даже и тѣ шведскіе подданные, которые не совсѣмъ отказались отъ размышленія и внемлятъ

голосу здраваго смысла. Почему и было бы совершенно излишне распространяться обо всемъ этомъ, такъ какъ самый ходъ войны, и видимое благословеніе Божіе, которое съ самаго начала даровано Господомъ русскому оружію, уже ясно доказали, что Богъ никогда не посылаетъ своего покровительства неправому предпріятію, и въ несправедливо начатой борьбѣ и раздорѣ ниспосылаетъ свою Божественную помощь только правому.

«Мы, при вступленіи Нашемъ на Нашъ отеческій Всероссійскій престолъ, какъ по искреннему Нашему желанію въ мирѣ и согласіи съ Нашими сосѣдями, и утвержденіемъ внутренняго и внѣшняго спокойствія привести Нашихъ подданныхъ въ болѣе и болѣе благоденственное и цвѣтущее состояніе; такъ и особенно по благорасположенію, которое Мы всегда питали къ граничащему съ Россіей Шведскому Государству и его жителямъ, не мало соболѣзновали о сей продолжительной войнѣ и о бѣдствіяхъ, претерпѣваемыхъ вслѣдствіе того подданными обѣихъ странъ, такожде и о великомъ кровопролитіи; почему Нами усердно и употреблены были всѣ во власти Нашей находящіяся средства, чтобы прекратить эту войну и Богу противныя безполезныя распри, и возобновленіемъ мира возстановить прежнюю дружбу и утвердить на прочныхъ основаніяхъ всеобщую безопасность. Таковыя Наши искреннія намѣренія и доброжелательную готовность всячески содѣйствовать сему полезному дѣлу Мы всячески старались ясно доказать всевозможными со стороны Нашей уступками; прекратили на значительное время военныя операціи въ минуту самыхъ блистательныхъ успѣховъ Нашего оружія, и въ продолженіе цѣлыхъ четырехъ мѣсяцевъ напрасно ожидали мирныхъ предложеній со стороны Швеціи, оказывая между тѣмъ шведскимъ подданнымъ, при всякомъ встрѣчающемся случаѣ, всевозможную дружбу и всякія услуги, и дѣлая однимъ словомъ все, что могло служить къ возстановленію мира, въ надеждѣ, что сіи доказательства Нашихъ дружелюбныхъ намѣреній побудятъ Шведскую Корону платить Намъ тѣмъ же, и наконецъ чрезъ совокупныя дѣйствія и искреннее желаніе мира, можно будетъ во-время остановить дальнѣйшее распространеніе пагубныхъ бѣдствій, разореніе странъ и мирныхъ жителей, и всего прочаго отъ войны происходящаго зла, а также возстановить Богу пріятные миръ и согласіе.

«Въ таковомъ Нашемъ благосклонномъ расположеніи Мы еще болѣе утвердились тѣмъ, что Намъ не безъизвѣстно, что настоящая несправедливая война начата не по общему желанію и согласію всѣхъ государственныхъ чиновъ и подданныхъ Швеціи; но что значительное число ихъ имѣло совершенно иныя мысли и чувства; что они, принявъ посему въ должное соображеніе пагубныя послѣдствія несправедливо начатой войны, всегда гнушались поступками и замыслами тѣхъ лицъ, которыя безъ стыда и совѣсти своевольно рѣшились разорвать свято заключенный вѣчный миръ, и для частныхъ цѣлей и удовлетворенія себялюбивыхъ видовъ непростительно жертвовали общимъ счастіемъ и благосостояніемъ отечества. И какъ очень естественно, что къ числу нежелавшихъ войны принадлежатъ и жители Княжества Фин-

ляндскаго, то они имѣютъ тѣмъ больше повода желать скорѣйшаго окончанія войны, ибо они сами, ихъ страна и имущество при настоящей войнѣ совершенно невинно первые подвергаются жестокимъ бѣдствіямъ, и всякаго рода разоренія и потери претерпѣвать должны. Мы же. въ таковыхъ ими претерпѣваемыхъ несчастіяхъ по христіанскому состраданію, тѣмъ болѣе великодушно принимаемъ участіе, что по Нашимъ миролюбивымъ склонностямъ, не имѣемъ ни малѣйшаго желанія и намѣренія распространять Нашу власть и дѣлать новыя завоеванія, и не требуемъ отъ Швеціи ничего кромѣ продолженія добраго согласія и мира, почему, такъ какъ сія бѣдственная война и кровопролитіе должны вопреки Нашего желанія, еще продолжаться и Наше доброжелательство и миролюбивыя склонности не имѣли желаннаго успѣха, отчего Мы и вынуждены снова послать Нашу армію въ предѣлы Финляндіи, то Мы и находимъ теперь нужнымъ о таковыхъ Нашихъ намѣреніяхъ, а также о томъ, что сіи Наши войска посланы туда не для того чтобы завоевывать или занимать что либо, объявить симъ Нашимъ манифестомъ и декларацiей всѣмъ государственнымъ чинамъ и жителямъ Княжества Финляндскаго. А также, доброжелательно представивъ всѣмъ и каждому изъ нихъ собственную пользу и пользу ихъ отечества, твердо и нерушимо обѣщаемъ, что если они во время настоящей войны будутъ держать себя мирно и покойно, не будутъ принимать никакого участія въ военныхъ операціяхъ и во всѣхъ до сего касающихся предпріятіяхъ, не позволятъ употреблять себя для враждебныхъ дѣйствій противу Насъ и Нашихъ войскъ, а также не будутъ помогать чѣмъ бы ни было шведской арміи, но свое намѣреніе жить съ Нами, какъ съ добрыми сосѣдами, въ дружбѣ и согласіи на дѣлѣ ясно докажутъ, то въ такомъ случаѣ помянутымъ государственнымъ чинамъ и жителямъ Княжества Финляндскаго съ Нашей стороны не будетъ причинено ни малѣйшаго вреда, и что всякій не только вполнѣ будетъ продолжать покойно владѣть своимъ движимымъ и недвижимымъ имуществомъ, не будетъ терпѣть какихъ бы ни было притѣсненій, кромѣ того будетъ всячески пользоваться Нашей протекціей, покровительствомъ и защитой, но Мы, сверхъ того, по Нашему искреннему расположенію, и какъ Мы не имѣемъ ни малѣйшаго желанія и намѣренія присвоивать себѣ даже и шагу чужой земли, охотно дозволимъ и всячески содѣйствовать будемъ чтобы помянутое Княжество Финляндское могло достичь своей цѣли, если пожелаетъ освободиться отъ владычества Швеціи, чтобы ему и впредь, какъ въ настоящее время, чрезъ эгоистическіе виды нѣсколькихъ лицъ, не подвергаться опасностямъ губительной войны и первымъ бѣдствіямъ оной. И если оно захочетъ какъ свободное и ни отъ кого не зависящее государство быть подъ собственнымъ, избраннымъ самими Финляндцами правленіемъ, пользуясь всѣми къ тому относящимися правами, привилегіями и льготами, которыя для ихъ собственной пользы и твердаго основанія ихъ независимости будутъ ими признаны нужными и полезными, то Мы имъ, для защиты и охраненія таковыхъ ихъ новыхъ учрежденій, во всѣхъ случаяхъ и когда только встрѣтится нужда, Нашимъ

войскомъ усердно помогать будемъ, посылая имъ его, когда и сколько потребуется; а также и въ прочихъ ихъ просьбахъ, относящихся до всего могущаго содѣйствовать таковымъ ихъ намѣреніямъ, и съ которыми они найдутъ нужнымъ обратиться къ Намъ, обѣщаемъ охотно и съ милостивою благосклонностію помогать и содѣйствовать.

«Такимъ образомъ и чрезъ сіе средство Финляндія, когда она вышеупомянутымъ путемъ будетъ имѣть собственные законы и свой образъ правленія, сдѣлается границею и преградою между русскими и шведскими границами, чрезъ что именно и уничтожатся всѣ безпокойства и опасенія, которыя Швеціи причиняетъ близкое сосѣдство Русскаго Государства; почему и сама сія Корона, по справедливости, и если она дѣйствительно желаетъ впредь сохранять дружбу и доброе согласіе съ Россіею, не можетъ найдти ничего дурнаго въ ономъ предложеніи. Впрочемъ Мы, съ Нашей стороны, для большаго удостовѣренія государственныхъ чиновъ Княжества Финляндскаго въ томъ, что всемилостивѣйше данное Нами имъ обѣщаніе свято соблюдено и исполнено будетъ, готовы завѣрить его самыми формальными удостовѣреніями и положительными доказательствами, какія они только сами пожелаютъ. Но если же, вопреки всѣмъ справедливымъ ожиданіямъ, сіе Наше доброе расположеніе и благое намѣреніе не будетъ съ готовностію принято Княжествомъ Финляндскимъ, и жители онаго, изъ неумѣстнаго упрямства, станутъ при настоящей войнѣ враждебно дѣйствовать противу Насъ и Нашихъ войскъ, и будутъ чѣмъ бы то ни было помогать шведской арміи, то Мы, хотя и противу Нашего желанія и склонности, будемъ вынуждены приказать разорить эту страну огнемъ и мечемъ. О чемъ Мы для надлежащаго свѣдѣнія и руководства всѣхъ и каждаго чрезъ сей Нашъ манифестъ публиковать приказали.

«Данъ въ Москвѣ 18 марта 1742 г.

«Елизавета».

6.

Абоскій увѣрительный актъ и мирный договоръ *).

Іюня 16. Актъ увѣрительный постановляемаго между Россіею и Шведскою Короною вѣчнаго мира, учиненный въ Абовѣ на Конгрессѣ, чрезъ Министровъ Россійскихъ Генералъ-Аншефа Румянцова и Любераса и Шведскихъ Барона Цедеркрейца и Секретаря Нолкена.

Ея Императорскаго Величества Всероссійскаго съѣхавшіеся на нынѣшній мирный конгрессъ, нижеподписавшіеся Полномочные Министры, согласясь, Божіимъ руководствомъ и благословеніемъ, о главныхъ слѣдующихъ артикулахъ, соотвѣтствующихъ будущему мирному формальному трактату, заключаемому между Ея Импера-

*) Полн. Собр. З. Р. И., т. XI, № 8748.

торскимъ Величествомъ Всероссійскимъ съ одной, и Его Величествомъ Королемъ и Короною Шведскою съ другой стороны, объявляемъ, постановляемъ и обнадеживаемъ, по силѣ Нашей полной мочи, симъ увѣрительнымъ актомъ:

1) Да будетъ вѣчный миръ и совершенная дружба между Россіею и Швеціею, чего ради непріятства съ обѣихъ сторонъ да пресѣкутся тотчасъ, какъ шефы и командующіе водою и сухимъ путемъ о подписаніи сего акта извѣстны будутъ, о чемъ имъ немедленно знать дастся.

2) Въ разсужденіи рекомендаціи Ея Величества Государыни Императрицы и Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Всероссійскаго, Государственные Шведскіе Чины изберутъ и декларуютъ Свѣтлѣйшаго Принца Адольфа Фридриха, Администратора Герцогства Голштинскаго, Бискупа Любскаго Наслѣдникомъ престола Шведскаго, какъ скоро возможно по полученіи сего Акта въ Стокгольмѣ. Его Величество и Корона Шведская уступаютъ въ вѣчное и всегдашнее владѣніе Ея Величеству Государынѣ Императрицѣ Всероссійской и Наслѣдникамъ Ея, Провинцію Кюменгорскую, со всѣми рукавами и устьями рѣки Кюмени, инако же именуемая и Кельтисъ, такимъ образомъ, что земли и обыватели отъ послѣдняго устья сей рѣки къ сторонѣ западной, да пребудутъ за Швеціею, а къ странѣ восточной и сѣверной до самыхъ рубежей Таваєтгускихъ и Саволакскихъ за Россіею. Сверхъ же того Швеціи Министры уступаютъ (sub spe rati) Россіи городъ и крѣпость Нейшлотъ, купно съ границею къ западной и сѣверной сторонѣ, состоящею въ двухъ Шведскихъ миляхъ или болѣе, или же меньше, смотря но положенію мѣста и ведя линію отъ помянутыхъ дистанцій двухъ миль, со стороны восточной до Карельскихъ границъ, а съ стороны полуденной до границъ же Кюменегорскихъ.

3) Ея Величество Государыня Императрица Всероссійская возвратитъ безъ умедленія и какъ скоро учиниться можетъ, по дѣйствительномъ выше сего удостовѣренномъ избраніи, и по заключеніи и ратификаціи формальнаго вѣчнаго мира трактата, Его Величеству и Коронѣ Шведской въ вѣчныя и всегдашнія времена изъ нынѣшнихъ своихъ владѣній, въ великомъ Княжествѣ Финляндскомъ Провинціи, а именно: Эстерботинскую, Біорнебургскую, Абовскую, Аландскіе острова, и Провинціи Тавастгузскую и Ниландскую, купно съ принадлежностями ихъ. Всероссійскіе Полномочные Министры уступаютъ еще (sub spe rati) Швеціи часть Кареліи, принадлежащую прежъ сего Швеціи по Нейштадтскому трактату, и Провинцію Саволакскую, окромѣ города и крѣпости Нейшлота, съ границею, въ предъидущемъ артикулѣ изображенною. Его же Императорское Высочество Великій Князь Всероссійскій, въ разсужденіи помянутаго избранія, отъ своихъ претензій отступитъ кои онъ и Домъ Голштинской въ Швеціи имѣютъ, постановляемымъ впредь Актомъ въ подобающей доброй формѣ. А ежели бъ паче всякаго чаянія Швеція для такого избранія обезпокоена нашлась, тогда съ

Россійской стороны, обще съ Швеціею пристойныя мѣры возьмутся то отвратить, яко напредь сего о томъ уже говорено.

4) По подписаніи сего увѣрительнаго акта, продолжено да будетъ трудиться о заключеніи формальнаго мирнаго трактата по поводу Нейштатскаго, предоставя точію границы въ Финляндіи, изображенныя выше сего, и другіе артикулы неприличные нынѣшнимъ обстоятельствамъ, и помянутый трактатъ между Россіею и Швеціею, какъ скоро возможно и безъ наималѣйшаго отлагательства и продолженія времени, окончепъ да будетъ.

Сего Акта два экземпляра равногласящіе сочинены, которыхъ ратификаціи въ двѣ недѣли или прежде, ежели учиниться можетъ, размѣнены да будутъ, и для вящаго увѣренія Мы сей Актъ своеручно подписали и Нашими печатями укрѣпили.

Ратификація Ея Императорскаго Величества, на трактатъ вѣчнаго мира, заключенный съ Его Королевскимъ Величествомъ и Государствомъ Шведскимъ въ Абовѣ.

Божіею поспѣшествующею милостію, Мы Елизавета Первая, Императрица и Самодержица Всероссійская, и проч. и проч. и проч.

Объявляетъ чрезъ сіе. Понеже по счастливопрекращенной войнѣ, и возстановленномъ благополучномъ мирѣ меж у Нами и Нашею Имперіею, съ одной стороны, и Его Королевскимъ Величествомъ, Божіею милостію Пресвѣтлѣйшимъ Державнѣйшимъ Княземъ и Государемъ, Государемъ Фридрихомъ Королемъ Шведскимъ, Готскимъ и Венденскимъ и прочая, и прочая и прочая, Ландграфомъ Гессенскимъ, Княземъ въ Гиршфельдѣ, графомъ въ Каценъ-Элленбогенѣ, Дицѣ, Цигенгейнѣ, Ниддѣ и Шаумбургѣ и прочая, и Шведскимъ Государствомъ, съ другой стороны, Божескимъ благословеніемъ, чрезъ опредѣленныхъ съ обѣихъ сторонъ, на мирномъ конгрессѣ въ Абовѣ, Полномочныхъ Министровъ, и по силѣ данныхъ имъ полныхъ мочей, формальной вѣчнаго мира и дружбы трактатъ договоренъ, соглашенъ и заключенъ, такого содержанія, какъ ниже отъ слова до слова гласитъ:

Во имя Святыя и нераздѣльныя Троицы.

Извѣстно и вѣдомо да будетъ симъ, понеже Ея Императорское Величество Пресвѣтлѣйшая, Державнѣйшая Императрица, Великая Государыня, Государыня Елизавета Первая, Императрица и Самодержица Всероссійская, (полный титулъ) съ одной, и Его Королевское Величество Пресвѣтлѣйшій, Державнѣйшій Король Государь, Государь Фридрихъ Первый, Свѣйскій, Готскій и Венденскій Король, и прочая, и прочая, и прочая, Ландграфъ Гессенскій, Князь Гиршфельдскій, графъ въ Каценъ-Элленбогенѣ Дицѣ, Цигенгейнѣ, Ниддѣ и Шаумбургѣ, и прочая, и прочая, съ другой стороны, по возбужденію Богу благопріятнаго примиренія мыслили, какъ бы послѣ Нейстадтскаго, въ прошломъ 1721 году въ 30 день Августа, заключеннаго мира, происшедшее въ 1741 году между

Россіей и Швецією несогласіе, и потомъ до сего времени продолжавшуюся войну и бывшему кровопролитію окончаніе учинить, и землѣ, разорительное зло, какъ наискоряя прекратить. И тако руководствомъ и благословеніемъ Всевышняго Творца, къ тому пришли, что съ обѣихъ высокихъ странъ уполномоченные Министры опредѣлены, о истинномъ, безопасномъ и на всегдашнія времена постоянномъ мирѣ, и вѣчно пребывающемъ дружелюбномъ обязательствѣ между обѣихъ странъ Государствами, землями, подданными и жительми, купно договариться и оный заключить, а именно: Со стороны Ея Императорскаго Величества Самодержицы Всероссійской, Высокоблагородный Господинъ Александръ Румянцовъ, войскъ Ея Императорскаго Величества Генералъ-Аншефъ, Лейбъ-Гвардіи Преображенскаго полка Подполковникъ, и орденовъ Всероссійскихъ, Святыхъ Апостола Андрея и Александра Невскаго Кавалеръ, и Высокоблагородный Господинъ Іоганъ Людвихъ Поттъ, Баронъ фонъ Люберасъ, войскъ Ея Императорскаго Величества Генералъ-Аншефъ и ордена Александра Невскаго Кавалеръ. А съ страны Его Королевскаго Величества и Государства Свѣйскаго, Высокоблагородный Господинъ Баронъ Германъ фонъ Цедеркрейцъ, Его Королевскаго Величества и Государства Свѣйскаго Совѣтникъ, и Благородный Господинъ Эрикъ Матіасъ фонъ Нолькенъ, Его Королевскаго Величества Статскій Секретарь. Которые Полномочные Министры, по согласію съ обѣихъ сторонъ, къ конгрессу и трактованію въ назначенный и соизволенный городъ Абовъ въ Финляндіи съѣхались, и по умоленіи о помощи Божіей, и по объявленнымъ, и, одну противъ другой, обыкновеннымъ образомъ размѣняннымъ полномочіямъ, оное полезное дѣло купно предвосціяли, и по трактованіи, Всевысшаго милостію, о слѣдующемъ всегда пребываемомъ вѣчномъ заключеніи мира, именемъ обѣихъ высокихъ странъ, и за нихъ договорились и согласились.

1. Имѣть отнынѣ непрестанно пребываемый миръ, вѣчный, истинный и ненарушимый на землѣ и на водѣ, такожде истинное согласіе и ненарушимое вѣчное обязательство дружбы быть и пребывать между Ея Императорскимъ Величествомъ, Пресвѣтлѣйшею, Державнѣйшею Императрицею, и Великою Государынею, Государынею Елизаветою Первою, Императрицею и Самодержицею Всероссійской и проч., и проч., и проч., Ея Императорскаго Величества Наслѣдниками и послѣдователями Всероссійскаго Императорскаго престола, и всѣми оной землями, городами, Государствами и областьми, вассалами, подданными и жителями, съ одной и Его Королевскимъ Величествомъ Свѣйскимъ, Пресвѣтлѣйшимъ Державнѣйшимъ Королемъ Государемъ, Государемъ Фридрихомъ Первымъ, Свѣйскимъ, Готскимъ и Венденскимъ Королемъ, и проч., и прочая, и прочая, и Королевствомъ Свѣйскимъ, и Его Королевскаго Величества Наслѣдниками и послѣдователями Свѣйскаго престола, и онаго, такъ въ Римской Имперіи, какъ внѣ оной лежащими Областьми, Провинціями, землями, городами, вассалами, подданными,

обывателями, съ другой стороны; такъ, что впредь обѣ высокія договаривающіяся страны, не токмо одна другой ничего непріятнаго, или противнаго, хотя тайно, или явно, прямымъ, или постороннимъ образомъ, чрезъ своихъ, или иныхъ, чинить, наименьше одинъ другаго непріятелямъ, подъ какимъ бы именемъ ни было, помощи не чинить же, или съ ними въ союзы, которые сему миру противны быть могутъ, не вступать; но паче, буде съ какой Державою такіе имѣются, отъ оныхъ немедленно весьма отстать, и вмѣсто того, вѣрную дружбу и сосѣдство и истинный миръ между собою содержать, одинъ другаго честь, пользу и безопасность вѣрно охранять и поспѣшествовать убытокъ и вредъ, елико имъ возможно по крайней силѣ остерегать и отвращать хотятъ; и имѣютъ, дабы возстановленный миръ и постоянная тишина, къ пользѣ и приращенію обѣихъ Государствъ и подданныхъ ненарушимо содержаны были. Чего ради обои высокодоговаривающіеся страны, по совершенномъ окончаніи сего мирнаго трактата, о ближайшихъ межъ собою обязательствахъ, немедленно помышлять будутъ.

2. Имѣетъ еще съ обѣихъ странъ генеральная амнистія и вѣчное забвеніе всего того быть, что во время продолжающейся сея войны, съ одной или другой страны, непріятельскаго или противнаго, хотя оружіемъ, или инако, предвоспріято, произведено и учинено, такъ чтобъ никогда о томъ болѣе упомянуто не было, наименьше же, чтобъ кто въ которое нибудь время то зломъ мстилъ; и имѣютъ особливо всѣ и каждые высокаго и низкаго чина подданные или чужестранные, какого народа они бъ ни были, которые во время сея войны, у одной которой партіи службу приняли, присягу учинили, или противъ другой непріятельски поступали, (окромѣ тѣхъ Россійскихъ казаковъ, и дѣтей ихъ, которые Свѣйскимъ оружіямъ слѣдовали) въ сію генеральную амнистію всемѣрно внесены и включены быть тако, и таковымъ образомъ, что всѣмъ обще, и каждому особливо, тотъ ихъ поступокъ, никакимъ образомъ впредь не имѣетъ причтенъ быть, наименьше же имъ ради того нималѣйшее оскорбленіе причинено, но права ихъ и справедливости, имъ принадлежащія, оставлены и возвращены будутъ.

3. Понеже о пресѣченіи съ обѣихъ странъ всѣхъ непріятельствъ, какъ во всемъ здѣшнемъ великомъ Княжествѣ Финляндскомъ, такъ и при обрѣтающихся на морѣ флотахъ, уже предидуще, до сочиненія сего главнаго трактата, соглашенось; и ради того оное прекращеніе непріятельствъ, и на всѣ прочія мѣста и края, принадлежащія обѣимъ странамъ, симъ наиобязательнѣйшимъ образомъ подтверждается, и оныя всѣ и каждыя непріятельства, вѣчно пресѣчены и отставлены быть и пребывать имѣютъ. И договоренось, о совершенномъ постановленіи вѣчнаго мира, немедленно, по размѣнѣ на сей трактатъ ратификацій, объявленіе повсюды учинить. А ежели между тѣмъ, по невѣденію о семъ мирѣ, гдѣ нибудь, на водѣ или на землѣ, какія непріятельства, какого званія оныя бы ни были, учинены, то оное, настоящему

заключенію сего трактата, нимало предосудительно быть не можетъ; но то, что иногда изъ людей и имѣнія взято и увезено, безспорно возвращено и назадъ отдано быть имѣетъ.

4. Его Королевское Величество Свѣйское, наиторжественнѣйше симъ вновь за себя, и Наслѣдниковъ Своихъ и послѣдователей Свѣйскаго престола и Королевство Свѣйское, подтверждаютъ, Ея Императорскому Величеству Елизаветѣ Первой, Императрицѣ и Самодержицѣ Всероссійской, и Ея Наслѣдникамъ и послѣдователямъ Россійскаго Императорскаго Престола, въ совершенное непрекословное вѣчное владѣніе и собственность, учиненное отъ Свѣйской Короны, и въ прошломъ 1721 году въ 30 день Августа, Всероссійской Имперіи, по четвертому артикулу Нейстатскаго трактата, вѣчное уступленіе Провинцій, а именно: Эстляндію, Лифляндію, Ингерманландію и тое часть Кореліи съ дистриктомъ Выборскаго лена, которыя въ осьмомъ артикулѣ Нейстатскаго трактата описаны, съ городами и крѣпостями Ригою, Дюнаминдомъ, Перновою, Ревелемъ, Дерптомъ, Нарвою, Выборгомъ, Кексгольмомъ и всѣми прочими къ помянутымъ Провинціямъ надлежащими городами, крѣпостями, гаванями, мѣстами, дистриктами, берегами, съ островами Эзель, Даго и Меномъ, и всѣми другими отъ Курляндской границы по Эстляндскимъ, Лифляндскимъ и Ингерманландскимъ берегамъ, и на сторонѣ Востока, отъ Ревеля въ фарватерѣ къ Выборгу, на сторонѣ Юга и Востока лежащими островами, со всѣми, такъ на сихъ островахъ, какъ въ вышепомянутыхъ Провинціяхъ, городахъ и мѣстахъ, обрѣтающимися жителями и поселеніями, и генерально со всѣми принадлежностьми, и что къ онымъ зависитъ, высочествами, правами и прибытками, во всемъ, ничего въ томъ не исключая, и какъ оными Корона Свѣйская владѣла, пользовалась и употребляла: и Его Королевское Величество отступаетъ и отрицается вновь, симъ наиобязательнѣйшимъ образомъ, какъ то учиниться можетъ, вѣчно, за Себя, Наслѣдниковъ Своихъ и послѣдователей, и все Королевство Свѣйское, отъ всякихъ правъ, запросовъ и притязаній, которыя Его Королевское Величество и Государство Свѣйское, на всѣ вышепомянутыя Провинціи, острова, земли и мѣста до того 1721 года имѣли, и тогда имѣть могли; такъ и таковымъ образомъ, что въ вѣчныя времена, Его Королевское Величество и Государство Свѣйское, подъ какимъ предлогомъ то бъ ни было, въ нихъ вступаться, ниже оныхъ назадъ требовать, не могутъ и не имѣютъ; но оныя, какъ уже были Всероссійскому Имперіуму присовокуплены, такъ и впредь вѣчно оному присоединены пребывать имѣютъ. И обязуется Его Королевское Величество, за Себя, Своихъ Наслѣдниковъ и послѣдователей и Государство Свѣйское, симъ, и обѣщаютъ, Ея Императорское Величество, и Ея Наслѣдниковъ и послѣдователей Всероссійскаго Императорскаго престола, при спокойномъ владѣніи, всѣхъ оныхъ, во всякія времена сильнѣйше оставить и содержать.

5. Его Королевское Величество Свѣйское, также симъ и си-

лою сего, за Себя, Наслѣдниковъ Своихъ и послѣдователей Свѣйскаго престола и Государство Свѣйское уступаетъ Ея Императорскому Величеству и Наслѣдникамъ Ея и послѣдователямъ Всероссійскаго Императорскаго Престола, въ совершенное, непрекословное вѣчное владѣніе и собственность, въ сей войнѣ, чрезъ Ея Императорскаго Величества оружіе, завоеванную изъ великаго Княжества Финляндскаго Провинцію Кюменегоръ, съ находящимися въ оной городами и крѣпостями Фридрихсгамъ и Вильманстрандъ и сверхъ того тоя часть Кирхшпиля Пюттиса, по ту сторону и къ Востоку, послѣдняго рукава рѣки Кимени или Келтиса обстоящую, который рукавъ межъ большимъ и малымъ Аборфорсомъ течетъ, а изъ Саволакской провинціи городъ и крѣпость Нейшлотъ съ дистриктомъ, каковъ въ послѣдующемъ артикулѣ разграниченія описанъ будетъ, и всѣми прочими въ помянутой Кюменегорской провинціи и Нейшлотскому дистрикту, также и помянутой части Кирхшпиля Пюттиса, даже до вышепомянутаго послѣдняго рукава, надлежащими гаванями, мѣстами, дистриктами, берегами и всѣми, отъ устья онаго рукава къ фарватеру на Югъ и Востокъ лежащими островами, со всѣми, такъ на сихъ островахъ, какъ въ вышепомянутой провинціи, городахъ и мѣстахъ обрѣтающимися, и принадлежащими жителями и поселеніями, генерально со всѣми принадлежностями, и что къ онымъ зависитъ высочествами, правами и прибытками во всемъ, ничего въ томъ не исключая, какъ оными Корона Свѣйская владѣла, пользовалась и употребляла, и Его Королевское Величество отступаетъ и отрицается, симъ наиобязательнѣйшимъ образомъ, какъ то учиниться можетъ, вѣчно за Себя, Своихъ Наслѣдниковъ и послѣдователей Свѣйскаго престола, и все Государство Свѣйское отъ всякихъ правъ, запросовъ и притязаній, которыя Его Королевское Величество и Государство Свѣйское, на вышепомянутую провинцію, города, земли, мѣста и острова такожъ и на вышерѣченную часть Кирхшпиля Пюттиса, и городъ и крѣпость Нейшлотъ съ назначеннымъ къ оному дистриктомъ, до сего времени имѣли и имѣть могли, якоже всѣ жители оныхъ отъ присяги и должности ихъ, которыми они Его Королевскому Величеству и Свѣйскому Государству обязаны были, по силѣ сего весьма увольнены и разрѣшены, и ко Всероссійской Имперіи вѣчно присоединены быть и пребывать имѣютъ, такъ и такимъ образомъ, какъ въ предъидущемъ артикулѣ уступленныя по Нейстатскому трактату провинціи, города, земли, мѣста, берега, острова и гавани съ подданными вассалами и жителями Всероссійской Имперіи наивсегдашнія времена присовокуплены и присоединены, и Его Королевское Величество и Государство Свѣйское обязуются симъ и обѣщаютъ, подъ какимъ предлогомъ то бъ ни было, никогда въ нихъ вступаться, ниже оныхъ назадъ требовать, но при спокойномъ всѣхъ оныхъ владѣніи, Ея Императорское Величество, Ея Наслѣдниковъ и послѣдователей Всероссійскаго Императорскаго престола, во всякія времена сильнѣйше содержать, и оставить, та-

кожде всѣ документы и письма, которыя до сихъ земель особливо касаются пріисканы, и сколько изъ оныхъ найдено быть можетъ, Ея Императорскаго Величества къ тому уполномоченнымъ вѣрно отданы быть имѣютъ.

6. Напротивъ того же, Ея Императорское Величество Всероссійское обѣщаетъ въ четыре недѣли, по размѣнѣ ратификацій о семъ мирномъ трактатѣ, или прежде, ежели возможно Его Королевскому Величеству и Государству Свѣйскому возвратить и испражнить изъ нынѣшнихъ своихъ владѣній въ Великомъ Княжествѣ Финляндскомъ взятыя провинціи Эстерботинскую, Бюрнебургскую, Абовскую, Аландскіе острова и провинціи Тавастгузскую и Нюляндскую, съ тою частію Кирхшпиля Пюттиса, которыя по сю сторону на Западъ послѣдняго рукава Кимени или Келтисъ рѣки обстоятъ, такъ какъ сей рукавъ въ предъидущемъ пятомъ артикулѣ описанъ купно со всѣми ихъ принадлежностями, такожъ той часть Кореліи или Кексгольмскаго Лена, по Нейстатскому трактату Швеціи принадлежавшую, и провинцію Саволакскую, окромѣ города и крѣпости Нейшлота съ границею, въ послѣдующемъ артикулѣ разграниченія описанную, такъ и такимъ образомъ, что Ея Императорское Величество, Ея Наслѣдники и послѣдователи Всероссійскаго Императорскаго престола, на сіи нынѣ возвращенныя провинціи Великаго Княжества Финляндскаго, никакого права, ниже запросу, подъ какимъ бы видомъ и именемъ то ни было, во вѣки имѣть не будутъ, ниже чинить могутъ; якоже всѣ оныхъ жители отъ присяги и должности, которыми они Ея Императорскому Величеству и Наслѣдникамъ Всероссійской Имперіи обязаны были, силою сего весьма увольнены и разрѣшены.

7. И понеже съ обѣихъ странъ истинное и ревностное намѣреніе имѣютъ истинный и постоянный миръ учинить, и для того весьма потребно есть, чтобъ границы между обоими государствами и землями такимъ образомъ опредѣлены и учреждены были, чтобъ ни которая страна другой никакого подозрѣнія подать, но паче каждая тѣмъ, что за оною чрезъ сей миръ останется въ пожеланномъ покоѣ и безопасности владѣть и пользоваться могла; того ради между обоими высокими договаривающимися странами симъ соизволено и договорено, что отъ сего числа и въ вѣчныя времена между Россіею и Швеціею границы слѣдующія быть и остаться имѣютъ, а именно: начинается оная у Сѣвернаго берега Синуса Финскаго при устьѣ послѣдняго Западнаго рукава Кюмени или Келтисъ рѣки, который рукавъ между мызою большаго Аборфорса и деревнею малаго Аборфорса въ море впадаетъ, и слѣдуя отъ устья по сему послѣднему рукаву вверхъ, даже до того мѣста, гдѣ оный рукавъ изъ рѣки Кюмени или Келтисъ начинается, такъ что всѣ рукава и устья Кимени или Келтисъ рѣки къ морю въ оную границу включаются, и все что къ Восточной и Южной странѣ рѣки Кимени или Келтиса, и вышепомянутаго послѣдняго рукава обстоитъ, Всероссійской Имперіи, а что къ Западной и Сѣверной

странѣ обстоитъ Королевству Свѣйскому принадлежать будетъ, и послѣдуетъ сія граница вдоль Кимени или Келтисъ рѣки до того мѣста, гдѣ оныя рѣки съ Тавастгузскою границею соединяются, откуда по обыкновенной границѣ, какъ оная межъ Тавастгузскою и Кюменегорскою провинціями имѣется, слѣдуетъ даже до того мѣста, гдѣ Тавастгузская и Саволакская граница вмѣстѣ съ Кюменегорскою соединяется, а оттуда простирается сія граница на Востокъ, вдоль обыкновенной границы, раздѣляющей Кюменегорской и Саволакской Лены, даже до того мѣста, гдѣ въ Западной странѣ располагаемая отъ Нейшлота новая граничная линія, (которая того для напередъ вымѣрена быть имѣетъ) со обыкновенною Кюменегорскою границею сомкнется, и продолжается помянутая граница оттуда въ такой новой линіи на Сѣверъ, таковымъ образомъ, когда Нейшлотъ отъ нея прямо къ Востоку лежать будетъ, оная оттуда двѣ шведскихъ миль, или болѣе, или же меньше удалится, смотря по натуральному положенію для толь удобнѣйшаго разграниченія, потомъ слѣдуетъ сія граница далѣе на Сѣверъ еще Шведскихъ двѣ мили, или болѣе, или же меньше, такожъ по положенію мѣстъ, и обратится оттуда къ Востоку, въ которую сторону столько продолжается, пока крѣпость Нейшлотъ въ дистанціи двухъ миль отъ такой граничной линіи на Югъ станетъ, и здѣсь твердой пограничной пунктъ установленъ будетъ, отъ коего граница, на примѣръ на Зюйдостъ поворотится, даже до того пункта, гдѣ граница межъ Саволаксіею и Свѣйскою Кореліею, съ постановленною Нейштатскимъ миромъ границею Россійской и Свѣйской Кореліи совокупляется; при томъ же въ семъ произвожденіи границы генерально договоренось, что всѣ рѣки и потоки сей Государственной границы, предѣлы пологаемые настояще, пополамъ раздѣлены быть имѣютъ, а къ Кореліи или Свѣйской части Кексгольмскаго Лена отъ того мѣста, гдѣ вышепомянутая новая граница дистрикта около Нейшлота, съ прежнею по Нейштатскому миру учиненною границею соединяется; такожъ и въ Лапмаркахъ граница между обоими государствами весьма такъ остаться имѣетъ, какъ оная до сего времени по вышепомянутому Нейстадскому трактату учреждена была, и Ея Императорское Величество за Себя, Своихъ Наслѣдниковъ и послѣдователей Всероссійскаго Императорскаго престола наиобязательнѣйшимъ образомъ утверждаетъ и возобновляетъ уступленіе Нейстадскимъ мирнымъ трактатомъ, учиненное Его Королевскому Величеству и Государству Свѣйскому, тоя части Кореліи, инако части Кексгольмскаго Лена именуемой, которая въ старыя времена Всероссійской Имперіи принадлежала, такъ что сей части Кореліи или Кексгольмскаго Лена, ни въ какое время, подъ какимъ бы видомъ то ни было, назадъ требовать не хощетъ и не можетъ, но имѣетъ оная Свѣйскимъ землямъ, какъ прежъ сего была, такъ и впредь и въ вѣчныя времена присовокуплена быть и пребываетъ. Еще же договоренось, что тотчасъ по воспослѣдованіи ратификаціи сего главнаго трак-

тата съ обоихъ сторонъ коммиссары назначены быть имѣютъ, для учиненія и раздѣленія сего разграниченія, такимъ способомъ и образомъ, какъ выше описано, которымъ коммиссарамъ такожде по взаимному произволу вольно и свободно будетъ земли партикулярныхъ людей и подданныхъ, кои сею новою границею пересѣчены наидутся, при разграниченіи по удобности участіе имѣющихъ, на ровную съ другой страны часть обмѣнивать.

8. Въ уступленныхъ, какъ напредь сего Нейштадскимъ, такъ и нынѣшнимъ мирнымъ трактатомъ, земляхъ, не имѣетъ никакое принужденіе въ совѣсти введено быть, но паче Евангелическая вѣра, кирки и школы, и что къ тому пренадлежитъ, на такомъ основаніи, на какомъ при послѣднемъ Свѣйскомъ Правительствѣ были оставлены, и содержаны будутъ, однакожъ въ оныхъ и вѣра Греческаго исповѣданія, впредь, такожъ свободно и безъ всякаго помѣшательства отправляема быть можетъ и имѣетъ.

9. Ея Императорское Величество Всероссійское, обѣщаетъ при томъ, что какъ всѣ жители прежде присовокупленныхъ по Нейстадскому миру ко Всероссійской Имперіи, Провинціи Эстляндія, Лифляндія и острова Эзеля, такъ и вновь пріобрѣтенной Кюменегорской провинціи города и крѣпости Нейшлота съ дистриктомъ принадлежащія обыватели Шляхетные и не Шляхетные, и въ тѣхъ Провинціяхъ обрѣтающіеся городы, Магистраты, цѣхи и цунфты, при ихъ подъ Свѣйскимъ Правленіемъ имѣвшихъ привиллегіяхъ, обыкновеніяхъ, правахъ и справедливостяхъ, постоянно и непоколебимо содержаны и защищены будутъ.

10. И понеже въ прежнія времена, учиненная Королевко-Свѣйскими о редукціи и ликвидаціи, и тѣмъ подобными Коммиссіями отписка, и секвестрація маетностей въ Герцогствахъ Эстляндскомъ, Лифляндскомъ и въ Провинціи Эзелѣ, по силѣ 11 артикула Нейштадскаго мира весьма оставлена. Того ради сіе и наивсегда при томъ остаться имѣетъ, и помѣщики, которымъ по помянутому 11 артикулу, такія маетности, дѣйствительно возвращены и очищены, такожъ ихъ наслѣдники и наслѣдопреемники, при собственномъ безпрепятственномъ оными владѣніи, пользованіи, и диспозиціи во всѣ времена защищены и содержаны будутъ, и съ наслѣдствами и другими притязаніями, которые подданные обоихъ Высокихъ договаривающихся Государствъ въ земляхъ, одной или другой страны справедливо имѣютъ, и имѣть могутъ, по содержанію 12 артикула Нейстадскаго трактата пребывать имѣетъ, а жители и подданные нынѣшнимъ мирнымъ трактатомъ, Ея Императорскому Величеству вѣчно уступленныхъ земель и городовъ, какогобъ чина оные ни были, имѣютъ; такожде въ разсужденіи своихъ маетностей, правъ и другихъ обстоятельствъ, всѣмъ тѣмъ при случаемыхъ окказіяхъ пользоваться, что жителямъ уступленныхъ Нейстадскимъ миромъ Россіи Провинцій тогда договоренось и постановлено; чего ради 11 и 12 артикулы Нейстадскаго мира, симъ такъ подтверждаются, якобы оные обои артикулы, для обывателей и подданныхъ нынѣ

уступленныхъ земель и городовъ, отъ слова до слова нарочно сочинены были.

11. Въ Великомъ Княженіи Финляндскомъ, которое Ея Императорское Величество, по силѣ предшествующаго артикула, Его Королевскому Величеству и Государству Свѣйскому возвращаетъ, имѣютъ отъ числа подписанія сего мирнаго договора, всѣ денежныя контрибуціи весьма оставлены быть; и хотя по установленному военному обычаю, сей землѣ надлежало бы Армію Ея Императорскаго Величества потребнымъ провіантомъ снабдѣвать, однакожь Ея Императорское Величество, для облегченія обывателей оной имъ равно какъ понынѣ учинено, такъ и впредь упускать соизволяетъ, а фуражъ войскамъ до совершеннаго испражненія, на томъ основаніи, какъ до сего числа учреждено было, безденежно сполна даваемо быть имѣетъ, такожъ и войскамъ подъ жестокимъ наказаніемъ запрещено быть имѣетъ при ихъ выходѣ, какихъ служителей изъ Финской націи противъ ихъ воли, а весьма никакихъ Финскихъ крестьянъ, оттуда съ собой выводить, или имъ хотя малое какое насильство, или обиду чинить, сверхъ того имѣютъ всѣ крѣпости и замки въ Великомъ Княженіи Финляндскомъ, въ томъ состояніи, въ которомъ они нынѣ обрѣтаются, оставлены быть; однакожъ Ея Императорскому Величеству, свободно будетъ, при испражненіи помянутой земли и мѣстъ, все большое и мелкое оружіе и ко оному принадлежащую аммуницію, магазины и иные воинскіе припасы, какое бъ имя ни имѣли, и Ея Императорское Величество туда привезти указала, съ собою взять, такожъ для вывозу всего того и багажу армейскаго имѣютъ потребные подводы и телѣги до границъ отъ жителей безспорно и безденежно даны быть; а ежели въ назначенное ко испражненію время, все то вывезено быть не можетъ, но изъ того нѣкоторая часть до времени оставлена будетъ, то имѣетъ оное все въ добромъ охраненіи остаться; а потомъ всегда во всякое время, въ которое не пожелаютъ, тѣмъ, которые отъ страны Ея Императорскаго Величества присланы будутъ, безспорно отдано, и какъ прежнее до границъ вывезено быть имѣетъ. Ежели же отъ Ея Императорскаго Величества войскъ, какіе документы и письма, которые до сего Великаго Княжества Финляндскаго касаются, найдены, и либо изъ земли вывезены, то изволитъ Ея Императорское Величество оныя, сколь возможно пріискивать, и что изъ нихъ найдется Его Королевскаго Величества Свѣйскаго, къ тому уполномоченнымъ вѣрно назадъ отдать повелѣть.

12. Съ обѣихъ странъ военные плѣнники какой бы націи чина и званія ни были, имѣютъ тотчасъ по воспослѣдованной ратификаціи сего мирнаго трактата, безъ всякаго выкупа; однакожъ, когда всякой напередъ либо во учиненныхъ какихъ долгахъ или раздѣлку учинитъ или въ платежѣ оныхъ довольственную и справедливую поруку дастъ, изъ плѣна освобождены, на совершенную свободу выпущены, и съ обѣихъ странъ безъ всякаго задержанія

и въ нѣкоторое уреченное по растоянію мѣстъ, гдѣ оные плѣнники нынѣ обрѣтаются, пропорціональное время до границъ, съ надлежащими подводами безденежно по возможности выпроваждены быть, а тѣ которые у одной, или другой страны какую либо службу приняли, или инако въ земляхъ одной или другой страны остаться намѣрены будутъ, въ томъ безъ изъятія всякую свободу и совершенную мочь имѣть; сіе же разумѣется и о всѣхъ, во время сея войны въ здѣшнемъ Великомъ Княжествѣ навербованныхъ и взятыхъ людяхъ, которые такожъ по своему произволу остаться, или въ домы свои свободно и безъ помѣшательства возвратиться могутъ и имѣютъ, окромѣ тѣхъ, которые по своему желанію вѣру Греческаго исповѣданія приняли, которые на сторонѣ Ея Императорскаго Величества остаться имѣютъ; для чего обѣ Высокодоговаривающіяся страны въ своихъ земляхъ публичными указами о семъ публиковать и объявить изволятъ. Его Королевское Величество обѣщаетъ за себя и Государство Свѣйское, притомъ, что совершенная свобода дана быть имѣетъ прежнимъ обывателямъ и подданнымъ городовъ Фридрихсгама, Вилманстранда и Нейшлота съ дистриктомъ, такожъ и всея Кюменегорской Провинціи, кои при начатіи и продолженіи войны, оставя домы свои, въ Швецію, или въ иныя Великаго Княжества Финляндскаго, нынѣ возвращенныя Провинціи уѣхали, какого-бъ кто состоянія ни былъ, всѣмъ безпрепятственно на тѣ ихъ прежнія жилища въ домы возвратиться.

13. Ея Императорское Величество Всероссійское дозволяетъ, что Его Королевскому Величеству Свѣйскому, въ вѣчныя времена свободно быть имѣетъ, въ портахъ Ея Императорскаго Величества Балтійскаго моря и Финскаго Синуса, ежегодно на 50,000 рублей хлѣба покупать повелѣть, который по учиненному засвидѣтельствованію, что оный, или на Его Королевскаго Величества счетъ, или Свѣйскими отъ Его Королевскаго Величества, къ тому именно уполномоченными подданными закупленъ, не платя ни какихъ пошлинъ, или иныхъ налоговъ, въ Швецію свободно вывезенъ быть имѣетъ, что однако же не о тѣхъ лѣтахъ разумѣтися имѣетъ, въ которыя за недородомъ, или иными важными причинами Ея Императорское Величество принуждено будетъ, вывозъ хлѣба генерально всѣмъ націямъ запретить.

14. Коммерціи имѣютъ свободно и безпомѣшательно между Всероссійскою Имперіею и Свѣйскимъ Государствомъ, и къ онымъ принадлежащими землями, подданными и жителями какъ на землѣ, такъ и водою учреждены, и коль скоро возможно чрезъ особливый трактатъ къ пользѣ обоихъ Государствъ утверждены быть, а между тѣмъ могутъ обои Россійскіе и Свѣйскіе подданные, тотчасъ по ратификаціи сего мира въ обоихъ Государствахъ и земляхъ, съ платежемъ въ каждомъ Государствѣ обыкновенныя пошлины, и прочія установленныя права всякими товарами свои торги свободно и невозбранно отправлять, и имѣютъ Россійскіе подданные въ Государствѣ и земляхъ Его Королевскаго Величества Свѣйскаго, и

напротивъ того Свѣйскіе подданные въ Имперіи и земляхъ Ея Императорскаго Величества, таковыя привиллегіи и пользы въ своемъ купечествѣ получать, какія дружебнѣйшимъ народамъ въ оныхъ позволены.

15. Торговые домы, которые Ея Императорскаго Величества подданные прежде сего въ Королевствѣ Свѣйскомъ и другихъ Свѣйскихъ земляхъ имѣли, по воспослѣдованіи мира, не токмо немедленно такъ, какъ оные напередъ сего за ними были, и они ими пользовались, имъ паки возвращены и очищены быть имѣютъ, но и сверхъ того еще имъ позволено будетъ, такожъ, и въ другихъ Государства Свѣйскаго городахъ и гаваняхъ, гдѣ они того пожелаютъ, таковые торговые домы себѣ получать и учреждать, якоже и Свѣйскіе подданные оные торговые домы, которые прежде сего въ нѣкоторыхъ Ея Императорскому Величеству принадлежащихъ земляхъ имѣли, равномѣрно немедленно по воспослѣдованіи мира, какъ оные напредь сего за ними были, и они ими пользовались, паки имъ возвращены и очищены, и имъ свободно быть имѣетъ, во уступленныхъ какъ по Нейстатскому миру, такъ и симъ трактатомъ городахъ и гаваняхъ, такіе жъ торговые домы себѣ получить и учреждать.

16. Ежели Свѣйскіе военные или купеческіе корабли, отъ штурма, погоды и иныхъ случаевъ, при берегахъ и морскихъ краяхъ Всероссійской Имперіи, и ко оному принадлежащими землями, на мѣль попадутъ или потонутъ, то имѣетъ отъ Ея Императорскаго Величества подданныхъ въ той нуждѣ сущимъ всякое вѣрное истинное вспоможеніе показано, люди и товары по всякой возможности спасены и вынимаемы, и что изъ товаровъ на берегъ выброситъ, во время одного года требующимъ хозяевамъ за нѣкоторое пристойное воздаяніе вѣрно назадъ отданы быть, таковымъ же образомъ имѣетъ и Свѣйской стороны съ Россійскими разбитыми кораблями и товарами содержано и поступлено быть; и хотятъ обѣ Высокія договаривающіяся страны о томъ стараніе прилагать, дабы чрезъ крѣпчайшее запрещеніе и грабежъ при таковыхъ случаяхъ уняты и удержаны были.

17. Дабы також де всякіе случаи на морѣ, которые къ какому несогласію между обоими Высокими договаривающимися странами поводъ подать могутъ, сколько возможно отвращены и предостережены быть могли. Того ради симъ постановлено и соглашенось, что когда Свѣйскіе военные корабли одинъ, или болѣе числомъ большіе или малые, Ея Императорскому Величеству принадлежащую крѣпость впредь проходить будутъ, то оные должны будутъ Свѣйскій лозунгъ стрѣлять, на что оному тотчасъ Россійскимъ лозунгомъ съ крѣпости взаимно поздравлено будетъ; равнымъ же образомъ имѣютъ, такожде Россійскіе военные корабли, одинъ или болѣе числомъ, когда оные мимо Его Королевскаго Величества принадлежащей крѣпости пойдутъ, Россійскій лозунгъ стрѣлять, и такожде Свѣйскимъ лозунгомъ съ крѣпости взаимно поздравлены будутъ; въ

прочемъ обои Высокодоговаривающіяся страны немедленно, и какъ наискорѣе возможно, особливою конвенціею договорятся, и постановятъ, какимъ образомъ въ таковыхъ случаяхъ, когда Россійскіе и Свѣйскіе корабли другъ друга на морѣ, въ гавани, или индѣ гдѣ встрѣтятъ, или на какомъ мѣстѣ застанутъ, поздравлено быть имѣетъ; а между тѣмъ для предупрежденія всякихъ непорядковъ симъ соглашенось, что до того времени въ вышепомянутыхъ случаяхъ отъ военныхъ обоихъ странъ кораблей салютація чинена быть не имѣетъ.

18. Понеже въ прежнія времена между обоими дворами въ употребленіе бывшее безденежно содержаніе пословъ Нейстадскимъ трактатомъ отставлено. Того ради постановленный о томъ въ ономъ трактатѣ двадесятый артикулъ симъ такъ подтверждается, якобы оный отъ слова до слова здѣсь внесенъ былъ.

19. И хотябъ, впредь между обоими Государствами и подданными какія ссоры и несогласія произошли, то однакожъ имѣетъ сіе заключеніе вѣчнаго мира въ совершенной силѣ и дѣйствіи пребыть; а ссоры и несогласія чрезъ назначенныхъ къ тому съ обоихъ странъ коммисаровъ немедленно изслѣдованы, и по справедливости окончены и успокоены быть.

20. Имѣютъ такожде отъ сего числа, всѣ тѣ, которые по воспослѣдованной ратификаціи сего мира, для учиненной измѣны, убійства, воровства, и иныхъ причинъ, или вовсе безъ причины отъ Россійской къ Свѣйской, или Свѣйской къ Россійской странѣ одни, или съ женами и дѣтьми перейдутъ, когда они отъ той страны, отъ которой они сбѣжали, назадъ требованы будутъ, какой бы націи они ни были, и въ такомъ состояніи, какъ они пришли съ женами и дѣтьми, и со всѣмъ тѣмъ, что они изъ краденыхъ или пограбленныхъ пожитковъ привезли, безспорно выданы и назадъ отданы быть.

21. Ратификація о семъ мирномъ инструментѣ имѣютъ во время трехъ недѣль, считая отъ подписанія, и прежде, ежели возможно, получены, и здѣсь въ Абовѣ одна противъ другой размѣнены быть; во утвержденіе всего того сего мирнаго трактата, два единогласные экземпляра сочинены, и, съ обоихъ странъ отъ Полномочныхъ Министровъ, по силѣ имѣющей полной мочи, собственноручно подписаны, ихъ печатьми утверждены, и одинъ противъ другаго размѣнены. Еже учинено въ Абовѣ въ седьмый день Августа, въ лѣто Господне, тысяча седмьсотъ четыредесять третіе.

Того ради Мы, вышеписанный вѣчный мирный трактатъ во всѣхъ, и каждыхъ артикулахъ и клаузулахъ, и во всемъ его содержаніи совершенно за благо приняли, апробовали и ратификовали, яко Мы оной чрезъ сіе, и силою сего наилучшимъ и торжественнѣйшимъ образомъ за благо принимаемъ, апробуемъ и ратификуемъ, Императорскимъ Нашимъ словомъ за Насъ, и Наслѣдниковъ Нашихъ Всероссійской Имперіи, обѣщая, что Мы, все и каждое, еже въ семъ трактатѣ изображено, и именемъ Нашимъ обѣщано, не токмо

вѣрно и ненарушимо всегда содержать и исполнять, но чтобы оному какимъ либо образомъ противно поступлено было, никогда не допустить хощемъ. Во увѣреніе и свидѣтельство того Мы сіе собственною рукою подписали, и Государственную свою большую печать къ оной привязать велѣли. Еже учинено въ Санктпетербургѣ Августа 19-го дня 1743 года, Государствованія Нашего втораго года.

Оныя ратификаціи размѣнены чрезъ обѣихъ странъ Полномочныхъ Министровъ на Конгрессѣ въ Абовѣ, въ 27 день Августа сего 1743 г.

---

7. Отношеніе родства Екатерины II и Густава III.

Гольштинскій домъ.

Фридрихъ († 1659).

Христіанъ-Альбрехтъ († 1795).

Фридрихъ IV, герцогъ († 1702 убитъ при Клиссовѣ). Супруга *Гедвига*, сестра Карла XII.

Христіанъ-Августъ администраторъ Гольштиніи во время малолѣт. племянника Карла-Фридриха († 1726).

Карлъ-Фридрихъ († 1739), супругъ *Анны Петровны*, дочери Петра Великаго.

Карлъ-Августъ († 1 іюня 1727, въ Петербургѣ), женихъ *Елизаветы Петровны*.

Адольфъ - Фридрихъ избранъ по настояніямъ Елизаветы на шведскій престолъ въ 1743 г. († 1771). Супруга *Луиза-Ульрика* сестра Фридриха Великаго († 1782).

Іоанна - Елизавета (супруга Христіана-Августа Ангальтъ-Цербскаго. *Она* (1712†1760). Онъ (1690 † 1747).

Петръ III, съ 7-го ноября 1742 г. наслѣдникъ русскаго престола. Супруга *Екатерина II* († 1796).

Густавъ III, король Швеціи († 1792 убитъ Анкарстрёмомъ). Супруга Софія-Магдалина Датская († 1813).

Екатерина II (Софія-Августа - Фредерика) род. 21 апр. (2 мая) 1729 г. † 6-го (17) ноября 1796 г.

---

*) Записки II Отд. Имп. Академіи Наукъ, 1877 г. № 4, ст. Я. К. Грота.

8.

Свѣдѣнія о нѣкоторыхъ имѣніяхъ въ Выборгской губерніи [1]), пожалованныхъ разнымъ лицамъ, со времени покоренія ея въ 1710 году.

1) Выборгскій комендантъ, полковникъ *Григорій Петровичъ Чернышевъ*.

21 іюля 1710 г., впредь до указа.

Въ 1731 г. признано аллодіальное и вѣчное право владѣнія.

92 двора въ Моловскомъ округѣ.

По оброчной книгѣ 1728 г. значилось за ген.-лейт. Чернышевымъ $231\frac{5}{36}$ манталей, 432 геймата въ Мола и Валькіярви. По повинностямъ $158\frac{1}{2}$ мант. $320\frac{1}{2}$ гейм. Въ 1744 г. числилось изъ нихъ $80\frac{3}{8}$ мант., 158 гейм. въ Мола, и $77\frac{3}{4}$ мант., 162 геймата въ Валькіярви. Усадьбы въ Пуннусніеми и въ Пиляля.

Въ запустѣлыхъ деревняхъ Паркиля, Пярсила и Кангаспельто, всего 12 гейматовъ $5\frac{1}{2}$ мант., Чернышевъ поселилъ выведенныхъ изъ внутренней Россіи крѣпостныхъ своихъ крестьянъ, которые и составили православную общину съ церковью въ Кюриля, именуемую и до сего времени *Краснымъ Селомъ* (около 15 верстъ отъ желѣзн. дор. станціи Перкіярви). Русскіе поселенцы до сего времени сохранили всѣ свои національныя особенности, равно и языкъ, хотя всѣ говорятъ и по-фински.

Въ 1745 г. Чернышевъ завѣщалъ свое громадное имѣніе старшему сыну, дѣйствит. тайному совѣтнику и сенатору *Петру Гр. Чернышеву*, послѣ котораго въ 1773 вступили во владѣніе вдова послѣдняго *Екатерина Андреевна (Ушакова)* и дѣти. По завѣщанію матери Моловское имѣніе поступило (1780) къ *княгинѣ Натальѣ Петровнѣ Голицыной* (рожден. Чернышевой), женѣ бригадира *князя Владиміра Борисовича Голицына*. Затѣмъ владѣлъ имъ *князь Борисъ Голицынъ*. 28 сентября 1801 продано дѣйств. ст. сов. *Богаевскому*, который перепродалъ его Артиллерійскому

---

[1]) Основаны главнымъ образомъ на матеріалѣ, заключающемся въ книгѣ М. Акіандера: Om donationerna i Wiborgs Län. Helsingfors 1864. Настоящій перечень далеко не обнимаетъ всѣхъ пожалованныхъ имѣній, ибо о весьма многихъ, наприм. о пожалованіяхъ Екатерины I, нѣтъ даже и приблизительныхъ данныхъ. Настоящія свѣдѣнія представляются въ качествѣ матеріала для сужденія о мѣрѣ, въ которой пожалованія могли способствовать упроченію въ краѣ русскаго значенія и вліянія.

департаменту, а этотъ послѣдній приписалъ его къ Сестрорѣцкому оружейному заводу.

Другая часть имѣнія, въ Валькіярви, продана 5 марта 1802 г. коммерціи совѣтнику *Михаилу Бландову*, а потомъ, по несостоятельности послѣдняго, продана *барону Борису Андреевичу Фредериксу*.

2) Подполковникъ *Вильгельмъ Геннинъ* (Hennin). По указамъ 22 іюля 1711 и 8 марта 1714.	Имѣніе Азила, 66 дворовъ, въ Хиттола. 67 гейматовъ, $103\frac{1}{4}$ арвіо-рубля.	Въ 1720 г. возвращено въ казну, но 24 іюля 1728 г. вновь отдано, и осталось въ потомствѣ. Въ 1812 г. наслѣдники: подполковн. Филиппъ, Аксель и надв. совѣтница Анна *фонъ Геннины*, продали купцу *Ситойну* $32\frac{38}{224}$ адера и немдеману *Матсу Пёзё* и содержателю гостиницы *Іогану Карьяляйнену* $5\frac{81}{224}$ адера.
3) Тайный сов., графъ *Иванъ Алексѣевичъ Мусинъ-Пушкинъ*. 17 іюня 1713 г. 3 декабря 1762 г. признано въ вѣчномъ потомственномъ владѣніи.	91 дворъ въ Саккула. По книгѣ 1728 г. 144 гейм. $66\frac{83}{96}$ адера[1]).	Было взято въ вѣдѣніе Придворной конторы, но въ 1762 г. дано наслѣдникамъ брата первоначальнаго владѣльца, *графа Платона Алексѣев. Мусина-Пушкина*. Сыновья его, д. ст. совѣтн. *Аполлонъ* и поручикъ *Иванъ Мусины-Пушкины* продали имѣніе статскому совѣтнику *Іоакиму Сиверсу*, наслѣдникъ коего, генер.-лейт. *Яковъ фонъ Сиверсъ* передалъ по купчей придворному банкиру, *барону Фредриксу*, сынъ котораго, подполковникъ артиллеріи *баронъ Петръ Фредриксъ* и вступилъ во владѣніе. Оно оставалось и у его наслѣдниковъ.
4) Генералъ *Адамъ Вейде*. 31 марта 1714 г., до указа.	Имѣнія Вемайсъ и Лейниккюле, со 188 дворами въ округѣ Раутусъ.	
5) Адмир. *Корнелій Крейцъ (Крюйсъ?)*. 8 декабря 1715 г.	131 дворъ въ Куркіоки.	См. ниже, № 30.
6) Докторъ *Іоганъ Блументростъ*. 13 февраля 1716.	58 дворовъ въ Хитола.	

[1]) Адеръ, соха, манталь выражаютъ то же понятіе, см. глава I, стр. 47.

7) Секретари *Яковъ* и *Иванъ Веселовскіе*. По приказу князя Меншикова.	32 двора въ Хитола.	
8) *Михайло* и *Степанъ Нестеровы*. По такому же приказу.	26 дворовъ тамъ же.	
9) Иностранецъ *Петръ Броссе*. 10 марта 1716.	Имѣніе Хатіалаксъ въ Новой Киркѣ и 12 дворовъ въ Бьоркö.	
10) Флота лейтенантъ *Александръ Леонтьевъ* и подпоручикъ *князь Александръ Черкасскій*. 22 марта 1716, по приказу князя Меншикова.	106 дворовъ въ Тайпальсари и Клемисъ.	
11) Гофмаршалъ *Кириллъ Алексѣевичъ Нарышкинъ*. 30 марта 1716, по такому же приказу.	102 двора въ Векелаксѣ.	
12) Полковникъ *князь Иванъ Барятинскій*. 3 апрѣля 1716, по такому же приказу.	81 дворъ въ Савитайпалѣ.	
13) *Кирилло-Бѣлозерскій монастырь* (Валаамскій). 9 февраля 1716.	Островъ Валамо. Валаамскому монастырю передано въ округѣ Саккола $10\frac{7}{8}$ сохи, 20 гейматовъ. За рыбныя ловли вокругъ острова Валамо, которыя монастырю не предоставлены, уплачивалась аренда въ годъ по 2 р. 70 к.	26 октября 1732 г.

14) Игуменья *Дарья Гавриловна Ржевская.* 28 апрѣля 1716, по приказу князя Меншикова.	56 дворовъ въ Ведерлаксѣ.
15) Подпоручикъ *Александръ Ганъевъ.* 7 мая 1716.	28 дворовъ въ Суоменіеми.
16) Шлиссельбургскій комендантъ, полковникъ *Авраамъ Бухгольцъ.* 15 мая 1716.	30 дворовъ въ Сёмингѣ.
17) Тайный сов. *графъ Николай Моисѣевичъ Зотовъ.* 20 мая 1716.	90 дворовъ въ Лаппстрандѣ.
18) Полковникъ *Андрей Чернышевъ.* 6 іюля 1716, по приказу князя Меншикова.	40 дворовъ въ Раутіярви.
19) Тайн. совѣтн. *графъ Андрей Артамоновичъ Матвѣевъ.* 6 іюля 1716. (См. № 33).	132 двора въ Валькеала.
20) Подпоручики *Василій* и *Иванъ Арсеньевы.* 31 іюля 1716 г., по приказу князя Меншикова.	38 дворовъ въ Іоуцено.
21) *Авдотья....* 31 іюля 1716 г.	112 дворовъ въ Руокалаксъ.
22) Бригадиръ *Василій Зотовъ.* 31 іюля 1716.	114 дворовъ въ Петрикиркѣ.
23) *Михайло Михайловичъ Самаринъ.*	131 дворъ въ Иломансѣ.

20 августа 1716, по приказу князя Меншикова.		
24) Полковникъ *Илья Лутковскій.* Въ 1716 г.	20 дворовъ въ Суоярви.	
25) Бояринъ *Петръ Матвѣевичъ Апраксинъ.* 1716 г., по приказу князя Меншикова.	246 дворовъ въ Либелицѣ [1]).	
26) Ко двору Екатерины I. 1717.	515 дворовъ въ Кидесъ, Угуніелы и Томаярви.	18 іюня 1765 г. округъ Угуніеми переданъ въ распоряженіе Морскаго кадетскаго корпуса. Отобранъ въ казну въ 1792 г.
27) Испанскій дворянинъ, церемоніймейстеръ *Иванъ да Коста.* Въ августѣ 1718.	Острова въ Финскомъ заливѣ: Гогландъ, Лёфсало, Сейскаръ и Тюттерсъ.	16 ноября 1721 г. пожалованы въ вѣчное и потомственное владѣніе. Но по смерти вдовы Да Коста возвращены въ казну.
28) Поручикъ *Дмитрій Шепелевъ.* 12 августа 1719.	116 дворовъ въ Сяккіярви.	
29) Ген.-маіоръ *Семенъ Алабердѣевъ.* 28 авг. (17 окт.?) 1719, до указа.	87 дворовъ въ Выборгскомъ уѣздѣ и въ Лууляки.	Послѣ 1728 г. оставлено 30 гейм. въ Выборгскомъ уѣздѣ. Наслѣдники владѣли до 1782 г., когда по указу Императрицы Екатерины 23 мая имѣніе отобрано въ казну.
30) Адмиралъ *Корнелій Крюйсъ (?).* 30 іюня 1720 г., пожизненно ему и его женѣ.	95 дворовъ въ Новой Киркѣ, по книгѣ 1728 г. 240 гейм. $68\frac{1}{24}$ мант.; 50 гейм. $17\frac{1}{6}$ мант. въ Куолемаярви; 30 дворовъ въ Каккисъ	Потомъ поступили въ вѣдѣніе Сестрорѣцкаго оружейнаго завода, съ обязательствомъ для крестьянъ работать на заводѣ. Но въ 1772 г. освобождены отъ барщины, и только по $12\frac{3}{4}$ мант. въ

[1]) Многія изъ этихъ имѣній, послѣ Ништадтскаго мира 1721 г., отошли обратно къ Швеціи.

	65 геймат. $24\frac{7}{12}$ мант.; 18 дв. въ Бьоркö 142 геймата $39\frac{4}{24}$ мант., и Епископскій остр. (Бископсö) 6 гейм. $1\frac{3}{8}$ мант. Всего 503 гейм. $152\frac{9}{24}$ мант.	Новой Киркѣ приписаны къ заводу.
31) Кексгольмскій комендантъ полковникъ *Чоглоковъ*. Въ 1720 г. на время нахожденія въ должности.	18 дворовъ въ Пустойсѣ.	
32) Тайн. совѣтн., сенаторъ, *Яковъ Федоровичъ Долгоруковъ*. 16 іюня 1720 г.	81 гейматъ въ Пюхаярви и 308 дворовъ въ 23 деревняхъ въ Якимвара.	По указамъ 16 и 21 іюля 1721 г. Пюхаярви поступило къ гр. Матвѣеву, см. № 33. А по указу 3 янв. 1728 г. Якимвара вмѣстѣ съ Парикказа и друг. отдано великой княжнѣ Елизаветѣ Петровнѣ. См. № 43.
33) Тайн. совѣтн. *графъ Андрей Артамоновичъ Матвѣевъ*. 21 іюля 1721.	83 двора въ Пюхаярви, которые по ревизіи 1728 г. составили 110 геймат. $70\frac{7}{12}$ адер., причемъ обоброчены 119 геймат. $52\frac{83}{96}$ адера. Усадьба въ Сторпихя.	По смерти гр. Матвѣева, 9 сент. 1728 г., имѣніе возвращено казнѣ, а 27 ноября 1730 его получилъ въ вѣчное владѣніе сынъ умершаго, капитанъ-лейтенантъ *графъ Федоръ Андреевичъ Матвѣевъ*. По его смерти въ 1734 г. Пюхаярви поступило къ гр. Салтыкову. См. № 48.
34) Генер.-Фельдцейхмейстеръ *Яковъ Васильевичъ Брюсъ*. 21 окт. и 14 ноября 1721 и 25 мая 1724 г.	207 дворовъ въ Сердобольскомъ уѣздѣ. По книгѣ 1728 г. $472\frac{1}{2}$ арвіо-рубля, $430\frac{1}{2}$ арвіо-головъ, 277 крестьянскихъ гейматовъ и 90 бобылей и безземельныхъ поселенцевъ.	По указу 16 декабря 1727 г. поступило въ вѣдѣніе придворной канцеляріи. См. № 42.

35) Выборгскій комендантъ *Матвѣй Нееловъ.* ?	25 дворовъ въ 18 деревняхъ. По книгѣ 1728 г. 225 гейматовъ, $68\frac{1}{12}$ податныхъ манталовъ.	По смерти Неѣлова въ 1723 г. по указу 3 мая того года имѣніе получила тетка его по матери, камерфрейлина *Анисья Кирилловна Толстая* въ вѣчное владѣніе. Послѣ нея владѣла вдова полковника Неѣлова до 1731 г., а по указу 26 іюля 1732 г. поступило въ вѣдѣніе Придворной канцеляріи. См. № 50.
36) Генер.-фельдмаршалъ *князь Никита Ивановичъ Рѣпнинъ.* 5 января 1725 г., до указа.	$106\frac{3}{4}$ двора въ округѣ Раутусъ; 191 гейматъ $97\frac{23}{48}$ адера.	По смерти его въ 1725 году дано *графу Антону Девіеру.* Но по указу 25 мая 1727 Раутусъ пожалованъ камергеру, флота генералъ-адъютанту *Степану Лопухину* пожизненно. Но затѣмъ по указу 24 декабря 1743 г. имѣніе это вновь поступило къ графу Девіеру. Въ 1767 г. оно продано придворному аптекарю *Магнусу Вильгельму фонъ Брискорну*, наслѣдники котораго продали его полковнику *Александру Фоку.*
37) Статскій сов. *Иванъ Потемкинъ.* 8 (15) дек. 1726 г. пожизненно.	55 гейматовъ $26\frac{15}{16}$ адера въ Пюхаярви (усадьбы Конница и Кимаярви).	Въ 1747 г. пожаловано князю Трубецкому. См. № 52.
38) Инспекторъ Петергофа *Карлъ Арнандеръ.* 24 сент. 1725 г. въ вѣчное владѣніе.	184 гейматa $311\frac{1}{4}$ арвіо рублей въ Сальмисѣ.	Это имѣніе было возвращено казнѣ; по 17 сентября 1733 г. отдано вдовѣ, а 18 августа 1766 г. утверждено за дочерью Арнандера, статсъ-дамой *Екатериной Карловной Стакельбергъ.* Послѣ ея смерти душеприкащики продали имѣніе въ 1771 г. за 53.140 рублей профессору Якову Іогану *Урсинусу.* Но въ 1777 году за долги оно съ публичнаго торга досталось въ суммѣ 91.500 рублей генералъ-фельдцейхмейстеру *графу Григорію Григорьевичу Орлову*, а по наслѣдству затѣмъ генералъ-аншефу *графу Алексѣю Григорьевичу Орлову-Чесменскому.* По смерти его 24 декабря 1808 г. имѣніе перешло къ дочери, извѣстной *графинѣ Аннѣ Алексѣевнѣ.* Позднѣе оно было

продано ею купцамъ *Федулу* и *Сергѣю Громовымъ*, а ими горному правленію (русскому).

39) Вице-адмиралъ *Петръ Іоганъ Сиверсъ*.

8 января и 7 февраля 1726 г. до указа.

По книгѣ 1728 года 173 геймата, $214\frac{1}{2}$ арвіо-рублей, $215\frac{1}{2}$ арвіо-головъ и 28 бобылей и безземельныхъ въ Хитола (Тіурола).

Имѣніе по смерти Сиверса поступило ко вдовѣ его *Софіи Елизаветъ Нуммерсъ* съ потомствомъ. По указу 21 сент. 1793 г. имѣніе предоставлено капитану 2-го ранга *Георгу Сиверсу* въ вѣчное и потомственное владѣніе. Въ томъ же году новый владѣлецъ продалъ 1 гейматъ $2\frac{1}{4}$ арвіо-рубля (Спкіомяки въ Хянила) бригадиру *князю Павлу Долгорукову* за 900 руб. Потомъ гейматъ былъ во владѣніи столярнаго мастера *Іогана Фредерика Беренса* и проданъ за долги немдеману *Матсу Пёзё*. Въ ноябрѣ 1800 г. ротмистръ *Рейнгольдъ Генрихъ фонъ Сиверсъ* заложилъ свою часть въ имѣніи Хитола (Пуккиніеми) *барону Матвѣю фонъ Розену* за 3.000 р. на 2 года, а въ 1807 г. она продана генералъ-маіору *Алексѣю Копьеву* за 3.300 р. Часть имѣнія, принадлежавшая ландрату Сиверсу, брату его Георгію и сестрѣ Елизаветѣ, была заложена ими вдовѣ флота капитана фонъ Сиверса за 491 р. 31 к., и казна выкупила ее въ 1804 г. Въ 1806 г. имѣніе Лаурола въ размѣрѣ 24 гейматовъ $43\frac{1}{8}$ арвіорублей куплено у наслѣдниковъ Сиверса маіоромъ *Петромъ Григорковымъ*. Имѣніе Тіурола, 31 гейматъ и $43\frac{3}{8}$ арвіо-рубля, было затѣмъ въ рукахъ фенрика *Ивана Кондратьева*, частью по наслѣдству чрезъ жену, имѣвшую долю въ Сиверсовскомъ имѣніи, частію покупкою у генерала Копьева и у капитаншъ *Анны Зинцель* и *Анны Кортновой*. Послѣ того всѣ части имѣнія, всего 126 гейматовъ и $203\frac{1}{8}$ арвіо-рубля, соединились покупкою за 300.000 руб. въ рукахъ графини *Аделаиды Густавы Аспазіи Армфельтъ*, въ замужествѣ за капитаномъ *Магнусомъ Рейнгольдомъ Армфельтомъ*. Отъ этого имѣнія отдѣлились потомъ: Пукиніеми, съ $30\frac{2}{5}$ геймата и $15\frac{1}{4}$ адера, въ руки канцеляріи совѣтника *Юлія Экмана;* Ильмесъ, съ 25 гейм. и $8\frac{13}{14}$ адера, подполковнику *Рафаилу Таваспу*, и $22\frac{3}{4}$ геймата съ 8 адерами

		наслѣдникамъ аптекаря *Доррендорфа*. Остальное купили частію свои, частію посторонніе крестьяне.
40) Генер.-маіоръ *Иванъ Максимовичъ Шуваловъ*. 17 марта 1726 г., до указа.	12 гейматовъ $8\frac{7}{12}$ мант. въ Выборгскомъ уѣздѣ; Кавантгольмская сетерея (дворянское имѣніе) въ 6 мант. въ округѣ С.-Андреа; 70 гейм., $27\frac{1}{3}$ мант. въ Мола, и 24 гейматa $10\frac{3}{4}$ мант. въ Валькіярви. Усадьба въ Молѣ—Кууза.	Все огромное имѣніе оставалось въ родѣ Шуваловыхъ, пока указомъ 17 (29) января 1796 г. не было передано въ вѣчное и потомственное владѣніе статсъ-дамѣ графинѣ Екатеринѣ Петровнѣ Шуваловой, рожденной Салтыковой. Наслѣдники продали въ 1803 г. всѣ Шуваловскія имѣнія коммерціи совѣтнику *Ольхину*. Затѣмъ они распались: Кавантгольмскую сетерею купилъ *графъ Карлъ Густавъ Маннергеймъ*, а отъ него губернаторъ генералъ-маіоръ *Александръ Теслевъ;* въ Выборгскомъ уѣздѣ мелкими частями въ руки: надворн. совѣтн. *Молитора* и его наслѣдниковъ, статск. сов. *Нюбека*, пастора *Пензеліуса*, *Іогана Таваста*, ратмана *Ивановскаго*, бургомистра *Экмарка*, статск. совѣтн. *Одоевскаго*, жены консула *Гакмана*, штабъ-лекаря *Костылева* и купца *Гусева;* въ Мола—усадьбу Кууза, съ $20\frac{5}{8}$ геймата и $9\frac{7}{12}$ манталя, купилъ колл. сов. *А. Масалинъ;* 9 гейматовъ $2\frac{7}{12}$ манталя колл. асс. *Петръ Крускопфъ;* 7 гейматовъ $1\frac{7}{24}$ мант., съ усадьбой Венделя, *княгиня Вѣра Горчакова*, 8 гейм. $4\frac{5}{6}$ мант. въ Ристсеппеля колл. ассес. *Р. Гротенфельтъ;* прочее мелкими частями досталось: директору землемѣрной конторы *Якову Вильгельму Линдбергу*, капитану *Ивану Ляшшину*, коронному фохту *Іогану Ульрику Сöдерхельму*, содержателю станціи *В. Пьюшеву* и разнымъ крестьянамъ. Въ Валькіярви 13 гейматовъ 5 манталей куплены колл. ассесоромъ *Костылевымъ* и отъ него достались дочери Александрѣ, въ замужествѣ за капитаномъ 1-го ранга *Рудаковымъ;* прочее—крестьянами.
41) Бригадиръ *Іоганъ Шерншанцъ*	Сетерея Алаурпала, въ Ве-	Шерншанцъ домогался и получилъ право на вла-

(бывшій шведской службы). 22 іюня (4 іюля) 1726 г. получилъ условное право на имѣніе, съ тѣмъ чтобы въ теченіе 3-хъ лѣтъ доказалъ свое фрельзовое право.	дерлаксѣ, 1 гейматъ $1\frac{1}{2}$ мант., и 2 гейм. $1\frac{1}{2}$ мант. въ Выборгскомъ уѣздѣ.	дѣніе на томъ основаніи, что пріобрѣлъ оба имѣнія еще до сдачи Выборга, одно отъ наслѣдниковъ подполковника шведской службы *Германа Меллина*, а другое отъ ротмистра *Андерса Хестеско*. По смерти вдовы Шерншанца имѣніе поступило въ казну.
42) Въ качествѣ вотчины (столовое имѣніе, taffelgod) императора Петра II. 16 декабря 1727.	277 гейматовъ $472\frac{1}{2}$ арвіо-рубля въ Сердоболѣ; 95 гейм. $142\frac{3}{4}$ арвіо-рубля въ Импилаксѣ, и 84 гейм. $119\frac{1}{3}$ арвіо-рублей въ Суистамо.	Сердобольское имѣніе было прежде въ пользованіи Брюсса. № 34. О дальнѣйшей принадлежности имѣнія см. № 45.
43) Вотчина *Великой Княжны Елизаветы Петровны* (столовое имѣніе). 3 января 1728 г.	296 гейматовъ 370 арвіо-рублей въ Кроноборгѣ; 186 гейм. 265 арвіо-рублей въ Паррикала, и 308 гейм. 347 арвіо-рублей въ Якимвара.	11 іюля 1743 г. пожалована гр. Воронцову. См. № 51.
44) *Коневецкій монастырь.* Въ 1728 г.	1 гейматъ $\frac{1}{2}$ сохи, въ Пюхаярви.	18 декабря 1797 г. пожалована поземельная рента съ $6\frac{3}{8}$ сохи въ Саккула.
45) *Александро-Невская лавра.* 23 окт. 1730 г.	Бывшая вотчина Императора Петра II (№ 42), а также рыбныя ловли на р. Вуоксѣ и при устьѣ Кюмени.	Означеннымъ указомъ передана лаврѣ по смерти Петра II. По указу 1 авг. 1765 г., повинности должны были правительственные чиновники сдавать въ кексгольмское казначейство и въ тамошніе магазины, а въ 1797 г. имѣнія окончательно взяты въ казну. Рыбныя ловли въ позднѣйшее время поступили въ финскую казну, съ уплатою лаврѣ ежегодной ренты.
46) Оберъ-комендантъ, генералъ-лейтенантъ *Де-Кулонъ*.	7 гейматовъ $5\frac{5}{12}$ полевыхъ манталей въ Сяккіяр-	Вдовѣ Де-Кулонъ имѣніе оставлено въ уменьшенномъ размѣрѣ. Послѣ

*

По жалованной грамотѣ 12 марта 1732 г., пожизненно ему и женѣ.	ви, 117 гейм. 58 мант. въ Выборгскомъ уѣздѣ, 16 гейм. $8\frac{11}{12}$ мант. въ Яскискомъ окр. и 111 гейм. $54\frac{1}{2}$ мант. въ С.-Андреа.	ея смерти имѣніе въ С.-Андреа возвращено въ казну, а имѣніе Сяккіярви по указу 9 марта 1758 г. приписано къ должности выборгскаго коменданта.
47) *Валаамскій монастырь.* 21 дек. 1732 г.	23 гейматa $18\frac{9}{16}$ адера въ Саккула.	
48) Дѣйствительн. камергеръ, *графъ Петръ Салтыковъ.* По указу Сената 4 мая 1734 г. пожизненно. См. № 33.	$103\frac{1}{2}$ гейматa, $44\frac{3}{32}$ адера въ Пюхаярви; въ 1742 г. оно исчислялось въ 119 гейматовъ и $52\frac{83}{96}$ адера.	Оставлено вдовѣ графа Салтыкова, которая 26 янв. 1774 г. продала имѣніе банкиру *барону Ивану Фредериксу*, сынъ котораго, бригадиръ *баронъ Андрей Фредериксъ* уступилъ въ 1800 г. 2 гейм. $3\frac{3}{8}$ адера д. ст. сов., доктору медицины *Линдстрёму*, который по купчей 11 января 1801 г. передалъ эту часть имѣнія вдовѣ золотыхъ дѣлъ мастера *Маріи Карлссонъ*, послѣ которой небольшую часть унаслѣдовалъ по женѣ дворцовый служитель *Федерлей*, а остальное купецъ *Петръ Бояриновъ*. Изъ прочаго бар. Фредриксъ продалъ въ 1818 г. 27 геймат. $11\frac{7}{12}$ адера Кабинету Его Величества вмѣстѣ съ Сортанлакской усадьбой, но ее выкупилъ генер.-лейт. *баронъ Борисъ Андреевичъ Фредериксъ.*
49) *Городъ Фридрихсгамъ* въ 1743 г. получилъ во владѣніе	$26\frac{1}{2}$ гейм. въ Векелаксѣ, деревни Бамбöле, Сигвартсбю и Стромсбю.	
50) Оберъ-гофмаршалъ *Дмитрій Андреевичъ Шепелевъ.* 8 января 1741 г. въ вѣчное и потомственное владѣніе. См. № 35.	225 гейматовъ, $68\frac{1}{2}$ манталей въ Кивинебѣ.	Шепелевъ завѣщалъ имѣніе для покрытія долговъ генер.-фельдмаршалу и сенатору *графу Петру Ивановичу Шувалову* и женѣ его *графинѣ Марѳѣ Егоровнѣ*, что и утверждено 7 октября 1759 г. Сынъ ихъ, дѣйствит. тайн. совѣтн. и сенаторъ *графъ Андрей Петровичъ*, продалъ имѣніе 3 марта

1762 года дядѣ *Ивану Ивановичу Шувалову*, а этотъ послѣдній 1 января 1768 г. дѣйств. тайн. совѣтн. и сенатору *графу Петру Григорьевичу Чернышеву*, дочь котораго *Дарья Петровна* (сестра *княгини Натальи Петровны Голицыной*, въ Мола), бывшая въ замужествѣ за московскимъ военнымъ губернаторомъ ген.-фельдмаршаломъ *Иваномъ Петровичемъ Солтыковымъ*, унаслѣдовала въ 1780 г. имѣніе Кивинебъ. Солтыковъ продалъ его *Орлову*, а этотъ послѣдній *Мятлеву*, отъ котораго весь округъ Кивинебъ купленъ Артиллерійскимъ департаментомъ. Къ Кивинебскому округу принадлежалъ островъ Ретуссари; по постройкѣ царемъ Петромъ Кронштадта, онъ поступилъ въ вѣдѣніе казны и исключенъ изъ списковъ.

51) Поручикъ лейбъ-компаніи, дѣйствительный камергеръ (потомъ государственный канцлеръ и графъ) *Михаилъ Ларіоновичъ Воронцовъ*.

Именной указъ 11 іюля и жалованная грамота 18 ноября 1743 г. въ вѣчное и потомственное владѣніе.

Собственныя Ея Величества Императрицы Елизаветы Петровны имѣнія въ Кексгольмской провинціи, приходы Куркіокскій, Якимварскій, Койтсанлакскій, Парикала (см. выше, № 43).

Послѣ смерти графа Воронцова 15 февраля 1767 г. имѣніе поступило ко вдовѣ его, оберъ-гофмейстеринѣ *Аннѣ Карловнѣ* (рожденной Скавронской [1]), и къ дочери *Аннѣ Михайловнѣ*, въ замужествѣ за тайн. совѣтн. и камергеромъ *Александромъ Сергѣевичемъ Строгановымъ*. По смерти дочери въ 1769 г. мать желала унаслѣдовать имѣніе, но возникъ споръ между ею и ея свояками генералъ-аншефомъ сенаторомъ и камергеромъ *графомъ Романомъ* и генер.-лейтен., сенаторомъ и дѣйств. камергеромъ *графомъ Иваномъ Ларіоновичами Воронцовыми*, требовавшими «иммисіи» въ имѣнія, пока не будетъ разрѣшенъ вопросъ объ оставшихся долгахъ. Юстицъ-коллегія признала иммисію; однако вдова получила всѣ имѣнія. По ея смерти, въ 1776 г., наслѣдовалъ ея братъ, оберъ-гофмейстеръ и сенаторъ, *графъ Мартынъ Карловичъ Скавронскій*, и потомъ вдова его, статсъ-дама, *графиня Марія Николаевна* (рожд. Строго-

[1]) Дочери старшаго брата Императрицы Екатерины I, графа Карла Самуиловича Скавронскаго.

нова), и сынъ, камеръ-юнкеръ *гр. Павелъ Мартыновичъ Скавронскій*. Еще въ 1775 г. графиня Воронцова получила на имѣніе право аллодіальное (свободное отъ повинностей); но по ходатайству затѣмъ гр. Павла Скавронскаго о предоставленіи и ему этого права, ему въ томъ было отказано въ 1780 г. Однако, когда въ слѣдующемъ 1781 г. онъ соединилъ въ своихъ рукахъ управленіе всѣми названными имѣніями, то, при содѣйствіи князя Григорія Александровича Потемкина, получилъ 16 дек. 1782 г. отъ Сената признаніе за нимъ аллодіальныхъ правъ. А еще черезъ годъ въ 1783 имѣніе Скавронскаго куплено въ казну. Однако въ 1797 г. весь Кроноборгскій и половина Яакимварскаго округа, 182 гейм. и 181 арвіо-рубль, пожалованы племяннику прежняго владѣльца, генералу отъ инфантеріи и послу въ Лондонѣ, *графу Семену Романовичу Воронцову*, дочь котораго, *леди Пемброкъ*, продала все имѣніе тайн. сов. сенатору *графу Александру Кушелеву-Безбородко*. Онъ раздѣлилъ имѣніе: одну часть (93 геймата $55\frac{1}{4}$ арвіо-рублей) получила *Любовь Александровна*, бывшая въ замужествѣ съ *графомъ Алексѣемъ Ивановичемъ Мусинымъ-Пушкинымъ;* другая часть, въ 61 гейматъ и $42\frac{3}{4}$ арвіо-рубля, поступила въ финскую казну. Что касается Кроноборгской части, въ которой по ревизіи 1784 г. числилось 272 гейм. и $231\frac{1}{4}$ арвіо-рубль, то ее пріобрѣлъ надв. совѣтн. *Александръ фонъ Эттеръ;* имѣніе же Тервусъ, 122 гейматa съ $93\frac{3}{4}$ арвіо-рубля, получено капитаномъ *Кочубеемъ*, отъ котораго купила его въ 1864 г. за 58.000 р. также финская казна.

52) Дѣйств. тайн. сов., ген.-прокуроръ, л.-гв. маіоръ *князь Никита Трубецкой*.

Грамота 23 дек. 1747 г., въ вѣчное и потомственное владѣніе. (См. № 37).

Пюхаярви, Кексгольмскаго уѣзда, по книгѣ 1728 г. 39 гейм. $35\frac{1}{6}$ адера; обложено повинностями 55 гейм. $26\frac{15}{16}$ адера.

Князь Трубецкой продалъ имѣніе маіору *барону Швахгейму*; вдова его въ 1788 г. уступила подполковнику *Ивану Гижицкому*, отъ котораго купилъ предводитель дворянства, колл совѣтн. *Василій Балясный* 11 января 1795 г. Впослѣдствіи это имѣніе продано *барону Борису Андреевичу Фредериксу*.

53) Генер.-фельдмаршалъ, *гр. Александръ Борисовичъ Бутурлинъ*. 17 февр. 1760 г., въ вѣчное и потомственное владѣніе.	Въ Пельгіярви (Лепелаксъ) 74 гейм., 74 арвіорубля и 102 арвіоголовы; въ Рускеала 26 геймат. $19\frac{3}{4}$ мантал.; въ Сулькава 17 гейм. $5\frac{13}{48}$ манталя.	Внукъ генералъ-фельдмаршала, колл. совѣтникъ *Дмитрій Петровичъ Бутурлинъ*, продалъ все имѣніе 21 декабря 1793 г. поручику *Петру Магнусову Пребстингу*, отъ котораго, по сдѣлкѣ 9 янв. 1795 г., оно перешло къ почетному гражд. города Ярославля *Дмитрію Ивановичу Затрапезному*; сынъ его, капитанъ Иванъ Затрапезный продалъ 9 августа 1813 г. *графинѣ Аннѣ Алексѣевнѣ Орловой-Чесменской* за 130.000 руб. Графиня въ свою очередь продала имѣніе купцамъ *Өедулу* и *Сергѣю Громовымъ*. Часть Лепелякса (59 геймат.) куплена потомъ русскимъ горнымъ правленіемъ. Изъ Рускеала Громовы продали большую часть сердобольскому купцу *Дмитрію Ситойну*. Сулькава перешла въ руки коммерціи совѣтн. *Гакмана* въ Выборгѣ и *Колиса* въ Нейшлотѣ, а отъ нихъ въ 1853 г. къ дѣвицѣ *Софіи Михайловнѣ Юдиной*. Остальное распродано крестьянамъ.
54) Выборгскій вице-губернаторъ и бригадиръ *Николай Николаевичъ Энгельгардтъ*. 23 февр. 1765 г. пожизненно.	Также въ Лепелаксѣ, $16\frac{3}{4}$ гейм. и въ Сюоярви 143 гейм. 103 арвіорубля, 299 арвіоголовъ и 137 бобылей и другихъ безземенльныхъ семей.	По смерти Энгельгардта въ 1778 г. имѣніе передано пожизненно его преемнику, генералъ-аншефу *Евгенію Петровичу Кашкину*. Вдова послѣдняго, *Екатерина Ивановна*, по указу 21 ноября 1796 г. получила его въ вѣчное и потомственное владѣніе, а дѣти продали 21 янв. 1804 г. *графу Алексѣю Григорьевичу Орлову-Чесменскому*, дочь котораго *графиня Анна*, также какъ и Бутурлинское имѣніе, продала *Громовымъ*, а они горному правленію.
55) Генер.-маіоръ *Іоганъ Петръ ванъ-Сухтеленъ*. 8 сент. 1790 г. (грамота 3 января 1792 г.), вѣчно-по-	300 душъ съ землею и гейматами въ Ликала, Мемеле и Руодила въ Векелаксѣ, 31 гейм. $8\frac{1}{4}$ мант.	Перешло къ сыну, генералъ-лейтенанту *Павлу Сухтелену*, а отъ него къ дочери на маіоратномъ правѣ.

томственно, за войну съ Швеціей 1788—90 гг.		
56) Поруч. лейбъ-гренадерскаго полка *Христіанъ Зигель* и того же полка подпоручикъ *Юстусъ Вильгельмъ Ульмарнъ*. 23 окт. 1790 г., вѣчно-потомственно, во вниманіе къ тяжкимъ ранамъ, полученнымъ въ ту же шведскую войну 1788—90 гг.	По 100 душъ каждому въ Іоуценскомъ округѣ, съ землями и угодьями.	Въ 1794 году проданы колл. сов. *Отто-Герману фонъ-Рехенбергу* и остались въ его потомствѣ.
57) Членъ государственнаго заемнаго банка, маіоръ *Матвѣй Дмитріевичъ Олсуфьевъ*. 24 окт. 1790 г., вѣчно-потомственно.	Въ Ведерлаксѣ 250 душъ съ ихъ гейматами и землей: 16 гейм. $4\frac{5}{6}$ мант. въ деревняхъ Міехиккала и Кюльмала и 6 гейм. $1\frac{3}{4}$ мант. въ деревняхъ Сяккіярви и Тиликкала.	Продалъ въ 1793 году капитану *Карлу Кильхену*. Въ 1799 г. гейматы Сяккіярви и Тиликкала перешли къ пасынку его, тит. совѣтн. *Іобсту Говеніусу*. 25 января 1804 г. вдова Кильхенъ *Юліана Окерстадъ* продала $\frac{3}{8}$ манталя въ Кюльмала и $4\frac{11}{24}$ мант. въ Міехиккала надворной совѣтн. *Екатеринѣ-Христинѣ Ребиндеръ*, рожд. Брунъ, которая заложила свое имѣніе отцу, коммерціи совѣтн. *Карлу Бруну*. Затѣмъ оно было уже во владѣніи гвардіи капитана *Аполлона Альфтана*.
58) Капит. лейбъ-гренадерскаго полка *Степанъ Тычининъ*. 11 дек. 1791 г., вѣчно-потомственно, на аллодіальномъ правѣ, за тяжкія раны, полученныя въ шведскую войну.	Въ Іоуценскомъ округѣ 150 мужска пола душъ съ землею и угодьями. По ревизіи 1742 г. $4\frac{7}{8}$ мант.	Продалъ въ 1795 году колл. асс. *Матвѣю фонъ-Томсену*. Послѣ него унаслѣдовалъ генер.-маіоръ *Филиппеусъ*.
59) Подпоручикъ Нижегородскаго дра-	100 душъ въ Пюттисѣ, 14 гей-	Въ томъ же 1793 г., 26 августа Болотниковъ

гунскаго полка *Яковъ Болотниковъ*. 4 мая 1793 г., вѣчно-потомственно, за тяжкія раны при штурмѣ крѣпости Анапы.	матовъ, $4\frac{11}{48}$ мант., Вестеръ и Остеръ Кварнбю, Вестеръ и Сторъ Купписъ.	продалъ имѣніе за 6.100 р. надворн. совѣтн. *Николаю Клейгильсу*. Потомъ оно раздѣлилось между наслѣдниками на мелкія части, и въ дальнѣйшемъ находилось во владѣніи фамилій: *Клейгильсъ*, купчихи *Гоманъ*, жены пастора *Кремеръ*, жены полицейскаго чиновника *Каяндеръ*, лѣсничаго *Шерфера* и маіорши *Крогерусъ*.
60) Полковн. артиллеріи *Жанъ Прево-де-Луміанъ* (Jean Prevot de Lumian). 1 марта 1794 г., вѣчно-потомственно.	Въ Ведерлаксѣ, 300 душъ, деревни Равиіоки, Алапихляя, Ярвенкюла, Флонкарбöле и Калфьердъ, 30 гейм. $11\frac{17}{24}$ мант.	Продано 5 марта 1809 г. надворн. совѣтнику *Бернгарду фонъ-Ребиндеру*, а отъ него перешло по закладной къ купцу *Бруну*, послѣ котораго владѣли вдова его; а потомъ сынъ *Карлъ Брунъ*. Впослѣдствіи часть имѣнія, $8\frac{5}{8}$ мантала, 17 гейматовъ были во владѣніи совѣтника сельскаго хозяйства, *Вальдемара Бекмана*, а Калфьердъ остался за крестьянами.
61) Полковн. *бар. Фабіанъ Штейнгель*. 1 марта 1794 г., вѣчно-потомственно.	200 душъ, $23\frac{1}{4}$ гейм. и 8 мант. близъ Выборга, въ деревняхъ: Сторперо, Кяхерейсъ, Ликаленъярви, Маунуккала, Репола, Игнатала, Саареля, Рюзюля, Никоскеля и Ихантола, съ сетерейной усадьбой Саареля.	Изъ имѣнія небольшая часть, всего $2\frac{3}{4}$ гейматa $\frac{11}{12}$ манталя, поступила во владѣніе наслѣдниковъ статск. сов. *Бруни* и къ *Адаму Тамеландеру*. Прочее осталось во владѣніи *графини Стевенъ-Штейнгель* и ея дѣтей.
62) Инженеръ-капитанъ *Карлъ Оппарманъ*. Сперва, по указу 16 февр. 1795 г. въ аренду (безплатную) на 12 лѣтъ, а потомъ, 29 ноября	Въ Выборгскомъ уѣздѣ 40 гейматовъ.	Опперманъ продалъ имѣніе по частямъ: 17 сент. 1798 г.—$1\frac{1}{2}$ гейм. $\frac{3}{8}$ манталя въ Раккаланіоки надворному совѣтн. *Іогану фонъ-деръ-Ховену*. Пройдя чрезъ нѣсколько рукъ, эта часть пріобрѣтена въ 1816 году лагманомъ *Пальдани*, а затѣмъ принадлежала полковницѣ *Никитиной*.

1796 г., въ вѣчное и потомственное владѣніе.	23 декабря 1798 г.—5 гейм. $3\frac{1}{3}$ мант. въ Терваіоки куплены штабсъ-капитаномъ *Брохманомъ*. Эта часть досталась 24 мая 1816 г. съ аукціоннаго торга статск. сов. *Николаю Янишу*, а потомъ была во владѣніи подполковника *Мендта*. 11 февр. 1799 г. $33\frac{1}{2}$ гейм. $15\frac{59}{72}$ манталя куплены генер.-маіоромъ *Яковомъ Іоганомъ Вейраухомъ*. Изъ нихъ $4\frac{1}{2}$ гейм. $1\frac{5}{12}$ мант. отчуждены финской казной подъ Саймскій каналъ, 2 гейм. $\frac{1}{4}$ мант. въ Кильпеніоки куплены поручикомъ *П. Ашаномъ* и 2 гейм. $\frac{1}{4}$ мант. докторомъ *Миквицемъ*. Прочее состояло за наслѣдниками Вейрауха.	
63) Капитанъ *Людвигъ де-Жерве*. 17 дек. 1798 г., въ вѣчное и потомственное владѣніе съ аллодіальнымъ правомъ.	Въ Выборгскомъ уѣздѣ геймать Терявела, 1 манталь.	Отъ наслѣдниковъ Жерве купилъ крестьянинъ *Икявалько*, а затѣмъ владѣлъ учитель *Карлъ Вильгельмъ Аренбергъ*.
64) Купецъ 1-й гильдіи, фабрикантъ *Яковъ Лундъ*. Указъ 22 ноября 1798 г. изъ платежа казнѣ опредѣленной ренты.	39 гейм., 15 манталей при зеркальномъ и стекольномъ заводѣ при Роккола и Куккола.	Имѣніе это, вмѣстѣ съ фабриками, поступило 5 ноября 1811 г. въ вѣдѣніе Кабинета Его Величества за долгъ Лунда русской казнѣ въ 265.530 рублей.
65) Президентъ академіи наукъ, д. ст. сов. *баронъ Людвигъ-Генрихъ фонъ-Николаи*. По распоряженію исполнявшаго обязанности выборгскаго генералъ-губернатора, принца Виртембергскаго Фридриха-Вильгельма-Карла, изъ ежегод-	Казенное имѣніе Науласаари (Freudenhof) — 2 гейммата $\frac{2}{3}$ манталя и Малую дачу (Lilla ladugården, Monrepos [1]). Кромѣ того барону Николаи принадлежалъ купленный у надв. сов. Михаила Донаурова бёрдовый	Баронъ Николаи испрашивалъ предоставленія ему означенныхъ казенныхъ и бёрдоваго имѣній, по примѣру жалованныхъ имѣній, въ вѣчное и потомственное владѣніе, съ возвышеніемъ размѣра повинности до 50 руб. Но Сенатъ ему въ томъ отказалъ на основаніи прежняго шведскаго постановленія о неизмѣнности на-

[1]) Извѣстную своимъ красивымъ паркомъ, подъ Выборгомъ. Начало устройству его положено бывшимъ выборгскимъ губернаторомъ Петромъ Алексѣевичемъ Ступишинымъ (ум. въ 1784 г.).

наго платежа казнѣ 32 р. 70 к.	(наслѣдственный) гейматъ Лиматта $\frac{1}{6}$ манталя.	туры имѣній. Однако 1 іюля 1802 г. Императоръ Александръ I удовлетворилъ ходатайство бар. Николаи, а платежи казнѣ

сложены со счетовъ. Много позже, 15 декабря 1837 г., за Малой дачей (Monrepos) признано сетерейное право. Прочіе два геймата бар. Николаи продалъ:

Науласаари (Freudenhof), 25 сент. 1801 г., надворн. совѣтн. *Роткирху*, а тотъ генералъ-лейтенанту *Каннабиху*, и

Лиматта—генер.-маіору *Петру Теслеву*.

Аренды.

Нѣкоторыя изъ приведенныхъ пожалованій, пожизненныхъ или на неопредѣленное время, имѣли характеръ арендъ. Назначеніе арендъ было урегулировано указомъ 12 ноября 1796 г. [1]). Отъ держателей арендныхъ имѣній требовалось исполненіе правилъ, дѣйствовавшихъ въ Лифляндіи и Эстляндіи. Аренды назначались безплатно или за опредѣленную плату, притомъ пожизненно, или на время, по большей части на 12 лѣтъ. Размѣръ аренды обусловливался чиномъ жалуемаго; обыкновенно назначалось, смотря по качеству земель: оберъ-офицерамъ 6—8 манталей, штабъ-офицерамъ 10—12, полковникамъ и бригадирамъ 15—18, высшимъ чинамъ 20—24 мантала. Въ Выборгской губерніи числилось въ это время казенныхъ земель: $866\frac{29}{48}$ мант., $78\frac{76}{96}$ адер. или сохъ и $2.014\frac{1}{4}$ арвіо-рублей, преимущественно въ Сердобольскомъ и Кексгольмскомъ округахъ. Эти мантали, адеры или арвіо-рубли дѣлились въ хозяйственномъ отношеніи на мызы, которыя и могли отдаваться въ аренду, безъ малѣйшаго однако уменьшенія казеннаго дохода.

Безплатныя аренды.

пожизненно.

1) Секундъ-маіоръ и совѣстный судья *Конрадъ Кисмеръ*, 22 окт. 1792 г., ему и его женѣ.	100 душъ съ ихъ гейматами и землями.
2) Выборгскій пасторъ *Іоганъ Петри Строльманъ*, 13 января 1797 г.	Имѣніе Эйкясъ.
3) Генералъ-маіоръ *Сутгофъ*, 11 августа 1799 г., ему и женѣ.	$28\frac{1}{2}$ гейматовъ, $10\frac{77}{864}$ манталя въ Ведерлаксѣ и 18 гейматовъ $30\frac{3}{8}$ арвіо-рубля въ Сердобольскомъ уѣздѣ.

[1]) Полн. Собр. Зак. Р. И., № 17546.

4) Прокуроръ юстицъ-коллегіи *фонъ-Фрикиіусъ*, 19 авг. 1799 г.	29 гейматовъ $53\frac{1}{2}$ арвіо-рубля тамъ же.

на 12 лѣтъ.

5) Выборгскій плацъ-маіоръ *Яковъ Филипсъ*, 6 дек. 1796 г., сперва съ платою, а потомъ съ 25 марта 1802 г. безплатно.	25 гейматовъ $9\frac{7}{12}$ мантaля въ Сяккіярви.
6) Лейбъ-гвардіи маіоръ *баронъ Притвицъ*, 9 янв. 1797 г., сперва платно, а съ 5 дек. 1801 г. безплатно.	$6\frac{1}{6}$ мантaля въ Каккисѣ и $3\frac{5}{6}$ мантaля въ Бьоркö.
7) Выборгскій вице-губераторъ *Брандтъ*, 27 іюня и 5 іюля 1801 г.	$56\frac{19}{36}$ геймата $18\frac{1}{8}$ мантaлей.
8) Директоръ, статскій совѣтн. *Линденъ*, 27 іюня и 5 іюля 1801 г.	Весь казенный доходъ съ 42 гейматовъ $49\frac{5}{6}$ арвіо-рубля въ Импилаксѣ.
9) Гражданскій губернаторъ, дѣйств. ст. сов. *Магнусъ Орреусъ*, 27 іюня и 5 іюля 1801 г. Въ 1811 г. увеличеніе до послѣдняго размѣра.	$96\frac{1}{3}$ гейматовъ, $25\frac{101}{432}$ мантaля въ Лапвеси. Позднѣе. $101\frac{1}{3}$ геймата $35\frac{35}{36}$ мантaля.
10) Синодальный штаблекарь, гофхирургъ, статскій совѣтникъ *Книперъ*, 27 августа 1801 г.	Мыза Койцанлаксъ, $5\frac{1}{2}$ арвіо-рублей вмѣстѣ съ Анаіоки.
11) Вдова маіора *Тауберта*, 9 янв. 1802 г.	22 геймата 43 арвіо-рубля въ Сердобольскомъ уѣздѣ.

Платныя аренды.

пожизненно.

12) Полковникъ Ярославскаго пѣхотнаго полка *Давидъ Гаузенбергъ*, 14 декабря 1796 г., ему и женѣ.	62 геймата, $15\frac{1}{24}$ мантaля въ Пюттисѣ.
13) Пасторъ въ Вайвара, въ Эстляндіи, *Іоганъ Дитрихсъ*, 14 дек. 1796 г., во вниманіе къ тому, что имѣлъ 10 сыновей, изъ коихъ 7 въ военной службѣ. По его смерти, 13 марта 1807 г. вдовѣ его аренда продолжена еще на 12 лѣтъ.	34 геймата $8\frac{1}{16}$ мантaля, въ Пюттисѣ (за неимѣніемъ арендъ въ Эстляндіи).

14) Подполковникъ *фонъ-Бринкенъ*, 3 января 1797 г.	$10\frac{5}{12}$ манталя въ Бьоркö и $1\frac{2}{3}$ манталя въ Каккисѣ.
15) Маiоръ *фонъ-Руммель*, 9 янв. 1797 г.	$10\frac{5}{72}$ манталя въ Каккисѣ.
16) Оберъ-камерииръ, колл. асс. *Людеке*, 12 февр. 1797 г.	10 манталей въ Лапвеси.
17) Вдова аптекаря, надв. сов. *Брискорна*, съ четырьмя дочерьми, 16 февр. 1797 г.	$163\frac{2}{3}$ геймата $59\frac{95}{96}$ адера въ Ряйзелѣ и 9 гейматовъ $2\frac{3}{16}$ адера въ Саккула.

на 12 лѣтъ.

18) Подполковникъ *Густавъ Крамеръ*, 14 января 1797 г.	12 манталей въ Лапвеси.
19) Маiоръ *Ризенкампфъ*, 12 февраля 1797 г.	$6\frac{1}{8}$ мант. въ Лапвеси, $1\frac{2}{3}$ мант. въ Луумяки и $2\frac{5}{7}$ въ Сяккiярви.
20) Вдова колл. ассесора *Анна Эйлеръ*, 13 февраля 1797 г. Продолжена 29 августа 1808 г. еще на 12 лѣтъ.	53 геймата, $15\frac{1}{3}$ манталей въ Векалаксѣ.
21) Колл. асс. *баронъ Вольфъ*, 24 марта 1797 г.	10 манталей въ Бьоркö, обмѣненные потомъ на аренду Людеке въ Лапвеси.
22) Подполковникъ *Дрентель*, 12 февраля 1798 г.	$12\frac{1}{4}$ манталей въ Бьоркö.
23) Статскiй совѣтникъ *Iоганъ фонъ-Рейценштейнъ*, 27 марта 1802 года, съ платою казнѣ по 1.000 руб. въ годъ.	28 геймат. $56\frac{3}{8}$ арвiо-рубля въ Сердобольскомъ уѣздѣ.
24) Вдова колл. совѣтника *Меларта*, 28 авг. 1802 г., съ платою 525 р. въ годъ.	$19\frac{2}{3}$ гейм. $38\frac{3}{8}$ арвiо-рубля въ Сердобольскомъ же.

Аренды, объ условiяхъ коихъ нѣтъ подробныхъ свѣдѣнiй.

25) Членъ выборгскаго уголовнаго суда, статск. сов. *Генрихъ Данненбергъ*, 21 ноября 1796 г.	15 манталей.
26) Засѣдатель верхняго земскаго суда, колл. сов. *Фридрихъ Шрёдеръ*, 29 ноября 1796 г.	
27) Совѣтникъ губернскаго правленiя, колл. совѣтникъ *Iоганъ Грёнъ*, 6 декабря 1796 г.	

28) Нейшлотскій штабъ-лекарь *Іоганъ Винтеръ*, 20 дек. 1796 г.	10 манталей.
29) Артиллеріи генералъ-маіоръ *Христофоръ Эйлеръ*, 24 декабря 1796 г.	22 геймата $7\frac{1}{4}$ манталей.
30) Маіорша *Анна-Елизавета Рихтеръ*, 24 декабря 1796 г.	
31) Маіорша *Елена Тандефельтъ*, 27 декабря 1796 г.	
32) Вдова выборгскаго вице-губерн. *Елизавета фонъ-Нейдгартъ*, 30 декабря 1796 г.	
33) Полковница *Елизавета фонъ-Розенъ*, 30 декабря 1796 г.	
34) Вдова члена новгородской камерколлегіи *Тумило-Денисовича*, *Елизавета Егоровна*, 30 дек. 1796 и 15 янв. 1797 г.	15 манталей въ Ведерлаксѣ, Векелаксѣ и Луумяки.
35) Маіоръ *Эсмантъ*, 30 дек. 1796 г.	
36) Вдова генер.-лейт. *Анна Баннеръ*, 31 декабря 1796 г.	
37) Вдова бригадира *Фойгта*, *Амалія Хагертъ*, 5 янв. 1797 г.	
38) Полковница *Марія Дертезенъ*, рожд. *Маннтейфель*, 7 янв. 1797 г., на 12 лѣтъ.	$9\frac{1}{2}$ манталей въ Ведерлаксѣ и 6 манталей въ Векелаксѣ.
39) Полковникъ *фонъ-Дризенъ*, 9 января 1797 г.	50 манталей въ Куолемаярви.
40) Вдова надворн. совѣтника *Анна Пискарева*, 10 янв. 1797 г.	12 манталей въ Ведерлаксѣ.
41) Земскій коммисаръ, коллеж. асс. *Тавастъ*, 17 янв. 1797 г.	5 манталей въ Лапвеси.
42) Маіоръ *Левъ Соколовскій*, того же дня и года.	10 манталей въ Тайпалсаари.
43) Дѣвица *баронесса Авустина Беллингсгаузенъ*, тоже.	5 манталей въ Угуніеми.
44) Поручикъ бывшей гольштинской службы *Цилліакусъ*, 26 января 1797 г.	5 манталей въ Тайпалсаари.

45) Вдова надворн. совѣтника *Марія Дурунъ*, 27 янв. 1797 г.	12 мант. въ приходѣ С-тъ-Андреа.
46) Вдова капитана *Софія Эгерсъ*, 28 января 1797 г.	5 манталей въ Керимякки.
47) Поручикъ *Неттельгорстъ*, 13 февраля 1797 г.	$6\frac{8}{12}$ манталя въ Выборгскомъ уѣздѣ.
48) Подполковн. *Ризенкампфъ*, 19 февраля 1797 г.	12 манталей въ Лапвеси.
49) Вдова маіора *Егера*, рожд. *Мантейфель-Зеге*, 25 февр. 1797 г.	10 манталей въ Тайпальсаари.
50) Вдова штабъ-лекаря, надв. совѣтн. *Ромберга*, 26 февр. 1797 г.	$10\frac{43}{48}$ манталя въ Керимяки и $1\frac{103}{144}$ мант. въ Сяминге.
51) Вдова подполковн. *Аренса*, 27 февраля 1797 г.	12 манталей въ С.-Андреа.
52) Вдова маіорша *Больгорнъ*, 8 марта 1797 г.	1 манталь въ Векелаксѣ, въ возмѣщеніе $\frac{1}{4}$ манталя, отошедшаго подъ Фридрихсгамскую крѣпость.
53) Генералъ-маіоръ *Вейраухъ*, 11 марта 1797 г.	$20\frac{11}{12}$ манталя въ Выборгскомъ уѣздѣ. (Слич. № 62 стр. 57).
54) Вдова бригадира *фонъ-Цеймерна*, 11 марта 1797 г.	15 манталей въ Тайпалсаари.
55) Колл. асс. *Кейзеръ*, 15 іюня 1797 г.	10 манталей въ Бьоркё.
56) Вдова генер.-маіора *Гака*, *Анна Лобри*.	32 геймата, $14\frac{1}{6}$ манталя.

9.

Указъ коммисіи разсмотрѣнія финляндскихъ дѣлъ [1]).

Препровождая дошедшее къ Намъ начертаніе о разныхъ вкравшихся отъ времени въ Финляндіи злоупотребленіяхъ, имѣющихъ важное вліяніе на всѣ состоянія жителей края того, и предпріявъ положить скорую и вѣрную онымъ преграду, даровать каждому охраненіе и защиту законовъ и распространить на сію часть Имперіи Нашей общія выгоды всѣмъ вѣрноподданнымъ Нашимъ предоставленныя, повелѣваемъ: *первое*, разсмотрѣть права и преимущества утверждающія каждому состоянію его принадлежность, пе-

[1]) Полн. Собр. Зак. 1802 г., № 20275.

реходъ геiматовъ въ руки чиновниковъ, разночинцовъ и духовенства земледѣльческихъ повинностей не несущихъ, объяснить все, что относится до геiматныхъ владѣльцевъ, яко особливый классъ людей составляющихъ и ни съ какимъ другимъ званiемъ въ Россiи не сходствующихъ, изслѣдовать всѣ оттого выгоды и потери, изыскать причины повергающiя крестьянъ въ нищету и бѣдственное положенiе торперовъ и бобылей, и опредѣля средства къ поселенiю и водворенiю ихъ на удобныхъ земляхъ, возвратить въ нихъ Государству потерянное число хлѣбопашцевъ. *Второе:* войти въ точнѣйшее и подробнѣйшее изслѣдованiе всѣхъ статей государственный доходъ составляющихъ и изыскать всѣ средства къ увеличенiю онаго безъ народнаго отягощенiя, разсмотрѣть всякаго рода поземельные сборы и подати и примѣняясь къ состоянiю и возможностямъ обитателей края того, узнать, не согласнѣе ли съ пользами общими и частными будетъ установленiе съ поселянъ въ Финляндiи оброка и прочихъ принадлежащихъ къ четвертому классу губернiй повинностей, съ уничтоженiемъ всего того, что къ отягощенiю жителей ввели шведскiе законы, и съ пресѣченiемъ всякаго вреда казенными и помѣщичьими поселянами отъ незнанiя пользъ ихъ самими себѣ причиняемаго. *Третiе:* обратить особливое вниманiе на всѣ отрасли хозяйства, какъ-то: земледѣлiе, лѣсоводство, винокуренiе и прочiе сего рода предметы, взявъ равномѣрно въ замѣчанiе вывозъ заграницу естественныхъ произведенiй губернiи той и переходъ въ руки чужеземцевъ народнаго богатства, стараться привести всѣ сiи части въ надлежащее устройство и порядокъ. *Четвертое:* вникнуть въ образъ судопроизводства гражданскихъ и уголовныхъ дѣлъ, изслѣдовать всѣ постановленiя до того края относящiяся, и въ случаѣ признанныхъ коммисiею недостатковъ, затрудненiй, неудобствъ и противорѣчiй единообразiю общаго въ Имперiи Нашей управленiя, заимствовать изъ Россiйскихъ законовъ все, что пользамъ, правамъ и выгодамъ жителей соотвѣтствуетъ. *Пятое:* принявъ въ уваженiе отяготительные съ поселянъ для духовенства сборы, оброки и работы, опредѣлить безъ всякаго излишества приличные званiю сему и достаточные къ содержанiю онаго способы, а наконецъ и въ разсужденiи самаго снабденiя Финляндiи духовными чинами постановить такiя мѣры, чтобы всѣ города и кирхшпили получали пасторовъ изъ россiйскихъ подданныхъ и приличнымъ къ тому воспитанiемъ прiуготовленныхъ. *Шестое:* коммисiи отправиться въ Финляндiю, гдѣ осмотря всѣ части требующiя исправленiя, собравъ всѣ нужныя свѣдѣнiя и удостовѣрясь очевидными опытами на мѣстѣ обо всемъ особому вниманiю подлежащемъ, возвратиться въ С.-Петербургъ для приведенiя къ окончанiю всего ей порученнаго.

Впрочемъ буде коммисiя разсмотрѣнiя финляндскихъ дѣлъ кромѣ предметовъ въ приложенномъ при семъ начертанiи изъясненныхъ, найдетъ чтолибо достойное замѣчанiя и нужное къ общей пользѣ, то имѣетъ и на оное обратить равномѣрное вниманiе, и наконецъ

изо всего сю собраннаго сочинить къ лучшему преобразованію губерніи общій планъ и поднесть Намъ на утвержденіе.

Александръ.

Въ С.-Петербургѣ, маія 19-го, 1802 года.

10.

Объясненія ревизіонной коммиссіи 1729 года [1]).

Выборгскій округъ или губернія.

1. *О характерѣ и происхожденіи установленныхъ податей на основаніи шведской поземельной (окладной) книги.* Означенныя подати, какъ онѣ поименованы и показаны въ окладной поземельной книгѣ, въ концѣ каждаго изъ перечисленныхъ въ ней приходовъ, были установлены въ разное время.

Первая изъ нихъ, древнѣйшая, называвшаяся *ежегодною податью*, установлена еще въ 15-мъ столѣтіи, во времена короля Карла VIII. Она составляетъ для одного скатта, двухъ манталей и 1 геймата 31 тал., 2 öре и $14^2/_5$ пенни (полушекъ) [2]).

Вторая подать—*военная*, наложенная вѣкомъ позже. Сначала она собиралась какъ пособіе для военныхъ цѣлей, но въ управленіе Густава-Адольфа, въ 17-омъ столѣтіи, обратилась въ постоянную, ежегодную контрибуцію, и въ окладной книгѣ каждой губерніи значилась равномѣрно, составляя 7 тал. 8 öре и $2^2/_5$ пен. съ манталя. Эти мантали вносились въ поземельныя книги, дабы сообразно съ ними были поровну раздѣлены чрезвычайные налоги и добавочные взносы, изъ коихъ многіе уплачивались натурою.

Третья подать *на постройку публичныхъ зданій*, установлена съ давнихъ временъ для постройки и необходимаго поддержанія стокгольмской и другихъ крѣпостей. Вначалѣ она состояла въ поставкѣ извѣстнаго числа бревенъ и въ зимнихъ работахъ тяглымъ скотомъ. Но когда потомъ произошло дѣленіе по участкамъ на мантали, то вмѣсто бревенъ и зимнихъ работъ рѣшили взимать съ каждаго манталя: въ уѣздѣ Странда или Эйрюпя 1 т. 16 öре, въ Лаппвеси и Яскисскомъ уѣздѣ 1 т. 28 öре и въ Кюмменегордской губерніи 28 öре сереб. монетою. Эта подать занесена

---

[1]) Эта коммисія была подъ предсѣдательствомъ барона Зальца. Настоящія объясненія представляютъ съ небольшими исключеніями переводъ со шведскаго, помѣщенный въ книгѣ М. Айкандера, Om Donationerna i Wiborgs-län, стр. 195 и послѣд.

[2]) *Манталь*—единица мѣры, соотвѣтствующая древней русской *сохѣ*, и исчисленная по посѣву и получаемому урожаю. *Геймать* — хозяйство, усадьба или дворъ, обложенные повинностью. Въ талерѣ 32 öре; 1 шведскій спеціэсъ-рейхсъ-талеръ составлялъ около $1^1/_2$ рубл. *(Прим. авт.).—О скаттѣ*, или скаттовомъ гейматѣ, см. ниже, стр. 65, п. *3*.

въ поземельную книгу въ томъ видѣ, въ какомъ взималась во время владычества Шведовъ.

Четвертая подать называется *селитряною* и утверждена за казною уже давно, съ цѣлью споспѣшествовать селитроваренію. Вначалѣ она взыскивалась въ видѣ чернозема и золы, а затѣмъ рѣшили брать по 1 т. 17 öре съ каждаго большаго и малаго геймата, за исключеніемъ Эйрюпяскаго уѣзда, въ которомъ съ давнихъ временъ духовенство владѣло своими гейматами, а равно и прибрежныхъ мѣстъ, изъятыхъ отъ обязанности платить налоги; тамъ же, гдѣ каждый манталь приравнивался къ 1 скатту, платили только половину вышепомянутой суммы, а именно 24½ öре.

Изъ этихъ четырехъ различныхъ налоговъ возникли въ шведскихъ земельныхъ книгахъ вошедшіе въ отчеты ординарные налоги.

2. О взиманіи вышесказанныхъ ординарныхъ податей. Скаттовые или наслѣдственные крестьянскіе гейматы, налогъ съ которыхъ предназначенъ на содержаніе милиціи, вносятъ положенныя подати деньгами и хлѣбомъ, въ подлежащихъ уѣздахъ, такимъ образомъ, что хлѣбъ, показанный въ ревизіонныхъ и поземельныхъ книгахъ подъ названіемъ ежегоднаго налога и военной контрибуціи, и именуемый оброчнымъ или уставнымъ хлѣбомъ, платится натурою; всѣ же другія оброчныя статьи вносятся, по оцѣнкѣ казны, деньгами. Такимъ образомъ возникла хлѣбная подать; денежная же цѣнность другихъ оброчныхъ статей вносится въ земскія и налоговыя книги въ видѣ ординарной подати. Но казеннымъ крестьянамъ и тѣмъ, которые расписаны по полкамъ для содержанія милиціи, дозволялось [1]) вносить деньгами и хлѣбную подать, полагавшуюся натурою, считая 3 тал. серебр. мон. за бочку, какъ бы ни была высока въ данную минуту рыночная цѣнность хлѣба. Что же касается другихъ оброчныхъ статей, то они обязаны были вносить ихъ на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и остальные скаттовые крестьяне.

Дворянамъ предоставлялось право взимать повинность съ фрельзовыхъ имѣній натурою, а равно и обязательную для каждаго лица мужескаго пола повинность на образовательныя цѣли прихода, барщиною, причемъ каждый барщинный день считался въ 6 öре сереб. мон. Владѣльцы имѣли право взимать эту повинность или барщиною въ натурѣ, на заводахъ и фабрикахъ, или они могли войти въ соглашеніе съ крестьянами, и вмѣсто поденщины получать съ нихъ денежную плату по установленной оцѣнкѣ.

Относительно казенныхъ крестьянъ, необязанныхъ оброкомъ на содержаніе какого-либо государственнаго или военнаго учрежденія, положеніе было одинаковое; но тѣ, которые были приписаны къ содержанію войска и были податными крестьянами, должны были выплачивать хлѣбную подать натурою. Казенные крестьяне, напротивъ, имѣли право вносить вмѣсто хлѣба деньги, считая по 3 тал. за тонну.

---

[1]) § 3 королевскаго повелѣнія отъ 7-го апрѣля 1685 г.

Что касается прибрежныхъ мѣстностей, какъ Выборгскій, Біеркöскій, Ведерлакскій и Секкіярвскій приходы, то подъ управленіемъ Шведовъ они имѣли право вмѣсто хлѣба вносить подать деньгами, въ размѣрѣ назначенномъ казною.

Владѣльцы фрельзовыхъ имѣній получали свои штатомъ положенные доходы съ дарованныхъ имъ помѣстій; епископъ и учителя съ назначенныхъ имъ въ пользованіе (пребендныхъ) гейматовъ, а пасторы, капелланы и содержатели станцій съ мѣстъ ихъ жительства, а не съ какихъ-либо другихъ казенныхъ земель.

3. *Разница между крестьяниномъ-владѣльцемъ скаттоваго геймата и казеннымъ крестьяниномъ.* Выкупное или наслѣдственное право проистекаетъ въ этой губерніи не изъ того, что гейматы выкуплены крестьянами за извѣстную цѣну отъ казны, а потому что эти гейматы, по старинному обычаю, во многихъ поколѣніяхъ переходили отъ отца къ дѣтямъ и внукамъ, и что на гейматахъ этихъ нѣтъ казенныхъ недоимокъ, а лежащая на нихъ ежегодная податная повинность выплачивалась казнѣ сполна. Преимущество крестьянина-владѣльца геймата предъ казеннымъ состоитъ только въ томъ, что если первый обѣднѣетъ и не въ состояніи уплатить лежащихъ на немъ повинностей, то казна три года ждетъ уплаты недоимокъ, оставляя за нимъ принадлежащій ему родовой гейматъ; но если и по истеченіи этого срока онъ все-таки не въ состояніи внести недоимки, то теряетъ свое право наслѣдственнаго владѣльца, развѣ найдется кто-либо другой, который, взамѣнъ пополненія недоимокъ, захочетъ перевести на себя это право. Въ противномъ случаѣ гейматъ превращается въ казенный, наслѣдственный владѣлецъ теряетъ на него свое право, и гейматъ переходитъ къ другому лицу уже въ качествѣ казенной собственности.

Казенный крестьянинъ, напротивъ, если онъ по лѣни или легкомыслію не въ состояніи внести свои повинности, можетъ, по распоряженію фохта, быть удаленъ съ геймата, послѣ предварительнаго изслѣдованія причинъ его обѣднѣнія и удостовѣренія въ его лѣности и пьянствѣ. Но если невзносъ платежей происходитъ отъ неурожая, смерти, падежа скота или другаго какого-либо бѣдствія, то дается разсрочка для пополненія недоимокъ; если же, не смотря на это, подати все-таки не могутъ быть внесены, то онѣ, по тщательномъ изслѣдованіи, могутъ быть снесены со счетовъ казны.

Во всякомъ случаѣ крестьянинъ-владѣлецъ скаттоваго геймата имѣетъ право продать, на законномъ основаніи, свое наслѣдственное право какъ на гейматъ, такъ и на усадьбу, послѣ чего покупатель вступаетъ въ его права. Казенный же крестьянинъ не можетъ, безъ предварительнаго разрѣшенія властей, перенести свое право владѣнія на другое лицо.

4. *Церковная десятина.* Церковная десятина—старинный налогъ, выплачивавшійся въ этой губерніи еще въ то время, когда страна исповѣдывала католическую вѣру, какъ это видно изъ шведскаго закона о церквахъ и первой статьи его. Онъ собирался, подъ присмотромъ

земской полиціи и церковнаго старосты, въ видѣ десятаго снопа или десятой повозки со всякаго хлѣба [1]), причемъ солома возвращалась крестьянамъ. Изъ всего перемолоченнаго хлѣба, въ каждомъ приходѣ, пастору полагалась 1/3 часть, двѣ же трети препровождались на храненіе въ церковный складъ, причемъ казна принимала на себя заботу о его сохранности. Уже давно здѣсь, въ Выборгской губерніи, приказано было взимать съ манталя каждаго участка по двѣ бочки хлѣба [2]). Исключеніе составляли въ этомъ случаѣ только церковные геймата въ Выборгскомъ приходѣ, монастырь и церковный гейматъ въ Странда, собственные его королевскаго величества наслѣдственные геймата и казенные крестьяне, которые какимъ бы ни владѣли гейматомъ, большимъ или малымъ, обязаны были вносить, въ видѣ десятины, 1/4 бочки. Въ Кюменегордской губерніи, взамѣнъ десятины, была установлена извѣстная плата. Въ Біеркö (Березовые острова, приморскій уѣздъ), въ видѣ десятины вносили, вмѣсто бочки соленой рыбы, 4 тал. съ каждаго скатта. Бископсö (островъ епископа) и нѣсколько другихъ меньшихъ островковъ были освобождены отъ уплаты десятины.

Въ распоряженіи и управленіи десятиною, въ продолженіе многихъ лѣтъ до завоеванія Выборга, поступали такимъ образомъ, что весь сборъ ея сдавался на храненіе въ церковный складъ подъ присмотръ короннаго фохта, который съ своей стороны каждую сороковую бочку отправлялъ къ полковому писарю, для дальнѣйшей доставки въ военный госпиталь, подъ росписку послѣдняго. Начальство же госпиталя имѣло раздать этотъ хлѣбъ между старыми отставными унтеръ-офицерами и солдатами артиллеріи и земской милиціи. Затѣмъ изъ каждаго церковнаго склада выдавалось на каждую церковь по двѣ бочки и на каждаго пастора по одной бочкѣ хлѣба, для пріобрѣтенія церковнаго вина и вообще на содержаніе церкви по положенію, и кромѣ того отпускалась еще 1 бочка на печатаніе библій, что лежало на попеченіи нѣкоторыхъ учителей Выборгской школы. Все это взималось прежде всего со всего количества десятиннаго хлѣба; изъ остатка же выдавалась пастору третья часть, остальныя же двѣ трети препровождались, по распоряженію губернатора и ландскамерира, сначала въ госпиталь, по особому росписанію, а потомъ насколько хватало, для содержанія пѣхоты, причемъ недостача пополнялась изъ казенныхъ складовъ. Отъ взноса десятины не былъ освобожденъ никто, кромѣ дворянъ съ ихъ помѣстьями, рустгалтовъ (т. е. такихъ имѣній, которыя обязаны были поставкою конной милиціи или драгунъ), и бостелей офицеровъ [3]), которые выпросили себѣ на это особую королевскую

---

[1]) Установлено 22 февраля 1683 г. въ § 4.

[2]) Бочка—мѣра емкости=около 6 1/4 четвериковъ, и состоитъ изъ 30 каппъ; каждая каппа около 1 2/3 гарнца. Въ Кореліи (Кексгольмской пров.) считалось въ бочкѣ 32 каппы. См. ниже, стр. 80.

[3]) Бостели — казенныя имѣнія, вотчины, вмѣсто денежнаго содержанія назначавшіяся чиновникамъ и офицерамъ за службу.

привиллегію, и наконецъ пасторскихъ дворовъ, какъ это видно изъ постановленія о хлѣбной десятинѣ [1]) и изъ привиллегій духовенства [2]). Освобождались отъ взноса десятины еще епископы съ присвоенныхъ имъ пребендныхъ гейматовъ и лекторы при выборгской гимназіи. Подъ управленіемъ короля Фридриха I [3]) пасторы въ Швеціи, въ силу дарованныхъ имъ старинныхъ привиллегій, получали третью часть со всего количества десятиннаго хлѣба, прежде нежели онъ распредѣлялся на другія цѣли.

5. *Экстраординарныя повинности. Прогонная плата.* Налогъ этотъ принятъ крестьянскимъ сословіемъ и другими жителями уѣзда, съ цѣлью доставить правительству средства на веденіе войны [4]). Желая освободиться отъ ямской гоньбы и отъ связанныхъ съ нею тягостей, крестьяне рѣшились платить съ каждаго мантала по 3 тал. въ годъ; но еслибы не смотря на то все-таки воспользовались ихъ лошадьми для почтовой ѣзды, то за каждую шведскую милю, составляющую 10 верстъ, обязаны были уплачивать имъ 6 öре сѣреб. мон., каковыя деньги могли быть учтены изъ слѣдующей съ крестьянина суммы повинностей. Коронные служащіе или офицеры, при разъѣздахъ по дѣламъ службы, обязаны были платить за взятыхъ ими лошадей, за каждую милю, по 4 öре [5]), тогда какъ частныя лица, совершавшія поѣздки по своимъ собственнымъ дѣламъ, платили 6 öре за милю, подъ страхомъ денежной пени во 100 тал., еслибы они отказались отъ установленной платы. Пеню эту съ нихъ взимали тотчасъ и безапелляціонно, какъ это установлено королевскимъ распоряженіемъ о взятіи подъ почтовую гоньбу лошадей (23 ноября 1686 г.). Содержатели станцій, въ силу постановленія о нихъ [6]), освобождались отъ уплаты означенныхъ прогоновъ, какъ равно епископы, духовенство, школьные учителя духовнаго званія и пономари, на основаніи ихъ привиллегій [7]). Владѣльцы фрельзовыхъ имѣній, пользуясь данными имъ привиллегіями, платили только половину прогонныхъ денегъ. Фрельзовые же гейматы, пользовавшіеся также и сетерейнымъ (бѣлопомѣстнымъ) правомъ, т. е. привиллегіей на дворянское помѣстье, съ однимъ или нѣсколькими гейматами, были вовсе освобождены отъ этой и всѣхъ другихъ повинностей. Крестьяне обязаны были доставлять этотъ налогъ въ ближайшій городъ или въ мѣстность, указанную правительствомъ или владѣльцемъ имѣнія, но во всякомъ случаѣ въ мѣста, не очень отдаленныя и не слишкомъ лежащія въ сторонѣ, чтобы этимъ не нанести ущерба или разоренія плательщику.

---

[1]) 22 февраля 1638 г.

[2]) 1 октября 1675 г., § 6.

[3]) Когда писалось донесеніе бар. Зальца.

[4]) § 6 постановленія государственныхъ сословій отъ 3 января 1642 г. и § 1 королевскаго удостовѣренія отъ 1 октября 1649 г.

[5]) § 18 королевскаго постановленія отъ 3 января 1683 г.

[6]) 20 августа 1664, §§ 35 и 36.

[7]) Дарованныхъ имъ 1 октября 1675 г.

6. Денежный взносъ вмѣсто поденщины (барщины). Другой чрезвычайный налогъ состоялъ въ уплатѣ денегъ взамѣнъ поденщины, такъ какъ крестьяне согласились вносить по 3 тал. съ каждаго мантала, вмѣсто того чтобы отрабатывать извѣстное число дней на крѣпостяхъ и въ казенныхъ усадьбахъ. Отъ этой поденщины могли освободиться гейматы, приписанные на содержаніе милиціи, и собственно казенные крестьяне, платя 3 тал. съ мантала. Но фрельзовые крестьяне, жившіе не далѣе 1 или 2 миль отъ владѣльца имѣнія, обязаны были, по первому его требованію, исполнять барщину, съ лошадью или безъ оной, жившіе же дальше, избавлялись отъ нея посредствомъ взноса 3 тал. На каждый отдѣльный манталь приходилось по 12 пѣшихъ, и по 6 конныхъ барщинныхъ дней, причемъ первые учитывались по 4, а вторые по 8 öре за каждый [1]). Священники и содержатели станцій были освобождены отъ этого налога, какъ и отъ взноса прогонной платы, а равно и владѣльцы фрельзовыхъ имѣній, епископскіе и учительскіе гейматы.

7. Пошлина съ рогатаго скота. Эта пошлина установлена въ 15-мъ столѣтіи, во времена королевы Маргариты, какъ военная контрибуція, въ силу которой всѣ жители деревень обязаны были за своихъ лошадей и жеребятъ и за болѣе или менѣе крупный рогатый скотъ вносить въ военное время пошлину, обратившуюся потомъ, на основаніи постановленія риксдага отъ 24 декабря 1627 г., въ постоянную подать. Пошлина эта взималась въ размѣрѣ 2 тал. съ каждаго цѣльнаго геймата въ Швеціи, и съ каждаго отдѣльнаго мантала въ Финляндіи [2]). Съ теченіемъ времени эта пошлина обратилась въ постоянный государственный налогъ, и взималась въ размѣрѣ 2 тал. съ каждаго мантала [3]). Ее вносили ежегодно не только крестьяне, но и епископы и пасторы и содержатели станцій; лишь школьные учителя были избавлены отъ взноса ея [4]), а равно и владѣльцы фрельзовыхъ имѣній, которые платили только половину, тогда какъ сетереи и офицерскіе бостели, пользовавшіеся привиллегіями, были совершенно изъяты отъ обязанности вносить этотъ налогъ.

8. Подать на ремонтъ замковъ и дворцовъ. О времени установленія этой пошлины не имѣется достовѣрныхъ свѣдѣній, но она уже давно взималась въ Выборгской губ. въ размѣрѣ 1 тал., а въ Кюменегордской губ. въ размѣрѣ 16 öре съ каждаго мантала. Эта подать уплачивалась всѣми сословіями, за исключеніемъ епископовъ, пасторовъ и школьныхъ учителей, владѣльцевъ фрельзовыхъ сетерей и офицерскихъ бостелей.

9. Пошлина на дрова. Эта подать состояла ранѣе изъ воза дровъ съ каждаго геймата, который крестьяне обязаны были ежегодно до-

---

[1]) § 6 постановленія риксдага отъ 24 декабря 1652 г.

[2]) Рѣшеніе риксдага отъ 23 февраля 1642 г., § 5; утверждено 20 ноября 1643 и 6 ноября 1650 г., § 4.

[3]) Постановленіе о взиманіи податей1668 г., § 1.

[4]) Королевскимъ распоряженіемъ отъ 20 октября 1672 г.

ставлять въ крѣпости или казенныя имѣнія; но затѣмъ она превратилась въ постоянный государственный взносъ, опредѣленный въ 4 öре ежегодно съ каждаго геймата, большаго или малаго. Освобождались отъ этого взноса только епископскія имѣнія, дворы пасторскіе и капелланскіе, дворянскія сетерейныя имѣнія и офицерскіе бостели.

10. Денежный взносъ, взамѣнъ поставки и содержанія матросовъ. Прежде изъ приходовъ Выборгскаго округа не брались матросы, кромѣ какъ съ островов Біёркöскаго округа, а именно: Тюттерса, Лёфсалö и Сейскара, гдѣ однако, по распоряженію королевскаго адмиралтейства, позже въ мирное время, вмѣсто матроса, взимали по $3^1/_2$ тал. съ каждаго дыма. То же самое было и на Гохландѣ, лежащемъ въ Векелакскомъ приходѣ.

11. Налогъ на мантали. (Личная подать). Эта пошлина была установлена въ прежнее время въ видѣ военнаго налога, подъ названіемъ мельничнаго сбора или налога на помолъ [1]), съ каждаго человѣка не моложе 12 лѣтъ по 1 маркѣ или 8 öре [2]), причемъ налогъ этотъ былъ названъ мантальнымъ. Но позднѣе этотъ налогъ съ мельницъ превращенъ въ мантальный налогъ съ лица, и такимъ образомъ онъ со временемъ сдѣлался постояннымъ государственнымъ налогомъ, вносимымъ всѣми, съ 15 до 60-лѣтняго возраста, по 24 öре съ человѣка въ городахъ, а въ деревняхъ такая сумма взималась только съ лицъ, находящихся на коронной службѣ. Казенные крестьяне и тѣ, которые обязаны были поставкою конныхъ солдатъ и драгунъ, платили по 16 öре (за послѣднихъ вносили приписанные къ нимъ добавочные крестьяне), свободные же крестьяне, приписанные къ пѣхотѣ, и крестьяне фрельзовыхъ имѣній платили по 12 öре. Кромѣ владѣльцевъ фрельзовыхъ имѣній и ихъ работниковъ, состоявшихъ у нихъ на жалованіи и содержаніи, никто не былъ изъятъ отъ уплаты этого налога [3]). Епископы также были избавлены отъ взноса этой подати. (Пошлину эту предписано было взимать здѣсь на прежнихъ основаніяхъ; только крестьянамъ, поставлявшимъ во времена Шведовъ сухопутныхъ солдатъ, по новѣйшей ревизіи предписано было уплачивать наравнѣ съ другими, если только въ отношеніи количества гейматовъ находились не въ худшемъ чѣмъ они положеніи).

12. Оброкъ на содержаніе лагманскаго суда. Этотъ оброкъ считается съ норркöпингскаго постановленія отъ 22 марта 1604 г., а § 39-мъ королевскаго распоряженія отъ 23 ноября 1680 г. установлено, чтобы за каждое засѣданіе лагманскаго суда, которое имѣетъ мѣсто только разъ въ году, было уплачиваемо по 6 öре. Съ того времени налогъ этотъ вносился постоянно и значится въ шведскихъ финансовыхъ отчетахъ какъ установленная подать, уплачиваемая всѣми въ уѣздѣ, за исключеніемъ

---

[1]) § 4 постановленія риксдага отъ 24 декабря 1627 г.
[2]) Постановленія риксдага 29 іюня 1629 г. и 12 ноября 1635 г., § 2.
[3]) § 7 инструкціи мантальному комиссару отъ 1693 г.

фрельзовыхъ сетерей и ихъ торперовъ [1]), пасторовъ и капеллановъ, на основанiи привиллегiй духовенства, и членовъ герадскихъ (уѣздныхъ или окружныхъ) судовъ [2]). Подать эта взималась не только съ каждаго геймата, но и съ каждаго дыма или семьи.

13. Оброкъ на содержанiе герадскаго (уѣзднаго или окружнаго) суда. Все, что сказано относительно оброка на содержанiе лагманскаго суда, относится и къ оброку на содержанiе герадскаго суда, съ тою лишь разницею, что налогъ на содержанiе сего послѣдняго утвержденъ въ размѣрѣ 12 öре. Оба эти налога шли на штатное жалованье лагманамъ и герадскимъ судьямъ, остатокъ же препровождался въ королевскiй гофгерихтъ. За помѣщенiе герадскаго судьи платилось изъ штатныхъ доходовъ государства.

14. Денежный сборъ на содержанiе суда. Этотъ налогъ очень старый, и взимался весьма неравномѣрно въ различныхъ мѣстностяхъ шведскаго королевства, и состоялъ во взносѣ 6 öре съ каждаго геймата. Въ Выборгской же губернiи взималось 4 каппы [3]) хлѣба съ каждаго, большаго или малаго, геймата, причемъ торперы и бѣдные люди ничего не платили. Всѣ, кто былъ освобожденъ отъ налога на содержанiе лагманскаго суда (см. п. 12) и отъ церковной десятины (п. 4) освобождались также отъ взноса хлѣба на содержанiе суда. При распредѣленiи этого хлѣба [4]) поступали такимъ образомъ, что герадскiй судья получалъ $^1/_3$ часть, немдеманы (засѣдатели) также $^1/_3$ часть и лагманскiй судъ $^1/_3$ часть. Но въ Выборгской губернiи распредѣленiе было другое; тамъ уѣздный судья получалъ съ общаго итога хлѣбнаго налога $^4/_9$ части, немдеманы $^2/_9$ и лагманскiй судъ $^2/_9$ частей. Остальная $^1/_9$ часть шла на чрезвычайные расходы для экзекуцiонныхъ надобностей, на уплату за переплетныя работы и на жалованiе профоссу. При королѣ Фридрихѣ I шведское правительство уклонилось отъ взиманiя этой подати и она взыскивалась самими герадскими судьями, каждымъ въ своемъ округѣ, причемъ на долю засѣдателей приходилась $^1/_4$ часть, 3 же четверти удерживались судьею собственно для себя.

15. Денежный сборъ на содержанiе бѣдныхъ учениковъ. Сборъ этотъ былъ предписанъ королемъ Густавомъ-Адольфомъ (7 апрѣля 1624) со всего государства, на поддержанiе неимущихъ учениковъ и составлялъ 6 öре для каждаго крестьянскаго и торперскаго семейства, безъ изъятiя. Взиманiе этого налога въ Выборгской губ. не лежало на обязанности коронныхъ властей; онъ не значился и въ финансовыхъ отчетахъ, такъ какъ епископы и школьные рек-

---

[1]) Дворянскiя привилегiи 8 октября 1617 г., § 43. Торперомъ называется лицо, по большей части безземельный крестьянинъ, пользующееся на договоренныхъ условiяхъ большимъ или меньшимъ участкомъ земли, уступаемымъ для того землевладѣльцемъ. *(Прим. авт.).*

[2]) § 7 постановленiя 1 октября 1675 и § 25 королевской резолюцiи 3 января 1683 г.

[3]) См. выше, прим. 2 на стр. 68.

[4]) Королевск. распор. 11 iюля 1685 г.

торы, завѣдуя этимъ доходомъ, распредѣляли его между учениками, по засвидѣтельствованіи прилежанія послѣднихъ. Нѣсколько учениковъ сами, съ помощью церковнаго старосты, сбирали этотъ налогъ и затѣмъ распредѣляли его по раскладкѣ, составленной гимназіей или школой. Въ Выборгской губерніи каждая семья платила 6 öре, торперы только 3 öре, бѣдные же и случайные жители ничего не платили. Но такъ какъ въ настоящее время (1728 г.) ни въ городѣ, ни въ губерніи нѣтъ школъ, то при ревизіи средства эти не могли быть приняты въ соображеніе, пока не получится новое приказаніе объ основаніи школъ.

16. Денежная повинность или налогъ на содержаніе войска. Во время королей Карла XI и Карла XII Выборгской губерніи было предписано содержать войско, и въ то же время установлено, что кромѣ земельныхъ податей отъ 4 гейматовъ, какіе бы они ни были, большіе или малые, казенные или приписанные къ милиціи, или фрельзовые, эти гейматы обязаны были еще поставлять и по 1 солдату, которому выплачивать ежегодное жалованіе въ 6 тал., причемъ въ мирное время солдатъ этотъ обязывался поддерживать себя работою и ремеслами, а въ военное поступалъ на казенное содержаніе, получая въ то же время назначенное ему жалованіе и отъ гейматовъ. Отъ поставки и содержанія солдатъ избавлены были только пасторскіе и капелланскіе дворы [1], а равно офицерскія имѣнія (бостели) и угодья, поставлявшія конныхъ солдатъ или считавшіяся фрельзовыми имѣніями.

По завоеваніи Выборгской губерніи Русскими, при установленіи правилъ для содержанія войска, приняты въ основаніе не скатты и отдѣльные мантали, а всѣ большіе и малые гейматы вносили равномѣрно на этотъ предметъ. Вслѣдствіе этого и при ревизіи (1728 г.) принятъ тотъ же методъ, такъ что каждому геймату положено вносить $1^1/_2$ тал., между прочимъ и тѣмъ гейматамъ, которые назначены были прежде для офицерскихъ бостелей, и тѣмъ, которые поставляли конныхъ солдатъ и драгунъ; вновь завоеванная провинція утратила свой прежній характеръ и освобождена была отъ обязанности содержать войско.

17. Участіе казны въ пользованіи денежною пенею. Денежные штрафы съ давнихъ поръ были установлены въ основныхъ шведскихъ законахъ. Если кто былъ присужденъ герадскимъ судомъ ко внесенію пени и былъ въ состояніи уплатить ее, то судья обязанъ былъ сообщить коронному сборщику податей извлеченіе изъ составленнаго по этому случаю протокола, а послѣдній обязанъ былъ взыскать пеню и внести часть ея, причитающуюся на долю казны, въ приходскій денежный сундукъ [2]. Но затѣмъ, по королевскому распоряженію отъ 25 мая 1683 г., пеня эта должна была отсы-

---

[1]) Согласно привиллегіямъ, выговореннымъ духовенствомъ 1-го октября 1675 г., § 8.

[2]) § 9 королевскаго распоряженія 10 декабря 1672 г.

латься въ гофгерихтъ, по удержаніи изъ нея суммы, необходимой для чрезвычайныхъ расходовъ судовъ, какъ напр. путевыя деньги при отправкѣ арестантовъ къ мѣсту экзекуціи [1]).

18. Налогъ на преступниковъ. Этотъ налогъ принятъ риксдагомъ въ Норркёпингѣ 22 марта 1604 г., причемъ тогда же § 9-мъ постановлено было взыскивать со всѣхъ преступниковъ въ государствѣ по 1 тал. съ человѣка ежегодно. Деньги эти взимались, во времена Шведовъ, на основаніи извлеченія изъ мантальной книги. Налогъ этотъ удержанъ и при русскомъ владычествѣ и послѣ ревизіи 1728 г.

19. Налогъ въ пользу духовенства. Неизвѣстно, когда начался взносъ этихъ денегъ, но изъ ревизіонной книги видно, что подъ шведскимъ управленіемъ пасторы Выборгской губерніи получали отъ каждаго отдѣльнаго манталя, въ ихъ приходахъ, по 9 öре; но отдаленные отъ берега острова Біёркöскаго прихода не платили никакой такой подати. Она взималась одновременно съ казенными сборами земской полиціей и отсылалась въ казначейство. Считающіеся въ духовномъ званіи лекторы выборгской гимназіи были избавлены, на основаніи дарованныхъ имъ привиллегій, отъ взноса этой платы. Изъ этихъ денегъ выплачивалось жалованіе епископамъ; при недостаткѣ ихъ, таковой пополнялся изъ другихъ казенныхъ источниковъ. Во время ревизіи 1728 г. налогъ этотъ уже не собирался пасторами и положеніе о немъ не внесено въ ревизіонную книгу.

20. Снаряженіе конницы дворянами. На основаніи постановленій, изданныхъ Густавомъ-Адольфомъ и Карломъ XI [2]), каждый дворянинъ, владѣвшій фрельзовымъ имѣніемъ въ Выборгской губерніи, обязанъ былъ поставлять и содержать для шведскаго правительства одного коннаго солдата. Крестьяне съ прибрежныхъ мѣстъ и обитатели Біёркö, невносившіе хлѣбной подати натурою, доставляли конницѣ соленую рыбу и масло, жители же Гохланда, въ Векелакскомъ приходѣ, равно дальнихъ острововъ, только соленую рыбу. Лошадь съ коннымъ солдатомъ и полнымъ вооруженіемъ, считалась съ 500 марокъ дохода. Владѣльцы небольшихъ помѣстій, имѣвшіе доходъ меньшій того, при которомъ возможно поставить и содержать поллошади (не выше 300 мар.), могли войти въ складчину съ другими. Съ другой стороны, если чей доходъ только на 20 тал. превышалъ сумму, необходимую для поставки 1 лошади, то онъ поставлялъ только 1 лошадь. Сироты, потерявшіе родителя, были избавлены отъ этой подати, тогда какъ если они лишились матери при живомъ отцѣ, то это не освобождало ихъ отъ повинности, и они вносились въ ревизіонныя книги. Въ случаѣ смерти владѣльца имѣнія, послѣднему производилась оцѣнка, причемъ установлялось къ кому переходитъ обязанность вносить деньги на поставку и содержаніе всадника. Въ мирное время вносилась

---

[1]) См. королевск. резолюц. отъ 4 апрѣля 1698 г.

[2]) 20 мая 1626 г. и 5 октября 1686 г.

только половина этого налога [1]). Тѣ, кому дарованы были въ пожизненное владѣніе 1, 2, или 3 геймата, собственныхъ же угодій не имѣли, избавлены были отъ обязанности поставлять конную милицію [2]).

21. О лѣсопильняхъ. Шведскія мантальныя книги не представляютъ никакихъ данныхъ въ пользу установленія налога на лѣсопильни, и подъ управленіемъ Шведовъ за нихъ и не вносилась никакая подать, такъ какъ лѣсопильни считались въ числѣ доходныхъ статей гейматовъ, крестьяне же пользовались отъ нихъ хорошимъ заработкомъ, рубя лѣсъ и сплавляя бревна, а казна получала доходъ съ распиленныхъ досокъ. Но лѣсопильные заводы, устроенные въ Швеціи, по заключеніи мира (Ништадтскаго), при Фридрихѣ I, были обложены податью до дальнѣйшаго объ этомъ распоряженія камеръ-коллегіи. Поэтому и въ Выборгской губерніи, при послѣдней ревизіи (1728 г.?) предложено было принять къ соображенію этотъ налогъ и представить его на усмотрѣніе подлежащихъ властей. Съ лѣсопиленъ въ имѣніяхъ высочайше пожалованныхъ, предполагалось также исчислить налогъ съ доходовъ владѣльца [3]).

22. Свѣдѣніе о томъ, какимъ образомъ назначались и взимались вышеозначенные налоги. Во времена Шведовъ, казенные крестьяне неприписанные къ содержанію какого-либо государственнаго учрежденія, вносили свои земельные и чрезвычайные налоги уѣздному фохту, который и представлялъ отчетъ въ полученныхъ суммахъ; но крестьянамъ, которымъ обязательна была поставка конной милиціи и бостелей какъ для конницы, такъ и для пѣшихъ солдатъ, предоставлено было право зачитать: взносъ земельныхъ налоговъ, плату денегъ вмѣсто поденщины, прогонную плату, пошлину на ремонтъ дворцовъ, пошлину на дрова—въ счетъ своего жалованья и конной службы въ милиціи. Но сетереи, служащія мѣстопребываніемъ самому владѣльцу, согласно дворянскимъ привиллегіямъ и королевскимъ распоряженіямъ, освобождались отъ налога на рогатый скотъ, въ пользу ремонта дворцовъ и на дрова, а равно и отъ уплаты на содержаніе судовъ, лагманскаго и герадскаго. Крестьяне, назначавшіеся въ помощь (аугментные) тѣмъ, на обязанности которыхъ лежала поставка и содержаніе конныхъ солдатъ и бостелей для пѣшихъ солдатъ, вносили свои земельные налоги, плату за прогоны, за поденщину и пошлину на рогатый скотъ тѣмъ, кому были приписаны въ помощь для уплаты повинностей; налогъ же для ремонта дворцовъ и на дрова они вносили въ казну. Для крестьянъ, приписанныхъ въ помощь обязаннымъ поставлять и содержать спеціально драгунъ, было то изъятіе, что они и пошлину съ рогатаго скота вносили въ казну.

---

[1]) См. § 37 дворянскихъ привиллегій 1617 г.

[2]) § 8 постановленія 1686 г.

[3]) Изъ доклада бар. Зальца усматривается между прочимъ, что цѣнность досокъ падала въ то время изъ году въ годъ.

Гейматы, приписанные къ епископскимъ бостелямъ, освобождались отъ всякихъ сборовъ, кромѣ налога на рогатый скотъ; учителя же гимназіи не платили даже и этого налога.

Владѣльцы фрельзовыхъ имѣній и города получали отъ дарованныхъ имъ гейматовъ поземельный налогъ, всю сумму за поденщину и половину налога на скотъ и прогонныхъ денегъ; но всѣ другія подати и повинности вносились гейматами казнѣ.

Отведенные для жительства пасторовъ, капеллановъ и церковныхъ служителей участки земли, на основаніи королевскаго распоряженія, освобождались отъ всякихъ земельныхъ и другихъ повинностей, за исключеніемъ налога на скотъ, который и вносился ими въ казну.

23. Объ уравненіи въ приходѣ налоговъ, сдѣланномъ при ревизіи. Такъ какъ въ росписи обнаружилась большая неурядица вслѣдствіе полной несоразмѣрности между манталями и уплачиваемыми ими налогами, то шведское правительство рѣшило приступить къ уравненію послѣднихъ. Но такъ какъ это уравненіе не могло тогда состояться вполнѣ, то при ревизіи 1728 г., произведено новое уравненіе, согласно состоянію гейматовъ и платежной способности ихъ владѣльцевъ. Исключеніе сдѣлано для Епископскаго острова, въ приходѣ Біёркö, и того же прихода для острововъ Тюттерса, Лöфсалö и Сейскаръ, характеръ которыхъ не могъ быть измѣненъ, и они не обложены новою податью, а оставлены въ прежнемъ положеніи. То же самое и относительно острова Гохланда въ Векелакскомъ приходѣ. Ничего нельзя было измѣнить и относительно усадьбы Лилла [1], близъ Выборга, а равно и относительно казенныхъ луговъ, островокъ и рыбныхъ ловель, такъ что въ земельной окладной книгѣ оставлена была прежняя взимавшаяся съ нихъ рента.

24. Разсрочка во взносѣ налоговъ. Относительно вышепоименованыхъ какъ постоянныхъ, такъ и ординарныхъ и экстраординарныхъ налоговъ, доказано, что они бòльшею частью установлены съ цѣлью добыть вспомогательныя средства для веденія войны, но что, съ теченіемъ времени, они превратились въ постоянные налоги, взимавшіеся ежегодно. А такъ какъ, подъ тяжестію ихъ, народъ все болѣе бѣднѣлъ и уже не могъ выплачивать значительнѣйшую часть своихъ податей, то, какъ это видно изъ шведскихъ земельныхъ книгъ, благодаря королевскимъ коммиссіямъ и ихъ предстательству, налоги эти на гейматы и мантали отъ времени до времени бывали уменьшаемы. Но такъ какъ и послѣ этого, народъ все-таки не въ состояніи былъ выплачивать подати и даже исчезла всякая надежда на этотъ счетъ, то недоимки были сложены со счетовъ казны и налоги уменьшены. Для покрытія этихъ недоимокъ не забиралась послѣдняя лошадь, не уводилась корова, а равно и не отнималось зерно, необходимое для посѣва и пропитанія.

---

[1]) Monrepos, нынѣшнее владѣніе барона Николаи. См. прилож. № 8.

Между тѣмъ многіе гейматы опустѣли, отчего страдали интересы казны; многія же старыя пустоши, никогда не имѣвшія жителей, совершенно исчезли и не могли быть найдены; это повело къ большой неурядицѣ въ отчетахъ. Впослѣдствіи, въ виду сего и обѣднѣнія гейматовъ, немогшихъ вносить податей въ ранѣе опредѣленномъ размѣрѣ, и была рѣшена разсрочка.

25. Проектъ (ревизіонной коммиссіи) о введеніи экономіи въ странѣ. Если какой-нибудь крестьянскій дворъ въ приходѣ пострадалъ отъ пожара, происшедшаго не вслѣдствіе неосторожнаго обращенія съ огнемъ, то крестьянинъ, лишившійся своего двора, получаетъ отъ прихода или уѣзда, гдѣ случилось несчастіе, пособіе для покрытія обслѣдованныхъ убытковъ имъ понесенныхъ. Если пособіе это оказывается недостаточнымъ, то пострадавшій на нѣсколько лѣтъ избавляется отъ взноса податей, какъ это повелѣвается королевскимъ предписаніемъ камеръ-коллегіи отъ 9-го декабря 1684 г. И хотя, согласно позднѣйшему королевскому распоряженію (22 декабря 1692 г.), такое пособіе, въ случаѣ пожара, должно было выдаваться только за жилое строеніе,—но въ Выборгской губерніи одинаково оцѣнивали убытки, какъ за сгорѣвшее жилое помѣщеніе, такъ и за другія постройки и за сгорѣвшее имущество, тѣмъ болѣе, что самый домъ часто стоитъ менѣе, нежели сгорѣвшая въ немъ движимость. Налогъ на такое пособіе выплачиваютъ всѣ гейматы, какъ большіе, такъ и малые, въ одинаковомъ размѣрѣ.

Что касается лѣсныхъ пожаровъ, то они часто происходятъ отъ того, что прохожія лица и крестьяне неосторожно обращаются съ огнемъ, когда сжигаютъ вѣтви, и тѣмъ истребляютъ деревья, годныя для постройки и топлива, а слѣдовательно гибнетъ много полезнаго лѣса; почему уѣзднымъ судамъ и земской полиціи предписывается тщательно наблюдать за тѣмъ, чтобы виновные въ такомъ пожарѣ, согласно лѣсному уставу 1664 г., были строго наказываемы, на страхъ другимъ, дабы каждый остерегался такой неосторожности, которая можетъ имѣть результатомъ полный недостатокъ лѣса для строеній и топлива. Въ настоящее время въ странѣ находится много пришлаго народа, который не долженъ былъ бы находить себѣ здѣсь пристанище, исключая конечно старыхъ и увѣчныхъ. Слѣдовало бы побудить этотъ народъ обрабатывать пустоши или поступить въ услуженіе къ другимъ, на основаніи правилъ о рабочихъ отъ 23 ноября 1686 г., такъ какъ извѣстно, какой убытокъ онъ наноситъ крестьянамъ, истребляя лѣса и выкуривая вино, слѣдствіемъ чего является вздорожаніе хлѣба. А такъ какъ изъ-за рубки деревьевъ, для корабельнаго дѣла, опустошаются лѣса, а порубки все продолжаются, то въ скоромъ времени долженъ обнаружиться большой недостатокъ въ лѣсѣ для городскихъ построекъ, лѣсопиленъ и другихъ заведеній; поэтому слѣдовало бы если не совсѣмъ запретить, то отчасти ограничить вывозъ лѣса.

А для того чтобы крестьяне были въ состояніи выплачивать всѣ повинности, наложенныя еще Шведами, необходимо, чтобы за исключеніемъ означенныхъ въ земской книгѣ налоговъ, были уничтожены всѣ другія подати, не существовавшія при шведскомъ правительствѣ, какъ напр. арендная плата за рыбную ловлю, кромѣ собственно казенной, такъ какъ рыбная ловля составляетъ преимущество геймата, арендная плата за сѣнокосъ, за винокуреніе и клейменіе винокуренныхъ котловъ. И для того чтобы крестьянское сословіе не отягчалось болѣе, чѣмъ во времена Шведовъ, необходимо воспретить, чтобы служащіе у владѣльцевъ имѣнія лица военнаго званія и другія должностныя лица безвозмездно пользовались крестьянскими лошадьми. Прежде каждый бравшій лошадей для разъѣздовъ по казенной надобности платилъ крестьянину прогоны за каждую милю, какъ это и сказано выше, въ статьѣ о прогонной платѣ, или крестьянину вычитывалась эта плата изъ слѣдующихъ съ него повинностей; когда же устройство станціонныхъ домовъ стало необходимостью, то съ желающими заключались полюбовныя соглашенія на счетъ доставки лошадей, дабы вовсе избавить крестьянъ отъ этой повинности и не причинять имъ перерыва въ ихъ домашнихъ работахъ. Такимъ образомъ около большихъ дорогъ, гдѣ всего болѣе проѣзжало народа всѣхъ сословій, устроились станціи и гостинницы, снабжавшія путешествующихъ не только лошадьми, но и пищею и питьемъ и всѣмъ необходимымъ за установленную плату. Содержателямъ этихъ станцій были дарованы льготы, о которыхъ сказано выше въ статьяхъ о прогонныхъ деньгахъ, барщинѣ и т. д.

Такъ какъ дикія животныя, въ особенности медвѣди и волки, немало ущерба причиняютъ здѣшнему населенію, то слѣдовало бы установить должность скаллфохта, для устройства облавы и травли хищныхъ звѣрей, какъ это уже рѣшено въ Швеціи, въ силу королевскаго постановленія отъ 22 марта 1647 г. въ § 14—18.

Кексгольмская губернія и южная ея часть.

О счетѣ адеровъ (сохъ) [1] и соотвѣтствующихъ имъ налогахъ.

О четырехъ, въ южной части губерніи находящихся приходахъ: Рейселе, Пюхаярви, Саккула и Раутусъ, изъ шведскихъ поземельныхъ книгъ извѣстно, что прежде взималась нѣкоторая подать, которая однако давно, еще во времена шведскаго управленія, совершенно уничтожена, и имѣнія сданы въ аренду по цѣнѣ, найденной подходящею [2]). И такъ какъ арендаторамъ ближе всѣхъ

---

[1]) На сохи или плуги (адеры), какъ извѣстно велся въ Новгородской области, а въ томъ числѣ и въ Кореліи, счетъ обрабатываемой земли и причитающихся повинностей. См. выше, стр. 47 текста.

[2]) Какъ видно изъ этихъ словъ, составители настоящаго доклада не имѣли даже понятія о новгородскомъ обложеніи, существовавшемъ въ Кореліи цѣлые вѣка.

извѣстны были производительныя силы гейматовъ, то имъ и предоставлялось вносить подати тѣмъ способомъ, который имъ казался наиболѣе удобнымъ. Поэтому и при нынѣшней ревизіи относительно опредѣленія количества обработываемой земли принято въ основаніе особое исчисленіе, существовавшее здѣсь въ южной части губерніи, и годовые отчеты здѣшнихъ арендаторовъ.

Во времена шведскаго управленія пожалованныя имѣнія въ Кореліи и Кексгольмской губерніи не поставляли солдатъ въ конную и пѣшую милицію (какъ это видно изъ письма губернатора Фризенгейма къ генералъ-маіору Шувалову), почему и настоящая ревизія не упоминаетъ объ этой повинности въ своихъ отчетахъ.

Но такъ какъ народъ оказался въ самомъ плачевномъ положеніи и не въ силахъ вносить подати, наложенныя еще при шведскомъ правительствѣ, то нашлись вынужденными, смотря по производительной силѣ каждаго геймата, разсрочить платежъ налоговъ, назначить ихъ въ такомъ размѣрѣ, какой оказывался необременительнымъ, если только не неурожай или какое-либо другое несчастіе (отъ чего Боже сохрани), и наконецъ воспрепятствовать тому, чтобы крестьяне притѣснялись со стороны владѣльцевъ пожалованныхъ имѣній, лицъ военнаго званія и земской полиціи поборами, невходящими въ число тѣхъ налоговъ, кои взимались за каждый адеръ въ пользу казны и значились въ поземельной книгѣ. Въ случаѣ, если бы правительственныя власти или владѣльцы имѣній потребовали, чтобы крестьяне отбывали имъ поденщину и другія оброчныя статьи натурою, они обязаны исполнить это, или взамѣнъ того внести наличными деньгами, по той оцѣнкѣ, которая установлена казною; но хлѣбъ они обязаны поставлять натурою, или въ случаѣ недостатка его внести за него деньги, считая по 3 тал. за бочку. Кромѣ того воспрещается безвозмездно пользоваться крестьянскими лошадьми, а равно и обременять крестьянъ перевозкою почты. Нельзя вводить винные откупа, брать поборы за клейменіе винокуренныхъ котловъ, сдавать въ аренду рыбныя ловли (кромѣ казенныхъ) и взимать какія бы то ни было повинности, кромѣ утвержденныхъ настоящей ревизіонной коммиссіей и мантальныхъ денегъ, которыя должны поступать въ казну безъ всякаго вычета, какъ это было при шведскомъ правительствѣ, и состоятъ изъ 24 öре съ каждаго изъ высшихъ сословій и 12 öре съ крестьянина. Налогъ на содержаніе лагманскаго и другихъ судовъ, сборъ на бѣдныхъ учениковъ, а равно и плата, вносимая за засѣданія суда, должны выплачиваться здѣшними приходами и всею Кексгольмскою губерніею въ томъ же размѣрѣ, какъ и въ Выборгской. На снаряженіе конныхъ и пѣшихъ солдатъ милиціи, въ Кексгольмской губерніи и Кореліи не существовало никакихъ налоговъ, но для работъ на крѣпостяхъ съ каждой обжи (obs) взималось по 14 поденныхъ дней натурою или по 2 тал. 20 öре деньгами. Пасторы и большихъ и малыхъ приходовъ получали на свое содержаніе со стана по 12 бочекъ хлѣба и для покупки цер-

ковнаго вина 4 бочки; кромѣ того они получали по 40 тал. изъ казенныхъ средствъ, что оставлено за ними и настоящей ревизіонной комиссіей. Дворы, назначенные для мѣстопребыванія пасторовъ, капеллановъ и причетниковъ, были освобождены отъ всякихъ другихъ налоговъ, какъ это видно изъ отчетовъ шведскаго правительства и земельныхъ книгъ.

Двѣ части податнаго хлѣба вносились рожью, а одна часть ячменемъ, что предписано и теперь. То, что въ статьѣ 25 говорилось о хищныхъ звѣряхъ, пожарахъ и пришломъ народѣ, въ Выборгской губерніи, должно быть примѣнено и къ Кексгольмской.

Сѣверная часть Кексгольмской губерніи.

Такъ какъ во времена Шведовъ всѣ деревни въ этой губерніи были сданы въ аренду, то въ поземельной книгѣ отсутствуютъ всякія свѣдѣнія о размѣрѣ платимой каждымъ изъ нихъ подати, а взамѣнъ того значится ежегодная подать со всего округа, удержанная и настоящей ревизіонной комиссіей, тѣмъ болѣе, что обброченныя статьи состоятъ здѣсь большею частью изъ лѣсовъ и лядинъ [1]), которые не отдѣлены отъ селъ и приходовъ и потому по справедливости не могутъ быть обложены податью, пока землемѣрами не будутъ сдѣланы необходимые промѣры, что потребуетъ большаго труда и расхода. Поэтому установили, чтобы въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ взимался одинъ и тотъ же налогъ, но съ тою оговоркою, чтобы губернскія власти по возможности уравнивали его, сообразно съ положеніемъ угодій и ихъ приращеніемъ.

Въ сѣверной части Кексгольмской губерніи шведское правительство не взимало мантальныхъ денегъ. Оброчныя статьи, существовавшія прежде, удержаны и въ настоящее время въ каждомъ уѣздѣ.

Слѣдуетъ замѣтить, что во всей Кексгольмской губерніи въ бочкѣ хлѣба насчитывалось 32 каппы, въ Выборгской же губерніи 30,—мѣра, которая существуетъ до сихъ поръ. Все, что сказано о южной части Кексгольмской губерніи, можетъ быть отнесено и къ сѣверному ея округу.

Въ столовыхъ вотчинахъ Его Императорск. Величества и Ея Высочества Цесаревны Елизаветы Петровны [2]) всѣ подати, безъ различія, значатся въ общей рубрикѣ, такъ какъ онѣ находятся подъ вѣдѣніемъ придворной канцеляріи. Что же касается другихъ пожалованныхъ имѣній, то подать подлежащая казнѣ и владѣльцу значатся отдѣльно. Что касается государственныхъ имуществъ, то налогъ съ нихъ взимается также подъ одной общею рубрикой.

О просыпныхъ каппахъ (разтруска зерна). Въ Выборгской губерніи коронный фохтъ (губернскій комиссаръ) принималъ весь по-

---

[1]) Лядина—пожога, новгородское обозначеніе поля на мѣстѣ изъ-подъ вырубленнаго и затѣмъ сожженнаго лѣса.

[2]) См. прилож. № 8 стр. 51, №№ 42 и 43.

датной хлѣбъ ненагнетеннымъ, съ верхомъ, и безъ учета просыпки. Изъ этого хлѣба онъ препровождалъ пасторамъ, церквамъ и госпиталямъ причитающуюся имъ часть также съ верхомъ, и съ прибавкою еще полкаппы ненагнетенной и выравненной подъ гребло. Но выдавая эту полкаппу, онъ долженъ былъ считать 2 лишнихъ или просыпныхъ каппы на каждую бочку въ пользу казны. Хлѣбъ, сдававшійся въ казенные магазины, мѣряли верхомъ, но послѣ того какъ онъ пролежалъ тамъ годъ, съ него высчитывали 1 просыпную каппу съ бочки въ пользу сборщика податей и провіантмейстера, и потому съ самаго начала на каждую бочку, вносимую казнѣ, взимали еще двѣ лишнихъ или просыпныхъ каппы.

Въ Кексгольмской губерніи хлѣбъ взимался не губернскими комиссарами, а сдавался въ магазины самими арендаторами, съ верхомъ, но не нагнетеннымъ. Этотъ хлѣбъ выдавался затѣмъ провіантмейстеромъ, по предписанію, военному вѣдомству и на другія надобности. Но кромѣ того арендаторы обязаны были выдавать магазинамъ 2 просыпныя каппы на каждую бочку, изъ которыхъ одна поступала на долю сборщика податей, а другая въ собственность казны. Нагнетенная и выравненная подъ гребло мѣра соотвѣтствуетъ мѣрѣ ненагнетенной и съ верхомъ.

Такъ какъ ни въ городахъ, ни въ деревняхъ здѣсь нѣтъ школъ, изъ которыхъ между тѣмъ какъ государство, такъ и церкви могли-бы извлечь большую пользу, то необходимо установить сборъ въ пользу бѣдныхъ учениковъ, какъ это установлено въ Выборгской губерніи, для того, чтобы никакія денежныя средства безъ нужды не вывозились изъ страны, какъ это было до сихъ поръ, ибо многіе родители вынуждены были отправлять дѣтей своихъ въ Швецію, чтобы изучить тамъ латинскій языкъ и другія науки.

Городу Выборгу недостаетъ пастбищъ, такъ какъ прежніе выгоны и гейматы частью поступили подъ военный лагерь, частью вошли въ угодья, Высочайше дарованныя оберъ-шталмейстеру Алабердееву [1]), какъ это показываютъ земельныя книги и протоколъ ревизіонной комиссіи; поэтому необходимо, чтобы для новыхъ пастбищъ назначены были другія мѣстности, лежащія невдалекѣ отъ города. И такъ какъ пасторы и капелланы во всей провинціи удержали за собою свои прежніе гейматы, угодья же выборгскаго пробста и капеллановъ лежатъ въ чертѣ земель, въ силу Высочайшаго указа розданныхъ частнымъ лицамъ, то нужно испросить у правительства, чтобы имъ были отведены новые дворы и чтобы они пользовались своимъ прежнимъ жалованіемъ, о чемъ уже былъ представленъ докладъ вильманстрандскою губернскою канцеляріею. Кромѣ того необходимо, чтобы лютеранской церкви въ Выборгѣ были возвращены ея прежніе доходы, а равно чтобы выдавали причитающіяся какъ пробстамъ, такъ и на пріобрѣтеніе церковнаго вина части хлѣбной десятины. Также слѣдовало бы назна-

[1]) См. приложеніе № 8.

чить новые казенные геймaты для госпиталя, въ возмѣщеніе тѣхъ, которые отошли подъ земли, Высочайше дарованныя, и установить денежную и хлѣбную дачу на его содержаніе. Выборгъ, 7 іюля 1729 г.—Подписали: Антонъ Іоганнъ Фонъ-Зальца. Іоганнъ Шмидтъ. Іоганнъ Дикандеръ.

11.

Изъ записки Спренгтпортена, озаглавленной: Rélation de mon voyage sur les frontières de Finlande de Friedricsham ce 14 juin 1788 [1]).

Je dois dire un mot en passant de la situation des esprits finois, qui j'ai trouvé un peu agitée et troublée par tout ce qui ce passe autour de leurs foyers. Je crois avoir réussi en partie de dissiper ces inquiétudes en assuranot chacun de mes amis, que j'ai pû voir, de la protection efficace qu'ils peuvent espérer en restant fidélement attachés à leurs vrais intêrets. Cependant comme bien de choses sont changées à présent, que les meilleures têtes sont éloignées, les plus actives mis hors d'oeuvres, je me suis bien aperçu qu'on ne peut calculer surement sur leur coopération qu'autant qu'un succès ouvert donne libre carrière à leurs bonnes intentions. Nous les retrouverons alors au moment que nous pourrons agir nous mêmes. Si tant est qu'une diète aura lieu chez eux, ce sera sans doute le moment de faire courir quelque manifeste par préalable pour exciter leur zèle. Au reste les mesures qu'on pourra prendre dépendront des circonstances.

Je ne saurais rien ajouter de plus à cet article, mon séjour ayant été trop court et ma position trop génée pour prendre là dessus tous les éclaircissements que j'aurais désiré.

12.

Рескриптъ Императрицы Екатерины II гр. Мусину-Пушкину.

4 августа 1788 г. [2])

Графъ Валентинъ Платоновичъ! Финскаго войска маіоръ Егергорнъ прибылъ сюда въ прошедшій понедѣльникъ. Вчера я его видѣла и сказала ему чтобъ онъ свою полную мочь отдалъ вицеканцлеру, который имѣетъ отъ меня повелѣніе говорить съ нимъ. Какъ въ Меморіалѣ сего маіора находятся многія несообразимыя вещи, да и дѣло сіе въобще требуетъ большаго уваженія и осмо-

---

[1]) М. Арх. М. Ин. Д., Camp. Suéd. 1788. Sprengt. Récep. Связка 1.
[2]) Журналъ именныхъ высоч. повел., № 806.

трительности, то и не могла я снабдить васъ по оному моими приказаніями; усмотря же изъ объясненій его съ вице-канцлеромъ прямыя распоряженія Финляндцовъ въ разсужденіи будущаго ихъ жребія и чего отъ нихъ надѣяться можно, поспѣшу дать вамъ мои наставленія, желая между тѣмъ вамъ благополучныхъ успѣховъ въ вашихъ намѣреніяхъ и распоряженіяхъ. Вице-канцлеръ скажетъ Егергорну, что для отнятія сомнѣнія въ его согражданахъ, естли онъ желаетъ можетъ написать къ нимъ о пріѣздѣ своемъ сюда и что его обнадеживаютъ вскорѣ отпустить съ благосклоннымъ отвѣтомъ. Ежели онъ пришлетъ свое письмо, то оное въ мѣстѣ съ симъ къ вамъ отправлено будетъ для вѣрнаго и осторожнаго доставленія посредствамъ ли губернатора Выборгскаго, или какъ вы за лучшее признаете. Пребываю всегда вамъ доброжелательная.

13.

Ему же отъ 14-го августа 1788 г. [1]).

Графъ Валентинъ Платоновичъ! въ отпускѣ племянника шведскаго оберъ камеръ-юнкера Армфельда я встрѣчаю то затрудненіе, что какъ теперь идутъ переговоры между нами и Финскимъ войскомъ, то королевская партія и можетъ воспользоваться симъ случаемъ на умаленіе жара въ противныхъ ей, разславя что Мы съ нею входимъ въ миролюбивыя сношенія, для чего и нужно теперь избѣгать всякихъ переговоровъ съ королемъ и его приближенными не сказывая ниже самыхъ того видовъ. Пребываю вамъ доброжелательная.

14.

Рескриптъ Императрицы Екатерины II гр. Мусину-Пушкину—17-го августа 1788 г. [2]).

Графъ Валентинъ Платоновичъ! При отъѣздѣ короля въ Швецію, надобно поспѣшить чрезъ посредство вамъ извѣстное подать совѣтъ войскамъ Финскимъ, чтобъ они нешли, естьли король вздумаетъ перевозить ихъ въ Швецію; ибо состоитъ въ томъ собственная ихъ польза, дабы не оставляя родины своей не предать себя во власть придерживающихся стороны королевской. Пребываемъ вамъ благосклонны.

[1]) Тамъ же, № 824.
[2]) Журн. имен. Высоч. повел. № 835.

15.

Письмо Спренгтпортена генералу Армфельту. Copie de la lettre à M. le G-l d'Armfeld du 16 août de Likala.

Mon Général. Si je n'avais pas au coeur la situation embarassante et critique dans laquelle vous vous trouvés, mon général, avec vos braves compatriotes, je ne prendrais pas la peine de détruire le bruit injuste et faux qu'on a semé parmis vous, comme si S. M. I-le par la bonté toute particulière qu'elle vient de faire éclater envers la nation finoise visait au projet de vous détacher de vos liens avec la Suède. Sans relever ici tout ce qu'un pareil bruit à d'injurieux aux sentimens bien intentionnés de S. M., dont vous devez avoir reçu les assurences desintéressées par la réponse faite à votre député, et dont vous venez déjà éprouver les effets dans le ménagement qui s'observe envers nos troupes, je n'ai qu'à vous rappeler, mon. G-l, ces mêmes assurences positives, dans lesquelles S. M. I. fait éclater toute la douceur de son âme compatissante sans autre vue que de répondre à vos désires pacifiques, en s'épargnant à Elle même le spectacle d'un peuple malheureux et ruiné par toutes les horreurs d'une guerre qui certainement n'a pas été son ouvrage; en les pésant comme vous le devés, vous y reconnaitrés les principes d'humanité et de bonté si naturel au caractère de cette auguste Princesse et vous n'y trouvez surement aucun vestige qui puisse donner ombrage à la liberté que vous voulés vous conserver. Si S. M. ne parle en particulier qu'à la nation finoise c'est qu'elle a reçu d'Elle la première démarche de repentir sur une guerre injuste et inattendue par la quelle S. M. vient d'être surprise dans ses propres états. S. M. dira la même chose aux suèdois quand ils se seront joint à vous pour réclamer leurs droits usurpés; ainsi loin de vouloir vous détacher, S. M. vous invite à vous réunir et ce sera alors que Sa M. consentira de recevoir les propositions du corps de la nation et d'y répondre. Voilà des choses, mon G-l, qui doivent vous inspirer une confiance entière et sans reserve sur les suites des événemens. S'il vous reste encore la dessus le moindre doute, j'ose prendre sur moi de vous assurer très positivement, que les vues de S. M. sont telles que vous pouvés les désirer puisque bien éloignée de songer à vous géner en aucune manière dans vos délibérations présentes et futures, S. M. ne souhaite rien avec plus de plaisir que de voir que vous pouvés le diriger de façon ou d'autre à votre propre bonheur, ce qui sans doute dépendra de vous même quand vous serés rassemblés en diète avec les états du Royaume comme vous devez l'être, pour finir d'une bonne manière les calamités qui vous ménacent et qui deviendront une suite naturelle de la conduite imprudente avec laquelle vous avez été ménés à une guerre également funeste et contraire à toute la nation, comme à vos interêts particuliers.

Permettés moi de vous ajouter encore à ces assurances celle de mon attachement et de mes voeux particuliers pour vos entreprises pacifiques et patriotiques, rien ne me sera plus agréable comme honnet-homme et comme patriote ce que je peux vous assurer ainsi que de l'estime.—Sprengtporten.

Письмо это взято изъ архивныхъ дѣлъ М. Ин. Дѣлъ. Оно приводится и въ запискахъ шведскаго офицера, хранящихся въ Имп. Публ. Библіотекѣ. Съ послѣдняго оно приведено А. Г. Брикнеромъ въ его «Аньяльской конфедераціи». Разница между обоими текстами представляется въ нѣкоторыхъ лишь отдѣльныхъ выраженіяхъ: такъ напр., у шведск. оф. et dont vous venez déjà d'éprouver les effets,—а въ имѣющейся при дѣлахъ собственноручной копіи Спренгтпортена, представленной Императрицѣ, прибавлено: les effets dans le ménagement qui s'observe envers vos troupes. Или въ Запискахъ: j'ose prendre sur moi de vous assurer,—а въ архивной копіи: de vous assurer très-positivement, и т. п. Зная личность Спренгтпортена, очень можно предположить, что, снимая для Императрицы копіи съ своихъ писемъ, онъ не стѣснялся прибавлять или убавлять въ нихъ кое-что, сообразно впечатлѣнію, которое онъ желалъ произвести.

16.

Отвѣтъ генерала Армфельта бар. Спренгпортену отъ 16 (27) августа.

M-r le général. J'ai reçu votre lettre, dans laquelle vous faites part des intentions desinteressées et pacifiques de Sa M. I-le: ce qui tranquilise tout le monde et paticuliérement nous autres qui désirons ardement que la Finlande soit toujours unie à la Suède, comme elle l'a été pendant tant de siècles. Dans le(a) fort(e) espérence que bientôt une paix stable et permanent(e) unira les deux monarchies, je suis avec l'estime C. A.

17.

Отъ Армейскаго флота и прочихъ корпусовъ—Герцогу Карлу [1]).

Надобности не находимъ предъ В. К. Выс-вомъ повторять нынѣшнее дѣлъ положеніе. Какъ В. Выс-во обо всемъ имѣете попеченіе и все сами знаете, то слѣдственно и не безъизвѣстны Вамъ

[1]) Выписка изъ упомянутаго выше перевода бумагъ, представленныхъ Спренгтпортеномъ, № 12. Напечатанное разрядкой отмѣчено въ этомъ переводѣ краснымъ карандашомъ вѣроятно также рукой Безбородко, такъ какъ всѣ эти бумаги получены имъ одновременно.

также и тѣ чувствованія, коими возбуждается всякій Шведъ, при воззрѣніи на состояніе нынѣшнихъ дѣлъ.

Яко воины по сіе время старались мы должности наши отправлять по возможности и съ точностью исполнять даваемыя намъ повелѣнія, что также и впредь не отрекаемся; но какъ сограждане не можемъ равнодушно смотрѣть на несчастіи, коими Король, Государство, и каждый изъ насъ, купно съ пребывающими въ домахъ угрожаемы, съ тѣхъ поръ, какъ нечаянными случаями дѣла приведены въ самое разстроенное положеніе.

Посему всеподданнѣйше и повергаемъ на усмотрѣніе В. К. Выс-ва не нужно-ли при нынѣшнихъ обстоятельствахъ, не упуская времени, лишь возвратить миръ и спокойствіе или поступать дѣятельнѣе и гораздо славнѣйшимъ для насъ и націи образомъ. Къ сему иного средства не находимъ окромѣ скораго созванія государственныхъ чиновъ, кои бы съ общаго съ королемъ согласія рѣшили, что именно для Государства полезнѣе миръ или война, а потому и начать, либо мирные переговоры или изыскивать средства съ выгодою продолжать войну въ удовлетвореніи тѣмъ недостаткамъ, кои толико ощутительно нынѣшнимъ воинскимъ предпріятіямъ были препятствіемъ.

Естьли сіи наши расположенія будутъ удостоены апробаціи В. К. Выс-ва, въ такомъ случаѣ именемъ всѣхъ насъ всеподданнѣйше просимъ о принятіи мѣръ, дабы учинено было какъ наискорѣе примиреніе и созваны государственные чины, дерзая притомъ всеподданнѣйше всѣмъ почитающимся за свято, что мы подъ симъ никакого иного не имѣемъ намѣренія, окромѣ что отъ насъ яко вѣрныхъ и послушныхъ подданныхъ, благонамѣренныхъ и честныхъ согражданъ, равно какъ и храбрыхъ воиновъ, можетъ въ семъ случаѣ востребовать.

18.

Рескриптъ гр. Мусину-Пушкину, отъ 9-го сентября 1788 г. (Черновой руки гр. Безбородко) [1]).

Графъ Валентинъ Платоновичъ! На обѣщаніе вывести войска Шведскія изъ Гекфорса и изъ границъ нашихъ мы тѣмъ меньше считать можемъ, что оно уже не одинъ разъ дано было но безъ исполненія осталось. Но правда что точно намъ сказали кто обѣщаетъ и съ кѣмъ мы теперь имѣемъ дѣло когда и самые съ нами трахтующіе какъ себя назвать не знаютъ, слѣдственно и коимъ образомъ можемъ на нихъ полагаться ибо естьли они и нынѣ почитаютъ себя зависящими отъ короля шведскаго послѣ оказаннаго со стороны ихъ непослушанія можетъ снова или часть ихъ оста-

[1]) Моск. Арх. М. Ин. Д. Camp. Suéd. 1788. Expéd. Связка 3. № 16, л. 97. Многоточіями означены пропуски словъ, которыхъ при крайней неясности почерка Безбородко нельзя было разобрать.

вить бунтовщиковъ а чрезъ то способы къ трактованію съ ними и затруднены будутъ вмѣсто того что буде бы они огласили себя націей вольной и независимой ищущею помощи и заступленія противу угнетателя ихъ вольности и установленныхъ законовъ, тогда весьма удобнымъ будетъ вступить въ гласные переговоры съ ихнимъ народомъ и подать ему наше пособіе. Но и въ самой сей рѣшимости предлежитъ крайнему уваженію намѣреніе въ нѣкоторыхъ изъ нихъ оказавшееся выбрать главою своимъ Принца Карла. Изъ всѣхъ трехъ братьевъ король почитается у собственныхъ своихъ подданныхъ лучшимъ, а принцъ Карлъ самымъ злостнымъ и мстительнымъ. Многіе его почитали а наконецъ и на сихъ уже дняхъ присланная къ вамъ записка сильнымъ можетъ служить доказательствомъ что образъ мыслей его не разнствуетъ отъ короля, ибо тоже оскорбленіе въ тонѣ и слогѣ, тѣже гордость и коварство въ намѣреніяхъ и тѣже самыя лжи въ израженіяхъ тутъ видны. Буде бы онъ достигъ начальства надъ Финнами то вышло бы изъ сего что онъ или общее составилъ дѣло съ королемъ, и потому для насъ будетъ вреденъ, или останется нейтральнымъ между нами и братомъ его, въ чемъ кажется нѣтъ возможности, или же противъ короля. Сіе послѣднее могло бы здѣлаться развѣ изъ того повода что онъ похочетъ.......... народъ шведскій, но имѣя насчетъ соперниковъ кромѣ короля еще сына его съ матерью; а въ случаѣ достиженія имъ короны Финляндія паки приведена была бы къ Швеціи и такъ новый поводъ къ безпокойству неизбѣжно откроется. Впрочемъ успѣете ли вы или не успѣете въ таковомъ своемъ предпріятіи производство онаго будетъ на иждивеніи Финляндіи, и слѣдовательно въ крайній убытокъ а.......... ея граждан: Мы же въ переселеніи Принца Карла въ Финляндію получимъ весьма худаго сосѣда и потомъ не можемъ не настоять тогда чтобы для безопасности нашей береговая стража и другой стороны финскаго залива или большая часть оной намъ въ руки отдана была. Все сіе сказано къ вашему сведенію и дабы вы руководствуясь онымъ могли заранѣе располагать ваши отзывы и поступки съ дѣломъ симъ; но покуле постъ Гекфорской и границы наши не будутъ очищены — никакихъ предложеній слушать не должно какія прежде подписаны.

Бригадира Гастфера въ добрыхъ его намѣреніяхъ всемѣрно утверждать и вы здѣлайте ему чрезъ генерала барона Спренгпортена предложеніе, что есть ли онъ исполнитъ свое обѣщаніе касательно собранія особаго сейма финлянскаго, воспользуется Нашею щедротою: коль скоро же войска шведскія изъ Гекфорса выведены будутъ, то прикажите барону Спренгпортену сюда пріѣхать для словеснаго съ нимъ о тамошнихъ дѣлахъ и обстоятельствахъ изъясненія.—Пребываемъ впрочемъ вамъ благосклонны. *Собственноручная Ея И. В-ва приписка*: Флотилія гребная въ пути. Дай Боже чтобы скорѣе къ вамъ благополучно доѣхала. Въ С.-ПБургѣ. Сентября 9-го 1788 г.

19.

Рескриптъ Графу Мусину-Пушкину. СПБ. 14-го сентября 1788 г. [1]).

Графъ Валентинъ Платоновичъ! Заключенія Наши, что обѣщаніямъ Шведовъ вывести войска изъ Гекфорса вѣрить нельзя, оправдаются, когда они и по сіе время неисполнены, — какъ то Мы изъ реляціи вашей отъ 11-го сентября съ приложеніями видѣли. Обманъ и вѣроломство ихъ усмотрите изъ поступка съ командою флота капитана Тревенена описаннаго въ сообщаемой при семъ копіи донесенія адмирала Грейга [2]). Всѣ намѣренія королевской партіи къ тому клонятся, чтобъ удержать насъ въ недѣйствіи, обратить знатную часть силъ ихъ на оборону противу Даніи, и между тѣмъ успокоить духи въ націи; а сіе отнюдь съ нашей стороны попускаемо быть не долженствуетъ. Мы потому надѣемся, что вы заранѣе мѣры ваши примитѣ на случай дальнѣйшаго съ ихъ стороны продолженія обманывать насъ, дабы по прибытіи къ вамъ гребныхъ вооруженныхъ судовъ, Шведовъ изъ Гекфорса выжить, постъ сей занять, да и дальнѣйшія поиски на утѣсненіе и вредъ непріятелю нашему распространить; о чемъ вы не оставите разсмотрѣть соразмѣрно войскамъ подъ предводительствомъ вашимъ находящимся и сообразно мѣстному положенію, и Намъ дайте знать какія предпріятія, куда и съ чемъ вы назначаете. Адмиралу Грейгу предписано Шведовъ чрезъ Гангутъ не пропускать, что онъ въ точности исполняетъ; чрезъ Абовъ же имъ возвратится мы не можемъ препятствовать, въ разсужденіи поздаго времѣни и неимѣнія у адмирала гребныхъ судовъ, кои одни къ тому были бы удобны.

По занятіи вами поста Гегфорса однимъ или другимъ образомъ, есть ли изъ за Кюмени присланы къ вамъ будутъ отъ Шведовъ съ требованіемъ переговоровъ о мирѣ или перемиріи, вы имъ отвѣтствуйте 1-е, что какъ союзный намъ датскій дворъ по трактатамъ его съ нами принялъ въ войнѣ сей дѣятельное участіе, и началъ свои операціи, то мы по силѣ взаимныхъ обязательствъ нашихъ не можемъ безъ согласія сея державы принимать никакихъ предложеній о мирѣ или перемиріи, 2-е, что сверхъ сего не вѣдаемъ, кто съ непріятельской стороны дѣлаетъ намъ таковыя предложенія, какъ именовать сихъ предлагателей, и имѣютъ ли они на то законное право, котораго кажется уже не имѣетъ и самъ король, когда началъ онъ беззаконно войну не токмо противу конституціи 1720 года, обезпеченной ручательствомъ Нашимъ въ Нейштатскомъ мирѣ, но и противу того установленія, которое самъ онъ ввелъ при похищеніи не принадлежащей ему власти; а посему и рѣшились мы не вступать съ ними ни въ какіе переговоры, покуда соберутъ чиновъ государственныхъ, кои одни по конституціи въ Нейштатскомъ договорѣ гарантированной, имѣютъ право раз-

---

[1]) Моск. Арх. Camp. Suèd. 1788. Exped. Связка 3. № 17, л. 99.

[2]) Этой копіи при дѣлахъ не найдено.

суждать о беззаконности войны сея и пещися о возстановленіи прочнаго мира, взявъ къ тому нужныя и полезныя мѣры.

Что касается до Финовъ, вы уже имѣете достаточныя наставленія въ указѣ Нашемъ отъ 9-го сего сентября. Отзывы ваши къ нимъ долженствуютъ основаны быть на содержаніи помянутаго указа, буде они или по крайней мѣрѣ лучшая часть ихъ пребываютъ въ наклонности къ преобразованію ихъ въ область вольную и независимую: и для того ежели они пришлютъ особо отъ себя какія предложенія или прошенія до нихъ, а не до Шведовъ касающіяся, таковыя принимать на донесеніе и къ намъ представлять. Между тѣмъ по выходѣ Шведовъ изъ Гекфорса, генералъ-маіоръ баронъ Спренгпортенъ по силѣ помянутаго указа нашего сюда пріѣдетъ, и мы смотря по отзывамъ финляндцовъ не упустимъ тогда снабдить васъ новыми наставленіями относительно сея негоціяціи: но буде и они соединятся въ предложеніяхъ и отзывахъ ихъ съ Шведами, не касаяся своей независимости, въ такомъ случаѣ и имъ не инной отвѣтъ дать слѣдуетъ, какъ выше о Шведахъ сказано.

Бригадира Гастфера надлежитъ всемѣрно утверждать въ добрыхъ его расположеніяхъ, обнадежа его чрезъ барона Спренгпортена Нашею милостію и призрѣніемъ; на первый же случай для расходовъ по случаю предпріемлемаго путешествія въ провинціи, можете снабдить его отъ пятисотъ и до тысячи червонныхъ, по вашему разсмотрѣнію. О Нейшлотѣ повторяемъ и при семъ, чтобъ вы приказали его какъ можно лучше исправить и всѣмъ надобнымъ снабдить, и ежели на то потребны издержки, представте, дабы Мы могли назначить сумму. Комендանту и прочимъ награжденіе по заслугамъ ихъ учинено будетъ на сихъ дняхъ: а всѣмъ нижнимъ чинамъ въ сей крѣпости во время атаки ея бывшимъ, повелѣваемъ выдать по рублю на человѣка.

Пребываемъ всегда вамъ благосклонны. Въ С.-ПБургѣ.

20.

Рескриптъ Графу Мусину-Пушкину. 18-го мая 1789 года [1]).

Графъ Валентинъ Платоновичъ! Прилагая всемѣрное стараніе дабы гребной флотъ въ пособіе дѣйствіямъ арміи вами предводимой и подъ главное начальство ваше назначаемой какъ наискорѣе вооруженъ и отправленъ былъ указали Мы: 1) пѣхотныхъ полковъ Тенгинскаго и Навагинскаго гренадерскія роты, также перваго полный баталіонъ, а отъ втораго сколько осталось мушкетеръ за отдѣленіемъ двухъ ротъ для корабельнаго флота, да сверхъ того четыре баталіона морскихъ солдатъ посадить на приготовленныя галеры, шебеки, катера, бомбардирскіе, канонирскіе и другіе суда

[1]) Журн. Высоч. повел., книга № 87.

и оныхъ поспѣшить отправить; 2) На случай надобности при дессантахъ, помѣстить тутъ же сверхъ полковыхъ пушекъ изъ полевой артиллеріи двѣ 6-ти фунт. пушки, два полукартаульныя и два 12-ти фунт. единорога съ потребнымъ числомъ зарядовъ, а при нихъ служителей и сверхъ того одного или двухъ инженерныхъ офицеровъ съ нѣсколькими нижними чинами; 3) На конныя галеры посадить 50 казаковъ въ томъ числѣ 20 донскихъ, а 30 изъ новосоставленнаго полку; 4) На остальныхъ затѣмъ гребныхъ вооруженныхъ судахъ отправить три баталіона полковъ Нашей гвардіи, съ тѣмъ что по прибытіи ихъ къ Фридрихсгаму или иному назначенному отъ васъ мѣсту, можете ихъ взять съ гребнаго флота, а на оный по разсмотрѣнію вашему посадить мушкетеровъ; 5) Снабженіе потребными людьми галеръ и прочихъ судовъ при Выборгѣ имѣющихся предоставить на распоряженіе ваше изъ Кексгольмскаго пѣхотнаго полку, который на тотъ конецъ къ вамъ и отправленъ и изъ другихъ буде въ гренадерскія роты того и Софійскаго полковъ на твердой землѣ употребить заблагоразсудите; 6) Всему гребному флоту завися отъ повелѣній вашихъ быть подъ командой Нашего вице-адмирала Принца Нассау-Зигена, а съ нимъ отправить флота капитановъ генералъ-маіорскаго чина графа Литта, да перваго ранга Слизова и Винтера; 7) Какъ при сухопутныхъ войскахъ, кромѣ гвардіи, при которой ея штабъ офицеръ назначенъ будетъ, нужно быть генераламъ, то и предоставить вамъ опредѣлить двухъ генераловъ-маіоровъ, а по крайней мѣрѣ одного генералъ-маіора, одного или двухъ бригадировъ такихъ, которыхъ при случаѣ дессантовъ и дальнихъ поисковъ благонадежнымъ образомъ и съ пользою службы Нашей было-бъ возможно употребить; 8) Вице-адмирала Принца Нассау-Зигена снабдить со стороны вашей приказаніями и наставленіями куда идти, гдѣ взять первую станцію и что дѣлать далѣе и о семъ насъ увѣдомить.—Между тѣмъ ежечастное чинено будетъ побужденіе, дабы гребной флотъ, а по крайней мѣрѣ та часть, на которую полевые полки и морскіе баталіоны опредѣляются въ самой скорости вооружена и къ вамъ послана была, да и остальная чтобъ безъ замедленія за первою слѣдовала.

Въ Царскомъ Селѣ, мая 18 д. 1789 г.

21.

Рескриптъ Императрицы Екатерины Гр. Мусину-Пушкину 2-го іюня 1789 г. [1]).

Графъ Валентинъ Платоновичъ! Получая сей часъ пріятное извѣстіе о вступленіи войскъ нашихъ въ непріятельскія границы,

---

[1]) Жур. имен. повелѣній № 538.

поздравляю васъ успѣхомъ тутъ одержаннымъ. Относя оный во первыхъ къ благоразумнымъ вашимъ распоряженіямъ, поручаю вамъ объявить мое благоволеніе генералу поручику Михельсону и прочимъ усердно и храбро тутъ подвизавшимся.—Ожидаю дальнѣйшихъ отъ васъ извѣстій.—Плакаты къ вамъ уже доставлены, и я желаю чтобъ они въ дѣйствіяхъ вашихъ принесли пользу и пособіе. Флотъ гребной изъ Кронштадта отправится чрезъ три дня т. е. 5-го іюня, сіе время нужно было для приведенія всего въ лучшую исправность. Пребываю благосклонною.

22.

Письмо барона Гастфера къ Спренгтпортену, отъ 12-го октября 1788 [1])

à Agnala ce 12 d'8-bre 1788.

Les quartiers d'hiver sont marqués sur le papier ci-joint. Ceux de la brigade de Savolax vous seront incessament communiqués. J'ai eu un renfort de deux bataillons un du reg-t de Biörneborg et l'autre de Tavastchus. J'ai fait un tour à Abo; je suis resté un jour chez moi, quand j'ai eu un exprès de me rendre auprès du Duc, sans perdre du temps. A mon arrivé, il m'a fait des excuses de m'avoir fait venir, disant qu'Il a été au point de faire une nouvelle attaque mais dont Il a été detourné. Je lui répondis, qu'il n'aurait rien gagné par là, mais qu'il aurait indisposé denouveau S. M. I. A présent Il ne pense qu'aux quartiers d'hivers et à faire retourner la grande flotte en Suède. J'ai visité toute l'armée; on a beaucoup de malades et on est très malcontent: une grande partie de l'armée finnoise est retourné dans le pays sur leurs coté. Tout le Regt. de Dragons du Corps, ainsi que le Regt. d'Abo d'Infanterie, la grande Flotte partie, il reste tout au plus 7 ou 8.000 combattants, excepté les troupes de Savolax.

Les Dannois sont entrés en Suède Suinsund dans le Gouvernement de Bohus, mais on suppose non sans raison que l'Angleterre et la Prusse favorisent conjointement la Suède. On sait que le ministre anglais qui a trouvé le Roi a Norkiöping lui a offert de l'argent et une mediation armée pour la paix, que l'Angleterre ne désire pas sitôt conclue. Il est à savoir, si dans de pareilles circonstances il serait de l'intêret de S. M. I. de penser à rendre la Finlande independante. Dans ce dernier cas le temps le plus propre pour cet effet serait après que la flotte fut partie et les troupes mises en quartiers d'hiver, ce qui ne tardera pas.

---

[1]) Моск. Арх. М. Ин. Дѣлъ. 1788 г. Camp. Suédoise. Corr. Sprengtporten, X. Récept. C-te Besborodko (40—44). Гастферъ — шведскій начальникъ саволакской бригады и отряда, осаждавшаго кр. Нейшлотъ.

Connaissant l'esprit du pays en général, il faut que je vous en informe: dans ce moment ci on préfère encore en général dans tout le pays le joug à la liberté; ainsi, je crois qu'il faut encore attendre jusqu'à ce que les finnois verront claire que l'intention du Roi n'est que la ruine de la Finlande. Pour le moment il n'y a point de Suèdois que ne sacrifie sa vie pour empecher le demembrement de la Finlande, et il ne faut non plus s'imaginer que les troupes finnoises voudront combattre celles de la Suède; voila ce qu'elles ne feront jamais, mais aussitôt que les troupes de S. M. I. seront entrées dans le pays en amies et déclarant qu'elles ne veulent du mal aux finnois et au pays, mais seulement obliger le Roi et les états à faire la paix (la geurre étant injustement commencée) les finnois ne pourront prendre les armes contre Sa Majesté Impériale.

Sa M. I. n'a pas de sujet qui lui soit plus fidèle que moi. Je le suis par l'attachement le plus respectueux. Elle daigne être la haute Protectrice de ma chère Patrie, autant qu'Elle fait la terreur du Croissant tout cela augmente ma parfaite vénération et admiration pour la Personne Sacrée de S. M. I. Je le prouverai en effet en son temps, mais il ne faut pas pour le moment brusquer l'idée de l'independance.

Je Vous conjure, mon cher ami, de me rendre le service le plus essentiel, celui de déclarer très humblement à Sa M. I. l'envie et l'inclination toute particulière que j'ai d'être Son sujet. Le Roi m'a promis de faire ma fortune, de faire mon sort, je ne m'y fie pas et au reste je ne peut servir ce Prince, et porter ler armes contre S. M. I. que je désirerai qu'Elle fut la Souveraine de tout l'univers. Si en faveur de mon zèle pour les intèrets de S. M. I., Elle daigne par un effet de Sa générosité me donner une petite somme d'argent pour me mettre en état de payer mes dettes et m'employer de quelle façon qui lui plaira contre la Prusse ou les turcs, je serai au comble de mes voeux et je donnerai ma demission pour me rendre aussitôt en Russie. Je ne puis jouer le rôle que je joue à présent. Je suis ici en fonction et mon coeur est chez vous. Il n'est pas non plus compatible à mon caractère d'être espion et mon honneur s'y oppose. Le rôle est trop au dessous de moi, trop vil, mais je vous en fournirai un homme bien sûr et gardant ainsi que vous l'estime dans mon pays, je puis travailler avec vous sous la haute protection et sous les auspices de S. M. I. au bien être de la Finlande quand le temps en viendra favorable. J'attends de la générosité de S. M. I. de la plus grande et plus magnanime Souveraine de tout l'univers qu'Elle daigne agréer mes services, si vous voulez joindre votre recommandation à ma plus humble demande. J'attends avec soumission et inquiètude ses ordres gracieux et je ne tarderai pas de me rendre, où mon désir ardent et l'honneur m'appellent. Il n'en est pas de servir ici.

Depuis que le Roi est parti de la Dalcarlie, après avoir harangué les Dalcarliens et après y avoir fait de nouvelles levées, on croit qu'Il est allé du coté de Wennersborg, quant à vous, mon digne ami, vous êtes généralement aimé et regretté des finnois, mais haï du Duc et des principaux officiers de l'armée Suédoise par ce qu'il n'a pas reçu des compliments et que vos troupes n'ont pas aussitôt abandonné le cap Hangö, que l'evacuation de Högfors se fit. Ma bonne intention aussi que l'amitié tendre que je vous dois exige la plus parfaite sincerité, étant du coeur et d'âme tout à Vous B. J. Hastfer.

Переводъ.—Аньяла, 12-го октября 1788. Зимнія квартиры обозначены на прилагаемой бумагѣ; о саволакской бригадѣ будутъ вамъ сообщены безотлагателено. Мнѣ дали подкрѣпленіе изъ двухъ баталіоновъ: одинъ отъ бьернеборгскаго, другой отъ тавастгусскаго полка. Я проѣхалъ въ Або, остался день у себя и получилъ чрезъ нарочнаго приказаніе безъ потери времени отправиться къ герцогу. Онъ извинился въ томъ, что заставилъ меня пріѣхать, и сказалъ что едва не сдѣлалъ новаго наступленія, но что его отъ того отклонили. Я отвѣтилъ, что онъ ничего бы не выигралъ, но что снова возбудилъ бы противъ себя Ея Имп. В-во. Теперь онъ только и думаетъ о зимнихъ квартирахъ и о возвращеніи корабельнаго флота въ Швецію. Я видѣлъ всю армію; много больныхъ и вообще всѣ очень недовольны; большая часть финскаго во йска возвратилась восвояси. Весь полкъ лейбъ-драгунъ также какъ абоскій пѣхотный полкъ; по отбытіи большаго флота остается самое большое 7—8 тысячъ въ строю, не считая саволакскихъ войскъ.

Датчане вошли въ Швецію (Свинзундъ въ губерніи Бохусъ), но предполагаютъ не безъ основанія что Англія и Пруссія сообща благопріятствуютъ Швеціи. Извѣстно, что англійскій министръ, найдя короля въ Норкёпингѣ, предложилъ ему денегъ и вооруженное посредничество въ видахъ заключенія мира, скораго заключенія котораго Англія не желаетъ. Надо знать, было-ли бы при такихъ обстоятельствахъ выгодно Ея И. В-ву думать о предоставленіи Финляндіи независимости? Въ послѣднемъ случаѣ самое удобное время было бы по отбытіи флота и по занятіи войсками зимнихъ квартиръ, что не замедлится.

Зная вообще духъ страны, я долженъ васъ предупредить что въ настоящую минуту во всей странѣ ярмо предпочитаютъ еще свободѣ. Поэтому, думаю, слѣдуетъ еще ждать, пока финны ясно увидятъ что намѣренія короля не предполагаютъ ничего другого кромѣ разоренія Финляндіи. Теперь же нѣтъ шведа, который не пожертвовалъ бы жизнью для воспрепятствованія отдѣленію этой страны. Не должно также воображать что финскія войска захотятъ драться со шведскими: вотъ чего никогда не будетъ! Но если бы войска Ея И. В-ва вошли въ страну въ качествѣ друзей и объявили что не желаютъ зла ни ей, ни финнамъ, а лишь домогаются заставить короля и сеймъ заключить

миръ (война была начато несправедливо), — то Финны не могли бы взяться за оружіе противъ Ея И. В-ва.

Ея И. В-во не имѣетъ подданнаго болѣе меня ей вѣрнаго, я преданъ и почтительнѣйше привязанъ къ ней какъ за высокое покровительство, оказываемое моему дорогому отечеству, такъ и за ужасъ, наводимый ею на полумѣсяцъ. Все это умножаетъ мое глубочайшее почитаніе и удивленіе къ священной особѣ Ея И. В-ва. Я докажу это въ свое время, но теперь не слѣдуетъ браться за идею независимости.

Заклинаю васъ, мой дорогой другъ, оказать мнѣ самую существенную услугу, заявивъ всенижайше Ея И. В-ву о моемъ совершенно исключительномъ желаніи быть ея подданнымъ. Король обѣщалъ составить мое состояніе, устроить мою судьбу; я не довѣряю ему, да и вообще я не могу служить этому государю и идти съ оружіемъ противъ Ея И. В-ва, въ которой я желалъ бы видѣть владычицу всей вселенной. Если бы во вниманіе моего усердія къ интересамъ Ея И. В-ва и по великодушію она предоставила мнѣ небольшую сумму денегъ на уплату долговъ и употребила меня какъ будетъ ей угодно противъ Пруссіи или турокъ, то я достигъ бы вѣнца моихъ желаній и подалъ бы въ отставку, чтобы отправиться въ Россію. Я не могу оставаться въ той роли, которую играю теперь. Здѣсь я при должности, а сердце мое у васъ. Не менѣе несогласно съ моимъ характеромъ быть шпіономъ, — моя честь тому противится. Эта роль много ниже меня, она подла, но я предоставлю вамъ для нея вполнѣ надежнаго человѣка и, сохраняя какъ и вы уваженіе моей страны, буду имѣть возможность трудиться съ вами подъ высокимъ покровительствомъ Ея И. В-ва на благо Финляндіи когда время тому приспѣетъ. Ожидаю отъ щедротъ Ея И. В-ва, величайшей и великодушнѣйшей государыни всего міра, что она удостоитъ благосклонно принять мои услуги, если вы пожелаете присоединить вашу рекомендацію къ моему нижайшему ходатайству. Съ преданностію и безпокойствомъ жду ея милостивыхъ повелѣній и не замедлю явиться туда, куда мое горячее желаніе и честь меня зовутъ. Въ здѣшней службѣ имъ нѣтъ мѣста.

Поораторствовавъ съ далекарлійцами и сдѣлавъ новый наборъ, король уѣхалъ какъ предполагаютъ къ Веннерсборгу. Что до васъ, мой достойный другъ, то вообще финны васъ любятъ и соболѣзнуютъ о васъ, но герцогъ и высшіе офицеры шведской арміи васъ ненавидятъ, за то что вы не явились на поклонъ, а ваши войска не удалились съ Гангеуда какъ только состоялось очищеніе Гегфорса. Мои лучшія желанія состоятъ въ томъ, чтобы на мою нѣжную дружбу вы отвѣчали полнѣйшею искренностью, и я остаюсь сердцемъ и душою вашъ Б. І. Гастферъ.

23.

Письмо барона Гастфера къ Спренгтпортену 16-го октября 1788 [1]).

A Heinola ce 16 d'8-bre 1788.—Mon très cher ami. Je me vois acquité de la comission, que vous m'avez donnée pour M-r de Glanzenstierna.

Ayant fait des refléxions à tout ce que vous m'avez dit pendant notre dernière entrevue, je dois à moi même la satisfaction de vous dire franchement tout ce que je pense. J'ai lu dans vos yeux ainsi que le juge par les faits, que non seulement Sa Majesté Impériale mais vous aussi, mon ancien ami, vous me soupçonnez. Voila ce que je n'ai pas mérité. J'ai prouvé véritablement en effet la sincerité de mes sentiments pour Votre Magnanime Souveraine, voici comme j'ai agit. J'ai fait levé le siège de Nychlott, que j'aurai pu prendre le même jour, ou deux jours après, au plus tard. Cela m'aurait valu dix mille r-rs que le Roi m'avait promis, si je prenais ce fort, j'ai sacrifié cet argent (dont j'aurais eu bien besoin) par un aussi sincère que respectueux attachement pour Sa Majesté Impériale en m'attirant l'offense et le mécontentement du Roi. Je vous ai donné un écrit très ample. J'ai fait l'un et l'autre dans l'espérance de jouir non seulement pour mon propre particulier, mais aussi pour ma chère patrie des bienfaits et de la haute protection de S. M. Im-le. Je dis pour mon particulier, car, en abandonnant toute ma fortune et toutes mes espérences en Suède, il n'est pas étonnant, que je me suis réservé des ressources pour l'avenir pour moi et pour ma famille.

A la première entrevue, ainsi que depuis, je vous ai donné des avis, que personne autre aurait pu faire. J'ai fait des voyages, j'ai eu des dépenses pour vous trouver, je me suis exposé et je me suis déjà rendu suspect. Vous avez en vos mains les faits qui certifient la vérité de tout ce que je viens de dire. Voyons présentement votre conduite vis-à-vis de moi. A la première entrevue vous me fîtes des grandissimes promesses, je n'en ai demandé que la moitié, ainsi qu'une charge convenable auprès de Sa Majesté Imperiale et quelques sureté pour ma personne. Vous me fîtes entrevoir un avenir des plus agréable et me promites pour huit jours après de me fournir en mains propres non seulement une grande somme d'argent, mais aussi ce que j'avais au reste exigé. Je me rendis au temps convenu sur les lieux, n'ayant que le fleuve à passer. Je ne vous trouvai pas, vous étiez parti pour St. Pétersbourg, je vous donnai un rendez-vous de rechef pour le 13 ou 14. J'ai eu le plaisir de vous embrasser. Le jour avant, les sentiments de coeur et de devoir me dictèrent une lettre, que

[1]) Моск. Арх. М. Ин. Дѣлъ. Camp. Suèd. 1788, Sprengtporten, X, св. 1, лист. 36.

je Vous écrivis. J'en parlerai ici dessous, plus au long. Je dois seulement dire par avance que vous n'avez pu remplir votre promesse donnée au premier rendez-vous; c'est par là, cher ami, que je juge de votre méfiance et comment voulez vous, mon digne ami, pretendre, je m'y fie plus, que j'ai tout lieu de craindre d'être soupçonné et cela dans un temps même que je vous ai donné des marques autentiques de ma fidélité pour les intêrets de S. M. I., dont j'aurai désiré d'être le sujet en effet, comme je le suis de coeur; vous m'en avez répondu, que je pourrai rendre à cette Grande et Illustre Princesse, ainsi qu'à la Finlande, ma patrie, des services plus réels, en restant dans le pays. Voyant donc de toute façon que je ne puis ni suivre mon inclination, c'est à dire, celle de servir Sa M. I. à condition qu'Elle daigna génereusement payer mes dettes, ni entamer une révolution pour ce moment dans le pays qui ne pourra se faire autant que les troupes Suédoises l'occupent, *ce que je vous disai dejà très sincérement à notre premier entretien* [1]) je ne dois non plus accepter l'offre renouvellée, que Vous me fites de l'argent. Il y va de mon honneur, de ne pas me rendre en même temps suspect au Roi et à l'armée, ainsi qu'à Vous. Il n'en resulterait, que le mépris de l'un et de l'autre pour ma personne. Quelque petite somme que ce puisse être, je me ferai un reproche de le recevoir, et de m'en servir, quand l'esprit générale et opposé de tout le pays, excepté un très petit nombre de la noblesse, y mette un obstacle très certain. Je deservirai Sa M. I., si je ne disai la vérité telle qu'elle est, c'est à dire que pour le moment toute révolution dans le genre proposé, sera de toute impossibilité d'executer. Si on s'exposait même à perdre la tête, le pays n'en tirerait nul avantage et encore moins S. M. I. car toute l'affaire se terminerait par quelques têtes tranchées et ce serait peut être jamais plus à recommencer, au reste j'en ai dit les raisons très sincerement dans ma dernière lettre du 12 passé. Pour retourner à elle, je repête encore une fois que pour le métier d'espion, indigne de moi, indigne d'un honnête homme, je ne saurai executer. Ja n'ai pas vos talents d'esprit et de savoir, je l'avoue, mais je désire de vous égaler en qualités de coeur, en sentiments nobles; vous jouissez de l'estime de votre nation, dont je veux aussi me rendre digne de plus en plus. Par là, je puis avec vous (dans un temps plus favorable que celui-ci et quand on ne sera pas entouré d'une armée des siens propres, dont on a tout à craindre) tacher de contribuer aux intêrets de S. M. I-le, conjointement à ceux de la Finlande sous la haute protection et bienveillance de S. M. Im-le, mais il faut alors et par avance procurer à notre chère patrie des sûretés et une garantie autentique pour qu'elle puisse se declarer libre, ainsi que des avantages pour la Noblesse.

Vous m'avez fait les éloges de la plus Grande, de la plus Ma-

[1]) Подчеркнуто въ подлинникѣ.

gnanime Princesse de l'univers entier, des éloges qui sont à l'abri, au dessus de tout soupçon de flaterie, j'en suis pénetré de plus profond respect, dont je ne saurai donner une marque plus assurée, qu'en parlant sincerement. Si vous Lui montrez ma lettre à la quelle je voudrai donner, s'il serait possible, les sentiments de vénération dont mon coeur abonde pour les hautes qualités et les qualités divines qui vont imortaliser l'Auguste Nom de Catherine II, je vous prie, cher ami, de suplier profondement Sa M. I. qu'Elle daigne me permettre, que je dépose aux pieds de S. M. I. mes hommages, mes admirations. Que la gloire, tant des victoires gagnées, tant des succès éclatants, tant de sagesse dans la legislation, dans le gouvernement surprennent le siècle présent étonneront ceux à venir. Je ne finirai pas si je fairai le panégerique de la plus Grande Princesse qui fut jamais, je ne m'en acquiterais pourtant que très faiblement; jugez donc, combien il me coute de servir contre Elle en faisant mon devoir en qualité de militaire en attendant que je puis être en état d'accomplir les volontés de S. Majesté Impériale.

Adieu, mon bon ami, votre depêche sera surement rendue à son adresse, je vous en donne ma parole d'honneur et d'honnéte homme, si je serai autant votre ennemi que je suis du coeur et d'âme votre sincère ami B. I. Hastfer.

Переводъ.—Изъ Гейнола, 16-го октября 1788. Дражайшій другъ! Я исполнилъ комиссію вашу къ г. Глансенштерна. Поразмысливъ о всемъ, что вы мнѣ сказали при послѣднемъ свиданіи, я долженъ предоставить себѣ удовлетвореніе въ откровенномъ изложеніи того, что я думаю. Я прочелъ въ вашихъ глазахъ,—равно сужу и по дѣйствіямъ,—что не только Ея И. В-во, но и вы, мой старинный другъ, меня подозрѣваете. Этого я право не заслужилъ. Я былъ искрененъ въ моихъ чувствахъ къ вашей великодушной государынѣ и доказалъ ихъ, снявъ осаду Нейшлота, который я могъ бы взять въ день, много два. Это дало бы мнѣ 10.000 рикстaлеровъ, обѣщанныхъ королемъ за взятіе крѣпости. Я пожертвовалъ этими деньгами, хотя имѣлъ въ нихъ надобность, и навлекъ на себя неудовольствіе и оскорбленіе со стороны короля единственно по совершенно искренней и почтительной привязанности къ Ея И. В-ву. Объ этомъ мною дано вамъ очень пространное описаніе. И то и другое сдѣлано мною не только въ личныхъ моихъ видахъ, но и ради пользы моего дорогого отечества, въ надеждѣ воспользоваться благодѣяніями Ея И. В-ва. Говорю потому о себѣ въ частности, что оставляя все состояніе и всѣ надежды въ Швеціи, естественно долженъ позаботиться о будущемъ моемъ и моей семьи.

При первомъ свиданіи, также какъ и послѣ, мною высказаны вамъ мнѣнія, которыхъ никто другой не могъ вамъ высказать. Я разъѣзжалъ, расходовался, искалъ васъ, рисковалъ, и сдѣлался наконецъ подозрителенъ. Въ вашихъ рукахъ есть факты, удостовѣряющіе правдивость всего мною сказаннаго. Взглянемъ теперь на ваше поведеніе

относительно меня. При первомъ свиданіи вы надавали мнѣ величайшихъ обѣщаній; я просилъ только половину, приличнаго назначенія при Ея И. В-вѣ и нѣкоторой безопасности для себя лично. Вы мнѣ предсказывали самое пріятное будущее, вы сулили доставить мнѣ черезъ недѣлю въ собственныя руки не только большую сумму денегъ, но и все мною требуемое. Въ назначенное время я отправился на мѣсто; оставалось только переправиться черезъ рѣку. Я не нашелъ васъ, вы уѣхали въ Петербургъ. Назначилъ новое свиданіе на 13-е — 14-е. Я имѣлъ удовольствіе обнять васъ. За день предъ тѣмъ чувства сердца и долга продиктовали мнѣ строки, вамъ написанныя. Поговорю о немъ ниже поподробнѣе. Долженъ однако впередъ сказать, что вы не могли исполнить обѣщанія, даннаго при первомъ свиданіи; поэтому я сужу о вашемъ недовѣріи. И какъ хотите вы, мой достойный другъ, претендовать на то, что и я не довѣряю больше, имѣя всѣ основанія опасаться быть подозрѣваемымъ, и это тогда именно, когда мною даны достовѣрныя свидѣтельства моей вѣрности интересамъ Ея И. В-ва, подданнымъ которой я желалъ бы быть въ дѣйствительности, состоя уже имъ по сердцу. Вы отвѣтили, что этой великой и славной государынѣ, также какъ и отечеству моему Финляндіи, я могу, оставаясь въ странѣ, оказать болѣе существенныя услуги. Видя такимъ образомъ, что мнѣ нельзя слѣдовать моей наклонности, т. е. служить Ея И. В-ву, при условіи чтобы она удостоила великодушно заплатить мои долги, и не имѣя возможности затѣять революцію, немыслимую въ настоящее время въ странѣ, занятой шведскими войсками,—о б ъ э т о м ъ я г о в о р и л ъ у ж е в а м ъ с ъ п о л н ѣ й ш е ю и с к р е н н о с т і ю е щ е п р и п е р в о м ъ с в и д а н і и,—я тѣмъ болѣе не долженъ принять отъ васъ возобновленнаго предложенія денегъ. Дѣло идетъ о моей чести; невозможно сдѣлаться подозрительнымъ и королю, и арміи, и вамъ. Изъ этого ничего не вышло бы кромѣ презрѣнія ко мнѣ и съ той и съ другой стороны. Какъ бы мала ни была эта сумма, я упрекалъ бы себя въ ея полученіи и употребленіи, когда общее и враждебное настроеніе всей страны, кромѣ самаго маленькаго числа дворянъ, полагаетъ тому несомнѣнное препятствіе. Я дурно служилъ бы Ея И. В-ву, если бы не сказалъ всей правды, какова она есть, т. е. что въ настоящую минуту всякая революція въ предложенномъ смыслѣ положительно невозможна. Если бы даже рѣшиться жертвовать собой, то страна все-таки не извлекла бы изъ того никакой пользы, а Ея В-во еще менѣе; все кончилось бы нѣсколькими отрубленными головами и уже съ тѣмъ, чтобы предпріятію этому никогда болѣе не возобновиться. Впрочемъ причины тому чистосердечно изложены въ послѣднемъ письмѣ моемъ отъ 12-го. Возвращаясь къ нему, повторяю еще разъ что не могу исполнять ремесло шпіона, возмутительное для меня, какъ и для всякаго честнаго человѣка. Во мнѣ нѣтъ вашихъ талантовъ и вашихъ познаній, въ этомъ сознаюсь; но я желаю быть вамъ равнымъ по качествамъ сердца, по благороднымъ чувствамъ. Вы пользуетесь уваженіемъ вашего народа; я равнымъ образомъ желаю дѣлаться его болѣе и болѣе достойнымъ. Тѣмъ самымъ (во время болѣе благопріятное,

когда мы не будемъ окружены своими войсками, отъ которыхъ слѣдуетъ всего опасаться) мнѣ будетъ возможно, вмѣстѣ съ вами, стараться содѣйствовать интересамъ Ея И. В-ва и обще съ ними пользамъ Финляндіи подъ высокимъ покровительствомъ и благосклонностію Ея И. В-ва; но въ этомъ случаѣ надо впередъ заручиться какъ для нашего дорогаго отечества безопасностію и вѣрными гарантіями, дабы оно могло объявить себя свободнымъ, такъ и преимуществами для дворянства.

Вы выражали мнѣ похвалы величайшей, великодушнѣйшей во всей вселенной Государынѣ, похвалы внѣ всякихъ подозрѣній въ ихъ льстивости; я проникся глубочайшимъ уваженіемъ и наиболѣе вѣрно выражаю его говоря искренно. Если вы покажете Ей мое письмо, которому я хотѣлъ бы придать чувство почитанія, коимъ сердце мое преисполнено благодаря высокимъ и божественнымъ качествамъ, кои обезсмертятъ августѣйшее имя Екатерины II, я попрошу васъ, дорогой другъ, умолять Ея И. В-во чтобы она удостоила позволить мнѣ повергнуть къ Ея стопамъ мое высокопочитаніе, мое удивленіе. Пусть слава, пусть столько одержанныхъ побѣдъ, столько блестящихъ успѣховъ, столько мудрости въ законодательствѣ и въ управленіи, поражающихъ нынѣшній вѣкъ, будутъ изумлять и въ будущихъ. Я не кончилъ бы, если бы говорилъ похвальное слово величайшей Государынѣ когда-либо бывшей, и все-таки исполнилъ бы это очень слабо. Судите же, чего мнѣ стоитъ служить противъ Нея, исполняя долгъ военнаго, въ ожиданіи возможности исполнять волю Ея И. В-ва.

Прощайте, мой добрый другъ, ваша депеша будетъ конечно доставлена по назначенію; даю въ томъ честное слово человѣка чести, если бы даже я былъ на столько вашимъ врагомъ, на сколько сердцемъ и душой я вашъ искренній другъ бар. Э. Гастферъ.

24.

Рескриптъ вице-адмиралу принцу Нассау Зигенъ. 24-го іюня 1789 г.[1]

Г. Вице-адмиралъ принцъ Нассау Зигенъ! имѣвъ уже прежде извѣстія отъ главнокомандующаго арміею въ Финляндіи генерала графа Мусина-Пушкина, о переходѣ непріятельскомъ чрезъ Кюмень при Каувалѣ въ большомъ числѣ, и объ оказываемыхъ со стороны гребнаго его флота усиліяхъ противу берега нашего, пріуготовивъ для высадки мелкія суда, вчера къ вечеру получили мы новое увѣдомленіе, что шведы навели и другой мостъ отъ Аньялы, дабы вяще умножить силы ихъ въ нашихъ границахъ и преодолѣть Ликоловской постъ, который тѣмъ важнѣе, что онъ открылъ бы имъ путь съ своей стороны къ Фридрихсгаму; и хотя отъ генерала графа Мусина-Пушкина пріемлются всѣ возможныя мѣры къ от-

[1]) Журн. именн. пов. № 618.

*

раженію непріятельскихъ покушеній, но добраго и надежнаго въ томъ успѣха нельзя ожидать прежде покуда вниманіе непріятельское не будетъ отвлечено прибытіемъ туда гребнаго нашего флота подъ вашею командою состоящаго. Въ семъ уваженіи подтверждаемъ вамъ поспѣшить всемѣрно вашимъ движеніемъ и начатіемъ дѣйствій противу непріятеля, давъ знать предводителю арміи нашей гдѣ вы теперь находитеся, когда и куда путь свой воспримете, какія предполагаете дѣйствія въ отвлеченіе силъ непріятельскихъ: при чемъ нужно чтобъ вы съ упомянутымъ генераломъ устроили беспечное сообщеніе для скорѣйшаго донесенія ему о всемъ у васъ происходящемъ и таковаго же полученія его предписаній по службѣ нашей, которыя въ точности исполнять не оставте. Для охраненія Финскаго залива составляется особая Ескадра подъ командою Вице адмирала Крюйза, которая имѣя въ виду Гангутъ и держа постъ при Паркалаутѣ, будетъ оберегать открытыя воды здѣшнія, берега наши и безопасное плаваніе нашихъ подвозовъ; напротивъ того пресѣкать сообщеніе непріятельскимъ судамъ, по вестовую сторону Свеаборга; современемъ же вашимъ операціямъ способствовать нужно потому, чтобъ вы старались завести сообщеніе съ сею эскадрою; о семъ адмиралъ Чичаговъ до отплытія его далѣе распорядитъ по возможности; а вице адмиралъ Крюйзъ имѣетъ наше приказаніе о надлежащемъ по сему исполненіи. Преб. в. благоскл.

25.

Рескриптъ вице-адмиралу принцу Нассау-Зигенъ. 24-го іюня 1789 г. [1]).

Г. Вице-адмиралъ принцъ Нассау-Зигенъ! Изъ приложенной при семъ въ копіи реляціи Главнокомандующаго арміею нашею въ Финляндіи генерала графа Мусина-Пушкина усмотрите, что непріятель превосходною силою предуспѣлъ занять постъ Ликоловской и теперь производитъ дѣйствія на Гервикоски, а между тѣмъ дѣлаетъ движеніе гребными судами къ Брекелла въ намѣреніи учинить тутъ высадку. Необходимо потому чтобъ вы исполнили какъ наискорѣе приказаніе отъ помянутаго предводителя арміей вамъ данное относительно прибытія вашего къ Фри рихсгаму, а въ случаѣ невозможности высадки назначаемаго имъ числа войскъ на дорогу между Выборга и Фридрихсгама; которое по отраженіи усилій непріятельскихъ на суда по прежнему обращено быть должно по распоряженію графа Мусина-Пушкина, впрочемъ не оставте коль можно чаще рапортовать ему о мѣстѣ пребыванія вашего, о движеніяхъ и предпріятіяхъ вашихъ и о всемъ у васъ происходящемъ, да и всякое повелѣніе отъ него вамъ доставляемое исполнять въ точности, въ чемъ Мы на усердіе ваше полагаемся, пребывая вамъ благосклонны.

[1]) Журн. именн. пов. № 620.

26.

Рескриптъ Императрицы Екатерины Графу Мусину-Пушкину 11 іюля 1789 г. [1]).

Графъ Валентинъ Платоновичъ! По представленіи вашемъ объ удовлетвореніи финовъ за убытки при вступленіи войскъ нашихъ въ предѣлы ихъ причиненные, и вообще по дѣламъ до провинціи Саволакской касающимся, повелѣваемъ:

первое показанную въ щетѣ при запискѣ *Маіора Егергорна* сумму 24.088 талеровъ употребить не инако какъ на награжденіе убытковъ тѣхъ финовъ, которые войдутъ въ окружность занимаемую войсками Нашими; ибо нѣтъ надобности, да и несходно съ интересами Нашими терять деньги въ пользу непріятеля Нашего.

второе. Сію заплату производить тѣмъ кои присягою подписанною ими обяжутся не поднимать противу Россіи оружія во все продолженіе войны, ни тайно ни явно не способствовать королю Шведскому въ неправедномъ его дѣлѣ.

Третіе. (о строгой дисциплинѣ войскъ).

четвертое. Что принадлежитъ до дѣйствій въ Саволаксѣ, оныя зависятъ отъ вашего вообщѣ распоряженія и соображенія съ другими частями. Мы только одно оставить не можемъ безъ примѣчанія, что нельзя отнюдь полагаться на слова и обнадеженія шведовъ, имѣвъ многіе опыты ихъ непостоянства и не основательности, и что безъ сильныхъ мѣръ собственно отъ Насъ, всѣ планы Егергорномъ предлагаемые тщетны будутъ. Выборъ начальника къ войскамъ въ помянутую провинцію отряжаемымъ, надобно чтобъ палъ на человѣка, который имѣя всѣ нужныя военныя способности, былъ бы въ состояніи пріобрѣсти и довѣренность народную.

(Далѣе объ отправленіи двухъ пѣхотныхъ полковъ въ Полоцкой губерніи бывшихъ).

Въ Царскомъ Селѣ 11-го іюня 1789 г.

27.

Рескриптъ Императрицы Екатерины Вице-адмиралу Принцу Нассау-Зигенъ. 25-го іюля 1790 г. [2]).

Г. Вице адмиралъ Принцъ Нассау-Зигенъ! Въ продолженіи настоящей войны Нашей съ королемъ Шведскимъ, когда Мы разсматриваемъ случившееся, видимъ что гдѣ добрая воля подчиненныхъ и послушаніе ихъ поспѣшествовали распоряженіямъ начальствъ, тамъ и знаменитые успѣхи были одержаны; напротивъ

[1]) Camp. Suèd. 1789. Expéd. 56/16.

[2]) Журн. именн. повел. № 676.

того гдѣ подчиненные ослабѣвали въ исполненіи званія своего, тамъ непріятель противу всякаго Нашего чаянія пріобрѣталъ удачу.— Готовясь къ новымъ противу него подвигамъ, не можемъ оставить, чтобъ не дать знать посредствомъ вашимъ всѣмъ подъ вашимъ предводительствомъ служащимъ отъ вышняго чина до нижняго, что Мы отъ каждаго изъ нихъ требуемъ и надѣемся усердія и точности въ прехожденіи служенія на него возложеннаго, послушанія начальству, единодушнаго другъ-другу содѣйствія на пользу службы, соблюденія порядка во ввѣренной ему командѣ и словомъ всего что долгъ вѣрной службы и подданства на всякаго налагаетъ.— Ревностное и мужественное каждымъ исполненіе его званія никогда не останется безъ особливаго Нашего воззрѣнія и праведной по дѣламъ награды, такъ какъ съ другой стороны всякой противный тому поступокъ влекущій по себѣ разстройство въ службѣ, имѣетъ подверженъ быть неизбѣжной строгости законнаго взысканія. Главные начальники обязаны неослабно наблюдать за подвластными имъ въ непремѣнномъ исполненіи должности ихъ и попущеніе въ томъ отнесется на отвѣтъ начальства. Преб. в. благоскл.

Приписано собственною Ея Императорскаго Величества рукою слѣдующее:

Лично каждаго просимъ мы да приведутъ на память въ семъ достойномъ столѣтіи всѣ одержанныя побѣды, пріобрѣтенныя послушаніемъ, устройствомъ, храбростію и вѣрностію войскъ нашихъ противу вѣроломныхъ враговъ отечества.

Бога просимъ да поможетъ низложить кичливаго врага и союзника невѣрныхъ и доставить въ семъ скорѣйшій миръ и спокойствіе и да возобновитъ славу предками пріобрѣтенную въ поляхъ Полтавскихъ.

28.

Рескриптъ Императрицы Екатерины Графу И. П. Салтыкову. 25-го іюля 1790 г. [1]).

Графъ Иванъ Петровичъ! Поведеніе генерала поручика барона Игельстрёма при свиданьѣ его съ шведскимъ генераломъ барономъ Армфельдомъ и поступокъ его сходный съ достоинствомъ нашимъ къ отсылкѣ обратно бумагъ содержащихъ неприличныя и сумазбродныя предложенія короля Шведскаго заслуживаютъ полнымъ образомъ наши одобренія и похвалу, о чемъ вы означенному генералъ-поручику дайте знать. Сіе произшествіе и болѣе еще утверждаетъ что мира на самыхъ умѣренныхъ и справедливыхъ условіяхъ ожидать нельзя инако, какъ съ чувствительнымъ пораженіемъ непріятеля на твердой землѣ и водахъ; и для того нужно чтобы

---

[1]) М. Арх. Camp. Suèd. 1790. Saltikoff. Св. 10, 64/125.

вы поспѣшили въ Фридрихсгамъ, гдѣ по близости нашего галернаго флота удобнѣе вы можете снестись съ начальствующимъ надъ онымъ и наилучшимъ образомъ сообразить мѣры къ нанесенію удара вѣроломному врагу при сохраненіи надлежащей осторожности въ разныхъ мѣстахъ противу его покушеній. Пребываемъ вамъ благосклонны.

въ Царскомъ селѣ Іюля 25. 1790 г.

29.

Ему же, того же 25-го [1]).

Графъ Иванъ Петровичъ! Генералъ поручикъ баронъ Игельстрёмъ получаетъ съ симъ нарочнымъ всѣ потребныя для него наставленія по извѣстной вамъ матеріи; почему и дошлите того же самаго нарочнаго въ то мѣсто, гдѣ означенный генералъ находится. Хотя мы все возможное для мира дѣлаемъ, но конечно изъ того ничто не выдетъ безъ дѣйствій по причинѣ высокомѣрія и коварства короля шведскаго: вслѣдствіи сего нужно, чтобы вы непремѣнно поспѣшили прибытіемъ вашимъ въ Фридрихсгамъ, соглашеніемъ въ дѣйствіяхъ со стороны галернаго флота и сухопутной арміи предлежащихъ, и самымъ начатіемъ оныхъ возложа надежду на помощь Божію, справедливость стороны нашей и добрую волю, соединенную съ мужествомъ воинства Нашего. Преб. в. благ.—въ Царскомъ Селѣ, Іюля 25, 1790 г.

30.

Проектъ письма Ея Императорскаго Величества къ генералъ-поручику барону Игельстрему [2]).

«Быть по сему».
(рукою Безбородко: въ Царскомъ Селѣ.
Іюля 25. 1790 г.).

Monsieur le lieutenant général Baron d'Igelström. J'ai eu sous mes yeux la lettre de 21 de ce mois que vous avés adressée au général Comte de Saltikoff et par laquelle vous lui rendés compte de votre entrevue avec le baron d'Armfelt. J'ai été très satisfaite des sentimens que le Baron d'Armfelt vous a fait voir et ne le suis pas moins de la manière dont vous vous êtes conduit à votre tour. J'ai chargé le vice—chancelier comte d'Ostermann de vous faire connaitre mes intentions ultérieures sur l'objet en question et de vous faire passer les instruments dont vous pourriés avoir be-

---

[1]) Тамъ же, 65/126.
[2]) Моск. Арх. Camp. Suèd 1790. Expédit. Igelström. Св. 13, 66.

soin pour procéder à la confection de l'ouvrage désirable qui vous est confié. Tout ce que le comte d'Ostermann vous dit est l'expression de ma volonté et de mes sentiments et doit servir au Roi de Suède de témoignage de mon empressement à me retrouver vis-à-vis de lui dans cette position que les liens de parenté et d'autres motifs m'ont toujours fait désirer de conserver, et que je n'ai vû troublés qu'à regret. Sur ce je prie Dieu qu'il vous ayt Monsieur le lieutenant Général Baron d'Igelström en Sa sainte garde. A Czarskoé Sélo le 25 Juillet 1790.

31.

Copie de la lettre de S. M. I-le au lieutenant Général Baron d'Igelström en date de Czarskoé Célo le 25 Juillet 1790 [1].

Monsieur le l. g. Baron d'Igelström. Par vos lettres au général Comte de Salticoff je vois que vous en avez agi en franc et loyal chevalier dans votre négociation avec M. d'Armfelt; c'est cette franchise qui vous a fait rejetter avec indignation les conditions absurdes et honteuses pour nous du roy de Suède et de son mignon, et vous avez très bien fait. Malgré cela, ils ont renoué les pourparlers et visent de nouveau à nous tromper et leurrer. Tout cela se fait pour fasciner les yeux par une négociation simulée de paix à leurs propres gens qui la désirent, et au fond ils en ont besoin. Le roi a à cela encore un autre but, celui de tirer de l'argent à ceux qui lui en donnent, en leur montrant et leur faisant peur d'une négociation séparée avec nous, si on ne satisfera pas à ses besoins et son avidité. De moi on veut acheter cette paix ou par de l'argent, ou par des sacrifices, ou en me trompant par des paroles vagues qu'on expliquera après comme on voudra, enfin à tout cela il n'y a qu'un tissu d'artifices et tout, excepté de la franchise et de la cordialité. Ainsi prenez bien garde de ne pas vous laisser tromper et continuez d'en agir comme vous avez commencé avec votre franchise et politesse naturelle, et faites leur accepter notre projet, ou bien rompez ces pourparlers qui ne meneraient à rien. Adieu, portez vous bien. Catherine.

A Czarsko celo
ce 25 Juillet 1790.

Собственноручная приписка Императрицы Екатерины: Ces gens là ont encore une autre marotte c'est qu'ils voudraient bien se donnez les airs de nous prescrire des loix. J'aime beaucoup ce terme de trois jours dont on vous fait grâce pour donner notre réponse. On dirait que le roi de Suède l'a dictée dans l'ivresse, non de la gloire, mais du vin.

---

[1]) Моск. Арх. Camp. Suèd. 1790. Igelström. Exped. Св. 13.

32.

Copie de la lettre de Sa M. I-le au Baron d'Igelström en date du 25 Juillet 1790 [1]).

Monsieur le l. g. B. d'Igelström. J'ai remarqué dans une des lettres du Baron d'Armfelt une expression qui m'est revenue dans l'esprit, il y dit entre autres flagorneries que le Roi désirerait de se remettre avec moi sur le même pied qu'il était; or cette idée pourrait très bien lui en inspirer une autre qui serait de venir ici de façon ou d'autre selon sa témérité et étourderie naturelle, il en a eu l'idée déjà la première campagne, lorsque son armée ne voulait plus lui obéir. Ainsi vous feriez bien de dire à Armfelt, par manière de propos, que chez nous en général l'on ne deteste et n'abhorre rien tant que la perfidie et l'ingratitude et que si pareille idée venait dans la tête de son auguste maître vous lui conseillez à lui, Armfeldt, d'en detourner l'exécution, parcequ'elle ne réussirait pas. Vous ordonnerez à tous les poste outre cela d'être bien sur leur garde de ne laisser passer âme qui vive du côté ennemie ou notre sans ordre préalable. Adieu, portez vous bien. Signé: Catherine.

Le 25 Juillet 1790.

33.

Два письма Густава III къ Эренстрему [2]).

1) 16-го (5-го) іюня 1790. J'ai eu reponse d'Armfelt et du comte Soltikoff. Armfelt est blessé d'une balle, qui lui a traversé l'épaule droite, sans lui casser l'os. Il m'écrit de sa propre main. Paine a aussi été blessé. Voila tout ce que je sais. N'avez vous pas de nouvelles du petit espagnol? Mandez moi ce que vous savez. La tempête nous arête dans nos opérations. Je crois que nous pourrons bientôt agir. Smith (Sidney) a emporté une batterie de canons de bronze ce matin à 2 heurs à Achtés capell. Dés que ceci est fait, nous partirons, car je m'ennui de ne savoir ce qui se passe en Europe. Adieu. Si l'espagnol vient n'oubliez pas l'amenant de porter tous les papiers avec vous. Rade intérieur de Wibourg, ce 16 Juin 1790, à 6 heures du soir. G.

2) Rade de Wibourg ce Samédi matin à 2 heures le 19 (8) Juin 1790.

---

[1]) M. Арх. Camp. Suèd. 1790. Igelström. Exped. Связ. 13, 68.

[2]) Изъ книги: *Statsrådet Iohan Albert Ehrenströms* efterlemnade historiska anteckningar. Utgifna af I. I. Boëthius docent vid Upsala Universitet. 1882. Томъ I, стр. 258 и 259.

Voyons maintenant comment nous rénouerons la négociation. Je crois que le général de Pallett écrive une nouvelle lettre, que nons enverrons avec un parlementaire à Wibourg, où il dit simplement qu'ayant eu promesse de l'arrivée de l'espagnol dans quelques jours, et plus de huit s'étant écoulés, il était embarrassé de quoi mander à m. de Coral (испанскій министръ въ Стокгольмѣ) d'autant plus qu'apparement il supposait que la matière sur laquelle roulait la depêche devait être une chose intéressante pour les deux nations, ou quelque chose d'approchant. Dites m'en vos idées. Je vous envoie en même temps les lettres du comte Soltikoff et d'Armfelt. Bon soir, ou plutôt bon jour. Gustave.

Si vous trouvez cela bon, dites le au général de Pallet. Faites moi le plaisir de lui faire mes excuses de ce que je ne lui écris pas moi même.

34.

Рескриптъ Императрицы Екатерины барону Игельстрёму

30 іюля 1790 г. [1]).

Г. генер. порутч. Бар. Игéльстрёмъ. Все что вамъ сказано барономъ Армфельдомъ по мирной негоціаціи на васъ возложенной служитъ самымъ доводомъ что образъ мыслей короля шведскаго не сходствуетъ съ нашимъ, что когда мы умѣренность и снисхожденіе наше простерли уже до самой крайней степени, онъ ищетъ дѣло затруднить нелѣпымъ требованіемъ касающимся до Порты Оттоманской, и что съ его стороны дѣлается толь злостное примѣчаніе по поводу не внесеннаго въ новый проектъ двадесятаго артикула изъ Абовскаго договора. Мы дали сущій нашъ ультиматъ, который теперь отъ него зависитъ принять и тѣмъ прекратить кровопролитіе, или же отвергнуть, и чрезъ то быть виновникомъ продолженія войны и всѣхъ неразрывныхъ бѣдствій. Вслѣдствіе сего если со стороны шведской не согласятся на распоряженіе мирнаго дѣла по доставленнымъ отъ насъ вамъ предписаніямъ, то вы объявите барону Армфельду, что имѣете приказаніе прервать ваши переговоры и къ командѣ вашей отправиться, что и дѣйствительно исполнить не оставте.

При разговорѣ вашемъ съ шведскимъ полномочнымъ не упустите изъ данныхъ вамъ наставленій изъяснить, что ультиматъ нашъ былъ въ сущую ихъ пользу ибо все что казалось имъ въ прежнихъ трактатахъ невыгоднымъ тутъ выключено; а мы только что сохранили свои границы, которыхъ ни для чего не перемѣнимъ. Дайте также образомъ собственнаго вашего разсужденія по-

---

[1]) Моск. Арх. Camp. Suéd., 1790. Jgelström. Expéd. Связка 13.

чувствовать ему что въ подобныхъ случаяхъ весьма легко быть можетъ что послѣднія наши условія сочтены будутъ какъ бы и не были, и никто не отвѣчаетъ чтобы при дальнемъ ихъ упорствѣ могли они толь выгодныя одержать кондиціи. Пребываемъ вамъ благосклонны.

Въ Царскомъ Селѣ. Іюля 30, 1790.

35.

Рескриптъ Гр. И. П. Салтыкову 1 авг. 1790 г. [1]).

Атака на непріятельскій гребной флотъ въ Роченсальмѣ держащійся тѣмъ болѣе намъ необходимою представляется, что не сломя сей преграды не могутъ быть удобны важныя и значущія операціи. Сомнѣнія въ томъ нѣтъ, что произведеніе въ дѣйство сего предпріятія сопряжено съ немалыми затрудненіями; но весьма онѣ облегчатся, когда съ одной стороны вице-адмиралъ принцъ Нассау-Зигенъ станетъ вести дѣло свое съ осторожностями по степенямъ; а съ другой будетъ имѣть пособіе отъ арміи сухопутной занятіемъ не малой части силъ непріятельскихъ посредствомъ какого либо на нихъ поиска, которому для отвлеченія вниманія непріятельскаго по справедливости и предшествовать надлежало бы. Мы о семъ какъ прежде вамъ писали, такъ и нынѣ вновь подтверждаемъ употребить все то, что предпріятіямъ галернаго нашего флота способствовать можетъ. Отлагать сей поискъ уже тѣмъ меньше сходно, что эскадра вице-адмирала Повалишина достигла своего поста; слѣдовательно при недѣйствіи легко будетъ подвергнута противоборству превосходныхъ силъ непріятельскихъ. Преб. в. благосклонны.

Въ Царскомъ Селѣ. Августа 1-го, 1790 г.

36.

Секретное.

Рескриптъ Императрицы Екатерины Генералъ-Поручику Барону Игельстрёму. 6-го августа 1790 [2]).

За благо приняли мы все что вы уполномоченному отъ короля шведскаго барону Армфельду сказали въ побужденіе его стараться о возстановленіи мира и въ обнадеженіе о нашемъ благопризнаніи къ его трудамъ въ дѣлѣ семъ, въ которомъ прямая польза его го-

[1]) Моск. Арх. Camp. Suèd. 1790. Salticoff. Св. 10.
[2]) Моск. Арх. Camp. Suèd. 1790. Expéd. Jgelström. Св. 13.

сударя и благосостояніе отечества его были интерессованы. Изъясняя ему ту справедливость, которую мы воздаемъ благородному образу его мыслей, и желаніе наше доказать ему признательность нашу къ его усерднымъ стараніямъ, неоставьте узнать его расположеніе, и ежели онъ желаетъ получить первый нашъ орденъ св. апостола Андрея, то и вручите ему оный отъ имени нашего; сверхъ того независимо отъ обыкновеннаго подарка при размѣнѣ ратификацій, особенно предложите ему десять тысячъ червонныхъ, на которыя и вексель съ симъ посылается дабы вы есть ли онъ принять ихъ согласится могли ему вручить. Надлежитъ однако же наблюсти тутъ полную со стороны его деликатность, дабы сіе не имѣло вида будто бы онъ подкупленъ былъ, хотя и всякъ узнаетъ, что онъ королю и коронѣ шведскимъ превеликую оказалъ услугу, ибо они конечно имѣли большую нужду въ мирѣ. Обнадежите его при томъ предложеніемъ и дальнѣйшаго нашего къ нему благоволенія.

Подполковнику Розенштейну за его добронамѣренное расположеніе мы охотно желали бы явить знакъ нашей признательности, но не вѣдаемъ можно ли ему сдѣлать подарокъ публичный въ качествѣ адъютанта королевскаго тутъ же находившагося, въ какомъ случаѣ вы и не оставте дать ему вещь пристойную; а сверхъ того оставляемъ на ваше усмотрѣніе дать ему секретно деньгами тысячу червонныхъ. Пребываемъ вамъ благосклонны.

Въ Царскомъ Селѣ. Авг. 6. 1790.

37.

Рескриптъ Ген. Поруч. Бар. Игельстрёму 6-го авг. 1790 г. [1]).

Г. Генералъ Поручикъ Баронъ Игельстрёмъ! Съ какимъ удовольствіемъ получили Мы донесеніе ваше о заключеніи мира съ королемъ Шведскимъ, вы можете судить по извѣстному Нашему миролюбію и искреннему желанію, дабы пролитіе крови человѣческой прекращено, тишина же и спокойствіе въ пользу вѣрныхъ нашихъ подданныхъ возстановлены были. Производя дѣло сіе на васъ возложенное образомъ благоразумнымъ, и окончивъ оное счастливо, вы пріобрѣли себѣ особливое Наше благоволеніе. Ратификація на заключенный вами договоръ съ симъ же нарочнымъ послана будетъ такъ что вы оную конечно въ постановленный срокъ размѣнять успѣете. Какъ при подобной размѣнѣ торжественныхъ актовъ обыкновенно дѣлаются подарки денежные и вещами, то Вы уполномоченному отъ короля шведскаго барону Армфельду при надлежащихъ отъ Имени Нашего привѣтствій о знаменитой заслугѣ, которую онъ и собственнымъ его Государю и отечеству и роду человѣческому оказалъ, споспѣшествовавъ прекращенію военныхъ

[1]) Журн. именн. повел. № 708.

дѣйствій, вручите ему какъ обыкновенный подарокъ табакерку съ портретомъ Нашимъ и три тысячи червонныхъ, да на его свиту тысячу червонныхъ, сверхъ того королевскому секретарю Эренстрёму пятсотъ, а по усмотрѣнію вашему хотя и тысячу червонныхъ, также раздайте имъ разныя вещи изъ доставляемыхъ при семъ по описи, какія выберете и кому назначаете о коихъ и прислать къ Намъ реестръ, а оставшія до повелѣнія Нашего удержать у васъ. Шведскимъ генералъ-маіору Де Пауль и полковымъ командирамъ Ливену и Егергорну, да и другимъ чинамъ кому прилично вы изъ тѣхъ же вещей сдѣлать подарки отъ Нашего имени не оставьте. Впрочемъ какія во взаимство тому отъ короля шведскаго вамъ и прочимъ чинамъ находящимся при васъ учинены будутъ подарки, оныя принять дозволяемъ. На выше писанныя денежныя дачи доставляются вамъ шесть тысячъ червонныхъ. Преб. вамъ благоскл.

38.

Собственноручная записка Импер. Екатерины II отъ 25 апр. 1794 г. объ Игельстрёмѣ и молодыхъ и старыхъ генералахъ [1]).

Vous avés Raison j'ai souvent été tres mal servi tant par les vieux, tout comme par les jeunes. Si Igelström a été trompé il n'est pas le seul. Une faute a eté la suite de plusieurs autres qui l'ont devancée.

Ce n'est pas lui aparamment qui a reçut l'argent dont Vous me parlé car ses caisses étoit pleine lors qu'on m'en demandoit (aparament par precaution) pour lui avec beaucoup de zele. Au reste je ne lui écrirai que pour lui envoyer son congé qu'il me demande, mais je me souviendrai toujour qu'il m'a rendu des services important. Si les jeunes Ministres et les Generaux de fortunes sont incliné comme Vous le dites à la Guerres qui souvent est inevitable, les vieux Ministres et les Generaux de Grandes Naissances ont un autre inconvenient c'est qu'entre leurs mains les affaires vont en piafant ce qui fait qu'Elle n'avance guerre, or quand elles n'avance pas selon moi elle reculent, c'est ce que l'experiance m'en a apris. Tout ce qui ce passe presentement en Pologne selon les preuves que j'ai en main est une trame ourdie depuis onze mois. Adieu portés Vous bien. ce 25 avril 1794.

Переводъ.—Вы правы; часто мнѣ очень дурно служили, какъ старые такъ и молодые. Если Игельстрёмъ былъ обманутъ, то онъ не единственный. Ошибка была послѣдствіемъ многихъ другихъ, ей предшествовавшихъ.

---

[1]) Неизвѣстно къ кому. Орфографія соблюдена. Спб. Государств. Арх., X. 1794 г., дѣло № 57.

Должно быть не онъ получилъ деньги, о которыхъ вы мнѣ говорите, такъ какъ его касса была полна, когда отъ меня ихъ для чего очень усердно требовали вѣроятно изъ предосторожности. Впрочемъ я напишу ему лишь для того, чтобы послать просимое имъ увольненіе; но я всегда буду помнить, что онъ оказалъ мнѣ важныя услуги. Если молодые министры и выслужившіеся генералы склонны, какъ вы говорите, къ войнѣ, часто неизбѣжной, то старые министры и высокородные генералы имѣютъ другое неудобство: въ ихъ рукахъ дѣла идутъ лишь на показъ, отчего впередъ не подвигаются, а если не подвигаются впередъ, то, по моему, идутъ на попятную; опытъ меня научилъ. Все, что происходитъ теперь въ Польшѣ, судя по доказательствамъ, которыя имѣю въ рукахъ, есть дѣло интриги подготовлявшейся одиннадцать мѣсяцевъ. Прощайте, будьте здоровы. 25 апрѣля 1794.

39.

Записка Спренгтпортена Императрицѣ Екатеринѣ II отъ 23 мая 1788. Supplément au mémoire du 19 passé [1]).

(Подписано 23 мая въ С.-Петербургѣ).

Sa M-té ayant aprouvée de préparer la nation finoise à réaliser leur projet d'indépendance au cas qu'une guerre éclate entre nous et la Suède, c'est essentiellement pour expliquer quelques détails relativement à ce principe que j'ajoutte ce supplément à mon memoire du 19 passé.

Il n'est pas douteux que mon apparition en Finlande dans ce moment critique ne soit très suspecte; mais étant également indispensable, je crois toute reflexion faite qu'il vaut mieux m'y rendre sans affectation sous la pretexte naturel que me fournit ma nomination pour la flotte: l'incognito, comme j'avais d'abord proposé, jetera encore plus de soupçons sur mes desseins.

J'ai dit que *les détails de cette entreprise dependaient essentiellement des circonstances, et du moment qu'on peut fixer pour son exécution que le plus favorable sera de saisir l'instant que le corps de Savolax est sous les armes:* l'assemblée de la nation aura alors un appui tout prêt à agir pour protéger leur demarches politiques.

C'est à présent que ce corps est ensemble, il s'exercera jusqu'au 24 du mois prochain. C'est aussi vers ce tems que nos préparations à Cronstadt seront achevées. Si la Suède continuera ses armements, si avant ce terme elle ne donne aucune explication satisfaisante pour nous rassurer sur ses desseins; ne doit on pas regarder ce mo-

---

[1]) Моск. Арх. Camp. Suèd. X, связ. 1, 1788 г. Вѣроятно къ мемуару 20-го, а не 19-го, такъ какъ былъ таковой 20-го числа. Курсивомъ—подчеркнутое въ оригиналѣ самимъ Спренгтпортеномъ.

ment comme l'époque d'un éclat? Je pense qu'oui. Et partant de ce principe je travaillerai à disposer les choses de manière que tout soit prêt à suivre cette route.

Les ménagements que S. M-té s'est proposé de garder avec la Suède, pour manifester ses intentions pacifiques ne permettront peut être pas de mouvemens trop visibles sur les frontières [1]. Je pense cependant qu'il convient en attendant de rassembler sous pretexte d'exercice un petit corps dans la..... indiqué a *Mautilla* entre *Willmanstrand* et *Fridrichshamn*. Ce corps peut se composer des troupes qui sont actuellement en ces contrées. 4 régiments d'infanterie suffiraient, on y joindra les chasseurs de la Finlande, un régiment de dragons en bon état et autant de cosaques, qu'on peut rassembler. Il doit marcher aussitôt que le mouvement des confédérés l'exige. Alors se portant en avant sur le chemin de *Keltis*, ou il passera la rivière de *Kymméné*, il ira occuper la position qui sera indiqué par la suite comme la plus propre à maintenir nos communications entre la ville de *Helsingfors* et de *Savolax*, où les troupes de la République doivent diriger leurs opérations. J'ai déjà eu l'honneur d'avertir qu'il faut avoir dans nos magasins quelques provisions de vivres pour ces troupes, surtout à *Nislott* pour faciliter la subsistance du corps de Savolax. Le bléd manque toujours en Finlande au mois de juin et jusqu'à la nouvelle récolte. C'est ordinairement par une mauvaise administration qui s'étudie à apauvrir le peuple; il est donc absolument nécessaire que les troupes de la nation ainsi que les notres trouveront leur subsistance à nos dépens. Il sera aussi nécessaire d'avoir au même endroit un dépôt des armes à feu pour le distribuer aux habitans de Savolax et de la Carélie, peuple....., qui ne manqueront pas de se joindre à leurs troupes pour soutenir leur liberté.

Je pense que ces arrangements préparatoires seront suffisants. Il n'est pas possible que la Suède divisée comme elle est et le sera encore d'avantage au moment de cette époque puisse produire de grands efforts pour détruire le succès. Il faut cependant avoir songé à une reserve plus forte contre tout évenement.

Dans les différentes notes que j'ai eu l'honneur de présenter sur cet objet, j'ai suffisament expliqué la marche générale de l'entreprise; j'ai aussi indiqué les personnes les plus propres à s'en mêler. Aussi je me refère quant à cet article sur les memoires précédants et particulièrement sur celui de l'automne où tous ces objets sont détaillés. Cette marche n'est sujette à aucune variation. Elle doit toujours commencer par une diète nationale, fondée sur les griefs subsistants, lesquels depuis mon premier tableau ne sont malheureusement que trop multipliés à la charge des citoyens. Il ne con-

---

[1]) Avant que la Suède y donnera lieu et que les finois pressés à l'extremité (demandent?) Sa protection.

vient pas que les troupes Impériales paraissent avant ce terme; mais alors elles doivent se montrer à propos pour déterminer les esprits, maintenir les choses et affermir les déliberations. Il n'est pas moins probable que le commencement ne serait un peu tumultueux. Il sera par conséquent très nécessaire que S. M. dans les premiers manifestes qu'Elle fera répandre en cette occasion rassûre les esprits dans les termes les plus convenables à flatter leurs espérances, qu'Elle declare expressement que son intention n'était par de gêner les déliberations de la nation, mais de les protéger, Elle donnera un libre cours aux affaires de leur diète sans s'ingérer de quelque façon que ce soit dans ces arrangements domestiques; que ses troupes n'étant entrées que sur les instances préssantes de la nation elle même, seront aussi rétirées dès aussitôt que la tranquilité et la bonne harmonie établies n'exigeront plus leur présence; que sa protection gracieuse et efficace s'étendra à un chacun qui se croit opprimé légitimement, que cependant Elle ne pourra s'empécher de regarder comme ennemi celui dont les démarches seront contraires aux interêts et à la tranquilité publique, que sa bonté naturelle et généreuse la déterminent de manifester de la manière la moins équivoque l'intêret qu'Elle prendra Elle même au bonheur et à la tranquilité des deux nations entre lesquelles Elle s'eforcera de rétablir la tranquilité en protégeant toujours le faible contre le plus fort et l'opprimé contre la tirannie de l'oppression. On doit éviter autant que possible les hostilités ouvertes dans un premier commencement et rien ne doit transpirer encore des projets secrets de l'indépendance. Il deviendra une suite naturelle des délibérations, de la façon de penser de la nation en général et des mesures tiranniques que la Suède voudra probablement continuer pour conserver son autorité et sa puissance sur ce peuple opprimé. Je tacherai d'éclaircir plus emplement et sur le lieu les mesures que peut encore concourir à ratifier ces combinaisons et de nommer les personnages dont il faut ce servir. Sur ces objet il m'est impossible de prononcer avec plus de certitude le temps ayant pu changer plusieures circonstances à cet égard.

Je crois avoir actuellement détaillé les objets les plus essentiels à remarquer pour le succès de ce projet. Et me réferant au reste sur mes précédants mémoires et notamment sur celui que j'eu l'honneur de présenter comme tableau général de cette opération je n'attend plus que mes dernières instructions pour partir.

On voudra bien m'accorder la confiance de croire que je n'avancerai au reste rien qui soit précipité et contraire aux intentions de ma Souveraine, dont les vues et la gloire en tout temps sont le regle de toutes mes actions.

Pétersbourg ce 23 de mai 1788.

Il est encore nécessaire d'ajouter qu'il faut un caisse en réserve pour distribuer selon le besoin de ces différents objets. C'est

pour avoir manqué de le faire à temps qu'il y a peut être à présent quelque froideur à detruire dans les esprits prévenus ou abbatus par leurs besoins. Pour le moment il suffit d'une somme modique (de quelques milliers de ducas) qu'on tiendra prête à ma disposition en ducas de Hollande. Mais en cas d'une rupture prochaine il faut necéssairement pourvoir à la solde des troupes de la République au moins jusqu'à ce qu'elle sera maitre des revenus du pays.

40.

Спренгтпортенъ Императрицѣ Екатеринѣ II (безъ числа и мѣсяца; въ архивѣ отнесено къ 1788 г. [1]).

Madame,

Je supplie très humblement V. M-té de vouloir bien ordonner qu'on m'avance 4 ans d'appointement, pour arranger mon établissement. Toute autre ressource m'est interdite dans un pays, où je ne possede rien.

Je suis avec l'attachement le plus soumis..... Sprengtporten.

41.

Спренгтпортенъ Императрицѣ изъ Сиппола, 5 сент. 1788 г. [2]).

(Въ началѣ извиняется, что не писалъ съ возвращенія изъ Петербурга. Упоминаетъ о рескриптѣ 6-го числа (августа?).

J'avais besoin de ces instructions de V. M-té pour affermir mes idées sur la scène intéressante, qui bientôt va s'ouvrir, — j'éspère sous les yeux de V. M-té. Le poste de Högfors qui va s'évacuer aujourd'hui, d'après la lettre de M. de Mongomery (ci jointe), ne laisse aucun doute sur le reste, mais avant que d'entrer en détail sur les choses à venir, je vais achever mon rapport sur le passé.

M. de Mongomery a reçu sa réponse conforme à l'ordre de V. M-té, le lendemain de mon retour. Il en parut peu satisfait, desespérant de convaincre son prince Charles sur l'article de Högfors. Il a pourtant été convaincu, et je crois cette subite complaisance motivée par ma lettre à M. le général d'Armfeldt, dont je joins içi la copie et sa réponse. Je me flatte au reste que ce dénoûment du premier paragraphe de mon instruction ne déplaira pas à V. M-té, ayant eu grand soin de le ménager, sans condition quelcon-

---

[1]) Rapports B. Sprengtporten, X, Camp. Suèd. Réception, связ. 1, 1788.

[2]) Моск. Арх. Campagne Suèd. 1788, X, св. 3. Приложеніе къ рапорту Мусина-Пушкина отъ 6-го сентября 1788 г.

que qui puisse lier les mains à V. M. d'agir conformément à ses intérêts à venir.

Le même jour je reçus un billet, que mon beau-frère m'attendait à Wiala sur le Kymméné, pour m'apporter sa réponse de la commission, que je lui ai chargé seulement *pour m'éclaircir sur les véritables dispositions des troupes de Savolax.* Cette réponse que j'allais recevoir moi même [1]) fut en substance:

1) Que le prince Charles vise effectivement à la souveraineté de la Finlande dans un état indépendant sous protection Imp-le.

2) Que des menées sourdes qui se passent en cette occasion indiquent des dispositions en sa faveur; que M. Jägerhorn lui même est un partisan zélé. Voilà donc la conduite de ce Prince expliquée. Les compliments réiterés du duc de Sudermanie ne sont plus un énigme.

3) Que le B. de Hastfer, dont les sentiments, après les disgrâces de son bienfaiteur, commençent à se développer en faveur de la nation, mécontent et desaprouvant entièrement les projets du duc, *consent à joindre ses troupes aux nôtres, pour effectuer une diète prompte et indispensable, tout-á-fait d'après le premier plan que j'ai eu l'honneur de proposer à V. M-té.*

Ces nouvelles intéressantes qui en quelque façon changent *la route que nous tenons, sans en changer le principe, me* furent confirmées dans la nuit entre dimanche et lundi, par les lettres de M. de Hastfer lui même (jointes içi) dans lesquelles il me demande une entrevue, que je lui ai accordé à Keuketsalmi, à un de nos postes avancés sur le chemin de Pumalasund. Mon intention est de m'aboucher avec lui pour écouter les mésures, qu'il pourra trouver bon de proposer. V. M. voit que les affaires commençent d'aller grand train; je ne m'endormirai pas pour les suivre à la piste.

Pour m'éclaircir des sentiments de m-rs les finois au camp d'Anjala au sujet d'une diète prochaine et séparée de la diète de Suède, je m'étais rendu dimanche passé à Mämälä, où je fis réunir en conférence m-rs les colonels *von Otter* et *Hästessko*, le baron *de Stakelberg* et *von Torre*, les meilleurs têtes de la confédération. J'eu le plaisir de les voir facilement déterminés à suivre les intentions de S. M-té la dessus, parfaitement bien vues et dévéloppées dans ses instructions. Il est cependant extrêmement difficile, pour ne pas dire impossible de réunir toutes ces têtes irrésolues, faibles quelquefois et sans nerf dans l'action. Leurs délibérations représentent déjà la mignature d'une république effective, avec toutes les intrigues naissantes de l'envie, interêts personnels et l'amour propre déjà en activité pour troubler leur concorde, de façon que sans une impulsion forte, qui les détermine, il y a peu à espérer de leurs efforts. Je leur ai préché l'union et la fermeté tant que j'ai pu, mais j'ai eu garde de leur dire mes

---

[1]) Письмо это не приложено.—Курсивъ—подчеркнутое Спренгтпортеномъ.

projets secrets, afin qu'ils ne s'attendent à rien avant qu'ils voient tourner la roue, qui doit mouvoir cette machine disloquée. Je ne deséspère cependant pas d'arriver au but que V. M. se propose et cela par la même route que V. M. a déjà daigné adopter avant que les affaires sur le Kymméné nous en a (ont) écarté un moment. Tout dépend du tems, de la prudence et d'une conduite modérée, qui puisse les mener, sans les éffaroucher. Ils sont extrêmement peureux qu'on innonde leur pays de nos troupes. Mais Hastfer m'appellera à son secours pour donner le ton à la diète, — c'est mon projet et je vais de ce pas m'aboucher avec lui sur les mésures les plus efficaces à prendre. J'éspère toujours que V. M-té aura lieu un jour d'être satisfaite comme sa bonté l'a été jusqu'ici de mon zèle et de la pureté de mes intentions pour son service. Je crains d'autant moins les intrigues qui veullent me noirçir la dessus, que ses bontés uniques et éclairées me rassurent, — mes seules éspérances et mon soutient dans cette affaire épineuse et délicate qui certainement n'est pas façile à conduire dans la position genée, où je me trouve.

Mais avant que je m'avançe plus avant avec le B. de Hastfer, je crois de mon devoir de présenter à V. M. I. le tableau d'un avenir qu'Elle approuvera où désapprouvera selon ses vues et la nature des choses.

Autant que j'ai pu fixer mes idées sur l'état de la question présente, elle se réduit à deux alternatives.

1) Votre M. I-le veut Elle adopter le Pr. Charles, frêre du Roi de Suède, comme duc régnant de Finlande, sous protection Impériale, sauf à V. M. les droits d'en élire un autre après lui, qui ne sera que appanagé pour sa personne et non héréditaire, à peu près comme l'est aujourd'hui le duché de Courland? ou

2) V. M. trouverait-Elle plus conforme à sa sureté actuelle et future d'écarter toute ombre d'autorité personnelle en reçevant simplement la nation finoise libre et indépendante dans sa constitution intérieure?

La sureté que V. M. cherche à établir pour sa gloire peut se rencontrer également dans l'un et l'autre de ces systemes; mais la marche des choses sera différente. Le premier objet peut s'effectuer dans un moment de 24 heures. Il ne faut qu'un *Oui* de la part de V. M. et un *vivat* de la part de la nation, et voilà pour jamais le grand duché de Finlande séparé de la Suède sous l'autorité d'un Prince, qui trouvera son intérêt, son ambition et ses vues flattées dans cette nouvelle situation.

Le second objet est d'une marche plus lente, compliquée, moins efficaces aux circonstances, demandant des têtes, des moyens, un patriotisme peut-être difficile à nourir, mais lequel aussi arrivé à son but, présente une masse de constitution plus respectable, peut-être plus tranquille à tout égard, lequel sera sujet à aucune de ces vicissitudes, ordinairement attachés aux gouvernements mixtes,

où un interét seconde est toujours en opposition avec l'interêt primitif. C'est à V. M. de prononcer sur ces deux alternatives. Personne saura mieux qu'Elle en combiner toutes les conséquences. Et la volonté affirmative de V. M. sera la regle de ma conduite.

Au même moment que j'écris celle-ci, m'arrivent les nouvelles ci jointes (lettre F [1]). Elles sont apportées par un capitaine Lars de Jägerhorn, député de l'armée vers le sénat à Stockholm. V. M. verra par là d'un coté la vérité de tout ce que j'ai eu l'honneur d'avancer affirmativement sur les démarches des confédérés et de l'armée, et d'un autre coté Elle verra la pusillanimité et la faiblesse non moins vrais de ce que V. M. appelle si bien son *fantôme de Senat*. Il est difficile en effet de reconcilier tant de faiblesse d'un coté avec tant d'extravagance d'un autre, joint à un 3-me coté, où véritablement il y a des lueurs du courage et de fermeté dans les démarches, quoique tous ces braves gens ne se conduisent pas mieux que les autres. V. M. I. concluera certainement de tout cela, qu'il n'y a pas un instant à perdre pour employer tous les ressorts capables de réunir les esprits et leur inspirer cet ensemble si nécessaire à consommer l'ouvrage.

Je ne peux pas finir cette lettre sans me jeter aux pieds de V. M. pour le présent de 1000 ducats qu'Elle vient de me faire. Je ne sais trop pourquoi V. M. me prodigue Sa générosité; je puise bientôt dans Sa bourse, comme dans la mienne. Son grand coeur se caractérise en tout; mais je suis confondu de tout cela et je ne sais plus comment témoigner ma vive reconnaissance à V. M-té. En faisant mon devoir, ce n'est pas encore assez pour témoigner à V. M. l'attachement inviolable avec lequel...

Sprengtporten.

42.

Спренгтпортенъ къ Императрицѣ изъ Фридрихсгама 10-го сентября 1788 г. [2]).

Rapport.—Je sors d'une entrevue avec le B. de Hastfer, que j'empresse de communiquer à V. M. avec l'engagement par écrit qu'il m'a donné de ses sentimens. Cette pièce suffira pour mettre V. M-té au fait du sujet de la question. On peut tout éspérer de ses bonnes dispositions en suivant la marche, que j'ai déjà proposé, qu'il adopte, et à laquelle nous travaillerons de concert, quand elle sera approuvée par V. M-té. Je suis d'autant plus charmé d'a-

---

[1]) *Lit. F.* Nouvelle reçue de Stockholm le 9 septembre avec un officier qui a été député là par l'armée (о томъ, что сперва король обѣщалъ сеймъ, но чрезъ два дня отказалъ. Армфельдтъ (Густавъ) просилъ на колѣняхъ,—и ему отказалъ. Собирается въ Далекарлію) *Прим. Спренгтпортена.*

[2]) Моск. Арх. Camp. Suèd. 1788. Sprengtporten, X, св. 1.

voir gagné cet officier, qu'il est par sa disposition le seul en cette occasion qui peut être d'un poid éfficace dans les affaires des conféderés. Il possède du courage, de l'activité, les qualités nécessaires que nous cherchons dans un chef de parti; et ce qui ne me laisse aucun doute sur sa sincérité, c'est la dernière résolution qu'il m'a déclaré, de vouloir passer en Russie avec sa famille, au cas que les affaires ne prennent une tournure favorable à ses grès, n'ayant plus de sureté pour lui chez le Roi, qu'il abandonne, ni chez le prince Charles, qu'il contredit. Il ne m'a pas caché au reste ses affaires et sa fortune chancellant, sur quoi je lui ai rassuré par les bontés de V. M. Et je serai charmé aussi qu'Elle daigne me faire connaitre ses intentions la dessus, que je puisse déclarer de Sa part à m-r de Hastfer, qui viendra dimanche ou lundi prochain chez moi dans mon quartier à Sippola pour concerter finalement nos mésures réciproques, d'après les ordres que V. M-té voudra bien me communiquer là-dessus, conformément à mon dernier rapport du 5 passé. Voilà donc un pas fait vers l'indépendance de M-rs les Finois! Le reste s'en suivra de leur diète nationale, à laquelle il faut maintenant travailler de toute force, y préparer les esprits par tous les moyens possibles. M-r de Hastfer fera un tour dans le pays dans cette besogne, sous pretexte de voir m-me son épouse, qui est née Comtesse de Boude! Personne est blus capable que lui de ces sortes de........ [1]), dont il a déjà eue la direction pour le Roi à la dernière diète. En passant par Anjala, il s'abouchera avec les plus décidés des conféderés. A son retour j'en aurai un détail fini, qui servira de base à nos mésures communes. Mais avant tout il faut insister sur la retraite des suèdois; une fois bien parti, ils ne reviendront plus, et nous ferons après de la Finlande ce que nous voudrons [2]). Cette affaire est sans doute de la dernière délicatesse et demande peut être une convenance avec M-rs les Danois, qui ne voudront pas non plus les avoir sur les bras. Mais il est de toute nécessité pour les interêts de V. M., que cette retraite s'effectue. Aucun Finois n'ouvrira la bouche jusque là. Ils n'ont pas assez de courage pour se déterminer en face des Suèdois qu'ils craignent, ni assez de fermèté pour les chasser hors de chez eux. Cette opération il ne faut plus y penser. M. de Hastfer lui même balance là-dessus, quoiqu'il est pourtant résolu de se préter à tout. Il faut donc autant que possible que leur départ de la Finlande devienne un effet de la politique (et de leurs propres dispositions). Si V. M. insiste Elle même là—dessus, Elle fera soupçonner des vues qu'il est très important de leur cacher. Et pour cette considération je n'ai voulu

---

[1]) Не понято по неразборчивости почерка.

[2]) Напечатанное разрядкой подчеркнуто въ подлинникѣ краснымъ карандашомъ, по всей вѣроятности рукою Безбородко.

encore faire aucune *demarche authentique* là dessus, seulement de pousser en secret les esprits à se réunir sur ce point; le reste sera l'ouvrage du tems et de la prudence.

Un ordre que je viens de recevoir à l'instant de S. Ex. le C-te de Pouschkine m'oblige de finir cette lettre pour me rendre incéssament à Mämälä, où les confédérés désirent aujourd'hui ma présence avant l'arrivée du prince Charles, qui doit s'y rendre aussi. Je suppose qu'ils ont besoin de mes conseils, et ceux que je leur donnerai seront toujours conformes aux interêts de ma Souveraine. Je n'ai du temps que d'ajouter ici 4 lettres originales du Roi à M-r de Hastfer avec leur traduction en français, qu'il a remi entre mes mains, pour être communiqué à V. M-té. Les deux premiers, №№ 1 et 2, c'est de preuve à la mauvaise foi de ce prince dans ses premières dispositions de défense. Il est remarquable, que son instruction du 23 de mai n'est pas contresignée selon l'usage avec le sceau de la chancellerie. En concervant le styl, il la signé de ses propres armes, ce qui prouve en même temps que sa dernière phrase, que j'ai souligné dans la traduction, qu'il était déjà dans ce tems peu sûr de son fait. Les deux secondes lettres, № 3 et 4, expliquent la conduite de M-r de Hastfer devant Nyslott, confirment la vérité de la revolte des Finois, que le Roi appele une trahison; elle explique aussi sa façon de penser sur cet objet. Sa propre faiblesse y parait bien à découvert aussi. La seule idée de fournir un prétexte de justification à ses propres officiers contre ses ordres me parait déjà bien extraordinaire pour un souverain qui avait dans ses mains le droit aussi que l'autorité de les commander.

J'ai cru faire plaisir à V. M. de lui communiquer ces monuments de faiblesse et d'inconséquence de son adversaire. Le Ciel Vous a donné bien des avantages sur lui. Comment se peut-il, qu'avec si peu de fermeté et de caractère, il a osé se charger d'un rôle sur le théatre du monde? Le respect qui me ferme la bouche ne me permet pas de continuer ses reflexions que la posterité mettra dans tout son jour à la gloire éternelle de V. M-té. Je suis...

Sprengtporten.

P. S. Je joins aussi la traduction des lettres du Roi; une traduction russe de la confédération de MM. les officiers de la flotte suèdoise, tirée d'une pièce qui m'a été remise actuellement sur tout ce qui vient de se passer à l'armée au sujet de cette confédération et que j'aurai l'honneur de remettre en originale à V. M-té avec la traduction russe, dès aussitôt qu'elle sera achevée par M-r Soysoyeff qui y travaille actuellement. La pièce jointe m'a paru la mieux écrite, les autres écrits font pitié, quoique elles sont en fort bons intentions.

V. M-té sera instruite de S. Ex. le C-te de Pouschkin de ce qui a retardé encore l'évacuation de Högfors de 4 jours. Un petit

point de vanité à laquelle on n'a pas voulu céder cause ce rétard qui n'est pas d'objet au reste. Il y a 4 jours que la chose a dependu de nous.

43.

Верельскій мирный договоръ.

Мирный договоръ заключенный между Ея Величествомъ Императрицею Всероссійскою и Имперіею Россійскою, и Его Величествомъ Королемъ Шведскимъ и Короною Шведскою [1]).

Во имя Пресвятыя и нераздѣльныя Троицы. Ея Величество Императрица Всероссійская и Его Величество Король Шведскій, побуждаясь равнымъ желаніемъ прекратить войну, по несчастію между ими возгорѣвшуюся, и возстановить древнюю дружбу, согласіе и доброе сосѣдство между обоюдными Ихъ Государствами и землями, по сообщеніи другъ другу взаимныхъ полезныхъ своихъ по сему намѣреній, для произведенія ихъ въ дѣйство, избрали, назначили и уполномочили, а именно: Ея Величество Императрица Всероссійская, Барона Отто Генриха Игельстрема, арміи своей Генералъ-Поручика, правящаго должность Генералъ-Губернатора Симбирскаго и Уфимскаго, Шефа Оренбурскаго Драгунскаго полка, и Кавалера орденовъ Ея Святаго Александра Невскаго и военнаго Святаго Георгія, да Святаго Владиміра большаго Креста, и Польскихъ орденовъ бѣлаго Орла и Святаго Станислава; а Его Величество Король Шведскій Густава Армфельта, Барона Ворентакскаго, помѣщика Оминскаго и Фулькильскаго, однаго изъ шести своихъ Оберъ-Камеръ-Юнкеровъ, Кавалера ордена Слона, арміи своей Генералъ-Маіора, Своего Генералъ-Адъютанта, при Кронъ-Принцѣ Кавалера, Нюландскаго пѣхотнаго полка Полковника, Главнаго Директора театровъ и забавъ, одного изъ 18 членовъ Шведской Академіи, Кавалера большаго Креста Своего ордена Меча; которые сообщивъ другъ другу свои полныя мочи, нашедъ ихъ въ доброй и надлежащей формѣ, и размѣнивъ ихъ между собою согласились о ниже слѣдующихъ статьяхъ:

Ст. I. Да будетъ впредь между Ея Величествомъ Императрицею Всероссійскою, Ея областями, землями и народами съ одной стороны, и между Его Величествомъ Королемъ Шведскимъ, Его областями, землями и народами съ другой, вѣчный миръ, доброе сосѣдство, и тишина совершенная, какъ на морѣ, такъ и на сухомъ пути, въ слѣдствіи чего даны будутъ скорѣйшія повелѣнія о прекращеніи съ обѣихъ сторонъ непріятельскихъ дѣйствій; и предавая забвенію прошедшее, имѣютъ обѣ стороны упражняться токмо

[1]) Полн. Собр. Зак. Р. Имп. 1790, т. XXIII, № 16893.

въ совершенномъ возстановленіи добраго согласія, нынѣшнею войною пресѣченнаго.

Ст. 2. Рубежи и границы съ обѣихъ сторонъ останутся на томъ основаніи, какъ были они до разрыва, или до начатія нынѣшней войны.

Ст. 3. Въ слѣдствіе того всѣ земли, провинціи, или какія-либо крѣпости, въ продолженіе сей войны занятыя войсками той, или другой изъ двухъ договаривающихся сторонъ, опорожнены будутъ въ кратчайшее по возможности время, или же въ двѣ недѣли по размѣнѣ на сей договоръ ратификацій.

Ст. 4. Военноплѣнные, и всякіе другіе не носившіе оружія и въ продолженіе непріятельскихъ дѣйствій взятые воюющими Державами, будутъ съ обѣихъ сторонъ освобождены безъ всякаго выкупа, и вольно имъ будетъ возвратиться во свояси, не требуя взаимно никакого удовлетворенія расходовъ, употребленныхъ на ихъ содержаніе; но обязаны они будутъ заплатить частныхъ людей на нихъ долги въ обоюдныхъ Государствахъ.

Ст. 5. Дабы также всякіе случаи на морѣ, которые къ какому либо опасному несогласію между обѣими договаривающимися сторонами поводъ подать могутъ, отвращены быть могли, постановлено и соглашенось, что когда Шведскіе военные корабли одинъ или болѣе числомъ, большіе или малые, Ея Императорскому Величеству принадлежащую крѣпость впредь проходить будутъ, то оные должны будутъ Шведскій лозунгъ стрѣлять, на это оныхъ тотчасъ Россійскимъ лозунгомъ съ крѣпости взаимно поздравлено будетъ. Равнымъ же образомъ имѣютъ и Россійскіе военные корабли, одинъ или болѣе числомъ, когда оные мимо Его Шведскому Величеству принадлежащей крѣпости пойдутъ, Россійскій лозунгъ стрѣлять, а они тотчасъ, Шведскимъ лозунгомъ съ крѣпости взаимно поздравлены будутъ. Впрочемъ высокія договаривающіяся стороны немедленно, и какъ наискорѣе возможно, особливою конвенціею постановятъ, какимъ образомъ въ таковыхъ случаяхъ, когда Россійскіе и Шведскіе военные корабли другъ друга на морѣ, въ гавани или индѣ гдѣ встрѣтятъ, поздравлены быть имѣютъ; а между тѣмъ, для предупрежденія всякой въ такомъ случаѣ ошибки отъ военныхъ кораблей, ни съ той, ни съ другой стороны салютаціи чинено быть не имѣетъ.

Ст. 6. Ея Императорское Величество Всероссійское дозволяетъ также, что Его Шведскому Величеству свободно быть имѣетъ, въ портахъ Финскаго залива и Балтійскаго моря ежегодно на 50.000 рублей хлѣба покупать повелѣть, который по учиненному засвидѣтельствованію, что оный или на Его Шведскаго Величества счетъ, или подданными отъ помянутаго Его Величества именно къ тому уполномоченными закупленъ, не платя никакихъ пошлинъ, или иныхъ налоговъ, въ Швецію свободно вывезенъ быть имѣетъ, исключая однакожъ въ тѣ годы, когда бъ недородъ случился, или

въ кои по важнымъ причинамъ запретила бы Ея Императорское Величество вывозъ хлѣба всѣмъ народамъ.

Ст. 7. Въ разсужденіи, что поспѣшность съ каковою восхотѣли обѣ высокія договаривающіяся страны прекратить наискорѣе военныя бѣдствія, удручавшія обоюдныхъ Ихъ подданныхъ, не дозволила постановить разныя статьи и предметы, удобные къ прочному утвержденію добраго сосѣдства и совершеннаго границъ спокойствія; онѣ согласились и обѣщаются, взаимно, заняться сими статьями и предметами, и разобрать и постановить ихъ дружески посредствомъ Пословъ, или полномочныхъ Министровъ, коихъ отправятъ онѣ другъ къ другу вскорѣ по заключеніи сего мирнаго договора.

Ст. 8. Ратификаціи на сей мирный договоръ размѣнены будутъ въ шесть дней, или и прежде, если то возможно будетъ.

Во увѣреніе чего, мы сей мирный договоръ подписали, и къ оному печати гербовъ нашихъ приложили. Учинено въ Верельской долинѣ, близь рѣки Кюмени, между передовыми постами обоихъ лагерей 3 (14) Августа 1790 года.

Ратификація.

Того ради Мы вышеписанный мирный договоръ во всѣхъ его артикулахъ, клаузулахъ, и во всемъ его содержаніи, за благо принимая и утверждая, чрезъ сіе и силою сего наилучшимъ и торжественнѣйшимъ образомъ за благо принимаемъ, утверждаемъ и ратификуемъ, обѣщая Императорскимъ Нашимъ словомъ, за насъ и наслѣдниковъ Нашихъ, все въ томъ договорѣ постановленное не токмо вѣрно и не нарушимо всегда содержать и исполнять, но и не позволять никогда, чтобъ какимъ либо образомъ вопреки оному поступаемо было. Во увѣреніе чего, Мы сію ратификацію собственноручно подписали и къ оной большую Нашу Государственную печать приложить повелѣли.

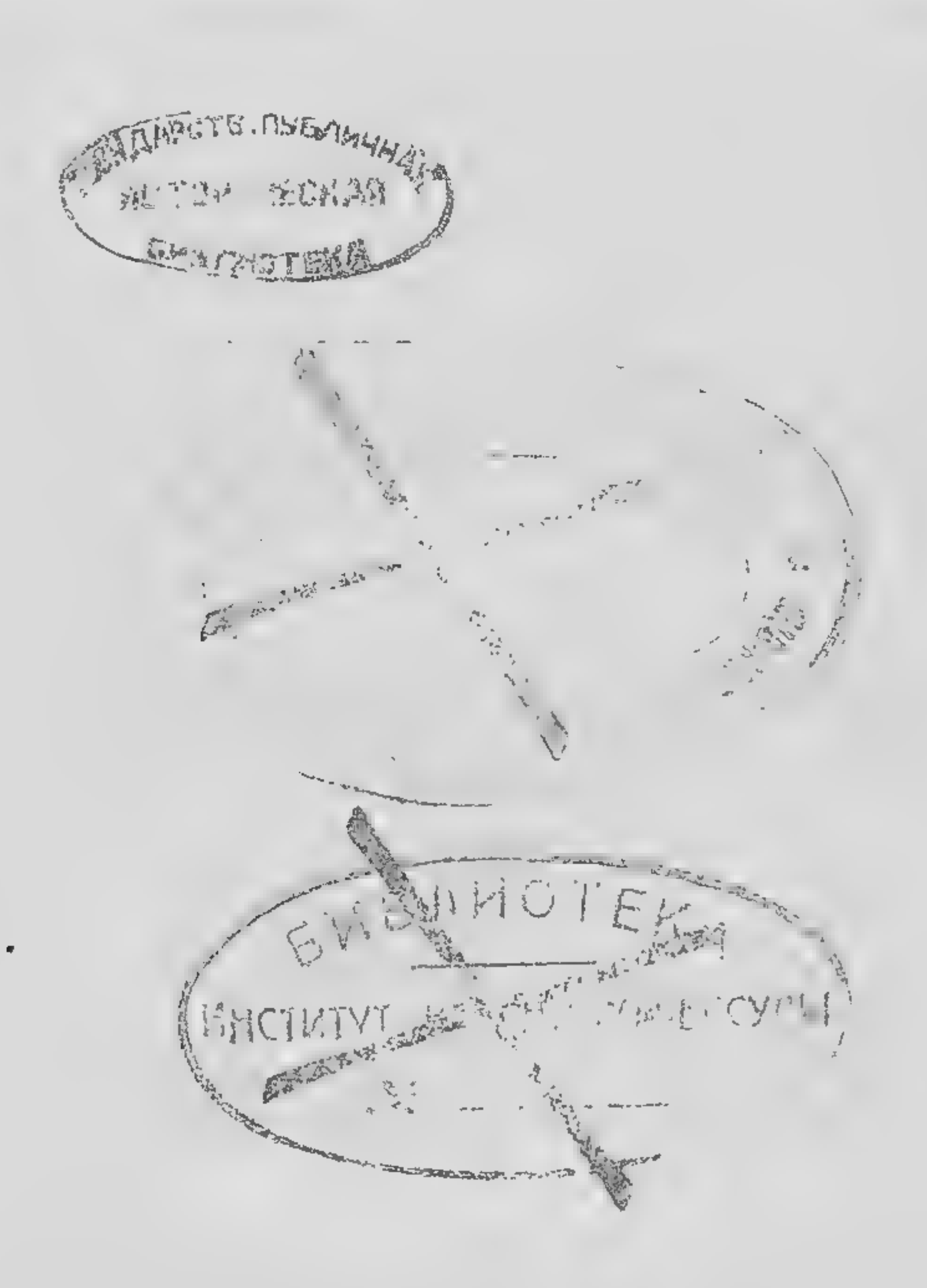
Данъ въ Царскомъ селѣ Августа въ 6 день, въ лѣто отъ Рождества Христова 1790, а Государствованія Нашего въ двадесять девятое.

Манифестъ Августа 13 (1790 г.). О заключеніи мира съ Королемъ Шведскимъ.

Объявляемъ всенародно. Богу извѣстно, коликую ощутили горесть духъ и сердце Наши, приверженныя ко благоденствію вѣрноподданнаго Намъ народа, когда съ одной стороны неправедною на Насъ войною возстала Порта Отоманская, съ другой же, съ равною незапностію на Сѣверѣ, Король Шведскій устремилъ оружіе свое въ земли Наши, областямъ его сопредѣльныя. Сугубая тягость тѣмъ паче на то время увеличивалася, что по доброй вѣрѣ Нашей къ сосѣдямъ, не подавъ имъ повода къ разрыву, и не чаявъ отъ

нихъ себѣ зла, не полагали противу онаго и своихъ ополченій, кромѣ мирному положенію обычныхъ; но при всемъ томъ обуреваемая Россія нашла въ своихъ чадахъ себѣ твердую защиту. Всѣ и каждый изъ вѣрныхъ подданныхъ Нашихъ съ усердіемъ и ревніемъ жертвовали и лично и достояніемъ ихъ въ оборону Отечества. Благодать Божія, оружію Нашему соприсущная, укрѣпила столько силы Наши, чтобъ совокупно съ ними денно и нощно исполнять всѣ труды, стекающіеся ко бдѣнію и распоряженіямъ Нашимъ на ополченіе и на самыя дѣйствія въ трехъ-лѣтнюю сію войну на зрѣлищѣ, отъ Столицы Нашей неудаленномъ. Мы и всѣ вѣрные Отечества чады неоднократно сорадовалися знаменитымъ побѣдамъ, при одержаніи которыхъ Наши морскія и сухопутныя войска прославили себя паки усердіемъ, отличными трудами и храбростію. Отъ превозможенія ихъ надъ Шведскими силами война здѣшняя воспріяла конецъ съ возстановленіемъ мира, который въ 3 день сего мѣсяца при Верелѣ уполномоченными, со стороны Нашей Генералъ-Поручикомъ Барономъ Игельстромомъ, а со стороны Его Величества Короля Шведскаго, первымъ Его Камеръ-Юнкеромъ Барономъ Армфельдомъ, безъ всякаго постороннихъ державъ участія, заключенъ и подписанъ, и 9 того же мѣсяца размѣненными взаимными Государскими ратификаціями утвержденъ, соблюдая неприкосновенную цѣлость границъ, между Имперіею Всероссійскою и Короною Шведскою до разрыва послѣдняго существовавшихъ.

Возвѣщая вѣрно-любезнымъ Нашимъ подданнымъ о таковомъ возстановленіи мира и тишины съ сосѣдомъ Нашимъ Королемъ Шведскимъ, возсылаемъ молитвы Наши къ Богу, каковы всякъ да учинитъ благодарнымъ сердцемъ, яко Творцу всѣхъ благъ.

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ

въ I томѢ.

	Напечатано.	Слѣдуетъ.
Стр. 29, заголовокъ.	*1333 г.*	*1323 г.*
— 198, строка 16 сверху.	25 августа.	23 августа.
— 198, » 2 снизу.	25 августа.	23 августа.
— 337, 2-е примѣч.	«Спренгпортенъ».	«Спренгтпортенъ».
— 433, страничн. цифр.	43.	433.

ВЫБОРГСКАЯ ГУБЕРНІЯ
ПО АБОСКОМУ МИРУ 1743 Г.
Ладожское озеро
КЕКСГОЛЬМЪ
ВЫБОРГЪ
С. ПЕТЕРБУРГЪ
НОРВЕГІЯ
АРХАНГЕЛЬСКАЯ ГУБ.
ОЛОНЕЦ
ВОДСКАЯ ПЯТИНА
С. ПЕТЕРБУРГЪ
Шлиссельбургъ (Орѣшекъ)
Петергофъ
Царское Село
Гатчина
Нарва (Ругодивъ)
Ямбургъ
ОБЪЯСНЕНІЕ.
ГРАНИЦЫ:
до 1323 г.
по Орѣховецкому и Тявзинскому договорамъ 1323 по 1595 г. г.
по Выборгскому договору 1609 г. (а б)
по Столбовскому миру 1617 г. (ff)
по Ништадтскому миру 1721 г.
по Абоскому договору 1743 г.
Старинное распредѣленіе областей.
Православные приходы и церкви.
Лютеранскіе приходы.
Пути движенія русск. войскъ въ 1808 г.
Желѣзныя дороги.
Проектированныя.
КАРТА ФИНЛЯНДІИ
СЪ ПОКАЗАНІЕМЪ ГРАНИЦЪ
РОССІИ и ШВЕЦІИ
ВЪ РАЗНОЕ ВРЕМЯ
по договорамъ, а также по картамъ русскаго генеральнаго штаба, Гермелина, Лоттера, Афъ-Кнорринга и друг.
Къ I Тому Покоренія Финляндіи К. Ордина.
Хромолитографія П. Я. Иванова, Петербургской ч. Бармалѣева ул. № 35.

2 [illegible]

6-50

